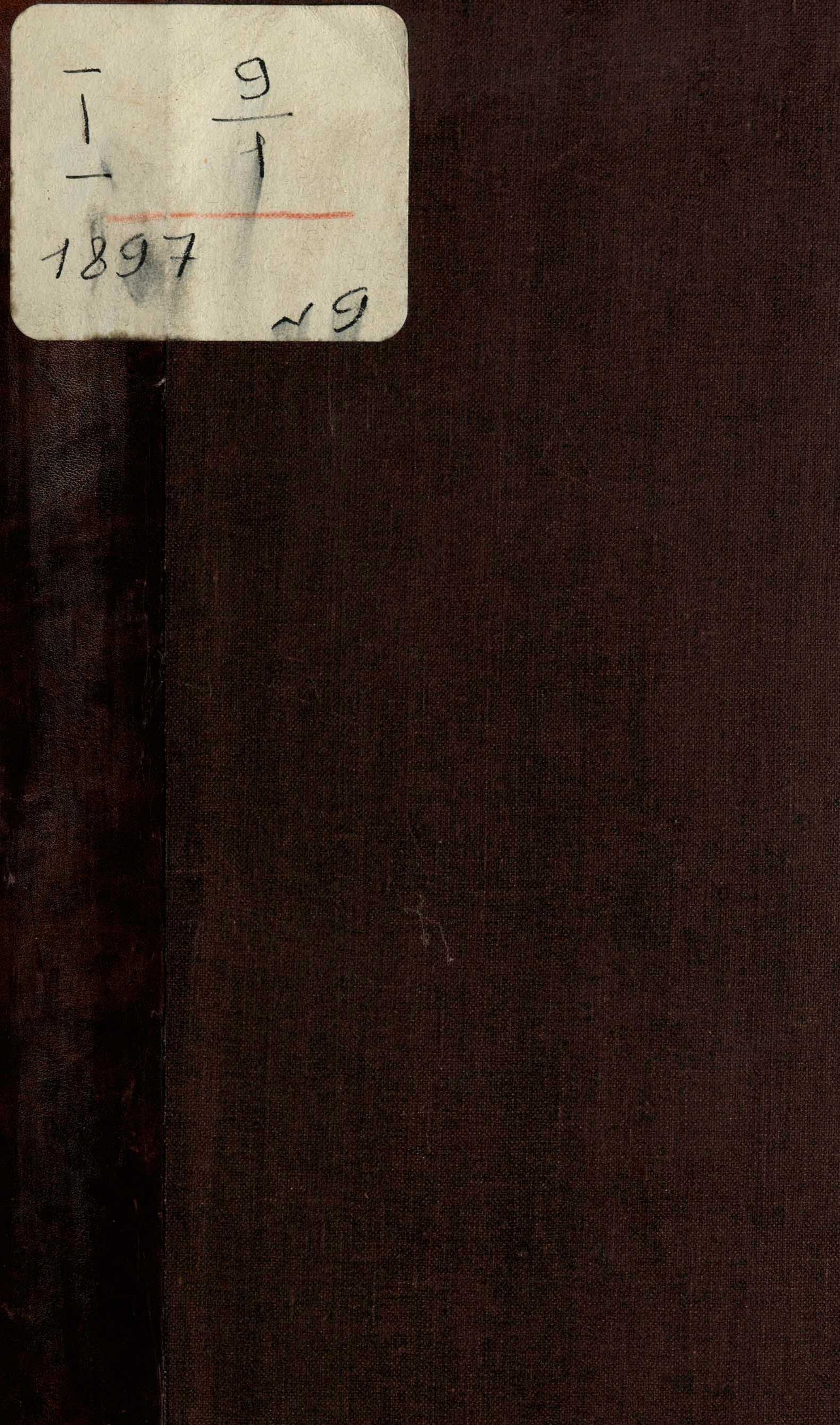

I
9
1
1897
№ 9

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ редакціи.

Редакція *Русской Мысли* предполагаетъ издавать, въ переводѣ или въ изложеніи, научныя и литературныя произведенія западно-европейскихъ и американскихъ писателей. Общую редакцію этихъ изданій взяли на себя К. А. Тимирязевъ и В. А. Гольцевъ. Въ ближайшее время имѣются въ виду слѣдующія сочиненія: Нассе и Лексиса *(Металлическія деньги и валюта)*; Пере *(Умственное воспитаніе ребенка)*; Бертло *(Наука и нравственность)*; Дюкло-Пастёръ *(Изслѣдованія о броженіи и самозарожденіи)* и др. Первая книжка **(Металлическія деньги и валюта)** и вторая **(Умственное воспитаніе ребенка)** поступили въ продажу. Цѣна по **60** коп.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА IX.

МОСКВА.

1897.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., собств. домъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ *).

Лирическая драма въ четырехъ актахъ.

Перси Биши Шелли.

Переводъ съ англійскаго.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Сцена. — Часть лѣса вблизи пещеры Прометея. — Пантея и Іона спятъ; въ теченіе первой пѣсни онѣ постепенно пробуждаются.

Голосъ незримыхъ Духовъ.

Звѣзды, блѣднѣя, ушли,
Свѣтъ ихъ потухъ;
Солнце вдали,
Ихъ быстрый пастухъ,
Въ выси голубой
Блескомъ своимъ
Гонитъ стада ихъ домой,—
Встаетъ въ глубинѣ разсвѣта,
Метеоры гаснутъ за нимъ
Въ волнахъ голубаго свѣта,
И близкія звѣзды къ далекой звѣздѣ
Спѣшатъ, отдаваясь предутреннимъ играмъ,
Толпятся, какъ лани предъ тигромъ.
Но гдѣ же вы? Гдѣ?

Длинный рядъ темныхъ Формъ и Тѣней смутно проходитъ, съ пѣніемъ.

Идемъ мы къ забвенью,
Несемъ къ погребенью

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 97 г.

Отца отошедшихъ годовъ;
Уносимъ мы въ вѣчность
Временъ безконечность,
Мы тѣни погибшихъ Часовъ.

Не зеленью тиса,
Не сномъ кипариса,
А мрачностью мертвыхъ цвѣтовъ,—
Не свѣтлой росою,—
Почтите слезою
Царя отошедшихъ Часовъ.

Скорѣе, скорѣе!
Какъ тѣни, блѣднѣя,
Бѣгутъ предъ сіяніемъ дня,
Небесной пустыней,
Бездонной и синей,
Развѣются въ брызгахъ огня,

Такъ пѣной мы таемъ,
Бѣжимъ, пропадаемъ
Предъ чадами лучшаго дня;
И вѣтры за нами
Чуть плещутъ крылами,
Чуть плещутъ, крылами звеня.

Іона. Кто тамъ шествуетъ толпой?
Пантея. То минувшіе часы
Мчатся длинною тропой
Въ свѣтѣ гаснущей росы.
Іона. Гдѣ же всѣ они?
Пантея. Ушли.
Вонъ ужъ тамъ, вдали, вдали—
Обогнали молній свѣтъ,—
Лишь сказали мы,—ихъ нѣтъ.
Іона. Ушли, но куда? Къ небесамъ? Или къ морю огромному?
Пантея. Ушли навсегда къ невозвратному, къ мертвому, къ темному.

Голосъ незримыхъ Духовъ.

Сбираются тучи и таютъ,
И звѣздныя росы блистаютъ,
Рѣдѣетъ туманъ,

Высоты безмолвны,
Всталъ Океанъ,
Пляшутъ шумящія волны;
Въ синей водѣ
Раждается грохотъ,
Паническій хохотъ.
Но гдѣ же вы? Гдѣ?
Безсмертныя сосны-громады
Поютъ вѣковыя баллады;
Ихъ голосъ могучъ,
Звенятъ ихъ вершины;
Плещется ключъ,
Музыкѣ внемлютъ долины,
Радость вездѣ,
Въ восторгѣ истомы
Раждаются громы.
Но гдѣ же вы? Гдѣ?

Іона. Кто они?
Пантея. Гдѣ они?

Полухоръ Духовъ.

Заклятія духовъ Земли и Лазури
Порвали узорное кружево сна;
Мы спали глубоко въ дыханіи бури.
Голосъ. Глубоко?
Полухоръ 2-й. Глубоко: гдѣ спитъ глубина.
Полухоръ 1-й. Надъ нами во મракѣ склонялись видѣнья,
Бѣжали столѣтья, враждою полны,
И мы открывали глаза на мгновенье,
Чтобъ встрѣтиться съ правдой—
Полухоръ 2-й. Страшнѣе, чѣмъ сны.
Полухоръ 1-й. Любовь позвала насъ, и мы задрожали,
Внимали мы лютнѣ Надежды во снѣ,
И вѣяніе Власти услышавъ, бѣжали—
Полухоръ 2-й. Какъ утромъ волна убѣгаетъ къ волнѣ.
Хоръ. Носитесь, кружитесь по склонамъ зеѳира,
Пронзайте напѣвомъ нѣмой небосводъ,
Чтобъ день торопливый не скрылся изъ міра
Въ пещерѣ полночной, за дымкою водъ.

Когда-то Часы безпощадной толпою,
Голодные, гнали испуганный день;

Теперь онъ не будетъ долиной ночною
Бѣжать, какъ бѣжитъ полумертвый олень.

Сплетемъ же, сплетемъ полнотою пѣвучей
И пѣсни и пляски въ живое звено,
Чтобъ духи блаженства, какъ радуга съ тучей,
Съ Часами сливались.

Голосъ. Сливались въ одно.

Пантея. Толпятся духи разума людского,
Закутаны, какъ въ свѣтлую одежду,
Въ гармонію напѣвовъ неземныхъ!

Хоръ Духовъ. Въ восторгѣ своемъ
Мы пляшемъ, поемъ,
И дикіе вихри свистятъ;
Такъ съ птичьей толпой
Надъ бездной морской
Летучія рыбы летятъ.

Хоръ Часовъ. Откуда вы мчитесь? Безуменъ вашъ взглядъ!
На вашихъ сандаліяхъ искры горятъ,
Стремительны крылья, какъ мысли полетъ,
Во взорахъ любовь никогда не умретъ!

Хоръ Духовъ. Изъ людского ума,
Гдѣ сгущалася тьма,
Гдѣ была слѣпота безъ просвѣта;
Тамъ растаялъ туманъ,
Тамъ теперь океанъ,
Небеса безграничнаго свѣта.

Изъ глубокихъ пучинъ,
Гдѣ лишь свѣтъ — властелинъ,
Гдѣ дворцы и пещеры — хрустальны,
Гдѣ съ воздушныхъ высотъ
Вьется думъ хороводъ,
Гдѣ Часы навсегда безпечальны.

Изъ нѣмыхъ уголковъ,
Гдѣ въ прозрачный альковъ
Никогда не заглянутъ измѣны;
Изъ лазурной тиши,
Гдѣ улыбки души
Зачаруютъ, какъ пѣсня сирены.

Гдѣ Поэзіи свѣтъ,
Гдѣ Скульптуры привѣтъ,
Гдѣ Наука, вздохнувъ отъ усилья,
Ключевою водой
И росой молодой
Освѣжаетъ Дедаловы крылья.

За годами года
Намъ грозила бѣда,
И съ тоскою мы ждали блаженства,
Но въ травѣ островов
Было мало цвѣтовъ,
Полумертвыхъ цвѣтовъ совершенства.

А теперь нашъ полетъ
Человѣческій родъ
Орошаетъ бальзамомъ участья,
И любовь изъ всего
Создаетъ торжество,
Создаетъ элизійское счастье.

Хоръ Духовъ и Часовъ.

Сплетемте-жъ узоры мелодій пѣвучихъ;
Съ небесныхъ глубинъ, отъ предѣловъ земли
Придите, о, духи восторговъ могучихъ,
Чтобъ пѣсни и пляски устать не могли,
Какъ дождь между молній проворныхъ и жгучихъ,
Мы будемъ блистать въ золотистой пыли,
Мы будемъ какъ звуки поющаго грома,
Какъ волны, какъ тысячи брызгъ водоема.

Хоръ Духовъ. Мы закрытую дверь
Отомкнули теперь,
Мы свободны, свободны, какъ птицы;
По высотамъ летимъ,
За звѣздою слѣдимъ,
Догоняемъ сверканье зарницы.

Мы уходимъ за грань;
Многозвѣздную ткань
Разрываемъ въ бездонной лазури;
Смерть, и Хаосъ, и Ночь
Устремляются прочь,
Какъ туманъ отъ грохочущей бури.

Нашъ могучій полетъ
Всѣмъ Дыханье даетъ,
И Любовь улыбается Нѣгѣ;
Звѣздъ играющій рой,
Свѣтъ, и Воздухъ съ Землей
Сочетаются въ огненномъ бѣгѣ.

Въ пустотѣ мы поемъ
И чертогъ создаемъ,
Будетъ Мудрость царить въ немъ, свѣтлѣя;
Возрожденья хотимъ,
Новый міръ создадимъ,
Назовемъ его сномъ Прометея.

Хоръ Часовъ. Разсыпьте, какъ жемчугъ, гармонію словъ,
Одни оставайтесь, умчитесь другіе;
Полухоръ 1-й. Насъ манитъ за небо, за ткань облаковъ;
Полухоръ 2-й. Насъ держатъ, къ намъ ластятся чары земныя;
Полухоръ 1-й. Мы быстры, мы дики, свободны во всемъ,
Мы новую землю мечтой создаемъ,
У неба не просимъ отвѣта;
Полухоръ 2-й. Мы шествуемъ тихимъ и яснымъ путемъ
И Ночь обгоняемъ, и День мы ведемъ,
Мы — геніи чистаго свѣта;
Полухоръ 1-й. Мы вьемся, поемъ,—и являются сномъ
Деревья, и звѣри, и тучи кругомъ,
И въ хаосѣ дышатъ видѣнья;
Полухоръ 2-й. Мы вьемся вокругъ океановъ земли,
И горы, какъ тѣни, подъ нами легли,—
Созвучія нашего пѣнья.

Хоръ Часовъ и Духовъ.

Разсыпьте, какъ жемчугъ, гармонію словъ,
Одни оставайтесь, умчитесь другіе;
Для нѣжной любви мы сплетаемъ покровъ,
Мы всюду несемъ откровенія сновъ,
Несемъ облака дождевыя.

Пантея. Они ушли!
Іона. Но развѣ ты не слышишь,
Какъ дышитъ сладость нѣжности минувшей?
Пантея. О, слышу! Такъ зеленые холмы
Смѣются милліономъ свѣтлыхъ капель,
Когда гроза, промчавшись, отзвучитъ.

Іона. И вновь, пока бесѣда наша длится,
Кругомъ встаютъ иныя сочетанья
Пѣвучихъ звуковъ.
Пантея. То напѣвъ чудесный,
То музыка грохочущаго міра,
Летящаго по воздуху нѣмому
И въ вѣтрѣ зажигающаго звуки
Эоловыхъ мелодій.
Іона. Слушай, слушай!
Еще звучатъ стихающіе звуки,
Пронзительно-сребристые напѣвы;
Чаруютъ душу, съ чувствами живутъ
Однимъ созвучьемъ братскимъ, точно звѣзды,
Что въ воздухѣ зимы кристальной свѣтятъ,
Глядя на ликъ свой въ зеркалѣ морей.
Пантея. Но видишь, тамъ, среди вѣтвей нависшихъ
Раздвинулись прогалины въ лѣсу,
Средь мховъ густыхъ съ фіалками сплетенныхъ,
Одинъ ручей раскинулъ два теченья,
И два ключа спѣшатъ, какъ двѣ сестры,
Чтобъ встрѣтиться съ улыбкой послѣ вздоховъ.
Тамъ два видѣнья въ блескѣ непонятномъ
Плывутъ въ волнахъ магическихъ мелодій,
Что все звончѣй, настойчивѣй звучатъ
Во мглѣ земли, въ безвѣтріи лазури.
Іона. Я вижу, колесница быстро мчится
Какъ та ладья тончайшая, въ которой
По тающимъ волнамъ глубокой ночи
Мать мѣсяцевъ уносится на Западъ,
Когда встаетъ отъ междулунныхъ сновъ,
Обвѣянныхъ покровомъ нѣжной дымки,
И темные холмы, лѣса, долины
Отчетливо изъ этой мглы растутъ,
Какъ тѣни въ свѣтломъ зеркалѣ у мага;
Ея колеса—тучи золотыя,
Подобныя громадамъ разноцвѣтнымъ,
Что геніи громовъ молніеносныхъ
Надъ моремъ озареннымъ громоздятъ,
Въ тотъ часъ, какъ солнце ринется за волны;
Какъ будто вѣтромъ внутреннимъ гонимы,
Они растутъ, и катятся, и блещутъ;

Внутри сидитъ крылатое дитя,
Его лицо блистаетъ бѣлизною
Нетронутаго снѣга; перья крыльевъ—
Какъ пухъ мороза въ солнечныхъ лучахъ;
Изъ складокъ перламутровой одежды,
Воздушно-бѣлой, дышитъ красота
Лучисто-бѣлыхъ членовъ; кудри—бѣлы,
Какъ бѣлый свѣтъ, разсыпанный по струнамъ,
Но взоръ двухъ глазъ—два неба влажной тьмы,
Какъ будто Божество туда излилось,
Какъ буря изливается изъ тучъ;
И стрѣльчатыхъ рѣсницъ густыя тѣни
Холодный свѣтлый воздухъ умягчаютъ;
Въ рукѣ того крылатаго дитяти—
Дрожащій лунный лучъ; съ его конца,
Какъ кормчій, сходитъ правящая сила,
Ведя по тучамъ эту колесницу,
Межъ тѣмъ какъ тучи мчатся надъ травой,
Надъ царствомъ волнъ, цвѣтовъ, и будятъ звуки
Нѣжнѣй, чѣмъ звонъ поющаго дождя.

Пантея. А изъ другой прогалины стремится,
Съ гармоніей кружащихся циклоновъ,
Иная сфера,—сотни тысячъ сферъ
Какъ будто въ ней вращаются,—кристаллы
Могли бы съ ней по плотности сравниться,
Но сквозь нее, какъ сквозь просторъ пустой,
Плыветъ сіянье, музыка: я вижу,
Какъ тысячи круговъ, одинъ въ другомъ,
Одинъ легко летящій изъ другого,
Сплетаются, пурпурно-золотые,
Лазурные, играющіе свѣтомъ
То бѣлымъ, то зеленымъ; сфера въ сферѣ;
И каждое пространство между ними
Населено нежданными тѣнями,
Какія снятся духамъ въ глубинѣ
Безжизненныхъ просторовъ, чуждыхъ свѣта;
Но каждая изъ тѣхъ тѣней прозрачна,
И всѣ онѣ вращаются, кружатся,
Въ богатствѣ направленій разнородныхъ,
На тысячѣ незримыхъ тонкихъ осей,
И съ силой быстроты въ себѣ самой

Рождающей и гибель и начало,
Настойчиво, торжественно стремятся,
И смѣшанностью звуковъ зажигаютъ
Разумность словъ, безуміе напѣвовъ;
Вращеніемъ могучимъ сложный шаръ,
Какъ жерновомъ, захватываетъ воды
Блестящаго ручья, дробитъ ихъ мелко,
Изъ нихъ лазурный дѣлаетъ туманъ—
На свѣтъ похожей тонкости стихійной;
И дикій ароматъ лѣсныхъ цвѣтовъ,
Богатство пѣсенъ воздуха, деревьевъ,
Живыхъ стеблей, листовъ переплетенныхъ
Съ ихъ свѣтомъ переливно-изумруднымъ,
Вкругъ этой напряженной быстроты,
Въ себѣ самой преграду находящей,
Сливаются легко въ одну воздушность,
Гдѣ тонутъ чувства. Въ самомъ центрѣ шар
Склонясь на алебастровыя руки,
Свернувши крылья, кудри разметавъ,
Забылся Духъ Земли въ дремотѣ сладкой—
Усталое и нѣжное дитя—
Едва лепечутъ маленькія губы,
Въ невѣрномъ свѣтѣ собственныхъ улыбокъ,
И чудится, что шепчетъ онъ о томъ,
Чтò любитъ въ сновидѣніи.

Іона. Онъ только
Гармоніи всей сферы подражаетъ.

Пантея. Съ его чела звѣзда струитъ лучи,
Подобные мечамъ огнисто-синимъ
И копьямъ золотымъ, переплетеннымъ
Съ листами кроткой мирты—символъ мира
Земли и неба, слитыхъ во-едино—
Огромные лучи, какъ будто спицы
Колесъ незримыхъ,—кружатся они
Съ круженьемъ сферы; молніи трепещутъ,
Летятъ, бѣгутъ, пространство заполняютъ,
Здѣсь косвенны они, а тамъ отвѣсны,
Огнемъ пронзаютъ сумрачную почву,
И грудь земли разоблачаетъ тайны;
Виднѣются безъ счета рудники,
Въ нихъ слитки золотые, брилліанты,

Игра камней невиданныхъ, безцѣнныхъ,
Пещеры на столбахъ изъ хрусталя,
Съ отдѣлкой изъ серебряныхъ растеній,
Бездонные колодцы изъ огня,
Ключи прозрачной влажности, кормильцы
Своихъ дѣтей—морей необозримыхъ,
Сплетающихъ свои пары въ узоры—
Царямъ земли, вершинамъ горъ, покрытымъ
Воздушностью нетронутыхъ снѣговъ,
Одеждою изъ царскихъ горностаевъ;
Лучи горятъ, и въ блескѣ ихъ встаютъ
Умершихъ цикловъ скорбныя руины;
Вонъ якори, обломки кораблей;
Вонъ доски превратившіяся въ мраморъ;
Колчаны, шлемы, копья; рядъ щитовъ,
Съ верхушками—какъ голова Горгоны;
Украшенныя рѣжущей косою,
Военныя повозки; цѣлый міръ
Знаменъ, трофеевъ, битвенныхъ животныхъ,
Вкругъ чьей толпы смѣялась смерть; эмблемы
Погибшія умершихъ разрушеній,
Развалина въ развалинѣ! Обломки
Обширныхъ населенныхъ городовъ,
Чьи жители, засыпанные прахомъ,
Когда-то были, двигались и жили
Толпой нечеловѣческой, хоть смертной;
Лежатъ изображенья страшныхъ дѣлъ,
Раскинуты ихъ грубые скелеты,
Ихъ статуи, ихъ капища, дома:
Объятыя сѣдымъ уничтоженьемъ,
Чудовищныя формы, другъ на другѣ,
Другъ другомъ сжаты, стиснуты, разбиты,
Въ угрюмой, безпощадной глубинѣ;
Другіе сверху видятся скелеты
Крылатыхъ и невѣдомыхъ существъ,
Скелеты рыбъ, что были островами
Подвижной чешуи,—цѣпей когтистыхъ,
Гигантскихъ змѣй,—одни изъ нихъ свились
Вкругъ черныхъ скалъ,—другіе, въ смертныхъ мукахъ
Своею извивающейся мощью
Испепеливъ желѣзные утесы,

Застыли въ грудахъ праха; въ высотѣ
Виднѣется зубчатый аллигаторъ,
И землю потрясавшій бегемотъ;
Среди звѣрей они царями были
И, точно черви въ лѣтній день на трупѣ,
Плодились въ вязкомъ илѣ, разножались
На берегахъ, средь исполинскихъ травъ,
До той поры, когда потопъ, сорвавшись
Со свода голубого, задушилъ ихъ
Одеждою текучей, между тѣмъ какъ,
Разинувъ пасть, они пугали воздухъ
Пронзительнымъ, протяжно-дикимъ воплемъ,
Иль можетъ быть до той поры, когда
Промчался богъ какой-нибудь по небу,
На огненной кометѣ пролетѣлъ
И крикнулъ: «Да не будетъ ихъ!»—И вотъ ужъ,
Какъ этихъ словъ, ихъ въ мірѣ больше нѣтъ.

Земля. Восторгъ, безумье, счастье, торжество!
Безбреженъ блескъ блаженства моего!
Я вся горю, дрожу отъ изступленья!
Во мнѣ для муки мѣста нѣтъ,
Меня, какъ тучу, обнялъ свѣтъ,
Уноситъ бури дуновенье.

Луна. О, счастливая сфера земли,
Братъ спокойно бѣгущій вдали,
Отъ тебя устремляется Духъ изъ огня,
Онъ пѣвучъ, онъ могучъ, онъ подобно ручью
Проникаетъ въ замерзшую сферу мою,
Онъ проходитъ, любя, и дыша, и звеня,
Сквозь меня, сквозь меня!

Земля. Мои пещеры, долы, склоны горъ,
Мои ключи, бѣгущіе въ просторъ,
Грохочутъ побѣдительностью смѣха;
Вулканы вторятъ имъ, горя,
Пустыни, тучи и моря
Имъ шлютъ хохочущее эхо.
Они кричатъ: Проклятіе всегда
Пугало насъ; намъ грезилась бѣда,
Зловѣщая угроза разрушенья;
Земля дрожала, и надъ ней
Изъ тучъ свергался дождь камней,

Живому несъ уничтоженье.
Чума плыла вездѣ, во всѣ концы;
Соборы, обелиски, и дворцы,
И сонмы горъ, окутанныхъ лавиной,
Листы, прильнувшіе къ вѣтвямъ,
Лѣса, подобные морямъ,
Казались мертвенной трясиной.
О, счастіе! Уничтоженьемъ зло
Исчерпано; растаяло, прошло;
Все выпито, какъ стадомъ ключъ въ пустынѣ;
И небеса уже не тѣ,
И въ безпредѣльной пустотѣ
Любовь—любовь горитъ отнынѣ.

Луна. Снѣга на моихъ помертвѣлыхъ горахъ
Превратились въ ручьи говорящіе,
Мои океаны сверкаютъ въ лучахъ,
Гремятъ, какъ напѣвы звенящіе.
Духъ загорѣлся въ груди у меня,
Что-то раждается, нѣжно звеня,
Духъ твой, согрѣтый въ кипучемъ огнѣ,
Дышитъ на мнѣ,—
На мнѣ!

Въ равнинахъ моихъ выростаютъ цвѣты,
И зеленые стебли качаются,
Въ лучахъ изумрудныхъ твоей красоты
Влюбленныя тѣни встрѣчаются.
Музыкой дышитъ мой воздухъ живой,
Море колышетъ просторъ голубой,
Тучи, растаявъ, сгущаются вновь,
Это—любовь,-
Любовь!

Земля. Всѣ камни, весь гранитъ проникнутъ ей,
Узлы глубокихъ спутанныхъ корней,
Листы, что чуть трепещутъ на вершинахъ;
Она проносится въ вѣтрахъ,
Живетъ въ забытыхъ мертвецахъ,
Въ никѣмъ незнаемыхъ долинахъ.
И какъ гроза изъ облачной тюрьмы
Гремитъ, встаетъ, взрывается изъ тьмы,—
Болото мысли, спавшее отъ вѣка,

Огнемъ любви возмущено,
И страхъ съ тоскою за одно
Бѣгутъ, бѣгутъ отъ человѣка.
Многостороннимъ зеркаломъ онъ былъ
И столько отраженій извратилъ;
Теперь любовь не смята въ немъ обманомъ,
Теперь душа съ душой людской,
Какъ небо съ бездною морской
Горятъ единымъ океаномъ.
Ребенокъ зачумленный такъ идетъ
За звѣремъ заболѣвшимъ, все впередъ,
Къ расщелинѣ, гдѣ ключъ цѣлебный блещетъ,
И возвращается домой,
Здоровый, розовый, живой,
И мать рыдаетъ и трепещетъ.
Теперь душа людей слилась въ одно—
Любви и мысли мощное звено,
И властвуетъ надъ сонмомъ силъ природныхъ,
Какъ солнце въ безднѣ голубой
Царемъ блистаетъ надъ толпой
Планетъ и всѣхъ свѣтилъ свободныхъ.
Изъ многихъ душъ единый духъ возникъ,
Въ себѣ самомъ всему нашелъ родникъ,
Въ немъ все течетъ, сливаясь на просторѣ,
Какъ всѣ потоки, всѣ ручьи
Несутъ теченія свои
Въ неисчерпаемое море.
Обычныхъ дѣлъ знакомая семья
Живетъ въ зеленой рощѣ бытія,
И новыя въ нихъ краски заблистали;
Никто не думалъ никогда,
Чтобъ скорбь и тягости труда
Когда-нибудь такъ лёгки стали.
Людская воля, страсти, мракъ заботъ
Слились, преображенныя, и вотъ
Корабль крылатый мчится океаномъ,
Любовь на немъ какъ рулевой,
Волна звучитъ, растетъ прибой
И манитъ къ новымъ дикимъ странамъ.
Все въ мірѣ признаетъ людскую власть,
На мраморѣ запечатлѣлась страсть,

И въ краскахъ спятъ людскихъ умовъ мечтанья,
Изъ свѣтлыхъ нитей—для дѣтей—
Сплетаютъ руки матерей
Живыя ткани одѣянья.
Людской языкъ—орфическій напѣвъ,
И мысли внемлютъ звукамъ, присмирѣвъ,
Растутъ по зову стройныхъ заклинаній,
И громъ изъ дальнихъ облаковъ
Гремитъ въ отвѣтъ на звучный зовъ
И ждетъ послушно приказаній.
И взоромъ человѣка сочтены
Всѣ звѣзды многозвѣздной глубины,
Онѣ идутъ покорными стадами;
И бездна къ небу говоритъ:
«И твой, и твой покровъ раскрытъ!
Людская мысль царитъ надъ нами!»

Луна. Наконецъ отъ меня отошла
Бѣлой смерти упорная мгла,—
Мой могильный покровъ
Мертвыхъ сновъ и снѣговъ;
И въ зеленой пустынѣ моей молодой,
Обнимаясь, идетъ за счастливой четой
Молодая чета;
И хоть въ дѣтяхъ твоихъ дышитъ высшая власть,
Но въ сердцахъ у моихъ—та же нѣга и страсть,
И одна красота.

Земля. Какъ теплое дыханіе зари,
Обнявъ росу, живитъ ея кристалы,
И золотомъ пронзаетъ янтари,
И ласки дня властительны и алы,
И мчится ввысь крылатая роса,
Скитается, воздушна и лучиста,
До вечера не броситъ небеса,
Весь день виситъ руномъ изъ аметиста,—

Луна. Такъ и ты лежишь, объята
Блескомъ радостей безпечныхъ —
Своего же аромата
И своихъ улыбокъ вѣчныхъ.
Сколько есть свѣтилъ небесныхъ,—
Всѣ тебѣ струятъ сіянье,
Изъ лучей плетутъ чудесныхъ

Золотое одѣянье.
И богатствомъ свѣтлой сферы
Ты струишь потокъ огня,
Ты лучи свои безъ мѣры
Проливаешь на меня.

Земля. Вращаюсь я надъ пирамидой ночи,
Она горитъ въ лазури гордымъ сномъ,
Глядитъ въ мои восторженныя очи,
Чтобъ я могла упиться торжествомъ;
Такъ юноша, въ любовныхъ снахъ вздыхая,
Лежитъ подъ тѣнью прелести своей,
И нѣжится, и слышитъ пѣсни рая,
Подъ грѣющей улыбкою лучей.

Луна. Когда на влюбленныхъ дрожащихъ устахъ
Въ затменіи сладкомъ съ душою сойдется душа,
Темнѣетъ огонь въ лучезарныхъ глазахъ,
И гордое сердце дрожитъ, не дыша;
Когда на меня упадетъ отъ тебя
Широкая тѣнь, я твоей красотой смущен.
Молчу и дрожу, замираю, любя!
Тобою полна! О, до боли полна!
Сфера жизни, ты блистаешь
Самой свѣтлой красотой,
Ты вкругъ солнца пролетаешь
Изумрудною звѣздой;
Міръ восторговъ повсемѣстныхъ
И непознанныхъ чудесъ,
Межъ свѣтильниковъ небесныхъ
Ты избранница небесъ;
Притягаетъ лучезарный,
Твой побѣдный, властный видъ,
Какъ влечетъ Эдемъ полярный
И любимыхъ глазъ магнитъ;
Подъ тобою я кристальна,
Я невѣстой создана,
Отъ блаженныхъ сновъ печальна,
До безумья влюблена;
Ненасытно я взираю
На тебя со всѣхъ сторонъ,
Какъ вакханка умираю,
Мой восторгъ завороженъ;

Такъ въ исполненныхъ прохлады,
Дивныхъ Кадмовыхъ лѣсахъ
Собиралися Менады
И кружились въ сладкихъ снахъ.
О, куда бы ты ни мчалась,
Я должна спѣшить во слѣдъ,
Лишь бы ты мнѣ улыбалась,
Лишь бы твой увидѣть свѣтъ;
Въ безпредѣльности пространства
Я пріютъ себѣ нашла,
Отъ тебя свое убранство,
Красоту свою взяла,
Отъ тебя мой блескъ исходитъ,
Я слилась съ душой твоей,—
Какъ влюбленная походитъ
На того, кто дорогъ ей,—
Какъ, въ окраскѣ измѣняясь,
Вѣчно слитъ хамелеонъ
Съ тѣмъ, гдѣ дышитъ онъ, скрываясь,—
Съ тѣмъ, на что взираетъ онъ,—
Какъ фіалка голубѣетъ,
Созерцая даль небесъ,—
Какъ туманъ рѣчной темнѣетъ,
Если смолкъ вечерній лѣсъ,
Если солнце отблистаетъ
И на склонахъ горъ темно.

Земля. И угасшій день рыдаетъ,
Отчего такъ быть должно.
Луна! Луна! Твой голосъ нѣгой дышитъ,
Моя душа его съ отрадой слышитъ,
И въ тотъ же мигъ волна ладью колышетъ
Средь острововъ, навѣкъ спокойныхъ.
Луна! Луна! Съ мелодіей кристальной
Пришелъ покой къ моей пещерѣ дальной,
Бальзамъ отрады сладостно-печальной
Для вспышекъ тигровыхъ и знойныхъ.

Пантея. Мнѣ чудится, я только-что купалась
Межь темныхъ скалъ, среди лазурной влаги,
Игравшей переливами сіянья,
Въ потокѣ звуковъ.

Іона. Милая сестра,

Мнѣ больно,—звуки прочь отъ насъ умчались,
И правда, можно было бы подумать,
Что вышла ты изъ тѣхъ пѣвучихъ волнъ:
Твои слова струятся нѣжной, ясной
Росой, какъ капли съ влажныхъ членовъ нимфы,
Когда она выходитъ изъ воды.

Пантея. О, замолчи! Властительная Сила,
Какъ мракъ, встаетъ изъ самыхъ нѣдръ земли,
И съ неба ночь густымъ дождемъ струится,
Нахлынуло изъ воздуха затменье,
И свѣтлыя видѣнія, въ чьемъ лонѣ
Бродили съ пѣньемъ радостные духи,
Горятъ подобно блѣднымъ метеорамъ
Въ дождливую погоду.

Іона. Чувство словъ
Дрожитъ въ моихъ ушахъ.

Пантея. То звукъ всемірный!
Какія-то слова звучатъ! Внемли.

Демогоргонъ. Земля, спокойно-свѣтлая держава,
Тѣней и звуковъ стройная краса,
Блаженная, божественная слава,
Любовь, чьимъ свѣтомъ полны небеса!

Земля. Я слышу твой призывъ: я меркну, какъ роса!

Демогоргонъ. Луна, чей взглядъ взираетъ съ удивленьемъ
На Землю въ часъ ночной, когда она
Исполнена спокойнымъ восхищеньемъ,
Увидя, какъ свѣтло горитъ луна!

Луна. Я слышу: я какъ листъ дрожащій смущена!

Демогоргонъ. Цари свѣтилъ, Воздушные Престолы,
Союзъ Боговъ и Демоновъ, предъ кѣмъ
Раскинуты безвѣтренные долы!
Пустынныхъ звѣздъ заоблачный Эдемъ!

Голосъ съ высоты. Мы слышимъ твой призывъ: равно мы свѣтимъ всѣмъ.

Демогоргонъ. Герои отошедшихъ лѣтъ, нѣмые,
Должны-ль вы были въ смерти утонуть,
Какъ часть вселенной, Или какъ живые—

Голосъ снизу. Мѣняемся и мы, уходимъ въ новый путь!

Демогоргонъ. Вы, геніи стихійные, чьи хоры,
Умы людей звѣздою замѣнивъ,
Уносятся въ небесные соборы,

На днѣ морей питаютъ волнъ порывъ!
Смутный голосъ. Мы слышимъ: пробудилъ Забвенье твой призывъ.
Демогоргонъ. Вы, духи, чьи дома—живое тѣло!
Вы, звѣри, птицы, рыбы, рой цвѣтовъ,
Туманы, тучи дальняго предѣла,
Стада падучихъ звѣздъ, услышьте зовъ!
Голосъ. Твой кличъ для насъ звучитъ, какъ долгій шумъ лѣсовъ.
Демогоргонъ. Отъ древнихъ дней, мучитель и страдалецъ,
Былъ человѣкъ обломкомъ; глубока
Была его печаль; то былъ скиталецъ,
Сквозь мракъ ночной его вела тоска.
Всѣ. Пророчествуй: тебѣ внимаютъ всѣ вѣка.
Демогоргонъ. Вотъ день, избранникъ времени счастливый!
Его заклятьемъ вызвалъ Сынъ Земли,
Чтобъ люди видѣть счастіе могли;
Любовь съ престола власти терпѣливой,
Побѣдоносная, сошла
И собрала свои усилья.
На боль живого пролила
Благословенье изобилья,
Простерла надо всѣмъ врачующія крылья.

Терпѣнье, Мудрость, Нѣжность, Доброта—
Печать надъ тѣмъ, въ чемъ скрыто Разрушенье;
И если Вѣчность, мать уничтоженья,
Растворитъ дверь, гдѣ дремлетъ темнота,
Освободитъ змѣю измѣны
И кинетъ въ міръ чуму, какъ бичъ,
Желайте лучшей перемѣны,
Пошлите въ воздухъ звучный кличъ,—
Вотъ чары, чтобъ опять гармоніи достичь:

Не вѣрить въ торжество несовершенства;
Прощать обиды, черныя, какъ ночь;
Упорствомъ невозможность превозмочь;
Терпѣть, любить; и такъ желать блаженства,
Что Солнце вспыхнетъ сквозь туманъ
И обезсилѣетъ отрава,—
Надъ этимъ образъ твой, Титанъ,
Лишь въ этомъ Жизнь, Свобода, Слава,
Побѣда Красоты, лучистая Держава!

К. Бальмонтъ.

ОНА.

(Изъ заброшенныхъ тетрадей).

Она съ неумолимою жаждою добивалась того, чтобы на нее указывали пальцами и говорили: вотъ она!

У. Э. Гладстонъ.

I.

...Мнѣ нездоровится, работа валится изъ рукъ, читать лѣнь... Погода стоитъ отвратительная: вѣтеръ неистово завываетъ въ трубахъ и осеннее, мрачное, безъ проблеска свѣта, небо способно хоть кого привести въ уныніе.

Не знаю, почему вдругъ я вспомнилъ о *ней* и мнѣ непремѣнно захотѣлось разсказать объ этой странной женщинѣ,—симпатичной или нѣтъ, судить не мнѣ, но во всякомъ случаѣ... странной.

Я сталкивался съ нею три раза въ жизни, въ четвертый разъ... Но къ чему забѣгать впередъ,—начну съ перваго.

Мнѣ было двадцать лѣтъ. Студентъ второго курса, довольно миловидный юноша, я упорно боролся съ присущими моему возрасту жизнерадостностью и оптимизмомъ, старался быть скептикомъ, зачитывался Дарвиномъ и, желая блеснуть своею начитанностью, кстати и некстати, цитировалъ безъ разбора то Спенсера, то Льюиса, то Дрепера, увлекаясь скорѣе количествомъ прочитанныхъ серьезныхъ книгъ, чѣмъ постигая на самомъ дѣлѣ ихъ сущность. Однако молодость брала свое. Недавнее производство во взрослые давало себя знать. Мнѣ иногда хотѣлось попросту болтать съ хорошенькими барышнями, хохотать до упаду, дурить безсмысленно и беззаботно. Я забывалъ тогда свою важность студента второго курса, бросалъ въ сторону всякіе анализы и, не мудрствуя лукаво, предавался радостямъ жизни. Въ одну изъ подобныхъ минутъ вспомнился мнѣ домъ нѣкоего профессора, гдѣ по воскресеньямъ соби-

ралось много нашего брата—молодежи; вечера обыкновенно оканчивались танцами. Я не былъ тамъ уже съ годъ. Дочери хозяина дома—гимназистки, изъ которыхъ одной было шестнадцать, другой всего четырнадцать лѣтъ, казались мнѣ и слишкомъ юными для моего двадцатилѣтняго возраста, и недостаточно развитыми. «Дѣвчонки»... дразнилъ я обыкновенно своего брата, тоже еще гимназиста 8 класса, сильно увлеченнаго старшей изъ сестеръ. Какъ бы то ни было, но въ одинъ изъ воскресныхъ вечеровъ потянуло меня поѣхать туда къ величайшей радости моего брата.

Когда мы вошли въ залъ, онъ былъ уже полонъ народомъ. Шумѣли, хохотали. Хозяйка дома привѣтливо поднялась намъ навстрѣчу.

— Откуда вы? Вотъ хорошо сдѣлали, что наконецъ явились! — весело щебетали обѣ ея дочери, увлекая насъ въ уголъ комнаты, гдѣ вокругъ большого круглаго стола засѣдала молодежь.

— Сейчасъ же примемся за дѣло: мы играемъ въ petits jeux.

Меня помѣстили возлѣ худощавой дѣвочки лѣтъ шестнадцати съ вьющимися рыжими волосами.

— Вотъ противная-то, — подумалъ я, разсматривая цѣлый каскадъ кудрей, разсыпавшихся по плечамъ и ореоломъ окружавшихъ маленькое блѣдное личико. Но вдругъ мое впечатлѣніе измѣнилось въ пользу моей сосѣдки, на меня взглянули ея глаза. Темно-сѣрые, съ острымъ металлическимъ блескомъ, то были удивительные глаза, глаза живого сфинкса, какіе-то проникновенные, и грустные, и насмѣшливые, и нѣжные въ одно и то же время.

За столомъ писали билетики, на которыхъ каждый выражалъ свое желаніе. Задача одного изъ играющихъ, ушедшаго въ другую комнату, заключалась въ томъ, чтобъ угадать чье-нибудь желаніе. Очередь пала и на меня. Шагая, по прилегающей къ залу небольшой гостиной, я дѣлалъ тысячу предположеній о томъ, что именно можетъ написать «рыжая русалка», какъ окрестилъ я мысленно свою сосѣдку.

Меня позвали въ залъ. Одна изъ юныхъ хозяекъ, плутовски улыбаясь, подала мнѣ блюдце со свернутыми въ трубочки билетиками. Я началъ развертывать квадратныя бумажки, исписанныя самыми разнообразными почерками. «Быть розой»... читалъ я наивную, чтобы не сказать больше, фразу, а мысль моя подсказывала мнѣ: нѣтъ, нѣтъ—это не то!... «Богатства»... «Жить въ Австраліи»... «Попасть на Марсъ»... «Найти кладъ»... «Быть Геростратомъ».

Точно что подтолкнуло меня и, весь вспыхнувъ, я протянулъ ей билетикъ. Она вспыхнула тоже.

За этой игрой послѣдовала другая, за той опять новая, и все завершилось, наконецъ, танцами, въ самый разгаръ которыхъ насъ позвали ужинать.

Во время ужина я постарался занять мѣсто возлѣ «рыжей русалки». Я ломалъ себѣ голову, пріискивая тему для разговора, при томъ такую, чтобъ я могъ блеснуть умомъ и солидностью передъ своей дамой.

— Вы въ которомъ классѣ?—не нашелъ я ничего лучшаго спросить, придавъ, впрочемъ, особую важность своему голосу.

— Въ послѣднемъ.

— Занимаетесь много?

— Не особенно.

— Ну, а читаете много?... Самостоятельно работаете надъ собственнымъ саморазвитіемъ, надъ выработкой въ себѣ общественныхъ идеаловъ и характера?

Она окинула меня удивленнымъ взглядомъ, скорчивъ презрительную гримаску.

— Вы, кажется, поучать меня собираетесь? Это напрасно, учителя мнѣ и въ гимназіи надоѣли!...—она засмѣялась зло и задорно.

Когда подали мороженое я, язвительно подчеркнувъ, спросилъ:

— Прикажете вамъ положить побольше для охлажденія юношескаго задора?

На это она бойко отвѣтила:

— А вамъ не совѣтую: старикамъ мороженое вредно!

Кокетничая, медленно слизывала она мороженое съ ложечки, искоса на меня поглядывала и прищуривала глаза. Я дѣлалъ видъ, будто не замѣчаю всѣхъ ея кошачьихъ пріемовъ, которые однако меня чрезвычайно смущали, и конфузясь давился мороженымъ, стараясь какъ можно поскорѣе отдѣлаться отъ своей порціи.

— Вотъ вы хотѣли меня поразить своими фразами, заговорили тономъ ментора,—сказала она иронически.—А это смѣшно: вѣдь, я уже взрослая. Вы знаете, кого я читаю теперь? Шопенгауэра!

— И напрасно дѣлаете.

— Думаете не пойму? Все отлично понимаю! Вотъ видите, какъ забочусь о собственномъ саморазвитіи, передразнила она меня. А когда мы стали прощаться, сказала слегка зардѣвшись:

— Если я завтра получу единицу,— вы будете виноваты, да!

— Вы позволите васъ проводить?—спросилъ я робко.

— Зачѣмъ? Я съ мамой,—она указала на темноволосую блѣдную худую даму, съ печальными, точно выцвѣтшими глазами.

— Все равно, позвольте проводить до извозчика.

Она, весело кивнувъ головой въ знакъ согласія, побѣжала прощаться съ хозяевами, а въ это время проходившій мимо меня братъ бросилъ мнѣ шепотомъ:

— И охота тебѣ съ этой занозой возиться,—вѣдь, это заноза извѣстная!

— Много ты понимаешь, гимназистъ! — огрызнулся я ему вслѣдъ.

Въ передней, среди переполненныхъ одеждою вѣшалокъ, я едва могъ разыскать верхнее платье своей дамы. Я старался быть расторопнымъ, бросился надѣвать ей калоши. Она смѣялась, болтала ножками, и послѣ безуспѣшныхъ усилій я долженъ былъ отказаться отъ роли cavalier servant, а она одѣлась безъ моей помощи, предоставивъ моимъ заботамъ свою мать.

Была ранняя весна—петербургская, похожая на безвременно увядшую красавицу, унылая и хмурая, а намъ было весело, какъ бываетъ только въ первую пору жизни, когда даже мрачныя впечатлѣнія, рефлектируясь въ мозгу, получаютъ особый смягчающій ихъ отпечатокъ. Намъ было весело, и милы казались намъ и пронизывающій сырой воздухъ, и блѣдная ночь, и мокрыя скользкія плиты тротуаровъ, и дремлющіе на своихъ козлахъ извозчики, а главное—мы сами, молодые, бодрые, смѣло вступающіе въ жизнь, длинной лентой развернувшуюся передъ нами.

Мы все шли и шли не останавливаясь. Насъ отрезвилъ, наконецъ, чей-то громкій голосъ: ея мать, уже сидя въ нанятой пролеткѣ, подъѣхавъ къ намъ, сердито и отчаянно окликала дочь, а та, слегка сконфузясь и быстро пожавъ мнѣ руку, шепнула:

— Вспоминайте иногда о моемъ Геростратѣ, когда вамъ будетъ скучно,—и со словами:—Сейчасъ мамочка сейчасъ!—вскочила тоже въ пролетку.

Когда тронулся съ мѣста извозчикъ, она обернулась и ласково кивнула мнѣ еще разъ головой. Я стоялъ какъ очарованный, провожая глазами исчезающую въ туманѣ улицы мою рыжую русалку.

Въ концѣ улицы меня догналъ братъ.

— А заноза-то тебя кажется не шутя занозила!

— Убирайся ты къ чорту, болванъ!—сорвалъ я на немъ свое нервное состояніе.

...Ея я не видѣлъ больше. Попавъ въ свою нормальную колею, я подвергъ строжайшему анализу проведенный у профессора вечеръ,—нашелъ свои чувства блажью, а ее дѣвченкой, особенно рьяно сталъ посѣщать лекціи, зачитываться любимыми авторами и забылъ о мимолетной интересной встрѣчѣ.

Посѣтивъ нѣсколько позже профессора, я узналъ, что она окончила гимназію и уѣхала съ матерью изъ Петербурга.

II.

Прошло двѣнадцать лѣтъ. По дѣламъ службы пришлось мнѣ попасть въ одинъ изъ большихъ южныхъ центровъ Россіи. Я вспомнилъ о своемъ пріятелѣ, занимающемъ въ этомъ городѣ довольно значительный постъ, Иванѣ Сергѣевичѣ Дядловѣ, и, приведя себя въ порядокъ послѣ дороги, немедленно отправился на розыски.

Иванъ Сергѣевичъ оказывался все еще такимъ же холостякомъ, какъ и я, имѣлъ великолѣпную квартиру и жилъ съ большимъ комфортомъ. Попенявъ на меня за то, что я не далъ ему знать о своемъ пріѣздѣ и не остановился прямо у него, онъ велѣлъ подать бутылку отличнаго бургонскаго, распивъ которую мы отправились въ театръ.

— Тутъ у насъ, братъ, есть преинтересная особа, артистка,—заявилъ онъ мнѣ дорогою,—весь городъ съ ума свела.

— Красивая?

— Н-н-ѣтъ, пожалуй красивой нельзя назвать, но... оригинальна... въ глазахъ что-то особенное, такъ и тянетъ къ себѣ... и умна шельма!

Театръ былъ почти полонъ. Намъ едва удалось достать два билета въ первомъ ряду.

Шумная, разношерстная толпа усаживалась по мѣстамъ. Городъ былъ университетскій, и на верхахъ преобладали студенческіе сюртуки. Стоялъ неясный гулъ въ залѣ и предчувствовалась духота, хотя театръ, какъ сообщилъ мнѣ Иванъ Сергѣевичъ, строился соотвѣтственно всѣмъ послѣднимъ требованіямъ архитектуры. Однако сквознякъ и плохая вентиляція, очевидно, присутствовали и здѣсь. Мы усѣлись. Оркестръ сыгралъ увертюру, и занавѣсъ съ изображеніемъ мраморной лѣстницы, по ступенькамъ которой спускалась какая-то маркиза въ розовомъ платьѣ, взвился.

Сцена была убрана съ претензіей на роскошь. На картонныхъ дверяхъ красовались пестрыя драпри, въ тѣни бутафорскихъ пальмъ были разставлены легкіе раззолоченные стулья и на авансценѣ

красная шелковая мебель. Двое актеровъ разговаривали передъ суфлерской будкой.—«Кто-то идетъ»,—произнесъ одинъ изъ нихъ, и они оба отошли въ сторону. Въ среднихъ дверяхъ показалась высокая молодая женщина съ вьющимися рыжими волосами, закутанная въ облака бѣлаго газа и кружевъ. Въ залѣ раздались аплодисменты. Она раскланивалась ласково, небрежно, съ видомъ избалованной успѣхомъ, увѣренной въ себѣ актрисы.

— Она!—шепнулъ мнѣ пріятель.

Чѣмъ-то знакомымъ повѣяло вдругъ на меня отъ этихъ рыжеватыхъ кудрей, отъ оригинальнаго лица и большихъ загадочныхъ глазъ. Она начала говорить. Я вслушивался въ звуки ея красиваго голоса и все больше и больше утверждался въ своихъ догадкахъ:

Да, это она—мой старый знакомецъ Геростратъ.

— Послушай, вѣдь, я ее знаю,—сказалъ я пріятелю. Правда, я видѣлся съ нею всего одинъ разъ и то очень давно.

— Хочешь, пойдемъ за кулисы—возобновишь знакомство?

— Непремѣнно.

Я едва могъ дождаться антракта,—такъ хотѣлось мнѣ поближе увидѣть прежняго худенькаго миніатюрнаго Герострата въ образѣ пышно расцвѣтшей женщины.

Занавѣсъ наконецъ опустился. Опять раздались аплодисменты. Мы стали пробираться къ выходу и послѣ долгихъ переходовъ попали на сцену. Вызовы еще продолжались. Она выходила на сцену, возвращалась за кулисы, снова выходила. Наконецъ, выбравъ удобную минуту, я подошелъ къ ней.

— Вы меня не узнаете?

Она смотрѣла на меня съ любопытствомъ, видимо, пытаясь что-то воскресить въ памяти.

— Я пришелъ вамъ напомнить о Геростратѣ.

Она вся точно встрепенулась.

— Ахъ!... Но какъ вы перемѣнились, никогда бы не узнала! Пойдемте ко мнѣ,—я не переодѣваюсь... Иванъ Сергѣевичъ, и вы здѣсь?—протянула она привѣтливо руку Дядлову,—пойдемте всѣ вмѣстѣ.

Она пошла впереди насъ, неся въ рукѣ шлейфъ своего воздушнаго бѣлаго платья. Мы вошли въ очень ютную, всю обитую голубымъ кретономъ уборную.

— Ну, вотъ и моя келья, располагайтесь,—указала она намъ на мягкія кресла и сама бросилась на кушетку.—Киска, фруктовъ!

Скромно одѣтая барышня съ добродушнымъ русскимъ лицомъ

и, гладко зачесанными назадъ, пепельными волосами, подала ей небольшую хрустальную вазочку съ фруктами.

Она выбрала самый большой апельсинъ и какъ мячикъ бросила его на колѣни къ Ивану Сергѣевичу.

— Очистите... мнѣ лѣнь!... Киска, вина!

Барышня налила изъ откупоренной бутылки шампанскаго въ граненый цвѣтной бокалъ.

Она съ жадностью отпила нѣсколько глотковъ

— Спасибо, Киска! Ну, теперь я отошла,—могу разговаривать. Даша, уйдите вонъ, не торчите у меня передъ глазами,—приказала она находившейся тутъ же пожилой женщинѣ, должно быть, горничной.—Терпѣть не могу, когда вы стоите разиня ротъ!... Ахъ, какъ я рада васъ видѣть, вы не можете себѣ представить,—заговорила она со мною оживленно и весело.—Но я вѣдь забыла вашу фамилію... Еще бы столько лѣтъ!

— Позвольте въ такомъ случаѣ вамъ его представить,—вступилъ въ разговоръ Иванъ Сергѣевичъ и назвалъ мою фамилію.

— А развѣ вы знакомы?

— Пріятели, еще съ университета.

— Ахъ, вотъ какъ!

Она стала меня забрасывать вопросами, не давая мнѣ возможности отвѣтить хотя бы на одинъ.

— Вы здѣсь не живете, конечно, иначе мы встрѣтились бы раньше. Давно вы пріѣхали? Надолго? Меня, я думаю, трудно узнать,—я измѣнилась?... Вы очень были удивлены, не правда ли?

— Пожалуйте начинать, — пробасилъ подъ дверями голосъ, должно быть, режиссера.

Она не обратила ни малѣйшаго вниманія на это приглашеніе и съ наслажденіемъ уничтожала сочный апельсинъ.

— Однако мы задерживать не будемъ,— поднялся съ мѣста Иванъ Сергѣевичъ. Я послѣдовалъ его примѣру.

— Какой вы несносный! Подождите же, я и двухъ словъ не сказала съ вами,—она протянула мнѣ руку,—ужасно рада васъ видѣть, такъ и пахнуло прошлымъ, далекимъ и невозвратнымъ... На ея глазахъ неожиданно для меня заискрились слезы. Она вдругъ порывисто встала и подойдя къ туалетному столу, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, распустивъ волосы, стала перечесываться.

— Киска, Дашу! Отчего у васъ не зажжены свѣчи передъ зеркаломъ?—сердито спросила она вошедшую горничную.

— Вы были на сценѣ, потомъ меня отослали вонъ, я не успѣла.

— Идіотка!

— Пожалуйте начинать,—пробасилъ снова все тотъ же голосъ и стукнули три раза въ дверь.

Она крикнула нетерпѣливо:

— Отстаньте!—Съ нервной торопливостью спѣшила она докончить свою прическу, отдавая отрывисто приказанія горничной:— Шпильку!... Пушокъ!... Румяна!... Приколите сзади... не тутъ... Ай!—взвизгнула она, уколотая булавкой, и рѣзко толкнула локтемъ горничную, угодивъ ей прямо въ щеку. Та вспыхнула и, отеревъ навернувшіеся слезы, отошла въ глубь уборной. Киска взглянула на горничную недовольнымъ взглядомъ, точно безмолвно обвиняя ее въ неловкости, бросилась сама прикалывать и расправлять платье. Къ моему удивленію, Иванъ Сергѣевичъ, стоя около туалетнаго стола, тоже подавалъ какія-то шпильки или булавки.

Чувствуя себя крайне неловко послѣ происшедшей сцены, я хотѣлъ исчезнуть какъ-нибудь незамѣтно. Моя попытка однако не удалась.

— Стойте, стойте, стойте! — остановила она меня. — Такъ нельзя, я васъ арестую послѣ спектакля. Вы пріѣдете ко мнѣ, слышите? Иванъ Сергѣевичъ привезетъ васъ.

— Ну, какъ она тебѣ показалась?—спросилъ меня Иванъ Сергѣевичъ, когда мы снова очутились въ коридорѣ, ведущемъ въ партеръ.

— Да не знаю право... интересно будетъ ее посмотрѣть au naturel, безъ грима... Но только характерецъ!... Бѣсноватая какая-то.

— Ну, братецъ, побылъ бы ты на ея мѣстѣ,—съ нѣсколько излишней горячностью заступился Иванъ Сергѣевичъ.—Репетиціи, роли, спектакли, вся эта безтолковая жизнь хоть кого измучаетъ.

— А кто эта симпатичная «Киска?»

— Ахъ, это Катюша! Привязана къ ней какъ собака. Дѣвушка съ большими средствами, бросила родителей, ушла изъ дому и вотъ уже третій годъ неразлучна съ нею, молится на нее, не надышится.

— Ну, а какъ, въ случаѣ продолженія нервнаго состоянія, намъ не грозитъ сегодня участь злополучной горничной? Или такія сцены происходятъ только въ стѣнахъ театра?—спросилъ я шутя Ивана Сергѣевича.

Онъ разозлился.

— Да ты влюбленъ въ нее, что ли?

Онъ ничего не отвѣтилъ, только поторопился поскорѣе войти въ партеръ.

На сценѣ играли какое-то скучнѣйшее произведенiе одного изъ современныхъ драматурговъ. Она изображала обольстительную женщину, разрушающую чужое семейное счастье. Играла она съ большимъ апломбомъ, видимо кому-то подражая, грацiозно перегибалась, опиралась на столы и стулья, закидывала руки за голову, безъ всякой нужды становилась спиной къ зрителямъ, глядѣла въ полуоборотъ, продѣлывала вѣеромъ различныя эквилибристическiя штуки... Все это было, пожалуй, красиво, но Божьей искры, того, что называютъ французы «feu sacré», я не нашелъ въ ея исполненiи. Я наполовину не слушалъ того, что говорилось на сценѣ, я наблюдалъ только за движущейся передъ моими глазами гибкой фигурой эффектной актрисы и старался воскресить въ своей памяти тоненькую стройную дѣвочку съ золотистыми кудрями и глазами сфинкса. Они остались все тѣ же, эти удивительные глаза, но только въ нихъ горѣлъ теперь какой-то властный сухой огонь и притаилось что-то горькое, даже озлобленное... Мнѣ стало ее, не знаю почему, невыразимо жаль. Подъ этимъ блестящимъ самодовольнымъ обликомъ я почуялъ нѣчто больное и надорванное.

— Она замужемъ?—спросилъ я Ивана Сергѣевича.

— Да, не живетъ съ мужемъ.

— Давно?

— Года четыре.

— Романъ какой-нибудь?

— Нѣтъ, такъ; натура безпокойная...

Подошедшiй къ намъ въ антрактѣ капельдинеръ о чемъ-то сообщилъ Ивану Сергѣевичу, послѣ чего мой прiятель немедленно исчезъ. Онъ, впрочемъ, вернулся очень скоро, объявивъ мнѣ, что она желаетъ прокатиться послѣ спектакля, и ему нужно отправиться за лошадьми. Къ послѣднему акту онъ былъ уже опять въ театрѣ.

На сценѣ стрѣляли... кто-то умиралъ... кто-то говорилъ по этому поводу патетическiй монологъ и кто-то плакалъ. Ея на сценѣ не было,—она кончила свою роль въ серединѣ акта. Мы поторопились къ выходу, чтобы захватить заранѣе верхнее платье, и уже одѣтые отправились за кулисы. Она вышла изъ своей уборной, закутанная въ роскошную бархатную фiолетовую ротонду, съ бѣлымъ пуховымъ платкомъ на головѣ. Она совсѣмъ спрятала свое лицо въ пушистомъ воротникѣ чернобурой лисицы; были видны одни утомленные, слегка подрисованные глаза.

— Вы на меня не сердитесь за обманъ?—спросила она меня,—я васъ пригласила, но право я сегодня была бы самая негостепрiимная хозяйка и то, что я выбрала—будетъ веселѣе для всѣхъ.

Ночь была отличная. Небольшой морозецъ пріятно пощипывалъ кожу, звѣзды яркими огнями сверкали на темномъ сводѣ неба, великолѣпныя лошади мчали наши сани быстро, быстро...

Я сидѣлъ рядомъ съ нею, Иванъ Сергѣевичъ напротивъ. Мы всѣ трое молчали. И было что-то пріятно-раздражающее нервы въ этомъ безмолвномъ, безостановочномъ движеніи впередъ, въ холодномъ свѣтѣ глядящаго съ неба мѣсяца, въ прозрачномъ морозномъ воздухѣ. Мы выѣхали за городъ. Кругомъ потянулись поля.

— Назадъ!—крикнула она кучеру,—въ Европейскую!

Когда мы очутились въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана, она опять спросила: не сержусь ли я, и объявила, что любитъ иногда подышать специфической «ресторанной пылью». Она не перемѣнила своего ярко-желтаго платья, надѣтаго на ней въ послѣднемъ актѣ. Смѣлое сочетаніе рыжихъ волосъ съ этимъ цвѣтомъ, остатокъ грима, не совсѣмъ стертаго на лицѣ, производили странное и вмѣстѣ пикантное впечатлѣніе. Завязался одинъ изъ тѣхъ безсодержательныхъ, не особенно скучныхъ разговоровъ, послѣ которыхъ не можешь даже припомнить, о чемъ собственно была рѣчь.

— А каково ваше теперешнее отношеніе къ Герострату?—спросилъ я ее, круто перемѣнивъ разговоръ.

— Ахъ, вы вспомнили!—Она вспыхнула.—А знаете, все то-же! Да, да, да! Вамъ это можетъ быть смѣшно, но все то-же. Не можешь сдѣлать хорошаго,—сдѣлай дурное, но прославься. По-моему такъ! Вѣдь вотъ вы теперь знаете, что онъ существовалъ этотъ смѣлый безумецъ и былъ отважный человѣкъ! Ахъ, какъ ужасно жить, страдать, мыслить, жаждать и... исчезнуть безслѣдно!... Кусокъ земли—и только. И даже нѣтъ воспоминанія и имя позабыто... Ай, нѣтъ... Я не могу!...

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Возникъ споръ. Я указалъ на лежащій въ основѣ стремленія къ славѣ эгоизмъ, на то, что истинный геній и истинно прекрасное находятъ всегда въ самихъ себѣ награду.

— Нѣтъ,—отвергла она,—это величайшее лицемѣріе. Въ мірѣ нѣтъ безкорыстія и олицетвореніе добродѣтели солжетъ если скажетъ, что ему не надо платы. А онъ, мой безумный смѣльчакъ, онъ великъ не совершеннымъ имъ фактомъ, а смѣлостью поразительной! Найти въ себѣ силы «преступить»—вотъ въ чемъ подвигъ. Вы помните, какъ преслѣдовала эта мысль Раскольникова. Только громадная нравственная сила осмѣлится преступить черезъ порогъ усвоеннаго, внушеннаго съ колыбели! Что такое боязнь общественнаго мнѣнія? Что-нибудь благородное, вы думаете? Отнюдь нѣтъ.

Жалкая трусость. Вы не уважаете это общество, вы смѣетесь надъ его предразсудками и все же у васъ не хватаетъ храбрости «преступить»... А онъ, онъ преступилъ—и этимъ онъ для меня великъ.

Во время нашего спора Иванъ Сергѣевичъ заказывалъ ужинъ.

— Ахъ, какъ хорошо, что вы пріѣхали!—вдругъ воскликнула она,—и мнѣ только жаль одного, что мнѣ уже не 16 лѣтъ, какъ было въ то счастливое время... Впрочемъ...—не договоривъ, она засмѣялась. — А знаете, въ той нашей встрѣчѣ есть что-то необычайно милое, поэтическое и... знаменательное вмѣстѣ... Вамъ этого не кажется?... Скажите: вы очень любите жизнь?...

Я не нашелся отвѣтить на эти оба вопроса, такъ странно слѣдовавшіе одинъ за другимъ. И вдругъ я почувствовалъ, что между мною и этой едва мнѣ знакомой женщиной точно сразу установилась какая-то особая неуловимая близость. Воспоминаніе ли насъ сблизило о чемъ-то далекомъ и миломъ въ связи съ представленіемъ о юности, или просто такъ вліяла ресторанная атмосфера, въ которой человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы нѣсколько распоясаннымъ—не знаю. Но было что-то такое, что насъ невидимо связывало и обоюдно влекло другъ къ другу. Я это читалъ въ ея глазахъ, подолгу на мнѣ останавливающихся, я слышалъ это въ звукахъ ея мягкаго, ласкающаго голоса. Какъ будто насъ не раздѣляли ни годы, ни событія. Я былъ, казалось, все тотъ же 20-тилѣтній студентъ, якобы скептикъ, она—полувзрослый ребенокъ, вызывающій жизнь на бой. Мы продолжали болтать непринужденно и весело, все ощущая эту пріятную, захватывающую насъ близость.

Ужинъ былъ поданъ. Она, окинувъ быстрымъ взглядомъ принесенное, отказалась и ѣсть и пить, къ великому огорченію Ивана Сергѣевича.

— Но почему же? Вѣдь все самое любимое,—жалобно упрашивалъ онъ.

Она пожала плечами.

— Не хочу.

— Ну, а вина?—чуть не съ отчаніемъ приставалъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Не хочу.

— Но вѣдь и мы тогда не будемъ.

Она засмѣялась.

— Тѣмъ лучше для хозяина: онъ подастъ кому-нибудь другому и получитъ двойную плату... Нѣтъ, это вздоръ! Садитесь и кушайте и не обращайте на меня вниманія,—я вѣдь пріѣхала только подышать пылью. Ну, и оставьте меня на свободѣ.

Разрѣзавъ на куски поданное, она стала по очереди кормить то меня, то Ивана Сергѣевича. Пріятель мой развеселился и всякій разъ, когда къ его рту приближался кусокъ, громко чмокалъ ея бѣлую надушенную руку.

— Мы должны видѣться съ вами каждый день, до вашего отъѣзда, слышите?—сказала она мнѣ на обратномъ пути, когда мы подъѣхали къ ея дому.—Вы сколько времени пробудете здѣсь?

— Недѣли двѣ.

— Ну и отлично! Я арестую васъ на эти двѣ недѣли. Завтра вечеромъ мы соберемся у меня.

Вернувшись къ себѣ, я долго не могъ сомкнуть глазъ. Мысли о ней дразнили мое воображеніе. Сердито ворочаясь на постели, я, наконецъ, кое-какъ уснулъ, но и во снѣ преслѣдовалъ меня неотступно все тотъ же странный, заманчивый образъ.

Уже поздно, часу въ двѣнадцатомъ ночи, позвонили мы, на другой день, съ Иваномъ Сергѣевичемъ у каменнаго особняка, который она занимала. Намъ отворила знакомая намъ Даша, съ угрюмымъ лицомъ и опять-таки заплаканными глазами.

— Дома?

— Ожидаютъ.

Мы вошли въ квадратную переднюю, оклеенную темными обоями.

— Ну, наконецъ-то!—раздался откуда-то сбоку ея мелодическій голосъ и сама она показалась въ дверяхъ. На ней былъ черный атласный капотъ, съ разрѣзными рукавами, искусно и странно задрапированный и вышитый весь пестрыми драконами. Немного открытая шея и обнаженныя руки сверкали своей бѣлизной; по плечамъ разсыпались пышнымъ каскадомъ распущенные волосы.

Мы перешли въ странную, полуфантастическую комнату, всю убранную шалями и похожую на шатеръ. Съ потолка висѣлъ огромный блѣдно-зеленый фонарь; посреди комнаты стояла подъ пестрымъ балдахиномъ кушетка, покрытая темнымъ мѣхомъ, а около нея были небрежно разбросаны низенькіе мягкіе табуреты и помѣщался турецкій столъ съ кофейнымъ приборомъ.

— Иванъ Сергѣевичъ — обратилась она къ Дядлову — поѣзжайте привезите устрицъ, шампанское у меня есть дома.

Мы остались съ нею вдвоемъ. Она сѣла на кушетку и, усадивъ меня на одинъ изъ табуретовъ, стала съ видимымъ наслажденіемъ пить изъ маленькой чашки дымящійся черный кофе. Я не зналъ, о чемъ заговорить, и чувствовалъ себя немного тревожно и жутко въ ея присутствіи. Она первая нарушила молчаніе.

— Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами видѣлись, сколько лѣтъ прошло?

— Двѣнадцать.

— Двѣнадцать: Это ужасно!—задумчиво проговорила она,—ужасно много. И сколько событій съ тѣхъ поръ: я вышла замужъ, собиралась сдѣлаться художницей, изучала скульптуру, мечтала быть пѣвицей, разошлась съ мужемъ и вотъ я на сценѣ. Вы помните мою мать?

— Какъ же.

— Ея мечта была видѣть меня ученою. Не вышло. Я поступила на курсы, влюбилась въ свѣтило профессора, или вѣрнѣе свѣтило обратило на меня свое благосклонное вниманіе, у меня закружилась отъ тщеславія голова, и я вышла за него замужъ.

Она говорила небрежно, съ оттѣнкомъ легкой ироніи.

— И бракъ васъ, конечно, не удовлетворилъ?—спросилъ я ее въ томъ же тонѣ.

Она точно испугалась моего вопроса.

— О, нѣтъ! Не думайте, что я не уважаю его или виню... Нѣтъ, нѣтъ! Я и теперь минутами съ ума о немъ схожу, хочу его видѣть, излить свою душу... Это моя святыня, мой лучшій другъ. Вы видите: вотъ его бюстъ. Мой богъ въ восточной пагодѣ!—нѣсколько театрально произнесла она, указывая на бѣлый гипсовый, довольно грубо сдѣланный бюстъ, передъ которымъ теплилась маленькая курительница, распространяя вокругъ себя ароматичный, слегка одуряющій запахъ.

— Вотъ иногда ѳиміамъ ему курю, какъ сегодня... Видите? А временами просто ненавижу!... Тогда для него у меня особый нарядъ.

Она встала и принесла изъ другой комнаты свертокъ, оказавшійся чернымъ коленкоровымъ чехломъ, съ нашитыми на немъ бѣлыми крестами.

— Вотъ такъ!—надѣла она чехолъ на бюстъ.—Крестъ—значитъ конецъ, ненавижу!

Мнѣ стало за нее стыдно. Я нашелъ эту выходку даже комичной.

— Пожалуйста снимите,—попросилъ я,—ради Бога снимите!

Она засмѣялась, сдернула чехолъ, поправила курительницу, опять улеглась на кушетку и принялась за новую чашку кофе.

— Однако вы злоупотребляете,—попробовалъ я ее остановить.

— Почему? Одинъ разъ только жить, а наркозъ—наслажденіе жизни: сердце бьется такъ сильно и кажется, что разорветъ грудь.

Я люблю это!... Дайте мнѣ вашу руку,—она взяла мою руку и крѣпко пожала ее: вотъ, вѣдь, какъ странно все въ жизни: я васъ едва знаю, а эта встрѣча задѣваетъ во мнѣ такія струны, переноситъ такъ далеко, что вы являетесь для меня... ну, какъ бы роднымъ и... близкимъ. Мнѣ хочется говорить съ вами, обмѣниваться мыслями, пить вино...

— Зачѣмъ же непремѣнно пить?

— Наркозъ услаждаетъ сердце и окрыляетъ мозгъ... А вы можетъ быть не пьющій, членъ общества трезвости и моралистъ по прописямъ?

Меня задѣла ея насмѣшка.

— Нѣтъ, я пью, но только просто, безъ театральной обстановки, и нахожу, что вино скорѣе притупляетъ, чѣмъ окрыляетъ мозгъ!—отвѣтилъ я ей рѣзко.

— Нѣтъ, нѣтъ, постойте! Не сердитесь... за что же сердиться?—сказала она совсѣмъ по-дѣтски, кротко и безпомощно.

Сконфуженный за свою рѣзкость, я прошепталъ: «простите».

— Ну, помиримтесь,—протянула она мнѣ ласково руку,—и вернемтесь къ старому разговору. Меня тревожитъ, что вы меня не такъ поняли. Но слушайте: развѣ вамъ не случалось наблюдать, вѣдь это такъ часто бываетъ—никто не виноватъ, а вмѣстѣ жить нельзя. Такъ было и со мной. Сначала даже очень хорошо и что-то похожее на счастье, а потомъ день за днемъ одно и то же... надоѣло. Но я себя не оправдываю,—у меня скверный характеръ: все хочется куда-то дальше... дальше... отсюда—разладъ: ему обида, мнѣ—скука и неудовлетвореніе... А вы думаете, я себя не упрекаю, не упрекаю?—истерически воскликнула она.—За дочь, напримѣръ?... Вотъ и теперь стоитъ точно живая и глядитъ на меня съ укоромъ — вотъ посмотрите! — кивнула она по направленію къ портрету масляными красками, изображающему дѣвочку-ребенка съ такими же рыжими кудрями, какъ у матери.—Но что же мнѣ дѣлать, если мы идемъ разнымъ темпомъ въ жизни: я искала въ немъ генія, а онъ, онъ—просто кабинетный ученый, у него на все норма, вездѣ логика, даже въ любви, а я не могу! Ну, поймите же вы меня!...— голосъ ея оборвался, и она точно умоляя протянула руки впередъ.

Мнѣ стало опять ее невыразимо жаль, какъ вчера въ театрѣ. Но при этомъ еще другое, новое, точно злобное чувство примѣшивалось къ этой жалости. Приторный запахъ отъ курильницы дурманилъ мнѣ голову. Видъ этой женщины, внушающей мнѣ жалость, раздражалъ мои нервы. Я почувствовалъ головокруженіе,

мнѣ захотѣлось бѣжать отъ этихъ бѣлыхъ протянутыхъ рукъ, отъ рыжихъ кудрей, отъ загадочныхъ, влекущихъ къ себѣ глазъ. Я всталъ съ мѣста и прошелся по комнатѣ. Она лежала на кушеткѣ, точно обезсилѣвъ, съ закрытыми глазами.

— Портретъ вашей работы?—спросилъ я только для того, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Она съ живостью вскочила.

— Да, да, да!... И это... и это... и это!...—подводила она меня къ небольшимъ картинкамъ, пріютившимся среди мягкихъ складокъ восточныхъ шалей. Картинки отличались разнообразіемъ,—чего тутъ не было: и пейзажи русской деревни, и улицы Каира, и рисунки nature morte, и этюды восточныхъ дѣтскихъ головокъ. Все это дышало смѣлостью кисти, хотя была замѣтна неопытная рука.

— Это копіи?

— Нѣтъ, съ какой стати—натура!—воскликнула она почти обидясь.—Я обожаю востокъ. Мы ѣздили туда каждое лѣто. Мужъ цѣнилъ мой талантъ, я брала уроки у лучшихъ художниковъ; мнѣ сулили большую будущность.

— Зачѣмъ же вы это бросили?—не могъ удержаться я отъ досадливаго возгласа.

— Скучно!... Похвальное трудолюбіе... черная кропотливая работа, упорная... многіе годы... Нѣтъ! Я хочу вдругъ, какъ метеоръ, промчаться, прогремѣть, все поглотить, пока жива и... въ Лету!... Я выбрала сцену; тутъ все непосредственно: я бросаю мой крикъ въ толпу и мнѣ отвѣчаютъ сейчасъ же или восторгомъ, или неудовольствіемъ! А тамъ, день за день, добивайся, терпи, жди... нѣтъ, это скучно!

— И вы теперь довольны? Вы счастливы, по крайней мѣрѣ?

Вдругъ ея лицо омрачилось:

— Ахъ, еслибъ вы знали, въ какую минуту мы съ вами встрѣтились и что вы во мнѣ задѣли вашимъ вопросомъ!

Закинувъ за голову свои бѣлыя руки, она стала быстро ходить по комнатѣ.

— Не то!... опять не то!... Угаръ новизны прошелъ, нервы больше не слушаются,—я представляю, а не живу. Понимаете вы это мученіе, понимаете?...

Она подошла ко мнѣ совсѣмъ близко, прекрасная, негодующая, съ ярко-пылающими щеками и мрачнымъ огнемъ въ глазахъ.

— Эта бутафорская слава въ коленкоровой мантіи и съ лаврами изъ бумаги мнѣ смѣшна! Мнѣ жалко тратить на нее жизнь.

— Чего же вы хотите?—воскликнулъ я невольно, увлекаемый потокомъ ея нервной силы, изнывающей и больной.

Усмѣхнувшись злобной усмѣшкой, она точно проронила:

— Нирваны!... Ой, нѣтъ!

И ставъ посреди комнаты, она продекламировала страстно, но нѣсколько приподнято:

«Чего хочу?... Чего?... О, такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и... разорвется грудь!...
— Вы помните Огаревскіе *Монологи*,—помните?...»

А дальше:

«Всего, со всею полнотою
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!...»

— Вы только вслушайтесь: «трепетъ жизни», какая мощь!... Трепетъ!... Трепетъ!... Это что-то вѣчно-жаждущее, тревожное... Въ немъ и счастье, и неудовлетвореніе... онъ не даетъ заснуть душѣ, онъ двигаетъ все впередъ и впередъ!... Но главное могущество жизни—мысль. Это давно уже смутно живетъ въ моей душѣ и теперь дѣлается для меня все яснѣе и яснѣе... Быть родоначальницей нравственнаго ученія... сказать новое слово... женщина-философъ, вожакъ, дѣйствующая не минутнымъ возбужденіемъ, не на одни только нервы, а владѣющая сознательной умственной жизнью толпы...—вотъ гдѣ счастье! Вотъ гдѣ памятникъ нерукотворный!... О, еслибъ я была моложе! Я поѣхала бы за границу, я стала бы слушать лучшихъ профессоровъ, я изучила бы исторію философіи, я... я не могу теперь ясно выразить, но я чувствую—во мнѣ живетъ какое-то откровеніе и рано или поздно оно должно воплотиться въ мысль!...

Она говорила съ нервной торопливостью, какъ бы искусственно себя разжигая, но лицо ея странно осунулось, въ глазахъ свѣтилась такая безысходная тоска, что, несмотря на роскошь туалета и весь свой блестящій внѣшній обликъ, она показалась мнѣ, въ эту минуту, совсѣмъ-совсѣмъ маленькой, жалкой, бьющейся въ силкахъ и обреченной къ гибели.

Въ передней позвонили, и черезъ минуту, къ моей величайшей досадѣ, появился Иванъ Сергѣевичъ.

— Ну, наконецъ-то!... — весело крикнула она, вдругъ вся

преобразившись.—Привезли? Вотъ молодецъ! Даша, скорѣй шампанскаго похолоднѣе! Вино, какое есть, закуски—все поставьте!

— Ужъ все поставлено,—отозвалась полусонная Даша.

Обстановка столовой оказалась, въ противоположность гостиной, простой, даже убогой по сравненію. Обыкновенные буковые стулья, сѣренькая пеньковая оттоманка и раздвижной столъ по срединѣ, обильно уставленный бутылками и закусками.

— Не красна изба углами,—сказала она, какъ бы извиняясь.—У меня мебель, вѣдь, не своя, а на прокатъ ничего нельзя было найти лучше для столовой... Позвольте васъ познакомить съ моимъ другомъ Катюшей,—подвела она меня къ сидящей за столомъ и о чемъ-то уже весело разговаривающей съ Иваномъ Сергѣевичемъ, симпатичной Кискѣ.

— Разочаруйте ее во мнѣ—слишкомъ много любви и самоотверженія. Я говорю ей: брось меня, Катюша, я—исчадіе ада... а она упорствуетъ: нѣтъ—святая и богиня.

Катюша вся зардѣлась и съ нѣмымъ упрекомъ посмотрѣла на нее своими большими, дѣтски-откровенными глазами. Привезенныя устрицы были великолѣпны. Иванъ Сергѣевичъ приступилъ къ нимъ съ видомъ истаго знатока. Она тоже набросилась на нихъ, глотая не разжевывая и запивая шампанскимъ. Но, проглотивъ всего нѣсколько штукъ, она оттолкнула тарелку.

— Довольно, кушайте одни,—и пересѣла на оттоманку.—Иванъ Сергѣевичъ, очистите мнѣ грушу и дайте сюда шампанскаго.

Когда требуемое было подано, она, поднеся къ губамъ Дядлова свою руку, посмотрѣла на него особенно ласково и плутовато.

— Ѣшьте ваши устрицы и присаживайтесь сюда.

Но едва успѣвалъ бѣдняга Иванъ Сергѣевичъ, большой любитель покушать, приступить къ излюбленному блюду, какъ его отрывали снова: то нужно было отрѣзать рокфору, не очень толсто и не очень тонко, то налить вина, то выбрать изъ любимыхъ конфетъ самую наилюбимѣйшую. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ исполнялъ всѣ эти маленькія порученія. Она точно не замѣчала меня, разговаривая только съ Дядловымъ на своемъ, имъ однимъ понятномъ, языкѣ—полунамеками, полузагадками, не договаривая фразъ. Меня все это начинало ужасно злить. Завистливое чувство, что-то похожее на ревность, глухо зашевелилось въ груди.

— Однако, вы мучаете моего бѣднаго друга, дайте же ему поѣсть, наконецъ,—замѣтилъ я не безъ злобы.

Она засмѣялась.

— Да развѣ это мученье?... Впрочемъ, онъ самъ меня такъ пріучилъ, самъ и виноватъ, никто другой!

— Конечно, конечно,— смущенно пробормоталъ Иванъ Сергѣевичъ.—Не суйся ты, братъ, въ чужой монастырь со своимъ уставомъ.

Его отвѣтъ разозлилъ меня еще больше. И захотѣлось мнѣ вдругъ отстоять какое-то будто бы мое неотъемлемое право. Съ задоромъ глупаго мальчишки бросился я къ ней, выхватилъ изъ рукъ недоумѣвающаго Ивана Сергѣевича вазу съ конфетами, запнулся за стулъ, ваза грохнулась объ полъ и разбилась.

Она громко хохотала. Я былъ уничтоженъ совсѣмъ. Иванъ Сергѣевичъ явился на выручку.

— Ничего, не смущайся, это, говорятъ, добрый знакъ.

— Къ счастью!—откликнулась она.—Во всякомъ случаѣ это знакъ, чтобы мы ушли отсюда,—надо убрать. Пойдемте опять на старое пепелище.

Гостиная со своимъ зеленоватымъ свѣтомъ отъ фонаря и бѣлымъ бюстомъ профессора на общемъ темномъ фонѣ показалась мнѣ на этотъ разъ необыкновенно уютной и располагающей къ нѣгѣ, а чувство, похожее на ревность, не переставало точить сердце.

Я подошелъ къ круглому столу, на которомъ лежали альбомы, тутъ же было брошено нѣсколько книгъ, и среди нихъ, въ великолѣпномъ переплетѣ съ вытѣсненнымъ золотыми буквами заглавіемъ «Дневникъ Башкирцевой» на французскомъ языкѣ.

— А вы эту барыню въ почетѣ держите?—замѣтилъ я, разсматривая приложенный къ изданію портретъ.

— Это мое евангеліе,—строго проговорила она.

— Вотъ какъ!... Впрочемъ, кто-то въ свое время посовѣтовалъ даже всѣмъ женщинамъ запастись этимъ евангеліемъ.

— Это вовсе не потому,—возразила она съ запальчивостью.— Мнѣ никто не указъ... Я нахожу въ этой книгѣ отголосокъ моей собственной души, протестующей противъ всего будничнаго. Въ этой книгѣ женщина съ поражающей смѣлостью раскрываетъ передъ цѣлымъ міромъ язвы своего больного, измученнаго ума и сердца, даетъ такую психологію, какую не могутъ дать легіоны авторовъ романистовъ.

Она говорила такъ, какъ актрисы произносятъ на сценѣ обличительные монологи, наблюдая за собой и сама себя заслушиваясь. Духъ противорѣчія упрямо заработалъ въ моемъ мозгу. Мнѣ захотѣлось подразнить ее.

— Все это прекрасно, я съ вами, пожалуй, согласенъ: «язвы больно ума и сердца»... Но, какъ мнѣ кажется, задача всякой настольной книги должна быть нѣсколько иная. Подобная книга должна успокоивать, а не раздражать нервы, трезво направлять умъ и поучать.

— А развѣ эта васъ не учитъ?

— Чему?

— Какъ чему? Открываетъ самые завѣтные тайники женской души, даетъ вѣру въ женскій умъ, въ силу подняться высоко надъ заурядным общимъ уровнемъ... Она, эта измученная, неудовлетворенная жизнью жертва, заставила содрогнуться міръ, повѣдавъ ему о своей внутренней жизни!... Лучшіе умы задумались надъ психологіей этой души и имя автора прогремѣло изъ края въ край. Это почему же, почему?

Иванъ Сергѣевичъ глядѣлъ на нее съ нескрываемымъ восторгомъ, всѣмъ своимъ видомъ какъ бы безмолвно соглашаясь съ нею.

— Почему?—Знаменіе времени, увлеченіе аномаліями, разнузданность и повсемѣстный наркозъ,—не поскупился я на краски для опредѣленія своей мысли.

— А если знаменіе времени, такъ о чемъ же и говорить,— вмѣшался въ разговоръ Иванъ Сергѣевичъ. — Вѣдь отрицать то, что̀ создало время, нельзя.

— Я вовсе и не отрицаю, а только не сочувствую. Я нахожу это явленіе уродливымъ и предпочитаю видѣть женщину совсѣмъ иною.

— Вы не сочувствуете Башкирцевой,—ну, хорошо!—обратилась она ко мнѣ съ вызывающимъ видомъ,—хорошо.—Я вамъ назову другую женщину того же типа, но уже съ положительнымъ результатомъ своихъ заслугъ,—Ковалевская!

— Я нахожу подобное сопоставленіе невозможнымъ.

— Почему?

— Да ничего похожаго. Во-первыхъ, Ковалевская родилась нѣсколько раньше, ее коснулось еще вѣяніе нашихъ лучшихъ дней— эпохи шестидесятыхъ годовъ, а это очень важно... Ну-съ, это — одно; затѣмъ другое: здѣсь передъ нами женщина дѣйствительно неудовлетворенная въ своей личной жизни, женщина безуспѣшно жаждавшая всю жизнь личнаго счастья, что не мѣшало ей, однако, всецѣло посвятить себя идеѣ серьезно и самоотверженно. А тамъ— влюбленная въ себя эгоистка съ развинченными нервами, страдающая маніей величія... Какое же тутъ сходство?

Она смотрѣла на меня, широко раскрывъ глаза, взглядомъ про-

тивника, вызывающаго на бой. Ноздри ея раздувались, щеки то вспыхивали, то блѣднѣли.

— И вы, вы не находите присутствія генія въ Башкирцевой?

— Я не берусь рѣшать этотъ вопросъ. Мнѣ только кажется, что жажда славы не есть еще право на нее... А Ковалевская?... Смотрите, какъ беззавѣтно поглощена она служеніемъ идеѣ... И ей знакомы минуты слабости, усталость и тоска, разочарованіе и неудовлетворенность... Но какая разница! Смотрите, съ какою неослабѣвающею энергіей несетъ она на алтарь общественной жизни свои труды, познаніе, талантъ, и не напоказъ, не ради себя, не ради своего «я»,—нѣтъ, ради науки, ради свѣта, ради истины... И работаетъ она терпѣливо, выносливо, какъ самый простой работникъ. А слава... слава должна была придти сама собой. Потому что дѣйствительно то была женщина огромной величины.

Я почувствовалъ приливъ особой горячности. Симпатичный обликъ выдающейся русской дѣятельницы невольно увлекъ, захватилъ мою душу. Мнѣ показались блѣдными тѣ выраженія, которыми я пытался нарисовать этотъ обликъ.

— Передъ подобными женщинами,—прибавилъ я взволнованно,—передъ этими свѣточами, борцами во имя правды, современники преклоняются, потомки воздвигаютъ имъ памятники!... А это ваша хваленая...

Я взглянулъ на свою противницу: глаза ея горѣли недобрымъ огнемъ, на губахъ играла нервная, зловѣщая усмѣшка. Иванъ Сергѣевичъ безпокойно заёрзалъ на стулѣ.

— Бросьте вы этого вандала, займемся лучше музыкой. Спойте, вы сегодня, кажется, въ ударѣ.

Я тоже былъ радъ покончить со споромъ, начинавшемъ уже мнѣ порядкомъ надоѣдать, и присоединился къ Дядлову.

— Спойте, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ интересно послушать васъ.

Она не заставила себя долго упрашивать.

— И правда, станемъ всѣ на нейтральную почву,—пусть музыка будетъ залогомъ мира.

Она подошла къ открытому пьянино и послѣ минутнаго раздумья запѣла мелодическій романсъ Чайковскаго:

«Средь шумнаго бала...»

Голосъ у нея былъ симпатичный, но небольшой, фразировала она мастерски. Это было скорѣе музыкальная декламація, пріятно раздражающая нервы, чѣмъ истинное пѣніе.

— Развѣ не хорошо? — чуть слышно спросилъ меня Иванъ Сергѣевичъ.

Я молча кивнулъ головой.

«... Люблю ли тебя, я не знаю,
Но кажется мнѣ, что люблю...» —

передавала она голосомъ, полнымъ нѣги и страстной тоски. Мы притаили дыханіе. Это было дѣйствительно хорошо.

Вдругъ она вся какъ-то согнулась и, опершись локтями на колѣни, опустила голову на руки. Плечи ея вздрагивали,—она плакала. Иванъ Сергѣевичъ тревожно вскочилъ съ мѣста.

— Ну, вотъ!... Ну, вотъ!... Если такое настроеніе, не надо было тогда и пѣть.

— Нѣтъ, ничего!—твердо выговорила она и, встряхнувъ головой, поднялась съ мѣста. — А все вашъ другъ виноватъ: вспомнилась самая ранняя юность, когда все впереди еще и влечетъ, когда «жажда безумная, жажда жизни впередъ и впередъ!»

— Да все еще будетъ... Вы молоды, вы даровиты, — волновался Иванъ Сергѣевичъ.

А она точно отрѣзала со злобой: «Нѣтъ, ничего больше не будетъ»,—и улеглась на свою излюбленную кушетку.

— Иванъ Сергѣевичъ, я хочу денегъ!

— Развѣ вы нуждаетесь?—испуганно спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Ахъ, нѣтъ!... Какой вы узкій!... Не этихъ денегъ,—нѣтъ, а... милліоновъ!... О, сколько можно сдѣлать!... Поразить своею щедростью,—не мелкой и копеечной, а настоящей!... Школы, библіотеки, больницы — сколькимъ людямъ помочь!... И знать, что все это я... я сдѣлала, никто другой!... Воздвигнуть небывалый по красотѣ театръ—чудо искусства, созвать лучшихъ скульпторовъ, лучшихъ живописцевъ міра для его украшенія!... И опять - таки я... я сдѣлала, никто другой!... Иванъ Сергѣевичъ, отыщите тройку,—мнѣ душно дома!...

— Поздно... пожалуй, не найти, — робко запротестовалъ Дядловъ.

— Все равно,—я хочу!

Онъ отправился за тройкой, и мы остались одни. Я былъ въ состояніи какого-то угара. Мнѣ слышались звуки и слова только что спѣтаго романса, выпитое шампанское туманило голову, логика разсудка, управляемаго волей, куда-то исчезла, и я весь от-

дался во власть могучему безсознательному влеченію, охватившему все мое существо.

— Подите сюда,—приказала она мнѣ въ полголоса, но твердо.—Сядьте тутъ, со мной, на кушетку... Вы помните, какъ Фаустъ жаждалъ сказать: «Остановись мгновеніе!» Вы помните, да?

Она приблизила ко мнѣ свое поблѣднѣвшее лицо. Глаза ея стали совершенно темными, и въ нихъ было что-то до того знойное и жгучее, что невольная дрожь пробѣжала по всѣмъ моимъ нервамъ.

— А если... если онъ пришелъ, этотъ мигъ, что дѣлать тогда?

— Ловить его!—самъ не зная какъ отвѣтилъ я.

И, прежде чѣмъ я успѣлъ докончить фразу, ея бѣлыя руки обвились вокругъ моей шеи и влажныя губы жарко прижались къ моимъ. Близость ея тѣла, рыжія кудри, упавшія мнѣ на грудь, запахъ одуряющихъ духовъ, нѣжныя руки, сжимавшія мою шею,—все это захватывало съ неотразимою силой. Не помня себя, я крѣпко заключилъ ее, всю трепещущую отъ страсти, въ свои объятія и, сливаясь съ нею въ мучительномъ сладкомъ поцѣлуѣ, забылъ гдѣ я, что со мною, и только ощущалъ ее, ее одну...

Долго ли длился полусознательный сонъ,—не знаю. Она очнулась первая. Она тихо освободилась изъ моихъ объятій, слегка отстранила меня и, поправляя растрепавшіеся волосы, прошептала, указывая на дверь:

— Тамъ Катя еще не спитъ, такая досада... и скоро вернется Иванъ Сергѣевичъ.

Я готовъ былъ въ эту минуту растерзать Катю и Ивана Сергѣевича. Должно быть, я имѣлъ самый жалкій видъ. Она засмѣялась тихимъ смѣхомъ, а въ глазахъ ея отразилось неудержимое веселье.

— Милый... милый... милый!... Подожди, мы еще будемъ счастливы... Завтра послѣ репетиціи ты придешь... Слышишь?... Я пошлю Катюшу за покупками, Дашу въ театръ, мы запремся и будемъ совершенно одни...

Безумно счастливый, я цѣловалъ ея маленькія, похолодѣвшія отъ волненія, дрожащія ручки. Она смѣялась, вырывая ихъ у меня, снова сама прижимала ихъ ладонями къ моимъ губамъ и говорила такимъ страннымъ, прерывистымъ шепотомъ.

— Когда страстное влеченіе бросаетъ людей другъ къ другу въ объятія, противиться—это грѣшно, святотатство, потому что нѣтъ въ мірѣ выше блаженства и нѣтъ выше въ природѣ тайны, какъ это сліяніе двухъ въ одно... Не знаю почему, но я жажду, жажду тебя неудержимо всѣми нервами, всѣми силами моего существа...

Я жажду сгорѣть въ твоихъ объятіяхъ, отравиться твоими поцѣлуями, разсыпаться въ прахъ... Кто знаетъ, быть можетъ, уже завтра я тебя возненавижу, а можетъ быть въ тебѣ одномъ найду желанное счастье... Я ничего не знаю. Мигъ пришелъ, и я кричу ему: остановись!...

Въ дверяхъ показался Иванъ Сергѣевичъ,—мы не слыхали его звонка.

— Лошади есть,—сказалъ онъ унылымъ голосомъ.

— Не надо, я устала и спать хочу, — отвѣтила она. — Прощайте,—протянула она ему руку и, подавая другую мнѣ, шепнула:—завтра, въ два...

И завтра, ровно въ два, я позвонилъ у подъѣзда. Мнѣ отворила Катюша—смущенная, блѣдная.

Я испугался.

— Что съ вами? У васъ все благополучно?

Катюша сконфузилась еще больше.

— Все слава Богу, ничего... Но... вотъ вамъ письмо.

Я въ полномъ недоумѣніи взялъ маленькій, цвѣтной конвертикъ и, разорвавъ нетерпѣливо, прочиталъ слѣдующія строки:

«Простите за обманъ, но, право, такъ лучше. За удовлетвореніемъ страсти послѣдовало бы, пожалуй, разочарованіе, и я пережила бы горькія минуты стыда за себя. Я уѣзжаю. Куда? — Вамъ все равно. Я буду ждать извѣстій отъ Кати о вашемъ отъѣздѣ изъ города. Вы будете такъ добры, надѣюсь, сообщите ей объ этомъ».

— И больше ничего?...—стараясь овладѣть собою, спросилъ я Катюшу.

— Ничего, — пролепетала она, конфузясь.

Ей было, очевидно, извѣстно содержаніе письма и весь мой короткій неудачный романъ.

Злость, оскорбленное самолюбіе, обида закипѣли во мнѣ. Что же я послѣ этого? Мишень для шутокъ взбалмошной барыни?...

Чортъ знаетъ, что такое!

Мнѣ пришло въ голову, что я одураченъ ею въ союзѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, и, взбѣшенный, я готовъ былъ сейчасъ же ѣхать къ нему на свѣжій слѣдъ, какъ вдругъ въ незапертую дверь передней ввалился онъ самъ, запыхавшійся, растерянный, красный.

— Что такое случилось?... Я заѣзжалъ въ театръ и пораженъ. Тамъ получили отъ нея письмо. Директоръ въ отчаяніи,—спектакль сегодня сорванъ. Гдѣ она? Что случилось?

— Да ничего же, ничего,—бормотала совсѣмъ растерявшаяся

Катюша.—Она вернется, только потомъ, теперь нельзя... Получена телеграмма и... большія непріятности...

Катюша путалась, краснѣла отъ своей невинной лжи и готова была расплакаться. Огорченный Иванъ Сергѣевичъ волновался, недоумѣвалъ и, какъ это ни комично, мнѣ же пришлось утѣшать его.

III.

Намъ суждено было встрѣтиться еще разъ, четыре года спустя. Я проводилъ лѣто за границей. Возвращаясь изъ Италіи въ Россію, я сѣлъ на пароходъ въ Бриндизи, предпочитая морское путешествіе сухопутному. Было уже поздно, часовъ десять вечера, когда я вступилъ на пароходъ, который въ одиннадцать долженъ былъ сняться съ якоря. Занявъ койку въ каютѣ, я поднялся по узкой отвѣсной лѣстницѣ наверхъ на палубу, чтобы подышать морскимъ воздухомъ и проститься съ Италіей, которую покидалъ. Я сталъ смотрѣть на набережную крошечнаго городка, на темное южное небо, сверкающее звѣздами, на окружающую меня суетню, предшествующую скорому отплытію, какъ вдругъ меня поразила небольшая фигурка, стоящая невдалекѣ, и въ темнотѣ я различилъ некрасивую симпатичную головку Катюши.

Я подошелъ.

— Вы какъ здѣсь?

Катюша, узнавъ меня, сильно смутилась.

— Мы... мы путешествуемъ... Теперь изъ Венеціи... Жили сначала въ Ниццѣ... Тамъ не понравилось,—вотъ ѣдемъ на Принцевы острова... Не знаю, что и будетъ... Тамъ тоже не понравится!

Личико Катюши затуманилось, въ большихъ глазахъ блеснули слезы, и она договорила дрогнувшимъ голосомъ:

— Теперь нигдѣ не понравится: она очень больна!

Помимо воли, мое сердце тревожно забилось въ груди.

— Да что же съ ней и давно ли?

— Уже съ годъ!... Доктора не говорятъ опредѣленно, но должно быть чахотка. Натура ея, вы сами знаете, какая?

Катюша подняла на меня свои кроткіе, опечаленные глаза.

— Горитъ!... Ахъ, какъ я рада, что васъ вижу!... — вырвалось у нея точно изъ самыхъ нѣдръ наболѣвшей, измученной души.—Не съ кѣмъ поговорить: все чужое вокругъ, а вы... вы меня поймете... Вѣдь она не просто человѣкъ, она — богиня. Кто не знаетъ ея, можетъ, пожалуй, хоть ненавидѣть... И они всѣ говорятъ: «странная, странная», а кто узналъ—любитъ безъ мѣры. И

вы... вы, вѣдь, тоже? Вы должны понять, какъ мнѣ тяжело. Ей нужно было царствовать, повелѣвать, а жизнь такъ зла... это ужасно!... И теперь еще болѣзнь. За что же столько испытаній, за что?... Однако прощайте,— испуганно спохватилась Катюша,— я заболталась... Я вышла на минутку только... подышать.

Быстро повернувшись, Катюша исчезла въ темныхъ дверяхъ рубки.

Я остался одинъ, потрясенный неожиданностью предстоящей встрѣчи и всѣмъ тѣмъ, что я только что слышалъ.

... Опять я увижу ее, эту мудреную... эту смѣсь каприза, своеволія, тщеславія и притягивающей прелести!... Все прошлое всколыхнулось въ душѣ.

— Послушайте,— снова раздался около меня дрожащій голосъ Катюши.

Я обернулся. Лицо милой дѣвушки было встрѣвожено и блѣдно.

— Я забыла васъ предупредить: она очень измѣнилась, такъ при встрѣчѣ, ради Бога, не показывайте вида, ее это испугаетъ. Говорите съ нею какъ можно веселѣе. Я затѣмъ и пришла, чтобы предупредить васъ. Прощайте.

Она исчезла опять.

Звѣзды ярко блестѣли на небѣ, луна серебрила легкую зыбь моря, пароходъ пріятно покачивало, вокругъ раздавались отрывки итальянской быстрой рѣчи, съ характернымъ подчеркиваніемъ послѣдняго слова фразы. Откуда-то неслись плачущіе, трепетные звуки мандолины... Какой-нибудь любитель пассажиръ игралъ серенаду во славу ночи и любви.

Да, я снова увижусь съ тобою!... Здравствуй, милый Геростратъ!

... Было уже половина десятаго утра,—часъ завтрака на пароходѣ. Столы на палубѣ накрыты. Лакеи разносятъ красное вино и какъ слеза прозрачную «aqua fresca», аппетитно покрывающую пылью мелкихъ росинокъ стекло графиновъ и однимъ своимъ видомъ уже дающую прохладу и утоленіе жажды. Послѣ второго звонка пассажиры начали занимать мѣста. Ни ея, ни Катюши между ними не было. Я сталъ волноваться, даже нѣкоторый страхъ примѣшивался къ этому волненію. Я вспомнилъ разговоръ съ Катюшей наканунѣ, печальные глаза преданной дѣвушки, ея голосъ полный глубокаго горя, — мое сердце сжалось.

— Неужели ужъ такъ плохо?!

Сидящій рядомъ со мною пожилой красивый итальянецъ озабоченно освѣдомился у лакея о какой-то «signora russa». Я былъ

увѣренъ, что рѣчь идетъ именно о ней, хотя могли быть и еще русскія дамы на пароходѣ, но когда я услышалъ отвѣтъ лакея, извѣщавшій о скоромъ приходѣ синьоры, отъ сердца отлегло. Однако уже съѣли пресловутыя maccaroni и обносятъ закусками... Вдругъ мой сосѣдъ сорвался съ мѣста. Я обернулся по тому направленію, куда онъ спѣшилъ, и въ дверяхъ рубки увидѣлъ *ее*. Одною рукой она опиралась на Катюшу, другую подала подскочившему къ ней итальянцу.

Правда, она измѣнилась! Блѣдное, полупрозрачное, точно восковое лицо, синія жилки, рѣзко обозначившіяся на впалыхъ вискахъ, но все тѣ же горящіе безпокойнымъ огнемъ властолюбивые глаза, тѣ же упрямыя рыжія кудри и только словно новая неуловимая печать легла на всѣ черты, придавъ имъ особую поэтическую прелесть.

Она была вся въ черномъ. Страннаго покроя платье, что-то вродѣ тоги, ниспадая съ плечъ складками, было схвачено у таліи серебрянымъ поясомъ.

Я подошелъ къ ней взволнованный, потрясенный, но, вспомнивъ завѣты Катюши, постарался придать своему лицу самое беззаботное выраженіе.

Ея исхудалыя щеки слегка вспыхнули. Выдернувъ отъ Катюши и итальянца обѣ свои руки, она протянула ихъ мнѣ, улыбаясь смущенной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, счастливой улыбкой:

— Ахъ, какъ я рада!... — и тутъ же торопливо объяснила итальянцу, что я русскій и ея другъ и какъ она счастлива, встрѣтивъ вдали отъ родины соотечественника и друга.

За столомъ она заняла мѣсто итальянца, посадивъ его по другую отъ себя сторону.

— Вы помните нашъ ужинъ, когда вы были студентъ,—шепнула она мнѣ съ грустной улыбкой.—Тогда была моя весна. Теперь мы завтракаемъ, опять сидимъ рядомъ, но уже теперь—закатъ!

Замѣтивъ тревожные тоскливые огоньки въ ея глазахъ, какъ бы ожидающихъ протеста, я поспѣшилъ ее успокоить:

— Какой же это закатъ!... Пока еще полный расцвѣтъ силъ!

Но разговаривать намъ не пришлось: итальянецъ оказался болтливымъ черезъ мѣру. Онъ болталъ заразительно и громко, увлекая за собою всѣхъ присутствующихъ. «Signora russa» весело шутила, раздавая по сторонамъ привѣтливыя улыбки. Какъ вдругъ на какомъ-то полусловѣ она, закрывъ глаза, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, склонилась головой къ плечу своего сосѣда итальянца. Всѣ засуетились.

— Вотъ вамъ и расцвѣтъ силъ!—сказала она мнѣ, оправясь, точно тономъ укоризны. Однако, несмотря на убѣдительныя мольбы Катюши «пойти лечь», она осталась на палубѣ и послѣ завтрака, усѣвшись на поданное ей матросомъ складное кресло, пригласила меня поболтать съ нею «какъ въ старину».

Море было совершенно спокойно. Легкій вѣтерокъ, скользя по ея блѣдному лицу, развѣвалъ пышныя золотистыя кудри.

— Не много лѣтъ, а горя много, — проговорила она задумчиво. — Вамъ интересно знать, что было со мной за эти годы?

— Конечно.

— Я вѣдь бросила сцену тогда и рѣшила ѣхать за границу. Мужъ, какъ всегда, пришелъ ко мнѣ на помощь, и мы съ Катюшей отправились въ Цюрихъ... О, это были самыя сладкія минуты въ моей жизни! Я точно возродилась снова... Я посѣщала лекціи, я изучала философовъ и древнихъ, и новѣйшихъ, я вся ушла въ работу мысли и въ этой работѣ потопила всѣ остальныя чувства. Вы ничего не слышали?

— Нѣтъ.

— Да, впрочемъ, гдѣ же?... Я написала книгу: *Основы нравственнаго счастья. Die Gründe der moralischen Befriedigung.* Всѣ силы положила я въ нее. Работала нервно, запоемъ. Я написала по-нѣмецки, боясь скептическаго отношенія въ Россіи къ подобному труду женщины. Я послала рукопись мужу, надѣясь найти въ немъ сочувствіе, но...—она улыбнулась не то грустно, не то иронически. На этотъ разъ ошиблась: онъ отказался помочь мнѣ въ изданіи, находя мой трудъ никуда негоднымъ. Меня это взорвало. Я усмотрѣла здѣсь простое jalousie de metier: онъ самъ много писалъ по этимъ вопросамъ. Возмущенная его поступкомъ, Катюша предложила издать на свой счетъ, и книга появилась въ Берлинѣ. Я не могу сказать, что мы пережили, но мы были убѣждены въ успѣхѣ. И вотъ нашъ ужасъ: нигдѣ, нигдѣ ни слова о книгѣ... Только въ какомъ-то ничтожномъ уличномъ листкѣ написали нѣсколько насмѣшливыхъ строкъ о «философскомъ трудѣ нѣкой русской дамы». Такого позора я не ожидала. Я обратилась къ одному критику, умоляя написать отзывъ. Отзывъ появился, но лучше бы вовсе его не было. Почтенный мужъ не отказалъ мнѣ только въ нѣкоторой эрудиціи и... вотъ его доподлинныя слова: «крупица ума и море самомнѣнія». Но Богъ съ нимъ! Однако провалъ книги былъ слишкомъ ясенъ для меня. Перенести его не хватало силъ. Я собрала все, что было роздано книгопродавцамъ, всѣ имѣющіеся въ наличности экземпляры и, несмотря на мольбы и слезы Катю-

ши, сожгла въ каминѣ эти проклятыя книги, а съ ними вмѣстѣ свой стыдъ и свой позоръ!...—Лицо ея потемнѣло и, помолчавъ съ минуту, она прибавила:—Впрочемъ, кто знаетъ, справедливы ли были мои судьи, вѣдь люди часто отрицаютъ и то, чего не понимаютъ. Однако, бросимъ это.

— Вы... вы на меня не сердитесь?—спросила она тихо, тихо.

— За что же?

— За мою выходку тогда?—Помните?

— За что же сердиться? Хотя не скрою, въ ту минуту я разозлился изрядно, но это только тогда!

— А теперь?

— Теперь я нахожу поступокъ вашъ немного страннымъ, за то оригинальнымъ, даже, пожалуй, милымъ.

— А мнѣ... мнѣ жаль. Мнѣ очень жаль,—добавила она смущаясь,—хотя въ недопѣтой нашей пѣснѣ есть своя прелесть. Вы знаете, во что я теперь только вѣрю? Гдѣ ищу счастья? Она подняла на меня свои большіе грустные глаза. Въ любовь. Я жаждала славы, огромной, какъ это море, но... слишкомъ хрупокъ сосудъ, вмѣщающій вино, которое во мнѣ бродило, и я побѣждена. Пускай это мое безсиліе, но я, какъ воздуха и свѣта, жажду любви, какъ возрожденія къ жизни. Скажите мнѣ, вѣдь я не ошиблась? Вѣдь существуетъ онъ, хотя бы призракъ настоящей любви?

Подавленный потокомъ нахлынувшихъ воспоминаній, охваченный жалостью къ этой блѣдной, страдающей женщинѣ, я былъ не въ силахъ говорить, а она, прищуривъ глаза, точно всматриваясь въ синюю даль, точно пытаясь вызвать передъ собою желанный призракъ, продолжала:

— Да, да, да, любовь. Я горько заблуждалась,—я въ сладострастьи топила жажду любви, а это не то... совсѣмъ не то. Нѣтъ, нѣтъ, любовь—культъ, любовь—воображеніе... и ласка безгрѣшная... ну, какъ ласкаютъ мать, сестру. Скажите, развѣ это невозможно? Зачѣмъ связывать тѣломъ полетъ духа! Ахъ, еслибъ знали вы, какъ жажду я подобной ласки!

Движимый чувствомъ состраданія, я прижалъ ея руку къ губамъ. И показалось мнѣ, что я прощаюсь съ чѣмъ-то мнѣ страшно дорогимъ. Какъ бы частица моего собственнаго «я» отрывалась отъ меня и улетала куда-то далеко вмѣстѣ съ легкимъ, словно прощальнымъ пожатіемъ руки этой женщины, отвѣтившей мнѣ на мою ласку.

— Когда мы въ Аѳинахъ? — вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія ея голосъ, она спрашивала подошедшую къ намъ Катюшу.

— Въ субботу, въ шесть часовъ утра.

— Мнѣ кажется, я не дождусь.

Катюша взглянула на нее испуганно.

— Не бойся, Киска, еще мой часъ не пробилъ. Я не дождусь отъ нетерпѣнія. Вы бывали когда-нибудь въ Аѳинахъ?—обратилась она ко мнѣ.

— Нѣтъ.

— Я тамъ бывала. О, если вы только способны отрываться отъ земли, вы испытаете блаженство. Киска, веди меня,—опять кружится голова,—съ нѣжной улыбкой протянула она руку Катюшѣ.

Онѣ ушли.

Ни въ тотъ, ни въ слѣдующій день я ея не видѣлъ. Только съ другого конца каютъ-компаніи, гдѣ помѣщалась большая дамская каюта, доносились до меня, по ночамъ, надрывающіе сердце приступы отрывистаго сухого кашля, да на палубѣ раза два показывалась Катюша, съ разстроеннымъ лицомъ и, видимо избѣгая разговоровъ, немедленно исчезла, кивнувъ издали безмолвно головой.

Мы миновали Корфу и подвигались къ Пирею. Я бродилъ по палубѣ скучный, раздражительный, взволнованный. Ни чудная панорама Корфу, ни причудливые, скалистые острова Архипелага, ничто не привлекало моего вниманія. Пассажиры столпились возлѣ борта, вооружась биноклями. На одномъ изъ заброшенныхъ въ морскомъ пространствѣ, необитаемыхъ дикихъ острововъ, поселился отшельникъ, построившій своими руками микроскопическую хижину. Религіозный экстазъ заставилъ этого человѣка уйти отъ людей, отъ всего міра. А на другомъ концѣ того же суроваго, безъ признака растительности острова пріютился маякъ, и здѣсь обиталъ другой отшельникъ, навѣрно любящій жизнь и людей и волею нужды оторванный отъ нихъ. Когда пароходъ прошелъ мимо того мѣста, гдѣ у огромнаго камня прилѣпился домикъ аскета, всѣ пассажиры стали кричать, махать платками. Я былъ золъ, меня все раздражало: и крики пассажировъ, и шумъ бирюзоваго моря, и свѣтъ и блескъ южнаго солнца. Въ видѣ безмолвнаго протеста я махнулъ платкомъ, проѣзжая маякъ, желая привѣтствовать томящагося въ неволѣ человѣка, оберегающаго безопасность чужихъ жизней. Я былъ золъ и не могъ отдѣлаться отъ тоски, пожирающей сердце. Да, что же это наконецъ? Люблю я ее, что ли? Нѣтъ, это не любовь, не то нѣжное, всепрощающее чувство, когда намъ все кажется милымъ въ любимой женщинѣ. Это какое-то любопытство въ связи съ неудержимой жалостью. Я не назову ее «богиней»

какъ простодушная Катюша, но... но (право, я теряюсь въ догадкахъ), но когда ее видишь,—она порабощаетъ.

Не было еще и шести часовъ утра, когда уже совершенно готовый я ожидалъ нетерпѣливо нашего прибытія въ Пирей. Выйдетъ ли она или нѣтъ? Какъ только стали на якорь, она появилась на палубѣ въ сопровожденіи вѣрной Катюши. Я бросился къ нимъ навстрѣчу.

— Вотъ видите, что значитъ Аѳины,—сказала она мнѣ шутливо,—я такъ дурно себя чувствовала, а стали подъѣзжать и поправилась. Ея худощавую фигуру облегало все того же страннаго покроя платье вродѣ тоги, но только на этотъ разъ бѣлое изъ легкой, полупрозрачной ткани. Волосы были подобраны большимъ узломъ на затылкѣ. Огромная бѣлая шляпа со страусовыми перьями дополняла гармонію оригинальнаго туалета.

Мы взяли лодочника, чтобы перебраться въ Пирей, затѣмъ получасовой переѣздъ по желѣзной дорогѣ, еще полчаса, и наша коляска остановилась у развалинъ Акрополя.

Я съ ужасомъ взглянулъ на крутизну полуобрушившейся лѣстницы, опасаясь за больную.

Но она была неузнаваема: на щекахъ игралъ румянецъ, глаза горѣли оживленіемъ. Она сбросила шляпу на руки Катюши и, придерживая спереди платье, стала бодро подниматься наверхъ.

Грандіозныя колонны знаменитаго Парѳенона ярко выступали въ прозрачной синевѣ воздуха, издали ласкалъ глазъ своимъ желтымъ мраморомъ, стоящій глубоко внизу, Тезеевъ храмъ, а изящный Эрехтейонъ, украшенный каріатидами, тянулъ къ себѣ неотразимо. Мы вошли въ него. И тамъ, среди обломковъ камней, поросшихъ травой, среди колоннъ, лишенныхъ своихъ вершинъ, мнѣ почудилось, что я дѣйствительно вижу передъ собой «богиню» черезъ тьму временъ взирающую на эти священныя руины. То была она въ своемъ фантастическомъ бѣломъ платьѣ, съ узломъ рыжихъ кудрей на затылкѣ, съ вдохновеннымъ, куда-то проникающимъ взоромъ.

Я тихо ее окликнулъ. Она вздрогнула.

— Зачѣмъ вы меня разбудили?

Я посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Да, разбудили. Я была тамъ, въ мірѣ формъ и красоты, а вы безжалостно меня разбудили. Вы знаете — прибавила она съ живостью—я вѣрю въ трансмиграцію, я знаю, во мнѣ живетъ душа греческой женщины. Можетъ быть, знатной гражданки или геэры, быть можетъ самой Аспазіи—это все равно, но я чувствую

себя на родинѣ. Я приносила жертвы въ этихъ храмахъ, я поклонялась этимъ богамъ!...

Когда мы пришли въ музей, въ какомъ-то, казалось, священномъ упоеніи, бродила она по его комнатамъ, среди обломковъ старины.

— Ахъ, посмотрите, какія славныя лица!—воскликнула она, указывая на сфинксовъ.—Точно они все поняли и смѣются надъ бѣднымъ близорукимъ человѣкомъ. Видите: насмѣшка и увѣренность! И привлекаютъ къ себѣ!

— А знаете, вы иногда кажетесь мнѣ вотъ именно такимъ же точно сфинксомъ.

Она самодовольно улыбнулась.

— И вы правы. Но вотъ разница: они загадочны для посторонняго, не для себя. А я... я право же сама не знаю, кто я. Когда я была ребенкомъ, я помню, попалъ къ намъ въ домъ, какимъ-то образомъ, монахъ съ Аѳонскаго монастыря—грекъ. Его спросили, какъ справляться съ собой въ борьбѣ противъ страсти и въ чемъ состоитъ совершенство? Онъ отвѣтилъ: могущій вмѣстить пусть вмѣститъ, а не могущій—пусть покорится. Такъ вотъ, что̀ я вмѣщаю въ себѣ и что̀ могу вмѣстить, для меня самой до сихъ поръ загадка!

Какъ вкопанная остановилась она передъ мраморной головой Гермеса, глаза и губы которой еще хранили слабые остатки красокъ.

— Красота!—прошептала она благоговѣйно.—Мнѣ хочется поцѣловать эти губы.

— Мнѣ кажется, пора вернуться бы...—робко заявила о своемъ присутствіи Катюша.

— Ахъ, оставь меня въ покоѣ, не мѣшай жить,—я умереть всегда успѣю. Нѣтъ, нѣтъ! Боговъ, еще боговъ,—дѣтски-капризнымъ, болѣзненнымъ возгласомъ обратилась она ко мнѣ и велѣла везти себя въ главный городской музей, находящійся въ Новомъ городѣ.

Противорѣчить было немыслимо. Однако утомленіе начинало сказываться. Она уже почти равнодушно проходила наполненныя изваяніями залы.

Мы вошли въ самую большую. Статуи въ стройномъ порядкѣ тянулись вдоль стѣнъ, а надо всѣми ними, въ головѣ комнаты, высился гигантскихъ размѣровъ, поразительной красоты, высѣченный изъ темно-сѣраго мрамора Поссейдонъ—весь олицетвореніе величія и несокрушимой силы.

Крикъ восторга вырвался у нея изъ груди, и едва я могъ опомниться, она лежала уже у подножія каменнаго исполина и, склонившись головой къ мраморному пьедесталу, беззвучно рыдала.

Катюша испуганно глядѣла на эту сцену.

Мы бросились поднимать «богиню».

— Нѣтъ, нѣтъ,—умоляла она насъ съ истерическою настойчивостью,—дайте мнѣ чувствовать жизнь, дайте наслаждаться. Всхлипывая, точно ребенокъ, она, наконецъ, позволила увести себя изъ музея, а по дорогѣ, улыбаясь сконфуженной улыбкой, еще съ каплями невысохшихъ на рѣсницахъ слезъ, спросила:

— Вамъ показалась дикой моя выходка?

Два зловѣщихъ багровыхъ пятна пылали на скулахъ ея исхудалаго лица.

«Бѣдная Катюша, — подумалъ я: — «богиня» твоя сгараетъ и скоро, скоро сгоритъ.

— Что же вы молчите?... Вы нашли дикой мою выходку?

Я отвѣчалъ:

— Слишкомъ много экзальтаціи.

— Потому что вы не артистъ, не художникъ! Вы не можете такъ чувствовать красоту. Вы неспособны отрываться отъ земли. Да и не только вы: вотъ, напримѣръ, Катюша, она живетъ мною, а и ей навѣрное показалось все это дикимъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, — горячо откликнулась Катюша,—я... я отлично понимаю, что особенный человѣкъ и чувствуетъ все особенно. Но мнѣ только страшно... я боюсь за здоровье!

Въ глазахъ бѣдной Катюши задрожали слезы. А она, взглянувъ на меня пытливымъ, безпокойнымъ взглядомъ, произнесла медленно, будто спрашивая и одновременно сама отвѣчая на тотъ же вопросъ:

— Вѣдь, есть же во мнѣ хоть что-нибудь хорошее, если я могу внушать такую безграничную любовь!...

. . . .

Прошелъ еще день, и красавецъ Босфоръ, играющій на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, принялъ насъ въ свои темно-синія воды.

Русскій пароходъ, на которомъ я долженъ былъ отплыть въ Севастополь, отходилъ на другой день только въ шесть вечера. Я могъ совершенно свободно сопровождать своихъ спутницъ до цѣли ихъ путешествія.

Прощаясь съ нею, пожилой итальянецъ окинулъ меня злобнымъ, пламеннымъ взоромъ.

Мы скоро покончили на берегу со скучными паспортными и

таможенными формальностями и очутились на маленькомъ пароходикѣ, совершающемъ рейсы между Константинополемъ и Принцевыми островами.

Городъ, сверкая бѣлизною минаретовъ, купался въ солнечныхъ лучахъ. Шумъ толпы, возгласы разносчиковъ, мелькающія среди пестраго люда красныя фески, безчисленные пароходы на волнахъ Босфора, снующія взадъ и впередъ по проливу лодки—все точно ликовало, дышало мощью жизненныхъ силъ... А мнѣ... мнѣ было грустно... Въ воображеніи почему-то вставали унылыя картины сѣверной русской природы: небольшая рѣчка бѣжитъ по лугу, плакучая ива окунула въ нее свои длинныя висячія вѣтви и словно плачетъ на самомъ дѣлѣ... двѣ-три березки, ольха, а кругомъ безъ конца болотистое поле... Вспоминались какіе-то жалобные тихіе-тихіе звуки, и я думалъ объ угасающей жизни мудреной женщины, сидящей возлѣ меня.

Она тоже о чемъ-то глубоко задумалась.

— О чемъ вы?

— Ахъ, какъ жить хочется...—отвѣтила она, сама того не подозрѣвая, на мои мысли.

Миновавъ острова: Prot, Antigoni и Halki, мы пристали къ граціозному, утопающему въ зелени Principo.

Послѣ получасового отдыха я вышелъ изъ своего номера на террасу гостиницы, устроенную надъ самымъ моремъ, и нашелъ своихъ спутницъ уже сидящими тамъ.

— Какъ хорошо, что вы пришли!—воскликнула она съ неподдѣльною радостью.—Катюша пойдетъ отдохнуть, а я буду болтать тутъ съ вами. Катюша, иди,—ты не спала почти всѣ ночи.

Не смѣвшая противорѣчить, Катюша нѣжно поцѣловала свою «богиню» и немедленно исчезла.

— Эта постоянная опека тяготитъ,—произнесла она, по уходѣ Катюши,—а я хочу быть свободной... даже на рубежѣ смерти.

Я смутился и поспѣшилъ было утѣшить.

— Э, перестаньте,—перебила она, зачѣмъ лгать.—И главное совершенно безполезно!... Я не хочу уже больше закрывать глаза передъ дѣйствительностью, пускай даже самою суровой... Смотрите,—она указала на солнце, спускающееся къ западу:—видите закатъ?... Еще какой-нибудь часъ, лучи разсѣются, останется круглый огненный шаръ... онъ коснется поверхности моря и... потонетъ въ пучинѣ. Такъ отчего же въ угасаніи жизни не видѣть этой красоты?—Нѣтъ, я вижу ее и даже наслаждаюсь ею!...

Взглянувъ на меня, она усмѣхнулась.

— Вамъ это кажется страннымъ, не правда ли?—Вы опять скажете: «экзальтація!»... Нѣтъ, ошибаетесь, это—спокойствіе. А знаете ли вы, какая мука вѣчно желать и въ самомъ зародышѣ желанія носить уже тоску смерти и никогда не быть счастливой и никогда не знать покоя?... Вы можете исполнить мою просьбу?

— Конечно, все, что хотите.

— Такъ не перебивайте меня, не противорѣчьте и дайте говорить.

Она устремила задумчивые глаза въ ту сторону, гдѣ межъ двумя островами, раздѣленными моремъ, залегла широкая прогалина, куда медленно спускалось солнце.

— Вы знаете, бываютъ минуты особаго просвѣтлѣнія—то минуты хорошія. Это—самая настоящая правда. Человѣкъ глядитъ въ свою душу и правда сама открывается передъ нимъ. Это не самоуниженіе, не самобичеваніе, это—простая правдивая исповѣдь! Вы знаете, я отыскала ключъ къ загадкѣ, я поняла себя... Да, да!... Вы знаете, я вовсе не замѣчательная женщина, а я... я просто симмулянтка... это очень горько мнѣ, повѣрьте... Но вы не удивляйтесь, я вамъ сейчасъ все объясню.

Согласно ея желанію я не прерывалъ ея взволнованной рѣчи, а она все говорила, не отрывая глазъ отъ заходящаго солнца.

— Оглянитесь назадъ, лѣтъ за пятьдесятъ, и передъ нами женщина, вся цѣль, все назначеніе жизни которой—въ законной любви, въ патріархальной семейной обстановкѣ. Что тамъ за этими стѣнами, ей дѣла нѣтъ!... Въ семьѣ ея счастье и радость и всѣ надежды. Она знала, чего она хотѣла, эта женщина—не правда ли?.. Потомъ... потомъ пришла другая, требующая равныхъ съ мужчиной знанія и свободы! Она уничтожила женщину самку и создала человѣка. Она тоже знала, чего она хотѣла... Но вотъ явились мы съ неудержимою тоской въ груди, съ презрѣньемъ ко всему обыденному и съ жаждой чего-то новаго, неизвѣданнаго, а чего?—мы не знали сами. Мы потонули въ хаосѣ собственныхъ желаній, мы потеряли пути!... Въ душѣ жило одно только ясное сознаніе: то была вѣра въ свое призваніе къ чему-то особенному, что выше простой толпы. Увлекаясь этою вѣрой, мы симмулировали до полной иллюзіи исключительныхъ женщинъ, порою не обладая даже никакими данными. Отсюда это страшное стремленіе къ славѣ, это самообожаніе и... неудовлетвореніе... Вы знаете, я даже тѣло свое обожала... И какъ ненавидѣла порой и это тѣло, и себя!

Ея голосъ звенѣлъ и обрывался. Я едва сдерживалъ въ себѣ желаніе остановить ее.

— Когда пришелъ Христосъ, люди отвергли старыхъ боговъ, и духъ побѣдилъ тѣло. А чѣмъ же я виновата, воплемъ вырвалось изъ ея больной груди,—если я потеряла пути, если не знала, кого исповѣдываю, куда стремлюсь, чего хочу?... Если не знала счастья и умираю не узнавъ!...

Двѣ прозрачныя слезинки медленно скатились по впалымъ щекамъ, но, улыбаясь, она продолжала:

— Зато теперь придутъ другія, онѣ найдутъ опять пути и будутъ счастливы, а намъ...

Дрожащею рукой указала она на узенькую оранжевую полоску на горизонтѣ, и такъ и не докончила фразы. Легкій приступъ кашля прервалъ нашу бесѣду. Она откинулась головой на спинку кресла, все продолжая тѣмъ же жаднымъ взглядомъ смотрѣть туда, гдѣ скрылось солнце.

— Смотрите... смотрите... смотрите!... Агонія дня... сладкая грусть, покой и красота... да!... Все минуетъ. Одно незыблимо и вѣчно: красота!

Вдругъ глаза ея загорѣлись страннымъ блескомъ:

— А вѣчная слава?... Окончилась жизнь,—толпы народа тѣснятся у гроба... несутъ вѣнки, говорятъ рѣчи, оплакиваютъ тѣло, но осталось имя, вѣчное... достояніе страны... цѣлаго міра!

Насъ окутывалъ нѣжный полумракъ южныхъ сумерекъ. Я не прерывалъ ея полугорячечныхъ и странныхъ грёзъ, а сердце мое все ныло и замирало отъ безысходной тоски.

IV.

Прошло три мѣсяца. Сердитый ноябрьскій день глядѣлъ въ окна моего кабинета; мелкій дождь уныло барабанилъ по стеклу; въ каминѣ трещалъ уголь... Я работалъ у письменнаго стола. Настроеніе было самое петербургское, сумрачное и желчное, работа не клеилась. Позвонили въ передней. День и часъ были не пріемные, и я спокойно продолжалъ свою работу. Въ кабинетъ вошелъ лакей.

— Баринъ, тамъ барышня... эдакая жалкая... Я сказалъ, чтобы завтра въ пріемъ пришла—не согласна... Ужъ такъ проситъ, такъ проситъ убѣдительно.

— Скажи, что я занятъ, не могу.

— Ужъ такъ проситъ, такъ проситъ... экстренно даже проситъ...

Меня разсмѣшилъ этотъ своеобразный оборотъ рѣчи, и я велѣлъ принять «жалкую барышню».

Я вышелъ въ пріемную. Въ бросившейся ко мнѣ блѣдной женщинѣ я едва могъ признать Катюшу.

— Я... я къ вамъ,—захлебывалась отъ слезъ,—ее... моей богини... больше нѣтъ.

Изъ ея отрывистыхъ, прерываемыхъ рыданіями, словъ я узналъ, что тѣло «богини» находится въ часовнѣ, противъ вокзала и завтра похороны, что умерла она спокойно, все время была на ногахъ и только три послѣднихъ дня провела въ постели. Мужъ не пріѣхалъ, просилъ привезти тѣло.

Я не могъ видѣть слезъ бѣдной осиротѣлой Катюши, не въ силахъ былъ разспрашивать о подробностяхъ. Я былъ доволенъ, когда она ушла, и я остался одинъ съ моими думами, съ моими воспоминаніями.

Утромъ я направился въ часовню. Всю ночь шелъ дождь, не переставая. Сѣрое небо, мглистый воздухъ, сѣрая слякоть подъ ногами и на душѣ тоже сѣро, мглисто, уныло.

Въ часовнѣ, у большого дубоваго гроба, я засталъ высокаго господина, съ серьезнымъ, блѣднымъ лицомъ, и худощавую дѣвочку-подростка. Рыжія кудри упрямыми кольцами выбивались изъ-подъ шляпки; большіе сѣрые глаза смотрѣли сосредоточенно и не по-дѣтски серьезно. Вѣнокъ, заказанный мною наканунѣ, положенъ былъ на крышку гроба. Въ ногахъ покоившагося праха стояла на колѣняхъ Катюша, съ глазами обезумѣвшими отъ горя, и жарко молилась, не замѣчая катящихся по лицу слезъ. Пришли священники, торопливо отслужили панихиду, гробъ былъ поставленъ на катафалкъ, и грустная процессія двинулась къ кладбищу. Дождь шелъ попрежнему, липкая грязь приставала къ ногамъ, но я рѣшилъ идти пѣшкомъ за гробомъ. Я шелъ и... мнѣ казалось, что откуда-то, изъ нѣдръ невѣдомаго мнѣ міра глядятъ на меня съ благодарностью и лаской знакомые загадочные глаза.

...И вспомнилась мнѣ эффектно задрапированная шалями комната... бѣлый бюстъ господина, идущаго со мною рядомъ... приторный запахъ одуряющихъ духовъ... стройная рыжеволосая женщина, съ обнаженными бѣлыми руками... Она садится за піанино и поетъ:

«Люблю ли тебя—я не знаю,
Но кажется мнѣ, что люблю».

Эту картину смѣняетъ другая.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца догараютъ и разсѣиваются въ воздухѣ. Бирюзовое море сладострастно ждетъ въ свои объятія медленно спускающійся огненный шаръ... Рыжекудрая женщина смотритъ задумчивыми грустными глазами на это великолѣпное зрѣлище, и я ясно слышу ея замирающій шепотъ:

«Вѣчная слава... за гробомъ толпы народа... вѣнки... рѣчи!»

Катюша держалась руками за одну изъ заднихъ колонокъ катафалка, какъ бы желая до послѣдней минуты ощущать близость дорогихъ ея сердцу останковъ «богини». На осунувшемся лицѣ точно застыло выраженіе тупого отчаянія,—она уже больше не плакала.

Профессоръ былъ видимо взволнованъ. Рядомъ съ нимъ шла дѣвочка, поникнувъ головой. И глядя на ея гибкую, какъ молодой тростникъ, фигурку, я припомнилъ слова: «Придутъ другія—онѣ найдутъ пути и будутъ счастливы!»...

...Мой бѣдный, бѣдный Геростратъ, прощай!

Н. Анненкова-Бернардъ

УМЧАВШІЕСЯ ГОДЫ *).

(Изъ моихъ воспоминаній).

VI.

Я забылъ сказать, что, когда былъ въ младшихъ классахъ гимназіи, въ нашемъ семействѣ произошло большое измѣненіе, и именно: братъ Андрей Александровичъ вышелъ въ отставку и, женившись на госпожѣ Запольской, переселился на житье въ село Никольское. Поселился съ своею молодою женой въ, такъ называемой, пристройкѣ. Пристройка эта представляла изъ себя совершенно особый домикъ комнатъ въ пять, имѣла особый подъѣздъ, особое черное крыльцо и соединялась съ главнымъ домомъ особою стеклянною галлерей, уставленной разными растеніями и цвѣтами, до которыхъ мать была большая охотница. Братъ былъ еще не отдѣленъ, а такъ какъ имѣніе было отцовское, то матери пришлось выдѣлить брату Андрею третью часть. Ему отдѣлили, такъ называемое, дальнее поле, куда онъ года черезъ два послѣ своего переѣзда и перетащилъ пристройку, а равно и необходимыя надворныя постройки. Онъ перенесъ туда два флигеля, часть коннаго двора, каретника и, построивъ себѣ усадьбу, въ ней и зажилъ совершенно отдѣльнымъ хозяйствомъ.

Усадьба наша приняла совершенно иной видъ: домъ нашъ сдѣлался какимъ-то кургузымъ, а дворъ принялъ видъ какихъ-то жалкихъ развалинъ. Нечего и говорить, что и имѣнье наше на третью часть уменьшилось, а безпокойство матери, конечно, увеличилось. Она, конечно, молчала, но я ясно видѣлъ по ея лицу и глазамъ ея тревожное состояніе. Къ намъ какъ-то чаще началъ пріѣзжать мой опекунъ Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, подолгу о чемъ-то гово-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

рилъ съ матерью, но о чемъ они говорили—я не знаю, помню только, что разъ, войдя незамѣтно въ гостиную, гдѣ они сидѣли, я увидалъ слезы матери и подслушалъ слѣдующій разговоръ:

— Но чѣмъ же я заплачу проценты въ опекунскій совѣтъ,—говорила мать,—ежели я проживу зиму въ Пензѣ?

— Но, вѣдь, въ Пензу ѣхать необходимо,—говорилъ Тучковъ.

— Знаю, что необходимо,—сказала мать,—но, вѣдь, и проценты необходимо внести.

— Въ такомъ случаѣ продайте лѣсъ,—совѣтовалъ Тучковъ.

На этомъ совѣтѣ мать и остановилась, а недѣли двѣ спустя къ намъ явился какой-то толстобрюхій купецъ, въ засаленной поддевкѣ, котораго мать и пригласила въ кабинетъ, заперевъ за собою дверь.

О чемъ они толковали—Богъ вѣсть, знаю только, что, когда разговоръ ихъ былъ поконченъ и мать вышла изъ кабинета въ сопровожденіи купца, то глаза ея были заплаканы, а лицо послѣдняго, красное какъ сафьянъ, сіяло довольною улыбкой.

— Когда же прикажете приступить, сударыня?—спрашивалъ купецъ.

— Когда хотите,—отвѣтила мать.

— Слушаю-съ. Недѣльки черезъ двѣ можно-съ?

— Когда угодно.

— Слушаю-съ.

И купецъ, раскланявшись, вышелъ изъ дома, а минуту спустя я увидалъ въ окно, какъ онъ, усѣвшись на бѣговые дрожки, запряженные сытымъ сѣрымъ жеребцомъ, отъѣхалъ отъ крыльца. А на слѣдующій день мать приказала заложить длинные дроги тройкой и объявила намъ съ братомъ Александромъ Александровичемъ, что мы сегодня поѣдемъ пить чай на пчельникъ. Нашему восторгу не было границъ, такъ какъ мы очень любили этотъ пчельникъ, во-первыхъ, потому, что онъ былъ расположенъ въ живописной мѣстности, въ тѣни громадныхъ липовыхъ деревьевъ, а во-вторыхъ и потому, что любили ѣсть сотовый медъ со свѣжими огурцами. Поѣхали съ нами на пчельникъ и Марья Васильевна съ Василіемъ Никитичемъ. День былъ превосходный, и мы находились въ самомъ превосходномъ настроеніи.

Мы съ Васей захватили съ собой ружья и нашихъ собакъ, и такъ какъ недалеко отъ пчельника протекала маленькая рѣчонка Вѣдьжа, изобиловавшая небольшими омутками и заводями, то мы съ Васей и намѣревались поохотиться тамъ за утками. Все гармонировало съ нашимъ веселымъ настроеніемъ: и безоблачное голубое

небо, и чириканье птичекъ, перелетавшихъ съ дерева на дерево и даже веселая и рѣзвая бѣготня моей Фаярки и Васинаго Сбогара. Не гармонировало только съ этимъ весельемъ лицо матери, все о чемъ-то думавшей, да лицо Марьи Васильевны со сморщеннымъ лбомъ и какимъ-то плаксивымъ выраженіемъ на губахъ.

Мы провели на пчельникѣ цѣлый вечеръ. Мы съ Васей успѣли убить двухъ-трехъ утокъ, а послѣ чая успѣли даже сварить въ котелкѣ полевую кашицу изъ пшена и баранины. Усѣвшись вокругъ котелка, мы живо обработали эту кашицу и только одна мать даже недотронулась до нея. Когда мы возвращались домой, начинало уже смеркаться, и вотъ мать, выѣзжая изъ лѣса, какъ-то тяжело вздохнула и едва слышно проговорила:

— Ну, прощай мой лѣсокъ, больше не видать мнѣ тебя... Прощай!

И слезы потекли изъ ея глазъ.

Но тогда я даже и вниманія не обратилъ ни на слова матери, ни на ея слезы, а весело болталъ съ Васей о проведенномъ пріятно днѣ и о завтрашней охотѣ.

Недѣли полторы спустя на усадьбѣ нашей снова появился купецъ на дрожкахъ. Только на этотъ разъ онъ былъ не одинъ, а въ сообществѣ какого-то молодца и цѣлою ватагой найговскихъ мордвовъ, вооруженныхъ топорами и пилами.

Купецъ остановился возлѣ конторы, въ которую и вошелъ, приказавъ молодцу и мордвамъ подождать его.

— Вы здѣсь посидите,—проговорилъ онъ, обращаясь къ мордвамъ,—а ты,—прибавилъ онъ, взглянувъ на молодца,—подержи коня-то...Я сейчасъ.

Дѣйствительно, немного погодя, онъ въ сопровожденіи нашего приказчика, Никиты Григорьевича, снова показался на крыльцѣ.

— Ужъ вы тамъ укажите мѣстечко-то.

— Сейчасъ, только лошадь запрягутъ.

— Да вы со мной садитесь.

— Будетъ мѣсто-то?—спрашиваетъ приказчикъ.

— Найдется.

И, приказавъ молодцу идти съ мордвами, усадилъ Никиту Григорьевича къ себѣ на дрожки, и минуту спустя вся эта компанія двинулась по направленію къ лѣсу.

Черезъ недѣлю послѣ описаннаго, мы съ Васей пошли на порубку лѣса и не могли узнать его. Опушка этого лѣса, такъ недавно еще зеленѣвшая стройными, красивыми деревьями липы,— уже не существовала. Поверженныя на землю, деревья съ пожел-

тѣвшими листьями и полузасохшими вѣтвями лежали словно трупы на полѣ битвы. Стаи грачей и галокъ шумно носились въ воздухѣ, оглашая его неистовыми криками. Изъ-подъ какого-то сверженнаго дерева выскочилъ испуганный заяцъ и, робко озираясь круголъ, метался изъ стороны въ сторону, не находя привычной ему тропинки... А по лѣсу, между тѣмъ, слышались стукъ топоровъ, трескъ падающихъ деревьевъ, лязгъ пилъ и шумный мордовскій говоръ.

Подошли мы къ пчельнику, на которомъ такъ недавно еще и такъ весело провели вечеръ и, при видѣ его, сердце мое замерло: онъ стоялъ уже не въ тѣни лѣса, а на вырубленной полянѣ, заставленной кругомъ стройными рядами распиленныхъ саженокъ, а между ихъ рядами ходилъ тотъ самый молодецъ, который пріѣзжалъ вмѣстѣ съ купцомъ.

VII.

Съ братомъ Андреемъ мы всѣ были въ хорошихъ отношеніяхъ. Мать любила его какъ родного сына, такъ какъ съ восьмилѣтняго возраста онъ былъ на ея рукахъ и на ея попеченіи, а я, несмотря на разницу лѣтъ, былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Вышелъ онъ въ отставку штабсъ-ротмистромъ. Это былъ мужчина очень высокаго роста, съ симпатичнымъ добрымъ лицомъ, бѣлокурый и съ голубыми глазами. Ростомъ онъ былъ въ отца, а лицомъ, какъ говорятъ, походилъ на свою мать, Олферьеву. Это былъ очень добрый человѣкъ, никогда никого не обидѣвшій и никогда никого не тронувшій пальцемъ, хотя въ описываемое время давать волю кулакамъ не только не осуждалось, но даже поощрялось. Недаромъ поэтъ Давыдовъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ:

А глядишь: нашъ Мирабо
Стараго Гаврило
За измятое жабо
Хлещетъ въ усъ да въ рыло...

Какъ истый кавалеристъ, братъ Андрей любилъ псовую охоту и терпѣть не могъ ружейной, такъ какъ съ ружьемъ надо ходить пѣшкомъ. Онъ даже не умѣлъ ходить и всегда ходилъ какъ-то робко, нетвердо ступая на ноги. У него была прекрасная донская лошадь, ростомъ вершковъ пяти, крѣпкая, съ здоровой грудью и скакавшая какъ вихрь.

Проскачетъ, бывало, братъ за зайцемъ версты три-четыре,

остановится, такъ она фыркнетъ ноздрями — и конецъ дѣла, тогда какъ другія послѣ такой бѣшеной скачки, бывало, насилу отдышатся. Лошадь эта почему-то называлась Микроскопъ, хотя ничего микроскопическаго въ ней не было. Вообще, братъ очень любилъ лошадей и на его конюшнѣ всегда было двѣ-три верховыхъ лошади и тройки двѣ такъ называемыхъ разгонныхъ, хорошо подобранныхъ и лихихъ. Помню я, былъ у него гнѣдой иноходецъ, горбоносый, горбатый, просто, свинья-свиньей, но бѣжалъ иноходью такъ, что ни одна пристяжная, какъ бы она хороша ни была, не уносила постромокъ. Звали этого иноходца Михей Пироговъ. Велитъ, бывало, братъ запрячь тройку въ дроги и помчится на нихъ либо по полямъ, либо по сосѣдямъ.

Вскорѣ послѣ раздѣла братъ поселился на доставшейся ему землѣ; переселилъ туда же своихъ крестьянъ и выстроилъ себѣ хорошенькую усадьбу на хорошенькой рѣчонкѣ Ожгѣ, перепрудилъ эту рѣчонку плотиной, выкопалъ прудъ и построилъ на этомъ пруду небольшую мельницу, на которой и перемалывалъ необходимый для домашняго употребленія хлѣбъ. Вообще, онъ переселился и обстроился довольно быстро и назвалъ этотъ поселокъ сельцомъ Павловкой, вѣроятно, въ честь своего тестя, Павла Ивановича Запольскаго, командовавшаго въ то время какимъ-то пѣхотнымъ полкомъ, расположеннымъ въ Тамбовской губерніи въ городѣ Козловѣ. У Запольскаго было три дочери: старшая была за барономъ Дельвигомъ, вторая — за братомъ, а третья, Екатерина Павловна, о которой я когда-то тайно страдалъ, была дѣвицей очень миловидной и веселой.

Я очень часто бывалъ у брата Андрея, такъ какъ у него всегда бывало много гостей и жилъ онъ вообще весело. У нихъ встрѣчалъ я молодого Манухина, горнаго инженера, только что пріѣхавшаго изъ Петербурга и поселившагося на чугунно-литейномъ заводѣ своего отца, и нѣкоего Михаила Александровича Немира, завѣдывавшаго въ то время казенными лѣсами Инсарскаго лѣсничества и жившаго верстахъ въ десяти отъ брата въ казенномъ лѣсномъ кордонѣ.

Кордонъ этотъ всегда восхищалъ меня. Это былъ изящно выстроенный домикъ съ рѣзными балконцами и крылечками, окруженный такими же красивыми и изящными надворными постройками и прелестнымъ садикомъ съ цвѣтниками, бесѣдочками, красивымъ прудкомъ, посреди котораго возвышался искусственный скалистый островокъ съ фонтаномъ посрединѣ.

Лѣсничій этотъ жилъ открыто, имѣлъ хорошіе экипажи, отлич-

ныхъ лошадей, богатую обстановку и жизнь велъ веселую. Онъ хорошо ѣлъ и пилъ, игралъ въ карты, много проигрывалъ и никогда не стѣснялся въ деньгахъ. Въ его лѣсничествѣ числилось семьдесятъ тысячъ десятинъ сосноваго строевого лѣса. Въ описываемое время лѣсничіе были въ большой модѣ,—въ такой же модѣ, какъ теперь инженеры. Они носили военную форму съ блестящими серебряными эполетами, и не было ни одной барышни, которая не мечтала бы выйти замужъ за лѣсничаго. Сколько получалъ онъ жалованья,—я не знаю, такъ какъ гимназисты тогдашняго времени не интересовались подобными вопросами, но, судя по той жизни, какую велъ Михаилъ Александровичъ, надо думать, что не малое. Были, конечно, злые люди, которые утверждали, что господинъ Н. не клалъ охулки на руку, но насколько это справедливо — утверждать не берусь, такъ какъ въ то время не было ни газетъ, ни корреспондентовъ, а бродили лишь одни медвѣди, огрызавшіеся только на тѣхъ, кто ихъ безпокоилъ.

Раза два мнѣ случалось быть на этомъ кордонѣ. Въ это время тамъ было много гостей и шампанское лилось рѣкой; играли, конечно, въ карты, а ради забавы былъ откуда-то привезенъ хоръ цыганъ. Помню, какъ теперь, того цыгана, который дирижировалъ этимъ хоромъ: на немъ былъ тонкаго сукна казакинъ, туго перетянутый серебрянымъ наборнымъ ремнемъ, серебряная шейная цѣпочка съ часами и широкія шаровары, совершенно скрывавшія ногу. На пальцахъ у него были драгоцѣнные перстни, а въ рукахъ гитара, на которой онъ аккомпанировалъ хору. Хоръ состоялъ изъ нѣсколькихъ хорошенькихъ цыганокъ, съ большими черными глазами, полными огня и блеска, и одной сѣдой старухи, пѣвшей басомъ. Вечеръ этотъ проведенъ былъ очень весело и закончился бѣшеной цыганской пляской, въ которой участвовали и нѣкоторые изъ гостей, въ томъ числѣ и я. Были въ числѣ гостей и барыни. Онѣ ни въ пѣсняхъ, ни въ танцахъ не участвовали, но въ карты играли и исправно обыгрывали расходившагося лѣсничаго и кушали шампанское за здоровье амфитріона.

Послѣ столь шумно проведеннаго вечера я отправился домой въ надеждѣ, что дорогой я вывѣтрюсь и мать ничего не замѣтитъ. Я даже полагалъ, что застану ее спящей, но не тутъ-то было: обезпокоенная моимъ долгимъ отсутствіемъ (я провелъ тамъ всю ночь), она даже не ложилась и встрѣтила меня чуть не на крыльцѣ.

— Гдѣ это ты былъ, батюшка?

Я сказалъ.

— Что же ты тамъ до сихъ поръ-то дѣлалъ?

И потомъ, пристально посматривая на мое лицо, а особенно на глаза, вдругъ пододвинулась ко мнѣ и проговорила:

— Ну-ка, дыхни!

Я дыхнулъ.

— Отъ тебя водкой пахнетъ,—чуть не вскрикнула она, на хмуривъ брови.

Я принялся божиться, что водки не пилъ, такъ какъ водки дѣйствительно я не пилъ.

— Стало-быть, пилъ вино.

Дѣйствительно, я пилъ только шампанское.

Съ тѣхъ поръ мнѣ строжайше было запрещено посѣщать кордонъ лѣсничаго, и я посѣщалъ его только тайнымъ образомъ и въ ротъ ужъ ничего хмѣльного не бралъ, хотя и возвращался оттуда опьяненный, но только не виномъ.

Несмотря, однако, на всѣ эти каникулярныя развлеченія, я, все-таки, не забывалъ про ожидающіе меня экзамены и усердно занимался тѣмъ, въ чемъ чувствовалъ себя слабѣе. Способностями меня Богъ не обидѣлъ, а памятью я обладалъ завидной. Больше всего я опасался исторіи и хронологіи.

Исторію мы проходили по Смарагдову, которая отличалась обширностью и тяжеловѣснымъ пустословіемъ. Исторія эта заключалась въ трехъ толстыхъ томахъ, которые мы и должны были долбить, такъ какъ разсказывать своими словами не дозволялось.

— Вы что это своими словами-то разсказываете? Говорите словами господина Смарагдова, — поучалъ насъ учитель, — такъ какъ господинъ Смарагдовъ несравненно краснорѣчивѣе васъ.

Латинскій языкъ преподавался въ то время больше для приличія,—чѣмъ, молъ, мы хуже другихъ?... И особыхъ требованій къ знанію этого классическаго языка не предъявлялось, а о греческомъ не было даже и помина.

Итакъ, самымъ страшнымъ для меня предметомъ была исторія. Какъ теперь смотрю на эти три тома, переплетенные въ мраморную бумагу съ кожанымъ корешкомъ, и при воспоминаніи о нихъ даже морозъ пробѣгаетъ по тѣлу.

— Три тома!—разсуждали мы.—Сколько же накопится этихъ томовъ лѣтъ черезъ сто или двѣсти?

Занимался я не мало и чтеніемъ разныхъ литературныхъ произведеній. Я перечитывалъ то, что читалъ прежде и что рекомендовалъ намъ читать нашъ учитель, Егоръ Карловичъ Руммель, а произведенія болѣе новѣйшія мнѣ доставлялъ Ф. Е. Никольскій, управлявшій въ то время винокуреннымъ заводомъ Огарева. Грѣха

таить нечего,—пописывалъ иногда и самъ, и написалъ цѣлую повѣсть подъ названіемъ *Дядюшка и племянникъ* и небольшой разсказъ *Забытая усадьба*. Первое произведеніе мое, тщательно переписанное и сброшюрованное, какъ-то затерялось, а второе уцѣлѣло и, нѣсколько лѣтъ спустя, въ исправленномъ мною видѣ было напечатано когда-то въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Въ этомъ разсказѣ былъ мною описанъ нашъ старый буфетчикъ Захаръ Зотычъ, о которомъ я, кажется, вскользь упоминалъ.

Забытая усадьба была вторымъ моимъ произведеніемъ, удостоеннымъ печати, первымъ же была повѣсть *Пушиловскій регентъ*, въ которой я описалъ свою кузину Б.

По окончаніи каникулъ снова запрягался рыдванъ, и мы отправлялись обратно въ Пензу, съ тою только разницею, что тогда мы ѣхали не на наемныхъ лошадяхъ, а на собственныхъ своихъ четверикомъ и непремѣнно съ колокольчикомъ, привязаннымъ къ концу дышла. Но—увы!—настроеніе было уже не то, какъ тогда, когда мы покидали Пензу. Я сидѣлъ молча, размышляя о Смарагдовѣ, а братъ Александръ Александровичъ, оттрезвонивъ на колокольнѣ о. Ивана, даже и вниманія не обращалъ на другія колокольни, что встрѣчались намъ на пути.

IX.

Такъ или иначе проводились мною каникулы, а затѣмъ начиналось ученье въ гимназіи. Въ мое время гимназія не изобиловала количествомъ обучавшихся, такъ какъ дворяне отдавали своихъ дѣтей не въ гимназію, а въ дворянскій институтъ, который въ то время существовалъ въ Пензѣ, купечество же на дѣло образованія смотрѣло въ то время не совсѣмъ дружелюбно.

— Намъ не звѣзды на небѣ считать,—говорило оно.—Врядъ усмотрѣть за тѣмъ, что подъ носомъ есть, а наукамъ-то научишь, такъ, пожалуй, ни за прилавокъ не загонишь, ни аршинъ въ руки не всучишь.

Да, по правдѣ сказать, и сама тогдашняя молодежь не особенно хлопотала объ образованіи, не видя въ немъ ничего особо привлекательнаго. Служить не стоило того, такъ какъ жалованье было слишкомъ мизерно. Была и въ мое время молодежь, жаждавшая науки не ради корыстныхъ цѣлей, стремившаяся къ чему-то возвышенному, идеальному, но такихъ было немного, да и смотрѣли на нихъ тогда совсѣмъ по-иному.

Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что Пензенская гимназія

того времени почти пустовала: дворяне предпочитали институтъ, духовенство—семинарію, а купечество какъ-то совсѣмъ сторонилось. Оставались, значитъ, дѣти мѣщанъ да чиновниковъ.

Въ мое время, когда я былъ въ пятомъ классѣ, насъ было всего пять человѣкъ, такъ что въ классѣ у насъ, очень маленькой комнатѣ, съ окномъ, выходившимъ на дворъ, стояла всего - навсего одна парта да учительская каѳедра.

Дворянскій институтъ, который теперь, кажется, уничтоженъ, помѣщался на краю города, противъ, такъ называемаго, Верхняго Гулянья, въ очень красивой мѣстности, и примыкалъ къ засѣкѣ (такъ назывался порубленный дубовый лѣсъ). Это было большое и красивое зданіе въ нѣсколько этажей, въ которомъ и жили воспитанники. Сравнительно съ нашей гимназіей, деревяннымъ одноэтажнымъ домикомъ, дворянскій институтъ смотрѣлъ какъ бы дворцомъ: тамъ были обширные и свѣтлые классы, громадный свѣтлый коридоръ, рекреаціонная зала, библіотека и большой физическій кабинетъ, тогда какъ у насъ все это было въ самомъ мизерномъ видѣ, а рекреаціонный залъ замѣнялся большимъ дворомъ, куда насъ и выпускали во время перемѣны и зимой, и лѣтомъ. Дѣло прошлое, мы съ завистью смотрѣли и на зданіе института, и на воспитанниковъ его. Помнится мнѣ, что въ то время директоромъ этого института былъ нѣкто П., прежде бывшій директоромъ Пензенской гимназіи, тотъ самый господинъ П., при которомъ былъ исключенъ изъ гимназіи за неспособность В. Г. Бѣлинскій.

Это былъ старичокъ небольшого роста, съ румянымъ добродушнымъ лицомъ, лысенькій и съ довольно толстымъ брюшкомъ. Ходилъ онъ съ перевалочкой, по-утиному, и торопливо, словно всегда куда-то спѣшилъ. Въ институтѣ, впрочемъ, онъ не долго былъ директоромъ и, помнится мнѣ, умеръ, а на его мѣсто поступилъ нѣкто Алексѣй Андреевичъ Мейеръ, впослѣдствіи перешедшій въ гимназію и наводившій на насъ всѣхъ великій страхъ.

X.

О матеріальномъ положеніи нашихъ дѣлъ мы съ братомъ, Александромъ Александровичемъ, ничего не знали, такъ какъ мать, считая насъ за дѣтей, никогда съ нами о дѣлахъ не говорила. Мы каждый день пили чай, обѣдали, ужинали, держали пару лошадей, а потому и были вполнѣ увѣрены, что все обстоитъ благополучно и что впереди намъ ничего не грозитъ. Меня только удивляло, почему это такъ часто ходитъ къ намъ квартальный и почему каж-

дый разъ мать встрѣчала его съ какою-то тревогой, а потомъ глаза ея были всегда какъ будто заплаканы.

Какъ теперь смотрю я на этого квартальнаго. Это была очень маленькая, невзрачная фигурка. Являлся онъ къ намъ всегда въ мундирѣ и со шпагой, которая, благодаря его малому росту, почти волочилась по полу, почему мы и прозвали его квартальнымъ, привѣшаннымъ къ шпагѣ. Бесѣды матери съ этимъ квартальнымъ велись всегда почему-то при закрытыхъ дверяхъ, а провожая его, мать обыкновенно говорила:

— Пожалуйста, подождите!... На-дняхъ я жду приказчика изъ деревни: вѣроятно, онъ продастъ хлѣбъ, и тогда я расплачусь съ вами.

— И радъ бы радостью, сударыня, да бумажка-то эта у меня давно безъ движенія лежитъ, а вѣдь нашему брату за это нагоняй бываетъ.

А мать спѣшила успокоить его:

— Не безпокойтесь — говорила она — никакого нагоняя не будетъ. Я объ этомъ буду просить кого слѣдуетъ.

— Да, ужъ пожалуйста,—говорилъ квартальный,—попросите... Я человѣкъ семейный: жена, дѣти, мать-старуха. Сохрани Господи, со службы прогонятъ,—безъ куска хлѣба останусь...

И квартальный уходилъ, а мать была обыкновенно цѣлый день не въ духѣ.

Послѣ подобныхъ посѣщеній мать отправлялась зачѣмъ-то либо къ губернатору, либо къ полицеймейстеру, либо къ Варварѣ Николаевнѣ Охлебениной (родной сестрѣ писателя М. Н. Загоскина). Но зачѣмъ именно она ѣздила къ нимъ,—для насъ было тайной.

Ожиданіе изъ деревни приказчика Никиты Григорьевича всегда очень тревожило мать.

— Удивительно,—говорила она,—почему онъ до сихъ поръ не ѣдетъ... Понять не могу.

За то, когда Никита Григорьевичъ являлся, то мать выбѣгала къ нему навстрѣчу чуть не на крыльцо.

— Ну, что, какъ? Все благополучно?

— Ничего... Все слава Богу-съ,—говорилъ обыкновенно Никита Григорьевичъ, прикладываясь къ ручкѣ. — Привезъ вамъ и утокъ, и гусей, и куръ, и маслица, и яичекъ...

— А денегъ?—тревожно спрашивала мать.

— Привезъ, сударыня, только немного-съ.

— А сколько?

— Рубликовъ сто.

Мать обыкновенно блѣднѣла и съ ужасомъ всплескивала руками.

— Что же мнѣ дѣлать съ этими деньгами?—говорила она,— когда мнѣ до зарѣзу нужно тысячу рублей... Понимаешь ли ты это?

Никита Григорьевичъ видимо понималъ все это очень хорошо, но молчалъ и только хлопалъ глазами.

— Что же ты молчишь-то? — приставала къ нему мать. — Хлѣбъ продалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Почему же?

— Не молоченъ-съ.

— Что же ты дѣлалъ все это время?—удивлялась мать.

— Ничего не дѣлалъ, — отвѣчалъ Никита Григорьевичъ: — развѣ не изволите знать, какая осень-то стояла... Вѣдь насъ совсѣмъ дожди-то залили. Какъ же я въ дождикъ-то молотить начну? Поэтому и сидѣлъ, сложа руки.

Надо вамъ сказать, что въ описываемое время о молотилкахъ не имѣли понятія, а потому молотьба производилась цѣпами. Молотьба продолжалась всю зиму, а такъ какъ сыромолотый хлѣбъ покупался неохотно, то обыкновенно устраивались риги съ печами, въ которыхъ и просушивался хлѣбъ, поступавшій въ молотьбу. Въ ригу вмѣщалось обыкновенно телѣгъ сорокъ или пятьдесятъ, а потому и можете судить, какъ долго продолжалась молотьба.

— Какъ же мнѣ быть, какъ же мнѣ быть?—повторяла мать.

А Никита Григорьевичъ снова начиналъ расписывать дожди и непогодь. Вскорѣ по пріѣздѣ Никиты Григорьевича являлся обыкновенно и квартальный, «привѣшанный къ шпагѣ», и опять секретные, тревожные разговоры, и опять разсказы квартальнаго о томъ, что у него жена, дѣти, мать... И опять мать отправлялась то къ губернатору, то къ Олферьеву, то къ Охлебениной. А дожди между тѣмъ все лили да лили...

Иногда мать уѣзжала въ деревню, не довѣряя словамъ Никиты Григорьевича, и, успѣвъ у кого-нибудь перехватить денегъ, возвращалась въ Пензу болѣе спокойною. Но спокойствіе это продолжалось не долго. Являлся обыкновенно квартальный и деньги куда-то исчезали, а квартальный, веселый и довольный, на этотъ разъ не упоминалъ уже ни о женѣ, ни о дѣтяхъ.

Изо всего этого я началъ догадываться, что дѣла наши не въ особенно блестящемъ положеніи, и что ежели мы и пьемъ ежедневно чай и ежедневно обѣдаемъ и ужинаемъ, то это не значило еще, что дѣла наши въ порядкѣ.

Въ это самое время почему-то перемѣнился мой опекунъ и вмѣсто Алексѣя Алексѣевича Тучкова намъ назначенъ былъ въ опекуны кѣкто господинъ Коноваловъ, зять генерала Юшкова. Опекуна этого я, впрочемъ, видѣлъ всего раза два или три, не больше, знаю только, что это былъ великій борзятникъ, державшій псовую охоту, даже живя въ Пензѣ.

Нельзя назвать особенно покойнымъ и пребываніе наше въ деревнѣ во время лѣтнихъ каникулъ. Въ Пензѣ донималъ насъ квартальный, «привѣшанный къ шпагѣ», а въ деревнѣ становой приставъ Барычевъ, о которомъ я уже говорилъ.

И вотъ во время этихъ-то лѣтнихъ каникулъ насъ постигло страшное горе, послужившее началомъ нашего полнѣйшаго разоренія. Какого именно числа случилось это, я не помню, но помню, что хлѣбъ былъ уже убранъ и весь свезенъ на гумна. Вдругъ раздался набатъ. Мы выбѣжали изъ дому—и нашимъ глазамъ представилось страшное зрѣлище: все село Никольское было объято пламенемъ и черный, какъ сажа, дымъ застилалъ всю окрестность.

— Пожаръ!... пожаръ!—кричалъ повсюду народъ, спѣшившій на мѣсто пожара.

Мать, выбѣжавшая на крыльцо, при видѣ этой картины, упала безъ чувствъ на ступени крыльца, а потомъ свалилась на землю. Ее поспѣшили отнести въ домъ, а я побѣжалъ по направленію къ селу. Никакихъ пожарныхъ инструментовъ, конечно, не было. Бывшій на пожарѣ народъ исключительно хлопоталъ только о спасеніи своего имущества. Онъ съ воплемъ и крикомъ вытаскивалъ изъ горѣвшихъ избъ разный домашній скарбъ и ему некогда было думать о прекращеніи пожара, да и немыслимо было прекратить его, ибо страшный вѣтеръ, словно съ остервенѣніемъ, разбрасывалъ по сторонамъ горѣвшіе пучки соломы, подхватывалъ эти пучки и далеко-далеко уносилъ ихъ.

— Гумна, гумна горятъ!—послышался чей-то крикъ.

Я посмотрѣлъ въ сторону гуменъ, и сердце мое облилось кровью: всѣ крестьянскія гумна, плотно заставленныя одоньями хлѣба, словно слились съ горѣвшимъ селомъ. Жаръ былъ такъ палящъ, что весь народъ, безпорядочно суетившійся вокругъ своихъ избъ, какъ одинъ человѣкъ, отхлынулъ отъ мѣста пожара и поспѣшилъ спасать собственную свою жизнь. Пожаръ продолжался всего сорокъ минутъ, и село Никольское, состоявшее дворовъ изъ сотни, черезъ сорокъ минутъ уже не существовало: сгорѣли всѣ гумна, въ томъ числѣ и наши, все крестьянское имущество, вытащенное на улицу, и нѣсколько человѣкъ крестьянъ.

Когда села уже не существовало, явились и пожарныя трубы съ винокуреннаго завода Огарева и съ чугуннаго завода Манухина, но трубамъ этимъ работать въ селѣ Никольскомъ было уже нечего; за то имъ пришлось поработать въ казенномъ лѣсу, примыкавшемъ къ нашему селу, въ который забрался ненасытный огонь.

Когда я воротился домой, то увидалъ мать, заливавшуюся слезами, а возлѣ нея сидѣлъ нашъ приходскій священникъ, Петръ Сергѣевичъ Охотскій.

— Не плачьте, кума,—утѣшалъ онъ.—Какъ вамъ не грѣшно? Господь Богъ любя наказуетъ... Вѣдь послѣ этого самаго пожара вы разбогатѣете!—горячился онъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь.—Повѣрьте, разбогатѣете... Только вотъ что прикажите сдѣлать: прикажите собрать всю эту золу и удобрите ею поля...

Отецъ Охотскій говорилъ это съ такимъ убѣжденіемъ и такъ горячо, что, кажется, самъ глубоко вѣрилъ въ справедливость своихъ словъ.

Однако, мы не разбогатѣли и все это кончилось тѣмъ, что намъ не съ чѣмъ было выѣхать въ Пензу, почему мнѣ и не удалось кончить курсъ въ гимназіи.

Есть пословица: «придетъ бѣда—растворяй ворота»—и, дѣйствительно, такая бѣда пришла: не съ чѣмъ было выѣхать въ Пензу, нечѣмъ было и заплатить проценты въ опекунскій совѣтъ, въ которомъ имѣніе наше было заложено. Имѣніе было назначено къ публичной продажѣ. И вотъ мать, собравъ кое-какія деньжонки, поскакала сперва въ Нижній-Новгородъ, гдѣ служилъ въ то время ея братъ, Евстратій Юрьевичъ Бибиковъ, а затѣмъ къ роднымъ въ Москву, разсчитывая съ ихъ стороны на матеріальную поддержку; но ни въ Нижнемъ, ни въ Москвѣ таковой, конечно, не нашла, и наше родное село Никольское въ ту же зиму было продано съ аукціоннаго торга, и мы остались, какъ говорится, «крыты небомъ и обнесены свѣтомъ».

XI.

Когда мы оставляли Никольское, никто даже не подозрѣвалъ, что мы оставляемъ его навсегда. Это весьма понятно, такъ какъ въ то время газеты еще не были распространены и имѣнія, назначенныя въ продажу, такъ и продавались втихомолку. Да и мало кто интересовался этимъ. Мать передъ отъѣздомъ отслужила паннихиду на могилѣ отца, завязала въ платокъ горсточку земли съ этой могилы, а потомъ отслужила въ церкви напутственный молебенъ. Собралась

дворня проводить насъ, перецѣловалась со всѣми нами и пожелала благополучнаго пути и скорѣйшаго возвращенія. Въ качествѣ прислуги мать взяла съ собою горничную Аришу и ея родного брата, Алексѣя Чугунова.

Мы выѣхали изъ Никольскаго недѣли за двѣ до его продажи. Мать все на что-то надѣялась и почему-то полагала, что продажа будетъ отсрочена.

Въ Москвѣ мы остановились въ гостиницѣ Шевалдышева. Пріѣхали мы въ Москву ночью, а на утро мать отправилась къ своей двоюродной сестрѣ, Марьѣ Гавриловнѣ Дюклу, урожденной Бибиковой. Дюклу въ то время былъ управляющимъ московскаго коммерческаго банка, помѣщавшагося на Никитскомъ бульварѣ. Отъ этой-то госпожи Дюклу мать впервые и узнала о продажѣ Никольскаго и о томъ, что отъ этой продажи намъ осталось сколько-то тысячъ. Это нѣсколько успокоило мать, и она порѣшила немедленно ѣхать въ Петербургъ и купить тамъ маленькое имѣньице: «un petit pied à terre»,—какъ она выражалась.

Получивъ печальное извѣстіе о продажѣ имѣнія, которое, оказалось, было куплено врачомъ Лапчинскимъ, намъ волей-неволей пришлось разставаться съ своей прислугой, отпустить ее домой и замѣнить наемной. Проживъ нѣкоторое время въ Москвѣ, мы отправились въ Петербургъ, гдѣ и наняли себѣ маленькую квартирку на Пескахъ въ 7-й линіи.

Такъ какъ дѣло это происходило въ 1854 году, т.-е. во время Крымской кампаніи, то нечего и говорить, что весь Петербургъ только и говорилъ объ этой войнѣ, грозившей принять громадные размѣры. Въ газетахъ того времени о войнѣ этой писалось очень мало; только изрѣдка помѣщались какія-нибудь маленькія извѣстія о нашихъ громадныхъ успѣхахъ. Въ числѣ такихъ-то извѣстій было сообщено о Синопскомъ сраженіи и о сожженіи нами турецкой флотиліи. Извѣстіе это было встрѣчено въ Петербургѣ съ величайшимъ восторгомъ. Вывѣшиваніе флаговъ въ то время не практиковалось, но за то народъ буквально затоплялъ весь Невскій проспектъ, всю набержную и всю площадь передъ Зимнимъ дворцомъ. Ликованію не было конца, а вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ плошками. По случаю этой побѣды государь императоръ Николай Павловичъ заказалъ Н. В. Кукольнику сочинить драматическое представленіе, каковое и поставить на Александринской сценѣ. Кукольникъ въ нѣсколько дней написалъ пьесу, назвавъ ее «Битва при Синопѣ». На первомъ ея представленіи былъ и я. Спектакль вышелъ грандіозный. Театръ былъ освѣщенъ a giorno. Присутство-

вала вся царская фамилія. Ложи были переполнены петербургскимъ beau mond'омъ, а партеръ сановниками въ лентахъ и звѣздахъ.

Въ чемъ состояла пьеса, я хорошенько не помню, помню только что она кончалась сномъ какого-то моряка, увидавшаго во снѣ Синопское сраженіе, завершившееся взрывомъ турецкой флотиліи. Вотъ этотъ-то сонъ и былъ изображенъ живой картиной. Все это вышло очень эффектно и громъ рукоплесканій буквально потрясалъ театръ. Произошло даже что-то хаотическое: оркестръ игралъ народный гимнъ, а публика волновалась, какъ море, и кричала ура. Изъ царской ложи послышалось: «автора», публика подхватила это, и вся зала наполнилась единымъ крикомъ: «автора». Н. В. Кукольника видѣть мнѣ не удавалось, но я зналъ его по портрету, помѣщенному въ книгѣ «Сто русскихъ литераторовъ». Тамъ на портретѣ онъ былъ изображенъ еще очень молодымъ человѣкомъ, блѣднымъ, со впалыми щеками, длинными волосами и крайне поэтичнымъ лицомъ. И вотъ, когда принялись вызывать автора, я глазъ не сводилъ съ той ложи, гдѣ онъ долженъ былъ появиться, и заранѣе восхищался удовольствіемъ увидѣть его не на портретѣ, а въ дѣйствительности. И вдругъ, каково было мое разочарованіе, когда я увидалъ мужчину лѣтъ сорока-пятидесяти, одѣтаго въ форменный вицъ-мундиръ чиновника, обрюзглаго, съ одутловатымъ лицомъ и съ волосами, зачесанными на виски, какъ зачесывали тогда волоса мелкіе чиновники.

«Нѣтъ, это не Кукольникъ,—думалъ я.—Это просто какой-нибудь театральный чиновникъ, вышедшій объявить, что автора въ театрѣ нѣтъ».

Но когда чиновникъ этотъ началъ раскланиваться, а публика апплодировать ему, а главное, когда минуту спустя, этотъ же самый чиновникъ съ зачесанными височками показался въ царской ложѣ и когда государь милостиво протянулъ ему руку, которую тотъ не замедлилъ поцѣловать, я убѣдился, наконецъ, что то былъ, дѣйствительно, Кукольникъ.

Въ это же время произошелъ въ Петербургѣ слѣдующій казусъ, надѣлавшій очень много шума и толковъ. Обнаружилась растрата въ кассѣ инвалидовъ (достовѣрно не знаю, какъ называлось это учрежденіе). Главное начальство надъ этой кассой былъ генералъ П., весьма заслуженный старикъ, увѣшенный орденами. Петербургъ не хотѣлъ тогда вѣрить, чтобы растрату эту совершилъ этотъ П., котораго всѣ уважали и въ домѣ котораго былъ весь Петербургъ. Однако, это было такъ. И когда генералъ П. узналъ, что растрата обнаружена, то онъ немедленно отравился, не будучи въ

силахъ пережить позора. Онъ лежалъ уже мертвымъ на столѣ, когда послѣдовало высочайшее повелѣніе о лишеніи его всѣхъ чиновъ и орденовъ и объ описи его имѣнія, что и было приведено въ исполненіе уже надъ трупомъ генерала П. На похоронахъ этого генерала, кромѣ его семьи, не было никого, а на слѣдующій день роскошное помѣщеніе его наполнилось разношерстной публикой, нахлынувшей покупать движимое имущество, назначенное къ публичной продажѣ.

Я уже говорилъ, кажется, что въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ двоюродный братъ матери Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ. И вотъ на него-то мать и разсчитывала, при опредѣленіи насъ съ братомъ на службу. Мы съ матерью нѣсколько разъ бывали у этого Бибикова и онъ всегда радушно и ласково принималъ насъ. Съ матерью онъ былъ на ты и, увидавъ ее, всегда обнималъ одною рукой, такъ какъ другую потерялъ въ Бородинскомъ сраженіи. Однако, добродушные пріемы эти кончились только тѣмъ, что Бибиковъ посовѣтовалъ матери поселиться въ Москвѣ, гдѣ и климатъ лучше Петербургскаго, и имѣніе купить выгоднѣе и въ то же время обѣщалъ написать письмо тамошнему губернатору Капнисту, чтобъ онъ принялъ меня къ себѣ на службу.

Поселились мы въ Москвѣ, на Пречистенкѣ, въ домѣ Бородинскаго подворья. Послѣ продажи имѣнія сколько-то осталось у матери денегъ. И вотъ на эти-то остатки мать и купила небольшое подмосковное имѣньице, сельцо Владиміровку. Имѣньице это было Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, и отстояло отъ Москвы верстахъ въ пятидесяти и верстахъ въ двадцати отъ уѣзднаго города Подольска. Въ подмосковной этой, сколько мнѣ помнится, было десятинъ полтораста-двѣсти, и сравнительно съ Никольскимъ, въ которомъ было десятинъ тысяча, она казалась намъ жалкимъ лоскутикомъ. Мать, однако, очень утѣшалась этой покупкой. Она выстроила тамъ небольшой домикъ и принялась за хозяйство, развела передъ домомъ палисадничекъ и называла этотъ клочокъ земли caisse anglaise. Она тамъ проводила все лѣто, а приказчикомъ у нея былъ нѣкто Петръ Мизнявъ, онъ же былъ и кучеръ, и лакей, и даже поваръ,— словомъ, на всѣ руки.

Иногда пріѣзжалъ во Владиміровку и я, но такъ какъ я состоялъ уже на службѣ при губернаторѣ Капнистѣ, то отлучаться на продолжительное время мнѣ было неудобно.

Во Владиміровкѣ былъ небольшой березовый лѣсокъ, въ которомъ я и охотился, бывало, съ ружьемъ по зайцамъ. Но послѣ той охоты и послѣ тѣхъ мѣстъ, переполненныхъ дичью, какія имѣлись

въ Никольскомъ, мѣста во Владиміровкѣ казались мнѣ столь жалкими, что я даже бросилъ охотиться.

Братъ Александръ Александровичъ тоже состоялъ на службѣ въ московской казенной палатѣ и получалъ жалованья въ мѣсяцъ пять рублей; немногимъ больше получалъ и я, но такъ какъ мнѣ давались кое-какія порученія, то, помимо жалованья, во время исполненія этихъ порученій, я получалъ суточныхъ копеекъ по сорока.

Покойный губернаторъ Капнистъ былъ человѣкъ высокаго ума и безукоризненной честности, но крайне довѣрчивый и, благодаря этой довѣрчивости, ему и пришлось потерять свое мѣсто. Случилось это въ Крымскую кампанію, когда всѣ губерніи отправляли ратниковъ, которыхъ и должны были вполнѣ обмундировать. Капнистъ былъ назначенъ сенаторомъ въ Петербургъ, а на его мѣсто генералъ-майоръ Николай Петровичъ Синельниковъ.

Итакъ, мы вдвоемъ съ братомъ получали очень мизерное жалованье; вѣроятно и сельцо Владиміровка давало мизерные доходы, почему и нѣтъ ничего удивительнаго, что мы жили на крошечной квартиркѣ, состоявшей изъ трехъ маленькихъ комнатъ, считая въ томъ числѣ и переднюю.

XII.

Одновременно со мной служили въ канцеляріи губернатора Владиміръ Ивановичъ Родиславскій, Өедоръ Максимовичъ Рудневъ, Петръ Николаевичъ Баташовъ. Независимо отъ службы, Родиславскій занимался переводами французскихъ мелодрамъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ; Рудневъ, въ сотрудничествѣ съ К. А. Тарновскимъ, переводилъ водевили, Баташовъ также. Всѣ эти господа были въ то время извѣстны въ театральномъ мірѣ и составили себѣ имя. Въ среду этихъ-то молодыхъ людей попалъ и я и въ сотрудничествѣ съ В. И. Родиславскимъ тоже принялся за переводы французскихъ мелодрамъ. Первая моя переводная пьеса, драма въ пяти дѣйствіяхъ *Нищая,* была поставлена на Императорской сценѣ въ Москвѣ въ 1854 году, за нее мы съ Родиславскимъ получили единовременнаго вознагражденія 500 руб. серебромъ.

Спектакль этотъ я отлично помню, а равно и то волненіе, которое я испытывалъ и до и во время спектакля. Я уже сказалъ, что французскія мелодрамы были въ то время въ большомъ ходу, а потому, въ ожиданіи, что публика будетъ вызывать переводчиковъ, мы съ Родиславскимъ тщательно завились и раздушились. Между прочимъ, во время этого спектакля случился со мной слѣдующій казусъ:

Главную роль въ пьесѣ исполняла г-жа Рыкалова. Во время какого-то дѣйствія у нея свалился локонъ и упалъ какъ разъ у той кулисы, у которой я стоялъ; ничтоже сумняшеся, я поднялъ этотъ локонъ и собрался было выскочить на сцену, чтобы подать его Рыкаловой, но стоявшій около меня Родиславскій успѣлъ какъ-то поймать меня за фалду и не далъ мнѣ привести въ исполненіе мое рѣшеніе.

Наконецъ драма кончилась и раздались аплодисменты и вызовы переводчиковъ. Въ то время вызываемые авторы и переводчики выходили не на сцену, какъ теперь, а въ директорскую ложу. И вотъ, заслышавъ вызовы переводчиковъ, мы съ Родиславскимъ, взволнованные и чуть переводя дыханіе, вышли въ директорскую ложу и, чуть не скрестивъ на груди руки, принялись раскланиваться съ публикой.

Послѣ драмы *Нищая* шелъ какой-то водевиль, гдѣ участвовалъ Живокини. У Живокини была такая фраза: «Эхъ ты, нищая!»—съ которой онъ долженъ былъ обратиться къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ, но Живокини ее измѣнилъ и проговорилъ такъ: «Эхъ ты, нищая, драма въ пяти дѣйствіяхъ!» Въ залѣ послышался хохотъ, аплодисменты, а меня эта фраза словно ножомъ по сердцу полоснула, такъ что я долгое время не могъ простить Живокини эту шутку.

Затѣмъ въ сотрудничествѣ съ тѣмъ же Родиславскимъ я перевелъ мелодраму Аниссе Буржуа и Мишеля Масона *Слѣпой*. Въ какомъ именно году шла эта мелодрама, я не помню, помню только, что въ ту же самую зиму, когда шла драма Островскаго *Гроза*. Участвовали въ *Слѣпомъ* И. В. Самаринъ, Шумскій и Н. М. Медвѣдева (Н. М. Медвѣдева и до сихъ поръ еще состоитъ на службѣ при Московскомъ Императорскомъ театрѣ). Драма эта шла въ бенефисъ Самарина и имѣла значительный успѣхъ. Насъ опять вызывали, и мы съ Родиславскимъ выходили раскланиваться съ публикой. Драма эта, какъ видно изъ разсчетныхъ листовъ, получаемыхъ мною изъ правленія о-ва драматическихъ писателей и композиторовъ, до сихъ поръ дается въ провинціи и приноситъ мнѣ извѣстный доходъ.

Кстати объ этомъ обществѣ. Въ описываемое время русскіе писатели вообще получали нищенское вознагражденіе, а драматическіе не получали и этого. Драматическимъ писателямъ платили только Императорскіе театры, частные же театры и провинціальные не платили ни гроша. Они ставили себѣ пьесы, разыгрывали ихъ, получали съ нихъ доходы, а о вознагражденіи авторовъ въ какомъ

бы то ни было размѣрѣ даже и думать не хотѣли. И вотъ В. И. Родиславскому пришла мысль улучшить положеніе драматическихъ писателей. Онъ написалъ уставъ общества драматическихъ писателей и композиторовъ, прочиталъ этотъ уставъ А. Н. Островскому и др. писателямъ и дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ принялись хлопотать объ этомъ дѣлѣ, уставъ былъ Высочайше утвержденъ, и съ тѣхъ поръ въ Москвѣ существуетъ правленіе о-ва драматическихъ писателей и композиторовъ. Предсѣдателемъ этого о-ва былъ единогласно избранъ иниціаторъ этого дѣла, В. И. Родиславскій. Въ описываемое время въ Парижѣ издавалось театральное изданіе подъ названіемъ *Téâtre contemporain*. Вотъ изъ этого-то изданія переводчики и почерпали болѣе нравившіяся имъ пьесы, которыя и переводили.

Постановка пьесы на Императорскій театръ обусловливалась въ то время совсѣмъ иными порядками, чѣмъ теперь. Въ мое время въ московской дирекціи былъ инспекторомъ репертуара Александръ Александровичъ Пороховщиковъ. Этому-то Пороховщикову представлялась пьеса, онъ ее просматривалъ, и ежели пьеса ему нравилась, то представлялъ таковую при своемъ мнѣніи въ дирекцію Императорскихъ театровъ въ Петербургъ. Разсматривалась ли пьеса въ Петербургѣ—я не знаю, но только помню, что всѣ представленія Пороховщикова одабривались и дирекціей. Директоромъ въ то время былъ Гедеоновъ, а секретаремъ его нѣкто Евгеній Макаровичъ Семеновъ, который, кажется, и былъ вершителемъ этого дѣла. Впрочемъ, я лично никогда не занимался хлопотами о постановкѣ своихъ пьесъ на Императорскую сцену, всецѣло поручивъ это дѣло Родиславскому. Онъ подавалъ куда слѣдуетъ прошенія, ѣздилъ даже раза два въ Петербургъ, я же ограничивался только однимъ А. А. Пороховщиковымъ, съ которымъ былъ знакомъ, у котораго часто бывалъ и съ которымъ почти каждый вечеръ встрѣчался въ Маломъ театрѣ.

Однако нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ объ исполненіи этихъ переводныхъ пьесъ на русской сценѣ. Драму *L'Aveugle* я впервые видѣлъ на французскомъ Михайловскомъ театрѣ въ Петербургѣ и пришелъ въ неописанный восторгъ какъ отъ самой пьесы, такъ и отъ ея исполненія. На слѣдующій же день я пріобрѣлъ эту пьесу, а возвратясь въ Москву, принялся переводить ее въ сотрудничествѣ съ Родиславскимъ. Послѣ я видѣлъ эту пьесу на Московскомъ Маломъ театрѣ. Я называлъ уже исполнителей главныхъ ролей. Это были тогдашнія свѣтила театральнаго искусства. Въ Петербургѣ эта пьеса шла при слѣдующемъ составѣ:

«Слѣпого» игралъ Максимовъ 1-й, а роль горбатаго доктора Дорси—Самойловъ, тоже свѣтило петербургской сцены. Но, тѣмъ не менѣе, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ исполненіе, по сравненію съ французскими артистами, показалось мнѣ крайне слабымъ: не тотъ ансамбль, не та обстановка и вообще не то впечатлѣніе.

Недавно какъ-то я разговорился съ однимъ изъ провинціальныхъ артистовъ про тѣ времена, когда на московской сценѣ фигурировали такіе громадные таланты, какъ Щепкинъ, Шумскій, Самаринъ, П. М. Садовскій и др. и удивлялся отсутствію въ наше время такихъ же могучихъ талантовъ.

— Да полно, такъ ли?—говорилъ артистъ (прибавлю, что артистъ весьма талантливый и опытный). — Да полно, такъ ли? Не виновато ли въ этомъ время и сама публика, значительно воспитавшаяся и выросшая съ тѣхъ поръ. Мнѣ думается,— продолжалъ онъ,—что еслибы воскресли теперь умершіе гиганты и заговорили бы на сценѣ теперь, при настоящей публикѣ, то, пожалуй, они оказались бы слабѣе насъ.

Въ словахъ этого артиста есть доля правды, но я, напримѣръ, видѣлъ въ Фамусовѣ Щепкина и въ той же роли того самаго актера, о которомъ я сейчасъ говорю. Дѣло происходило за кулисами и актеръ былъ даже въ халатѣ Фамусова, но—Боже мой!—какая разница между нимъ и Щепкинымъ. Точно также послѣ Самарина я не видалъ Чацкаго, а послѣ Шумскаго не видалъ Хлестакова, хотя перевидалъ и пропасть актеровъ въ этихъ роляхъ.

XIII.

Однако заниматься переводами французскихъ мелодрамъ мнѣ скоро надоѣло и все хотѣлось что-нибудь написать такое, что̀ бы можно было помѣстить въ толстый журналъ. Въ Москвѣ въ то время издавался М. П. Погодинымъ журналъ *Москвитянинъ*. Съ Погодинымъ я былъ знакомъ, но его журналъ былъ чисто-славянофильскій и попасть туда мнѣ не удалось. И вотъ вдругъ, словно на мое счастье, возникъ въ Москвѣ новый журналъ, *Русскій Вѣстникъ*, подъ редакціей Каткова. Журналъ этотъ сразу сталъ на твердую почву и пріобрѣлъ массу подписчиковъ.

Съ М. Н. Катковымъ познакомился я совершенно случайнымъ образомъ. Онъ почти каждый день гулялъ по Пречистенскому бульвару, а мнѣ по этому же бульвару приходилось проходить въ канцелярію губернатора, которая помѣщалась при квартирѣ губерна-

тора, на Тверской. Я же квартировалъ тогда на Пречистенкѣ, во Всеволодскомъ переулкѣ, во флигелѣ при домѣ Савенкова. Отъ губернатора эта квартира была довольно далеко, такъ что мнѣ приходилось проходить часть Пречистенки, Пречистенскій бульваръ, Арбатскую площадь, Никитскій бульваръ, Тверской бульваръ и часть Тверской улицы; но тогда я былъ очень молодъ, ноги у меня были здоровыя и переходъ этотъ казался мнѣ прогулкой и совершалъ я его съ большимъ удовольствіемъ. И вотъ однажды, когда я сидѣлъ на скамеечкѣ Пречистенскаго бульвара, ко мнѣ подсѣлъ Катковъ. Въ лицо я его зналъ, но знакомъ съ нимъ не былъ. Тогда ему могло быть лѣтъ подъ сорокъ.

— А вы, вѣроятно, на службу идете, молодой человѣкъ?— обратился онъ ко мнѣ, посматривая на мой портфель.

Я отвѣтилъ утвердительно, а потомъ онъ спросилъ мою фамилію, а когда я назвалъ ему свою фамилію, онъ проговорилъ:

— Я слышалъ эту фамилію въ Пензѣ... Вы не пензенскій ли?

— Да, я родился въ Пензѣ.

— А гдѣ вы служите?

— У гражданскаго губернатора.

— У Ивана Васильевича Капниста?—замѣтилъ онъ.— Знаю, знаю, прекраснѣйшій человѣкъ. Я очень хорошо знакомъ съ нимъ. А въ портфелѣ у васъ бумаги, значитъ?—спросилъ онъ, улыбаясь.

У меня даже сердце замерло отъ восторга. Въ портфелѣ у меня дѣйствительно были бумаги, но въ то же время въ томъ же портфелѣ лежали и два разсказа, писанные мною еще въ Никольскомъ и о которыхъ я говорилъ вначалѣ моихъ воспоминаній. Меня такъ и подмывало сообщить объ этихъ разсказахъ Каткову, но я оробѣлъ и ничего ему про нихъ не сообщилъ.

Немного погодя, онъ раскланялся со мною и ушелъ.

Въ то время Катковъ, а равно и редакція *Русскаго Вѣстника* помѣщались въ Кисловскомъ переулкѣ, въ домѣ, ежели не ошибаюсь, Розенъ.

Это былъ небольшой каменный двухэтажный домъ, о пяти окнахъ, окрашенный бѣлою краской. Входъ къ Каткову былъ со двора.

Познакомившись съ Катковымъ, я возмечталъ воспользоваться этимъ и передать ему свои два разсказа. Съ этою цѣлью я чуть не каждый день отправлялся въ Кисловскій переулокъ съ твердымъ намѣреніемъ побывать у Каткова и передать ему свои разсказы. Но стóило только подойти къ дому Розенъ, какъ вся моя храбрость пропадала, и я откладывалъ свое посѣщеніе со дня на день. Нѣсколько разъ я даже всходилъ на крыльцо, брался за звонокъ, но

рука моя не поднималась, и я снова уходилъ ни съ чѣмъ. Однажды, когда я стоялъ на крыльцѣ, собираясь позвонить, дверь вдругъ отворилась, и на крыльцо вышелъ какой-то молодой человѣкъ съ толстой папиросой въ зубахъ. Увидалъ меня, онъ спросилъ:

— Вамъ кого угодно?

— Михаила Никифоровича,—отвѣтилъ я робко.

— Его дома нѣтъ, но, ежели вы имѣете какое-нибудь дѣло до редакціи, такъ я секретарь редакціи,—и затѣмъ, подавая мнѣ руку, прибавилъ:—Ардальонъ Васильевичъ Зименко.

Я познакомился съ нимъ и, скрѣпя сердце, передалъ ему разсказъ: *Пушиловскій регентъ*.

— Вы хотите помѣстить его въ *Русскій Вѣстникъ*?—спросилъ Зименко.

— Хотѣлось бы,—отвѣтилъ я, опуская глаза.

— Хорошо-съ, я передамъ его Михаилу Никифоровичу. А вы понавѣдайтесь недѣльки черезъ двѣ. Редакція у насъ помѣщается на антресоляхъ.

И онъ указалъ мнѣ на два крошечныхъ окошечка, обращенныхъ на дворъ.

— Я всегда сижу въ редакціи, а потому и обратитесь прямо ко мнѣ.

Я распростился съ Зименко и, словно на крыльяхъ, полетѣлъ домой. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда наступитъ время, назначенное мнѣ для полученія отвѣта. Наконецъ, двѣ недѣли прошли, и я отправился въ редакцію. Человѣкъ указалъ мнѣ ходъ въ редакцію, гдѣ я и встрѣтилъ Зименко.

Редакція *Русскаго Вѣстника* помѣщалась тогда въ маленькой и низенькой комнаткѣ, до того низенькой, что человѣкъ большого роста, думается мнѣ, не могъ бы установиться, не наклонивъ головы. Сверхъ того, секретарь, курившій крученыя папиросы, до того надымилъ въ этой комнаткѣ, что я очутился словно въ дымномъ облакѣ.

— Я за отвѣтомъ пришелъ,—проговорилъ я, съ замиравшимъ отъ волненія сердцемъ.

Секретарь посмотрѣлъ на меня своими выпуклыми большими глазами, пустилъ мнѣ въ глаза густую струю дыма и спросилъ:

— Ваша какъ фамилія?

Я сказалъ.

— Ахъ, да, помню!—проговорилъ Зименко. И, схвативъ со стола какую-то рукопись, прибавилъ:—*Пушиловскій регентъ*?—и, похлопывая по рукописи рукой, спросилъ:—Эта?

Сердце у меня замерло и у меня тотчасъ же мелькнуло въ головѣ, что разсказъ мой забракованъ. Но, минуту спустя, Зименко объявилъ мнѣ, что Катковъ не успѣлъ еще прочитать повѣсть и попросилъ меня зайти снова недѣльки черезъ двѣ.

Такъ проходилъ я мѣсяца два, и нетерпѣніе мое росло съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Мѣсяца два спустя, я, какъ-то нечаянно, встрѣтился съ Зименкомъ на томъ же Пречистенскомъ бульварѣ.

— Ну что?—спросилъ я.

— Напечатанъ,—отвѣтилъ Зименко.

— Какъ? Когда?—спросилъ я, растерявшись.

— Въ послѣднемъ номерѣ.

Для приличія я кое о чемъ поговорилъ съ Зименкомъ, а затѣмъ, распростившись, чуть не бѣгомъ побѣжалъ въ книжный магазинъ Глазунова, помѣщавшійся тогда въ зданіи университета, на углу Никитской.

Тамъ я подписался на *Русскій Вѣстникъ*, забралъ съ собой послѣднюю книжку, гдѣ былъ напечатанъ *Пушиловскій регентъ*, и, какъ сумасшедшій, бросился домой.

Когда я прибѣжалъ домой, у насъ сидѣла наша знакомая, баронесса Прасковья Михайловна Ганъ. Я, конечно, прежде всего показалъ книгу, и когда Ганъ увидала мою фамилію, она раскрыла повѣсть и, прочитавъ заглавный листъ, прибавила:

— Ну, что бы вамъ посвятить эту повѣсть мнѣ?

— Я посвящу вамъ другую,—чуть не вскрикнулъ я. И, бросившись въ свою комнату, схватилъ разсказъ *Забытая усадьба* и торжественно въ присутствіи той же Ганъ надписалъ: «Посвящается баронессѣ П. М. Ганъ», а на другой день отнесъ этотъ разсказъ въ редакцію и передалъ Зименку.

Въ то время *Русскій Вѣстникъ* выходилъ два раза въ мѣсяцъ и, представьте мой восторгъ, когда въ слѣдующемъ мѣсяцѣ мой разсказъ *Забытая усадьба* былъ напечатанъ. Я посмотрѣлъ, напечатано ли посвященіе и, убѣдившись, что напечатано, побѣжалъ ужъ не домой, а къ баронессѣ Ганъ.

— Вотъ, извольте!—проговорилъ я, подавая ей книгу, за что и получилъ отъ нея поцѣлуй въ лобъ.

Въ описываемое время *Русскій Вѣстникъ* имѣлъ характеръ весьма либеральнаго журнала и въ немъ печатались *Губернскіе очерки* М. Е. Салтыкова. Салтыковъ въ то время довольно часто бывалъ въ Москвѣ и у Каткова. Вотъ тамъ-то и познакомился я съ Салтыковымъ. Тогда ему было лѣтъ около сорока. Это былъ худо-

щавый мужчина, немного выше средняго роста и отличавшійся веселостью и говорливостью. Часто бывая въ редакціи, мнѣ неоднократно случалось читать *Губернскіе очерки* въ рукописи и я отлично помню, что въ печати многое изъ написаннаго Салтыковымъ либо совсѣмъ выбрасывалось, либо исправлялось, потому что онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ...

Въ той же редакціи познакомился я съ поэтомъ А. Н. Майковымъ. Тогда это былъ молодой человѣкъ съ прелестнымъ симпатичнымъ лицомъ и крайне общительный и любезный. Помню я, онъ только что написалъ тогда легенду о Констанцскомъ соборѣ, подъ названіемъ *Приговоръ*, которая и была напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. И вотъ эту легенду онъ при мнѣ читалъ вслухъ и, надо сказать, что превосходно и вообще былъ удивительный чтецъ своихъ произведеній. Одновременно съ этимъ онъ прочиталъ и свое новое произведеніе *Нива*, которое тоже было напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Мнѣ приходилось слышать чтеніе многихъ тогдашнихъ литературныхъ свѣтилъ, въ числѣ которыхъ былъ и И. С. Тургеневъ, но лучше Майкова и Островскаго никто не читалъ.

Очень часто встрѣчалъ я въ редакціи извѣстнаго критика Аполлона Григорьева, который былъ съ Катковымъ, кажется, въ очень хорошихъ отношеніяхъ. А. Григорьевъ былъ мужчина высокаго роста, съ открытымъ, энергичнымъ лицомъ, съ длинными волосами, которые всегда забрасывалъ правой рукой назадъ, и съ рѣденькой бородкой. Говорилъ онъ всегда очень громко и сопровождалъ свои разговоры жестами и, ежели говорилъ сидя, то поминутно вскакивалъ съ своего мѣста, закидывалъ назадъ волосы и энергично принимался ходить изъ угла въ уголъ. Это былъ человѣкъ очень нервный, не допускавшій возраженій и горячо отстаивавшій свои мнѣнія, причемъ энергично ударялъ себя въ грудь и такъ близко подступалъ къ возражавшему, что тотъ невольно отступалъ отъ него. Мнѣ думается, что это былъ человѣкъ желчный, такъ какъ худое и блѣдное лицо его было покрыто какой-то желтизной и глаза всегда были желтые.

Однажды я пришелъ къ Каткову. Надо сказать, что въ то время Катковъ былъ очень общителенъ и охотно принималъ каждаго, имѣвшаго до него надобность. Узнавъ отъ человѣка, что Михаила Никифоровича нѣтъ дома, я спросилъ, не могу ли видѣть хоть Зименка.

— Ардальонъ Васильичъ тоже куда то вышли, но они сію минуту вернутся.

Я прошелъ въ редакцію и увидалъ тамъ какого-то старичка, тоже, какъ видно, поджидавшаго Зименка. Старичокъ этотъ былъ крайне благообразнаго вида, чистенькій, гладко выбритый, лысенькій, съ рѣденькими волосами, зачесанными по-старинному и взятыми съ висковъ съ цѣлью прикрыть ими лысину. Старичокъ этотъ имѣлъ крайне ласковый и добродушный видъ, такъ и казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ старичокъ этотъ скажетъ какое-нибудь ласковое слово. На немъ былъ стариннаго покроя фракъ, высокій галстухъ и стариннаго же покроя жилетъ, сверхъ котораго перевѣшивалась бисерная цѣпочка отъ часовъ. Въ рукахъ онъ держалъ какой-то довольно толстый свертокъ, а изъ-подъ фрачнаго лацкана скромно выглядывала звѣзда. Едва успѣлъ я съ нимъ раскланяться, какъ онъ, улыбаясь, спросилъ:

— Извините, молодой человѣкъ... Не служите ли вы при редакціи?

Я отвѣтилъ, что нѣтъ.

— Такая досада,—заговорилъ опять старичокъ, похлопывая рукописью и сверткомъ:—былъ у Михаила Никифоровича—нѣтъ его дома...

— Сію минуту придетъ секретарь редакціи, потрудитесь его подождать.

— Это вамъ лакей сказалъ... Онъ и мнѣ то же сказалъ, что сію минуту, однако, я здѣсь сижу болѣе получаса, а моего милѣйшаго Ардальона Васильевича все нѣтъ, какъ нѣтъ... Это мой хорошій пріятель, малый дѣйствительно славный, да вѣтерокъ въ головѣ попархиваетъ...—и старичокъ добродушно хихикнулъ.—Молодъ еще,—прибавилъ онъ,—а кто же не отдавалъ дани молодости!

— Не могу ли я быть вамъ полезнымъ?—спросилъ я старичка.—Мнѣ необходимо подождать Зименка и потому я могу съ удовольствіемъ передать ему ваше порученіе.

Старичокъ поспѣшилъ меня поблагодарить.

— Я хотѣлъ было передать вотъ эту рукопись,—заговорилъ онъ, причемъ развернулъ ее и я успѣлъ прочесть крупно написанное заглавіе: *Бирюзовый перстенекъ* (или *Бирюзовое колечко*, хорошенько не помню), и снова свернувъ рукопись, онъ прибавилъ:—Сегодня мнѣ недосугъ, но передайте Зименку, что завтра объ эту же пору я постараюсь быть либо у Михаила Никифоровича, либо у него...—и протянувъ мнѣ руку, онъ направился было къ двери.

— Виноватъ,— остановилъ я старичка: — а какъ объ васъ сказать?

— Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ.

Это была первая и послѣдняя моя встрѣча съ авторомъ *Ледяного дома*, *Басурмана*, *Послѣдняго новика* и проч., такъ какъ вскорѣ послѣ того онъ умеръ.

Какая участь постигла *Бирюзовое колечко*, я тоже не знаю, ибо въ печати я нигдѣ не встрѣчалъ его.

Хозяйственною частью редакціи завѣдывалъ Леонтьевъ, тогдашній профессоръ. Это былъ человѣкъ крайне разсчетливый и съ педантической строгостью относившійся къ своему дѣлу. Онъ велъ всѣ расходы редакціи и каждая копейка у него записывалась въ памятную книжечку, которая всегда находилась при немъ въ карманѣ.

Надо сказать, что *Русскій Вѣстникъ* сразу пріобрѣлъ массу поклонниковъ и сумѣлъ уловить новыя вѣянія, которыми было объято тогдашнее общество. *Губернскіе очерки* Салтыкова читались нарасхватъ во всѣхъ слояхъ общества, и не было ни одного дома, гдѣ бы вы не встрѣтили *Русскаго Вѣстника*. Выхода книжки всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, а болѣе рьяные читатели буквально осаждали книжные магазины Базунова и Глазунова.

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, дотолѣ неизвѣстный, вдругъ сдѣлался первой литературной величиной. Не прошло двухъ-трехъ лѣтъ, какъ редакція *Русскаго Вѣстника* оставила свою скромную квартирку въ Кисловскомъ переулкѣ и переѣхала въ одинъ изъ переулковъ Поварской, занявъ тамъ обширное помѣщеніе. Въ чьемъ именно домѣ помѣстилась редакція вмѣстѣ съ М. Н. Катковымъ— не помню, но помню, что гдѣ-то недалеко отъ Собачьей площадки. Входъ въ редакцію былъ уже не со двора, а прямо съ улицы, а кабинетъ М. Н. Каткова помѣщался въ просторной и свѣтлой комнатѣ, тоже обращенной окнами на улицу.

И. Саловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДѢТИ ГЕНЕРАЛА ГРАНОВА.

Разсказъ.

I.

Генерала Гранова я знаю, вѣрнѣе — зналъ, — покойникъ онъ теперь, царство ему небесное,—зналъ я его со школьной скамьи, съ перваго класса гимназіи, когда онъ былъ милымъ мальчуганомъ, большимъ шалуномъ, живымъ, остроумнымъ, замѣчательно способнымъ и благовоспитаннымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Чудилъ онъ отчаянно, но всѣ его шалости были настолько порядочны, безукоризненно-чисты и милы, что начальство относилось къ нимъ съ большимъ снисхожденіемъ. Товарищи любили Гранова, какъ можно любить только младшаго брата — именно, младшаго — настолько миніатюрна, ребячливо-симпатична была его подвижная фигурка, съ блестящими сѣрыми глазенками, съ топырящимся на лбу забавнымъ хохолкомъ золотистыхъ волосъ, съ пискливымъ голоскомъ, напоминающимъ нашего тогдашняго любимца, знаменитаго «Петрушку». Его,—т.-е. будущаго генерала,—мы и звали «Петрушкой», хотя настоящее его имя было Андрей Васильевичъ. И онъ не обижался, на такой зовъ отвѣчалъ настоящимъ «петрушкинымъ» голосомъ и не оставался въ долгу, самъ давалъ иногда очень мѣткія прозвища. Такъ, одному, нынѣ важному тайному совѣтнику, — имени не назову, онъ живъ еще, — Грановъ на зовъ «Петрушка» пропищалъ: «Ась, мурыська?»—и кличка сразу такъ пристала, что тайный совѣтникъ въ орденахъ и лентахъ о-сю пору пребываетъ «мурыськой»,—заочно, разумѣется. Да и не онъ одинъ доживаетъ свой вѣкъ съ кличкой, данной въ гимназіи Андрюшей Грановымъ.

Грановъ сбѣжалъ изъ шестого класса, за лѣто приготовился и выдержалъ экзаменъ въ университетъ. Хорошо ли, плохо ли это

было, не берусь судить, но въ то время это дозволялось, какъ дозволялось держать прямо кандидатскій экзаменъ, не имѣя никакого аттестата «зрѣлости». И выходили люди дѣльные и дѣловые, занимали потомъ большія и отвѣтственныя мѣста съ честью для себя и съ несомнѣнною пользой для дѣла. Ну, да это меня мало касается, я такого экзамена не держалъ и, поступивши въ университетъ обычнымъ порядкомъ, вынужденъ былъ изъ него удалиться послѣ извѣстныхъ «событій подъ Дрезденомъ»... За недолгій срокъ моего пребыванія въ стѣнахъ almae matris я рѣдко встрѣчался съ Грановымъ, мы были на разныхъ факультетахъ, онъ — на математическомъ, я—на юридическомъ, онъ усердно занимался, я билъ баклуши. Мы разошлись и очень надолго. Про наши встрѣчи я разскажу, поскольку ихъ припомню, остальное передамъ по свѣдѣніямъ довольно точнымъ и достовѣрнымъ,—по крайней мѣрѣ, по такимъ, въ правдивости которыхъ я не сомнѣваюсь.

Андрей Васильевичъ блистательно кончилъ курсъ и поступилъ въ гвардейскій полкъ. Хорошее наслѣдственное состояніе дозволяло ему это. Потомъ онъ такъ же превосходно прошелъ курсъ академіи генеральнаго штаба и пустился «дѣлать карьеру» вездѣ, гдѣ представлялась къ тому возможность,—на Кавказѣ и въ Средней Азіи... Я встрѣтился съ нимъ въ Москвѣ случайно на какой-то выставкѣ и, пожалуй, не узналъ бы, еслибъ не услыхалъ его пискливаго, «петрушечьяго» голоса. Грановъ узналъ меня сразу и кинулся ко мнѣ на шею, какъ въ былые годы гимназистомъ послѣ вакаціи. За завтракомъ въ Эрмитажѣ, немного конфузясь и очень захлебываясь отъ восторга, онъ сообщилъ мнѣ, что женится на одной московской барышнѣ, — женится по любви, самой страстной и взаимной, конечно, и сверхъ того, необыкновенно разумной.

— Ты, вѣдь, меня знаешь...—говорилъ онъ, тщетно стараясь удержаться на солидномъ, штабъ-офицерскомъ баскѣ, Грановъ былъ уже полковникомъ, довольно молодымъ, впрочемъ, какъ всѣ штабные полковники. — Ты знаешь, я ничего не дѣлаю легкомысленно, не обсудивши и не разобравши со всѣхъ сторонъ...

Ничего подобнаго я за нимъ не зналъ, разумѣется, да и его самого зналъ только шаловливымъ «Петрушкой», никогда не претендовавшимъ на разсудительность. Я улыбнулся. Онъ замѣтилъ это, понялъ и взвизгнулъ отъ хохота, точь-въ-точь какъ пятнадцать-двадцать лѣтъ назадъ.

— Нѣтъ, другъ,—продолжалъ Андрей Васильевичъ,—теперь уже не то, что бывало, да и я давно уже не тотъ... Ты не смотри,

что я хохочу такъ. Это отъ радости, что тебя вижу, и, пожалуй, отъ счастья. Счастье молодитъ, а я счастливъ и переживаю немного поздно, быть можетъ, лучшую пору молодости. Да ты самъ увидишь и поймешь, когда я представлю тебя моей невѣстѣ...

Онъ назвалъ имя невѣсты. Оказалось, что я, коренной москвичъ, давно знаю ее и всю ея семью, и, отчасти, родню. Восторговъ Гранова передъ Екатериной Павловной Мишуриной я нисколько не раздѣлялъ. Правда, собой она была красива, многіе считали ее даже красавицей, но, по-моему, она была красива «не хорошо». Высокая, широкоплечая, съ тонкою таліей и утрированнымъ бюстомъ, брюнетка съ яркимъ румянцемъ, съ жгучими глазами, съ густыми бровями и легонькимъ пушкомъ на верхней губѣ, она была эффектна и замѣтна въ какомъ угодно обществѣ. Только и замѣтна она была такъ, что я никому не пожелалъ бы эту красавицу въ жены. Держала она себя достаточно прилично, ничего дурного сказать про нее нельзя было, никто не могъ упрекнуть ее въ видимомъ кокетствѣ и, тѣмъ не менѣе, за нею вѣчно тащился цѣлый хвостъ мужчинъ всѣхъ возрастовъ, военныхъ и штатскихъ, прилизанныхъ, лохматыхъ и плѣшивыхъ. Лица въ этой свитѣ мѣнялись безпрерывно, смѣны происходили быстро, а Катринъ Мишуриной перевалило за двадцать пять и не нашлось смѣльчака «возложить на ея главу вѣнецъ отъ камене честна». Это тѣмъ удивительнѣе, что, по достовѣрнымъ московскимъ свѣдѣніямъ, приданое за нею полагалось весьма пристойное, что ея папаша, родовитый и чиновный баринъ, занималъ видное мѣсто, а у мамаши, урожденной княжны Карамышевой, были обширныя и вліятельныя связи. И, несмотря на всѣ эти приманки, женихи вели себя какъ гоголевскія крысы, которыхъ городничій видѣлъ во снѣ... Тетушки и кузины уже начинали зачислять Мишурину въ «безнадежныя» невѣсты, когда попался и не вырвался мой добрый другъ, Андрей Васильевичъ Грановъ.

Я было попытался отдѣлаться отъ визита къ Мишуринымъ. Да куда тамъ — не помогли никакія отговорки. Мы потащились тотчасъ послѣ завтрака. Ну, все, какъ быть, по-московскому и по-хорошему: заставили насъ пріѣхать обѣдать, продержали вечеръ, налѣзли гости... Полковникъ мой такъ и таялъ и украдкой кидалъ на меня торжествующіе взоры побѣдителя. Про себя, однако, я позволилъ себѣ усомниться въ его побѣдѣ надъ слишкомъ блистательной красавицей, посматривавшей на него не очень нѣжно, сверху внизъ. Иначе оно и мудрено было, такъ какъ невѣста была на полголовы выше своего жениха и на его пискливые восторги

отвѣчала низкимъ контральто, немного смахивавшимъ на баритонъ. Мое положеніе было изъ самыхъ дурацкихъ въ этотъ вечеръ и въ слѣдующіе дни, когда Грановъ приставалъ ко мнѣ съ вопросами о невѣстѣ, видимо, требуя моего восхищенія, проявить которое я не могъ, при всемъ стараніи доставить удовольствіе пріятелю. Ни лицо, ни тонъ я не умѣю дѣлать по заказу и не мастеръ сочинять желательныя слова. И вышло такъ, что намъ обоимъ очень скоро стало не по-себѣ, говорить оказалось не о чемъ и поползли мы, старые друзья, въ разныя стороны.

Андрей Васильевичъ женился тѣмъ же лѣтомъ и уѣхалъ съ молодою женой куда-то въ провинцію, далеко отъ Москвы, командовать только что полученнымъ имъ полкомъ. На этомъ и оборвалась наша полуребячья дружба. Съ тѣхъ поръ я не видалъ Гранова, лишь очень рѣдко мы обмѣнивались письмами, и все, что дальше слѣдутеъ, я передаю со словъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Въ Москвѣ, вѣдь, все и про всѣхъ знаютъ, чѣмъ ясно доказывается, что Россія совсѣмъ не такъ велика, какъ это кажется на картѣ. Впрочемъ, съ желѣзными дорогами и телеграфами и весь земной шаръ сталъ довольно маленькимъ...

II.

Итакъ, по слухамъ, я зналъ, что Андрей Васильевичъ командуетъ полкомъ, а имъ самимъ командуетъ очаровательная полковница. Живутъ они мирно и согласно въ небольшомъ губернскомъ городѣ. Екатерина Павловна довольна своимъ положеніемъ въ провинціальномъ обществѣ, гдѣ играетъ самую видную роль, считается первою красавицей, тратитъ на свои туалеты и пріемы сколько ей угодно. Къ концу года ихъ супружеской жизни я получилъ отъ Гранова восторженное письмо съ извѣщеніемъ, что Богъ далъ имъ дочку Жени,—вылитый портретъ отца, по увѣренію дамъ, компетентныхъ распознавать сходство въ лицахъ новорожденныхъ ребятъ. Я поздравилъ счастливыхъ супруговъ, искренно порадовался за добраго товарища, но отнюдь не за маленькую Жени, обреченную судьбой воспроизвести черты своего родителя. Какъ мужчина, онъ былъ только-только сносенъ, — по пословицѣ, немного получше чорта. А дѣвушкѣ съ подобною внѣшностью жить огорчительно. Папаша, однако, боготворилъ свою дѣвочку и, еслибъ имѣлъ къ тому малѣйшую возможность, ни за что не поручилъ бы ее наемной кормилицѣ, какъ то сдѣлала маменька ради сохраненія красоты.

Прошло еще два года, и про Екатерину Павловну стали доноситься слухи, далеко не клонящіеся къ укрѣпленію вѣры въ прочность супружескаго счастья Андрея Васильевича. Одна всезнающая престарѣлая московская княгиня, не стѣсняясь, вслухъ называла даже имена,—не имя, а имена—«сотрудниковъ» полковника, по ея выраженію.

— Андрюшенька-то, Андрюшенька нашъ, — заговорила она, едва я переступилъ порогъ ея гостиной,—notre adorable Андрюшенька такъ и пребываетъ въ дѣтской, совсѣмъ превратился въ няньку. Я хочу послать ему фартукъ, уже купила на дешевкѣ остатокъ ситца съ красными букетами по желтому полю... А супруга тѣмъ временемъ...

Изъ сіятельныхъ устъ посыпались возмутительныя гадости.

Словамъ княгини никто не придавалъ никакого значенія, она прославилась тѣмъ, что всю жизнь собирала со всѣхъ задворковъ сплетни черезъ горничныхъ, кухарокъ, торговокъ, черезъ кого придется, а когда ничего забористаго не находилось, то и сама сочиняла иногда очень диковинныя исторіи. Надо, впрочемъ, сказать правду, у нея нерѣдко оказывалось какое-то зловѣщее чутье, родъ предвѣдѣнія:—нагородитъ, наплететъ небылицъ,—анъ глядишь, и «накаркала». Когда она болтала отъ собственныхъ измышленій, ничего ровно не было, а потомъ все и выйдетъ, какъ по-писанному. Сама же и похваляется:

— Вотъ, я говорила вамъ, а вы не вѣрили...

— Позвольте, княгиня,—пытается собесѣдникъ оправдаться въ своемъ невѣріи,—вѣдь, тогда-то этого не было.

— Ужъ тамъ было ли, не было ли,—возражаетъ она, нисколько не смущаясь,—а все оказалось такъ, какъ я говорила... а вы не повѣрили. Извольте каяться и просить прощенья.

И почти всѣ каялись, просили прощенья и цѣловали милостиво протянутую руку.

Я пріѣхалъ въ Москву передъ Рождествомъ и на Новый годъ былъ съ визитомъ у княгини.

— Слышали новость? — возгласила она, не слушая моихъ поздравленій и пожеланій.—Нашъ Андрюша... угадайте новость! Пари держу на фунтъ конфетъ, что не угадаете. Ну, нашъ Андрюша Грановъ...

— Произведенъ въ генералы,—сказалъ я.

— Не угадали, конфеты за вами. Грановъ разошелся съ женой!

— Едва ли это вѣрно, княгиня. Я вчера получилъ отъ него письмо, съ поклономъ отъ Екатерины Павловны, стало быть...

— То было вчера,—ничуть не смутилась хозяйка,—а получите завтра и увидите. Ma cousine Natalie слышала это изъ самаго вѣрнѣйшаго источника. Il faut vous dire, что у Natalie поваръ... отличный поваръ, лучше, чѣмъ у графа Петра, а вы знаете, какъ Петрушенька любитъ покушать. Такъ вотъ, сестра этого повара живетъ въ нянькахъ у штабъ-доктора того полка, которымъ командуетъ Андрюша Грановъ, она и писала... А, милый князь!—обратилась хозяйка къ входящему гостю.—Какую я вамъ сообщу новость! Imaginez-vous, Лиза Курникова, эта *ледронка*, вѣдь, ни кожи, ни рожи, ни прилагательнаго, какую дѣлаетъ партію...

Я поспѣшилъ откланяться и убѣжать отъ рога изобилія новостей. Не было сомнѣнія въ томъ, что старая мельница, съ ея «вѣрнѣйшими источниками» изъ кухни, все наврала. Тѣмъ не менѣе, письмо Андрея Васильевича заставило меня призадуматься. Ничего особеннаго въ немъ не было,—письмо, какъ всѣ письма, какія пишутъ другъ другу люди, нежелающіе порывать старыя, добрыя отношенія. Но весь тонъ этого письма—какой-то не всегдашній, не живой и веселый. Въ немъ чувствовалась неуловимая натянутость, что-то затаенное и удручающее. Я въ тотъ же вечеръ написалъ Андрею Васильевичу, вызывая его на скорый отвѣтъ. Какъ ни отвертывайся и какъ ни отмахивайся отъ дурацкихъ сплетенъ, на душѣ все же остается какая-то муть съ дряннымъ осадкомъ.

Изъ отвѣта Гранова, полученнаго недѣли черезъ двѣ, я убѣдился въ томъ, что «cousine Natalie», ея «отличный» поваръ и старая сіятельная балаболка сами состряпали исторію про Андрея и его жену. Ничего похожаго въ дѣйствительности не было. Грустный тонъ новогодняго письма объяснялся тѣмъ, что маленькая Жени была больна, а отецъ растерялся и голову повѣсилъ.

Московскія розсказни про Екатерину Павловну то разрастались, то стихали и, наконецъ, совсѣмъ смолкли, видимо утратили пикантность новизны. «Карканье» княгини на этотъ разъ неоправдалось, супруги продолжали жить вмѣстѣ. Только изъ источника, несомнѣнно достовѣрнаго,—отъ нашего съ Андреемъ общаго пріятеля, прогостившаго нѣсколько дней у него въ домѣ,—я узналъ, что супруги давно и сильно между собой не ладятъ.

III.

Трудно вообразить себѣ что-либо болѣе печальное, болѣе тоскливое, чѣмъ письмо, полученное мною отъ Андрея Васильевича изъ Кишинева. Полкъ, которымъ командовалъ Грановъ, шелъ въ первой линіи для занятія Болгаріи. Нѣсколько строкъ о разставаніи съ дочерью вызвали у меня слезы на глазахъ. Екатерина Павловна проводила мужа до Кіева и тамъ осталась подъ предлогомъ утомленія и боязни за здоровье уже пятилѣтней Жени... Началась война. За Дунаемъ, на Балканахъ и за Балканами ревѣли пушки, производились штурмы, «громъ побѣды» раздавался, заглушая собою стоны умирающихъ и раненыхъ, вопли и рыданія осиротѣвшихъ, оставленныхъ дома матерей, женъ и дѣтей...

Екатерина Павловна не рыдала и слезъ не проливала. Она отлично устроилась въ Кіевѣ и жила въ свое полное удовольствіе, сорила деньгами, проматывала полученный въ приданое капиталъ и тянула съ мужа все, что можно было съ него стащить.

Я войны не люблю, отъ повѣствованій о боевыхъ подвигахъ у меня морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, описаній военныхъ дѣйствій я не понимаю, какъ и огромное большинство тѣхъ, кто ихъ усердно прочитываетъ. И, тѣмъ не менѣе, какая-то невѣдомая сила тянетъ взять въ руки газету и съ замираніемъ сердца узнавать, какъ что-то штурмовали, взяли, потеряли убитыми, выбыло изъ строя раненыхъ... Ужасъ беретъ, когда подумаешь, что это не просто цифры для ариѳметической задачи, а что каждая изъ единицъ, вошедшихъ въ составъ такихъ цифръ, представляетъ собою жизнь человѣка, кормившаго своимъ трудомъ цѣлую семью. Я прочитывалъ газетныя извѣстія, содрогался и не могъ отдѣлаться отъ мысли, что передо мной далеко не всѣ цифры, опредѣляющія собою число жертвъ, унесенныхъ войной. Помимо громкихъ реляцій, сообщающихъ о томъ, сколько «выбыло изъ строя», есть еще тихія реляціи, въ газетахъ не печатаемыя: это—отчеты о томъ, сколько «выбыло» изъ жизни въ лазаретахъ отъ тифа и другихъ болѣзней, всегдашнихъ спутниковъ какъ побѣдъ, такъ и пораженій... Нѣтъ, я войны не люблю,—лучше бы ее никогда и нигдѣ не было.

Прочитывая извѣстія съ «театра войны»,—нечего сказать, хорошъ «театръ»,—я случайно натолкнулся на строку, въ которой было коротко сказано, что въ какой-то ничтожной стычкѣ раненъ полковникъ Грановъ, командиръ такого-то полка. Сомнѣнія не могло быть въ томъ, что рѣчь шла о моемъ старомъ товарищѣ. Я на-

писалъ ему, но отвѣта не получилъ,—мое ли письмо затерялось, или его отвѣтъ, неизвѣстно. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и мнѣ кто-то передалъ, съ газетныхъ же извѣстій, что полковникъ Грановъ тяжело раненъ въ голову. Я написалъ въ Кіевъ его женѣ, справляясь о подробностяхъ, и на это письмо отвѣта не послѣдовало. Уже когда наши войска стояли подъ Константинополемъ и былъ подписанъ Санъ-Стефанскій договоръ, я, проѣздомъ черезъ Москву, узналъ, что Андрей Васильевичъ произведенъ въ генералы и поселился въ только-что купленномъ имъ имѣніи. Ни губерніи, ни уѣзда, гдѣ находится это имѣніе, мнѣ сказать не умѣли. Я направился къ родителямъ его жены,—оказалось, что старикъ Мишуринъ умеръ, а его вдова уѣхала за границу. На время для меня затерялся всякій слѣдъ моего добраго пріятеля.

IV.

Прошло много времени, лѣтъ восемь, а можетъ быть и больше, я переселился совсѣмъ въ Москву на жительство. Съ наступленіемъ зимы начались обычные московскіе журъ-фиксы, по большей части въ молчанку, съ «винтомъ» на нѣсколькихъ столахъ. Я въ карты не играю и стараюсь не бывать на такихъ вечерахъ, дабы не удручать хозяевъ своею лишнею особой. Всѣ знакомые знаютъ, что я «негожусь» на подобныя сборища, и давно оставили меня въ покоѣ, не приглашаютъ. Нашелся все-таки одинъ докторъ, милѣйшій человѣкъ, другъ старика моего дяди, и вздумалъ обижаться за то, что я «избѣгаю» его журъ-фиксовъ. Дѣлать нечего, пришлось поѣхать на его четвергъ и жестоко наказать радушныхъ хозяевъ, лишивши ихъ винта и вынудивши занимать цѣлый вечеръ ни на что не нужнаго гостя. Претерпѣли они со мной скучищу смертоносную, да и я тоже. Отлегло только за ужиномъ.

Большинство гостей состояло изъ врачей. Послѣ обсужденія «шлемовъ» и «ремизовъ», рѣчь зашла объ операціяхъ, резекціяхъ, ранахъ и дезинфекціяхъ.

— У насъ въ лазаретѣ подъ Плевной,—разслышалъ я голосъ одного изъ докторовъ,—былъ такой казусъ: приносятъ нѣкоего полковника, раненъ въ голову...

Я навострилъ уши.

— Пуля угодила ему вотъ сюда,—докторъ показалъ на високъ около лѣваго глаза,—кость разбита въ дребезги, изъ раны течетъ что-то похожее на мозгъ. Посмотрѣли мы, посмотрѣли и руками махнули,—что его безпокоить? Пусть себѣ отправляется ad patres,

безболѣзненно и мирно, благо въ полномъ безпамятствѣ. Дѣла и безъ него по горло. Только былъ у насъ одинъ молоденькій лѣкареночекъ, Сиговъ, умеръ потомъ въ Санъ-Стефано отъ тифа,—горячій былъ парнишко, неугомонный, готовъ былъ мертвымъ дѣлать операціи. Вотъ этотъ-то Сиговъ и принялся за полковника, возился-возился, всѣ осколки костей повытаскалъ и наложилъ повязку. Полковникъ дышитъ. Прихожу я вечеромъ, смотрю—все еще дышитъ, на другой день началъ ротъ разѣвать, губами шевелить. Что же вы думаете?—совсѣмъ отдышался, Сиговъ его выходилъ, только остался полковникъ, разумѣется, кривымъ, да лицо ему немного перекосило. А то ничего, опять молодцомъ сталъ.

Я уже ротъ раскрывалъ спросить фамилію полковника, когда отозвался сидѣвшій противъ доктора присяжный повѣренный Дугиновъ:

— Это вы не про Гранова ли, котораго потомъ произвели въ генералы?

— Про него самаго...

— Вы не знаете ли, гдѣ онъ теперь, живъ ли? — спросилъ я.

— Живъ и здоровъ,—отвѣтилъ адвокатъ,—хозяйничаетъ у себя въ имѣніи, пищитъ по прежнему, если не больше. Впрочемъ, отъ подобной супруги можно и не такъ еще запищать. Вы ее знаете?

— Зналъ когда-то, давно, еще дѣвушкой,—сказалъ я.—Она съ нимъ въ деревнѣ живетъ?

— Какой тамъ съ нимъ!—усмѣхнулся Дугиновъ.—Носится въ пространствѣ съ тѣхъ поръ, какъ мужъ вернулся. Прелюбопытная исторія вышла у нея потомъ съ генераломъ...

Ужинъ кончился, было уже поздно, время отправляться по домамъ. Я попросилъ у Дугинова позволенія пріѣхать къ нему на слѣдующій день, чтобъ узнать «прелюбопытную исторію».

Она оказалась не только любопытною, но даже необычайною и трагически закончившеюся вскорѣ послѣ того, какъ Дугиновъ разсказалъ мнѣ первую ея половину. Конецъ я узналъ недѣли двѣ спустя и передаю «исторію» цѣликомъ, безъ перерыва.

V.

Генералъ пріѣхалъ въ Кіевъ, едва оправившись отъ тяжелой раны, совсѣмъ еще больной и немощный, и нашелъ въ квартирѣ супруги настоящій вертепъ, съ кутежами, попойками, азартною картежною игрой, съ какими-то подозрительными пріятелями Екатерины Павловны, съ типическими шулерами, съ дамами доста-

точно характернаго вида... Все мѣстное общество давно отвернулось отъ слишкомъ увлекавшейся барыни: въ порядочныхъ домахъ ее перестали принимать, при встрѣчахъ не узнавали и не кланялись. Екатерина Павловна обозлилась, вообразила, что сможетъ составить себѣ, внѣ установившагося общества, какое-то свое особливое, и зарвалась, попала въ такую трясину, изъ которой уже не было возможности выкарабкаться. Генералъ пріѣхалъ нежданнымъ, засталъ, какъ говорится, «въ развалъ» все безобразіе, творящееся въ его домѣ, забралъ дочь и черезъ полчаса расположился въ номерѣ гостиницы.

Генеральша не возражала и не удерживала, а на другой день прислала къ мужу какого-то усача съ требованіемъ выдать ей отдѣльный видъ на жительство, заплатить нѣсколько тысячъ ея долга и назначить опредѣленную сумму на ежегодный ея прожитокъ. Въ противномъ случаѣ она грозила явиться къ мужу и допекать его скандалами. Андрей Васильевичъ завизжалъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ, приказалъ деньщику выгнать усача вонъ, а черезъ два часа прислалъ съ однимъ знакомымъ офицеромъ своей супругѣ отдѣльный паспортъ, деньги на уплату долга и обѣщаніе выдавать ежегодно по двѣ тысячи рублей, если она оставитъ его въ покоѣ. Въ тотъ же день генералъ уѣхалъ съ дочерью въ Одессу, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ купилъ большое и устроенное имѣніе, перебрался въ него и всецѣло отдался хозяйству и воспитанію своей ненаглядной Жени. Про Екатерину Павловну онъ узналъ еще въ Одессѣ, что ее «попросили» уѣхать изъ Кіева. Обѣщанныя ей на содержаніе деньги высылались пополугодно черезъ одну банкирскую контору, такъ какъ Андрей Васильевичъ знать не хотѣлъ, гдѣ пребываетъ и что продѣлываетъ его законная, но навсегда отрѣзанная «половина».

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, она подала о себѣ вѣсть заказнымъ письмомъ, которымъ сообщила мужу, что за это время «Богъ далъ имъ» четырехъ дѣтокъ, двухъ сыновей и двухъ дочерей, далѣе прописывала ихъ имена, годы и числа рожденій и заканчивала усерднѣйшею просьбой поспѣшить высылкой для нихъ установленныхъ документовъ, крайне и неотложно необходимыхъ, такъ какъ она, заботливая мать, хлопочетъ о зачисленіи дѣтей кандидатами на казенный счетъ въ такія-то учебныя заведенія. А еслибъ Андрею Васильевичу угодно было назначить другія заведенія, то стоитъ ему только написать, и она сочтетъ священнымъ долгомъ исполнить въ точности желаніе отца.

Въ первую минуту генералъ ошалѣлъ, не могъ сообразить, что

это такое—мистификація, наглая шутка или попытка поставить ему какую-нибудь ловушку, чтобы потребовать потомъ выкупъ. Андрей Васильевичъ слыхалъ про такія штуки. Ничего не надумавши самъ, онъ послалъ за своимъ закадычнымъ другомъ, сосѣдомъ и неизмѣннымъ совѣтникомъ, за капитаномъ Желтоносомъ.

— Что же мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать съ этою негодницей?—пищалъ генералъ, носясь по комнатѣ и потрясая письмомъ жены передъ старымъ боевымъ товарищемъ.

— А-жъ ничего,—спокойно говорилъ капитанъ, посасывая изъ пѣнковаго мундштука съ янтаремъ толстую папиросу крученку.—Изорвать ту глупую цидулу, плюнуть и ногой растереть. Сказилась баба!

— Позволь, однако, а ну какъ она...—Андрей Васильевичъ запнулся, придумать не могъ, что она такое въ состояніи сдѣлать.

— Что она?—невозмутимо продолжалъ сосѣдъ.—Она дура и сама лѣзетъ въ петлю. Теперь, если ты захочешь, можешь прямо требовать развода на самомъ законномъ основаніи, представь только это письмо и готово. Сама расписалась!

— А, ну, его... На что онъ мнѣ нуженъ этотъ разводъ? Жениться что ли я собираюсь? Скандалъ только затѣвать, да «аблакатамъ» платить, зря деньги бросать...

«Аблакатовъ» генералъ терпѣть не могъ, а денежки свои берегъ очень крѣпко, постоянно прикупалъ на нихъ земельки, при содѣйствіи пріятеля Желтоноса.

Друзья на томъ и порѣшили: плюнуть, молчать и съ дурой-бабой не связываться.

VI.

«Дура», однако, не унялась, черезъ полгода прислала второе письмо съ прямою угрозой обратиться къ суду. Капитанъ оставался при прежнемъ мнѣніи и говорилъ:

— Не-хай обращается куда угодно, коли ей охота срамиться. Вездѣ ей носъ утрутъ и отовсюду по шеямъ прогонятъ.

Непоколебимая увѣренность друзей въ бабьей дурости нѣсколько поколебалась лишь тогда, когда на самомъ дѣлѣ была получена повѣстка о вызовѣ на судъ генералъ-майора Андрея Васильевича Гранова въ качествѣ отвѣтчика по дѣлу объ истребованіи отъ него его супругой Екатериной Павловной Грановой установленныхъ документовъ для вписанія въ оные ихъ законныхъ дѣтей: «такихъ-то и стольких-то лѣтъ».

Было ясно, что «баба» не шутитъ и что «носа ей пока не утерли»...

Какъ ни противно было обращаться къ «аблакату», какъ ни прискорбно было платить ему кровныя денежки, а пришлось, такъ какъ ни генералъ, ни капитанъ Желтоносъ не умѣли даже путемъ расписаться въ полученіи повѣстки. Андрей Васильевичъ обратился къ присяжному повѣренному Дугинову, родному брату того Дугинова, который передавалъ мнѣ этотъ печальный эпизодъ изъ жизни моего стараго пріятеля.

— Я затрудняюсь браться за ваше дѣло,—объявилъ адвокатъ, просмотрѣвши документы, представленные въ судъ повѣреннымъ Екатерины Павловны.

— Какъ затрудняетесь? Почему?—удивился и порядочно-таки растерялся генералъ.

— Потому, что его нельзя... т.-е. почти нельзя выиграть, по меньшей мѣрѣ, крайне трудно, если не окажется какого - нибудь существеннаго упущенія или промаха со стороны вашей супруги.

— Какого тамъ еще промаха?—вскипѣлъ генералъ.— Восемь лѣтъ не живетъ съ мужемъ, чортъ знаетъ, какихъ дѣтей народила, и вдругъ... Нѣтъ-съ, я этого такъ не оставлю, довольно терпѣлъ и молчалъ... Будетъ съ меня, я начну дѣло о разводѣ... Прошу васъ тотчасъ же начать дѣло о разводѣ, никакихъ денегъ не пожалѣю, а ее упеку... въ монастырь упеку! Такъ и дѣло ведите, чтобы непремѣнно въ монастырь!...

— Позвольте, генералъ, о разводѣ мы потомъ поговоримъ, а теперь передъ нами другое дѣло, притомъ же такъ обставленное противною стороной, что рѣшеніе его въ вашу пользу представляется мнѣ очень мало вѣроятнымъ.

— Такъ что же по-вашему, это мои дѣти?—уже визжалъ Андрей Васильевичъ.

— Изволите ли видѣть, суду до этого нѣтъ никакого дѣла, и онъ не входитъ въ разсмотрѣніе того, чьи это дѣти. Они рождены, при наличности законнаго брака, крещены и въ метрики записаны, какъ законныя дѣти Андрея Васильевича и его законной супруги Екатерины Павловны. Слѣдовательно, по закону, это ваши дѣти.

— Какъ мои, когда я могу доказать, что восемь лѣтъ въ глаза не видалъ этой моей «законной» мерзавки?

— И до этого суду нѣтъ дѣла. На оспориваніе мужемъ законности дѣтей, рожденныхъ его супругой, установленъ въ законѣ опредѣленный срокъ. Вы всѣ сроки пропустили, не оспаривали, стало быть признали дѣтей вашей жены своими законными дѣтьми.

— Да кто же можетъ знать всѣ эти ваши сроки?—растерянно возражалъ Грановъ.

— Оно такъ, но незнаніемъ закона, какъ вамъ извѣстно, никто отзываться не вправѣ.

— Хорошо-съ... вы адвокатъ, вы «присяжный» повѣренный... Позвольте спросить, вы знаете всѣ законы?

— Разумѣется, нѣтъ. Но когда я встрѣчаю въ практикѣ что-либо мнѣ неизвѣстное или сомнительное, не совсѣмъ ясное, я обращаюсь къ свѣдующимъ людямъ и къ моему шкафу съ книгами. И вамъ слѣдовало своевременно то же сдѣлать, обратиться къ нашему брату, адвокату. Тогда вы и не попали бы вотъ въ такое-то положеніе.

— Стало быть такъ...—генералъ изъ себя выходилъ.—Стало быть, *нашему* брату иначе нельзя жить на свѣтѣ, какъ нанять адвоката и ходить съ нимъ всю жизнь подъ ручку, да еще возить за нимъ на тележкѣ его шкафъ съ книгами для справокъ!... Да позвольте, однако,—спохватился Андрей Васильевичъ и сразу пріободрился.—Какой же я пропустилъ срокъ? Вотъ письмо Екатерины Павловны, я получилъ его десять мѣсяцевъ назадъ и только изъ него узналъ о существованіи ея чадъ...

— Дѣло въ томъ, генералъ,—пояснилъ адвокатъ,—что срокъ-то считается не со дня полученія вами извѣстія, а со дня рожденія этихъ чадъ.

— Да почемъ же я могъ знать, что она гдѣ-то тамъ производитъ потомство? Я понятія не имѣлъ, гдѣ она пребываетъ, и знать-то не хотѣлъ...

— И напрасно. Вотъ если бы хотѣли знать, гдѣ и какъ поживаетъ супруга и въ добромъ ли здоровьѣ, такъ этого не случилось бы и сроковъ вы не пропустили бы.

— Ну, только этого не доставало!...—воскликнулъ генералъ.— Самъ ходи подъ ручку съ адвокатомъ, а при женѣ содержи соглядатая, чтобы бюллетени присылалъ о ея здоровьѣ!...

Не договорившись съ Дугиновымъ ни до чего путнаго, Андрей Васильевичъ отправился къ другому присяжному повѣренному, потомъ къ третьему, потомъ къ прокурору, къ товарищу предсѣдателя суда, заѣхалъ даже къ жандармскому штабъ - офицеру... У всѣхъ онъ нашелъ самое живое сочувствіе и отъ всѣхъ выслушалъ то же самое, что говорилъ Дугиновъ. Генералъ метался по всему городу, какъ угорѣлый, и наскочилъ-таки на развязнаго и шустраго «брехунца», который согласился вести его дѣло за приличное вознагражденіе, увѣривши, что еще можно что-то «подстроить»,

разыскать какой-то «крючокъ», кому-то «заплатить» и притянуть супругу къ уголовщинѣ. Милѣйшій Андрей Васильевичъ дошелъ почти до состоянія невмѣняемости. Онъ—образецъ благородства, чтимый всею арміей за непоколебимую честность и прямодушіе—готовъ былъ «подстроивать», платить, хвататься за всякіе «крючки», чтобъ избавиться отъ позора, съ которымъ наступала на него Екатерина Павловна.

«Брехунецъ» взялся за дѣло съ большимъ усердіемъ, крючкотворствовалъ на славу, запутывалъ тяжущихся въ грязныя исторіи и безсовѣстно тащилъ съ генерала деньги. Онъ проигралъ дѣло въ первой инстанціи и перенесъ его въ слѣдующую, проигралъ и тамъ, разумѣется, и намѣревался продолжать опустошеніе генеральскаго кармана. Но измученному Андрею Васильевичу такъ все это надоѣло и опротивѣло, что заплатилъ онъ судебныя издержки и махнулъ рукой на супругу съ ея младенцами, признанными окончательно и безповоротно «законными дѣтьми генерала Гранова».

VII.

Всѣ эти треволненія не прошли, однако, даромъ для Андрея Васильевича, очень дурно отразились на его здоровьѣ и на состояніи его духа. Всегда довольный и веселый, охотникъ пошутить и посмѣяться, мастеръ разсказывать забавные анекдоты, которыхъ, по его увѣренію, онъ зналъ «десять тысячъ одинъ», Грановъ сразу опустился, сдѣлался молчаливъ, задумчивъ, нелюдимъ и раздражителенъ порою до неистовства. А всякое волненіе, хотя бы и не особенно сильное, вызывало на нѣсколько часовъ, иногда на нѣсколько дней жестокія боли въ его раненой головѣ. Кромѣ того, въ душѣ Андрея Васильевича складывалась и росла своего рода манія—боязнь насмѣшки и умаленія его достоинства. Ладить съ нимъ могли только Жени и капитанъ Желтоносъ, продолжавшій пользоваться безграничнымъ довѣріемъ генерала.

При такихъ-то обстоятельствахъ, пріѣхалъ къ Андрею Васильевичу нѣкій чиновникъ и со всею возможною осторожностью и деликатностью почтительнѣйше попросилъ его превосходительство «одолжить» на самое короткое время аттестатъ о его, генерала, службѣ для представленія по начальству. Насторожившаяся за послѣднее время подозрительность Гранова встревожилась и вѣрно подсказала ему, что дѣло не такъ просто, какъ пытается объяснить чиновникъ, что тутъ опять подбирается къ нему супруга съ какими-то кознями. Андрей Васильевичъ на-отрѣзъ отказался не только отдать свой аттестатъ, но даже показать его чиновнику.

— Виды на жительство, — кипятился генералъ, — отбираютъ только у людей подозрительныхъ, неблагонадежныхъ, которымъ воспрещается выѣздъ изъ мѣста жительства. Это равносильно своего рода аресту... А я, государь мой, не арестантъ, никогда арестантомъ не былъ и не буду, въ подозрѣніи не состоялъ, въ неблагонадежные не попадалъ... и никому шутить съ собою не позволю! А потому—прощайте.

— Позволю себѣ объяснить вашему превосходительству,— мягко говорилъ чиновникъ, — что ни о какой неблагонадежности столь высокочтимаго человѣка, какъ вы, не можетъ быть и рѣчи, а тѣмъ менѣе о чемъ-либо, похожемъ на воспрещеніе выѣзда, какъ вы изволили сказать... Мнѣ, просто, поручено попросить у вашего превосходительства документъ для нѣкоторыхъ ничтожныхъ, но необходимыхъ исправленій.

— Стало быть, мой аттестатъ неисправенъ? — начиналъ уже выкрикивать Грановъ срывающимся голосомъ.—До сихъ поръ былъ исправенъ, а тутъ вдругъ... Кто же это открылъ въ немъ неисправность и нельзя ли освѣдомиться, какая это неисправность?

— Изволите ли видѣть, не неисправность,—нѣжно объяснялъ чиновникъ,—а нѣкоторяя неполнота, ваше превосходительство... неполнота, неимѣющая для васъ никакого значенія, по существу. Это только одна формальность, но, какъ вашему превосходительству извѣстно, мы обязаны...

— Я васъ, милостивый государь, спрашиваю, какая неисправность, какая неполнота, какая формальность? — поднималъ тонъ Андрей Васильевичъ.

— Мнѣ предписано, ваше превосходительство...

— Кѣмъ предписано? Что предписано? Гдѣ предписаніе? Покажите...

Чиновникъ попытался отвертѣться отъ предъявленія подлиннаго предписанія, но, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ достать изъ портфеля четко и красиво написанную бумагу и подать ее хозяину.

Тутъ произошло нѣчто неописуемое. Грановъ побагровѣлъ, потомъ позеленѣлъ, задрожалъ весь и, задыхаясь, выкрикивалъ отдѣльныя фразы предписанія, уснащая ихъ дикими ругательствами. «На основаніи *такихъ-то* рѣшеній,—взвизгивалъ генералъ,—состоявшихся *тогда-то*, и постановленія *такого-то*... Во исполненіе предложенія... предписываю вамъ отправиться... и отобрать аттестатъ о службѣ для внесенія въ него дѣтей»... слѣдовало поименное перечисленіе, замѣненное генераломъ словами, неудобными въ печати.

— Не дамъ!—вопилъ Андрей Васильевичъ и топалъ ногами.— Аттестатъ пакостить! Вонъ! Къ чорту... Отобрать! отъ меня отобрать!... Вонъ! собаками затравлю... Отбирай! отбирай, коли смѣешь... Зови полицію, урядниковъ... стрѣлять буду! Отними силой!...

Прибѣжала дочь, прибѣжалъ вѣрный слуга генерала, его бывшій деньщикъ, откуда-то явился капитанъ Желтоносъ и на рукахъ отнесли въ кабинетъ бѣднягу Гранова. Напуганный чиновникъ умчался, пообѣщавши тотчасъ же прислать земскаго врача, жившаго въ сосѣднемъ селѣ.

Быстро принятыми врачебными мѣрами непосредственная опасность для жизни Андрея Васильевича была устранена. Но первый ударъ паралича все-таки успѣлъ начать свое разрушительное дѣло. Больной оправился, но у него отнялась лѣвая рука, а въ правую ему пришлось взять костыль, такъ какъ нога перестала слушаться и волочилась по полу. Грановъ заперся въ своей комнатѣ, приказалъ накрѣпко запереть во дворѣ ворота и абсолютно никого не впускать въ домъ, кромѣ капитана и мѣстнаго священника, до вольно еще молодого, но всѣми любимаго и уважаемаго человѣка.

Никто, впрочемъ, не думалъ безпокоить больного. Про чиновника, съ его «предложеніемъ» и «предписаніемъ», не было ни слуха, ни духа. Прошло три недѣли, и вдругъ, къ великому изумленію всѣхъ домашнихъ, изъ кабинета явился приказъ запрягать карету четверикомъ, а затѣмъ вышелъ самъ генералъ въ мундирѣ, подбодрившійся, чисто выбритый, какъ будто даже повеселѣвшій. На вопросъ Жени и на ея попытку удержать отца дома онъ отвѣтилъ, что чувствуетъ себя превосходно и хочетъ сдѣлать визитъ князю Кутыреву, живущему всего въ пятнадцати верстахъ, да заодно уже завернуть къ старику Брусницыну, богатому барину, близкому сосѣду.

Вернулся Андрей Васильевичъ еще болѣе довольнымъ и молодцеватымъ, чѣмъ уѣхалъ изъ дома. Въ его единственномъ глазу свѣтилось торжество, по скошеннымъ къ виску губамъ пробѣгала счастливая улыбка. Свою Жени онъ расцѣловалъ крѣпче и многократнѣе, чѣмъ обыкновенно, обнялъ капитана и значительно проговорилъ:

— Такъ-то, старина, поживемъ и покажемъ!..:

Что и кому предполагалось показать, онъ не объяснилъ. Но капитанъ Желтоносъ, повидимому, догадывался, сочувственно крякнулъ и любовно посмотрѣлъ на Жени.

На слѣдующій день утромъ отворились ворота, стоявшія давно

запертыми. Въ нихъ почти слѣдомъ другъ за другомъ въѣхали два экипажа. Широко распахнулись двери параднаго подъѣзда, и въ домъ вошли князь Кутыревъ и убѣленный сѣдинами Брусницынъ. Одновременно съ важными гостями явился принарядившійся въ свою лучшую рясу мѣстный батюшка, отецъ Аѳанасій Гвоздевъ.

Андрей Васильевичъ, по-вчерашнему одѣтый въ мундиръ, встрѣтилъ гостей въ залѣ и тотчасъ, не безъ нѣкоторой торжественности, провелъ ихъ въ кабинетъ. Двери затворились, громко щелкнулъ замокъ. На лицахъ перешептывавшихся слугъ можно было подмѣтить радостныя улыбки, а въ шепотѣ не трудно было уловить слова: «духовное завѣщаніе... такъ-то лучше, давно бы надо»... Вся дворня любила генерала и обожала «свою барышню».

VIII.

Черезъ мѣсяцъ Андрей Васильевичъ былъ въ губернскомъ городѣ, вызванный частнымъ, но «конфиденціальнымъ», весьма любезнымъ письмомъ лица, власть имѣющаго. Въ парадной формѣ и въ орденахъ генералъ Грановъ вошелъ въ кабинетъ большого начальника. Тотъ встрѣтилъ посѣтителя необыкновенно радушно,—точно и невѣсть какъ ему обрадовался,—самъ подвинулъ кресло, усадилъ гостя, освѣдомился о здоровьѣ, о милой дочкѣ, въ шутливомъ тонѣ намекнулъ на служебныя обязанности, исполненіе которыхъ бываетъ иногда сопряжено съ непріятною необходимостью безпокоить изъ-за пустяковъ такихъ почтенныхъ, добрыхъ и уважаемыхъ людей, какъ достойнѣйшій Андрей Васильевичъ. Предисловіе выливалось въ гладкихъ и закругленныхъ формахъ, звучало благодушіемъ и сердечностью, но не предвѣщало ничего хорошаго. У Гранова защемило сердце и занылъ високъ,—такъ занылъ, что генералъ принужденъ былъ схватиться за него правою рукой, полузакрывши нижнюю часть лица.

— Вотъ вы, дорогой мой Андрей Васильевичъ, — продолжалъ начальникъ,—взволновались, погорячились и, совсѣмъ безвинно, обидили присланнаго къ вамъ чиновника, оскорбили при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей... Да, да, я понимаю, вполнѣ сочувствую, но, тѣмъ не менѣе, согласитесь, нельзя же такъ... Онъ крайне обиженъ и огорченъ, всего же болѣе огорченъ тѣмъ, что былъ вынужденъ, донося о неисполненіи порученія, объяснить въ рапортѣ причину, передать о вашемъ поступкѣ съ нимъ. Это весьма прискорбно. Я придержалъ его рапортъ, не далъ ему законнаго хода и попросилъ васъ пріѣхать въ надеждѣ, что вы поможете мнѣ уладить это дѣло.

— Чѣмъ же я могу, ваше превосходительство?...—едва слышно спросилъ Грановъ, не отнимая руки отъ виска.

— О, это такъ легко, просто, — продолжалъ начальникъ, — всего нѣсколько добрыхъ словъ... Я нарочно пригласилъ сюда и чиновника, онъ ждетъ въ пріемной. Если позволите, я позову его, — онъ очень приличный, порядочный молодой человѣкъ, — и вы въ двѣ минуты прекратите эту непріятную исторію.

— Мнѣ извиняться?—генералъ опустилъ руку, видно было, какъ болѣзненно подергиваетъ судорога его перекошенное лицо.

— То-есть не то, чтобъ извиняться, дорогой Андрей Васильевичъ, а въ двухъ словахъ выразить сожалѣніе о случившемся. Хотя онъ чиновникъ не крупнаго ранга, но нельзя же въ самомъ дѣлѣ... надо пощадить и его самолюбіе. Прошу васъ, уважаемый мой, сдѣлайте это хотя бы для меня.

— Извольте,—согласился Грановъ.

Начальникъ отворилъ дверь и позвалъ чиновника. Генералъ съ трудомъ поднялся съ кресла.

— Сожалѣю... — обратился онъ къ чиновнику, не совсѣмъ внятно, слегка заплетающимся языкомъ полупаралитика.—Сожалѣю, погорячился... извиняюсь,—жалобно пропищалъ генералъ и немощно опустился въ кресло.

— Вотъ и прекрасно, и отлично, — говорилъ начальникъ. — Генералъ извинился, и я надѣюсь, вы возьмете назадъ вашъ рапортъ, и мы будемъ считать инцидентъ законченнымъ.

Чиновникъ расшаркался, пожалъ милостиво протянутую руку и скрылся за дверью.

— Очень радъ, что все уладилось такъ хорошо и скоро, и вамъ весьма благодаренъ за то, что вы сняли съ меня эту обузу,—продолжалъ хозяинъ.—Кстати, уже за-одно не покончимъ ли мы съ вами теперь же и другую исторію, знаете—ту, изъ-за которой вы нагнали такой страхъ на этого молодого человѣка?... Хе-хе-хе... сюда прискакалъ, а на самомъ лица нѣтъ, опомниться не можетъ. Такъ мы, Андрей Васильевичъ, сразу отдѣлаемся и успокоимся...

Андрей Васильевичъ смотрѣлъ на собесѣдника широко раскрытымъ, немигающимъ глазомъ, принявшимъ вдругъ какое-то странное выраженіе жалкой растерянности. Начальнику стало не по-себѣ, и онъ поторопился къ развязкѣ.

— Вы меня безконечно обяжете, если пришлете *лично* мнѣ вашъ документъ о службѣ. Что же дѣлать, дорогой мой, есть извѣстныя формальности, которыхъ никто не можетъ избѣжать...

— Я своего аттестата не дамъ гадить, — тихо, но очень твердо отвѣтилъ Грановъ.

— Позвольте, ваше превосходительство, вѣдь это же невозможно! Мы обязаны исполнить.

— Не дамъ, ваше превосходительство,—еще тише повторилъ Андрей Васильевичъ,—берите силой, отнимайте...

— Что же, мнѣ военную команду, что ли, посылать, объявлять вамъ войну?—пытался все еще шутить хозяинъ, начинавшій уже терять терпѣніе.

— Какъ вамъ угодно...—больной старикъ неожиданно быстро всталъ съ мѣста, точно его пружиной подбросило, неожиданно громко проговорилъ:—Извините...—и, не поклонившись, направился вонъ изъ кабинета, къ немалому изумленію начальника.

Въ дверяхъ, однако, послѣдняя вспышка силъ погасла, генералъ зашатался и упалъ бы, еслибъ не успѣлъ его подхватить хозяинъ, нажимая пуговку звонка, попавшую подъ руку. Вбѣжалъ дежурный чиновникъ...

Въ тотъ же вечеръ телеграфъ извѣстилъ капитана Желтоноса и Екатерину Павловну Гранову о кончинѣ генерала, тихо перешедшаго въ лучшій міръ, не выдавши своего аттестата на поруганіе. Капитанъ Желтоносъ, съ батюшкой и съ церковнымъ старостой, досталъ изъ церковнаго денежнаго ящика большой пакетъ, запечатанный гербовою печатью генерала и собственноручно имъ надписанный: «Духовное завѣщаніе генералъ-маіора и кавалера Андрея Васильевича Гранова. Въ день кончины моей вручить лично моему другу и душеприказчику капитану и кавалеру Тарасу Гавриловичу Желтоносу».

Капитанъ благоговѣйно и бережно завернулъ пакетъ въ бѣлый листъ бумаги, положилъ въ карманъ, забралъ обезумѣвшую отъ горя Жени съ гувернанткой-швейцаркой и въ ночь уѣхалъ въ губернскій городъ.

Къ выносу тѣла явилась и Екатерина Павловна, все еще очень эффектная вдова въ скромномъ глубокомъ траурѣ. У нея хватило такта на то, чтобы пріѣхать одной, безъ выводка «законныхъ дѣтей» генерала Гранова, а равно и на то, чтобы держать себя тихо и смирно въ границахъ полнаго приличія. Съ дочерью она обошлась ласково и нѣжно, какъ разъ въ мѣру, пролила достаточное количество слезъ, потребное для проявленія чувствъ доброй матери, сочувствующей тяжелому горю дочери, и во время всей торжественной церемоніи уступала первыя мѣста Жени и капитану Жел-

тоносу; ни въ какія распоряженія она не вмѣшивалась, предоставивши все людямъ, болѣе, чѣмъ она, близкимъ покойному генералу, и произвела на всѣхъ очень хорошее впечатлѣніе не молодой женщины, проведшей всю свою жизнь въ лучшемъ обществѣ.

Церемонія совершилась весьма торжественно, съ владыкою-архіереемъ, съ архимандритами, съ двумя хорами пѣвчихъ, архіерейскихъ и полковыхъ, съ оркестромъ военной музыки, съ предненесеніемъ орденовъ офицерами, съ обычнымъ, по уставу, военнымъ парадомъ, съ участіемъ всѣхъ властей и массы празднаго люда, стекающагося толпами на всякія даровыя зрѣлища...

IX.

Генерала похоронили. Екатерина Павловна продолжала вести себя, по-прежнему, тихо и лишь вскользь освѣдомилась, не оставилъ ли покойникъ какихъ-либо посмертныхъ распоряженій. Капитанъ Желтоносъ сдержанно отвѣтилъ, что у него, какъ душеприказчика, находится духовное завѣщаніе, которое онъ предполагаетъ вскрыть на слѣдующій день въ присутствіи свидѣтелей. Отъ сообщенія подробностей капитанъ уклонился, а Екатерина Павловна воздержалась отъ несвоевременныхъ разспросовъ.

На слѣдующій день, при вдовѣ и дочери покойнаго генерала, при нѣкоторыхъ представителяхъ судебной и полицейской власти и при свидѣтеляхъ, въ числѣ которыхъ находился присяжный повѣренный Дугиновъ, согласившійся наблюсти за формальностью процедуры, пакетъ, представленный капитаномъ, былъ распечатанъ. Въ пакетѣ оказалось два документа: духовное завѣщаніе и аттестатъ о службѣ генерала Гранова. Завѣщаніе было короткое, опредѣленное и ясное: все имущество свое, какъ движимое—капиталы, такъ и недвижимое, заключающееся въ такихъ-то имѣніяхъ, родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ, генералъ Грановъ завѣщалъ въ полную собственность «единственной» дочери Евгеніи Андреевнѣ, своимъ душеприказчикомъ и безотчетнымъ опекуномъ, а впослѣдствіи попечителемъ дочери назначалъ капитана Тараса Гавриловича Желтоноса. Относительно Екатерины Павловны и ея дѣтей никакого прямого указанія не было, сказано было только, что Евгенія Андреевна назначается единственною наслѣдницей, съ безусловнымъ исключеніемъ всѣхъ другихъ лицъ, «кто бы они ни были и какія бы права они не предъявили».

Екатерина Павловна прослушала чтеніе, невозмутимо сидя въ креслѣ Едва замѣтная улыбка скользнула по ея пунцовымъ гу-

бамъ лишь тогда, когда мировой судья, читавшій завѣщаніе, взялъ въ руки истрепанный аттестатъ и на приклеенномъ къ нему клочкѣ бумаги прочелъ вполголоса, почти про себя, нижеслѣдующія слова, написанныя рукою покойнаго генерала: «Поручаю моему доброму другу капитану Тарасу Гавриловичу Желтоносу документъ этотъ сжечь тотчасъ же послѣ моей смерти. Генералъ-майоръ А. Грановъ».

Екатерина Павловна встала, поблагодарила судью за чтеніе, поклонилась присутствующимъ и тихо вышла изъ комнаты. Жени послѣдовала за матерью. Приглашенные, не стѣсняемые присутствіемъ дамъ, значительно переглянулить, кое-кто покачивалъ головой.

— Неисправимъ былъ покойникъ,—первый нарушилъ молчаніе присяжный повѣренный Дугиновъ.

— Смѣю думать,—обратился мировой судья къ капитану Желтоносу,—что этого-то распоряженія покойнаго вы не исполните...— онъ положилъ руку на листокъ, приклеенный къ аттестату.

— Считаю для себя святымъ долгомъ во всемъ и въ полной точности исполнить послѣднюю волю моего высокочтимаго друга,— отвѣтилъ капитанъ, протягивая руку къ аттестату.

— Извините,—возразилъ судья,—я не могу допустить васъ уничтожать документы, необходимые суду для опредѣленія правъ на наслѣдство...—и, замѣтивши энергическое движеніе капитана, намѣревавшагося овладѣть бумагой, судья быстро передалъ ее находившемуся тутъ же судебному приставу.

Приставъ торопливо сунулъ бумагу въ портфель и осторожно укрылся за полицейскаго офицера. Капитанъ Желтоносъ началъ было протестовать, доказывать, но его взялъ подъ руку присяжный повѣренный Дугиновъ и почти силой увелъ въ сосѣдній пустой номеръ гостиницы, гдѣ происходили эти сцены.

— Добрѣйшій, Тарасъ Гавриловичъ,—говорилъ Дугиновъ,— утихните и оставьте эту бумагу. Нельзя уничтожать документы. Да тутъ и посерьезнѣе есть дѣло: духовное завѣщаніе генерала никуда не годится.

— Какъ не годится?—воскликнулъ капитанъ.

— Оно недѣйствительно,—продолжалъ адвокатъ,—и никакой судъ его не утвердитъ.

— Какъ?... Почему?—не вѣрилъ Желтоносъ.—Завѣщаніе написано и подписано рукой генерала, подписано священникомъ, его духовникомъ, двумя уважаемыми благородными свидѣтелями... Кто же посмѣетъ опровергать?

— Опровергать никто и не будетъ,—объяснялъ Дугиновъ.— Вашъ генералъ былъ неисправимъ, какъ и вы. Недвижимыя имѣнія можно завѣщать только нотаріальными актами, а за домашними завѣщаніями на недвижимыя имѣнія признается законная сила лишь въ томъ случаѣ, если они положены были на храненіе въ государственный банкъ. Вы съ вашимъ генераломъ никогда не хотѣли обращаться къ юристамъ, къ «аблакатамъ», вотъ и выходила всегда чепуха, и платитесь вы за это жестоко. Генералъ поплатился спокойствіемъ, здоровьемъ, а потомъ и жизнью. А единственную любимую дочь вы оставили не причемъ, вмѣсто большихъ имѣній, она получитъ клокъ, четырнадцатую часть...

— Не можетъ быть этого!—чуть не кричалъ капитанъ.—И не бывать... не бывать этому! Я не допущу...

Часъ спустя, Тарасъ Гавриловичъ сидѣлъ у нотаріуса. Передъ ними на столѣ лежало завѣщаніе генерала.

— Да развѣ же можно свидѣтельствовать такіе акты?—говорилъ нотаріусъ, не сдерживая улыбки.

— А почему же нельзя?—удивлялся капитанъ.—Въ его подлинности не можетъ быть сомнѣнія. Руку генерала всѣ знаютъ, и вы знаете, свидѣтели на лицо, подтвердятъ свои подписи и все подтвердятъ, хоть подъ присягой.

— Тутъ дѣло не въ сомнѣніи,—толковалъ нотаріусъ,—а посудите сами, какъ же я буду вносить въ книгу завѣщаніе, когда завѣщателя и въ живыхъ-то нѣтъ. Вы обратите вниманіе на установленную для этого закономъ форму. Я обязанъ написать: «Явился ко мнѣ, нотаріусу такому-то, лично мнѣ извѣстный и законную правоспособность имѣющій»... въ данномъ случаѣ, положимъ, генералъ Грановъ, «живущій тамъ-то»... Не могу же я написать, что явился ко мнѣ генералъ съ того свѣта, и не могу я удостовѣрить «законную правоспособность» покойника...

Нотаріусъ продолжалъ улыбаться, капитанъ начиналъ злиться.

— Никто васъ объ этомъ не проситъ, — говорилъ онъ, не сдерживая голоса.—Я, слава Богу, не сошелъ еще съ ума. Я представляю завѣщаніе, я—душеприказчикъ, и я ручаюсь вамъ головой, больше того,—честью стараго офицера,—въ томъ, что завѣщаніе это подлинное. Вы такъ и пишите: явился достаточно извѣстный всему уѣзду и самому губернатору, живой и здоровый капитанъ Желтоносъ и представилъ подлинное, собственноручно написанное духовное завѣщаніе умершаго генерала Гранова... а потомъ пишите, что вамъ надо дальше, по вашимъ формамъ...

Нотаріусъ отказался, разумѣется, отъ засвидѣтельствованія завѣщанія въ такой оригинальной формѣ. Присяжный повѣренный Дугиновъ совѣтовалъ Желтоносу попытаться войти въ какую-нибудь сдѣлку съ Екатериной Павловной. Но неустрашимый капитанъ былъ убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла и непоколебимо вѣрилъ въ торжество правды, въ какой бы формѣ она ни явилась передъ судомъ. Тарасъ Гавриловичъ не пожелалъ вступать въ переговоры съ виновницей золъ, сведшихъ преждевременно въ могилу его высокочтимаго друга, съ «негодницею-бабой»,—«дурой» онъ уже не называлъ Екатерину Павловну. При содѣйствіи грамотѣя, какого-то отставного военнаго писаря, онъ представилъ завѣщаніе въ судъ къ утвержденію и добился лишь того, что оно признано было подлиннымъ, но подлежащимъ исполненію только въ той его части, которая заключаетъ въ себѣ распоряженія, касающіяся движимаго имущества и капиталовъ. Движимость оказалась старою рухлядью, а капиталы—настолько ничтожными, что, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, на долю Жени пришлись какіе-то сущіе пустяки, такъ какъ Андрей Васильевичъ весь избытокъ денегъ всегда торопился обратить на покупку земли. Къ недвижимому имѣнію Жени была признана законною наслѣдницей въ четырнадцатой части въ виду того, что, кромѣ нея, у генерала Гранова остались законныя дѣти, два сына и двѣ дочери.

Екатерина Павловна нанесла послѣднее и самое тяжелое пораженіе капитану Желтоносу тѣмъ еще, что, опираясь на права, предоставляемыя закономъ родной матери, охлопотала назначеніе себя самой опекуншею надъ личностью дочери и увезла Жени съ собой, предоставивши Тарасу Гавриловичу распоряжаться и хозяйничать на трехстахъ десятинахъ степной земли, доставшейся Жени.

Года три назадъ я былъ проѣздомъ въ одномъ россійскомъ курортѣ. Въ саду играла военная музыка, по дорожкамъ и площадкамъ сновала пестрая толпа гуляющихъ. Я присѣлъ на скамейку рядомъ съ однимъ знакомымъ, московскимъ нѣмцемъ, крупнымъ коммерсантомъ, пріѣхавшимъ на здѣшній курортъ поправляться послѣ серьезной болѣзни. Мимо насъ прошла высокая, очень пышная и расфранченная дама подъ руку съ тонкимъ, сухимъ господиномъ въ щегольской черкескѣ. Нѣмецъ поклонился, дама кивнула головой, ея кавалеръ дотронулся рукой до своей барашковой шапки. Лицо и фигура барыни показались мнѣ знакомыми, давно когда-то и гдѣ-то видѣнными.

— Кто это?—спросилъ я сосѣда.

— А ви не знайтъ?—удивился нѣмецъ.—То ташъ московскій, вдова генералъ Грановъ!

— А съ нею кто?—любопытствовалъ я.

— Но-о... такъ тутъ одинъ, кауказишный князь... ein schmutziger Kerl!

— Не знаете ли, гдѣ дочь генерала, помнится, ее звали Жени?

— Ту, Жени... рижій, пискуній, съ обезьянъ похожъ... тутъ съ своей maman. Вотъ Жени, хохочетъ, завизгиваетъ... смотрите, вотъ, съ три офицеры...

Близко отъ насъ промчалась маленькая фигурка въ рыжихъ кудряхъ, вертлявая, невзрачная, весьма неприличная, съ размалеванной обезьяньей мордой. Нѣмецъ махнулъ рукой ей вслѣдъ. Я вопросительно посмотрѣлъ на моего собесѣдника.

— Съ maman... — повторилъ онъ. — И завсѣмъ такой, какъ пословицъ: яблоко не далеко отъ яблоковое дерево упадетъ... Verlorenes Mädchen!

— Не знаете, гдѣ другія дѣти генеральши?

— Не знай... У генералъ Грановъ остался много дѣти.

Лицо нѣмца было совершенно серьезно, въ тонѣ не слышалось ни тѣни ироніи.

М. Ремезовъ.

СІЮРЪ ГАБРІЭЛЬ.

Разсказъ Амаліи Скрамъ.

Переводъ съ норвежскаго.

I.

Около полумили къ сѣверу отъ Бергена, жилъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ крестьянинъ по имени Сіюръ Габріэль. Дворъ его былъ такъ бѣденъ, что походилъ на заброшенное поле, а домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ не болѣе шалаша. Усадьба называлась Гелленскимъ Болотомъ, и въ этомъ названіи былъ нѣкоторый смыслъ, — кучи камня и торфа въ перемежку съ неподатливыми скалами, а вмѣсто ограды темнозеленое море.

Подспорьемъ Сіюру Габріэлю служила рыбная ловля. Онъ часто проводилъ цѣлыя ночи въ маленькомъ, смазанномъ дегтемъ челнокѣ съ старшимъ изъ сыновей, которому было лѣтъ десять, большею частью подъ дождемъ, потому что въ дождливую погоду рыба клевала лучше. А утромъ онъ ѣздилъ въ лодкѣ въ городъ и продавалъ тамъ рыбу за нѣсколько ортовъ *),—рыба была дешева въ то время.

У жены его Олины почти каждый годъ были дѣти. За двѣнадцать съ небольшимъ лѣтъ брачной жизни она произвела на свѣтъ девять человѣкъ. Четверо послѣднихъ умерли, и теперь ея младшему ребенку, крошкѣ Аднѣ, какъ всѣ ее звали, было пять съ половиною лѣтъ.

За это время, пока у Олины не было грудного ребенка, она ѣздила иногда съ мужемъ въ городъ. Она была очень счастлива въ ловлѣ и гребла какъ дюжій парень, хотя на видъ была мала и худощава, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка.

---

*) Ортъ—24 шиллинга.

Но излишекъ заработка, который приносила ея помощь, большею частью уходилъ на водку. Олина пила, какъ только ей удавалось улучшить подходящую минутку. Какъ ни слѣдилъ за ней Сіюръ Габріэль, она всякій разъ отложитъ по дорогѣ нѣсколько рыбъ и потомъ найдетъ предлогъ сбѣгать въ городъ или продаетъ ихъ поблизости въ кабачкѣ.

Однажды они начали ловить послѣ обѣда и только подъ вечеръ пріѣхали въ городъ. Но имъ повезло въ торговлѣ, и они распродали рыбу въ одинъ часъ.

Сіюръ Габріэль все время слѣдилъ за Олиной, строго на строго запретивъ ей выходить изъ лодки. Ему интересно было знать, неужели невозможно привезти ее хоть разъ домой въ трезвомъ видѣ. Сынъ его Іенсъ ушелъ за булками, которыя они должны были отвезти домой.

Сіюръ Габріэль сидѣлъ на передней лавочкѣ спиной къ Олинѣ и разговаривалъ съ сосѣднимъ лодочникомъ. Олина сидѣла опершись локтями въ колѣни и уткнувшись подбородкомъ въ ладонь. Своимъ лишеннымъ выраженія лицомъ и крошечной головкой въ черной повязкѣ, плотно окаймлявшей лобъ, она напоминала дѣвочку-подростка, которая ради шутки одѣлась женщиной.

Время отъ времени она оглядывалась украдкой по сторонамъ, стараясь не оборачивать головы. Лодка была привязана къ пристани, и мостки были такъ близко, что спрыгнуть на нихъ было очень легко. Олина тихонько приподнялась и постояла нѣсколько минутъ неподвижно, затаивъ дыханіе. Потомъ, окинувъ робкимъ взглядомъ спину мужа, она медленно нагнулась и подняла со дна лодки узелокъ, который былъ спрятанъ подъ ея юбкой, пока она сидѣла. Она постояла еще минуту молча, какъ будто обдумывая что-то, потомъ вдругъ рѣшительно вскочила на бортъ лодки и спрыгнула на мостки. Съ быстротою молніи очутился Сіюръ Габріэль на кормѣ и поймалъ Олину за платье.

— Куда ты! — крикнулъ онъ глухимъ голосомъ, подавляя злобу.

Олина схватилась за перила, чтобы не упасть, и всѣми силами старалась вырваться.

— Стой смирно или я изорву твое платье! Куда ты, я тебя спрашиваю?

Олина смутилась. Она пробормотала нерѣшительно, что ей надо къ Гури, которая служитъ въ трактирѣ, въ переулкѣ около набережной.

— Что у тебя въ узелкѣ?

— Фуфайка,—объяснила Олина: въ ней лопнулъ шовъ, надо сходить къ Гури за иголкой и ниткой, чтобы зачинить ее.

Сіюръ Габріэль стиснулъ зубы и выругался. Онъ видѣлъ, что въ узелкѣ что-то шевелилось.

— Давай сюда!—крикнулъ онъ со злостью и такъ сильно рванулъ за платье, что Олина закачалась и подалась на нѣсколько шаговъ.

— На, бери! невидаль какая!— Она подняла вверхъ узелокъ, который все время старалась скрыть, и изо всѣхъ силъ швырнула его на дно лодки.

Сіюръ Габріэль невольно обернулся, чтобы посмотрѣть, куда упадетъ узелокъ, и выпустилъ платье. Въ ту же минуту Олина прыгнула на мостки, пробѣжала пристань и какъ угорь прошмыгнула въ переулокъ.

— Чортова вѣдьма!—проворчалъ ей вслѣдъ Сіюръ Габріэль.— Поймай-ка ее!

Онъ снялъ шляпу, почесалъ голову, снова надѣлъ ее, сплюнулъ въ воду и началъ развязывать узелокъ, въ которомъ оказалось нѣсколько рыбъ, завернутыхъ въ фуфайку.

— Ишь продувная! — пробормоталъ онъ вполголоса, нагнувшись надъ полууснувшей рыбой. Онъ долго сидѣлъ неподвижно.

— Гдѣ мать?—спросилъ вернувшійся Іенсъ.

— Ищи ее, убѣжала, не знаю, куда! — Сіюръ Габріэль окинулъ бѣглымъ взглядомъ пристань и покосился на переулокъ. Потомъ онъ нагнулся за фуфайкой Олины, но тотчасъ же отбросилъ ее назадъ и принялся вычерпывать воду изъ лодки.

Іенсъ скрутилъ изъ хмеля новую перевязь для веселъ и наставилъ руль. Такъ какъ ему больше нечего было дѣлать, онъ зашагалъ взадъ и впередъ по пристани, заложивъ руки въ карманы и не отводя глазъ отъ берега. Выраженіе его лица было озабоченное, взглядъ безпокойный, тревожный.

Вычерпавъ всю воду, Сіюръ Габріэль отбросилъ черпакъ, досталъ изъ кармана куртки щепотку табаку и заложилъ его за щеку. Долго просидѣлъ онъ неподвижно, опершись локтями въ колѣни, и медленно жевалъ табакъ. Взглядъ его былъ обращенъ въ ту же сторону, куда смотрѣлъ и мальчикъ. Время отъ времени онъ тяжело вздыхалъ, бормоталъ что-то себѣ подъ носъ и ерзалъ на мѣстѣ. Солнце начало заходить, мѣсяцъ выплылъ на небо, погода была тихая. Наконецъ Сіюръ Габріэль всталъ.

— Останься въ лодкѣ, — сказалъ онъ Іенсу, не оборачиваясь къ нему,—я сейчасъ вернусь.—Онъ подошелъ къ лѣстницѣ, взо-

брался по ней и скоро скрылся за поднятыми парусами лодокъ и группою лодочниковъ, толпившихся на пристани.

Пройдя нѣсколько шаговъ по переулку, Олина вошла въ двухъэтажный домъ, надъ входной дверью котораго висѣла вывѣска съ надписью: «Постоялый дворъ. Два шиллинга за ночь; съ теплымъ кофе—четыре, и съ бутербродомъ до шести, обѣдъ и прочее. Тутъ же трактиръ и продажа вина и пива».

Середину сѣней, въ которыхъ пахло сивухой, занимала лѣстница; по обѣ стороны находились двери. Дверь налѣво была открыта, надъ дверью направо было написано: «Трактиръ». Изнутри доносился гамъ хриплыхъ голосовъ, смѣхъ, крики ура и божба, удары кулакомъ по столу и возгласы, напоминавшіе угрозы и вопль.

Слѣва слышалось пѣнье визгливаго женскаго голоса, сопровождаемое шлепаньемъ мокрой тряпки о полъ. Олина увидѣла въ открытую дверь широкоплечую деревенскую дѣвушку, обутую въ деревянные башмаки съ набитыми каблуками. Она стояла на четверенькахъ, спиной къ двери, между ведромъ съ водой и лоханью съ пескомъ и изо всѣхъ силъ терла полъ мочалкой. Вдоль стѣнъ стояли широкія деревянныя, некрашеныя кровати, нѣкоторыя съ шерстяными одѣялами и длинными подушками въ холстинныхъ наволочкахъ, другія съ голыми соломенными постилками, и только - что вымытыя, еще сырыя скамьи. Цѣлая куча нагроможденныхъ одна на другую загрязненныхъ плевальницъ стояла около покосившейся кафельной печки съ очагомъ и выбѣленной лежанкой, испещренной трещинами всевозможныхъ размѣровъ и формъ. Въ крошечной лампѣ горѣла ворвань, вспыхивавшая краснымъ пламенемъ всякій разъ, какъ отворялась дверь въ трактиръ.

— Веселая работа—съ пѣніемъ!—сказала Олина, подходя къ дѣвушкѣ.

— А, хозяйка съ Гелленскаго Болота! — отвѣтила Гури, не отрываясь отъ работы.

— Она самая,—кивнула Олина, засунула руки подъ фартукъ и начала потирать ихъ одна о другую.

Гури встала, передвинула ведро съ водой и лохань съ пескомъ, опустилась опять на колѣни, налила мочалкой воду на полъ, посыпала сверху пескомъ и принялась усиленно тереть.

— Хорошая погода, — замѣтила Олина, когда Гури опустила мочалку въ ведро, чтобы ополоснуть ее.

— Н-да,—былъ короткій отвѣтъ.

— Много постояльцевъ?—спросила Олина, немного погодя.

— Полно каждую ночь. Садись,—прибавила Гури, поднимаясь снова и переходя на другое мѣсто.

— Спасибо, мнѣ сейчасъ надо идти назадъ.

— Сейчасъ еще темно,—подожди, взойдетъ мѣсяцъ.

— Зачѣмъ онъ, мѣсяцъ-то,—не на морѣ.—Олина продолжала безпокойно шевелить руками подъ фартукомъ. — Мнѣ надо спѣшить,—сказала она, однако сѣла на одну изъ скамеекъ.

— Гдѣ Сіюръ Габріэль?—спросила Гури послѣ минутнаго молчанья.

— Въ лодкѣ,—отвѣтила Олина. Плескъ воды и треніе мочалки снова прервали разговоръ.— Онъ не даетъ мнѣ ни одной рыбки изъ нашего улова,—продолжала она послѣ короткаго молчанья.

— Ишь ты,—замѣтила Гури съ глубокомысленнымъ видомъ.

— А мнѣ надо купить кое-что дѣтямъ.

— Ну, еще бы. — Гури выжала мочалку, вода брызнула на полъ.

— Деньги нужны. А онъ такой бѣдовый, никакъ не ухитришься отложить.

— Скажи-ка-сь...—Гури говорила такимъ тономъ, точно она слышитъ пріятную новость.

— Ужъ эти мужчины, всякій норовитъ на своемъ поставить, и бѣдная женщина за все должна кланяться и благодарить.

— Это правда.—Гури покачала головой.

— А куда дѣнешься безъ денегъ-то?

— Ужъ что и говорить,—подтвердила Гури,—куда дѣнешься.

— Вотъ все и думаешь, какъ бы занять. Залогъ у меня есть.

— А ну-ка покажи!—съ живостью воскликнула Гури, бросила мочалку, выпрямилась и оперлась руками въ бока.

— Вотъ эта безрукавка, — сказала Олина, разстегивая лифъ и вытаскивая изъ-за пазухи безрукавку, обшитую пестрыми бусами.

— Подойди-ка поближе, ты слишкомъ далеко стоишь.

Олина подошла. Глаза Гури загорѣлись, когда она увидѣла блестящія разноцвѣтныя бусы, которыми были расшиты зубчатые края нарядной безрукавки, отороченной темно-желтой коленкоровой подкладкой и украшенной спереди осьмиконечной сіяющей звѣздой.

— Что ты хочешь за нее?

— Ортъ.

— Столько она не стòитъ,— сказала Гури и снова принялась за работу.

— Она-то не стоитъ? Я сама дала за нее 3 орта и 12 шиллинговъ.

— Да, тогда, но теперь она во всякомъ случаѣ много дешевле. Я увѣрена, что могу купить себѣ новую за ортъ у Іомфру Вестендаль.—Гури опять налила воды на полъ, какъ будто отказавшись окончательно отъ покупки.

Олина подошла къ двери.

— Я не отдамъ дешевле, какъ за ортъ,—сказала она.

Гури покосилась на безрукавку, но продолжала мыть полъ еще энергичнѣе, чѣмъ прежде.

Но Олина скоро одумалась.

— А сколько ты за нее дашь?—спросила она и снова подошла къ Гури.

— 12 шиллинговъ,—отвѣтила та равнодушно.

— Безсовѣстная!—воскликнула Олина и шутя толкнула ее.— Но все равно, я должна буду отдать за 12 шиллинговъ. Ну, неси скорѣе деньги,—я страшно спѣшу.

Гури смахнула съ рукъ темную густую воду, тряхнувъ ими такъ, что во всѣ стороны полетѣли брызги, вытерла ихъ о фартукъ и осторожно взяла кончиками пальцевъ безрукавку, которую Олина подала ей.

— Я сейчасъ сбѣгаю наверхъ,—сказала она, сбросила деревянные башмаки и взбѣжала на лѣстницу.

Когда Гури ушла, Олина безпокойно заходила по комнатѣ. Она подошла къ окну, заглянула черезъ толстыя, нечистыя оконныя стекла, окинула долгимъ взглядомъ входъ въ трактиръ, сѣла на скамью и снова встала, безпокойно прислушиваясь.

Наконецъ она услыхала на лѣстницѣ поспѣшные шаги Гури.

— Вотъ,—сказала Гури входя и протянула Олинѣ серебряную двѣнадцатишиллинговую монету.

— Ну, спасибо тебѣ,—проговорила Олина.

— И тебѣ спасибо,—весело отвѣтила Гури.—Только не раскаивайся,—вѣдь, ты знаешь, что назадъ ужъ не получишь.

— Да ужъ жалѣть я не стану,—знаю, что дѣлаю!—Съ этими словами Олина взялась за желѣзную скобку тяжелой двери, украшенной набитыми крестъ-на-крестъ панелями, и захлопнула ее за собой.

— Не затворяй двери! — крикнула Гури, снова принявшаяся за свою работу.

— Дуетъ очень,—отвѣтила Олина и поспѣшила плотнѣе притворить дверь.

Выйдя въ сѣни, она зашла за лѣстницу съ видомъ привычнаго человѣка. Здѣсь она приподняла платье, ощупала нижнюю юбку, вытащила изъ кармана полуторную бутылку, взяла ее въ зубы и начала обдергиваться и оправлять платье. Спрятавъ бутылку подъ фартукъ, она осторожно выглянула изъ-подъ лѣстницы, безшумно проскользнула къ двери трактира, поспѣшно открыла ее и вошла.

Комната была такой же величины и формы, какъ и первая. Вдоль стѣнъ, подъ окнами, наполовину закрытыми зелеными ставнями, стояли длинные неоструганные столы грубой работы, сдѣланные изъ козелъ, сколоченныхъ продольными перекладинами, которые носили слѣды грязныхъ сапогъ. На сѣрыхъ панеляхъ висѣли желѣзныя лампы, въ которыхъ горѣла ворвань. По обѣ стороны стола, на скамьяхъ, сидѣли гости; передъ ними стояли рюмки водки и кружки пива. Нѣкоторые изъ нихъ разсуждали о чемъ-то съ глубокомысленнымъ видомъ, другіе бранились и грозили другъ другу кулаками въ лицо, кое-кто храпѣлъ, улегшись съ руками на грязномъ столѣ. Тяжкій запахъ водки, ворвани и шерсти наполнялъ комнату.

Среди комнаты стоялъ широкоплечій мужчина въ жилеткѣ и сѣрой крапчатой шерстяной рубашкѣ, надѣтой на выпускъ. Его красное отъ напряженія лицо такъ распухло, что почти не было видно сверкающихъ глазъ. На спинѣ жилетки лоснилась потертая кожаная заплата. Черезъ плечо былъ перекинутъ канатъ съ желѣзною рукояткой, свѣшивавшейся на спину. Косматые волосы разсыпались во всѣ стороны и дѣлали голову безформенною и несообразно большою. Вокругъ него стояла толпа пьяныхъ крестьянъ и нѣсколько парней въ такомъ же костюмѣ, какъ и онъ. Онъ что-то разсказывалъ хриплымъ голосомъ, время отъ времени переходившимъ въ напряженный шепотъ, передразнивалъ другіе голоса, хохоталъ и корчилъ гримасы.

Олина проскользнула направо къ прилавку, на которомъ горѣла сальная свѣча въ жестяномъ подсвѣчникѣ. Тамъ стоялъ хозяинъ, пожилой коренастый мужчина съ толстымъ безбородымъ лицомъ. На немъ была темносиняя куртка, которая, казалось, была надѣта поверхъ массы другого платья, бѣлый тиковый передникъ съ завязками вокругъ шеи и на головѣ бѣлый колпакъ съ красною каймой.

— А, Габріэлева Олина пожаловала въ городъ, — заговорилъ онъ ломанымъ крестьянскимъ языкомъ, съ равнодушнымъ лицомъ.

— Да, да,—отвѣтила Олина, вытащила бутылку и поставила ее на прилавокъ.

— Сколько?—спросилъ онъ и взялъ бутылку.

— Да Сіюръ Габріэль велѣлъ штофъ.

Хозяинъ пошелъ къ одному изъ боковыхъ столовъ, вставилъ въ бутылку воронку и зачерпнулъ полную штофовую кружку.

Между тѣмъ носильщикъ продолжалъ свой разсказъ, постоянно прерывая его громкимъ смѣхомъ, причемъ онъ махалъ руками, какъ будто желая отогнать что-то невидимое, и покачивался всѣмъ тѣломъ, чтобъ удержать равновѣсіе. Я встрѣтилъ господина пробста на углу и говорю ему: «извините, господинъ пробстъ»... хи-хи-хи! А онъ не хочетъ слушать, каналья, потому что знаетъ меня и боится моего языка. А я вижу, что онъ рядомъ,—ну, и надо же быть вѣжливымъ,—я и поклонился.—Тутъ носильщикъ схватился рукою за голову и показалъ, какъ онъ кланялся.—«Расположены ли вы выслушать серьезное слово, господинъ пробстъ?—«Нѣтъ»,—сказалъ онъ и заспѣшилъ дальше. Я опять:—«Вы нашъ пастырь, господинъ пробстъ, и не хотите выслушать серьезное слово!»—Носильщикъ хихикнулъ и затрясся отъ смѣху.

Слушатели тоже хохотали и разспрашивали, что было дальше.

— Я хочу только поблагодарить господина пробста за прекрасную проповѣдь, которую вы сказали въ воскресенье. Если бы всѣ люди жили такъ, какъ вы проповѣдуете, то всѣ были бы такіе же безгрѣшные, какъ вы и я, господинъ пробстъ...

Онъ задыхался отъ хохота. Слушатели подхватили. Нѣкоторые изъ нихъ нагнулись и громко ударяли себя по колѣнямъ, другіе, казалось, готовы были умереть отъ смѣху.

— Вотъ это, чортъ возьми, ловко!—воскликнулъ одинъ изъ нихъ.

— Эй, тетушка, откуда ты?—крикнулъ носильщикъ пьянымъ голосомъ, увидѣвъ Олину, спѣшившую къ двери съ бутылкой подъ фартукомъ. Онъ качнулся въ ея сторону и схватилъ ее за плечи.

Олина всѣми силами старалась вырваться, отвѣчая носильщику раздраженнымъ ворчаньемъ, и тянулась къ двери.

— Ишь какая!—крикнулъ носильщикъ и скривилъ свои косыя безкровныя губы въ слащавую улыбку. Онъ началъ съ такой силою раскачивать вверхъ и внизъ руку Олины, что всѣ суставы хрустѣли.

— Давай потанцуемъ, тетушка!

— Оставишь ты меня... оставишь ты меня, чортъ?!—Олина стиснула зубы и шепотомъ выкрикивала слова, борясь и извиваясь всѣмъ корпусомъ, чтобы высвободить руку.

Зрители хохотали и разнообразными восклицаніями выражали

интересъ и одобреніе. Хозяинъ наблюдалъ за происходящимъ, скрестивъ на груди руки и стянувъ тонкія губы въ меланхолическую усмѣшку.

Наконецъ, Олинѣ удалось высвободить руку. Носильщикъ снова качнулся въ ея сторону, чтобы схватить ее, но она, какъ хищный звѣрь, впилась ногтями въ лицо противника, потомъ съ быстротою молніи отпрыгнула въ сторону, распахнула дверь и выбѣжала изъ дому, услыхавъ за собой стукъ отъ паденія тяжелаго предмета, сопровождаемаго криками, смѣхомъ и гамомъ.

Олина бѣжала внизъ по переулку въ своихъ самодѣльныхъ башмакахъ безъ каблуковъ, съ соломенными подошвами, и только тогда умѣрила шаги, когда замѣтила, что ее не преслѣдуютъ. Лунный свѣтъ падалъ узкою полоской на одинъ рядъ домовъ улицы, оставляя другую сторону въ тѣни.

Олина остановилась передъ открытой дверью пакгауза и заглянула въ нее. Что-то огромное медленно поднималось на канатѣ къ четыреугольному окну, продѣланному въ крышѣ, черезъ которое проникало слабое мерцанье луннаго свѣта. Слышно было, что кто-то тащилъ со двора канатъ, постоянно повторяя: а-ахъ, а-ахъ! Олина вошла въ пакгаузъ, притаилась за дверью, откупорила бутылку и поднесла ее ко рту.

— Ахъ, какъ тепло, какъ пріятно!—Она потирала себѣ грудь, между тѣмъ какъ крѣпкій напитокъ щекоталъ ей горло, и ротъ ея наполнился слюною, которую она поспѣшила проглотить. Она отпила еще и почувствовала, что на душѣ у нея становится легко и весело.

— Гм... гм...—пробормотала она вполголоса,—да онъ съ ума сошелъ.—Она сдержанно захихикала.—«Потанцуемъ-ка, тетушка»,—она передразнила носильщика.—Ха-ха-ха!—Олина присѣла на корточки, чтобъ подавить смѣхъ.

На лѣстницѣ, которую Олинѣ не было видно, раздались шаги. Олина сунула бутылку за пазуху, тихонько проскользнула въ дверь и пошла по набережной.

— Какъ свѣтло и весело въ окнахъ магазиновъ! И, Боже ты мой, какъ все красиво и хорошо въ городѣ! Вотъ здѣсь бы пожить, не вязнуть въ Гелленскомъ Болотѣ, не рѣзать себѣ ноги о камни и не спать въ лодкѣ подъ дождемъ и вѣтромъ!

Она остановилась передъ окномъ, уставленнымъ въ нѣсколько рядовъ бутылками съ красными и синими золотообрѣзными этикетами. Лампа на латунной подставкѣ распространяла вокругъ себя желтоватый свѣтъ.

Олина стояла, погруженная въ наблюденія.

— Боже ты мой, сколько надо заплатить за всѣ эти бутылки! Вотъ еслибы жить въ городѣ, да съ деньгами—и, Боже ты мой!... барыней настоящей! Не такъ бы тяжело было жить. — Она тихо засмѣялась и покачала головой, какъ будто дивясь своей собственной глупости, потомъ провела ладонью по глазамъ и отерла ихъ фартукомъ. Вдругъ она почувствовала сильный толчокъ въ спину. Какой-то прохожій столкнулъ ее съ узкаго тротуара подъ водосточную трубу. Она закачалась и сѣла въ уголъ, стараясь удержаться руками.

— Чего не смотришь!—пробормотала она, вставая и бросая прохожему вслѣдъ выразительный взглядъ. — Не въ полѣ вѣдь идешь!

Олина побрела дальше въ добродушномъ, слегка размягченномъ настроеніи. Она хотѣла сдѣлать небольшой крюкъ по набережной до рядовъ, чтобы только взглянуть на рѣдкости, которыя были выставлены тамъ, и потомъ идти къ лодкѣ. Къ тому времени Іенсъ долженъ вернуться изъ булочной, и все будетъ хорошо. Но прежде надо допить бутылку,—этого нельзя откладывать.

Она завернула за уголъ, прошла еще нѣсколько шаговъ и, такъ какъ никого не было видно, вытащила бутылку, приложила ее ко рту и опустошила.

— Какъ жаль, что больше не осталось!—Она облизнула губы и туго забила пробку кулакомъ. — Удивительно, какъ мало въ штофѣ. Какъ она была глупа, что не купила цѣлую бутылку. Но это еще можно поправить,—вѣдь у нея достаточно денегъ еще на штофъ: стóитъ только сбѣгать въ трактиръ къ старому одноглазому ворчуну. Да, конечно, она такъ и сдѣлаетъ.

Она, не оглядываясь, шла впередъ, пробираясь подъ самымъ карнизомъ домовъ, гдѣ она была безопаснѣе отъ толчковъ и пинковъ прохожихъ. Еще можно терпѣть, если время отъ времени бывать въ городѣ. Вовсе еще не такъ плохо живется на свѣтѣ, и Сіюръ Габріэль добрый, славный малый. Хотя онъ и бьетъ ее иногда, но онъ никогда не сердится долго. Если онъ разсердится вечеромъ и побьетъ ее, то утромъ уже все забыто, и потомъ онъ долго не говоритъ ей ни слова. И какой онъ трезвый! Если онъ и выпьетъ иногда, то вѣдь кто же не грѣшенъ.

Среди такихъ размышленій Олина дошла до своей цѣли. Она вошла въ лавку, спросила полштофа сивухи, отдала послѣднія деньги и въ сѣняхъ же выпила все залпомъ. Потомъ она подняла юбку, спрятала бутылку и отправилась тѣмъ же путемъ, какимъ

и пришла. Она качалась изъ стороны въ сторону, все передъ ея глазами плавало въ какомъ-то красновато-лиловомъ туманѣ. Она смѣялась и разговаривала сама съ собой, все время думая о томъ, какъ бы Сіюръ Габріэль не замѣтилъ, что она выпила.

Такъ она дошла до переулка и свернула въ него. Пройдя полпути, она остановилась и ощупала рукою платье, чтобъ убѣдиться, что все въ порядкѣ. Потомъ она пошла дальше, испытывая непреодолимое желаніе запѣть. Вдругъ она остановилась, невольно отступила назадъ и прижалась ближе къ дому на тѣневой сторонѣ. Да, не было сомнѣнія, это была высокая, широкоплечая фигура Сіюра Габріэля съ согнутою спиной и окладистою бородой. Онъ входилъ въ трактиръ, гдѣ носильщикъ приставалъ къ ней. Какъ ни была пьяна Олина, она ясно сознавала, что Сіюръ Габріэль ищетъ ее. Дрожа всѣмъ тѣломъ, поспѣшила она миновать трактиръ, не рѣшаясь поднять головы, дошла до конца переулка, завернула за уголъ и черезъ минуту была на пристани. Она помнила только, что, когда придетъ Сіюръ Габріэль, она должна была сидѣть на своемъ мѣстѣ въ лодкѣ, въ морской курткѣ, и ждать его.

— Гдѣ ты была, мать?—спросилъ Іенсъ, входя въ лодку и натягивая куртку.

Она отвѣтила не сразу.

— Гдѣ отецъ?—проговорила она немного погодя, съ трудомъ шевеля языкомъ,—я думала, уже пора ѣхать.

— Мы давно готовы, — сказалъ Іенсъ, — отецъ пошелъ за тобой.

— Такъ подождемъ, пока онъ вернется,—отвѣтила Олина глухимъ голосомъ и сѣла за весла, которыми она привыкла править. Она согнулась, оперлась локтями въ колѣни и подперла руками щеки. Мелкая дрожь пробѣгала по ея членамъ, и она постоянно вздрагивала. Губы ея безпрестанно шевелились, она бормотала про себя слова той пѣсни, которую пѣла Гури. Потомъ изъ груди ея вырвался сдавленный, хриплый смѣхъ, сопровождаемый какими-то судорожными звуками, — казалось, она готова была расплакаться.

Лицо Іенса казалось такимъ старымъ для его лѣтъ.

Минутъ черезъ десять пришелъ Сіюръ Габріэль. Онъ прямо сошелъ въ лодку, не сказавши ни слова, отвязалъ ее и началъ грести.

Олина подождала, пока они отъѣхали отъ другихъ лодокъ, лежавшихъ въ гавани, потомъ спустила весла и принялась за дѣло. Но дѣло не спорилось. Она не могла грести, только плескала веслами и бормотала про себя, что они стали слишкомъ тяжелы.

Когда они миновали крѣпость, Сіюръ Габріэль сложилъ весла и всталъ. Подойдя къ Олинѣ, онъ схватилъ ее за плечи, вытащилъ у нея изъ рукъ весла одно за другимъ, поднялъ ее на воздухъ, бросилъ на дно и началъ колотить ее своими большими, узловатыми кулаками, пока хватило силъ, не обращая вниманія, куда попадаютъ удары.

Іенсъ, сидѣвшій на полу, вскочилъ и глядѣлъ на эту сцену широко раскрытыми глазами, восклицая:

— Оставь, отецъ, оставь!

Олина принимала удары, не издавая звука, и во весь обратный путь пролежала, какъ неподвижная масса, уткнувшись лицомъ въ бортъ лодки.

Іенсъ сѣлъ на мѣсто матери и началъ грести. Онъ весь дрожалъ отъ страха, что отецъ совсѣмъ убилъ мать, но не посмѣлъ ни разу привстать и взглянуть на нее изъ боязни разсердить отца. Сіюръ Габріэль медленно и мѣрно ударялъ веслами и, сдвинувъ брови, нависшія, какъ тучи, надъ глазами, смотрѣлъ далеко въ открытое море, время отъ времени сплевывая за бортъ.

II.

Когда они остановились въ полосѣ луннаго свѣта передъ сараемъ Гелленскаго Болота, Сіюръ Габріэль сошелъ на землю, нагнулся, чтобы взять весла, которыя подалъ ему Іенсъ, и отнесъ ихъ въ сарай. Потомъ онъ вернулся въ лодку за обѣденною оловянною чашкой и курткой, смазанной жиромъ.

Іенсъ взглянулъ на мать и бросилъ затѣмъ умоляющій взглядъ на отца, невольно склонивши голову набокъ.

— Сходи сейчасъ, говорю тебѣ!—крикнулъ Сіюръ Габріэль и погрозилъ ему кулакомъ.

Іенсъ сошелъ на землю и молча повиновался знакамъ отца, помогая ему втащить лодку на берегъ къ желѣзному столбу. Сіюръ Габріэль затворилъ сарай, привязалъ лодку желѣзной цѣпью и заперъ ее на замокъ. Тогда они отправились въ гору по неровной тропинкѣ, пробираясь между огромными, поросшими мохомъ, камнями. Сіюръ Габріэль несъ суповую чашку и морскую куртку, которую онъ перекинулъ черезъ руку. Іенсъ слѣдовалъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи, полный грызущаго безпокойства за мать. Во всю дорогу она не проронила ни звука, и какъ тяжело грохнулась она о дно лодки! Слезы текли непрестанно по его вспотѣвшему отъ гребли лицу. Время отъ времени онъ теръ руками щеки и сморкался въ пальцы.

Наконецъ они дошли до своей избы. Она состояла изъ одной комнаты и кухни съ черною печкой и чердакомъ. Въ комнатѣ было одно окно на аршинъ отъ земли съ крошечными стеклами, изъ которыхъ нѣкоторыя были разбиты и замѣнены бумагой. Въ кухнѣ было только слуховое окно, которое въ хорошую погоду, когда его можно было открыть, давало капельку свѣта. Въ дурную же погоду, когда въ него дуло и текло, въ кухнѣ было совершенно темно.

Сіюръ Габріэль поднялъ щеколду двери и оглянулся на Іенса, который медленно шелъ позади.

— Не можешь ли ты поскорѣе волочить ноги! — сердито крикнулъ онъ.

Іенсъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ побыстрѣе.

— Мама замерзнетъ тамъ, — сказалъ онъ, подходя ближе.

— Замолчишь ты, негодный мальчишка! — Онъ схватилъ его за плечи и втолкнулъ въ дверь.

Какъ человѣкъ, привыкшій обходиться въ темнотѣ, Сіюръ Габріэль перешагнулъ черезъ порогъ и, войдя въ комнату, подошелъ къ длинному, узкому столу, отдѣлявшемуся отъ стѣны скамьей. Онъ сѣлъ на нее, отыскалъ ложку, придвинулъ къ себѣ двѣ деревянныхъ чашки съ простоквашей и кашей и началъ ѣсть.

— Иди сюда!

Іенсъ сѣлъ рядомъ съ нимъ и взялъ ложку. Онъ черпалъ простоквашу изъ той же чашки, какъ и отецъ, и громко хлебалъ. Холодная, крутая каша почти не поддавалась ложкѣ и съ трудомъ шла въ горло. Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, Іенсъ облизалъ ложку, отеръ ее рукавомъ и положилъ въ ящикъ стола, а самъ продолжалъ сидѣть неподвижно, прислушиваясь къ громкимъ глоткамъ отца и вздохамъ спящихъ братьевъ и сестеръ.

Лунный свѣтъ падалъ въ окно. Іенсъ могъ отличить очертаніе черноволосой головки старшей сестры, спавшей на полу у печки вмѣстѣ съ крошкой Адной.

Наѣвшись досыта, Сіюръ Габріэль вытеръ ложку тѣмъ же способомъ, какъ и Іенсъ, всталъ, икнулъ на всю комнату и началъ раздѣваться. Черезъ минуту онъ сидѣлъ на кровати и стаскивалъ съ себя сапоги.

— Иди сейчасъ ложись! — сказалъ онъ Іенсу, занося ноги на постель и натягивая на себя грубое шерстяное одѣяло.

Іенсъ посмотрѣлъ на незанятое мѣсто матери подлѣ отца, тихо вышелъ въ кухню, нащупалъ руками лѣстницу, которая была прислонена къ слуховому окну въ крышѣ, и началъ взбираться по ней, но остановился и задумался.

Нѣтъ, лучше пойти лечь. Когда отецъ уснетъ, можно прокрасться въ однихъ чулкахъ и сходить за матерью. Она можетъ взобраться на печку или лечь въ кухнѣ на полу, если она еще жива. А что, если она очнется раньше, чѣмъ онъ придетъ, и упадетъ въ воду, желая встать. О, какой стыдъ и горе! Только подумать, что ее можетъ увидѣть кто-нибудь утромъ. Нѣтъ, онъ долженъ, долженъ непремѣнно привести ее домой.

Онъ влѣзъ на верхнюю ступеньку лѣстницы, сталъ колѣномъ на край отверстія и взобрался на маленькій чердакъ, который былъ такъ низокъ, что Іенсъ съ трудомъ могъ выпрямиться на самой серединѣ. Сквозь открытое слуховое окно на полъ падалъ крошечный лучъ свѣта и освѣщалъ двухъ спящихъ мальчиковъ семи и девяти лѣтъ, которые лежали на соломенномъ матрацѣ, уткнувшись головами въ уголъ и укрывшись шерстяными одѣялами.

Іенсъ осторожно подошелъ къ постели, стащилъ съ себя сапоги, снялъ куртку и растянулся на соломѣ рядомъ съ братьями.

Едва успѣлъ онъ улечься, какъ услыхалъ снизу громкій храпъ отца. Въ одну секунду былъ онъ опять на ногахъ, тихо одѣлся, взялъ въ руки сапоги и осторожно спустился внизъ по лѣстницѣ. Безшумно пробрался онъ къ двери, приподнялъ щеколду, прислушался, чтобъ убѣдиться, что это дѣйствительно былъ храпъ отца, доносившійся до него, и проскользнулъ въ дверь осторожно и беззвучно, какъ воръ. Выйдя на дворъ, онъ надѣлъ сапоги и, пробѣжавъ черезъ болото, окружавшее избы и надворныя постройки, спустился по откосу къ морю.

Путь былъ настолько длиненъ, что при обыкновенной ходьбѣ требовалъ болѣе четверти часа. Но Іенсъ бѣжалъ такъ быстро, что черезъ семь минутъ онъ уже стоялъ около лодки и нагибался надъ матерью, лежавшей въ томъ же положеніи.

— Проснись же, мама,—сказалъ онъ, расталкивая ее. Но такъ какъ Олина не подавала и признака жизни, Іенсъ повторилъ свои слова громче и изо всѣхъ силъ дернулъ ее за руку.

Она издала глухой стонъ и отдернула руку.

— Скорѣй вставай, мама, пойдемъ домой! — повторилъ онъ нѣсколько разъ сердитымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ робкимъ голосомъ.

Олина попыталась подняться, но повалилась назадъ и легла навзничь. Лишь только до лица ея коснулся свѣжій воздухъ, она провела рукой по глазамъ и простонала:

— Не бей меня больше, Сіюръ Габріэль, пожалѣй меня ради Бога, ради Христа, Сіюръ Габріэль!

— Онъ не слышитъ, мама, это я, — вырвалось изъ груди Іенса, и онъ зарыдалъ.

Олина схватилась одною рукой за лавочку, оттолкнулась другой ото дна лодки и сѣла.

— Э, да вѣдь это Іенсъ!—воскликнула она облегченно и оглянулась.—Чего же ты воешь?

Іенсъ плакалъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Что съ тобой, мальчикъ?—Олина встала, но ноги ея дрожали такъ сильно, что она должна была нѣсколько разъ нагнуться и схватиться за скамейку, чтобъ удержаться. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и громко стучала зубами.—Куда же дѣлся отецъ?—спросила она, держась за плечи Іенса и выбираясь изъ лодки.

— Отецъ дома,—прошепталъ Іенсъ.

— Ступай и ты домой,—сказала она робко,—а то онъ придетъ и задастъ тебѣ потасовку.

— Отецъ спитъ.

— Нѣтъ...—продолжала она недовѣрчиво,—я лучше посижу здѣсь... потомъ приду.—Она подняла юбку, закинула ее на голову и плечи и усѣлась, прислонясь спиною къ двери сарая.

Тогда Іенсъ разсказалъ ей, какъ обстояло дѣло, и упрашивалъ ее идти сейчасъ же.

— Ахъ, Іенсъ, Іенсъ,—бормотала она обрывающимся горловымъ голосомъ, медленно покачивая головой.—Такъ ты пожалѣлъ свою несчастную мать? Благослови тебя Богъ Отецъ и Богъ Сынъ!

Она встала и начала взбираться по той же каменистой тропинкѣ, по которой шли Іенсъ съ отцомъ часъ тому назадъ. Сначала она шла медленно, согнувшись, и громко стонала. Но постепенно она все больше овладѣвала своими движеніями и наконецъ походка ея стала быстрой и увѣренной, и она выпрямилась.

— Эхъ, Іенсъ, Іенсъ! — говорила она, когда они миновали камни и ступили на болотистую почву, осѣдавшую подъ ихъ ногами.—Когда ты будешь большой, ты, можетъ быть, и поймешь свою мать, и помолишься за нее Богу, чтобъ Онъ успокоилъ ее въ мирѣ.—Она тихо покачала головой.—Твоя мать бьется цѣлый день, какъ черная раба... несчастная женщина... И ничего не подѣлаешь... Горе намъ, грѣшнымъ!

— Только бы, мама, ты не ходила въ городъ, — проговорилъ Іенсъ грустнымъ голосомъ.

— Что подѣлаешь съ лукавымъ-то! Нешто я не гнала его отъ себя? — Послѣднія слова сопровождались глубокимъ, долгимъ вздохомъ.

— Вѣдь ты знаешь, какъ сердится отецъ,—прервалъ Іенсъ съ упрекомъ.

— Не могу, такъ тяжко, такъ тяжко,—снова начала Олина, и въ голосѣ ея послышались всхлипыванья. — Заботы и горе съ утра до ночи, съ ночи до утра.—Она высморкалась, и голосъ ея сталъ еще плаксивѣе.—И такъ мнѣ тяжко и горько, и противно. И зачѣмъ только я родилась на свѣтъ Божій! А когда выпьешь глотокъ, то становится такъ легко, хорошо и весело... всегда бы такъ...

Между тѣмъ они подошли къ избѣ. Іенсъ поспѣшилъ опередить мать и отворилъ дверь.

— Только бы отецъ не услыхалъ,—прошепталъ онъ и, прислонившись къ стѣнѣ, снялъ сапоги. Олина послѣдовала его примѣру, потомъ они тихонько прокрались въ избу.

— Ты ляжешь на кровати?

— Да, я проберусь, отецъ спитъ крѣпко.

— Тише, тише!—робко прошепталъ Іенсъ, когда дверь, которую отворила Олина, издала рѣзкій скрипъ.

Іенсъ видѣлъ въ темнотѣ, какъ Олина подошла къ скамьѣ и начала раздѣваться, какъ потомъ она взобралась на постель и медленно улеглась, прижавшись къ стѣнѣ. Онъ постоялъ еще немного, прислушиваясь къ слабому треску соломеннаго тюфяка. Скоро все стихло. Отецъ спалъ, мать лежала тихо, какъ мышь. Тогда Іенсъ заперъ дверь, взобрался на чердакъ и улегся. Черезъ минуту онъ спалъ, какъ убитый.

III.

Сіюръ Габріэль не зналъ, что ему дѣлать. Онъ часто давалъ себѣ слово не брать больше Олины въ городъ, но такъ же часто приходилъ къ убѣжденію, что еще хуже оставлять ее дома. Олина все равно уходила. Когда на нее нападалъ запой, ее нельзя было удержать. Какъ только мужъ уѣзжалъ, она навязывалась къ какому-нибудь рыбаку, и онъ подвозилъ ее за то, что она гребла, или за бутылку молока, или за что-нибудь еще. Въ городѣ она продавала рыбу, которую удила потихоньку наканунѣ ночью, и напивалась на эти деньги.

Иногда случалось, что она засиживалась въ трактирѣ или бродила по улицамъ и набережной до тѣхъ поръ, пока не оставалось уже ни одной попутной лодки домой. Тогда она шла пѣшкомъ по камнямъ и горамъ, не обращая вниманія на то, что этотъ путь

былъ почти вдвое длиннѣе морского. Она приходила домой ночью или рано утромъ, и часто мужъ, который вставалъ вмѣстѣ съ солнцемъ, сейчасъ же колотилъ ее. Но иногда она протрезвлялась отъ утомленія или высыпалась гдѣ-нибудь въ ущельѣ, такъ что могла сейчасъ же приняться за работу. Тогда онъ довольствовался тѣмъ, что отплевывался, бранился и проклиналъ ее издали.

Въ лѣтніе мѣсяцы, когда Сіюръ Габріэль не ѣздилъ въ море, занимаясь кузнечнымъ ремесломъ, Олина бывала принуждена воздерживаться отъ водки. Правда, время отъ времени ее угощала Кари Трэтъ, пожилая зажиточная женщина съ сосѣдняго двора, но не такъ-то легко было найти поводъ пробраться къ ней, да и то, что давала Кари, было слишкомъ незначительно и не имѣло на Олину никакого дѣйствія. Ѣздить же въ городъ, когда Сіюръ Габріэль былъ дома, она не рѣшалась.

Но осенью, когда мужъ снова отправлялся на рыбную ловлю, для нея опять наступало раздолье, и она бѣжала изъ дому при первой возможности. Когда она возвращалась домой въ лодкѣ, она бывала мертвецки пьяна. Разсказывали, что она во время своихъ путешествій въ чужихъ лодкахъ, бывала безгранично весела, пѣла, хохотала и плясала, такъ что ее съ трудомъ можно было удержать. Когда ее высаживали у Геллинскаго Болота, она шла въ гору, не торопясь, качалась изъ стороны въ сторону, спотыкалась, разговаривала сама съ собой и громко смѣялась. Иногда она присаживалась на камни у дороги, заговаривала съ прохожими или даже шла за ними, не обращая вниманія, въ какую сторону они идутъ, и не получая отвѣта на свои разсужденія.

Иногда она такъ напивалась, что не могла дойти до дому, а забиралась въ сарай и лежала тамъ до тѣхъ поръ, пока Сіюръ Габріэль или кто-нибудь изъ дѣтей не находилъ ее.

Въ общемъ она то поднималась, то падала. Иногда она могла удерживаться шесть-семь недѣль подъ рядъ,—даже когда мужа не было дома. Но потомъ вдругъ прорывалось на цѣлыя недѣли; она убѣгала при всякомъ удобномъ случаѣ и напивалась еще хуже, чѣмъ когда-либо.

Наконецъ Сіюръ Габріэль рѣшилъ брать ее съ собой всякій разъ, когда у него бывало подозрѣніе, что она все равно уйдетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, сберегалось хоть то, что̀ она отдавала за провозъ. Къ тому же она все-таки гребла и ловила рыбу, пока была трезва.

Однажды въ серединѣ апрѣля Сіюръ Габріэль уѣхалъ съ конфирмующимися въ Струдсгавенъ. Его старшая дѣвочка, Ингеборгъ,

тоже готовилась къ конфирмаціи и ѣздила вмѣстѣ съ другими дѣтьми черезъ двѣ недѣли къ старшему пастору. Всѣ крестьяне должны были по очереди возить ихъ въ главный пасторатъ.

Послѣднее время у Сіюра Габріэля было легче на сердцѣ. Вотъ уже десять недѣль, какъ Олина не пробовала водки. Этого не случалось уже четыре года. Дѣло такъ и спорилось у нея въ рукахъ, въ домѣ все было въ порядкѣ, все дѣлалось вò-время, и весеннія работы въ полѣ подвигались быстрѣе, чѣмъ у Трэтъ.

На возвратномъ пути Сіюръ Габріэль думалъ о томъ, сколько должна была Олина наработать съ мальчиками въ огородѣ. Утромъ, когда онъ уѣзжалъ, работа была у нихъ въ полномъ разгарѣ, и за день они должны были сдѣлать не мало. Олина была такъ ловка и быстра, несмотря на то, что опять была беременна. Бѣдная! Еслибъ она была такою, какъ эти мѣсяцы, Сіюръ Габріэль не могъ бы и желать себѣ лучшей жены.

Приближаясь къ дому, Сіюръ Габріэль и Ингеборгъ увидѣли у колодца Іенса и крошку Адну. Они размахивали длинными хворостинами, время отъ времени подпрыгивали и громко кричали отъ радости и неожиданности.

— Они навѣрно ловятъ лягушекъ!—воскликнула Ингеборгъ.

— Чортъ!—пробормоталъ отецъ и ускорилъ шаги.—Опять ее унесло!—лицо его потемнѣло, онъ сжалъ кулаки и погрозилъ ими въ воздухѣ.—Еслибъ Олина была дома, они не могли бы баловаться у колодца, когда надо было работать въ огородѣ. Но онъ проучитъ этихъ проклятыхъ бѣсенятъ!—онъ побѣжалъ черезъ болото, не обращая вниманія на воду, которая окружала его.

Ингеборгъ испугалась. Она бросилась за отцомъ и старалась предупредить Іенса и сестру, махая имъ книжкой псалмовъ и катехизисомъ, которые она несла въ узелкѣ. Крикнуть она не смѣла.

Но Іенсъ и Адна были всецѣло поглощены своимъ запятіемъ. Они старались вытащить на срубъ колодца огромную лягушку. Вдругъ Іенсъ увидѣлъ въ водѣ отраженіе поднятой руки и сердитаго лица отца. Въ одну секунду бросилъ онъ хворостину и, какъ былъ босякомъ, вихремъ пронесся мимо дома черезъ болото, черезъ кучу камней, черезъ недодѣланный огородъ, перепрыгнулъ черезъ плетень въ сосѣднее поле, не останавливаясь добѣжалъ до сарая, въ которомъ былъ сложенъ торфъ, и забился въ самый уголъ.

Крошка Адна, не подозрѣвавшая причины испуга Іенса, хотѣла посмотрѣть, куда онъ убѣжалъ, и повернула свою острую головку съ золотистыми волосами, связанными на затылкѣ въ пучокъ. Но въ эту минуту она получила такой сильный ударъ сзади въ ухо,

что какъ мячикъ отлетѣла въ сторону, закачалась и ударилась лбомъ о камень. Съ минуту пролежала она неподвижно, потомъ начала барахтаться руками и ногами и поднялась на колѣни. Она робко оглянулась и взялась за лобъ. Голова горѣла и болѣла, по носу текло что-то теплое и мягкое. Увидѣвъ кровь на безрукавкѣ, на рукавахъ рубашки, на рукахъ и спереди на мокрой юбкѣ, она начала ревѣть громко, пронзительно, безостановочно.

Между тѣмъ, Сіюръ Габріэль шелъ дальше, не глядя на Адну. Нильсъ, второй мальчикъ, сидѣлъ на порогѣ и рѣзалъ изъ тростника свирѣль. Сіюръ Габріэль оттолкнулъ его ногой съ дороги и подошелъ къ Магну, младшему, который лежалъ въ кухнѣ на полу и игралъ съ котенкомъ.

Пронзительный крикъ ребенка заставилъ Сіюра Габріэля обернуться. Когда онъ увидѣлъ кровь, на лицѣ его появилось выраженіе смущенія, и что-то безпомощное сказалось во всей его фигурѣ. Онъ почесалъ себѣ за ухомъ и отвернулся. Взглядъ его упалъ на будничную юбку и безрукавку Олины, которыя висѣли около печки на деревянной вѣшалкѣ.

— Да, вотъ чего я не ждалъ, — проговорилъ онъ вполголоса, безнадежно опустивъ голову. Онъ присѣлъ на лавку, облокотился на столъ, закрылъ лицо руками и, тяжело вздохнувъ, пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ.

Скоро крики на дворѣ прекратились, и все стихло. Какъ бы боясь, чтобъ его не замѣтили, Сіюръ Габріэль прокрался къ открытой кухонной двери и выглянулъ въ нее. Ингеборгъ на колѣняхъ, приподнявъ юбку, обмывала кровь съ лица крошки-Адны, которая стояла передъ ней съ неподвижно-вытянутыми руками, между тѣмъ какъ судорожныя всхлипыванья подергивали ея тонкія плечики. Игнеборгъ была блѣдна, лицо ея подергивалось, она готова была заплакать. Она ласково уговаривала и успокоивала сестру. Братья смотрѣли молча.

— Ну, пойдемъ теперь домой, завяжемъ себѣ головку,—сказала Ингеборгъ и встала, взявъ сестру за руку, чтобы вести ее съ собой.

— Нѣтъ, нѣтъ!—кричала Адна съ ужасомъ на лицѣ;—не хочу, онъ убьетъ меня!—и она всѣми силами старалась вырваться.

Но Ингеборгъ нагнулась, подняла ее на руки и понесла къ избѣ, крикнувъ Нильсу, чтобъ онъ взялъ узелокъ съ книгами.

Адна прижималась къ шеѣ сестры и кричала:

— Онъ убьетъ меня, онъ убьетъ меня!

— Не убьетъ онъ тебя, замолчи, вотъ увидишь, и пальцемъ

не тронетъ. И что тебѣ надо было въ колодцѣ? Ты вѣдь знаешь, что онъ не позволяетъ. Вотъ онъ и разсердился.

Сіюръ Габріэль вошелъ въ комнату, не притворивъ за собой двери.

Крошка Адна покосилась на него, когда Ингеборгъ спустила ее съ рукъ на полъ, и только тогда успокоилась, когда увидѣла, что онъ повернулся спиной и началъ стаскивать съ себя теплую куртку.

— Постой здѣсь немножко,—сказала Ингеборгъ, обходя по кухнѣ и ища, чѣмъ перевязать рану.

— Вотъ на́ платокъ!—крикнулъ Сіюръ Габріэль и, выдвинувъ изъ-подъ кровати кованный желѣзомъ сундукъ, досталъ ситцевый платокъ съ желтыми цвѣтами и снова заперъ сундукъ на висячій замокъ.

— Тебѣ не жалко?—задумчиво спросила Ингеборгъ и нерѣшительно взяла платокъ. Она знала, какъ дорожилъ отецъ этой нарядной вещицей.

— Только не затеряйте его,—сказалъ Сіюръ Габріэль рѣшительно.—Ты прежде помочи его немного,—продолжалъ онъ, идя за ней въ кухню.

Крошка Адна схватилась за юбку Ингеборгъ и испуганно уставилась на отца.

— Что тамъ такое?—спросилъ онъ, нагибаясь надъ ребенкомъ.

— Вотъ,—отвѣтила Ингеборгъ и указала на ранку на лбу, изъ которой все еще продолжала сочиться кровь.

— Она не виновата,—сказалъ Сіюръ Габріэль и ласково погладилъ ее по головкѣ.—Бѣдненькая крошка-Адна! Іенса надо было бы наказать.

Ингеборгъ сложила платокъ, окунула его въ воду и повязала имъ голову сестры.

— Теперь скоро подживетъ,—сказалъ отецъ, присѣвъ на корточки около нея и нѣжно погладивъ ея маленькую, мокрую ручку.—Ну, пойдемъ ляжемъ въ постельку къ папѣ и будемъ кушать лепешку, которую я принесъ отъ пасторши,—онъ взялъ ее подъ мышки и поднялъ.—Спасибо тебѣ, Ингеборгъ,—проговорилъ онъ, взявъ дѣвочку на руки. Онъ уложилъ ее въ постель, накрылъ одѣяломъ и сунулъ ей въ руку лепешку, смазанную вареньемъ.

Нильсъ и Магнъ вошли въ комнату и покосились на чашку, въ которой отецъ принесъ лепешку.

— Давно ушла мать?—спросилъ Сіюръ Габріэль, садясь на лавку.

А кто ее знаетъ,—отвѣтили оба въ одинъ голосъ.

— Она была дома, когда вы обѣдали?

— У да, мы и полудничали съ ней.

Сіюръ Габріэль всталъ и подошелъ къ кровати. Крошка-Адна заснула съ лепешкой въ рукахъ, набивъ себѣ полный ротъ.

— Вотъ возьмите,—сказалъ онъ и вынулъ у нея изъ рукъ недоѣденную лепешку,—это вы можете подѣлить.

Ингеборгъ принялась стелить постель у печки.

— А мальчики могутъ спать на чердакѣ,—сказалъ отецъ, вѣшая свое праздничное платье на стѣну,—на дворѣ стало такъ тепло.

IV.

Олина со дня на день ожидала ребенка. Послѣдніе два мѣсяца она опять воздерживалась отъ водки отчасти потому, что Сіюръ Габріэль былъ постоянно дома, отчасти потому, что чувствовала себя слишкомъ слабой для своихъ обыкновенныхъ предпріятій. Кромѣ того Сіюръ Габріэль просилъ пастора вразумить ее. Пасторъ объяснилъ Олинѣ, что она въ такомъ положеніи должна имѣть двойное основаніе быть осторожной. Если она не воздержится отъ своей грѣховной жизни, она должна быть готова, что ее поразитъ гнѣвъ Божій, и ея ребенокъ родится уродомъ. Такіе случаи бывали не рѣдко.

Слова его напугали Олину. Она часто плакала послѣднее время и постоянно думала о смерти. Иногда она по цѣлымъ часамъ сидѣла въ чуланѣ, качала головой и неподвижно смотрѣла въ одну точку. Впрочемъ, она исполняла свои хозяйскія дѣла какъ всегда. Обѣдъ былъ готовъ во-время, и она до послѣднихъ дней принимала участіе въ полевыхъ работахъ, дѣлая то немногое, что было ей по силамъ. Она ходила, медленно волоча ноги, съ трудомъ нагибалась, часто громко стонала и почти никогда не говорила.

Наконецъ, Сіюръ Габріэль велѣлъ ей оставаться дома. Сѣно и хлѣбъ были свезены, и все остальное онъ могъ справить одинъ съ мальчиками. Къ тому же она должна была приготовить кое-что для ребенка.

Олина достала нѣсколько старенькихъ лоскутковъ и принялась штопать, кроить и сшивать ихъ, между тѣмъ какъ слезы непрестанно капали съ кончика ея носа на работу.

Сіюръ Габріэль снесъ съ чердака люльку и положилъ въ нее

свѣжую солому. Олина постелила кусокъ тику и накрыла одѣяльцемъ, которое она сшила изъ старой нижней юбки.

Сіюръ Габріэль радовался этимъ приготовленіямъ, наблюдая за ними украдкой, когда Олины не было въ комнатѣ. Еслибъ все это было съ иголочки, радость его не могла бы быть больше.

Какая ловкая и быстрая Олина! Такой нѣтъ нигдѣ. Въ этомъ онъ былъ всегда увѣренъ.

Однажды ночью, въ послѣднихъ числахъ сентября, Олина проснулась отъ боли въ спинѣ и поняла, что пришло ея время. Въ комнатѣ было темно, хоть глазъ коли, и громкій храпъ Сіюра Габріэля совсѣмъ заглушалъ ея стоны. Она сидѣла неподвижно, собираясь разбудить его, но никакъ не могла. Наконецъ, собравшись съ силами, она спустилась на полъ, но тотчасъ же вся скорчилась, схватилась за спину и громко застонала. Едва доползла она до кровати и, держась за нее, съ трудомъ приподнялась на колѣни.

— Сіюръ Габріэль! — простонала она и дернула его за рукавъ рубашки,—позови кого-нибудь!

Онъ спалъ какъ убитый.

— Сіюръ Габріэль! — повторила она громче,—ступай за Адной Ларса.

Сіюръ Габріэль издалъ какой-то хриплый звукъ.

— Что такое?—спросилъ онъ спросонья.—Ты встала?—Онъ испуганно вскочилъ, видя, что ея нѣтъ на постели.

Она доползла до лавки и усѣлась въ прежнемъ положеніи. Стоны ея становились все громче и громче, и крупныя, холодныя капли пота текли по лбу.

Не говоря ни слова, Сіюръ Габріэль спустилъ ноги съ постели, схватилъ куртку, которая висѣла на кровати, надѣлъ ее, пошарилъ руками по полу и взялъ сапоги.

— Можетъ быть, зажечь тебѣ свѣтъ?—спросилъ онъ, застегивая куртку и нащупывая рукою шапку на стѣнѣ.

— Нѣтъ, не надо. О, Господи Боже, сжалься надо мной!... Помоги, спаси меня!... Охъ, охъ, охъ... Умираю... Ой, ой, ой!...

Сіюръ Габріэль слышалъ ея стоны все время, пока бѣжалъ по болоту. Потомъ онъ повернулъ направо и пошелъ по дорогѣ, которая вела отъ моря мимо Гелленскаго Болота, вверхъ, къ сосѣднимъ дворамъ. Дулъ сильный южный вѣтеръ, дождь хлесталъ прямо въ лицо, ночь была темная, но Сіюръ Габріэль бѣжалъ по неровной дорогѣ, которая извивалась между тяжелыми, поросшими мохомъ камнями, бѣжалъ такъ увѣренно, какъ днемъ.

Минутъ черезъ десять онъ замѣтилъ, что наступаетъ на что-то

мягкое. «Это навѣрно огородъ Ларса Трэтъ»,—подумалъ онъ и, взявъ немножко влѣво, ощутилъ подъ ногами болѣе твердую почву.

Теперь онъ долженъ быть около дома. Да, совершенно вѣрно, въ темнотѣ слегка обрисовывались очертанія вытянувшагося въ длину строенія со входною дверью посрединѣ.

Онъ взошелъ на каменныя ступеньки высокаго порога и постучалъ кулакомъ въ обитую желѣзомъ дверь, раздѣленную поперекъ на двѣ половинки. Ему отвѣтилъ хриплый лай собаки. Сіюръ Габріэль постучалъ снова, собака залаяла еще съ бо̀льшимъ остервенѣніемъ.

— Скиперъ, Скиперъ, цыцъ, противная собака!... Ну, ну, иди сюда, иди сюда!

Сіюръ Габріэль узналъ по голосу Ларса Трэтъ.

Собака заворчала и перестала лаять. Вслѣдъ за тѣмъ открылась верхняя половинка двери.

— Кто тамъ?—спросилъ грубый голосъ.

— Съ Гелленскаго Болота,—отвѣтилъ Сіюръ Габріэль, съ трудомъ переводя духъ, снимая шапку и стряхивая съ нея воду.

— Я думалъ, дверь выломаешь! — проворчалъ сердито голосъ.—Ишь, какой стукъ поднялъ!

— Пошли скорѣе Адну!—отвѣтилъ Сіюръ Габріэль.

— Дома нѣту.

Сіюру Габріэлю показалось, точно ему сдавили горло.

— Гдѣ она?—спросилъ онъ.

— Ушла.

— Когда?

— Вчера вечеромъ.

— Можетъ, она придетъ?

— Кто ее знаетъ, по такой погодѣ врядъ.

— Эхъ, ты,—пробормоталъ Сіюръ Габріэль, вертя въ рукахъ шапку.—Олина кричитъ на всю избу. Она сейчасъ родитъ.

— Адна не придетъ до свѣту,—равнодушно отвѣтилъ голосъ.

Сіюръ Габріэль спросилъ, который часъ.

— Сейчасъ пробило двѣнадцать.

До свѣту оставалось еще пять часовъ. Сіюръ Габріэль стоялъ, опустивъ голову. Дождь хлесталъ его по головѣ и стекалъ по волосамъ на лицо. Совершенно машинально надѣлъ онъ шапку и глубоко вздохнулъ.

— Ужъ не знаю, что мнѣ дѣлать,— пробормоталъ онъ, какъ будто обращаясь къ самому себѣ.

— Вотъ развѣ старая Кари,—сказалъ Ларсъ,—она можетъ, Адна научила ее этому дѣлу.

— Только пойдетъ ли она со мной?—нерѣшительно проговорилъ Сіюръ Габріэль,—боюсь, дурная погода...

— Кто ее знаетъ, какъ захочетъ.

— Можетъ, ты спросишь?

— Ступай лучше самъ,—сказалъ Ларсъ и отворилъ половинку двери.

Сіюръ Габріэль вошелъ въ сѣни. Собака опять залаяла, и Ларсъ снова успокоилъ ее.

Сіюръ Габріэль сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, наткнулся на лѣстницу и началъ взбираться по ней.

— Сейчасъ направо,—сказалъ ему Ларсъ, впуская собаку и затворяя входную дверь.

Сіюръ Габріэль очутился на маленькомъ покосившемся чердакѣ, въ окно котораго едва пробивался слабый свѣтъ.

— Кто тамъ?—послышался изъ угла сиплый голосъ.

Сіюръ Габріэль назвалъ себя и разсказалъ, зачѣмъ пришелъ, стараясь говорить какъ можно мягче. Онъ зналъ, что Кари ненавидитъ его. Дѣло въ томъ, что онъ не скрывалъ своихъ чувствъ, когда видѣлъ ее съ Олиной. Однажды онъ даже обругалъ ее пьяницей и грозилъ поколотить, если увидитъ ее около Гелленскаго Болота.

— Гм...—сказала Кари съ насмѣшливой улыбкой,—вотъ уже Сіюру Габріэлю и понадобилась старая Кари, пьяница-то... да, да, вотъ какъ бываетъ на свѣтѣ!

— Да, пойдемъ, пожалуйста,—продолжалъ Сіюръ Габріэль.

— То-то, то-то, гордость-то и пропала. «Пожалуйста!»—Хриплый, едва слышный хохотъ сопровождалъ эти слова.

— Когда такое дѣло... Ребенокъ родится... Она такъ кричитъ, Олина-то!... Вѣдь мы всѣ люди!...

Сіюръ Габріэль говорилъ отрывисто и вертѣлъ въ рукахъ свою мокрую шапку.

— Объ этомъ ты не подумалъ тогда, право, не подумалъ. Славно встрѣтилъ старую Кари.

— Пойдемъ, Кари,—убѣждалъ Сіюръ Габріэль,—что будетъ съ Олиной! Куда мнѣ дѣться въ такой нуждѣ?—онъ бросился на колѣни и началъ шепотомъ умолять ее.

— Да, нужда заставитъ поклониться,—сказала Кари и снова засмѣялась прежнимъ непріятнымъ смѣхомъ.

— Я заплачу тебѣ,—продолжалъ Сіюръ Габріэль. — Проси, сколько хочешь.

— Да, нужно сговориться. Сколько ты дашь?

— Полталера, — сказалъ Сіюръ Габріэль послѣ минутнаго размышленія.

— Ого! Ты думаешь, кто-нибудь пойдетъ за такія деньги?— не стоитъ того.

— Такъ цѣлый!—почти крикнулъ Сіюръ Габріэль.

— Цѣлый,—повторила она, смакуя это слово.—За цѣлый я пойду. Ой, Господи, помилуй мое грѣшное тѣло, такой старухѣ-то съ постели въ такую темную ночь.

Сіюръ Габріэль услыхалъ по скрипу кровати, что Кари сѣла. Она начала одѣваться, разговаривая сама съ собой своимъ сухимъ хриплымъ голосомъ, вздыхая и хихикая. Сіюръ Габріэль не зналъ, смѣется ли она, или шипитъ отъ злости.

— Ахъ, дьяволъ!—воскликнула она и завозилась на постели такъ, что солома затрещала.— Кажется, чортъ съѣлъ мои подвязки... Зажги-ка свѣчку. Поди сюда, я протяну тебѣ руку.

Сіюръ Габріэль подошелъ ближе и нащупалъ руками свѣчку.

— Вонъ тамъ на полу лучина, а огонь въ печкѣ.

Сіюръ Габріэль подался осторожно въ сторону и инстинктивно сейчасъ же нашелъ то, что искалъ. Онъ отворилъ дверцы кафельной печки, порылся въ кускахъ торфа, которые еще тлѣли снизу, подулъ на нихъ, сунулъ лучину, зажегъ свѣчку и подалъ ее Кари.

Она отодвинула въ сторону деревянную чашку съ остатками каши, стоявшую на столѣ передъ постелью, достала оловянный подсвѣчникъ, накапала въ него сала, чтобъ укрѣпить свѣчу и снова принялась рыться въ постели, ища подвязки. Сіюръ Габріэль слѣдилъ за ея движеніями глазами, горящими отъ нетерпѣнія.

Кари была по виду настоящая вѣдьма, съ морщинистымъ лицомъ, безчисленныя складки котораго были наполнены старческой грязью. Высохшая кожа щекъ свѣшивалась на подбородкѣ, и кончикъ краснаго, влажнаго носа казался налѣпленнымъ. Глаза были почти закрыты распухшими вѣками и сѣдыми бровями, которыя расходились кустами въ обѣ стороны отъ самаго носа. Голова и уши были укутаны въ черный шерстяной платокъ, завязанный на макушкѣ. Сѣрая шерстяная фуфайка висѣла мѣшкомъ на впалой груди, зеленый лифъ не былъ застегнутъ. Она сидѣла согнувшись, потому что было такъ низко, что нельзя было выпрямиться. Одѣваясь, она не переставая шевелила своимъ большимъ впалымъ ртомъ, время отъ времени хихикая, какъ сорока передъ бурей.

— Ну, пойдемъ, Кари,—торопилъ Сіюръ Габріэль.

Она схватила юбку, висѣвшую на стѣнѣ, накинула ее на голову и плечи и сколола спереди булавкой.

— А талеръ ты мнѣ дашь послѣ? — спросила она, пристально поглядывая исподлобья на Сіюра Габріэля.

— Ужъ объ этомъ не безпокойся,—отвѣтилъ онъ и пошелъ къ двери.

Кари, впрочемъ, не боялась за свои деньги. Она знала, что всѣ считали ее за вѣдьму, которая могла навлечь болѣзнь на скотину и людей.

— Иди, иди, я приду, только возьму кое-что.

Сіюръ Габріэль повиновался и пошелъ назадъ къ лѣстницѣ.

Кари подошла къ кровати, вытащила изъ-подъ подушки бутылку, откупорила ее и приложила ко рту. Потомъ она сунула ее за пазуху, вздохнула и послѣдовала за Сіюромъ Габріэлемъ.

Когда они сошли внизъ, собака опять залилась громкимъ лаемъ. Кари выругалась, отворила дверь и вышла въ темноту на дождь вмѣстѣ съ Сіюромъ Габріэлемъ. Никто изъ нихъ не сказалъ ни слова за всю дорогу.

Подходя къ дому, они услыхали пронзительные крики Олины. Въ окно Сіюръ Габріэль увидѣлъ, что въ комнатѣ была зажжена свѣча. Онъ пошелъ скорѣе, Кари съ трудомъ ковыляла за нимъ. Черезъ минуту они вошли въ избу.

Кари вытащила изъ-за пазухи бутылку, попросила у Ингеборгъ чашку, отлила въ нее немного и дала Олинѣ выпить. Сіюръ Габріэль слышалъ по запаху, что это такое, но не сказалъ ни слова.

Водка подѣйствовала на Олину облегчающимъ образомъ. Она собралась съ силами и спросила, пришла ли Адна Ларса, но тотчасъ же стиснула руки и издала такой дикій и отчаянный крикъ, что Сіюръ Габріэль задрожалъ. За этимъ крикомъ послѣдовало еще нѣсколько, наконецъ они перешли въ хриплый нечеловѣческій ревъ, но въ ту же минуту Сіюръ Габріэль услыхалъ тонкій, жалобный пискъ новорожденнаго ребенка. Кари обернула его въ фланель и подала Ингеборгъ, которая сѣла съ нимъ на скамеечку и накрыла его подоломъ своего платья.

Передъ глазами Сіюра Габріэля прыгали огненныя точки. Онъ протеръ глаза и ощутилъ теплую влагу на щекахъ.

— Ну, слава Богу,—сказалъ онъ громко и вздохнулъ глухимъ облегченнымъ вздохомъ. Олина повисла у него на рукахъ безжизненною массой.

— Ее надо положить въ постель, — сказала Кари Сіюру Габріэлю и встала, кряхтя отъ напряженія. — Она, кажется, уснула, — воскликнула она, доставая бутылку и отливая изъ нея въ чашку.

Губы Олины были такъ плотно стиснуты, что Кари должна была силою открыть ихъ, чтобы заставить ее проглотить водку.

Какъ и прежде, это принесло Олинѣ облегченіе. Она открыла глаза и безпомощно оглянулась. Понявъ, что все кончилось, она сложила руки и разразилась слезами: — Благодарю тебя, Господи Іисусе Христе! — повторила она нѣсколько разъ.

Кари купала ребенка. Дѣвочка? — спросила Олина съ постели.

— Мальчикъ, — отвѣтилъ Сіюръ Габріэль, хотя онъ повидимому и не глядѣлъ на ребенка. — Большой, хорошенькій мальчуганъ.

— Опять мальчикъ. Господи Іисусе Христе, благодарю тебя за все! — простонала Олина.

— Ну, теперь поѣшь, — сказалъ Сіюръ Габріэль, когда Кари одѣла ребенка и отнесла его къ матери, которая начала кормить его грудью.

— Не безпокойся, пожалуйста! — отвѣтила Кари и покосилась на столъ.

— Право, попробуй. Вотъ свѣжее масло и похлебка съ селедкой, — настаивалъ Сіюръ Габріэль, придвигая чашку. — Ѣшь, пока не остыла.

— Не надо, — пробормотала Кари, садясь.

Сіюръ Габріэль долженъ былъ нѣсколько разъ повторить свое приглашеніе и по всей формѣ всунуть ей ложку въ руку прежде, чѣмъ она начала ѣсть.

Ингеборгъ стояла около матери и не могла наглядѣться на своего новаго братца. Какой крошечный носикъ! какіе маленькіе пальчики, и ноготки есть! и волосики на головкѣ! — восклицала она время отъ времени.

Поѣвши, Кари встала. — Спасибо! — сказала она и протянула Сіюру Габріэлю свою закорузлую, костлявую руку.

— На здоровье, — отвѣтилъ онъ.

Кари подала руку Ингеборгъ и Олинѣ, хотя послѣдняя уже спала, сказала имъ то же самое.

— Теперь мнѣ пора, — засуетилась она, вздыхая и повторяя: — слава тебѣ, Господи!

Сіюръ Габріэль досталъ изъ сундука свертокъ, завязанный въ шелковый платокъ съ коричневою каймой. Когда онъ развернулъ его, въ немъ оказалась банковая книжка. Онъ отсчиталъ нѣскольк-

ко грязныхъ, довольно потрепанныхъ бумажекъ, смачивая пальцы во рту.

— Вотъ талеръ,—сказалъ онъ Кари, которая была готова идти.

Она поднесла бумажки къ самымъ глазамъ и начала перелистывать ихъ пальцами. Такъ, вѣрно. Она свернула бумажки и засунула ихъ за воротничокъ платья. Ну, теперь прощай, спасибо тебѣ.

— Спасибо и тебѣ,—отвѣтилъ Сіюръ Габріэль.

Кари подошла къ постели, простилась съ Ингеборгъ и поблагодарила ее. Олина, успѣвшая снова задремать, была опять разбужена безъ всякаго сожалѣнія.

— Да, да, на свѣтѣ разно бываетъ, и гордость иногда можно посбавить,—пробормотала Кари и, бросивъ недобрый косвенный взглядъ въ сторону Сіюра Габріэля, заковыляла къ выходу.

На четвертый день послѣ этого Олина стояла въ кухнѣ, худая, осунувшаяся, и задвигала въ печь горшки. Щеки ея посѣрѣли и ввалились, губы запеклись, вокругъ глазъ, смотрѣвшихъ съ страдальческимъ выраженіемъ, легли темно-синіе круги. Передъ ней въ фартучкѣ, подвязанномъ вокругъ шеи, лежалъ новорожденный ребенокъ и сосалъ грудь. Магнъ валялся передъ печкой и разбрасывалъ по полу пепелъ. Крошка Адна сидѣла на порогѣ, ведущемъ въ комнату, и громко кричала. Ингеборгъ давала кормъ поросятамъ. Іенсъ и Нильсъ были съ отцомъ на рыбной ловлѣ.

V.

Настали тяжелые дни для Сіюра Габріэля. У Олины открылись на ногахъ раны, съ которыми она проходила всю зиму. Кари Трэтъ, къ которой Сіюръ Габріэль долженъ былъ опять прибѣгнуть, крестила и заговаривала раны, мазала ихъ, поила больную всякими вѣдовскими снадобьями, но раны становились все хуже и хуже, а боли все нестерпимѣе.

Возвращаясь съ работы, Сіюръ Габріэль часто находилъ Олину выпившей. Онъ зналъ, что Кари доставляла ей водку, зналъ также, что Олина отдавала ей за это то немногое, что у нея было изъ бездѣлушекъ и нарядовъ. Но пока онъ не рѣшался дать волю своему гнѣву изъ боязни, что Кари перестанетъ лѣчить Олину. Но когда онъ наконецъ узналъ, что Олина таскаетъ у него деньги, чтобы не вводить Кари въ расходы, онъ уже не могъ долѣе сдерживаться. Онъ такъ отколотилъ Олину, что у нея долго текла кровь изъ носу и рта, а на слѣдующій день вытолкнулъ Кари за

дверь и поклялся, что посадитъ ее въ мѣшокъ и броситъ въ открытый фіордъ, если только она покажется въ его владѣніяхъ.

Кари ушла, призывая страшныя проклятія на него и весь его домъ и грозя отомстить. Это создало еще новую заботу для Сіюра Габріэля. Онъ не переставая мучился страхомъ за то зло, которое Кари навлечетъ на него и его имущество. Когда вскорѣ послѣ этого у Сіюра Габріэля заболѣла корова и онъ принужденъ былъ убить ее, онъ не сомнѣвался ни минуты, что Кари испортила ее. Велико было поэтому его облегченіе, когда черезъ мѣсяцъ онъ узналъ, что Кари слетѣла съ своего чердака и убилась на мѣстѣ.

Олина уже не вставала съ постели, она не могла волочить свои распухшія ноги.

Ребенокъ, рожденный осенью, былъ въ крещеніи названъ въ честь отца. Несмотря на свою болѣзнь, Олина продолжала кормить его. У него были блѣдныя, пухлыя щечки, но въ тѣлѣ онъ былъ очень худъ, кричалъ и день и ночь.

Наконецъ, Сіюръ Габріэль принужденъ былъ привезти къ Олинѣ доктора. Осмотрѣвъ ее, докторъ приложилъ руку къ носу и объявилъ, что ее надо сію же минуту отправить въ городъ и уложить въ больницу, а то придется отнять ногу.

— Что же будетъ съ нимъ?—спросилъ Сіюръ Габріэль и указалъ на ребенка въ люлькѣ.

Докторъ отвѣтилъ, что надо благодарить Бога, если мальчикъ не будетъ больше питаться больнымъ молокомъ, которымъ его кормила мать.

Съ тяжелымъ сердцемъ рѣшилъ Сіюръ Габріэль послушаться доктора. Онъ нанялъ у Ларса Трэтъ навозныя сани и отвезъ въ нихъ Олину къ морю, потомъ уложилъ ее въ лодку на дно и уплылъ съ ней въ городъ. Іенсъ и Нильсъ, которыхъ онъ взялъ съ собой, остались въ лодкѣ съ матерью, между тѣмъ какъ Сіюръ Габріэль пошелъ въ больницу и договорился. Черезъ полчаса онъ вернулся назадъ въ сопровожденіи двухъ мужчинъ, которые уложили Олину на носилки и унесли ее.

Сіюръ Габріэль долженъ былъ взять подъ свое покровительство полугодовалаго мальчика. Безъ устали исполнялъ онъ свои непривычныя обязанности. Какъ бы ни былъ онъ утомленъ дневнымъ трудомъ, онъ вставалъ ночью при первомъ крикѣ ребенка, по цѣлымъ часамъ носилъ и убаюкивалъ его или давалъ ему соску въ ротъ и бралъ къ себѣ на постель, чтобъ онъ скорѣе успокоился.

Первое время приходила пожилая женщина, которая только что произвела на свѣтъ незаконнорожденнаго ребенка, и разъ въ день

кормила грудью маленькаго Габріэля. Но это было еще хуже, и Сіюръ Габріэль самъ долженъ былъ сознаться, что лучше прекратить это, потому что такимъ образомъ невозможно было отучить мальчика.

Съ этого дня заботы Сіюра Габріэля о ребенкѣ удвоились. Дошло до того, что онъ почти не переносилъ ничьего вмѣшательства. Онъ вбилъ себѣ въ голову, что никто не можетъ такъ хорошо ходить за ребенкомъ, какъ онъ. Особенно укрѣпляло его въ этомъ мнѣніи то, что маленькій Габріэль, казалось, раздѣлялъ его. Когда мальчикъ кричалъ, никто, кромѣ отца, не могъ успокоить его. Это сознаніе наполняло сердце Сіюра Габріэля тайною радостью и гордостью и все сильнѣе и сильнѣе привязывало его къ малюткѣ.

Днемъ, когда онъ работалъ въ полѣ, онъ не могъ быть покоенъ. Каждые полчаса бѣжалъ онъ домой, чтобы посмотрѣть, спитъ ли маленькій Габріэль, или разузнать, что дѣлаетъ съ нимъ Ингеборгъ. Онъ кормилъ его, укладывалъ спать и уходилъ опять, убѣждая Ингеборгъ хорошенько смотрѣть за братомъ.

Ингеборгъ, которой въ это время было тринадцать лѣтъ, старалась изъ всѣхъ силъ и дѣлала все, что могла. Хотя она была рослая и не по лѣтамъ серьезная дѣвочка, съ дѣтства привыкшая къ заботѣ,—все-таки ей недоставало силы. Но Сіюръ Габріэль находилъ, что все идетъ прекрасно. На бѣдной дѣвочкѣ лежало такъ много. Если каша бывала сыра или сварена комками, онъ мирился на томъ, что Ингеборгъ и не можетъ размѣшать ее какъ слѣдуетъ. Если каша пригорала, онъ ѣлъ молча и только просилъ не подкладывать въ другой разъ такой большой головни. Теперь, когда не было Олины, Сіюръ Габріэль дорожилъ дочерью, хотя и жалѣлъ, что не пришлось отдать ее въ услуженіе, какъ это предполагалось, когда ее такъ рано конфирмовали. Самъ онъ съ утра до вечера работалъ на полѣ, доилъ коровъ, сбивалъ масло и чистилъ свиной хлѣвъ. Онъ съ трудомъ могъ дождаться ночи, но и тогда ему рѣдко удавалось отдохнуть.

Когда настало лѣто, и начался покосъ, Сіюръ Габріэль не могъ справиться одинъ, несмотря на всѣ свои старанія, и былъ принужденъ подыскать себѣ помощника хотя на самое горячее время. Онъ далъ знать въ ближайшее село, и ему прислали парня по имени Аслакъ, который называлъ себя «ловкимъ малымъ». Сіюру Габріэлю онъ не понравился. Но такъ какъ кромѣ него никто не явился, онъ рѣшилъ, что на безрыбьи и ракъ рыба, все-таки изъ осторожности нанявъ его сперва только на одну недѣлю. По уговору Аслакъ долженъ былъ получать двѣнадцать шиллинговъ въ день и харчи.

Уже въ первый день Сіюръ Габріэль увидѣлъ, что Аслакъ былъ лѣнивъ и небреженъ и что шести дней его работы вполнѣ достаточно, чтобъ испортить человѣку печень.

Однажды вечеромъ послѣ работы Аслакъ былъ въ гостяхъ на сосѣднемъ дворѣ, гдѣ было нѣсколько дѣвушекъ, съ которыми онъ хотѣлъ познакомиться. Онъ пробылъ тамъ около часу, танцовалъ въ сѣнномъ сараѣ и пилъ ячменное пиво. Домой онъ пошелъ кратчайшимъ путемъ черезъ поле, которое примыкало къ лугу Сіюра Габріэля, и забылъ впопыхахъ запереть за собой калитку.

Ночью всѣ коровы не только Сіюра Габріэля, но и съ сосѣднихъ дворовъ и нѣсколько чужихъ лошадей зашли на лугъ и поѣли всю траву.

Сіюръ Габріэль провелъ безпокойную ночь; у ребенка болѣлъ животикъ, и только къ утру онъ нѣсколько успокоился и уснулъ. Въ три часа Сіюръ Габріэль всталъ, чтобы разбудить Аслака, который спалъ на сѣновалѣ, и послать его работать.

Было тихое утро. Небо было ясное, только на востокѣ виднѣлись мѣдно-желтыя полоски.

Едва Сіюръ Габріэль приподнялъ щеколду и отворилъ дверь, какъ увидѣлъ страшную картину опустошенія, которое произвели коровы. Съ дикимъ крикомъ, внѣ себя отъ злобы, схватилъ онъ вилы и бросился бѣжать босикомъ по мокрому отъ ночной росы лугу прямо на коровъ, которыя такъ наѣлись, что не могли уже двигаться и лежали, поджавъ подъ себя ноги. Онѣ уставились на Сіюра Габріэля недоумѣвающими глазами, точно все это ничуть ихъ не касалось, пока удары вилъ по спинамъ не отрезвили ихъ. Только тогда поняли онѣ, что что-то случилось, вскочили и разбѣжались во всѣ стороны, поднявъ хвосты. Съ лошадьми было труднѣе справиться, но Сіюръ Габріэль бѣжалъ какъ сумасшедшій и въ концѣ-концовъ ему удалось очистить лугъ и запереть калитку. Стиснувъ зубы и задыхаясь отъ гнѣва, смотрѣлъ онъ на опустошенный лугъ и наконецъ разразился рыданіями. Онъ плакалъ горько, судорожно всхлипывая, но почти безъ слезъ. Постоявъ съ минуту неподвижно, онъ бросился къ сараю, рванулъ дверь, которая была заперта изнутри деревянною задвижкой, распахнулъ ее, вбѣжалъ въ нѣсколько прыжковъ на лѣстницу, прислоненную къ сѣновалу, схватилъ массу спутанныхъ, жесткихъ волосъ и дернулъ ихъ изо всѣхъ силъ. Изъ-подъ одѣяла показалась голова и туловище въ холстинной рубашкѣ. Пронзительный крикъ пронесся въ воздухѣ, и Аслакъ забарахтался руками и ногами. Сіюръ Габріэль сжалъ ему руки, надавилъ колѣномъ въ грудь и началъ

колотить куда попало. Непрерывный крикъ оглашалъ воздухъ, но Сіюръ Габріэль не унимался и наносилъ ударъ за ударомъ. Аслакъ вылъ, умолялъ и барахтался изо всѣхъ силъ, чтобъ освободиться. Мало-по-малу онъ соскользнулъ на край сѣновала, Сіюръ Габріэль былъ увлеченъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ не видѣлъ и не чувствовалъ ничего, пока они не свалились оба и съ трескомъ грохнулись о землю. Сіюръ Габріэль протянулъ впередъ руки и упалъ на четвереньки. Аслакъ ударился спиной. Онъ уже не кричалъ, онъ тихо стоналъ и лежалъ неподвижно.

Сіюръ Габріэль всталъ. Онъ отдѣлался тѣмъ, что разбилъ себѣ въ кровь колѣни и ладони. Не оборочиваясь, прошелъ онъ въ домъ. Когда онъ подошелъ къ люлькѣ, гдѣ лежалъ маленькій Габріэль, ребенокъ открылъ глаза, узналъ отца, улыбнулся и протянулъ ему свои маленькія ручки.

Сіюръ Габріэль вздрогнулъ. Чувство радости сразу охватило его. Невинный ребенокъ узналъ его и улыбнулся. Это было въ первый разъ. Сіюръ Габріэль бросился на колѣни передъ люлькой, нагнулся надъ маленькимъ личикомъ и поцѣловалъ его. Ребенокъ началъ играть бородой отца и громко смѣялся, когда она щекотала ему носикъ. Сіюръ Габріэль не могъ оторваться отъ него, не могъ на него наглядѣться. Маленькій Габріэль узналъ его и протянулъ ему ручки. Пусть пропадетъ лугъ и вся усадьба, только бы сберечь этого необыкновеннаго мальчика, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ. Это его ребенокъ, его плоть и кровь, его самая дорогая собственность!

Онъ долго носилъ Габріэля по комнатѣ и продолжалъ качать его, когда ребенокъ уже уснулъ. Потомъ онъ осторожно уложилъ его въ люльку, укрылъ и легъ самъ. Онъ чувствовалъ себя такимъ слабымъ и разбитымъ и не могъ стоять на ногахъ. Онъ долженъ былъ уснуть еще часокъ прежде, чѣмъ приняться за дневную работу.

Событіе этого дня дорого обошлось Сіюру Габріэлю. Аслакъ сломалъ себѣ при паденіи ребро, да и вообще былъ сильно избитъ. Сіюръ Габріэль долженъ былъ отослать его въ больницу и платить за него въ теченіе шести недѣль. Кромѣ того онъ долженъ былъ заплатить штрафъ, который наложилъ на него судья за нападеніе на спящаго. Жалобы Сіюра Габріэля на убытки, въ которые вовлекъ его Аслакъ, остались безъ вниманія. Аслакъ отрицалъ, что оставилъ калитку открытой, у Сіюра Габріэля не было свидѣтелей.

Все это было тяжело для Сіюра Габріэля. На другой день послѣ

того, какъ Аслакъ былъ отправленъ въ больницу, онъ сидѣлъ вечеромъ въ комнатѣ, держа передъ собой открытую банковую книжку, и размышлялъ о всѣхъ своихъ несчастіяхъ. И кому пожаловаться, когда такъ преслѣдуетъ судьба и люди? Онъ долго считалъ и высчитывалъ суммы, которыя придется истратить прежде, чѣмъ Олина вернется домой. Вотъ она уже три мѣсяца лежитъ въ больницѣ по шестнадцати шиллинговъ въ день. Это составляетъ двѣнадцать специ-талеровъ и тридцать два шиллинга. И послѣдній разъ ему сказали въ больницѣ, что ей придется пролежать еще мѣсяцъ: прибавь четыре талера. Да за Аслака пять талеровъ и четыре шиллинга. Да сѣна надо будетъ купить по крайней мѣрѣ на четыре талера. Въ цѣломъ это составитъ двадцать пять талеровъ и тридцать шесть шиллинговъ—совсѣмъ какъ въ море выброшенныхъ. Сіюръ Габріэль провелъ пальцами по своимъ жесткимъ посѣдѣвшимъ усамъ и колючей подстриженной бородѣ и громко вздохнулъ. Эти деньги заработаны тяжелымъ трудомъ, эти талеры собраны по шиллингамъ еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ въ работникахъ. Сколько онъ работалъ, сколько потѣлъ, чтобы скопить ихъ, берегъ, экономилъ, отказывалъ себѣ даже въ табакѣ. И какъ онъ радовался, что у него есть банковая книжка съ тридцатью девятью талерами и семьюдесятью двумя шиллингами. Онъ гордился этимъ и это придавало ему силу и мужество продолжать тяжелую жизнь—работать, трудиться и собирать. Эта банковая книжка какъ будто всплывала передъ нимъ въ самыя тяжелыя и мрачныя минуты и напоминала ему, что онъ за человѣкъ. Вѣдь въ проповѣди говорится, что тотъ, у кого хорошая жена, долженъ пріумножать свое добро. Но онъ пріумножилъ его, хотя у него и не было хорошей жены, а наоборотъ, жена, которая пила и тащила все изъ дому и теперь изводила деньги въ больницѣ.

И за что только такая судьба постигла его деньги! Сіюръ Габріэль поднялъ сжатую въ кулакъ руку, потрясъ ею въ воздухѣ и неслышно уронилъ на столъ. О, Боже на небесахъ! Значитъ, такъ должно было случиться.

Онъ началъ тратить деньги съ тѣхъ поръ, какъ хоронилъ перваго ребенка. Потомъ онъ схоронилъ еще троихъ и всякій разъ прибѣгалъ къ банковой книжкѣ. И теперь осталось какъ разъ еще на однѣ похороны.

И все это оттого, что на немъ и его домѣ нѣтъ благословенія. Тогда ужъ ничего не подѣлаешь. Если онъ будетъ трудиться, пока кровь потечетъ изъ его ногтей, все равно ничего не выйдетъ, если Господь противъ него. А Сіюръ Габріэль видитъ теперь, что Богъ

гнѣвается на него за то, что онъ рабъ мамона и гордится своею банковою книжкой и своею ловкостью. Гордость ведетъ къ паденію,—сказала Кари Трэтъ. Да, теперь онъ понялъ это.

Гордость ведетъ къ паденію, сказалъ также и пасторъ на каѳедрѣ весной, когда Сіюръ Габріэль былъ въ церкви. И потомъ всѣ пѣли о томъ, что работа и трудъ тщетны, Если Богъ не живетъ въ домѣ.

Онъ закрылъ банковую книжку, облокотился на столъ, подперъ руками волосатый подбородокъ, приподнялъ кверху углы губъ и невнятно пробормоталъ про себя слова псалма.

Но какъ же быть несчастному человѣку? Кто трудится и работаетъ, чтобы пріобрѣтать для себя и своихъ ближнихъ, грѣшитъ, и тотъ, кто лѣнится, тоже грѣшитъ. Но нѣкоторые получаютъ за свои труды. Вотъ, хоть бы Магнъ изъ Рондергеллена. Они вмѣстѣ служили въ работникахъ, оба одинаково бѣдные, а теперь Магнъ настоящій богачъ, у котораго новые дома, восемь штукъ рогатаго скота и двѣ лошади, и всего много, и все хорошо. И дѣтей у Магна больше, чѣмъ у него, и схоронилъ онъ столькихъ же. Ясно, какъ день, что все дѣло въ Божьемъ благословеніи.

А чѣмъ Сіюръ Габріэль хуже другихъ?... Хуже другихъ?...

Точно кто-то толкнулъ Сіюра Габріэля, и передъ нимъ съ поразительною ясностью всплыла давно забытая картина. Вотъ онъ на зарѣ въ сараѣ роетъ заступомъ яму... Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ... Передъ нимъ стоитъ дѣвушка, босая, въ рубашкѣ и нижней юбкѣ и держитъ что-то въ фартукѣ. Она дрожитъ всѣмъ тѣломъ и стучитъ зубами... Яма ужъ готова... Не глядя на дѣвушку, беретъ онъ у нея изъ рукъ то, что она держала, и опускается на колѣни... Но въ эту минуту край фартука соскользнулъ въ сторону, и обнажилась ручка только что рожденнаго ребенка... Тогда онъ, какъ бѣшеный, принимается засыпать яму, приколачиваетъ заступомъ рыхлую землю и придавливаетъ свертокъ. Потомъ посыпаетъ сверху навозомъ и утаптываетъ его, чтобы никто не замѣтилъ...

Сіюръ Габріэль сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ впередъ широко-раскрытыми глазами. Капли пота выступили у него на лбу. Онъ видѣлъ всѣ подробности событія съ ужасающей отчетливостью. Онъ слышалъ свой собственный голосъ: «Если ты только проговоришься, я убью тебя». Онъ помнилъ, какъ вошелъ въ однихъ чулкахъ въ комнату работниковъ, какъ тихонько взобрался на кровать, чтобы не разбудить кого-нибудь, и осторожно натянулъ на себя одѣяло. Какъ онъ храпѣлъ, когда всѣ встали, и дѣ-

лалъ видъ, что съ трудомъ приходитъ въ себя. И ужасъ, который овладѣвалъ имъ всякій разъ, когда онъ проходилъ мимо сарая вечеромъ, угрызенія совѣсти сильно мучили его первое время. Но потомъ онъ уѣхалъ изъ города и нанялся въ работники за нѣсколько миль, и все это точно вѣтромъ сдунуло навсегда. Время отъ времени онъ еще видѣлъ это во снѣ и просыпался весь въ испаринѣ, и долженъ былъ встать, зажечь свѣтъ и покурить, чтобъ уснуть опять. Но послѣдніе годы это бывало все рѣже и рѣже. Что же это значитъ, что въ этотъ вечеръ, когда онъ думалъ совсѣмъ о другомъ, это старое, давно забытое событіе всплыло и давило его, какъ кошмаръ. Можетъ быть, это Господь напоминаетъ ему о его прошломъ грѣхѣ и даетъ ему понять, что Онъ не забылъ его. Но онъ уже раскаялся и просилъ Бога о прощеніи. Сколько лѣтъ кладетъ онъ деньги въ кружку для нуждающихся и неимущихъ каждое воскресенье, когда бываетъ въ церкви.

Сіюръ Габріэль выпрямился, прислонился къ стѣнѣ и заложилъ руки въ карманы. Куда дѣться, если всемогущій Богъ преслѣдуетъ его всюду. Тогда самое лучшее повѣситься или утопиться, купить себѣ бутылку водки, напиться и броситься въ море, навязавъ на шею камень. Тогда ужъ онъ можетъ успокоиться и думать, что достаточно раскаялся. Въ адъ онъ попадетъ во всякомъ случаѣ. Если лишить себя жизни, то, по крайней мѣрѣ, избѣжишь остальныхъ страданій на землѣ. Все равно теперь, когда почти ничего не осталось въ банковой книжкѣ, на землѣ для него уже не можетъ быть радости.

Сіюръ Габріэль окинулъ взоромъ низкую комнату, въ крошечное оконце которой едва пробивался слабый свѣтъ лѣтняго вечера. Потомъ взглядъ его скользнулъ по спящимъ головкамъ дѣтей, лежащихъ на полу у печки, по неубранной посудѣ съ остатками каши на столѣ, и остановился на люлькѣ, въ которой спалъ маленькій Габріэль. Потухшіе глаза Сіюра Габріэля оживились и углы губъ задрожали. А маленькій Габріэль—развѣ это не радость? Нѣтъ, маленькаго Габріэля онъ не можетъ покинуть. Пока мальчикъ живъ, онъ тоже долженъ жить, будь, что будетъ. Маленькій Габріэль все-таки самое лучшее, что у него есть. Еслибъ на одну чашку вѣсовъ положили полсотни блестящихъ талеровъ, а маленькаго Габріэля на другую, и пришелъ бы Богъ и велѣлъ Сіюру Габріэлю выбирать, онъ, не задумываясь, схватилъ бы обѣими руками ту, на которой лежитъ ребенокъ, и оставилъ бы безъ вниманія другую, и не сомнѣвался и не жалѣлъ бы.

— Да, да!—воскликнулъ онъ, скрестивъ руки на груди,—

пока Богъ не взялъ его, я буду надѣяться, что онъ все-таки проститъ меня.

Онъ поднялъ глаза кверху и затянулъ высокимъ, обрывающимся голосомъ:

«О, Боже Іисусе во святыхъ небесахъ!
Къ тебѣ я взываю, рожденный въ грѣхахъ».

И не останавливаясь и не переводя духа, запѣлъ онъ другую строфу, причемъ тянулъ каждую ноту, пока хватило дыханія.

«Дѣянія грѣшныя мнѣ ты прости
И кровью святою меня окропи;
За наше спасенье ее ты пролилъ
И крестною смертью нашъ грѣхъ искупилъ».

«О, Боже Іисусе въ святыхъ»... Нѣтъ, это онъ уже пѣлъ. «Дѣянія грѣшныя»... Это тоже пѣлъ. Тамъ были еще слова, но Сіюръ Габріэль не могъ ихъ вспомнить.

Сіюръ Габріэль почувствовалъ, что у него стало легче на душѣ. Онъ вышелъ изъ комнаты, взобрался по лѣстницѣ на чердакъ, спряталъ банковую книжку на дно сундука и заперъ его большимъ ключомъ, который висѣлъ у него на шнуркѣ на груди. Потомъ онъ сошелъ внизъ, раздѣлся и легъ въ постель, но еще долго ворочался и бормоталъ про себя: Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

VI.

Не долго спалъ Сіюръ Габріэль. Еще сквозь сонъ онъ услыхалъ плачъ ребенка, но не могъ проснуться. Онъ дѣлалъ надъ собой усилія, чтобы подняться, но словно какая-то тяжесть лежала на груди и на глазахъ, которая обезсиливала всѣ члены. Наконецъ, онъ вздохнулъ и испустилъ слабый крикъ, потомъ поднялся, сѣлъ на постели и началъ качать люльку и баюкать ребенка. Но напрасно,—ребенокъ кричалъ все громче и громче. Сіюръ Габріэль всталъ и далъ ему соску, но онъ выплюнулъ ее и отвернулъ головку. Сіюръ Габріэль вынулъ его изъ колыбели, завернулъ въ одѣяло и началъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ по комнатѣ, стараясь убаюкать его. Но малютка дергался и извивался у него на рукахъ.

Отецъ перепеленалъ его, уложилъ въ люльку, укрылъ и началъ качать. Онъ какъ будто успокоился на время, но черезъ нѣсколько минутъ опять застоналъ, заворочалъ глазами и началъ зарывать затылокъ въ подушку. Сдавленный, хриплый звукъ послышался изъ сжатаго ротика. На лицѣ выступили капли пота, и туловище

стало неподвижно. Сіюръ Габріэль былъ внѣ себя. Онъ брызгалъ ребенку въ лицо водой, взялъ пузырекъ съ пахучимъ лѣкарствомъ, которымъ Олина натирала свои ноги, и поднесъ его къ носу ребенка. Но, нѣтъ, не дѣйствовало. Сіюръ Габріэль не зналъ, что дѣлать, поднялъ мальчика на руки, положилъ опять въ люльку и ломалъ въ отчаяніи руки. Но черезъ нѣсколько минутъ ребенку опять стало лучше. Вѣки опустились, неестественная неподвижность исчезла, и онъ сталъ издавать короткіе, судорожные стоны, которые мало-по-малу перешли въ порывистые, неровные вздохи.

Сіюръ Габріэль почувствовалъ невыразимое облегченіе и вознесъ мысленно благодарственную молитву Богу. Успокоенный, сѣлъ онъ на скамеечку, продолжая потихоньку качать колыбель. Но не прошло и двухъ минутъ, какъ онъ снова вскочилъ, испуганный прежнимъ хриплымъ стономъ. Опять? Бѣдный, невинный малютка! Сіюръ Габріэль нагнулся надъ люлькой. Припадокъ былъ еще сильнѣе, чѣмъ первый. Влажные, остановившіеся глаза блестѣли какъ пфениги, посинѣвшее лицо покрылось потомъ, у рта выступила пѣна, окоченѣвшее туловище было неподвижно, какъ дерево, маленькія ручки судорожно сжаты.

Сіюръ Габріэль рвалъ на себѣ волосы, бросался на колѣни и громко восклицалъ, призывая Бога. Онъ отвернулся, чтобы не видѣть страшной картины.

Маленькій Габріэль продолжалъ лежать неподвижно. Теперь онъ совсѣмъ затихъ. Бѣловатая пѣна сочилась изо рта и стекала на подбородокъ. Время отъ времени дрожь пробѣгала по маленькому тѣльцу съ высоко поднявшейся грудью.

А, эта окаменѣлость! Эта неподвижность! Сіюръ Габріэль чувствовалъ, что маленькіе члены не сгибаются. Они неподвижны, какъ замерзшая рыба. Замерзшая! Точно откровеніе осѣнило вдругъ его. Что если попробовать окунуть его въ теплую воду,—вѣдь, въ водѣ все таетъ. Теплая вода размягчитъ члены. Въ одну минуту разбудилъ Сіюръ Габріэль Ингеборгъ и велѣлъ ей разложить огонь подъ большимъ котломъ, а самъ побѣжалъ къ колодцу за водой.

Ингеборгъ въ полуснѣ набросила на себя юбку и подошла къ люлькѣ. Увидѣвъ брата, она залилась громкимъ плачемъ и вышла въ кухню. Отецъ уже убѣжалъ за водой. Какъ мальчикъ, бѣгалъ онъ босикомъ къ колодцу и назадъ и наполнилъ котелъ меньше, чѣмъ въ минуту. Ингеборгъ разбивала куски торфа, между тѣмъ какъ слезы катились непрестанно по ея лицу. Скоро языки пламени начали лизать котелъ. Отецъ подложилъ хворосту, взялъ доску, которая

была куплена для починки стола, переломилъ ее, раскололъ одну часть на щепки и бросилъ ихъ въ печь.

— Собери и сожги все, что есть,—крикнулъ онъ Ингеборгъ,— только бы вода была готова въ одинъ мигъ!

Когда онъ вернулся въ комнату, припадокъ ослабѣвалъ. Маленькій Габріэль тихо стоналъ. Глаза пріобрѣли свой обыкновенный видъ и блескъ, члены стали мягкими и гибкими, и грудь тяжело вздымалась при вздохахъ.

Сіюръ Габріэль стоялъ надъ колыбелью, нагнувшись и заложивъ руки между колѣнъ. Глаза его искрились надеждой и страхомъ. Губы были закушены, ротъ плотно сжатъ. Отъ ожиданія и напряженія онъ едва осмѣливался переводить духъ.

— Ну, слава тебѣ, Господи Іисусе Христе, вотъ онъ и успокоился,—пробормоталъ онъ.—Теперь онъ заснетъ. Подкрѣпи тебя Богъ, бѣдный мальчикъ!—прошепталъ онъ, отирая глаза и простирая впередъ сложенныя руки. Онъ долго стоялъ неподвижно, склонивъ на бокъ голову, и не отводилъ полнаго любви и благодарности взгляда отъ маленькаго Габріэля, который тихо дремалъ и время отъ времени вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ.

— Вода кипитъ,—послышался изъ дверей робкій голосъ. Сіюръ Габріэль обернулся и увидѣлъ Ингеборгъ съ черными пятнами на лицѣ отъ сажи и слезъ. Она безшумно отворила дверь и стояла одной ногой на порогѣ, положивъ руку на щеколду.

— Тс...— прошепталъ отецъ и поднявъ въ предостереженіе руку.—Онъ уснулъ. Поди ложись.

Необычная кротость въ голосѣ отца такъ растрогала Ингеборгъ, что она снова залилась слезами. Она вошла въ комнату, тихо притворила за собой дверь и остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колыбели.

— Поди сюда,—сказалъ Сіюръ Габріэль и подвинулся въ сторону,—смотри, какъ спокойно онъ спитъ.

— Ложись и ты, отецъ, я посижу и покачаю его,—сказала она.

— Когда ложиться? Вставать пора.

Онъ оглянулся. Слабыя сумерки лѣтней ночи уступили мѣсто сѣрому утреннему разсвѣту.

— Смотри, смотри!—крикнула Ингеборгъ,—опять начинается, опять! Ой, ой, ой! Опять! Опять!

— Господи, сохрани и помилуй насъ, сохрани и помилуй насъ!—простоналъ Сіюръ Габріэль.—Молчи, молчи, милая Ингеборгъ,—проговорилъ онъ со слезами въ голосѣ.—Вѣдь ничего не подѣлаешь.

Онъ нѣсколько разъ потрепалъ ее по затылку безпомощнымъ, невѣрнымъ движеніемъ.

— Маленькій Габріэль испугается... онъ испугается, если ты будешь кричать. О, Боже, сохрани и помилуй насъ, сохрани и помилуй насъ!

Припадки становились все сильнѣе и сильнѣе. Что-то хрипѣло въ маленькой грудкѣ ребенка, метавшагося по постелькѣ и жадно вбиравшаго въ себя воздухъ. Глаза дико вращались и останавливались съ помертвѣлымъ, неподвижнымъ выраженіемъ.

Ингеборгъ нагнулась надъ ребенкомъ и поцѣловала крошечныя ручки.

— Онъ застылъ, онъ совсѣмъ застылъ!—воскликнула она и начала дуть на руки, чтобы согрѣть ихъ.

«Застылъ!... А теплая вода!»—снова пронеслось съ быстротою молніи въ головѣ Сіюра Габріэля. Согнувшись всѣмъ корпусомъ, выбѣжалъ онъ въ нѣсколько прыжковъ въ кухню, крикнувъ Ингеборгъ, чтобъ она осталась у люльки. Онъ схватилъ ушатъ, придвинулъ его къ печкѣ, взялъ ведро и зачерпнулъ въ него кипящей воды. Онъ видѣлъ, что льетъ воду мимо, но не обращалъ на это вниманія. Вихремъ сбѣгалъ онъ къ колодцу, принесъ холодной воды, смѣшалъ ее съ теплой, попробовалъ воду ногой и внесъ ушатъ въ комнату.

Сіюръ Габріэль былъ блѣденъ. Ротъ былъ полуоткрытъ.

Онъ сдернулъ съ ребенка одѣяло, снялъ шерстяной чепчикъ съ головки, развязалъ на шеѣ завязку рубашки, но не могъ стащить ее своими дрожащими руками съ неподвижныхъ членовъ. Не задумываясь ни минуты, поднялъ онъ безжизненное тѣльце на руки, сталъ на колѣни передъ ушатомъ и, поддерживая ребенка подъ затылокъ и колѣни, окунулъ его въ воду. Черезъ нѣсколько секундъ въ глазахъ маленькаго Габріэля появилась жизнь. Взглядъ остановился на минуту на отцѣ. Сіюру Габріэлю показалось, точно онъ улыбнулся ему. Потомъ вѣки тяжело опустились, снова поднялись и опустились нѣсколько разъ. Въ ту же минуту середина туловища подалась, пальчики выпрямились, маленькія ручки безсильно опустились по бокамъ, и ребенокъ началъ тихо стонать. Этотъ звукъ казался небесной музыкой измученному отцу, онъ видѣлъ, что припадокъ прошелъ.

— Видишь, видишь?—сказалъ онъ Ингеборгъ, которая смѣялась и плакала въ одно и то же время.—Ну, развѣ не чудо? Нашъ мальчикъ сталъ такой мягкій, мягкій, какъ свѣжее масло.—Онъ осторожно дотронулся до ножки и показалъ Ингеборгъ, что она раз-

гибается, потомъ взялъ ручку и началъ ее поднимать и опускать. Онъ громко хохоталъ отъ радости и качалъ головой.

Ингеборгъ перестала плакать, изумленная всѣмъ происходившимъ.

— Теперь прошло, совсѣмъ прошло,—сказалъ Сіюръ Габріэль весело.—Когда онъ начинаетъ такъ вздыхать, я знаю, что онъ скоро заснетъ.

Онъ замолчалъ, прислушиваясь къ короткому, неровному дыханію ребенка, время отъ времени переходящему въ глубокій, тяжелый вздохъ. Маленькая головка устало соскользнула на сторону и успокоилась на рукѣ отца. Вокругъ рта и на лбу были еще капли пота, но цвѣтъ лица сталъ естественный, хотя еще нѣсколько желтоватый.

— Ты пойди поспи часокъ, Ингеборгъ, а то вѣдь днемъ некогда лежать,—сказалъ Сіюръ Габріэль и, положивъ маленькаго Габріэля въ колыбель, снялъ съ него рубашку и обтеръ его поношенной юбкой Ингеборгъ, которая сняла ее для этого съ себя.

Ингеборгъ стояла въ ногахъ колыбели, пряча свои голыя ноги.

— Только бы съ нимъ опять не сдѣлалось этого,—прошептала она.

— Я не думаю, онъ спитъ такъ крѣпко и спокойно. Иди ложись.

Ингеборгъ подошла къ своей постели, бросила юбку на полъ и тихонько забралась подъ одѣяло.

Сіюръ Габріэль былъ весь охваченъ чувствомъ набожной благодарности. Онъ ни минуты не сомнѣвался, что Богъ внушилъ ему мысль о теплой водѣ. Теперь будь, что будетъ, Богъ простилъ ему его грѣхъ молодости и помогъ ему. Онъ прислушался къ спокойному, ровному дыханію маленькаго Габріэля и, полный радости, взглянулъ на маленькое личико, которое порозовѣло во снѣ и выглядѣло такимъ здоровымъ и спокойнымъ, точно съ мальчикомъ никогда ничего и не было.

Потомъ онъ всталъ со скамьи, на которой сидѣлъ, и досталъ изъ ящика кровати большую книгу псалмовъ съ мѣдными застежками. Усѣвшись на прежнемъ мѣстѣ, онъ открылъ книгу и принялся читать псаломъ за псалмомъ протяжно, нараспѣвъ, низкимъ хриплымъ голосомъ. Наконецъ, вѣки его отяжелѣли, руки безсильно упали съ книгой на колѣни. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, раскрылъ глаза и продолжалъ читать: «Вкусивъ яблоко... яблоко... смерти... смерти...» Голова его опрокинулась назадъ и оперлась о край кровати,

пальцы не могли уже удержать книгу, которая соскользнула съ колѣнъ на полъ. Сіюръ Габріэль спалъ съ полуоткрытымъ ртомъ и безсильно повисшими руками.

VII.

Сіюръ Габріэль пріѣхалъ въ городъ, чтобы взять съ собой Олину. Когда онъ позвонилъ въ дверяхъ больницы, его направили въ контору, гдѣ онъ уплатилъ то, что оставалось за уходъ. Потомъ онъ вошелъ въ сѣни и ждалъ тамъ, пока послали за Олиной, которая весь день сидѣла одѣтая и держала въ рукахъ узелокъ съ платьями. При первомъ же взглядѣ Сіюра Габріэля поразило, что она стала такая маленькая и что руки у нея были совсѣмъ такія же, какъ у его матери, когда онъ еще мальчикомъ видѣлъ ее въ гробу.

— Ну, какъ ты?—спросилъ онъ, когда швейцаръ отворилъ имъ дверь и они очутились на улицѣ.

— Ноги прошли,—отвѣтила она,—но я захватила съ собой мази въ бумажку на всякій случай.

— Ну, еще бы—пора. Да и денегъ-то сколько просадили—16 специталеровъ и 32 шиллинга.

— Да, это тебѣ дорого стоило,—кротко отвѣтила Олина.

Сіюръ Габріэль замолчалъ и зашагалъ впередъ, заложивъ руки за спину. Олина плелась за нимъ. Дойдя до угла переулка и набережной, Сіюръ Габріэль остановился.

— Мнѣ нужно купить себѣ крючки,—сказалъ онъ Олинѣ.— Побудь въ лодкѣ, я сейчасъ приду.—Съ этими словами онъ оставилъ ее.

Олина щла дальше медленными шагами. Ей казалось, что къ ногамъ ея привѣшаны свинцовыя гири. Она нѣсколько разъ останавливалась и, казалось, задумывалась, потомъ опять шла дальше. Такъ она добралась до пристани. Она вошла на мостки, перегнулась черезъ перила и увидѣла лодку, въ которой сидѣлъ Іенсъ спиной къ ней. Ею вдругъ овладѣло непреодолимое отвращеніе къ жизни. Она представила себѣ свою избу съ низкой темной комнатой и черной кухонной печкой, въ которой она должна будетъ опять возиться и ворочать горшки день изо дня, все то же и то же, безъ конца. Кругомъ голое болото, свиной хлѣвъ, конюшня,—навозъ и грязь и на дворѣ, и въ домѣ. Эта картина наполнила душу Олины чувствомъ грызущей, томительной тоски. Она оглянулась украдкой по сторонамъ и почти бѣгомъ пустилась назадъ черезъ набережную, завернула налѣво въ переулокъ, вошла въ трактиръ, отыскала Гури, которой и продала одно изъ своихъ платьевъ, заняла у нея

бутылку и купила себѣ водки. Когда она уже стояла подъ лѣстницей и опаражнивала бутылку, она услыхала, какъ кто-то вошелъ въ сѣни, отворилъ дверь трактира и спросилъ ее. Она узнала голосъ Сіюра Габріэля и задрожала всѣмъ тѣломъ. Выждавъ, пока онъ удалится, она вышла изъ своей засады и выглянула въ дверь. Сіюръ Габріэль шагалъ дальше. Олина прошмыгнула внизъ по переулку около самыхъ домовъ и черезъ минуту была въ лодкѣ.

Немного погодя пришелъ и Сіюръ Габріэль. Лицо его было мрачно и озабочено. Не говоря ни слова, онъ отвязалъ лодку и сѣлъ на весла. Олина гребла быстро, въ тактъ и выдержала всю дорогу. Сіюръ Габріэль долженъ былъ убѣдиться, что она не была пьяна.

Около недѣли спустя Сіюръ Габріэль возвращался съ поля послѣ дневной работы. Онъ несъ лопату на плечѣ и держалъ въ рукахъ ведро, наполненное картофельной ботвой для свиней. Іенсъ и Нильсъ плелись позади, волоча за собой по землѣ лопаты.

— Пришла мать?—спросилъ Іенсъ, когда они вошли въ кухню.

Ингеборгъ, накладывавшая къ ужину кашу, дала отрицательный отвѣтъ.

— Какъ бы она опять не нализалась!—пробормоталъ Іенсъ и робко взглянулъ на отца.

— Придержи языкъ!—прикрикнулъ на него отецъ, прошелъ въ комнату и началъ играть съ маленькимъ Габріэлемъ.

Вечеромъ, когда дѣти легли и маленькій Габріэль уже уснулъ, Сіюръ Габріэль сидѣлъ на лавкѣ у стола и крошилъ табакъ въ свою глиняную табакерку, разговаривая вполголоса самъ собой и время отъ времени покачивая головой.

Что если Олина, пролежавъ столько времени въ больницѣ и потративъ на себя столько денегъ, начнетъ опять по-старому, вѣдь, то уже слишкомъ безсовѣстно. Онъ такъ надѣялся, что она одуается. Кажется, у нея былъ на то досугъ, пока она лежала въ больницѣ и только переводила деньги. Сто двадцать два дня по шестнадцати шиллинговъ—это цѣлый капиталъ для бѣднаго крестьянина. Но на нее ничего не дѣйствуетъ. А вѣдь какая она ловкая и работящая, и какая терпѣливая, точно безсловесное животное, а не человѣкъ съ живой душой.

Сіюръ Габріэль схватилъ шапку и выбѣжалъ изъ избы. Онъ не могъ больше терпѣть. Олины нѣтъ уже второй день. Она ушла вчера, когда онъ отдыхалъ послѣ обѣда, и не приходила съ тѣхъ поръ. Онъ прошелъ въ сарай, влѣзъ на сѣновалъ, постоялъ нѣсколько минутъ, оглянулся по сторонамъ, сошелъ внизъ, заглянулъ въ торфяной чуланъ и въ свиной хлѣвъ и пошелъ къ морю.

Цѣлый день собиралась непогода и наконецъ разразилась бурей. Прибой доставалъ до самаго сарая и брызги взлетали высоко въ воздухѣ. Олины не было нигдѣ.

Медленно, съ опущенной головой поплелся Сіюръ Габріэль назадъ. Дѣло неладно. Онъ ясно представлялъ себѣ трупъ Олины, плавающій гдѣ-нибудь въ фіордѣ лицомъ внизъ, какъ она лежала два года тому назадъ въ лодкѣ въ тотъ вечеръ, когда онъ отколотилъ ее. Или, можетъ быть, она свалилась съ уступа скалы, разбилась о камни и лежитъ лицомъ внизъ, — непремѣнно лицомъ внизъ, какъ тогда въ лодкѣ.

Недаромъ Скиперъ у Трэтъ такъ вылъ весь вечеръ прямо на ихъ окно и его нельзя было прогнать ни лаской, ни угрозой. Олина качала головой, и Сіюръ Габріэль видѣлъ по ея лицу, что она думаетъ то же, что и онъ.

Сіюръ Габріэль тяжело вздохнулъ. Можетъ быть, онъ самъ виноватъ тѣмъ, что слишкомъ жестоко обращается съ ней. Если только она вернется домой, она не услышитъ отъ него ни слова, хотя бы она даже не могла держаться на ногахъ.

— Я никогда больше не буду бить ее, клянусь Богомъ,—пробормоталъ онъ, стоя у своей избы и нажимая щеколду двери.

Когда на другое утро Сіюръ Габріэль возвращался съ болота, неся на спинѣ корзину съ торфомъ, онъ увидѣлъ Олину, приближающуюся къ дому. Она шла мелкими, невѣрными шагами, склонивъ на-бокъ голову и держа руки за фартукомъ у самой груди. Безшумно, какъ тѣнь, прошмыгнула она мимо него въ кухню.

Сіюръ Габріэль почувствовалъ, что въ немъ закипаетъ злоба. Невольно сжалъ онъ кулаки и протянулъ руки къ ней, но тотчасъ же вспомнилъ свою клятву и удовольствовался тѣмъ, что сплюнулъ и пробормоталъ:

— А, чтобъ тебѣ!...

Онъ пошелъ за ней въ кухню и высыпалъ торфъ на земляной полъ.

— Гдѣ ты была?

— Въ лавочкѣ, — отвѣтила она, подкладывая топливо подъ котелъ.

— Что ты тамъ дѣлала?

— Соль покупала.

— Два дня?

— Такая была гадкая погода, — пробормотала она и сунула нѣсколько хворостинокъ между кусками торфа;—я не могла идти.

Она нагнулась и начала раздувать огонь.

Сіюръ Габріэль слѣдилъ за ея сверкающими отъ гнѣва глазами.

— Проклятая пьяница! — прошипѣлъ онъ сквозь зубы, вскидывая корзину на плечи съ такою силой, что она затрещала, и вышелъ изъ кухни.

Олина испуганно закрыла лицо обѣими руками, согнулась всѣмъ тѣломъ, повернувшись спиной къ Сіюру Габріэлю, и подняла плечи въ ожиданіи ударовъ. Услыхавъ, какъ хлопнула входная дверь, она обернулась и не хотѣла вѣрить своимъ глазамъ. Но она скоро убѣдилась, что Сіюръ Габріэль дѣйствительно ушелъ, не побивъ ея. Это неожиданное событіе такъ потрясло ее, что она сѣла на низкую лежанку, закрыла лицо своимъ грубымъ полосатымъ передникомъ и разразилась судорожными всхлипываніями.

Немного погодя она встала и, опершись одной ногой на лежанку, начала мѣшать кипящую воду и засыпать ее овсяной крупой. Руки ея сильно дрожали, и она просыпала крупу всякій разъ, какъ брала горсть изъ деревянной чашки, подвѣшанной къ трубѣ. Въ головѣ шумѣло, въ вискахъ стучало, и каждую минуту казалось, что сердце мѣняетъ мѣсто.

— А я ужъ и не надѣялась увидѣть мать, — услыхала вдругъ Олина насмѣшливый голосъ. Она оглянулась и увидѣла Ингеборгъ, которая стояла посреди кухни, опершись руками въ бока и съ вызывающей усмѣшкой вокругъ рта.

Олина не отвѣчала и продолжала тереть кашу безсильнымъ машинальнымъ движеніемъ.

— Пусти меня! — крикнула Ингеборгъ. — Если я могу дѣлать все другое, то и съ этимъ справлюсь.

Она выхватила у матери ложку.

— Убирайся! — крикнула Олина и хотѣла взять ложку назадъ.

— Ужъ гдѣ тебѣ работать! Поди-ка лучше проспись, пока не вернулся отецъ.

— Ты будешь учить свою мать! Ахъ ты негодная! — И прежде, чѣмъ Ингеборгъ успѣла опомниться, мать схватила ее за плечи и швырнула на полъ. — Ты думаешь, твоя мать такая дрянь, что ты можешь дѣлать съ ней, что хочешь! Смотри ты! Погоди! — Олина бросилась къ ней съ поднятыми руками. — Ты должна уважать свою мать! Слышишь ты, дьяволъ!

— Какъ не уважать, когда она налижется какъ свинья! — Ингеборгъ не успѣла договорить, какъ звонкая пощечина полетѣла ей въ лицо. — Надо еще подумать, какая такая мать, — продолжала она, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Смотри ты, чтобы не взбѣсить меня! — прошипѣла Олина, стуча отъ злости зубами.

Ингеборгъ гордо выпрямилась и вышла изъ кухни, но тотчасъ же просунула голову въ дверь и крикнула насмѣшливымъ тономъ:

— Смотри, чтобъ опять не попала въ кашу селедочная чешуя, когда ты побывала въ городѣ. Отецъ совсѣмъ изъ себя вышелъ.

— О, Боже мой Іисусе Христе! — простонала Олина, всплескивая руками и простирая ихъ впередъ. Она вся сжалась, опустила голову, безпомощно уставилась полуоткрытыми глазами въ одну точку и плотно сжала губы. Она простояла такъ нѣсколько минутъ, но потомъ постепенно овладѣла собой, размѣшала кашу, сняла котелъ съ огня, перелила содержимое въ чашку и отнесла на столъ.

VIII.

Годы шли, и обитатели Гелленскаго Болота продолжали биться въ потѣ лица зиму и весну, лѣто и осень. Олина пила, Сіюръ Габріэль работалъ, только волосы его сѣдѣли, да спина сгибалась все больше и больше. Іенсъ и Ингеборгъ нанялись въ услуженіе, каждый по своему дѣлу. Крошка Адна и Нильсъ заступили ихъ мѣсто въ домашней работѣ. Въ остальномъ не было замѣтно никакихъ перемѣнъ.

Между тѣмъ маленькому Габріэлю минуло шесть лѣтъ. Когда Сіюръ Габріэль возвращался домой съ рыбной ловли или изъ города, ребенокъ бѣжалъ ему навстрѣчу, хваталъ его за ноги, вѣшался и требовалъ, чтобъ отецъ непремѣнно поднялъ его и посадилъ къ себѣ на плечо или перевернулъ его въ воздухѣ черезъ голову. Если маленькій Габріэль почему-нибудь не сразу попадался на глаза, отцомъ овладѣвалъ страхъ, и онъ почти не смѣлъ спросить, гдѣ мальчикъ.

Лѣтомъ Сіюръ Габріэль бралъ его съ собой въ поле. Они шли за руку, и маленькій Габріэль несъ черезъ плечо крошечныя грабли, которыя сдѣлалъ ему отецъ. Онъ сгребалъ ими маленькія копны, и отецъ хвалилъ его и называлъ ловкимъ малымъ. Онъ помогалъ отцу ворошить сѣно, и Сіюръ Габріэль долженъ былъ потомъ изловчаться, чтобы мальчикъ не замѣтилъ, какъ онъ передѣлывалъ его работу. На покосѣ онъ шелъ за отцомъ и размахивалъ деревянной косой, вздыхая и выбиваясь изъ силъ. Онъ воображалъ, что дѣйствительно коситъ траву, и ежеминутно требовалъ одобренія. Въ маленькой тачкѣ возилъ онъ торфъ съ болота и шерсть съ поля, когда осенью стригли овецъ, и всегда рядомъ съ отцомъ.

По воскресеньямъ, когда они ѣхали въ лодкѣ въ церковь, онъ помогалъ отцу грести, подталкивая его весла. А въ дурную погоду сидѣлъ на днѣ лодки у его ногъ и все время болталъ и задавалъ вопросы, на которые получалъ одни кивки и односложные отвѣты. Нильсъ и Магнъ гребли въ серьезъ, молчаливые, сосредоточенные. На кормѣ сидѣла крошка Адна и иногда Олина, которая, впрочемъ, все рѣже и рѣже ѣздила въ церковь. И Сіюру Габріэлю, и дѣтямъ было стыдно показываться съ нею на люди. Они хорошо знали, что всему городу извѣстенъ ея позоръ. Сіюру Габріэлю не разъ приходилось вести упорную борьбу съ самимъ собою въ этомъ отношеніи. Онъ чувствовалъ, что у него на совѣсти лежитъ камень. Если кому необходимо идти въ церковь, такъ это, конечно, Олинѣ, и кто знаетъ, не западетъ ли ей въ одинъ прекрасный день слово Божье въ душу, и не заставитъ ли оно ее измѣниться. Сама Олина не говорила ничего, но, повидимому, охотнѣе оставалась дома.

Въ церкви маленькій Габріэль сидѣлъ у отца на колѣняхъ и крѣпко спалъ, уткнувшись головою въ его пиджакъ.

Ѣлъ онъ тоже всегда у отца на колѣняхъ. Сіюръ Габріэль кормилъ его изъ своей ложки.

— Вотъ папѣ, а вотъ маленькому Габріэлю,—все время приговаривалъ мальчикъ и внимательно слѣдилъ, чтобы отецъ не ошибся. Если Сіюръ Габріэль нарочно, чтобы подразнить его, бралъ себѣ подъ рядъ двѣ ложки, мальчикъ кричалъ и дергалъ отца за бороду. Сіюръ Габріэль дѣлалъ видъ, что боится, и спѣшилъ дать рабенку, смѣясь про себя.

То, что мать искала въ водкѣ, отецъ находилъ въ маленькомъ Габріэлѣ. Для него онъ работалъ, къ нему стремился всей душою. Какъ бы убитъ и разстроенъ онъ ни былъ, одинъ видъ ребенка облегчалъ всегда его сердце и успокоивалъ душу. Этотъ блѣдненькій, кудрявый мальчикъ съ большою головой и худенькимъ тѣльцемъ вносилъ смыслъ въ его трудъ и смягчалъ его тяжелую жизнь.

Однажды Сіюръ Габріэль былъ въ хлѣву и торговался съ рыбакомъ, которому хотѣлъ продать двухъ поросятъ. Онъ держалъ за руку маленькаго Габріэля, у котораго шея была укутана зеленымъ шерстянымъ шарфомъ. Майскіе вечера были сырые и холодные, несмотря на яркіе солнечные дни, и мальчикъ охрипъ съ прошлой ночи.

Рыбакъ былъ не совсѣмъ трезвъ. Ему показалось, что Сіюръ Габріэль назначаетъ слишкомъ высокую цѣну, и онъ потрясъ

его полушутя, полусердясь за плечи и подтолкнулъ колѣномъ. Маленькій Габріэль вспыхнулъ, подлетѣлъ къ рыбаку и началъ бить его кулаками куда попало, доставая только до пояса. Крестьянинъ покатывался со смѣху. Сіюръ Габріэль долженъ былъ силой оторвать ребенка. Онъ горько расплакался и уткнулся лицомъ въ куртку отца. Сіюра Габріэля испугалъ необыкновенный звукъ, вырвавшійся изъ горла мальчика. Голосъ былъ такой сдавленный и хриплый, точно выходилъ изъ заржавленной трубы. Никогда прежде не слыхалъ онъ такого ужаснаго хрипа. Онъ взялъ мальчика на руки и отнесъ его въ комнату. Онъ чувствовалъ, что дѣло не ладно.

Воздухъ въ комнатѣ былъ спертый, пропитанный тяжелымъ запахомъ торфа. Отецъ попросилъ крошку Адну подтопить печку, чтобы маленькому Габріэлю не было холодно. Но вѣтеръ дулъ въ трубу и выносилъ дымъ и пепелъ черезъ заслонку. Сіюръ Габріэль накормилъ сына и уложилъ его въ свою постель.

Ночью Сіюру Габріэлю снилось, что онъ качаетъ насосъ, который не хочетъ набирать воду. Онъ старался изо всѣхъ силъ, но насосъ только свистѣлъ и шипѣлъ, точно въ немъ былъ спрятанъ человѣкъ, который стоналъ отчаяннымъ голосомъ. Наконецъ онъ проснулся. Ой, что за хрипъ и одышка? откуда это? Ахъ, да вѣдь это горлышко маленькаго Габріэля «хрипитъ»: это—простуда. Но почему же такъ больно, такъ мучительно слушать этотъ хрипъ? Если къ утру не будетъ лучше, пожалуй, надо будетъ натереть его теплымъ свѣчнымъ саломъ.

Вдругъ маленькій Габріэль вскинулъ ручонками. Дыханіе его прервалось. Онъ быстро вскочилъ и дернулъ шерстяной шарфъ, которымъ было обвязано горло.

Отецъ уговаривалъ его; но ребенокъ метался, извивался и махалъ правой рукой, точно желая побить кого-то. Казалось, онъ боролся съ чѣмъ-то невидимымъ. Наконецъ онъ успокоился, позволилъ уложить себя на подушку и снова заснулъ.

Сіюръ Габріэль покосился на Олину, которая лежала плотно прижавшись лицомъ къ стѣнѣ и спала какъ сурокъ. «Какое же у нея материнское сердце, если она можетъ такъ спокойно спать»,— подумалъ онъ, укладываясь снова. Онъ не могъ уснуть. Онъ постоянно прислушивался къ хриплому свистящему стону, вырывавшемуся съ каждымъ вздохомъ изъ горлышка ребенка. Наконецъ, Сіюръ Габріэлю начало казаться, что этотъ звукъ похожъ на похоронный звонъ церковнаго колокола.

На слѣдующій день маленькій Габріэль не пошелъ съ отцомъ

въ поле. Когда Сіюръ Габріэль вернулся домой къ завтраку, мальчикъ подошелъ къ нему, протянулъ ручки и сказалъ:

— Маленькій Габріэль усталъ, хочетъ спать.

Послѣ обѣда ему стало хуже. Онъ лежалъ на спинѣ и не двигался. Хрипъ въ горлѣ перешелъ въ сухой, рѣзкій свистъ. Вдругъ изъ груди его вырвался сдавленный, протяжный крикъ, потомъ все опять стихло. Крошка Адна, стоявшая у постели брата, такъ испугалась, что бросилась изъ комнаты и побѣжала за отцомъ. Прошло около двадцати минутъ прежде, чѣмъ она привела его, хотя они бѣжали всю дорогу и совсѣмъ запыхались.

Когда Сіюръ Габріэль вошелъ въ комнату и увидѣлъ ребенка, его точно кольнуло въ сердце. Онъ невольно отступилъ назадъ, и свинцовая блѣдность разлилась по его лицу; колѣни его дрожали, онъ едва держался на ногахъ. Трудно было узнать маленькаго Габріэля, такъ онъ измѣнился за эти два-три часа. Осунувшіяся черты лица, хрипъ, похожій на крикъ птицы, обрѣзавшіеся глаза, маленькій заострившійся носъ и это мученическое страдальческое выраженіе,—о, какъ моментально врѣзалось все это въ память отца и какъ сжалось его сердце!

Какъ лунатикъ поплелся онъ къ постели и нагнулся надъ мальчикомъ. «Что такое сдѣлалось съ моимъ Габріэлемъ?» —пробормоталъ онъ дрожащими губами. И горячая слеза скатилась на лобикъ ребенка. Онъ поднялъ на отца глаза и посмотрѣлъ на него съ такимъ нѣжнымъ и безпомощнымъ выраженіемъ, что у Сіюра Габріэля защемило сердце.

Маленькій Габріэль попробовалъ поднять руку. Она два раза упала назадъ. Наконецъ ему удалось поднять ее, и онъ схватилъ своими маленькими, горячими пальцами руку отца, поднесъ ее къ губамъ и поцѣловалъ.

Сіюръ Габріэль упалъ на колѣни, прислонился лицомъ къ краю кровати и долго лежалъ такъ, не издавая ни звука. Потомъ онъ всталъ и снова нагнулся надъ мальчикомъ. Въ эту минуту съ маленькимъ Габріэлемъ повторился припадокъ, который въ первый разъ такъ напугалъ крошку Адну. Теперь онъ былъ еще сильнѣе и продолжительнѣе. Сіюръ Габріэль страдалъ, ему казалось, что ребенокъ перестаетъ дышать.

Когда припадокъ прошелъ, Сіюръ Габріэль вскочилъ и сорвалъ со стѣны свою морскую куртку.

— Я побѣгу въ городъ за докторомъ,—сказалъ онъ.—Смотри за мальчикомъ.

Нильсъ и Магнъ, вернувшіеся съ поля, стояли въ ногахъ по-

стели и испуганно смотрѣли на брата. Отецъ крикнулъ имъ не терять времени. Они схватили шапки и выбѣжали за нимъ.

IX.

Когда Сіюръ Габріэль приближался къ городу, было семь часовъ. Онъ подплылъ къ крѣпостному мосту, потому что окружной докторъ, за которымъ онъ долженъ былъ отправиться, жилъ въ этой части. Во весь путь онъ не проронилъ ни слова и такъ гребъ, что брызги обдавали всю лодку. Нильсъ и Магнъ, съ своей стороны, дѣлали все, что могли. Когда они сложили весла, по лицамъ ихъ струился потъ.

Сіюру Габріэлю не посчастливилось. Окружной докторъ уѣхалъ, а другой, къ которому его направили на верхнюю улицу, былъ въ засѣданіи. Поэтому онъ пошелъ къ третьему, который жилъ на базарной площади. Нѣтъ дома. Четвертый уѣхалъ на практику. Пятый былъ старъ и слабъ и не рѣшался ѣхать моремъ такъ поздно вечеромъ. И все они допрашивали Сіюра Габріэля, почему онъ не обратился къ окружному доктору Педерсену, который обязанъ ѣздить.

Сіюръ Габріэль терялъ голову отъ отчаянія. Ему все казалось, что онъ слышитъ хриплое дыханіе маленькаго Габріэля. Въ груди у него ныло и щемило, въ горлѣ пересохло, на языкѣ былъ точно насыпанъ песокъ.

У шестого доктора его провели въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ онъ очутился передъ человѣкомъ, который сидѣлъ къ нему спиною и, нагнувшись надъ столомъ, писалъ что-то при свѣтѣ двухъ свѣчей. Сіюру Габріэлю показалось, что прошла цѣлая вѣчность прежде, чѣмъ докторъ оторвался отъ своей работы, повернулся на стулѣ въ полоборота и спросилъ, что надо.

Сіюръ Габріэль объяснилъ свою просьбу.

— Гм...—сказалъ докторъ, не бросая пера,—далеко; уже девять часовъ.

— Ты получишь специталеръ,—сказалъ Сіюръ Габріэль, продолжавшій стоять у двери.

— Талеръ? Знаешь ли, мой милый, за такую прогулку въ открытой лодкѣ нѣтъ надлежащей платы.

— Ты получишь два, только поѣдемъ скорѣе.

— Почему ты не обратился къ Педерсену,—окружному доктору Педерсену? Вѣдь онъ долженъ ѣздить на окраины.

Сіюръ Габріэль разсказалъ, что Педерсенъ уѣхалъ, и что это уже шестое мѣсто, куда его посылали, и закончилъ словами:

— Ты получишь два талера и шестьдесятъ шиллинговъ,—это все, что я имѣю, только поѣдемъ сейчасъ же.

Докторъ отложилъ перо и всталъ.

— Да ужъ ничего не остается, если такъ... чортъ возьми... Который часъ?... гдѣ твоя лодка?

— Въ корабельной бухтѣ.

— Боже сохрани меня! Въ корабельной бухтѣ! Я никогда ничего подобнаго не слыхалъ. Почему же ты не останавливаешься у пристани, если хочешь везти порядочныхъ людей? Тащиться до корабельной бухты!

Среди такихъ восклицаній; произносимыхъ вполголоса, докторъ перемѣнилъ туфли на сапоги и натянулъ на себя пальто.

— Хрипъ въ горлѣ, говоришь ты, затрудненное дыханіе?...— Онъ выдвинулъ ящикъ стола, досталъ изъ него что-то и положилъ въ карманъ. Потомъ онъ сунулъ туда же пузырекъ съ лѣкарствомъ, взялъ шляпу и сказалъ Сіюру Габріэлю, чтобъ онъ отыскалъ входную дверь, пока горитъ свѣча.

Они вышли на улицу. Вечеръ былъ прекрасный, небо безоблачное, и спускающіяся сумерки еще не совсѣмъ побѣдили исчезающій дневной свѣтъ. Они шли молча, — Сіюръ Габріэль впереди, большими шагами, почти бѣгомъ. Каждую минуту онъ оборачивался и смотрѣлъ на доктора, который съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ и умолялъ Сіюра Габріэля дать передохнуть.

Въ лодкѣ они нашли Нильса и Магна спящими,—одинъ сидѣлъ на лавочкѣ, скорчившись и спрятавъ голову въ рукахъ, другой лежалъ сзади.

Сіюръ Габріэль крикнулъ имъ, чтобъ они садились на весла, и черезъ минуту лодка отчалила.

Сіюръ Габріэль гребъ изо всѣхъ силъ. Всякій разъ, какъ докторъ, сидѣвшій напротивъ, зажигалъ спичку, чтобы закурить трубку, онъ видѣлъ передъ собой темнокрасное лицо и широко раскрытые, сверкающіе глаза. Онъ началъ подробнѣе разспрашивать о болѣзни ребенка, сколько времени она продолжается и какъ идетъ.

— Похоже, что это крупъ,—сказалъ онъ, когда Сіюръ Габріэль отвѣтилъ на всѣ вопросы, и подумалъ про себя: — «а мальчику, видно, капутъ».

— Онъ не кашляетъ,—проговорилъ Сіюръ Габріэль.

— Въ крупѣ и не кашляютъ,—отвѣтилъ докторъ.

— Опасна эта болѣзнь?—спросилъ Сіюръ Габріэль.

— Да, это прескверная болѣзнь!—воскликнулъ докторъ.

Сіюръ Габріэль помолчалъ нѣсколько минутъ:

— Ты не думаешь, что можно помочь моему мальчику? — съ трудомъ сорвалось съ его высохшихъ губъ.

— Посмотримъ, мой милый, посмотримъ, что можетъ сдѣлать кровопусканіе.

Потомъ они не обмѣнялись ни словомъ. Молча присталъ Сіюръ Габріэль къ сараю Гелленскаго Болота, знаками велѣлъ Нильсу привязать лодку и поспѣшилъ вверхъ по камнямъ. Докторъ, понявшій изъ отвѣтовъ Сіюра Габріэля, что дѣло было опасно, напрягался изъ послѣднихъ силъ, чтобы не отставать. Когда они были шагахъ въ десяти отъ дома, страшный крикъ донесся до ихъ слуха.

— Что это такое?—спросилъ пораженный докторъ. Сіюръ Габріэлъ шелъ впередъ, не отвѣчая. Грудь его давило, горло сжималось, въ глазахъ потемнѣло, ему казалось, что онъ задыхается.

Въ открытыхъ дверяхъ кухни стояла крошка Адна и плакала. Не говоря ни слова, она уступила дорогу отцу и доктору.

Въ комнатѣ сидѣла Олина. Она раскачивалась всѣмъ корпусомъ и дергала свой фартукъ. На столѣ горѣла сальная свѣча, вставленная въ бутылку. Докторъ взялъ свѣчу, подошелъ къ кровати и взглянулъ на ребенка, который лежалъ неподвижно и тяжело дышалъ, высоко поднимая грудь. Онъ протянулъ свѣчу Сіюру Габріэлю, попросилъ посвѣтить и началъ щупать руки и ноги ребенка, потомъ приподнялъ вѣко на глазу, чтобы посмотрѣть зрачокъ.

— Ничего нельзя сдѣлать,—тихо сказалъ онъ, выпрямляясь.

Въ эту минуту изъ горла маленькаго Габріэля вырвался прежній хриплый крикъ, но еще сильнѣе, рѣзче, продолжительнѣе и перешелъ въ раздирающій душу стонъ. Олина схватилась за голову. Докторъ нагнулся надъ ребенкомъ.

— Ты не можешь помочь моему мальчику? — спросилъ Сіюръ Габріэль, стоя неподвижно какъ столбъ и держа свѣчу въ вытянутой рукѣ.

— Здѣсь никто не можетъ помочь, — мрачно отвѣтилъ докторъ. — Скоро все кончится.

Сіюръ Габріэль передалъ свѣчу Олинѣ.

— Давно начались эти крики? — спросилъ докторъ.

— Уже нѣсколько часовъ, — сказала Олина, — и все хуже и хуже съ каждымъ разомъ.

Сіюръ Габріэль нагнулся надъ сыномъ, который дышалъ все слабѣе и слабѣе. Вдругъ маленькій Габріэль протянулъ ручонки, обхватилъ шею отца и посмотрѣлъ на него сознательнымъ, страдальческимъ, испуганнымъ взглядомъ. Но тутъ изъ груди его снова вырвался прежній крикъ. Онъ вытянулся, сдвинулъ пятки, при-

поднялъ вверхъ грудь, метнулся въ сторону и упалъ навзничъ, закативъ глаза. Онъ полежалъ немного, чуть слышно дыша, потомъ глаза его широко открылись, зрачки безпокойно забѣгали. Онъ вздохнулъ долгимъ, свистящимъ вздохомъ, судорожная дрожь подернула мускулы лица и пробѣжала по всему тѣлу. Онъ вытянулся и остался неподвиженъ.

Докторъ дотронулся указательнымъ пальцемъ до вѣкъ, закрылъ глаза и сдвинулъ челюсти рта.

— Кончено, — сказалъ онъ и отошелъ отъ кровати.

Сіюръ Габріэль сложилъ руки, поднесъ ихъ къ лицу и громко воскликнулъ:

— Ну, слава тебѣ, Боже!

Въ эту минуту онъ думалъ только о томъ, что мальчикъ освобожденъ отъ своихъ ужасныхъ страданій.

Докторъ ушелъ. Онъ не хотѣлъ брать денегъ. Олина и Нильсъ пошли съ нимъ, чтобъ отвезти его въ городъ. Крошка Адна и Магнъ плакали до тѣхъ поръ, пока уснули. Сіюръ Габріэль сидѣлъ передъ постелью и смотрѣлъ на маленькаго Габріэля. Онъ обмылъ мальчику лицо и руки теплой водой, надѣлъ на него чистую рубашку и сложилъ руки на груди.

Онъ все сидѣлъ и смотрѣлъ на ребенка. Смутно поднималась въ головѣ мысль, что когда схоронятъ маленькаго Габріэля, онъ поѣдетъ одинъ въ городъ, купитъ себѣ бутылку водки, отплыветъ на середину фіорда, гдѣ глубже всего, навяжетъ на себя большой, тяжелый камень, разомъ опорожнитъ бутылку и бросится за бортъ. Онъ не принималъ опредѣленнаго рѣшенія на этотъ счетъ, но эта мысль, все-таки, дѣйствовала на него притупляющимъ образомъ.

Что-то особенное происходило съ нимъ въ эту минуту. Онъ уже не сознавалъ, что маленькій Габріэль умеръ. Ему казалось, что теперь была та самая ночь, семь лѣтъ тому назадъ, когда съ мальчикомъ были судороги, и онъ спасъ его теплой ванной. Вотъ маленькій Габріэль задремалъ, вотъ сейчасъ повторится припадокъ, надо будетъ принести ушатъ съ теплой водой и окунуть туда ребенка въ одеждѣ — и все пройдетъ, и мальчикъ опять будетъ бодръ. Теплая вода стоитъ на-готовѣ въ печкѣ, ушатъ опрокинутъ подъ кухоннымъ столомъ, и какъ только мальчикъ зашевелится, Сіюръ Габріэль побѣжитъ за водой. Онъ сидѣлъ и ждалъ часъ за часомъ.

Свѣча догорѣла и погасла. Сіюръ Габріэль не замѣтилъ этого.

День уже давно началъ заниматься. Онъ сидѣлъ все въ томъ же положенiи, когда Олина и Нильсъ вернулись изъ города.

Олина подошла къ постели, посмотрѣла на маленькаго Габрiэля, опустила голову, закрыла лицо руками и разразилась слезами.

— Вотъ оно, наказанiе за мою грѣшную жизнь! — прошептала она.

Только тогда Сiюръ Габрiэль пришелъ въ себя. Онъ оглянулся, провелъ рукой по волосамъ и вспомнилъ все.

Въ тотъ же день, какъ схоронили маленькаго Габрiэля, Сiюръ Габрiэль поѣхалъ въ городъ. Поздно вечеромъ, возвращаясь домой, онъ вышелъ изъ лодки, не привязавъ ее. Качаясь и распѣвая псалмы, взбирался онъ по камнямъ съ неполной бутылкой подъ мышкой. Онъ часто останавливался и подносилъ бутылку ко рту. Утромъ Олина нашла его спящимъ въ кухнѣ на полу, головой подъ печкой.

Съ этого дня въ Гелленскомъ Болотѣ пили и мужъ, и жена.

О. А.

КРЕСТОНОСЦЫ*).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

VIII.

Старый владѣлецъ Богданьца не ошибался, когда говорилъ, что Збышко и Ягенка съ удовольствіемъ проводятъ время вдвоемъ и даже скучаютъ другъ безъ друга. Ягенка подъ предлогомъ присмотра за больнымъ Мацькомъ часто пріѣзжала въ Богданецъ, съ отцомъ или одна, Збышко изъ благодарности также отъ времени до времени наѣзжалъ въ Згожелицы, такъ что съ теченіемъ времени между нимъ и молодою дѣвушкой образовались близкія и дружескія отношенія. Они привязывались другъ къ другу и бесѣдовали обо всемъ, что могло касаться ихъ. Къ этой дружбѣ примѣшивалось отчасти и взаимное удивленіе. Молодой и красивый Збышко, который уже и на войнѣ прославился, и въ турнирахъ принималъ участіе, и въ королевскихъ покояхъ бывалъ, казался Ягенкѣ, въ сравненіи съ какимъ - нибудь Чтаномъ изъ Рогова или Вилькомъ изъ Бжозовой, настоящимъ придворнымъ рыцаремъ, чуть не королевичемъ, а Збышко порою никакъ не могъ надивиться красотѣ дѣвушки. Вѣрный своей Данусѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, иногда говорилъ себѣ: «Эхъ, настоящая лань!»—а когда подсаживалъ ее на лошадь и ощущалъ подъ своею ладонью ея крѣпкое, словно изсѣченное изъ камня, тѣло, то его охватывало какое-то безпокойство, по кожѣ пробѣгали мурашки, точно его клонило ко сну.

Ягенка, по натурѣ рѣзкая, склонная къ насмѣшливости и даже къ нападкамъ на другихъ, все болѣе и болѣе смирялась передъ Збышкомъ, какъ слуга, который такъ и смотритъ въ глаза госпо-

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 97 г.

дину, чѣмъ бы услужить и угодить ему. Збышко понималъ эту привязанность, былъ признателенъ за нее, ему это доставляло большое удовольствіе. Въ концѣ концовъ, въ особенности съ того времени, какъ Мацько началъ пить медвѣжье сало, они видѣлись чуть не ежедневно, а когда здоровье стараго рыцаря пошло на поправку, собрались вмѣстѣ на бобровую охоту.

Они взяли луки, сѣли на коней и поѣхали сначала въ Мочидолы, которые шли въ приданое за Ягенкой, а потомъ въ лѣсъ, гдѣ и оставили лошадей на попеченіе слугъ. Дальше пришлось идти пѣшкомъ,—черезъ заросли и мочежины трудно было проѣхать. По дорогѣ Ягенка указала рукою на синюю ленту лѣса, тянущуюся за широкимъ лугомъ, и сказала:

— Это боръ Чтана изъ Рогова.

— Того, кто хочетъ взять тебя замужъ?

Ягенка разсмѣялась.

— Взялъ бы, еслибъ я далась.

— Тебѣ легко защищаться при помощи Вилька; я слышалъ, онъ на Чтана зубы скалитъ. И странно мнѣ, что они не вызвали другъ друга на смертный бой.

— Тятя, когда уѣзжалъ на войну, сказалъ имъ такъ: «Если вы подеретесь, то я васъ на глаза къ себѣ не пущу». Что-жъ имъ оставалось дѣлать? Когда они бываютъ въ Згожелицахъ, то сопятъ другъ на друга, а потомъ вмѣстѣ пьютъ въ Кшесненской корчмѣ, пока не свалятся съ лавки.

— Глупы они.

— Почему глупы?

— Когда Зыха не было дома, одинъ или другой долженъ былъ напасть на Згожелицы и взять тебя насильно. Что сдѣлалъ бы Зыхъ, когда вернулся бы домой и увидалъ тебя съ ребенкомъ на рукахъ?

Синіе глаза Ягенки заискрились.

— Ты думаешь, я такъ и далась бы? Развѣ въ Згожелицахъ нѣтъ людей, развѣ я не умѣю взяться за копье или за лукъ? Пусть попробовали бы! Я не только прогнала бы ихъ, но и сама напала бы на Роговъ или Бжозову. Тятя зналъ, что спокойно можетъ идти на войну.

Она такъ нахмурила свои красивыя брови и начала такъ грозно потрясать лукомъ, что Збышко расхохотался и сказалъ:

— Ну, тебѣ бы рыцаремъ быть, а не женщиной.

Ягенка успокоилась и отвѣтила:

— Чтанъ оберегалъ меня отъ Вилька, а Вилькъ отъ Чтана.

Наконецъ, я была подъ защитой аббата, а аббата лучше никому не затрогивать...

— Эка!—сказалъ Збышко,—здѣсь всѣ боятся аббата. А я,—клянусь святымъ Георгіемъ, что говорю тебѣ правду,—не побоялся бы ни аббата, ни Зыха, ни згожелицкихъ поселенцевъ, ни тебя... И взялъ бы я тебя...

Ягенка остановилась и, поднявъ глаза на Збышка, спросила какимъ-то страннымъ, мягкимъ и протяжнымъ голосомъ:

— Взялъ бы?...

Губы ея раскрылись; она раскраснѣлась, какъ заря, и ждала отвѣта.

Но Збышко, очевидно, думалъ только о томъ, что̀ сдѣлалъ бы на мѣстѣ Чтана или Вилька, потому что тряхнулъ своею русою головой и проговорилъ:

— Зачѣмъ дѣвушкѣ воевать съ парнями, коли ей нужно замужъ? Развѣ третій кто-нибудь явится? Одного изъ нихъ ты должна будешь выбрать, а то какъ же иначе?

— Ты мнѣ этого не говори,—грустно отвѣтила дѣвушка.

— Отчего? Я здѣсь давно не былъ и не знаю, есть ли тутъ около Згожелицъ тотъ, кто тебѣ больше всѣхъ по душѣ?

— Оставь меня!—сказала Ягенка.

Они пошли молча, пробираясь сквозь густую чащу деревьевъ и кустарниковъ, опутанныхъ дикимъ хмѣлемъ. Збышко шелъ впереди, разрывая зеленыя плети и ломая выдающіяся вѣтки, Ягенка, съ лукомъ за плечами, слѣдовала за нимъ, какъ какая-нибудь богиня, покровительница охоты.

— За этой чащей будетъ глубокій ручей, но я знаю бродъ,—сказала она.

Дѣйствительно, они вскорѣ подошли къ ручью. Ягенка, хорошо знакомая съ мочидольскими лѣсами, легко отыскала бродъ, но оказалось, что вода въ ручейкѣ отъ послѣднихъ дождей прибыла и достигала теперь большей глубины. Тогда Збышко, не спрашивая дѣвушку, схватилъ ее на руки.

— Я перешла бы и такъ,—сказала Ягенка.

— Держись за мою шею,—отвѣтилъ Збышко.

Онъ шелъ медленно, на каждомъ шагу ощупывая ногой, нѣтъ ли ямы, а дѣвушка, слѣдуя приказанію, крѣпко прижалась къ нему. Они были уже недалеко отъ другого берега, когда она сказала:

— Збышко!

— А что?

— Я не пойду ни за Чтана, ни за Вилька.

Онъ осторожно опустилъ ее на песокъ и сказалъ немного взволнованнымъ голосомъ:

— Пошли тебѣ Богъ самаго лучшаго человѣка! Онъ не будетъ каяться.

До Одстайнаго озерка было уже недалеко. Теперь впереди шла Ягенка, отъ времени до времени оборачиваясь назадъ и, приставивъ палецъ къ губамъ, показывала, что надо молчать. Они пробирались межъ лозинъ и старыхъ вербъ по мокрому и низкому грунту. Съ правой стороны долетали птичьи голоса, что въ такое осеннее время казалось Збышку очень страннымъ.

— Вотъ, гдѣ утки зимуютъ, въ озеркѣ вода во время сильныхъ морозовъ замерзаетъ только у берега. Смотри, какъ дымится...

Збышко посмотрѣлъ сквозь вѣтви лозинъ и увидалъ передъ собою клубы пара,—то было Одстайное озерко.

У берега дѣвушка снова приложила палецъ къ губамъ. Она первая тихо вскарабкалась на толстую старую вербу, совершенно наклонившуюся надъ водой. Збышко послѣдовалъ ея примѣру. Долго они лежали, не трогаясь. Передъ ними клубился только туманъ да надъ ихъ головами раздавался жалобный пискъ чаекъ. Наконецъ, подулъ вѣтеръ, зашелестѣлъ лозиной, желтѣющими листьями вербъ и согналъ туманъ съ поверхности озера.

— Не видно?—шепнулъ Збышко.

— Не видно. Тише!...

Черезъ минуту вѣтеръ утихъ, наступила совершенная тишина. Тогда на поверхности воды зачернѣлась одна голова, потомъ другая, наконецъ невдалекѣ отъ Збышка спустился съ берега въ воду большой бобръ со свѣже-срѣзанною вѣткой во рту и поплылъ межъ камышей, поднимая голову кверху и проталкивая вѣтку впередъ. Збышко, лежа на стволѣ ниже Ягенки, вдругъ увидалъ, какъ локоть ея слегка приподнялся, а голова наклонилась впередъ; она, видимо, цѣлилась въ звѣря, который, не подозрѣвая никакой опасности, плылъ теперь по свободному пространству не далѣе, какъ наполовину полета стрѣлы.

Вдругъ тетива лука заворчала и вмѣстѣ съ тѣмъ послышалось восклицаніе Ягенки:

— Готово, готово!

Збышко въ мгновеніе ока вскарабкался выше и посмотрѣлъ сквозь вѣтви на воду: бобръ то нырялъ, то выплывалъ наружу, кувыркаясь и по временамъ показывая брюхо, болѣе свѣтлое, чѣмъ хребетъ.

— Хорошо попало! Скоро угомонится,—сказала Ягенка.

Она угадала, потому что движенія звѣря становились все слабѣе, и вскорѣ онъ всплылъ на поверхность воды, брюхомъ кверху.

— Я пойду за нимъ,—сказалъ Збышко.

— Нѣтъ, не ходи. Здѣсь у берега страшная тина. Кто не знаетъ, какъ надо поступать, тотъ навѣрно утонетъ.

— Такъ какъ же мы его достанемъ?

— Онъ до вечера будетъ уже въ Богданьцѣ. Ты не безпокойся объ этомъ, а намъ пора домой.

— Однако, ты хорошо его подстрѣлила!

— Не перваго.

— Другія женщины боятся и взглянуть на лукъ, а съ тобою хоть цѣлый вѣкъ ходить по лѣсу.

Ягенка, слыша эту похвалу, радостно улыбнулась, но не сказала ничего и повернула на старую дорогу. Збышко началъ ее разспрашивать о бобровыхъ гнѣздахъ, и она разсказала, сколько бобровъ въ Мочидолахъ, сколько въ Згожелицахъ и какъ они играютъ на пригоркахъ и по тропинкамъ.

Вдругъ она ударила себя рукою по лбу и сказала:

— Ахъ, я забыла стрѣлы на вербѣ. Подожди!

И прежде чѣмъ Збышко успѣлъ отвѣтить, что самъ пойдетъ за стрѣлами, она умчалась, какъ серна, и черезъ минуту исчезла изъ его глазъ. Збышко ждалъ-ждалъ и, наконецъ, началъ удивляться, почему ея такъ долго нѣтъ.

— Развѣ что потеряла стрѣлы и ищетъ ихъ,—сказалъ онъ самому себѣ,—пойду посмотрю, что съ ней.

Но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ Ягенка появилась передъ нимъ со смѣющимся, румянымъ лицомъ, съ лукомъ въ рукѣ и съ бобромъ за плечами.

— Побойся ты Бога!—воскликнулъ Збышко,—какъ ты его достала?

— Какъ? влѣзла въ воду и больше ничего: мнѣ не въ первый разъ, а тебя я не хотѣла пускать, потому что кто не знаетъ какъ плавать, того тина засосетъ какъ разъ.

— А я здѣсь ждалъ тебя, какъ дуракъ. Хитрая ты!

— Какъ же быть? Раздѣваться мнѣ при тебѣ, что ли?

— Такъ ты и стрѣлы не забывала?

— Нѣтъ. Я только хотѣла отвести тебя отъ берега.

— Ну, еслибъ я пошелъ за тобою, вотъ бы насмотрѣлся! Было бы чему дивиться. Да я ужъ и собирался.

Ягенка желала перемѣнить разговоръ и сказала:

— Выжми мнѣ косу, она измочила мнѣ всю спину.

Збышко взялъ въ руки ея косу и сказалъ:

— Лучше расплести,—вѣтеръ сейчасъ просушитъ волосы.

Но Ягенка не согласилась,—волосы стали бы цѣпляться за придорожные кусты.

— Теперь Мацько скоро выздоровѣетъ, потому что противъ ранъ ничего лучше, какъ медвѣжье сало внутрь, а бобровый жиръ снаружи. Черезъ какихъ-нибудь двѣ недѣли будетъ садиться на коня.

— Пошли ему Богъ!—отвѣтилъ Збышко.—Я жду этого, какъ избавленія: уѣхать отъ больного никакъ нельзя, а здѣсь сидѣть тяжело.

— Тяжело здѣсь сидѣть?—спросила Ягенка,—почему?

— Значитъ, Зыхъ ничего не говорилъ тебѣ про Данусю?

— Что-то говорилъ... Помню!... она тебя повязкой покрыла... помню! Тятя говорилъ также, что всякій рыцарь клянется сдѣлать что-нибудь для своей дамы... Но онъ говорилъ, что это ничего не значитъ, — такая ужъ служба... иные и женятся, а тоже какой-нибудь дамѣ служатъ. А эта Дануся, что она такое, Збышко? разскажи, что она такое?

Она приблизилась къ нему и съ безпокойствомъ заглянула ему въ лицо. Збышко не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на ея тревожный голосъ и взглядъ и отвѣтилъ:

— Она не только моя госпожа, но и любовь моя. Я не говорю этого никому, но тебѣ скажу, какъ сестрѣ, потому что мы знаемъ другъ друга съ малыхъ лѣтъ. Я пошелъ бы за нею за тридевять земель, въ тридесятое государство, хоть къ нѣмцамъ, хоть къ татарамъ, потому что такой нѣтъ на всемъ свѣтѣ. Пусть дядька сидитъ въ Богданьцѣ, а я поѣду къ ней... Что мнѣ безъ нея Богданецъ, стада, лѣса, всѣ богатства аббата? Сяду себѣ на коня и поѣду, и, Богъ свидѣтель, или сдѣлаю то, что обѣщалъ ей, или сложу свою голову.

— Я не знала этого...—глухо отвѣтила Ягенка.

Збышко началъ разсказывать, какъ онъ познакомился съ Данусей въ Тыньцѣ, какъ тотчасъ же принесъ ей обѣтъ, и все, что случилось потомъ,—свое пребываніе въ тюрьмѣ, спасеніе, которое онъ получилъ изъ рукъ Дануси, отказъ Юранда, разставанье, свое горе и, наконецъ, радость, что послѣ выздоровленія Мацька ему можно будетъ ѣхать къ своей возлюбленной и исполнить свой обѣтъ... Остановился онъ только при видѣ слуги, который ждалъ ихъ съ лошадьми на опушкѣ лѣса.

Ягенка тотчасъ же сѣла на коня и стала прощаться со Збышкомъ.

— Пусть слуга съ бобромъ ѣдетъ за тобою, а я возвращусь въ Згожелицы.

— А не въ Богданецъ? Зыхъ у насъ.

— Нѣтъ. Тятя возвратился и мнѣ приказалъ пріѣзжать.

— Ну, да вознаградитъ тебя Богъ за бобра.

— Съ Богомъ!

Ягенка осталась одна. Съ минуту она смотрѣла во слѣдъ Збышку, а когда онъ, наконецъ, исчезъ за деревьями, закрыла лицо руками, какъ бы желая оградить себя отъ солнечнаго блеска.

Изъ-подъ ея пальцевъ по щекамъ потекли крупныя слезы и одна за другою, какъ горохъ, падали на сѣдло и на конскую гриву.

IX.

Послѣ разговора со Збышкомъ Ягенка въ теченіе трехъ дней не показывалась въ Богданьцѣ, но на четвертый явилась съ извѣстіемъ о пріѣздѣ аббата. Мацько отнесся къ этой новости съ нѣкоторымъ волненіемъ. Правда, ему было чѣмъ выкупить Богданецъ, онъ даже высчиталъ, что у него останется довольно для увеличенія поселенцевъ, размноженія стадъ и на другія хозяйственныя потребности, тѣмъ не менѣе благополучное окончаніе дѣла въ значительной степени зависѣло отъ расположенія богатаго родственника. Напримѣръ, онъ могъ взять поселенныхъ имъ людей или оставить ихъ на мѣстѣ и тѣмъ самымъ понизить или увеличить стоимость имѣнія.

Поэтому Мацько очень подробно разспрашивалъ Ягенку объ аббатѣ, въ какомъ расположеніи духа онъ пріѣхалъ, веселый или сердитый, что говоритъ о нихъ и когда собирается въ Богданецъ? Ягенка толково отвѣчала на вопросы, стараясь подкрѣпить и успокоить стараго рыцаря.

Она говорила, что аббатъ здоровъ и веселъ, съ значительною свитой, въ которой, кромѣ клириковъ, ожидающихъ мѣста, было нѣсколько рибальтовъ, что онъ все поетъ пѣсни съ Зыхомъ и съ удовольствіемъ слушаетъ не только духовныя, но и свѣтскія пѣсни. Она замѣтила также, что онъ съ большой заботливостью разспрашивалъ о Мацько и съ большимъ вниманіемъ слушалъ разсказы Зыха о приключеніяхъ Збышка въ Краковѣ.

— Вы сами лучше знаете, что вамъ дѣлать, — разсудительно закончила она, — но я думаю, что Збышку нужно было бы ѣхать сейчасъ, поклониться старшему родственнику и не дожидаться, чтобъ онъ первый пріѣхалъ въ Богданецъ.

Мацьку совѣтъ этотъ показался основательнымъ. Онъ приказалъ позвать Збышка и сказалъ ему:

— Одѣнься получше и поѣзжай поклонись аббату, окажи ему честь, чтобъ онъ и тебя полюбилъ.

Потомъ онъ обратился къ Ягенкѣ:

— Я не удивлялся бы, еслибъ ты была глупа, на то ты баба, а вотъ разуму твоему удивляюсь. Скажи мнѣ, чѣмъ угостить аббата, когда онъ пріѣдетъ, и чѣмъ его занимать?

— Что касается ѣды, то онъ самъ скажетъ, чего хочетъ. Поѣсть онъ любитъ, нужно только, чтобы во всемъ было побольш' шафрану.

Мацько схватился за голову.

— Откуда же я возьму ему шафрану?

— Я привезу съ собой,—сказала Ягенка.

— О, далъ бы Богъ побольше такихъ, какъ ты! — воскликнулъ обрадованный Мацько.—И собою ты красива, и хозяйство ведешь хорошо, и умна, и людямъ добро дѣлаешь! Эхъ, будь я помоложе, присватался бы къ тебѣ!

Ягенка незамѣтно взглянула на Збышка, тихо вздохнула и продолжала:

— Я привезла также кости, кубокъ и сукно. Аббатъ всегда послѣ ѣды играетъ въ кости.

— У него и прежде была такая привычка, только онъ всегда страшно горячился.

— Горячится-то онъ и теперь; иногда хватитъ кубкомъ о земь и выскочитъ изъ комнаты, а потомъ вернется и самъ смѣется надъ своимъ гнѣвомъ... Да вы, впрочемъ, его знаете... Ему только не прекословить, а то лучшаго человѣка и на свѣтѣ нѣтъ.

— Кто ему будетъ прекословить, коли онъ выше всѣхъ умомъ.

Во время этого разговора Збышко одѣвался за перегородкой. Вышелъ онъ такимъ красавцемъ, что чуть не ослѣпилъ Ягенку, какъ и въ первый свой пріѣздъ въ Згожелицы. Но теперь Ягенка сильно закручинилась при мысли, что эта красота не для нея и что Збышко облюбовалъ уже другую.

Мацько, напротивъ, былъ радъ,—конечно, Збышко понравится аббату, и тотъ не будетъ притѣснять ихъ при разсчетѣ. Мысль эта обрадовала его до такой степени, что онъ рѣшилъ отправиться также.

— Прикажи мнѣ настлать сѣна въ телѣгу,—сказалъ онъ Збышку.—Я съ остріемъ межъ реберъ могъ доѣхать отъ Кракова до Богданьца, а безъ острія навѣрно доѣду до Згожелицъ.

— Какъ бы вамъ не было хуже,—замѣтила Ягенка.

— Э, ничего со мной не будетъ, потому что я чувствую въ себѣ силу. А если и сдѣлается немного хуже, то аббатъ увидитъ, какъ я спѣшилъ къ нему, и будетъ снисходительнѣй.

— Я не промѣняю ваше здоровье на его милость,—воспротивился было Збышко, но Мацько заупрямился и поставилъ на своемъ. По дорогѣ онъ слегка стоналъ, но не переставалъ давать Збышку наставленія, какъ вести себя въ Згожелицахъ, а въ особенности подчиняться и не спорить съ могущественнымъ родственникомъ, который не выносилъ ни малѣйшаго сопротивленія.

Зыхъ и аббатъ сидѣли на заваленкѣ Згожелицкаго дома, любовались хорошею погодой и попивали вино. За ними, у стѣны, сидѣли шесть человѣкъ изъ свиты аббата, въ томъ числѣ двое рибальтовъ и одинъ пилигримъ, котораго легко можно было узнать по крючковатому посоху и раковинамъ, нашитымъ на темную одежду. Остальные своими выбритыми макушками походили на духовныхъ особъ, но одежду носили свѣтскую, кожаные пояса и кортики у бока.

Зыхъ при видѣ Мацька вскочилъ на ноги, но аббатъ, видимо, сознающій свой санъ, остался на мѣстѣ и обратился съ чѣмъ-то къ клирикамъ, которые высыпали изъ открытой двери дома. Збышко и Зыхъ подвели подъ руки слабаго Мацька къ заваленкѣ.

— Мнѣ все еще неможется, — сказалъ Мацько, цѣлуя руку аббата,—но я все-таки пріѣхалъ поклониться вамъ, благодѣтелю моему, поблагодарить за хозяйство въ Богданьцѣ и попросить вашего благословенія.

— Я слышалъ, что вамъ лучше,—сказалъ аббатъ,—и что вы дали обѣтъ поклониться гробу нашей усопшей королевы.

— Я не зналъ, къ какому святому обратиться, и обратился къ ней.

— И хорошо сдѣлали! — запальчиво крикнулъ аббатъ, — она почище другихъ и пусть бы кто-нибудь осмѣлился позавидовать ей.

И въ одну минуту лицо аббата вспыхнуло гнѣвомъ, щеки покраснѣли, глаза заискрились. Запальчивость его была извѣстна всѣмъ, поэтому Зыхъ расхохотался и воскликнулъ:

— Бей, кто въ Бога вѣритъ!

Аббатъ громко перевелъ дыханіе, окинулъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, потомъ разсмѣялся почти такъ же внезапно, какъ передъ этимъ разсердился, и, замѣтивъ Збышка, спросилъ:

— А это вашъ племянникъ и мой родственникъ?

Збышко поклонился и поцѣловалъ его руку.

— Я его видѣлъ маленькимъ и теперь не узналъ бы, — сказалъ аббатъ.—Ну-ка, покажись!

Онъ осмотрѣлъ Збышка съ ногъ ногъ до головы своими проницательными глазами и, немного погодя, прибавилъ:

— Черезчуръ красивъ! настоящая панна, а не рыцарь.

Мацько отвѣтилъ:

— Эту панну нѣмцы приглашали танцовать, а кто танцовалъ съ нею, тотъ кувыркался и уже больше не вставалъ.

— Онъ лукъ безъ веревки натягиваетъ!—неожиданно вмѣшалась Ягенка.

Аббатъ повернулся къ ней.

— А ты тутъ чего?

Ягенка покраснѣла до самыхъ ушей и, страшно смущенная, отвѣтила:

— Я сама видѣла.

— Смотри, какъ бы нечаянно онъ тебя не подстрѣлилъ,—будешь помнить долго.

Рибальты, пилигримъ и клирики хоромъ разсмѣялись, а Ягенка смѣшалась до такой степени, что аббатъ сжалился надъ ней, поднялъ руку и, показывая необъятно-широкій рукавъ своей одежды, сказалъ:

— Спрячься сюда, а то кровь брызнетъ изъ твоихъ щекъ.

Тѣмъ временемъ Зыхъ усадилъ Мацько на скамью и приказалъ подать вина. Ягенка побѣжала исполнять приказаніе. Аббатъ повернулъ глаза въ сторону Збышка и заговорилъ такъ:

— Довольно шутить! Я не для того, чтобъ пристыдить, сравнилъ тебя съ дѣвкой, а въ шутку, ради твоей красоты, которой не одна дѣвка могла бы позавидовать. Я знаю, что ты парень на славу, слышалъ о твоихъ дѣлахъ подъ Вилькомъ, и о Фризахъ слышалъ, и о Лихтенштейнѣ. Зыхъ разсказалъ мнѣ все,—понимаешь?

Онъ пытливо посмотрѣлъ въ глаза Збышку и черезъ минуту заговорилъ опять:

— Пообѣщалъ ты павлиньи гребни,—значитъ, ищи ихъ. Преслѣдовать враговъ нашего племени похвально и для Бога пріятно... Но если ты при этомъ далъ еще какой-нибудь обѣтъ, то знай, что я сейчасъ же могу освободить тебя отъ такого обѣта, ибо имѣю на то силу.

— Эхъ!—сказалъ Збышко,—коли человѣкъ въ душѣ поклялся передъ Господомъ Іисусомъ, то какая сила можетъ освободить его отъ этого?

Мацько испугался, но аббатъ, видимо, былъ въ хорошемъ рас-

положеніи духа, потому что вмѣсто того, чтобъ разсердиться, весело погрозилъ Збышку пальцемъ и сказалъ:

— Вотъ умникъ какой! Смотри, какъ бы съ тобой не случилось того, что случилось съ нѣмцемъ Бейгардомъ.

— А что съ нимъ случилось?—спросилъ Зыхъ.

— А то, что его сожгли на кострѣ.

— За что?

— Онъ сболталъ, что свѣтскій человѣкъ сумѣетъ также постигнуть тайны Божіи, какъ и духовная особа.

— Сурово же его наказали.

— Но справедливо! — загремѣлъ аббатъ, — ибо онъ кощунствовалъ противъ Святого Духа. Что вы думаете? Можетъ ли свѣтскій человѣкъ изъ тайнъ Божіихъ вывести какое-нибудь заключеніе?

— Никакъ не можетъ!—согласнымъ хоромъ отозвались бродячіе клирики.

— А вы, «шпильманы», тихо сидѣть! — скомандовалъ аббатъ,—вы не духовные, хотя макушки у васъ и бритыя.

— Мы уже не шпильманы, а дворяне вашей милости,—отвѣтилъ одинъ изъ клириковъ, заглядывая вмѣстѣ съ тѣмъ въ большую ендову, изъ которой далеко разносился запахъ солода и хмѣля.

— Смотрите!.. голосъ-то, какъ изъ бочки!—воскликнулъ аббатъ.—Эй ты, кудлатый! Чего ты въ ендову заглядываешь? Латыни тамъ на днѣ не найдешь.

— Я не латыни ищу, а пива и никакъ не могу найти.

Аббатъ обратился къ Збышку, который съ удивленіемъ смотрѣлъ на этихъ «дворянъ», и сказалъ:

— Все это clerici scholares, хотя каждый предпочелъ забросить книжку, схватить лютню и таскаться съ нею по свѣту. Я пріютилъ ихъ и кормлю,—что-жъ мнѣ дѣлать? Бездѣльники и дрянь отчаянная, но умѣютъ пѣть и богослуженія немного лизнули,—значитъ и въ костелѣ мнѣ годятся, а при случаѣ и на защиту, потому что нѣкоторые изъ нихъ храбрые парни. А вотъ этотъ пилигримъ говоритъ, что былъ въ Святой Землѣ, но напрасно его спрашивать про какія-нибудь моря или страны; онъ даже того не знаетъ, какъ зовутъ греческаго императора и въ какомъ городѣ онъ живетъ.

— Я зналъ,—хриплымъ голосомъ отвѣтилъ пилигримъ,—но какъ меня лихорадка начала трясти на Дунаѣ, такъ все и вытрясла изъ меня.

— Я больше всего дивлюсь мечамъ,—сказалъ Збышко,—такихъ я никогда не видалъ у клириковъ.

— Имъ дозволяется,—отвѣтитъ аббатъ,—они не посвящены, а что я также ношу кортикъ у бока, то и этому удивляться нечего. Годъ тому назадъ я вызвалъ Вилька изъ Бжозовицъ на поединокъ изъ-за тѣхъ лѣсовъ, по которымъ вы проѣзжали въ Богданецъ. Но Вилькъ не вышелъ.

— Какъ же онъ могъ выйти на поединокъ съ духовною особой?—перебилъ Зыхъ.

Аббатъ распѣтушился, ударилъ кулакомъ по столу и закричалъ:

— Когда я вооруженъ, то я не ксендзъ, я шляхтичъ!... А не вышелъ онъ потому, что предпочиталъ напасть на меня въ Тульчи ночью со своими людьми. Вотъ поэтому-то я и ношу кортикъ... «Omnes leges, omniamque jura vim vi repellere cuntisque sese defensare permittunt!» Вотъ почему я и ихъ вооружилъ.

Услыхавъ латынь, Зыхъ, Мацько и Збышко смолкли и склонили голову предъ мудростью аббата, хотя никто не понялъ ни слова. Аббатъ еще разъ обвелъ всѣхъ гнѣвными глазами и добавилъ:

— Кто знаетъ, не нападетъ ли онъ на меня и здѣсь?

— Пусть нападетъ!—крикнули бродячіе клирики, хватаясь за рукоятки мечей.

— А хоть бы и напалъ! Мнѣ ужъ и такъ тошно безъ драки.

— Онъ не сдѣлаетъ этого,—сказалъ Зыхъ,—а скорѣе придетъ съ мирными словами и съ поклономъ. Отъ Борова онъ уже отказался, теперь хлопочетъ за сына. Вы знаете, почему... Ахъ, чтобъ его!...

Аббатъ успокоился и отвѣтилъ:

— Я видѣлъ молодого Вилька, какъ онъ шелъ вмѣстѣ съ Чтаномъ изъ Рогова на Кшесненскомъ заѣзжемъ дворѣ. Они сразу не узнали насъ,—было темно,—и все толковали о Ягенкѣ.

Тутъ онъ обратился къ Збышку:

— И о тебѣ.

— Чего они хотятъ отъ меня?

— Они отъ тебя ничего не хотятъ, только имъ не по мысли, что возлѣ Згожелицъ завелся третій. Вотъ Вилькъ и говоритъ Чтану: «Какъ я поколочу настоящимъ образомъ, такъ онъ перестанетъ быть красавцемъ». А Чтанъ отвѣчаетъ: «Не боится насъ, а нѣтъ, такъ мы ему въ мигъ кости поломаемъ». А потомъ они оба начали увѣрять другъ друга, что ты ихъ будешь бояться.

При этихъ словахъ Зыхъ и Мацько переглянулись и хитро и радостно подмигнули другъ другу. Они не могли поручиться, что аббатъ дѣйствительно слышалъ такой разговоръ или говоритъ нарочно, чтобы подзадорить Збышко, но за то поняли, лучшаго спо-

соба нельзя было придумать для того, чтобы толкнуть Збышка въ сторону Ягенки.

А аббатъ, какъ бы нарочно, прибавилъ:

— И правду сказать, крѣпкіе они парни!...

Збышко не показалъ вида, только началъ разспрашивать Зыха какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Завтра воскресенье?

— Воскресенье.

— Къ обѣднѣ поѣдете?

— Поѣдемъ.

— Куда? Въ Кшесню?

— Въ Кшесню ближе. А то куда же?

— Ну, хорошо!

X.

Збышко нагналъ Зыха и Ягенку, ѣдущихъ въ обществѣ аббата въ Кшесню, и присоединился къ нимъ. Ему нужно было доказать аббату, что онъ не боится ни Вилька изъ Бжозовой, ни Чтана изъ Рогова и не думаетъ прятаться отъ нихъ. Въ первую минуту его поразила красота Ягенки. Хотя онъ видѣлъ ее въ праздничныхъ одеждахъ, когда она пріѣзжала въ Богданецъ или принимала гостей въ Згожелицахъ, но въ такомъ нарядѣ никогда не видалъ. Платье на ней было красное суконное, подбитое горностаемъ, красныя перчатки и расшитая золотомъ шапочка, изъ-подъ которой падали на плечи двѣ косы. Теперь она сидѣла на лошади уже не по-мужски, а на высокомъ сѣдлѣ съ поручнями и со скамеечкой подъ ноги, которыя едва были видны изъ-подъ длинной юбки съ розовыми складками. Зыхъ дозволялъ дѣвушкѣ дома ходить въ кафтанѣ и яловыхъ сапогахъ, но требовалъ, чтобы въ костелѣ всякому видно было, что пріѣхала дочь не какого-нибудь сѣраго шляхтича или скартабелла *), а дѣвица изъ богатаго рыцарскаго рода. Сзади ѣхало четыре человѣка прислуги, а за ними клирики аббата съ кортиками и лютнями у пояса. Збышко дивился всей процессіи, а въ особенности Ягенкѣ и аббату, который въ своемъ пурпурномъ платьѣ съ необъятно широкими рукавами казался какимъ-то путешествующимъ княземъ. Скромнѣе всѣхъ былъ одѣтъ

---

*) Scartabell—вновь пожалованный шляхтичъ изъ горожанъ или крестьянъ, проявившій свою храбрость въ бою. Это пожалованіе сопровождалось нѣкоторыми временными ограниченіями. Такъ, наприм., скартабеллы третьяго поколѣнія не могли занимать коронныхъ должностей и быть депутатами на сеймѣ. Себастіанъ Петрицій производитъ это слово отъ латинскаго *ex charta bellicum*.—*Прим. пер.*

Зыхъ,—онъ заботился о пышности другихъ, а самъ ограничивался весельемъ и пѣснями.

Аббатъ, Ягенка, Зыхъ и Збышко ѣхали рядомъ. Аббатъ сначала приказалъ было своимъ «шпильманамъ» пѣть духовныя пѣсни, но потомъ насытился ими и заговорилъ со Збышкомъ, который съ улыбкой посматривалъ на его огромный кортикъ, величиною не меньше двуручныхъ нѣмецкихъ мечей.

— Я вижу,—съ важностью сказалъ аббатъ,—что ты дивуешься моему мечу, но знай, что синоды разрѣшаютъ духовнымъ въ дорогѣ употреблять не только мечи, но баллеты и катакульты. Наконецъ, если святой отецъ папа запретилъ священникамъ носить оружіе и багряницу, то навѣрно думалъ о людяхъ низкаго происхожденія, ибо дворянина Богъ и сотворилъ для оружія, и кто вздумалъ бы отнять его, тотъ воспротивился бы Его предвѣчному рѣшенію.

— Князь мазовецкій Генрихъ и на ристалищахъ выступалъ,—замѣтилъ Збышко.

— Онъ заслуживаетъ осужденія не за то, что выступалъ на ристалища,—отвѣтилъ аббатъ и поднялъ кверху палецъ,—а за то, что женился,и къ тому же несчастливо,ибо mulierem взялъ fornicariam и bibulam, которая, какъ говорятъ, Bacchum съ молодыхъ лѣтъ adorabat,—и adultera была,—ну, ужъ изъ этого ничего хорошаго выйти не могло.

Онъ задержалъ коня и началъ поучать еще съ большею важностью:

— Кто захочетъ жениться или избирать uxorem, тотъ долженъ смотрѣть, чтобъ его избранница была добраго нрава, благочестива, привычна къ хозяйству и опрятна,—все это, кромѣ отцовъ церкви, говоритъ и нѣкій языческій мудрецъ, по имени Сенека. А какъ же ты узнаешь, что попалъ въ цѣль, если не знаешь гнѣзда, изъ котораго берешь себѣ подругу жизни? Другой мудрецъ, но уже нашей святой религіи, говоритъ: pomus nam cadit absque arbore... Каковъ волъ, такова и кожа, какова мать и дочь тоже... Изъ этого поученія заключай, грѣшный человѣкъ, чтобъ искать жену не вдали, а вблизи, ибо если возьмешь злую и своенравную, то не разъ заплачешь отъ нея, какъ плакалъ нѣкій философъ, которому сварливая женщина однажды въ припадкѣ гнѣва вылила на голову сосудъ съ aquam sordidam.

— In secula seculorum, amen!—грянули въ одинъ голосъ клирики, которые всегда отвѣчали аббату такимъ образомъ, не обращая особеннаго вниманія, кстати ли ихъ отвѣтъ.

Остальные сосредоточенно слушали аббата, удивляясь его краснорѣчію и знанію священнаго писанія. Казалось, онъ поучалъ не одного только Збышка и по большей части обращался къ Зыху и Ягенкѣ, какъ будто ихъ-то именно и хотѣлъ наставить на путь истины. Ягенка тѣмъ не менѣе поняла, въ чемъ дѣло, потому что внимательно смотрѣла изъ-подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ на молодого рыцаря, который нахмурилъ брови и опустилъ голову, словно глубоко вдумываясь въ то, что слышитъ.

Спустя немного всѣ вновь двинулись въ путь, но уже молча, и только уже въ виду Кшесни аббатъ ощупалъ свой поясъ, повернулъ его такъ, чтобы можно было легко схватиться за рукоятку кортика, и сказалъ:

— А старый Вилькъ изъ Бжозовой вѣроятно пріѣдетъ съ большой свитой.

— Навѣрное,—отвѣтилъ Зыхъ.—Впрочемъ, мнѣ говорили, что онъ захворалъ.

— А мой клирикъ слышалъ, что онъ хочетъ напасть на насъ послѣ обѣдни у заѣзжаго двора.

— Онъ не сдѣлаетъ этого безъ оповѣщенія, да еще послѣ обѣдни.

— Да образумитъ его Богъ. Я ни съ кѣмъ не ищу ссоры и терпѣливо сношу обиды.

Тутъ аббатъ оглянулся на своихъ «шпильмановъ» и добавилъ:

— Мечей не обнажать и помнить, что мы слуги Божіи, а если они нападутъ первые, то вали ихъ!

Збышко ѣхалъ рядомъ съ Ягенкой и толковалъ съ нею о дѣлѣ, которое больше всего интересовало его.

— Мы непремѣнно застанемъ въ Кшесни Чтана и молодого Вилька,—говорилъ онъ.—Ты ихъ покажешь мнѣ издали, чтобъ я зналъ, каковы они.

— Хорошо, Збышко,—отвѣтила Ягенка.

— Передъ обѣдней и послѣ обѣдни они, конечно, встрѣчаются съ тобой. Что дѣлаютъ они тогда?

— Оказываютъ услуги, какъ умѣютъ.

— Сегодня они не будутъ оказывать услугъ, понимаешь?

Она снова покорно отвѣтила:

— Хорошо, Збышко.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ прервалъ стукъ деревянныхъ колотушекъ,—въ Кшесни еще не было колокола. Изъ толпы, ожидающей передъ костеломъ, сейчасъ же выдвинулись молодой Вилькъ и Чтанъ изъ Рогова, но Збышко предупредилъ ихъ, соскочилъ съ

коня, прежде, чѣмъ они успѣли добѣжать, ссадилъ Ягенку съ сѣдла, взялъ подъ руку, и, вызывающе глядя на нихъ, повелъ къ костелу. Въ сѣняхъ Вилька и Чтана ожидало новое разочарованіе. Оба они поспѣшили къ кропильницѣ и, омочивъ руки, протянули ихъ дѣвушкѣ. Но то же самое сдѣлалъ Збышко, Ягенка прикоснулась къ его пальцамъ и вмѣстѣ съ нимъ вошла въ костелъ. Тогда не только молодой Вилькъ, но и Чтанъ изъ Рогова, несмотря на свой не особенный умъ, поняли, что все это было сдѣлано нарочно, и оба воспылали такимъ дикимъ гнѣвомъ, что волоса дыбомъ начали вставать подъ ихъ шапочками. Они могли сдержаться лишь настолько, чтобы, боясь кары Божіей, не войти въ раздраженіи во храмъ. Вилькъ выскочилъ изъ сѣней и, какъ сумашедшій, побѣжалъ по кладбищу, самъ не зная куда. Чтанъ мчался за нимъ, также не понимая, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ.

Остановились они лишь у забора, гдѣ лежали большіе камни, предназначенные для будущей колокольни Кшесненскаго костела. Вилькъ, желая сорвать злость, которая подступала къ его горлу, схватилъ одинъ изъ камней и началъ изо всѣхъ силъ теребить его. Чтанъ послѣдовалъ его примѣру, и они вдвоемъ бѣшено повлекли свои камни къ воротамъ костела.

Люди съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ и думали, что молодые люди исполняютъ какой-то обѣтъ и хотятъ приложить свои силы къ постройкѣ колокольни. Напряженіе силы значительно облегчило ихъ, такъ что они почти пришли въ себя, остановились и вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

Чтанъ изъ Рогова первый прервалъ молчаніе.

— Ну, что?—спросилъ онъ,—мы сейчасъ нападемъ па него.

— Какъ же ты будешь нападать на него въ костелѣ?

— Не въ костелѣ, а послѣ обѣдни.

— Онъ пріѣхалъ съ Зыхомъ и съ аббатомъ. Забылъ ты, что говорилъ Зыхъ? Если случится какая-нибудь драка, онъ обоихъ насъ выгонитъ изъ Згожелицъ. Еслибъ не то, я давно бы посчиталъ твои ребра.

— Или бы я твои!—отвѣтилъ Чтанъ, сжимая свои могучіе кулаки.

Глаза его вспыхнули зловѣщимъ огнемъ, но онъ сразу сообразилъ, что теперь ему нужно больше, чѣмъ когда-либо, жить въ ладу съ Вилькомъ. Они дрались не разъ, но послѣ всякой драки тотчасъ же мирились, потому что любовь къ Ягенкѣ не разъединяла ихъ, они не могли жить одинъ безъ другого. Теперь появился общій врагъ,—и врагъ, какъ видимо, страшно опасный.

Помолчавъ съ минуту, Чтанъ спросилъ:

— Что-жъ намъ дѣлать? Развѣ послать ему вызовъ въ Богданецъ?

Вилькъ былъ поумнѣй, но и онъ не зналъ, что имъ дѣлать. Къ счастью, вновь послышался стукъ колотушекъ, обозначающій, что служба начинается. Вилькъ воспользовался этимъ и сказалъ:

— Что дѣлать? Идти въ костелъ, а потомъ будетъ, что Богъ дастъ.

Чтана изъ Рогова обрадовалъ этотъ разумный совѣтъ.

— Можетъ быть, Господь Іисусъ вразумитъ насъ, — сказалъ онъ.

— И благословитъ,—добавилъ Вилькъ.

Обѣдня придала имъ много бодрости. Они не потеряли головы даже и тогда, когда Ягенка, послѣ окончанія службы, вновь приняла изъ рукъ Збышка святую воду. На кладбищѣ, у церковныхъ воротъ, и Чтанъ и Вилькъ низко поклонились Зыху, Ягенкѣ, даже и аббату, хотя онъ и былъ врагомъ стараго Вилька. На Збышка, правда, они смотрѣли исподлобья, но не посмѣли ничего сдѣлать, хотя сердца ихъ заныли отъ боли, гнѣва и ревности, потому что Ягенка никогда не казалась имъ такою прелестною и болѣе похожею на королевну. И только когда аббатъ съ своими спутниками направился обратно, когда до ушей молодыхъ людей долетѣла веселая пѣсня клириковъ, Чтанъ началъ отирать потъ съ своихъ щекъ, покрытыхъ густыми волосами, и фыркалъ, какъ лошадь, а Вилькъ заскрежеталъ зубами и проговорилъ:

— Въ заѣзжій домъ! Горе мнѣ!

Потомъ, вспомнивъ средство, отъ котораго у него отлегло отъ сердца, онъ снова схватилъ камень и въ ярости потащилъ его на прежнее мѣсто.

А Збышко ѣхалъ рядомъ съ Ягенкой, слушалъ пѣсни шпильмановъ аббата, но, проѣхавъ нѣсколько сотъ саженъ, вдругъ придержалъ коня и сказалъ:

— Я долженъ былъ заказать обѣдню о здравіи дяди и забылъ. Нужно воротиться назадъ.

— Не надо!—воскликнула Ягенка,—пошлемъ изъ Згожелицъ.

— Нѣтъ, я поѣду, а вы не ждите меня. Съ Богомъ!

— Съ Богомъ!—сказалъ и аббатъ.—Поѣзжай!

Лицо его прояснилось, а когда Збышко исчезъ изъ его глазъ, онъ незамѣтно толкнулъ Зыха и сказалъ:

— Понимаете?

— Что я долженъ понимать?

— Что онъ подерется въ Кшеснѣ съ Вилькомъ и Чтаномъ такъ же неизбѣжно, какъ аминь послѣ молитвы, но этого-то именно я и хотѣлъ и къ тому подводилъ дѣло.

— Они парни здоровые! Пожалуй изрубятъ его. И что выйдетъ изъ этого?

— Какъ что выйдетъ? Если они подерутся изъ-за Ягенки, какъ же ему послѣ этого думать о дочери Юранда? Съ тѣхъ поръ не она будетъ его госпожею, а Ягенка; этого-то я и хочу, потому что онъ мнѣ сродни и нравится мнѣ.

— Да его обѣтъ?

— Я разрѣшу его отъ обѣта! Развѣ вы не слыхали, что я обѣщалъ?

— Ваша голова чего только не придумаетъ! —отвѣтилъ Зыхъ.

Аббату пришлась по душѣ эта похвала. Онъ сравнялся съ Ягенкой и спросилъ:

— Что ты такъ затуманилась?

Ягенка повернулась на сѣдлѣ, схватила руку аббата и поднесла къ губамъ.

— Крестовый, можетъ быть вы пошлете двухъ «шпильмановъ» въ Кшесню?

— Зачѣмъ? Они напьются на заѣзжемъ дворѣ, вотъ и все.

— Можетъ быть, они помѣшаютъ какой-нибудь ссорѣ.

Аббатъ проницательно посмотрѣлъ ей въ глаза и неожиданно сказалъ рѣзкимъ голосомъ:

— Велика важность, если его и убьютъ тамъ.

— Тогда пускай и меня убьютъ! —воскликнула Ягенка.

И горечь, которая накопилась въ ея груди съ минуты разговора со Збышкомъ, вдругъ разрѣшилась потокомъ слезъ. Аббатъ, увидавъ это, обнялъ Ягенку, почти прикрылъ своимъ широкимъ рукавомъ и заговорилъ:

— Дочка, не бойся ничего. Ссора можетъ случиться, но вѣдь тѣ тоже дворяне и скопомъ не нападутъ, въ случаѣ чего вызовутъ развѣ на поединокъ по рыцарскому обычаю, а ужъ Збышко справится съ ними, хотя бы ему пришлось биться съ обоими. Что же касается Юрандовой дочери, —ты вѣдь слышала о ней, —то я скажу тебѣ одно: для ихъ ложни́цы еще никакого дерева и ни въ какомъ лѣсу не растетъ.

— Если она мила ему, то мнѣ нѣтъ до него никакого дѣла! — сквозь слезы отвѣтила Ягенка.

— Тогда чего же ты хнычешь?

— Потому что я боюсь за него.

— Вотъ что значитъ бабій разумъ!—сказалъ аббатъ и разсмѣялся.

Потомъ, наклонившись къ уху Ягенки, онъ заговорилъ:

— Сообрази то, что если онъ и женится на тебѣ, то ему не разъ представится случай драться,—на то онъ и дворянинъ.

Онъ наклонился еще ниже и добавилъ:

— А что онъ женится на тебѣ, и скоро, это вѣрно, какъ Богъ святъ!

— Чего ему жениться!—отвѣтила Ягенка, улыбнулась сквозь слезы и посмотрѣла на аббата такъ, какъ будто хотѣла спросить его, откуда онъ все это знаетъ.

Тѣмъ временемъ Збышко, возвратившись въ Кшесню, отправился прежде всего къ ксендзу и заказалъ заздравную обѣдню, а потомъ прямо на заѣзжій дворъ, гдѣ надѣялся найти молодого Вилька изъ Бжозовой и Чтана изъ Рогова.

Дѣйствительно, онъ нашелъ ихъ обоихъ и, кромѣ того, множество людей,—шляхты и скартабелловъ, и крестьянъ, и нѣсколько фокусниковъ, показывающихъ различныя нѣмецкія штуки. Въ первую минуту онъ, однако, не могъ никого различить, потому что окна, затянутыя воловьими пузырями, пропускали мало свѣта, и только тогда, когда въ печку подбросили сухихъ сосновыхъ щепокъ, увидалъ въ углу злобное, раздраженное лицо Вилька и косматаго Чтана, сидѣвшаго за баклагою пива.

Тогда Збышко медленно направился къ нимъ, расталкивая толпу, и, приблизившись, ударилъ рукою по столу такъ, что стукъ раздался по всей комнатѣ.

Чтанъ и Вилькъ поспѣшно поднялись съ мѣста и начали поправлять свои кожаные пояса, но прежде, чѣмъ они успѣли схватиться за рукоятки мечей, Збышко бросилъ къ нимъ на столъ перчатку и проговорилъ въ носъ, какъ это обыкновенно дѣлали рыцари при вызовѣ, слѣдующія, никѣмъ не ожиданныя слова:

— Если кто-нибудь изъ васъ двоихъ или кто-либо изъ людей рыцарскаго сословія, находящихся въ этой комнатѣ, будетъ противиться тому, что панна Данута, дочь Юранда изъ Спыхова—самая прелестнѣйшая и самая добродѣтельнѣйшая дѣвица во всемъ свѣтѣ, того я вызываю на конное или пѣшее единоборство до перваго паденія или до послѣдняго дыханія.

Изумились Вилькъ и Чтанъ такъ же, какъ изумился бы аббатъ, еслибъ услышалъ что-нибудь подобное, и съ минуту не могли найти слова для отвѣта. Что это за панна? Ихъ занимаетъ Ягенка, а не она, а если этотъ сумасшедшій интересуется не Ягенкой, то чего

ему нужно отъ нихъ? Зачѣмъ онъ пришелъ и задираетъ ихъ? Въ головѣ у обоихъ молодыхъ людей образовалась такая каша, что они широко раскрыли рты, а Чтанъ, кромѣ того, вытаращилъ глаза, какъ будто видѣлъ передъ собой не человѣка, а нивѣсть какое диво.

Болѣе умный Вилькъ, который до нѣкоторой степени былъ знакомъ съ рыцарскими обычаями и зналъ, что рыцари иногда даютъ обѣтъ однимъ, а женятся на другихъ, сообразилъ, что и въ настоящемъ случаѣ можетъ быть то же самое, но если представляется возможность вступиться за Ягенку, то ею нужно пользоваться немедленно.

И, выйдя изъ-за стола и съ угрожающимъ лицомъ приблизившись къ Збышку, онъ спросилъ:

— Какъ, собачій сынъ, такъ значитъ не Ягенка, дочь Зыха, самая достойнѣйшая?

За нимъ выступилъ Чтанъ. Гости заѣзжаго двора обступили стѣною дѣйствующихъ лицъ, потому что всѣмъ было извѣстно, что дѣло пустяками окончиться не можетъ.

XI.

Ягенка, возвратившись домой, тотчасъ же послала слугу въ Кшесню узнать, не произошла ли на заѣзжемъ дворѣ какая-нибудь драка и не вызвалъ ли кто-нибудь кого-нибудь на поединокъ, но слуга, получивъ на дорогу скоецъ, запьянствовалъ и не думалъ о возвращеніи. Другой, посланный въ Богданецъ съ вѣстью о скоромъ пріѣздѣ аббата, возвратился, исполнивъ порученіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ, что видѣлъ, какъ Збышко играетъ въ кости со старымъ рыцаремъ.

Отчасти это успокоило Ягенку. Зная опытность и ловкость Збышка, она боялась не столько вызова, сколько какого-нибудь неожиданнаго приключенія въ корчмѣ. Она хотѣла было вмѣстѣ съ аббатомъ отправиться въ Богданецъ, но аббатъ имѣлъ намѣреніе говорить съ Мацькомъ по поводу залога и еще одного, болѣе важнаго, дѣла и не хотѣлъ имѣть Ягенку свидѣтельницей ихъ бесѣды. Кромѣ того, онъ собирался провести въ Богданьцѣ ночь.

Узнавъ о благополучномъ возвращеніи Збышка, аббатъ пришелъ въ прекраснѣйшее расположеніе духа и приказалъ своимъ клирикамъ пѣть такъ, что отъ ихъ голосовъ содрогался весь лѣсъ, а въ самомъ Богданьцѣ крестьяне выбѣгали изъ своихъ избъ,—не горитъ ли что-нибудь и не нашелъ ли непріятель. Но ѣхавшій впереди пилигримъ успокоивалъ ихъ, что это ѣдетъ духовная особа

высокаго сана; крестьяне кланялись и даже осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, а аббатъ, видя, съ какимъ уваженіемъ его встрѣчаютъ, преисполнялся радостною гордостью, довольный всѣмъ свѣтомъ и благорасположенный ко всѣмъ людямъ.

Мацько и Збышко, заслышавъ крикъ и пѣніе, вышли къ воротамъ встрѣчать гостя.

Изъ клириковъ нѣкоторые и раньше наѣзжали съ аббатомъ въ Богданецъ, но были и такіе, которые недавно присоединились къ компаніи и еще не видали его. Вотъ они-то и закручинились при видѣ жалкаго дома, который никоимъ образомъ не могъ сравняться съ большимъ згожелицкимъ домомъ. Но изъ трубы выходилъ дымъ, а въ комнатѣ, пропитанной запахомъ шафрана и разныхъ яствъ, были разставлены два стола съ оловянными мисками, правда, еще пустыми, но такой величины, что всякій человѣкъ долженъ былъ обрадоваться. На меньшемъ столѣ сверкала приготовленная для аббата серебряная миска и такой же, украшенный чудною рѣзьбой, кубокъ,— и то и другое, въ числѣ другихъ вещей, было добыто въ борьбѣ съ фризами.

Мацько и Збышко первымъ дѣломъ пригласили гостей къ столу, но аббатъ, который плотно пообѣдалъ передъ отъѣздомъ изъ Згожелицъ, отказался, тѣмъ болѣе, что его занимало совсѣмъ другое дѣло. Съ первой минуты своего пріѣзда онъ внимательно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпокойно смотрѣлъ на Збышка, какъ будто искалъ на немъ какихъ-нибудь слѣдовъ драки, и, видя спокойное лицо молодого человѣка, волновался все болѣе, до тѣхъ поръ, пока уже былъ не въ силахъ сдержать свое любопытство.

— Пойдемъ въ каморку,—сказалъ онъ,—поговоримъ о закладѣ. Не спорьте со мной, а то я разсержусь.

Тутъ онъ обратился къ клирикамъ и загремѣлъ:

— Сидѣть тихо и подъ дверями не подслушивать!

Онъ отворилъ дверь въ каморку, въ которой съ трудомъ могъ помѣститься одинъ, а кромѣ него вошли Мацько и Збышко. Всѣ усѣлись на сундукахъ; аббатъ обратился къ молодому рыцарю:

— Ты тогда вернулся назадъ въ Кшесню?

— Вернулся.

— Ну, и что-жъ?

— Подалъ за здравіе дяди, больше ничего.

Аббатъ нетерпѣливо заворочался на сундукѣ.

Гм...—подумалъ онъ.—Збышко не встрѣтился ни съ Вилькомъ, ни съ Чтаномъ, можетъ быть и не искалъ ихъ. Я ошибся.

Онъ былъ золъ за то, что ошибся, что разсчеты обманули его. Щеки его покраснѣли, дыханіе сдѣлалось учащеннымъ.

— Будемъ говорить о залогѣ,—сказалъ онъ, немного погодя.—Деньги у васъ есть?.. Коли нѣтъ, то Богданецъ мой!

Мацько зналъ, какъ поступать съ нимъ, молча поднялся съ мѣста, открылъ крышку сундука, на которомъ сидѣлъ, досталъ оттуда, очевидно, заранѣе приготовленный мѣшокъ съ гривнами и сказалъ:

— Мы люди убогіе, но деньги у насъ готовы, и что надлежитъ, то мы и платимъ, какъ стоитъ въ «записи» и что я самъ подтвердилъ знакомъ святого креста. Еслибъ вы пожелали доплаты за досмотръ и хорошее хозяйство, то мы спорить не станемъ, заплатимъ, что прикажете, и припадемъ къ ногамъ благодѣтеля нашего.

Онъ наклонился къ колѣнамъ аббата, а вслѣдъ за нимъ то же самое сдѣлалъ и Збышко. Аббатъ, который ожидалъ споровъ и торговли, былъ сильно сбитъ съ толку такою тактикой и даже не особенно доволенъ, потому что при торговлѣ хотѣлъ поставить свои условія, а теперь вся эта возможность исчезла.

И, возвращая «запись», которую Мацько скрѣпилъ знакомъ креста, онъ сказалъ:

— Что вы говорите мнѣ о доплатѣ?

— Потому что я не хочу брать задаромъ, — хитро сказалъ Мацько, зная, что чѣмъ больше онъ будетъ упрямиться въ этомъ случаѣ, тѣмъ больше выиграетъ.

Дѣйствительно, аббатъ раскипятился во мгновеніе ока.

— Вотъ оно что! Не хотятъ задаромъ брать отъ родственниковъ! Чужой хлѣбъ глаза колетъ! Я бралъ не пустое мѣсто и возвращаю не пустое, а коли мнѣ придетъ охота швырнуть этотъ мѣшокъ, то я и швырну!

— Вы не сдѣлаете этого!—воскликнулъ Мацько.

— Не сдѣлаю? Вотъ вашъ залогъ, вотъ ваши гривны! Моя добрая воля, и если я захочу оставить эти деньги на дорогѣ, то не ваше дѣло. Вотъ, что я сдѣлаю!

Онъ схватилъ мѣшокъ за завязки и такъ бросилъ его на полъ, что деньги посыпались изъ лопнувшаго полотна.

— Да наградитъ васъ Богъ! Да наградитъ васъ Богъ, отецъ и благодѣтель! — повторялъ Мацько, который только и ждалъ этой минуты.—Отъ другого я не принялъ бы, но отъ родственника и духовной особы возьму.

Аббатъ съ минуту грозно смотрѣлъ то на него, то на Збышка и, наконецъ, сказалъ:

— Я, даже когда и гнѣваюсь, знаю что дѣлаю. Владѣйте тѣмъ,

что вы получили, потому что заранѣе говорю вамъ, что больше отъ меня вы не получите ни одного скойца.

— Мы не разсчитывали и на это.

— И знайте, что все, что останется послѣ меня, получитъ Ягенка.

— И землю?—наивно спросилъ Мацько.

— И землю!—грянулъ аббатъ.

У Мацька вытянулось лицо, но онъ овладѣлъ собой и сказалъ:

— Э, что вамъ думать о смерти! Да пошлетъ вамъ Господь Іисусъ прожить сто лѣтъ, а то и больше, и хорошее епископство.

— А хотя бы и такъ!... Развѣ я хуже другихъ?—спросилъ аббатъ.

— Не хуже, а лучше.

Слова эти успокоительно подѣйствовали на аббата. Вообще его гнѣвъ продолжался не долго.

— Ну,—сказалъ онъ,—вы мои родственники, а она только крестница, но я люблю и ее и Зыха съ давнихъ поръ. Лучшаго человѣка, чѣмъ Зыхъ, нѣтъ на свѣтѣ и лучшей дѣвки, чѣмъ Ягенка, тоже нѣтъ. Кто можетъ сказать о нихъ что-нибудь дурное?

Онъ обвелъ вокругъ себя вызывающимъ взглядомъ, но Мацько не только не перечилъ, но торопливо подтвердилъ, что лучшаго сосѣда не найдешь во всемъ королевствѣ.

— А что касается Ягенки,—сказалъ онъ,—то я и родную дочь не любилъ бы больше, чѣмъ люблю ее. По ея милости я выздоровѣлъ и не забуду этого до смерти.

— Вы будете прокляты, и вы и онъ, если забудете ее,—сказалъ аббатъ,—и я первый прокляну васъ. Обидѣть васъ я не хочу, потому что вы мои родственники, я придумалъ способъ, чтобъ то, что послѣ меня останется, перешло и къ Ягенкѣ и къ вамъ, понимаете?

— Дай Господи, чтобъ такъ случилось!—сказалъ Мацько.— Боже ты мой! Я бы пѣшкомъ пошелъ отъ могилы королевы на Лысую гору поклониться Животворящему Кресту.

Аббату понравилась искренность, съ которою говорилъ Мацько. Онъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Дѣвка имѣетъ право прихотничать,—она и собой хороша, и приданое у нея большое, и изъ хорошаго рода. Что для нея какой-нибудь Чтанъ или Вилькъ, коли ей и воеводскій сынъ подъ пару. Но еслибъ я,—говорю къ слову,—сталъ бы ее за кого-нибудь сватать, то она пошла бы за него. Она знаетъ, что я ее люблю и дурного ей не пожелаю.

— Хорошо будетъ тому, кого вы будете сватать,—сказалъ Мацько.

Но аббатъ обратился къ Збышку:

— Ну, а ты что?

— Я думаю такъ же, какъ дядя.

Доброе лицо аббата прояснилось еще болѣе. Онъ ударилъ Збышка рукой по лопаткѣ такъ, что по каморкѣ прошелъ гулъ, и сказалъ:

— Отчего ты въ костелѣ не подпустилъ къ Ягенкѣ ни Чтана, ни Вилька, а?

— Чтобъ они не думали, что я боюсь ихъ, и чтобъ вы не думали, что они мнѣ страшны.

— Ты и святую воду подавалъ ей?

— Подавалъ.

Аббатъ ударилъ его во второй разъ.

— Ну... бери ее, коли такъ!

— Бери ее! —какъ эхо повторилъ Мацько.

На это Збышко заправилъ подъ сѣтку волоса и спокойно отвѣтилъ:

— Какъ же мнѣ брать ее, если я въ Тыньцѣ, передъ алтаремъ, далъ обѣтъ Данусѣ, дочери Юранда?

— Ты далъ обѣтъ принести ей павлиньи гребни, и ищи ихъ, а Ягенку бери теперь же.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Збышко,—потомъ, когда она набросила на меня повязку, я поклялся, что женюсь на ней.

Лицо аббата начинало краснѣть отъ прилива крови, уши посинѣли, а глаза чуть не выступили изъ своихъ впадинъ. Онъ приблизился къ Збышку и сказалъ голосомъ, въ которомъ звучалъ сдержанный гнѣвъ:

— Твои слова шелуха, а я вѣтеръ,—понимаешь? Вотъ!

И онъ дунулъ съ такою силой, что сѣтка слетѣла съ головы Збышка, а волосы въ безпорядкѣ разсыпались по его плечамъ. Збышко сдвинулъ брови и, смотря аббату прямо въ глаза, проговорилъ:

— Въ моемъ обѣщаніи моя честь, а свою честь я охраняю самъ.

Непривыкшій къ сопротивленію аббатъ, услыхавъ это, растерялся до такой степени, что съ минуту не могъ произнести ни слова. Наступило тягостное молчаніе, которое, наконецъ, прервалъ Мацько:

— Збышко! —крикнулъ онъ,—опомнись, что съ тобой?

Аббатъ поднялъ руку и, указывая пальцемъ на молодого человѣка, тоже закричалъ:

— Что съ нимъ? Я знаю, что съ нимъ: не рыцарская у него душа, не шляхетская, а заячья. То и есть, что онъ боится Чтана и Вилька!

Збышко, который ни на минуту не терялъ хладнокровія, съ небрежнымъ видомъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Ну, вотъ! Я имъ обоимъ разбилъ голову въ Кшесни!

— Побойся Бога! — крикнулъ Мацько.

Аббатъ вытаращенными глазами смотрѣлъ на Збышка. Гнѣвъ боролся въ немъ съ изумленіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ быстрый умъ начиналъ подсказывать ему, что изъ этой побѣды надъ Вилькомъ и Чтаномъ онъ можетъ извлечь свою выгоду.

И, немного остывъ, онъ прикрикнулъ на Збышка:

— Отчего же ты ничего не говорилъ?

— Потому что мнѣ было стыдно. Я думалъ, что они, какъ приличествуетъ рыцарямъ, вызовутъ меня на поединокъ, а оказалось, что они разбойники, а не рыцари. Вилькъ первый отодралъ доску отъ стола, Чтанъ отодралъ другую и на меня! Что-жъ мнѣ было дѣлать? Я схватилъ скамью, ну... и вы сами понимаете...

— Живы они? — спросилъ Мацько.

— Живы, я ихъ только ошеломилъ. Они еще при мнѣ начали дышать.

Аббатъ слушалъ, потиралъ лобъ, потомъ вдругъ вскочилъ съ сундука, на который присѣлъ было, чтобы привести свои мысли въ порядокъ, и крикнулъ:

— Подожди! Теперь я скажу тебѣ кое-что.

— А что вы мнѣ скажете? — спросилъ Збышко.

— Скажу то, что если ты дрался за Ягенку и добрымъ людямъ разбилъ изъ-за нея голову, то ты съ той поры ея рыцарь, а не чей-нибудь другой, и долженъ взять ее замужъ.

Онъ подперся руками въ бока и торжествующимъ взоромъ посмотрѣлъ на Збышка, но тотъ улыбнулся и сказалъ:

— О, я хорошо зналъ, почему вы хотѣли напустить меня на нихъ, но вамъ это совсѣмъ не удалось.

— Отчего не удалось? Говори.

— Я предложилъ имъ подтвердить, что самая красивая и добродѣтельная дѣвица во всемъ мірѣ Дануся, дочь Юранда, а они говорили, что Ягенка,—изъ этого и вышла драка.

Выслушавъ это, аббатъ съ минуту, какъ окаменѣлый, простоялъ на мѣстѣ и только по движенію его рѣсницъ можно было видѣть, что онъ живъ. Но вдругъ онъ повернулся, вышибъ ногою дверь каморки, вбѣжалъ въ комнату, вырвалъ изъ рукъ пилигри-

ма его оружіе и началъ колотить имъ своихъ «шпильмановъ», рыча, какъ раненый туръ:

— На коней, скоморохи! на коня, басурмане! Нога моя не будетъ въ этомъ домѣ. На коня, кто въ Бога вѣруетъ, на коней!...

И, выбивъ другія двери, онъ вышелъ на дворъ, а испуганные клирики послѣдовали за нимъ. Напрасно Мацько бѣжалъ за аббатомъ, напрасно умолялъ его остаться, божился, что его вины здѣсь нѣтъ,—ничего не помогло. Аббатъ ругался, проклиналъ домъ, людей, коня, а когда подали ему лошадь, вскочилъ на нее, не прикасаясь къ стременамъ, и пустился вскачь прямо съ мѣста, съ развѣвающимися рукавами, похожій на какую-то гигантскую красную птицу. Клирики въ тревогѣ слѣдовали за нимъ, словно стая за своимъ передовикомъ.

Мацько слѣдилъ за ними, пока они не скрылись за лѣсомъ, потомъ возвратился въ домъ и сказалъ Збышку, печально покачивая головой:

— Натворилъ ты добра...

— Этого не было бы, еслибъ я уѣхалъ раньше, а не уѣхалъ я по вашей милости.

— Какъ по моей милости?

— Потому что я не хотѣлъ оставлять васъ больнымъ.

— А теперь что будетъ?

— А теперь я поѣду.

— Куда?

— Въ Мазовію, къ Данусѣ... и, кромѣ того, искать павлиньи гребни среди нѣмцевъ.

Мацько помолчалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

— «Запись» онъ отдалъ, а залогъ цѣлъ и въ судебныхъ книгахъ записанъ. Теперь онъ не проститъ намъ ни скойца.

— Пусть не прощаетъ. Деньги у васъ есть, а на дорогу онѣ мнѣ не нужны. Меня вездѣ примутъ и лошадямъ дадутъ ѣсть, былъ бы только панцырь на груди, да кортикъ у бока, а объ остальномъ я не забочусь.

Мацько задумался и началъ взвѣшивать то, что произошло. Все дѣлалось не такъ, какъ говорилъ его умъ и подсказывало его сердце. Въ глубинѣ души онъ искренно желалъ, чтобы Збышко женился на Ягенкѣ, но понималъ, что изъ этого шубы не сошьешь. Аббатъ гнѣвается, Вилькъ и Чтанъ подрались со Збышкомъ,— лучше, если онъ поѣдетъ, чѣмъ сдѣлается поводомъ дальнѣйшихъ ссоръ и несогласій.

— Ну, — сказалъ онъ наконецъ, — павлиньи гребни тебѣ и такъ нужно отыскивать, и если ужъ нѣтъ другого средства, то поѣзжай. Пусть все будетъ по волѣ Божіей... А мнѣ сейчасъ же нужно ѣхать въ Згожелицы,—авось я какъ-нибудь уломаю аббата и Зыха... Зыха мнѣ въ особенности жаль.

Онъ посмотрѣлъ Збышку въ глаза и вдругъ спросилъ:

— А тебѣ Ягенки не жаль?

— Да пошлетъ ей Богъ здоровье и все лучшее! — отвѣтилъ Збышко.

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Въ шахтѣ.

(Изъ Гюйо).

Сильнѣй удары! Твердый камень
Пусть кирка смѣло раздробитъ:
Рожденный имъ кровавый пламень
Утеса сумракъ озаритъ.

Такъ ты, печаль,—источникъ знанья,
Разя, мнѣ душу отравляй
И яркимъ свѣточемъ страданья
Мнѣ сердце озаряй!

Ладыженскій.

Женская кооперативная гильдія въ Англіи.

(Women's Cooperative Guild).

Въ Лондонѣ на Leman Street возвышается красивое зданіе, принадлежащее Wholesale English Society, т.-е. англійскому обществу оптовыхъ закупокъ. Къ 3 часамъ 15 марта (1897 г.) наблюдателя поражаетъ толпа женщинъ, стоящая у подъемной машины этого зданія. Толпа все прибываетъ и прибываетъ, подъемная машина не успѣваетъ справляться съ ней и многія вынуждены подниматься сами по лѣстницамъ вверхъ.

Здѣсь вы входите въ пятомъ этажѣ въ большую залу, уже биткомъ набитую женщинами, такъ что съ трудомъ пролѣзаете къ платформѣ. Зала очень большая, въ два свѣта, украшена рѣзьбой, хотя и просто, съ хорами. Окидывая взоромъ передъ собой залу, вы видите море женскихъ головъ, и лишь кое-гдѣ вашъ взглядъ натыкается на мужскую фигуру и то тамъ позади у самыхъ дверей.

Платформа также вся занята женщинами.

Очевидно, мы попали въ какое-то царство женщинъ, гдѣ имъ принадлежитъ руководящая роль, а мужчины являются лишь въ качествѣ любопытныхъ зрителей.

Да, это годичный съѣздъ южной секціи женской кооперативной гильдіи Англіи. Многія изъ собравшихся женщинъ одѣты изящно, и вы съ трудомъ вѣрите, что это простыя женщины-рабочія или жены, мужья которыхъ работаютъ на фабрикахъ, но какъ бы то ни было, а васъ увѣряютъ, что большинство принадлежитъ къ рабочему классу. Съѣздъ открывается адресомъ президента M-rs Abbot, чтеніемъ годичнаго отчета, и затѣмъ генеральный секретарь читаетъ докладъ: «Почему женщины-работницы нуждаются въ правѣ выбора (vote)?» Какъ по поводу отчета, такъ и доклада возникаютъ очень оживленныя преніи, и что поражаетъ иностранца,—это *умѣнье говорить, находчивость*; затѣмъ, видно, что способность говорить не ограничивается здѣсь маленькимъ кругомъ лицъ, напротивъ, здѣсь говорятъ всѣ, и все это въ такихъ парламентскихъ формахъ, что дисциплина невольно поражаетъ васъ.

Нѣкоторыя говорятъ сильно пользуясь slaing'омъ, но чувствуется серьезное отношенiе къ дѣлу, глубокая вѣра, сильное чувство.

Видно, что одна идея сплачиваетъ эту толпу.

Въ январѣ 1883 г. журналъ, посвященный интересамъ коопераціи, *Cooperative News* отвелъ особый отдѣлъ женщинѣ и ея положенію въ дѣлѣ коопераціи подъ общимъ названіемъ: *Woman's Corner*. Госпожа Acland — жена бывшаго министра народнаго просвѣщенія—открыла этотъ отдѣлъ своей вступительной статьей. Она ярко обрисовала здѣсь положеніе мужчины въ коопераціи и положеніе женщины. Между тѣмъ, какъ мужчинамъ — говоритъ она—при основаніи новаго общества говорятъ: идите вотируйте, критикуйте, работайте (Come! Help! Vote! Criticise, Act!),—къ женщинѣ обращаются лишь со словами: приходи и покупай! (Come and buy). Къ этому сводится теперь роль женщины въ коопераціи,—восклицала г-жа Acland,— но развѣ мы не можемъ пойти далѣе? Развѣ мы не можемъ имѣть нашихъ митинговъ, чтеній и т. д. *)?

Идея расширенія роли женщины въ дѣлѣ коопераціи нашла себѣ отголосокъ, и въ этомъ же году была основана особая кооперативная женская лига, которая насчитывала первоначально всего 50 членовъ. Лига вскорѣ была переименована въ гильдію *Women's Cooperative Guild*. Первый циркуляръ, изданный лигой въ томъ же году, такъ рисовалъ цѣли послѣдней: 1) распространять свѣдѣнія о полезности коопераціи; 2) возбуждать большій интересъ къ коопераціи среди лицъ, которымъ выгоды послѣдней уже извѣстны; 3) и вообще стремиться къ улучшенію положенія женщины во всей странѣ.

Лига начала быстро развиваться и уже въ 1886 г. имѣла 25 вѣтвей при 800 членахъ, и англійскій кооперативный союзъ (Cooperative Union) призналъ полезность ея тѣмъ, что далъ женской гильдіи въ этомъ году субсидію въ 10 фунтовъ. Въ 1887 г. была уже 31 вѣтвь и 1,400 членовъ, въ 1890—1891 г. 63 вѣтви и свыше 2,000 членовъ, въ 1894 г. 170 вѣтвей при 7,511 членахъ **). По отчету 1896 г. (апрѣль) гильдія считала уже 200 вѣтвей и 9,093 члена ***), а въ настоящее время уже около 220 вѣтвей и 10,000 членовъ ****).

Огромное большинство членовъ гильдіи—замужнія женщины изъ рабочаго класса, мужья которыхъ состоятъ членами мѣстныхъ потребительныхъ обществъ *****).

---

*) *Women's Cooperative Guild. Handbook of the annual Meeting*. London, July 9-th, 10-th and 10-th 1895. *Short History of the Women's Cooperative Guild*, стр. 10—11.

**) См. ibid. *Short History of the Wom. Coop. Guild*, 18.

***) 13-th Annual. *Report of the Wom. Coop. Guild*, стр. 3.

****) Эти данныя любезно сообщены намъ въ длинномъ письмѣ генеральнымъ секретаремъ гильдіи Miss Hewelyn Davies. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы воспользуемся многими данными этого письма.

*****) Письмо Miss Davies.

Итакъ, надо имѣть въ виду, что большинство членовъ англійской гильдіи—простыя женщины-работницы или бывшія ранѣе работницами и лишь небольшой слой членовъ принадлежитъ къ высшему обществу.

Цѣли лиги сводятся теперь: 1) къ развитію коопераціи и вообще соціальной жизни и 2) къ поднятію домашней жизни (domestic life). Сейчасъ мы поясримъ подробнѣе, что содержатъ въ себѣ эти двѣ рубрики.

Безпрерывно указывалось—говорится въ одной брошюрѣ *), публикованной гильдіей—что успѣхъ потребительнаго общества зависитъ въ сильной степени отъ женщинъ, какъ лицъ производящихъ расходы, и потому *вѣрность лавкѣ есть первая заповѣдь гильдіи*. Гильдія требуетъ, чтобы женщина была пайщикомъ общества за свой счетъ, посѣщала четвертныя митинги послѣдняго, принимала бы участіе въ управленіи общества. Женщины—члены гильдіи должны стараться развивать общественную жизнь среди членовъ общества такъ, чтобы лавка не была только машиной для снабженія пищи и платья, но была бы идеальнымъ клубомъ, снабжая членовъ книгами, организуя лекціи, концерты, совмѣстныя поѣздки и т. д. **).

Для выполненія этой цѣли члены гильдіи должны сами изучать кооперацію и ея принципы, для чего служатъ лекціи, читаемыя для нихъ, масса брошюръ, издаваемыхъ гильдіей и т. д. Затѣмъ на нихъ лежитъ обязанность пропагандировать кооперацію; поддерживать вновь возникающія общества, посѣщать митинги, назначенные для цѣлей пропаганды, говорить на нихъ, пріобрѣтать новыхъ членовъ для гильдіи и вообще всѣми средствами распространять идею коопераціи. Нѣкоторые ревностные члены въ этихъ цѣляхъ пропаганды оставляютъ по прочтеніи ими листки и брошюры о коопераціи въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, въ конкахъ, въ кафе и въ вокзальныхъ залахъ,—вообще тамъ, гдѣ есть надежда, что кто-либо можетъ отъ скуки заинтересоваться и прочесть ***).

Далѣе вожаки видятъ въ гильдіи прекрасную школу для женщины—въ *подготовкѣ ея къ муниципальной жизни* ****).

Женщины теперь не только пользуются правомъ голоса при муниципальныхъ выборахъ, но онѣ могутъ быть членами приходскаго совѣта (Parish Council), совѣтовъ сельскихъ округовъ (rural district Council), только онѣ не могутъ быть членами совѣта графствъ и городовъ (County and Town Council *****).

Это открываетъ широкое поле для женщины, и при желаніи онѣ могутъ много сдѣлать, агитируя въ пользу открытія публичныхъ бань, прачешенъ, публичныхъ библіотекъ, читальныхъ залъ и т. д.

Въ этихъ цѣляхъ въ курсъ лекцій, предлагаемыхъ вѣтвямъ, гильдія

*) *How to Start and work a branch with model branch rules*. Manchester, 1896.
**) Ibid., стр. 4.
***) Women and Cooperation, by Sarah Reddish, стр. 5.
****) См. упомянутую уже брошюру „How to Start“.
*****) How, as Guild Women, Shall we most fully use our powers under the new Local Government Act? by m-rs Abbott. 1894, стр. 5.

включаетъ много курсовъ о муниципальной жизни и мѣстномъ управленіи въ Англіи, стараясь ознакомить своихъ членовъ съ ихъ правовымъ положеніемъ и развить въ нихъ интересъ къ общественной жизни.

Въ виду того, что въ текущую сессію въ Англіи въ палату общинъ былъ внесенъ билль о дарованіи женщинамъ права голоса, то въ женской кооперативной гильдіи на очередь былъ поставленъ этотъ вопросъ и четыре мартовскіе секціональные съѣзды 1897 г. были посвящены чтенію докладовъ по этому вопросу и дебатированію *).

Помимо этихъ вопросовъ естественно, что вопросы тѣсно связанные съ положеніемъ женскаго труда особенно занимаютъ гильдію, и съ этою цѣлью произведено было гильдіей нѣсколько обслѣдованій по вопросамъ о часахъ работы и заработной платѣ женщинъ въ кооперативныхъ лавкахъ, о женской работѣ нетекстильной индустріи, о продавщицахъ въ лавкахъ и т. д.

Гильдія агитируетъ противъ сверхурочной работы **), противъ Sweating Systeme ***), стоитъ за сокращеніе часовъ работы для женщинъ ****), за назначеніе инспекторовъ изъ женщинъ *****) и женщинъ-врачей для освидѣтельствованія здоровья дѣвушекъ, поступающихъ на фабрику.

Вышеуказанныя брошюры были разосланы по всѣмъ вѣтвямъ, и гильдія просила послѣднихъ высказаться по слѣдующимъ вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ работой женщинъ:

a) о введеніи такихъ же условій труда въ нетекстильныхъ отрасляхъ, какія установлены теперь закономъ для лицъ, работающихъ въ текстильныхъ отрасляхъ;

b) объ уничтоженіи сверхурочной работы для женщинъ;

c) о назначеніи женщинъ фабричными инспекторами;

d) чтобы всѣ мѣста работы подлежали надзору фабричной инспекціи, гдѣ 3 или болѣе лицъ, безразлично—связаны ли они между собой узами крови или брака, или нѣтъ, производятъ какую-либо работу и т. д.

142 вѣтви на своихъ митингахъ прочли эти брошюры и до марта (срокъ присылки—конецъ апрѣля) по полученнымъ отвѣтамъ 49 вѣтвей высказались въ пользу (a), 28 въ пользу (b), 15 — (c) и 7 — (d). Въ цѣляхъ болѣе широкой пропаганды этихъ идей гильдіей былъ организованъ особый стафъ лекторовъ въ числѣ 36 для посѣщенія вѣтвей по желанію этихъ послѣднихъ и обсужденія вышеупомянутыхъ брошюръ; 49 вѣтвей воспользовались услугами этихъ лекторовъ «readers» ******).

Итакъ, цѣль женской кооперативной гильдіи не ограничивается лишь

---

*) См. Why working women need the vote. Four papers read at the Sectional Conferences 1897.

**) Abolition of overtime by miss Harris.

***) Evils of home work for women by miss March Phillipps.

****) Reduction of hours of work for Women by m-rs Vaughan Nash.

*****) Women as factory inspectors and certifying Surgeons by miss Ford.

******) 13 Annual Report. 1896. 24.

кооперацiей; гильдія, какъ учрежденіе живое, взросшее въ странѣ политической свободы, включаетъ въ свои задачи почти весь женскій вопросъ.

Гильдія стремится улучшить экономическое положеніе женщины, воспитать ее въ широкомъ смыслѣ этого слова и подготовить къ политической жизни, поэтому теперь такъ много и удѣляется гильдіей вниманія ознакомленію своихъ членовъ съ правами, предоставленными женщинамъ послѣднимъ актомъ мѣстнаго управленія.

Въ своихъ отчетахъ гильдія обычно шлетъ свое поздравленіе тѣмъ изъ своихъ членовъ, которымъ посчастливилось получить то или другое положеніе въ мѣстномъ управленіи.

Въ общихъ чертахъ организація кооперативной гильдіи сводится къ слѣдующему *). Ячейкой гильдіи является вѣтвь (branch), состоящая не менѣе какъ изъ 10 членовъ. Каждая вѣтвь, насколько дѣло идетъ лишь относительно мѣстныхъ дѣлъ, совершенно независима.

Затѣмъ эти вѣтви группируются въ округа (districts), округа—въ секцію. Вся Англія раздѣлена теперь на 5 секцій: внутренняя, сѣверная, сѣверо-западная, южная и западная. Наконецъ общее завѣдываніе всей гильдіей сосредоточивается въ центральномъ комитетѣ и совѣтѣ, члены которыхъ избираются вѣтвями (branches).

На общія нужды гильдіи каждая вѣтвь должна уплачивать въ центральный фондъ не менѣе 2 пенсовъ съ каждаго члена, принадлежащаго къ ней **).

Ежегодно гильдія имѣетъ свой конгрессъ, продолжающійся 3 дня, на который каждая вѣтвь (branch) можетъ посылать одного делегата на каждые 25 человѣкъ своихъ членовъ ***).

Кооперативный союзъ даетъ теперь гильдіи субсидію въ 100 фунт. ****), точно также и отдѣльныя общества даютъ субсидіи (отъ 5 до 15 фунт., а иногда и до 40) тѣмъ или инымъ вѣтвямъ женской гильдіи, связаннымъ съ ними въ виду той благотворной роли въ развитіи коопераціи, какую теперь играетъ гильдія.

Теперь начинаетъ признаваться, что кооперативная машина лавки не вполнѣ закончена безъ этого добавочнаго колеса (т.-е. женской кооперативной вѣтви), говоритъ Miss Webb *****), и эти слова подтверждаются тою возрастающею матеріальною помощью, которую потребительныя общества оказываютъ вѣтвямъ и гильдіи.

Если мы вспомнимъ, что основная черта англійской кооперативной организаціи практичность, то уже этотъ фактъ субсидированія ими гильдіи много говоритъ въ пользу дѣйствительной полезности работы послѣдней.

---

*) См. How to Start and work a branch и The Machinery of the cooperative Movement by Miss Cath. Webb. 1895, стр. 12, и особенно Rules of the Women's cooperative Guild. Manchester, 1894.

**) См. стр. 5. Rules of the Women's coop. Guild.

***) The organisation of the Women's cooperative Guild by Miss Mayo Manchester, 1896.

****) 13-th Report of the Women's Coop Guild.

*****) The Machinery and the Movement. 1895, стр. 12.

Средства вѣтви получаются путемъ ежегодныхъ взносовъ членами по 1—2 шилл. въ годъ, и кромѣ того нѣкоторыя общества, какъ уже упомянуто, даютъ субсидіи: одна вѣтвь получаетъ такимъ путемъ 48 ф. въ годъ, 3—по 40 ф., 1—по 20 ф. и т. д. Кромѣ того, почти всѣ пользуются даровымъ помѣщеніемъ и освѣщеніемъ отъ потребительныхъ обществъ *). Но нѣкоторыя потребительныя общества ничего не даютъ въ пользу вѣтви или слишкомъ мало, и 13-й отчетъ гильдіи обращается къ потребительнымъ обществамъ съ просьбою о болѣе щедрой помощи: «Едва ли справедливо—говорится въ отчетѣ—что женщины должны *платить,* чтобы работать, въ то время, какъ воспитательные комитеты обществъ имѣютъ средства и не знаютъ что̀ дѣлать съ ними. Между тѣмъ какъ наша работа чисто-воспитательная **).

Разъ въ годъ происходитъ конгрессъ кооперативной гильдіи. Интересъ къ ней виденъ уже изъ того огромнаго количества лицъ, которыя принимаютъ въ ней участіе. Такъ на послѣднемъ конгрессѣ въ Лондонѣ въ іюлѣ 1896 г. было ежедневно отъ 300 до 600 человѣкъ. Эти годичные митинги а также окружныя конференціи секцій гильдіи—одинъ изъ важнѣйшихъ аттрибутовъ гильдіи, пишетъ генеральный секретарь послѣдней, г-жа Hewelyn Davies.

Они много дѣлаютъ, чтобы поднять и поддержать среди женщинъ энтузіазмъ къ своему дѣлу и чрезъ нихъ же пропагандируются новые пріемы и методы работы. Посредствомъ этихъ митинговъ вѣтви стоятъ въ тѣсномъ соприкосновеніи одна съ другой и въ результатѣ глубокое сознаніе единства всей гильдіи (and as a result there is a strong feeling of unity throughout the Guild).

Одна изъ задачъ гильдіи—это привлечь женщинъ не только къ пассивной роли покупки товаровъ, но и къ дѣятельному участію въ дѣлахъ лавки и вообще въ кооперативномъ союзѣ, и успѣхи въ этомъ направленіи, обязанные въ сильной степени гильдіи, очень значительны.

Такъ miss Webb и еще одна женщина получили теперь мѣсто въ Central Cooperative Board южной секціи кооперативнаго союза, 101 женщина засѣдаютъ въ воспитательныхъ комитетахъ, 16 занимаютъ мѣста въ администраціи потребительныхъ обществъ.

Большую роль гильдія играла въ связи съ учрежденіемъ People's Cooperative Society въ Лондонѣ. Какъ извѣстно, до сихъ поръ кооперація не прививалась какъ-то къ Лондону. Одной изъ причинъ этого, повидимому, была подвижность населенія Лондона. Новое общество имѣя въ виду идти навстрѣчу этимъ особымъ условіямъ, открыло уже 12 отдѣленій въ разныхъ частяхъ Лондона и предполагаетъ открыть еще 15; при этомъ члены общества, въ какомъ бы отдѣленіи общества они ни забирали свои товары, на всѣ свои покупки получаютъ дивидендъ изъ центральнаго бюро.

---

*) 13-th Report, стр. 17.

**) 13-th Annual Report. 1896, стр. 10.

Мѣстности, гдѣ открыты отдѣленія или предположено открыть, выбраны съ такимъ разсчетомъ, чтобы по возможности рабочему человѣку, состоящему членомъ общества, при своемъ перемѣщеніи удобно было пользоваться услугами какого-либо другого отдѣленія, и слѣдовательно не приходилось порывать своей связи съ потребительнымъ обществомъ *).

Къ 30 декабрю 1896 г. это общество имѣло уже 2,015 членовъ и 793 вновь было предложено.

Женская кооперативная гильдія много помогла учрежденію этого общества, принимая самое дѣятельное участіе въ его пропагандѣ.

Много митинговъ было организовано лишь исключительно женскою кооперативною гильдіей, много было произнесено женщинами рѣчей въ пользу новаго общества.

Въ цѣляхъ лучшаго выполненія вышеуказанныхъ задачъ, гильдія облегчаетъ, насколько возможно, устройство лекцій по разнымъ вопросамъ кооперацiи, муниципальной жизни, домашней экономіи и т. д.

Съ этою цѣлью гильдія входитъ въ соглашеніе съ лекторами (огромное большинство лектрисы) и публикуетъ особый циркуляръ съ указаніемъ именъ и адресовъ лектрисъ и темъ, избранныхъ послѣдними, а также и условій ихъ приглашенія. За немногими исключеніями, лектрисы читаютъ свои лекціи безъ всякаго вознагражденія, и лишь расходы по путешествію и ночлегу должны быть покрыты членами пригласившей вѣтви. Вѣтви или сами приглашаютъ лекторовъ, или чрезъ генеральнаго секретаря гильдіи. Чтобы видѣть, по какимъ разнообразнымъ вопросамъ организуются лекціи, мы сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ списка лекторовъ, предложеннаго для южной секціи гильдіи.

Такъ miss Tournier предлагаетъ безплатно свои услуги на темы: 1) королева Викторія, 2) Чарльзъ Кингслей (съ музыкой) и 3) совмѣстное воспитаніе мальчиковъ и дѣвочекъ.

Miss Webb—жизнь и обязанности гражданина (4 лекціи—полный курсъ 2 ф. 2 ш.) и безплатно на тему о женской кооперативной гильдіи.

Г-жа Green—женщина, какъ кооператоръ.

Miss Clarke—женщины и реформа закона о бѣдныхъ.

Miss Honor Morten—фабричные законы и т. д.

Далѣе предлагаются лекціи на темы:

«О женскихъ союзахъ», «Какъ поднять заработную плату женщинъ?» «Необходимость организаціи среди женщинъ».

«Индустріальная система и семья»

«Вегетаріанская кухня».

«Приготовленіе платья».

«Гигіена».

«Положеніе женщинъ на Востокѣ».

---

*) The People's Cooperative Society издаетъ свой мѣсячный журналъ *The Wheatsheaf*.

«Няньки и нянчанье дѣтей» *).

«Работа женщины въ мѣстномъ управленіи».

«Соціальная и медицинская сторона вопроса о питейныхъ напиткахъ» и т. д.

Всего къ услугамъ гильдіи около 200 лекцій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ.

Большинство лекторовъ и лектрисъ, какъ мы уже упоминали, читаютъ лекціи даромъ и лишь нѣкоторые взимаютъ небольшую плату отъ 5 шил. до 1 ф. за лекцію, т.-е. слѣдоват. отъ $2^1/_2$ р. до 10 р. За послѣдній отчетный годъ, 34 вѣтви, по словамъ отчета, воспользовались услугами лекторовъ гильдіи **).

Гильдія желая пробудить женщинъ къ общественной жизни въ той сферѣ, гдѣ это наиболѣе легко, въ особенности рекомендовала своимъ отдѣламъ, въ зиму 1896—7 г., посвятить по крайней мѣрѣ по 2 вечера ознакомленію съ дѣйствующею системой призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи, такъ какъ въ ноябрѣ 1897 г. имѣютъ мѣсто выборы въ надзиратели (Poor-law Guardians), и гильдія желала бы направить женщинъ на этотъ родъ общественнаго дѣла. Теперь членовъ гильдіи состоитъ въ званіи Poor-law Guardians—23 человѣка, и гильдія приглашаетъ попытаться удвоить это число въ текущемъ году. Съ цѣлью ознакомленія съ системою призрѣнія рекомендуется чтеніе лекцій по исторіи призрѣнія, приглашеніе лектора (Poor-law Guardian) для ознакомленія съ дѣйствующею организаціей и затѣмъ личное ознакомленіе съ какимъ-либо рабочимъ домомъ ***).

Въ прошломъ году гильдія произвела ознакомленіе съ условіями женскаго труда въ кооперативныхъ обществахъ, и такъ какъ эти условія гораздо выше, чѣмъ въ частныхъ предпріятіяхъ, то также циркуляръ рекомендуетъ посвятить одинъ вечеръ съ ознакомленіемъ результатовъ этого обслѣдованія ****), желая воспользоваться этимъ какъ агитаціоннымъ средствомъ для улучшенія положенія рабочихъ женщинъ у частныхъ предпринимателей.

Въ виду потребности въ лекціяхъ и лектрисахъ, гильдія принимаетъ особыя мѣры для выработки послѣднихъ, организуя особые классы путемъ письменныхъ сношеній (correspondence class) для изученія отдѣльныхъ вопросовъ.

Затѣмъ устроена при гильдіи особая библіотека съ брошюрами по вопросамъ о коопераціи, условіяхъ работы и заработной платы женщины и т. д. Вѣтви могутъ пользоваться этими книгами. Списокъ вновь пріобрѣтенныхъ книгъ публикуется въ *Cooperative News* *****).

---

*) См. Winter Circular 1896. *List of Lecturers.*

**) См. 13-th Report, стр. 16.

***) Недавно гильдіей изданы двѣ брошюры о призрѣніи бѣдныхъ: одна даетъ исторію законовъ о бѣдныхъ (*History of the poor law 1896*, *Manch.*), а другая рисуетъ современную постановку призрѣнія бѣдныхъ—*Present day poor law administration 1897.*

****) Conditions of Work of Women and Girls in Cooperative Stores in England. June, 1896.

*****) The organisation of the Women's Cooperative Guild by Miss Mayo. Manchester, 1896, стр. 10.

Сама гильдія публикуетъ ежегодно нѣсколько брошюръ по вопросамъ, интересующимъ гильдію. Такъ, за послѣдній отчетный годъ были публикованы слѣдующія брошюры:

«Машина нашего движенія»—Miss Webb (1 пен.), «Организація гильдіи» — Miss Mayo (1 п.), «Часы женской работы», «Женщины какъ фабричные инспектора» (1 п.), «Зло домашней работы» и т. д.

Брошюры написаны очень просто и ясно и разсчитаны на пониманіе рабочей женщины.

Въ цѣляхъ пропаганды своего дѣла, гильдія десятками тысячъ раздаетъ особые листки: *Reasons for joining the Women's Cooperative Guild*, гдѣ кратко перечисляются выгоды гильдіи для женщинъ по 6 пунктамъ: что 1) она распространяетъ знаніе о коопераціи, благодаря которой улучшается положеніе рабочаго класса, 2) показываетъ, какъ много хорошаго могутъ сдѣлать женщины, оставаясь вѣрными своей лавкѣ, 3) помогаетъ развить соціальную жизнь въ обществѣ путемъ концертовъ, лекцій, классовъ и т. д.

Итакъ, члены гильдіи приглашаютъ лекторовъ, лектрисъ, сами слушаютъ лекціи и учатся и въ то же время сами читаютъ лекціи и поучаютъ другихъ о воспитательныхъ и соціальныхъ задачахъ коопераціи *).

Если мы вспомнимъ, какую огромную роль женщина можетъ играть въ коопераціи въ качествѣ лишь простой покупательницы, то ясно, насколько роль ея увеличится, когда она будетъ снабжена цѣлымъ арсеналомъ кооперативнаго знанія.

Въ Ноттингэмѣ на митингѣ кооперативной вѣтви одинъ ораторъ настаивалъ на образованіи особой вѣтви для мужчинъ, такъ какъ послѣдніе также нуждаются въ кооперативномъ воспитаніи, какъ и женщины **).

Собраніе отдѣльныхъ вѣтвей происходитъ или еженедѣльно, или каждыя двѣ недѣли. Заранѣе обычно на 3 — 6 мѣс. составляется программа занятій вѣтви, и иногда программа печатается.

Вечера посвящаются или слушанію приглашеннаго лектора, или чтенію брошюры по тому или другому вопросу, или кооперативнаго журнала (*Cooperative News*).

Нѣкоторыя вѣтви дѣлаютъ одинъ митингъ изъ 4 чисто-рекреативнымъ, увеселительнымъ, гдѣ приготовляется чай, кофе, шоколадъ, и члены играютъ, поютъ, декламируютъ; это такъ наз. coffee nights.

Гильдія высказывается противъ всякой замкнутости этихъ вечеровъ и говоритъ, что эти вечера даютъ очень удобный случай заинтересовать стороннихъ лицъ въ коопераціи ***).

Вѣтви организуютъ свои хоры и тогда на этихъ вечерахъ они поютъ особыя кооперативныя пѣсни.

---

*) Report on the annual Meeting held in the Cooperative assembly hall Burnley. June 23-rd and 24-th 1896, стр. 7.

**) *The Cooper. News* 1895, № 34, стр. 890.

***) How to Start and work a branch..., стр. 9.

Гильдія рекомендуетъ посвящать періодически извѣстныя вечера чтенію и обсужденію кооперативнаго журнала, въ особенности отдѣла его, посвященнаго роли женщины въ коопераціи,—это уже выше упомянутый нами *Women's Corner*, — затѣмъ, чтобы развить интересъ къ общественнымъ дѣламъ, рекомендуется также регулярно время отъ времени обсуждать мѣстныя общественныя дѣла, съ этою цѣлью гильдія совѣтуетъ вѣтвямъ назначать особую секцію, которая бы имѣла на своей обязанности слѣдить за мѣстными газетами, и періодически, разъ въ мѣсяцъ, секція должна на митингѣ сообщать объ общественныхъ дѣлахъ и о разныхъ *публичныхъ* вопросахъ мѣстнаго управленія.

Чтобы развить способность къ слову, рекомендуется чтеніе какой-либо легкой брошюры и затѣмъ каждый членъ долженъ говорить, по крайней мѣрѣ, хотя бы одну минуту.

Съ этою же цѣлью пользуются такъ наз. Question Bot, т.-е. каждый членъ на клочкѣ бумаги пишетъ какой - либо вопросъ и кладетъ его въ ящикъ, и затѣмъ вынимаютъ ихъ, и каждый членъ вѣтви по очереди долженъ отвѣчать на тотъ вопросъ, который онъ вытащилъ. Это заставляетъ членовъ быстро схватывать сущность вопроса и пріучаетъ быстро находить отвѣтъ на предложенный вопросъ.

Иногда вѣтви устраиваютъ увеселительныя вечеринки для дѣтей*). Не надо забывать, что большинство членовъ гильдіи—замужнія женщины изъ рабочаго класса, и слѣдовательно вопросъ о дѣтяхъ, объ увеселеніяхъ для нихъ и т. п. долженъ играть не малую роль во время вечернихъ митинговъ вѣтви, какъ это въ дѣйствительности и имѣетъ мѣсто.

Чтобы представить яснѣе русскому читателю, какой характеръ носятъ митинги гильдіи, мы сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ кооперативнаго журнала (*Cooperative News*), въ спеціальномъ отдѣлѣ котораго почти въ каждомъ нумерѣ помѣщаются корреспонденціи съ новостями о разныхъ вѣтвяхъ гильдіи и ихъ жизни за текущій годъ подъ общимъ заглавіемъ: «News from the branches». Читатель, пробѣгая эти корреспонденціи, часто встрѣтится съ заявленіемъ той или другой вѣтви, что онѣ на своихъ митингахъ знакомятся съ этимъ отдѣломъ и находятъ въ немъ для себя много поучительнаго.

Такимъ образомъ этотъ отдѣлъ кооперативнаго органа служитъ средствомъ живого обмѣна опытовъ разныхъ вѣтвей гильдіи.

Мы сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ просто наудачу изъ нѣсколькихъ номеровъ за послѣдніе 3 года.

Такъ изъ Дентфорда сообщается, что тамошняя вѣтвь 6 янв. устроила

---

*) См. любопытный сборникъ: *Songs and readings for Cooperators* 1896, изданный воспитательнымъ комитетомъ англійскаго Кооперативнаго Союза. Этотъ сборникъ составленъ изъ произведеній разныхъ авторовъ, какъ-то: Вилліама Морриса, Гуда и т. д., и приноровленъ къ цѣлямъ коопераціи.

**) См. Hints for Branch Meetings September 1894.

большой вечеръ для дѣтей съ елкой, музыкой, пѣніемъ, танцами, играми, волшебнымъ фонаремъ, чаемъ и т. д.

120 человѣкъ дѣтей было на вечерѣ *).

Изъ Langley Mill сообщается о большомъ вечерѣ 4 янв., устроенномъ гильдіей, на которомъ было до 200 народу. Программа состояла изъ пѣнія, чтенія, декламаціи и т. д. Былъ прочтенъ коротенькій адресъ на тему лояльности потребительному обществу (loyalty to the Stores **).

О такомъ же вечерѣ, устроенномъ для дѣтей, сообщается изъ Эпсома (Epsom) отъ 12 янв., гдѣ было почти 230 человѣкъ дѣтей. Для нихъ была организована музыка, игры, чай, раздавались фрукты, преподнесенные для этой цѣли мѣстнымъ потребительнымъ обществомъ ***).

То же самое, но въ меньшемъ размѣрѣ (40 дѣтей), имѣло мѣсто въ Ashford'ѣ 9 янв. ****).

Вотъ корреспонденція изъ Berry Brow сообщаетъ объ успѣхахъ мѣстной гильдіи, которая, образованная лишь годъ тому назадъ при 22 членахъ, теперь насчитываетъ 130 членовъ. Корреспонденія говоритъ, что въ теченіе прошлаго года было прочтено много лекцій, между прочимъ лекція «Гильдія и потребительная лавка» и «Кооперативное оптовое общество», далѣе лекція о пищѣ, курсъ лекцій объ ухаживаніи за больными (sick nursing) и т. д., затѣмъ въ теченіе года былъ данъ одинъ концертъ, два night coffees и дѣтскій вечеръ, устроена была совмѣстная загородная прогулка (outing *****).

Въ томъ же померѣ говорится о большихъ дѣтскихъ вечерахъ, устроенныхъ въ Beceles (около 150 дѣтей) и въ Staines and Egham (148 дѣтей). Мало того, иногда гильдіи приглашаютъ на эти вечера бѣдныхъ дѣтей изъ рабочихъ домовъ ******) и т. д. Число этихъ примѣровъ можно увеличить безъ конца, но желающихъ мы отсылаемъ къ этому спеціальному отдѣлу.

Итакъ, вѣтви разбросаны по всей Англіи, члены ихъ собираются каждую недѣлю или каждыя двѣ недѣли, и здѣсь, на этихъ собраніяхъ, культивируется кооперативное знаніе. Пусть члены собрались даже, чтобы поговорить другъ съ другомъ, послушать музыку, но, все-таки, они собрались во имя коопераціи и подъ флагомъ ея, въ ея помѣщеніи, и это невольно закрѣпляетъ связь ихъ съ коопераціей. На большинствѣ митинговъ читаются лекціи или доклады о коопераціи, эти вопросы обсуждаются, возбуждается интересъ къ нимъ, который затѣмъ далеко выходитъ за предѣлы членовъ вѣтви. Такимъ путемъ создаются новые адепты коопераціи,— адепты, относящіеся болѣе серьезно къ коопераціи и глубже и шире понимающіе ея задачи.

---

*) *Cooperative News* 1894, Jan. 20, стр. 83.

**) Ibid.

***) *The Coop. News* 1894, Jan. 27, стр. 107.

****) Ibid.

*****) *The Coop. News* 1894, Febr. 3, стр. 131.

*****) Ibid., 1897, № 1, стр. 19.

Такимъ образомъ гильдія и ея вѣтви являются хорошею школой кооперации. А эти увеселительные вечера для дѣтей... какое огромное воспитательное значеніе они должны имѣть! Первыя впечатлѣнія объ удовольствіяхъ, глубоко западающія въ душу ребенка, ассоціируются съ именемъ кооперации, съ первыхъ шаговъ своей жизни ребенокъ пріучается видѣть въ кооперации что-то свѣтлое, радостное: здѣсь, можетъ быть, впервые раздались для него звуки хорошей музыки, стройное пѣніе хора, здѣсь, въ этой простой залѣ, хорошо освѣщенной, среди своихъ сверстниковъ, было такъ хорошо ребенку, и эти радостныя впечатлѣнія глубоко залягутъ въ душу его, а затѣмъ сначала непонятныя слова, которыя долетали до его уха во время чтенія лекціи, будутъ съ теченіемъ времени проясняться и проясняться въ его сознаніи, и онъ пойметъ, что всѣми этими свѣтлыми впечатлѣніями дѣтства онъ былъ обязанъ *кооперации*, смыслъ и значеніе которой постепенно съ каждымъ вечеромъ будетъ вскрывать ему собраніе вѣтви.

И изъ ребенка будетъ формироваться сознательный кооператоръ, съ которымъ идея кооперации срастется органически до мозга костей.

Женщина легко можетъ встать во враждебныя отношенія къ обществу, въ дѣлахъ котораго она не принимаетъ никакого участія, и верхъ всегда остается тогда за ней; совсѣмъ иное отношеніе будетъ, когда женщина сама будетъ хозяиномъ этого общества *): она будетъ любить его какъ дѣло ея рукъ, она будетъ видѣть въ немъ лучъ свѣта, вносящій уже теперь въ ея жизнь активные общественные интересы и подающій ей надежду на широкую общественную дѣятельность въ будущемъ.

Ив. Озеровъ.

---

*) Въ одномъ потребительномъ обществѣ было замѣчено, что со времени основанія вѣтви женской гильдіи члены стали болѣе вѣрны лавкѣ. *The Coop. News* 1895, № 34, стр. 890.

Краткій историческій очеркъ дѣятельности пермскаго земства по народному образованію со времени введенія земскихъ учрежденій.

Со времени введенія (1870 г.) въ Пермской губерніи земскихъ учрежденій по настоящее время развитіе народнаго образованія въ нашемъ краѣ совершается въ прямой зависимости отъ дѣятельности названныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Земство на первыхъ же порахъ своего существованія признало попеченіе о народномъ образованіи одною изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ. Разумно и энергично работало земство надъ выполненіемъ этой задачи. За 25-лѣтіе (1870—1895 г.) число народныхъ училищъ въ Пермской губерніи возросло болѣе чѣмъ на 500; количество учащихся съ 8,597 достигло 58,579, школьный бюджетъ увеличился въ $10^1/_2$ разъ.

Средства на содержаніе вновь открываемыхъ школъ, на улучшеніе существующихъ изыскиваются, за немногими исключеніями, земствомъ. Живое и дѣятельное участіе въ лицѣ своихъ представителей принимало земство въ организаціи и усовершенствованіи внутренняго строя народныхъ училищъ. Цѣлый рядъ плодотворныхъ мѣропріятій для развитія и улучшенія народнаго просвѣщенія произведенъ былъ за 25 лѣтъ, благодаря земскимъ учрежденіямъ,— во многихъ случаяхъ по ихъ иниціативѣ, въ другихъ—по указаніямъ администраціи министерства народнаго просвѣщенія, но, при помощи уѣздныхъ управъ и земскихъ собраній. Столь важное значеніе земства для развитія народнаго образованія въ Пермской губерніи требуетъ, чтобы въ настоящемъ очеркѣ преимущественное мѣсто было отведено обзору земской дѣятельности въ разсматриваемой области.

Дѣятельность земства за 25 лѣтъ очень видоизмѣнялась въ разныхъ уѣздахъ примѣнительно къ обстоятельствамъ времени и условіямъ мѣстности, была настолько обширна и такъ многостороння, что подробный обзоръ ея можетъ быть предметомъ только спеціальнаго изслѣдованія *).

*) Спеціальное изслѣдованіе необходимо еще и потому, что матеріалы по народному образованію по каждому отдѣльному уѣзду, а тѣмъ болѣе по губерніи, мало

Въ настоящемъ очеркѣ придется ограничиться свѣдѣніями о важнѣйшихъ фактахъ въ исторіи народнаго образованія въ земскій періодъ: въ цифровыхъ вѣдомостяхъ наглядно представляется постепенный количественный ростъ числа народныхъ училищъ, учащихся въ нихъ, окончившихъ курсъ, школьный бюджетъ; дополненіемъ и поясненіемъ къ цифровымъ даннымъ послужатъ краткая характеристика состоянія народныхъ училищъ предъ введеніемъ земскихъ учрежденій и сжатый сводъ мѣропріятій уѣздныхъ земствъ по народному образованію за истекшее 25-лѣтіе.

Состояніе народныхъ училищъ, существовавшихъ предъ введеніемъ земскихъ учрежденій и принятыхъ послѣдними въ свое вѣдѣніе.

Доклады уѣздныхъ управъ очереднымъ земскимъ собраніямъ за 1870—1872 гг. изобилуютъ сообщеніями о крайне печальномъ состояніи начальнаго образованія въ Пермской губерніи предъ введеніемъ земскихъ учрежденій и въ первые годы существованія ихъ, когда дѣятельность земства не успѣла еще развиться. «Школъ мало, обставлены онѣ бѣдно, учителя не подготовлены. Учебныхъ пособій недостаточно. Успѣхи неудовлетворительны. Надъ школами нѣтъ правильнаго и постояннаго контроля; случайныя и рѣдкія посѣщенія училищъ чиновниками министерства государственныхъ имуществъ и министерства народнаго просвѣщенія или благочинными не оказываютъ должнаго вліянія на учебно-воспитательный строй школы». Вотъ краткое резюме свѣдѣній, собранныхъ управами о состояніи боль-

разработаны. Основными (и почти единственными) источниками для исторіи народнаго образованія за 1870—1895 г., несомнѣнно, должны служить доклады земскихъ управъ и журналы земскихъ собраній, отчетныя свѣдѣнія инспекцій и дирекціи. Къ сожалѣнію, въ тѣхъ и другихъ есть существенные дефекты. Доклады управъ и журналы земскихъ собраній не всегда подробно рисуютъ положеніе народнаго образованія въ извѣстномъ году и часто умалчиваютъ о многихъ важныхъ сторонахъ дѣла. Иногда даже является не выясненнымъ, исполнено ли извѣстное постановленіе земскаго собранія и пр. Рѣдко встрѣчаются въ докладахъ земскимъ собраніямъ характеристики внутренней стороны училищъ. Другой источникъ—архивы инспекцій — также не представляетъ желательной полноты. Подробные отчеты гг. инспекторовъ объ осмотрѣ ими училищъ, какъ извѣстно, препровождаются въ министерство народнаго просвѣщенія и тамъ остаются. Въ архивахъ инспекцій и дирекцій остаются, въ большинствѣ случаевъ, цифровыя данныя. При частой смѣнѣ гг. инспекторовъ въ прежніе годы и въ виду того, что районы инспекцій ранѣе обнимали нѣсколько уѣздовъ, естественно, что группировка цифровыхъ данныхъ о ходѣ народнаго образованія — дѣло очень нелегкое. Изъ появлявшихся въ печати очерковъ по народному образованію въ Пермской губерніи заслуживаютъ вниманія: 1) въ *Адресъ-Календарѣ* за 1895 годъ; 2) *Очеркъ развитія народнаго образованія въ Ирбитскомъ уѣздѣ*, Удинцева; 3) своды постановленій земскихъ собраній за 20—25 лѣтъ въ Оханскомъ и Екатеринбургскомъ уѣздахъ; 4) *Состояніе народнаго образованія въ Красноуфимскомъ уѣздѣ*, Корватовскаго. Участіе губернскаго земства въ развитіи народнаго образованія было такъ незначительно до послѣдняго времени, что въ настоящемъ историческомъ очеркѣ о немъ не приходится и упоминать.

шинства училищъ, принятыхъ земствомъ въ свое вѣдѣніе. Порядочно поставленныя школы были единичными исключеніями и обязаны были своимъ существованіемъ поддержкѣ частныхъ лицъ. Такъ, управитель Сылвинскаго завода, Красноуфимскаго уѣзда, А. Н. Семевскій, въ 60-хъ годахъ учредилъ народное училище, предоставивъ для помѣщенія его барскій заводскій домъ, сумѣлъ изъ % отчисленія заработной платы составить солидный капиталъ, который обезпечилъ существованіе училища *). Двѣ школы въ Нижне-Тагильскомъ и одна въ Нижне-Салдинскомъ заводахъ, Верхотурскаго уѣзда, дѣло въ которыхъ шло удовлетворительно, поддерживались заботливостью частныхъ лицъ, но поддержка эта касалась исключительно одной матеріальной стороны и то въ недостаточныхъ размѣрахъ **).

Въ Шадринскомъ уѣздѣ, для потребностей населенія въ 300 тысячъ человѣкъ обоего пола, существовало только 14 училищъ съ 529 учащимися, что въ среднемъ составляетъ 1 школу на 21 тысячу человѣкъ жителей, т.-е. въ 21 разъ меньше нормальнаго числа училищъ по разсчету, принятому пермскою губернскою управой еще въ 1873 году ***).

Въ Верхотурскомъ уѣздѣ на 11 волостей государственныхъ крестьянъ, числомъ до 53 тысячъ, въ 1870 году было 3 школы, изъ которыхъ только одна могла назваться удовлетворительной. Сравнительно въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ находилось народное образованіе въ Ирбитскомъ уѣздѣ, гдѣ числилось 21 училище, но и здѣсь общее количество учащихся не превышало 6% дѣтей школьнаго возраста.

Всего въ Пермской губерніи, на пространствѣ 293.396,3 кв. версты, при населеніи свыше 2 милліоновъ (приблизительно) въ 1870 г. насчитывалось только 238 народныхъ училищъ, а слѣдовательно 1 училище приходилось на 9,000 населенія и на 1,233 кв. версты.

О внѣшней обстановкѣ училищъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ: 64 учащихся Байкаловскаго училища, Ирбитскаго уѣзда, должны были помѣщаться въ низкой избѣ, длиною въ 10 шаговъ и шириною нѣсколько менѣе, за 4 столами... На вопросъ посѣтившаго школу инспектора, какъ можно разсадить 64 человѣка въ указанномъ помѣщеніи, завѣдывающій училищемъ священникъ отвѣчалъ: «нѣкоторые во время занятій стоятъ, а то еще примащиваютъ доски» ****).

Въ Осинскомъ уѣздѣ встрѣчались такія помѣщенія, гдѣ ученики, сидя въ классѣ, могли видѣть сквозь дырявыя стѣны все, что дѣлалось на улицѣ.

Учитель Новопаинскаго училища, Оханскаго уѣзда, въ своихъ донесе-

---

*) См. брошюру г. Корватовскаго — *Состояніе народнаго образованія въ красноуфимской инспекціи*, стр. 6—7.

**) Общій докладъ верхотурской управы IV-му очередному земскому собранію, стр. 40.

***) *Сборникъ матеріаловъ для ознакомленія съ Пермской губерніей*, выпускъ VI (приложеніе къ *Адресъ-Календарю* 1895 г., стр. 37).

****) *Очеркъ* Удинцева, стр. 13.

ніяхъ умолялъ управу нанять для школы сторожа, такъ какъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ онъ самъ топилъ печки и мылъ полы *).

Въ дѣлахъ юрлинскаго (Чердынскаго уѣзда) волостного правленія хранится отношеніе мѣстнаго учителя, который просилъ волостное правленіе одолжить для училища «пятокъ перьевъ», которыхъ въ школѣ ни одного не было.

Преобладающій элементъ въ учительскомъ персоналѣ до земскихъ школъ были члены клира. Священники, однако, за немногими исключеніями, сами, по многосложности пастырскихъ обязанностей и по другимъ причинамъ, не могли заниматься въ школахъ и приглашали вмѣсто себя отставныхъ солдатъ, писарей и т. п.

Низшіе члены клира оказывались совершенно неспособными къ педагогической дѣятельности. Среди учителей въ народныхъ школахъ Оханскаго уѣзда былъ только одинъ, имѣвшій званіе народнаго учителя.

Въ 1870 г. въ Оханскомъ уѣздномъ училищѣ подвергался испытанію на званіе учителя крестьянинъ Потанинъ, который въ прошеніи о допущеніи къ экзамену заявилъ, что онъ, по нездоровью, за неспособностью къ какой-либо работѣ, управленіемъ графа Строганова былъ назначенъ въ Острожское училище учителемъ. Оханскій мѣщанинъ, *кабатчикъ* Скелетовъ, обучалъ мальчиковъ въ верхнемъ этажѣ *питейнаго* дома. Получивъ требованіе явиться на испытаніе въ училищный совѣтъ, этотъ просвѣтитель бросилъ педагогическую дѣятельность и поступилъ въ судорабочіе. Таковы были люди, выступавшіе кандидатами на учительскія должности.

При плохой обстановкѣ, неподготовленныхъ учителяхъ, естественно, успѣхи обученія находились на весьма низкомъ уровнѣ.

По буквослагательному методу изучали «азы» и сидѣли на нихъ по двѣ-три зимы. Молитвы, разсказы изъ Священной исторіи вызубривались дословно, но безъ всякаго пониманія. «Остановишь ученика, который, захлебываясь, проговоритъ о чемъ-либо цѣлую тираду, попросишь объяснить, пересказать своими словами,—онъ тупо молчитъ или начинаетъ буквально повторять уже сказанное» **). «Школа издали слышна своимъ гудѣньемъ—это дѣти повторяютъ свой урокъ». Задавались работы языку и памяти ребятъ, но не призывался къ работѣ умъ, не возбуждалась любознательность.

Жалкіе результаты ученія въ народныхъ училищахъ не могли уяснить населенію значенія науки и развить симпатіи къ школѣ, какъ важнѣйшему общественному учрежденію.

Въ Костинской волости, Ирбитскаго уѣзда, крестьяне отказывались отдавать дѣтей въ училище, заявляя: «отцы и дѣды наши неграмотны были, а дома имѣли не хуже грамотныхъ» ***).

---

*) *Обзоръ развитія народнаго образованія въ Оханскомъ уѣздѣ*, Миропольскаго, стр. 13.

**) Такъ писалъ инспекторъ Парамоновъ въ своемъ отчетѣ.

***) *Очеркъ* Удинцева, стр. 15.

Печальное состояніе начальнаго образованія въ доземскій періодъ возложило на земство, принявшее народное образованіе на свое попеченіе, весьма трудную и сложную задачу. Какъ глубоко понимали эту задачу первые земскіе дѣятели, насколько раціональны были ихъ взгляды на постановку и организацію народной школы, можно видѣть изъ тѣхъ же докладовъ уѣздныхъ управъ, изъ которыхъ извлекались свѣдѣнія о школахъ доземскаго періода.

«Если Верховная власть — читаемъ мы въ докладѣ осинской управы I-му очередному земскому собранію — нашла возможнымъ обезпечить и улучшить быть крестьянъ въ матеріальномъ отношеніи, надѣливъ ихъ усадьбами и землею, то этимъ исполнена лишь половина задачи. Другая половина заключается въ снабженіи русскаго крестьянина тѣмъ нравственнымъ капиталомъ, безъ котораго человѣкъ не можетъ быть признанъ существомъ разумно-свободнымъ. Только посредствомъ распространенія грамотности чрезъ народныя школы, доступныя всѣмъ и каждому, возможно поднять нравственный и умственный уровень народной массы... Грамотность составляетъ орудіе, посредствомъ коего можетъ проникнуть въ народъ свѣтъ религіи, нравственности и науки, посредствомъ коего могутъ быть вызваны въ немъ такія нравственныя и умственныя силы, которыя безъ того никогда не пробуждались бы къ дѣятельности... Необходимо распространеніе техническаго образованія вообще и преимущественно ремесленныхъ школъ въ селеніяхъ, для доставленія желающимъ изъ крестьянъ средствъ къ отысканію мѣстныхъ заработковъ». Для выполненія такой задачи управой были намѣчены слѣдующія средства: 1) наставниками училищъ должны быть лица, которыя могли бы отдаться дѣлу всецѣло и исключительно; лица эти должны обладать извѣстными знаніями и достаточной педагогической подготовкой; 2) необходимо, чтобы школы имѣли приличныя и удобныя помѣщенія, а также всѣ нужныя руководства и вообще учебныя пособія; 3) для разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ въ педагогической практикѣ учителей, и вообще для улучшенія преподаванія и всей учебной части въ учреждаемыхъ училищахъ необходимо устраивать во время лѣтнихъ каникулъ педагогическіе съѣзды учителей при управѣ; 4) для усовершенствованія наставниковъ на мѣстѣ ихъ практики желательно учрежденіе должности инспектора-руководителя (уѣзднаго); 5) при училищахъ необходимо устроить читальни, которыя, будучи библіотеками, въ то же время снабжали бы книгами поселянъ; 6) при управѣ—библіотеку для самихъ наставниковъ, дабы они могли продолжать свое развитіе, слѣдить за ходомъ просвѣщенія и новыми методами преподаванія». Планъ этотъ былъ одобренъ II-мъ очереднымъ осинскимъ собраніемъ, которое при этомъ постановило расходы по устройству помѣщеній возлагать на сельскія общества, а всѣ прочіе расходы по организаціи училищъ принимать на земскій счетъ.

Губернская земская управа въ 1872 г. въ докладѣ собранію высказала желаніе, чтобъ объемъ преподаванія достигъ (со временемъ) въ нашихъ школахъ «тѣхъ же размѣровъ, какъ и за границей». «Мы не должны —

писала управа—считать это недосягаемымъ идеаломъ,—наоборотъ, должны стремиться поднять уровень нашего элементарнаго обученія въ возможно-скорѣйшемъ времени, полагая въ основу программы нормальныхъ школъ стремленіе къ общему развитію, къ воспитанію общечеловѣческихъ свойствъ, но не къ профессіональному обученію. Въ томъ же докладѣ проектировалось учрежденіе въ Перми учительской школы (семинаріи) для подготовки въ народныя школы учителей изъ среды мѣстныхъ крестьянъ, въ томъ разсчетѣ, что вышедшіе изъ среды крестьянъ и получившіе спеціально-педагогическую подготовку учителя будутъ наиболѣе полезными наставниками народныхъ училищъ.

Составители докладовъ, подобныхъ процитованнымъ, прекрасно сознавали, что выполненіе намѣченныхъ плановъ въ области народнаго образованія потребуетъ отъ земства большихъ усилій и крупныхъ денежныхъ затратъ, но они не останавливались предъ такими затрудненіями. «Ничто столь дорого не обходится государству, какъ невѣжество его гражданъ». Эта мысль (высказанная еще Смитомъ) была исходною посылкой въ соображеніяхъ передовыхъ земцевъ по вопросамъ народнаго образованія, и это безспорное положеніе политической экономіи предохраняло земцевъ отъ излишней разсчетливости. Взглядъ верхотурской земской управы, заявленный ею въ докладѣ IV-му очередному собранію: «не должно останавливаться предъ затратами на то, что̀ ведетъ къ улучшенію нашихъ училищъ»,—можно считать господствующимъ среди земскихъ дѣятелей Пермской губерніи въ первое трехлѣтіе земскихъ учрежденій.

Ознакомленіе съ состояніемъ училищъ, принятыхъ земствомъ на свое попеченіе, выясненіе потребностей и нуждъ народнаго образованія въ извѣстныхъ районахъ, установленіе руководящихъ началъ, плана дѣятельности по народному образованію,—эти необходимыя работы подготовительнаго характера были успѣшно выполнены большинствомъ уѣздныхъ земствъ уже въ первый годъ по введеніи земскихъ учрежденій. Съ 1871—72 г. земство приступило уже къ практическому осуществленію различныхъ мѣропріятій относительно народныхъ училищъ, не прекращая, впрочемъ, и теоретической работы по изысканію способовъ для развитія и упроченія просвѣщенія въ Пермской губерніи.

Открытіе и преобразованіе начальныхъ училищъ на средства земства въ 1870—1895 гг.

Крайне недостаточное количество народныхъ училищъ, существовавшихъ въ Пермской губерніи предъ введеніемъ земскихъ учрежденій, побудило земство немедленно озаботиться открытіемъ новыхъ училищъ.

Извѣстныя рамки земскаго бюджета, однако, не позволяли одновременно открыть такое количество училищъ, которое соотвѣтствовало бы потребностямъ населенія. Приходилось открывать школы постепенно, дѣлая извѣстный выборъ между многими селеніями, не имѣвшими вблизи никакого училища.

«Средства земства — докладывала *) екатеринбургская земская управа I-му очередному собранію — должны быть обращены прежде всего туда, гдѣ надобность образованія сознается самимъ населеніемъ, что̀ выражается готовностью принять участіе въ содержаніи школы... Необходимо убѣдиться въ сознательномъ стремленіи населенія къ школѣ, чтобъ училище не обратилось въ формальность, къ которой населеніе будетъ относиться безучастно, даже непріязненно».

Подобные взгляды проводились въ докладахъ большинства земскихъ управъ, но на практикѣ оказывалась значительная разница между уѣздными земствами въ отношеніяхъ къ открытію новыхъ училищъ. Одни земства, какъ екатеринбургское, верхотурское, чердынское, довольствовались самою малою степенью участія обществъ въ содержаніи училищъ (отопленіе и окарауливаніе помѣщеній), иногда открывали училища исключительно на земскія средства (чердынское съ цѣлью привлеченія учениковъ въ школы назначало даже денежныя субсидіи дѣтямъ бѣдныхъ родителей за время обученія).

Пермское, осинское, оханское, кунгурское, камышловское, шадринское обязательно требовали отъ обществъ устройства или найма помѣщеній для училищъ, съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, окарауливаніемъ. Нѣкоторыя изъ поименованныхъ земствъ старались черезъ мировыхъ посредниковъ, судей, членовъ управы, гласныхъ располагать сельскія общества къ возбужденію ходатайствъ объ открытіи училищъ. Ирбитское земство совсѣмъ не принимало на себя иниціативы въ открытіи училищъ и, оказывая поддержку сельскимъ обществамъ въ этомъ дѣлѣ, старалось распространять среди населенія то убѣжденіе, что опека земства временна, что въ недалекомъ будущемъ расходы по содержанію училищъ будутъ всецѣло лежать на самихъ обществахъ; за собой земство разсчитывало оставить только надзоръ за училищами и общее руководство школьнымъ дѣломъ **).

Красноуфимское земство требовало отъ сельскихъ обществъ, желавшихъ у себя имѣть школу, не только натуральныхъ повинностей на содержаніе училищъ, но и денежныхъ взносовъ, не менѣе 100 р. ежегодно ***). Такъ какъ общества нерѣдко отказывались исполнять данныя при открытіи училищъ обязательства, то красноуфимское земство не разъ поручало управѣ привлекать неисправныхъ къ отвѣтственности черезъ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и дѣлало постановленія о закрытіи тѣхъ училищъ, въ содержаніи которыхъ не участвуютъ мѣстныя общества ****). Соликамское земство на первыхъ порахъ относило за счетъ сельскихъ обществъ часть расходовъ на жалованье учительскому персоналу. Впослѣдствіи земство уменьшило требовательность къ сельскимъ обществамъ въ виду явнаго ущерба отъ таковой для школьнаго дѣла. Наибольшее количество вновь

*) Постановленіе I-го очередн. собранія, стр. 134.

**) *Очеркъ* Удинцева, стр. 19.

***) Постановленіе V очередного красноуфимскаго собранія.

****) Постановленія XIII и XVII очередныхъ собраній и др.

открытыхъ школъ падаетъ на первое трехлѣтіе земства (см. цифровыя вѣдомости). Первое мѣсто по % отношенію числа открытыхъ училищъ въ извѣстномъ уѣздѣ къ общему числу открытыхъ въ губерніи принадлежитъ верхотурскому земству, затѣмъ идутъ уѣзды Осинскій и Екатеринбургскій. Послѣднее мѣсто занимаютъ Шадринскій и Кунгурскій. Вновь открытыя земствомъ школы въ первое пятилѣтіе были исключительно одноклассныя, съ трехгодичнымъ курсомъ. Съ изданіемъ Высочайше утвержденнаго въ 1875 г. Положенія о двухклассныхъ училищахъ, нѣкоторыя изъ одноклассныхъ училищъ, преимущественно въ заводскихъ селеніяхъ, стали преобразовываться на средства земства, при пособіи казны и сельскихъ обществъ *), въ двухклассныя училища.

Одноклассная народная школа, при ограниченности своего курса, не можетъ дать своимъ питомцамъ порядочнаго общаго развитія и даже такихъ навыковъ въ письмѣ, счетѣ, какіе необходимы, наприм., для успѣшнаго прохожденія сельскихъ общественныхъ должностей (волостного старшины, писаря); тѣмъ болѣе недостаточенъ курсъ одноклассной школы для запросовъ заводскаго населенія. Заводскія конторы, нуждаясь въ счетчикахъ, чертежникахъ, разнаго рода надсмотрщикахъ, приказчикахъ и пр., еще задолго до введенія земскихъ учрежденій, старались открывать школы съ курсомъ болѣе распространеннымъ, чѣмъ курсъ одноклассной народной школы **). Земства уѣздовъ съ преобладающимъ заводскимъ населеніемъ, имѣя въ виду потребности главныхъ плательщиковъ своихъ заводоуправленій, съ своей стороны оказывали возможное содѣйствіе къ открытію двухклассныхъ училищъ. Насколько извѣстно, ранѣе всѣхъ въ губерніи преобразовано было (1876 г.) Усольское училище въ Соликамскомъ уѣздѣ; въ 1877 г. въ Верхотурскомъ уѣздѣ преобразованы Махневское и Нижне-Салдинское, Ницинское — въ Ирбитскомъ, въ Чердынскомъ — Юрлинское и Вильгортское. Сравнительно больше двухклассныхъ училищъ открыто въ Красноуфимскомъ (10) и Верхотурскомъ (8) уѣздахъ. Отстали и въ этомъ отношеніи Шадринскій ***) и Кунгурскій уѣзды (см. таблицы). Значительное увеличеніе общаго числа двухклассныхъ училищъ въ Пермской губерніи падаетъ на послѣднее пятилѣтіе (16 училищъ изъ 51, т.-е. около 32%), что объясняется усиленнымъ стараніемъ объ открытіи двухклассныхъ училищъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ земство торопилось открывать школы, не обставивъ ихъ надлежащимъ об-

---

*) Въ нѣкоторыхъ большихъ заводскихъ селеніяхъ (Сылванскомъ Красноуфимскаго, Кувинскомъ, Чермэзскомъ — Соликамскаго уѣзда) существовали двухклассныя училища и до 1875 г., по уставу приходскихъ школъ 1828 г.

**) Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ существовали въ пятидесятыхъ годахъ такъ называемыя высшія заводскія школы, ученики которыхъ впослѣдствіи поступали иногда даже въ учителя народныхъ училищъ (см. *Состояніе народнаго образованія въ Красноуфимскомъ уѣздѣ*, Корватовскаго).

***) Дѣло о преобразованіи одного училища Шадринскаго уѣзда въ двухклассное тянулось нѣсколько лѣтъ и, наконецъ, открытіе двухклассцаго училища состоялось въ 1893 году.

разомъ, вслѣдствіе чего новооткрытыя школы влачили жалкое существованіе и приносили мало пользы населенію. Встрѣчались школы, въ которыхъ, за тѣснотою и неудобствомъ помѣщенія, число учащихся не достигало двухъ десятковъ, а успѣхи обученія, при отсутствіи подготовленныхъ учителей, не удовлетворяли надлежащимъ требованіямъ. Но, какъ резонно объясняетъ екатеринбургская управа, въ подобныхъ случаяхъ нельзя винить земскихъ дѣятелей. Грамотные люди *) среди населенія считались единицами, а между тѣмъ спросъ на грамотныхъ предъявлялся со стороны сельскаго самоуправленія, земства, новыхъ судовъ; приходилось хлопотать о томъ, чтобы научить возможно большее число лицъ хотя элементарной грамотности, оставляя пока въ сторонѣ заботы о хорошей обстановкѣ училищъ. Затруднительность для земскаго бюджета открыть достаточное количество нормальныхъ училищъ, при расширеніи съ каждымъ годомъ спроса на грамотность, заставила земство, наряду съ одноклассными и двухклассными училищами, открывать и поддерживать начальныя училища низшаго типа, такъ, напримѣръ, школы грамотности **). Распространеніе этихъ упрощенныхъ и дешевыхъ школъ начинается съ 1882 г., когда послѣдовалъ извѣстный циркуляръ министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи права на обученіе грамотѣ и лицамъ, не имѣющимъ учительскаго званія. По самому характеру школъ грамоты, имѣвшихъ крайне неустойчивое положеніе, недоступныхъ правильному надзору, онѣ часто даже не заносились въ реестръ училищъ извѣстнаго года и потому не могли быть включены въ цифровыя вѣдомости настоящаго очерка: объ устройствѣ школъ грамоты болѣе другихъ старались Ирбитское ***) (въ одномъ 188³/₄ учебномъ году было открыто 19 школъ), Шадринское, Красноуфимское земства и частію Екатеринбургское. Въ Шадринскомъ уѣздѣ школы грамоты въ 80-хъ годахъ начали было развиваться настолько, что въ нѣкоторыхъ, лучшихъ изъ нихъ, производились испытанія на льготу по воинской повинности.

Въ 1888—89 учебномъ году въ Шадринскомъ уѣздѣ было 72 школы грамоты съ 1,413 учащимися мальчиками и 289 дѣвочками; изъ нихъ выдержали испытаніе въ знаніи курса начальнаго училища 60 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ.

Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ охотно открывались школы грамоты сельскими обществами при пособіи отъ земства. Соединеніе крестьянскихъ и земскихъ ассигнованій на школы не обходилось безъ недоразумѣній. Получая земскую субсидію, общественники часто отказывались отъ условленной доплаты изъ своихъ средствъ, вслѣдствіе чего возникали ссоры между

---

*) *Краткій историческій очеркъ дѣятельности Екатеринбургскаго земства по народному образованію*, стр. 5.

**) Красноуфимское X земское собраніе ассигновало по 100 р. на школу, Шадринское—80. Въ предѣлахъ 80—100 р. колеблется ассигнованіе на каждую школу грамоты и въ другихъ земствахъ.

***) *Очеркъ* Удинцева, стр. 34.

учителями школъ и общественными заправилами. Учителя, урѣзанные въ жалованьи, бросали школы и проч. *). Законъ о школахъ грамоты въ 1891 году изъялъ школы грамоты изъ вѣдѣнія земствъ и министерства народнаго просвѣщенія, подчинивъ ихъ исключительно духовенству. Лишеніе постояннаго опредѣленного источника содержанія, прекращеніе живой связи съ нормальными земскими училищами (только при этомъ условіи школы грамоты и могли выполнить свое назначеніе), наконецъ недостаточное вниманіе къ школамъ со стороны приходскихъ священниковъ,—всѣ эти обстоятельства послужили причинами закрытія многихъ школъ грамоты, существовавшихъ до 1891 г. Средній типъ между нормальной одноклассной и школой грамоты составляли «параллельныя отдѣленія нормальныхъ училищъ», по объему курса равняющіяся двумъ первымъ отдѣленіямъ. Параллельныя отдѣленія учреждались съ цѣлію облегчить обученіе дѣтей селеніямъ, не имѣющимъ своихъ школъ. Содержаніе школьниковъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ отдаленномъ на нѣсколько верстъ отъ родного села пунктѣ оказывалось непосильнымъ для многихъ родителей, и они брали дѣтей ранѣе окончанія курса ради экономіи въ тратахъ на поѣздки и «харчи» школьникамъ. Параллельныя отдѣленія открывались (съ 1885—86 г.) преимущественно въ Ирбитскомъ уѣздѣ (въ 1890 г. было 7 отдѣленій съ 234 учащимися); впослѣдствіи они были частію закрыты или перешли въ вѣдѣніе духовенства, какъ школы грамоты.

Въ 25-ти лѣтній періодъ земской дѣятельности встрѣчаются попытки устройства на средства земства и школъ малораспространенныхъ въ Россіи типовъ.

Ирбитское земство на V очередномъ собраніи признало полезнымъ открыть подвижную школу для потребностей селеній, удаленныхъ отъ школьныхъ пунктовъ, и ассигновало на этотъ предметъ 672 р. Къ сожалѣнію, разрѣшенія на открытіе такой школы не послѣдовало.

Осинское земство съ 1875 г., Шадринское **) съ 1881 г., Екатеринбургское и Ирбитское съ 1884 г. постановили открывать воскресно-повторительные классы для взрослыхъ. Для подробныхъ свѣдѣній о ходѣ этихъ классовъ не удалось собрать матеріалъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ эти классы закрылись главнымъ образомъ потому, что земство не ассигновало средствъ на наемъ отдѣльныхъ учителей для воскресныхъ школъ; учителя ежедневныхъ школъ естественно тяготились занятіями въ воскресные дни. Съ 1894 г. осинское земство снова ассигнуетъ средства на веденіе воскресно-повторительныхъ классовъ. Красноуфимское ***), шадринское, осинское земства также ассигнуютъ средства на открытіе и содержаніе инородческихъ училищъ: татарскихъ, черемисскихъ, башкирскихъ и др. Семидесятые годы

*) Брошюра Корватовскаго *Состояніе народнаго образованія въ Красноуфимскомъ уѣздѣ*, стр. 15.

**) Въ 1883—84 г. было здѣсь 12 воскресно-повторительныхъ классовъ съ 346 учениками.

***) Постановленіе XIV очередного собранія.

были періодомъ наиболѣе энергичной дѣятельности земства по открытію новыхъ училищъ. Съ половины 80-хъ годовъ замѣчается, напротивъ, стремленіе къ сокращенію числа училищъ. Не мѣсто здѣсь распространяться о причинахъ, охладившихъ энергію земства къ дѣятельности по народному образованію, но нельзя умолчать о двухъ важныхъ обстоятельствахъ, неблагопріятно отразившихся на прогрессивномъ увеличеніи числа земскихъ училищъ: о печальной конкурренціи церковныхъ школъ, начавшейся съ 1885 г. и голодовкѣ 1890—93 гг. Съ созданіемъ закона о церковно-приходскихъ школахъ 13 іюня 1884 года духовенство, повинуясь требованіямъ епархіальнаго начальства, стало усиленно стараться объ открытіи церковныхъ школъ не только наряду съ земскими, но и съ тѣмъ, чтобы замѣнить земскія школы духовными. Извѣстно нѣсколько примѣровъ, когда крестьяне, по настоянію приходскаго священника, не отпускали дѣтей въ земскую школу *) или составляли приговоры съ ходатайствами о замѣнѣ земскихъ школъ церковными. Администрація земскихъ училищъ, согласно циркуляра министерства народнаго просвѣщенія, соблюдала крайнюю осторожность въ отношеніяхъ къ церковно-приходскимъ школамъ и даже помогала организаціи учебно-воспитательнаго дѣла въ названныхъ школахъ.

Другое обстоятельство, угрожавшее существованію земскихъ школъ, была голодовка 1890—1892 гг. «Теперь—докладывала, напримѣръ, камышловская уѣздная управа XXI очередному собранію—раждается вопросъ, гдѣ земство должно взять источникъ, изъ котораго можно было бы черпать денежныя средства на содержаніе школъ, когда цѣлыя тысячи голодныхъ ртовъ молятъ Бога о хлѣбѣ насущномъ».

Управа проектировала закрыть земскія училища въ селеніяхъ, гдѣ есть церковныя школы, и вообще закрывать училища, въ коихъ учащихся менѣе 40, оставляя по одному училищу на волость.

Въ Шадринскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе нѣсколько лѣтъ сряду изъ года въ годъ повторявшихся неурожаевъ, населеніе дошло до крайне бѣдственнаго положенія, до полнаго голода; многія прежде зажиточныя семьи черезъ три или четыре года сдѣлались буквально нищими и принуждены были распродать свой скотъ, имущество, даже и надворныя постройки, самимъ пришлось питаться лебедой да березкой или Христовымъ именемъ. Земская касса оскудѣла, и въ школы нѣсколько лѣтъ сряду не выписывалось ни книгъ, ни учебниковъ, не было ремонтировки школьныхъ зданій. Земское собраніе постановило закрыть школы и хотя вслѣдствіе протеста оно должно было отказаться отъ того постановленія, тѣмъ не менѣе съ начала 1891—1892 г. земство прекратило выдачу жалованья учителямъ и учительницамъ, а оо. законоучители два года сряду не получали ни копейки. Самоотверженная дѣятельность народныхъ учителей, которые, не получая въ теченіе цѣлаго года жалованья, дѣлились послѣдними крохами съ учащимися; усилія администраціи министерства народнаго просвѣщенія, организовавшей на

*) См. постановленіе XVIII очередного ирбитскаго собранія.

средства частной благотворительности школьныя столовыя, на которыя было израсходовано 25,927 р., не только спасли многія училища отъ закрытія, но имѣли значеніе въ поднятіи авторитета народныхъ училищъ въ глазахъ мѣстныхъ обществъ и учащихся и упрочили связь между преподавателями, учащимися, ихъ родителями и вообще населеніемъ.

Тяжелая пора миновала, земскіе финансы поправились, малодушіе среди земцевъ прошло. Въ послѣдніе годы снова замѣчается оживленіе дѣятельности земствъ по открытію училищъ. Многіе изъ нихъ выработали проектъ нормальной сѣти училищъ для введенія всеобщаго обученія. Подобныя работы начаты уже во всѣхъ уѣздныхъ земствахъ. Губернское земство въ послѣдней сессіи, по настойчивымъ представленіямъ дирекціи, постановило ходатайствовать объ отчисленіи 110 тысячъ изъ земскаго капитала на субсидіи сельскимъ обществамъ при постройкѣ школьныхъ зданій и на библіотеки, дабы черезъ это помочь дѣлу введенія всеобщаго обученія. Можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ пятно невѣжества Россіи будетъ смыто въ нашемъ краѣ,—мы видимъ уже зарю всеобщей грамотности.

Дѣятельность земства по устройству и улучшенію школьныхъ помѣщеній, классной мебели и вообще внѣшней обстановки училищъ.

Помѣщенія школъ, переходившихъ въ вѣдѣніе земства отъ министерства народнаго просвѣщенія, вѣд. прав. испов. и др., за единичными исключеніями, были неудовлетворительны. Сельскія общества, открывавшія школы при субсидіи отъ земства, въ большинствѣ случаевъ не имѣли достаточныхъ средствъ или, по неразвитости, не считали нужнымъ устраивать школьныя зданія, соотвѣтствующія педагогическимъ и гигіеническимъ требованіямъ. Земство, при раціональныхъ взглядахъ на постановку народной школы, не могло мириться съ тѣми помѣщеніями, которыя представлялись для школъ сельскими обществами и, вопреки первоначальнымъ разсчетамъ возложить на мѣстное населеніе заботы о школьныхъ помѣщеніяхъ, вынуждено было взяться за постройку спеціально приспособленныхъ зданій на свой счетъ. При значительномъ количествѣ училищъ, открытыхъ земствомъ въ первое трехлѣтіе, ежегодномъ приростѣ школъ, было, конечно, немыслимо на земскія деньги построить дома для всѣхъ училищъ.

Въ первые годы земской дѣятельности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (преимущественно въ Екатеринбургскомъ, Чердынскомъ, Верхотурскомъ и Оханскомъ) было выстроено на земскій счетъ нѣсколько спеціально приспособленныхъ школьныхъ зданій, но въ большинствѣ случаевъ, къ сожалѣнію, уѣздныя земства въ дѣлѣ благоустройства школьныхъ помѣщеній ограничивались полумѣрами и прибѣгали къ разнаго рода компромиссамъ между школьными требованіями и финансовыми разсчетами. Вмѣсто того, чтобы (какъ резонно проектировалось на IV—VI екатеринбургскихъ земскихъ собраніяхъ) составить опредѣленный планъ ежегодныхъ построекъ на земскій счетъ хотя бы двухъ-трехъ школьныхъ домовъ и съ настойчивостью по-

степенно осуществлять этотъ планъ, земство свою дѣятельность по столь важному вопросу ставило въ зависимость отъ такихъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ ассигнованія сельскихъ обществъ на постройку домовъ, пожертвованія частныхъ лицъ и т. п. Мелкія субсидіи (100 — 300 р.) и ссуды сельскимъ обществамъ (въ общей сложности достигавшія значительной суммы), ежегодный ремонтъ плохихъ школьныхъ помѣщеній, небольшія передѣлки и пристройки къ неудобнымъ помѣщеніямъ были совершенно нецѣлесообразными затратами *). Въ результатѣ получилось, что школьныя помѣщенія составляли самое больное мѣсто земскихъ училищъ **) за все 25-лѣтіе. Какъ медленно шла постройка спеціально приспособленныхъ зданій, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ, относящихся къ Верхотурскому уѣзду, гдѣ ассигнованія на указанный предметъ были щедрѣе, чѣмъ во многихъ другихъ уѣздахъ.

	въ 1873 г.	въ 1887 г.	въ 1894 г.
Земскихъ школьныхъ зданій было:	6	13	13
Общественныхъ:	11	24	39
Наемныхъ квартиръ:	24	24	17

Въ настоящее время большинство школьныхъ зданій неудовлетворяютъ по кубической вмѣстимости, освѣщенію и пр. минимальнымъ требованіямъ школьной гигіевы. Такъ, по вычисленію V съѣзда врачей на одного ученика въ училищахъ Пермской губерніи среднимъ числомъ приходится 8,9 (вмѣсто 13,5) куб. арш. Спеціально приспособленныхъ зданій во всей губерніи 40%; 30% изъ одного числа совмѣщаются въ одномъ домѣ съ квартирою хозяевъ дома, волостнымъ правленіемъ, даже лавками. Полы по большей части не крашены, стѣны не оштукатурены, даже не бѣлены ***). Школьныхъ зданій съ квартирою для учителя только 30%. Сравнительно больше удобныхъ и помѣстительныхъ школьныхъ зданій въ Пермскомъ, Верхотурскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ выдаются н.-тагильское Введенское двуклассное училище и Верхне-Салдинское одноклассное. Зданія училищъ Выйскаго и Верхнетуринскаго, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, выстроенныя въ первое трехлѣтіе земской дѣятельности, являются лучшими по типу постройками въ уѣздѣ.

Одною изъ причинъ, препятствовавшихъ благоустройству школьныхъ зданій, было то, что при уѣздныхъ управахъ, завѣдывавшихъ дѣломъ постройки, не всегда находились техники, знакомые съ требованіями школь-

*) Екатеринбургское земство на XII очередномъ собраніи опредѣлило размѣръ субсидіи сельскимъ обществамъ на постройку школьныхъ зданій $^1/_3$ стоимости построекъ по плану и смѣтамъ управы.

**) Докладъ екатеринбургскаго уѣзднаго XIV очередного земскаго собранія.

***) *Сборникъ матеріаловъ въ памятной книжкѣ Пермской губерніи за 1895* г. стр. 64—65.

ной гигіены *). Примѣрныхъ плановъ и смѣтъ для устройства школьныхъ зданій нѣкоторыя земскія управы до сего времени не имѣютъ.

Ирбитское земство въ 1881 г. постановило привлекать гг. врачей къ разсмотрѣнію школьныхъ плановъ, но въ 1884 г. это постановленіе было отмѣнено по докладу управы, которая указывала на пререканія врачей и архитекторовъ при составленіи плановъ. Отопленіе, освѣщеніе, окарауливаніе относилось земствами за счетъ мѣстныхъ обществъ. Только въ Верхотурскомъ и Оханскомъ уѣздахъ встрѣчаются примѣры принятія на счетъ земствъ полнаго содержанія училищныхъ помѣщеній. Въ распоряженіяхъ уѣздныхъ управъ о снабженіяхъ школъ мебелью незамѣтно системы и послѣдовательности. По большей части на отпущенныя сельскими обществами и земствами деньги классные столы устраивались мѣстными столярами-плотниками совсѣмъ не сообразно со школьною гигіеной. До сихъ поръ встрѣчаются столы 5-ти и болѣе мѣстъ, безъ спинокъ, съ положительной дистанціей, невѣрною дифференціей и пр. недостатками. Только въ уѣздныхъ городахъ и большихъ заводскихъ селеніяхъ земство могло устраивать столы эрисмановской системы, но и то со многими недостатками въ деталяхъ. Какъ оригинальный пріемъ въ снабженіи школьною мебелью, слѣдуетъ отмѣтить скупку екатеринбургскимъ земствомъ старой мебели среднихъ учебныхъ заведеній г. Екатеринбурга и ремонтировку ихъ для потребностей народныхъ училищъ. Екатеринбургское земство съ 1886 г., Верхотурское съ 1896 г. и Осинское, по указаніямъ мѣстныхъ инспекторовъ, постепенно вводятъ парты болѣе правильной и приноровленной къ росту учащихся конструкціи. Впрочемъ, въ послѣднее время уже и другія земства начинаютъ постепенно вводить классные столы новой системы. О единовременномъ снабженіи всѣхъ училищъ хорошею мебелью земство пока не можетъ и мечтать: для училищъ одного Екатеринбургскаго уѣзда потребовалось бы 31,500 р. приблизительно, если каждая парта будетъ стоить не дороже 4 р. 50 к. **).

Разбросанность селеній во многихъ мѣстностяхъ Пермской губерніи побудило земство, въ видахъ привлеченія большого числа учащихся въ школы, устраивать при училищахъ ночлежные пріюты и общежитія для приходящихъ учениковъ. Появленіе тѣхъ и другихъ при земскихъ школахъ относится къ первымъ годамъ земской дѣятельности, но свѣдѣній о постепенномъ ихъ развитіи не удалось собрать для настоящаго очерка. Къ 1 января 1896 г. было общежитій 68 и ночлежныхъ пріютовъ 52.

Мѣропріятія земства относительно учительскаго персонала.

Прiисканіе достойныхъ кандидатовъ на учительскія мѣста, улучшеніе матеріальнаго положенія учителей, содѣйствіе усовершенствованію педаго-

---

*) *Очеркъ* Удинцева, стр. 48—49.

**) *Краткій историческій очеркъ дѣятельности екатеринбургскаго земства по народному образованію*, стр. 30.

гической дѣятельности преподавателей народныхъ училищъ составляетъ предметъ особенной заботливости земства за 25-лѣтіе.

Ни въ одномъ вопросѣ не замѣчается такой солидарности между уѣздными земствами, какъ въ вопросахъ, касающихся учительскаго персонала.

Очевидно, мысль о первенствующемъ значеніи личности учителя въ успѣхѣ школы была постояннымъ убѣжденіемъ земскихъ дѣятелей Пермской губерніи *).

Первые шаги дѣятельности земства по улучшенію училищъ выразились въ увольненіи изъ училищъ лицъ, оказавшихся непригодными педагогами по отзыву училищнаго совѣта. На мѣсто уволенныхъ свѣтскихъ лицъ и освобожденныхъ или отказавшихся отъ учительскихъ обязанностей клириковъ земство намѣревалось назначить лицъ съ спеціально педагогической подготовкой; на обязанности священниковъ оставлялось только преподаваніе Закона Божія.

Выше былъ отмѣченъ проектъ губернскаго земства въ 1873 г. устроить мѣстную учительскую семинарію для приготовленія кандидатовъ на учительскія должности. Проектъ губернской управы, какъ и подобные нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ **), оказался неосуществленнымъ.

Тогда земство стало усиленно приглашать на службу въ училища воспитанниковъ учительской семинаріи, не только ближнихъ, какъ Казанской и Благовѣщенской, а даже и изъ С.-Петербургской. Во многихъ уѣздахъ доселѣ служатъ учителя-воспитанники С.-Петербургской учительской семинаріи (при Воспитательномъ домѣ), приглашенные земствомъ въ 70-хъ годахъ.

Достойными кандидатами признавались также воспитанники духовныхъ семинарій, въ которыхъ со времени реформъ 1869 г. введено изученіе педагогики и дидактики и устраивались воскресныя школы для практическихъ уроковъ.

При ограниченномъ числѣ учительскихъ семинарій въ Россіи, воспитанники послѣднихъ быстро разбирались на учительскія мѣста въ родныхъ губерніяхъ и на долю Пермской губерніи приходилось очень мало. Въ 1889 г. число ихъ въ учительскомъ персоналѣ народныхъ школъ Пермской губерніи не достигало и 10% ***); къ 1 января 1896 г. ихъ было 164 изъ общаго количества 568 учителей.

Что касается воспитанниковъ духовныхъ семинарій, то они, въ виду недостатка образованныхъ кандидатовъ на священническія мѣста Пермской губерніи, очень недолго оставались на учительскихъ должностяхъ и, за рѣдкими исключеніями, послѣ одного - двухъ лѣтъ учительства уходили въ

---

*) Мысль: „учитель—душа школы"—нерѣдко высказывается въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ (см. *Журналы ирбитскаго и оханскаго земскихъ собраній 1876 г.* и друг.).

**) Екатеринбургскаго, Пермскаго и друг. Пермское земство въ 1881 г. проектировало устроить въ Перми образцовое училище съ педагогическимъ классомъ для приготовленія учителей.

***) См. брошюру *Народное образованіе въ Пермской губерніи.* Казань, 1890 г. стр. 24.

духовное званіе. Насколько трудно было подыскать учителей, можно судить, наприм., по тому, что въ 1877—78 гг. въ Оханскомъ уѣздѣ не состоялось предположенное открытіе двухъ училищъ (Дворецкаго и Неумоинскаго) за ненахожденіемъ для нихъ учителей *).

Большинство учительницъ въ земскихъ училищахъ изъ воспитанницъ Пермской и Екатеринбургской женскихъ гимназій, уѣздныхъ прогимназій и Нижне-Тагильскаго Анатоліевскаго частнаго училища 2-го разряда.

Окончившія полный курсъ женскихъ гимназій охотно принимались всѣми земствами на учительскія должности, но относительно прогимназистокъ встрѣчаются неблагопріятные отзывы, какъ о малоразвитыхъ и совершенно незнакомыхъ съ педагогическими пріемами учительницахъ. Съ 1880 года екатеринбургское земство и нѣкоторыя другія охотно также принимали на учительскія мѣста окончившихъ курсъ въ епархіальныхъ училищахъ въ виду того, что воспитанницы этихъ учебныхъ заведеній пріобрѣтаютъ педагогическую подготовку. Пермское уѣздное земство на XVII очередномъ собраніи постановило совсѣмъ не допускать прогимназистокъ къ учительству въ земскихъ школахъ. Ирбитское земство ассигновало въ 1887 г. по 120 р. ежегодно на введеніе преподаванія педагогики въ Ирбитской прогимназіи, дабы пополнить самый существенный пробѣлъ въ прогимназическомъ курсѣ. Подобный опытъ дѣлало и камышловское земство, которое содержало въ 1884—1886 гг. педагогическій классъ при прогимназіи. Израсходовавъ на этотъ предметъ 1,900 р., оно потомъ закрыло его.

Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ XIII очередное собраніе постановило всѣхъ кандидатовъ на учительскія должности подвергать предварительному испытанію (не болѣе двухъ мѣсяцевъ) при Красноуфимскихъ 2 - классныхъ училищахъ и, лишь по удостовѣреніи инспекторомъ достаточнаго умѣнья въ народной школѣ, допускать къ занятію штатныхъ учительскихъ мѣстъ.

Подобное же постановленіе состоялось на XXVI верхотурскомъ собраніи: по ходатайству инспекціи это собраніе ассигновало 500 р. на содержаніе при лучшихъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи училищахъ запасныхъ учителей и практикантовъ, изъ которыхъ должны будутъ выбираться болѣе способные для замѣщенія учительскихъ вакансій.

Однимъ изъ главныхъ средствъ для того, чтобы привлечь на учительскія мѣста людей образованныхъ, подготовленныхъ къ педагогической дѣятельности, чтобы удержать возможно долѣе на мѣстѣ хорошихъ учителей служитъ, несомнѣнно, приличное вознагражденіе за трудъ.

На первыхъ порахъ земской дѣятельности какъ-то мало принималось во вниманіе значеніе матеріальной обезпеченности учительскаго персонала для успѣха народной школы. Большинство уѣздныхъ земствъ сначала положило учителямъ очень низкіе оклады содержанія. Первое камышловское очередное собраніе назначило 180 р. въ годъ и 90 р. Второе ирбитское очередное собраніе назначило годовой окладъ въ 180 р. учителю, 120 р.

*) *Очеркъ народнаго образованія въ Оханскомъ уѣздѣ*, Миропольскаго, стр. 35.

помощнику. Оханское земство на III сессіи повысило окладъ до 200 р. въ годъ. Екатеринбургское, Осинское назначили 240 штатнымъ учителямъ и 120 помощникамъ. Сравнительно съ прочими земствами болѣе высокіе оклады назначены были на первыхъ же порахъ чердынскимъ и верхотурскимъ земствами. Въ Чердынскомъ уѣздѣ учителямъ училищъ съ количествомъ учащихся въ 40 человѣкъ — 350 р. въ годъ. Такъ какъ въ отдаленномъ и глухомъ Чердынскомъ краѣ учителя рѣдко уживались болѣе года, то чердынское земство установило періодическія прибавки къ жалованью учителямъ: оставшимся на второй годъ служить въ одномъ училищѣ прибавлять къ годовому окладу 50 р., за слѣдующій годъ еще 50 р. и т. д. до предѣльнаго оклада 500 р.

Вслѣдъ за чердынскимъ земствомъ и другія стали вводить періодическія прибавки учителямъ народныхъ училищъ за выслугу лѣтъ. Верхотурское земство съ 1875 г., екатеринбургское, ирбитское, пермское *) и Шадринское съ 1886 г., камышловское съ 1882 г. постановили прибавлять послѣ каждаго прослуженнаго пятилѣтія къ нормальному окладу по 60 руб. въ годъ, подъ условіемъ, если мѣстные училищные совѣты признаютъ извѣстнаго учителя достойнымъ, по усердной и полезной дѣятельности, прибавки къ жалованью. Предѣльнымъ окладомъ для штатныхъ учителей признанъ 480 р., помощниковъ 240 р. (съ прибавками 36 р. и 24 р. за два пятилѣтія) въ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ Екатеринбургскомъ 510 р. за 15 лѣтъ службы для штатныхъ учителей; на помощниковъ прогрессивныя прибавки почему-то не распространяются въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ.

Оханское земство на XIV очередномъ собраніи утвердило такой порядокъ вознагражденія учительскаго персонала: штатные учителя и учительницы съ законченнымъ среднимъ образованіемъ получаютъ нормальный окладъ 300 р. По прослуженіи ими трехъ лѣтъ прибавляется къ окладу 30%, по прослуженіи еще трехъ лѣтъ добавляется 20%, такъ чтобы по 6-лѣтней службѣ учащіе (съ среднимъ образованіемъ) получали уже 450 р. въ годъ.

Для лицъ съ низшимъ образовательнымъ цензомъ оханское земство производитъ прибавки за трехлѣтія въ размѣрѣ 20% за первое и 10% за второе.

Кунгурское земство съ 1876 г. ввело прибавку только въ 60 руб. за два пятилѣтія (за первое 24 р. и за второе 36 р.).

Красноуфимское земство на III очередномъ земскомъ собраніи назначило окладъ 250 р. штатнымъ учителямъ въ школахъ съ количествомъ учащихся отъ 10 до 50 человѣкъ, 300 руб. при 50—100 учащихся и 350 руб. при 100 — 150 учащихся, подъ условіемъ, чтобы высшій окладъ назначался только отлично аттестованнымъ. На XIII очередномъ собраніи красноуфимское земство установило три разряда окладовъ:

---

*) Въ 1888 г. пермское земство, къ сожалѣнію, отмѣнило періодическія прибавки, въ видахъ экономіи.

Въ училищахъ.		Низшій окладъ.	Средній окладъ.	Высшій окладъ.	
Двуклассныхъ . .		300 р.	360 р.	420 р.	штатнымъ учителямъ.
		180 »	200 »	240 »	помощникамъ.
Одноклaсныхъ . . .		240 »	276 »	300 »	штатнымъ учителямъ.
		120 »	180 »	200 »	помощникамъ.

Всѣ вновь поступающіе учителя и учительницы, согласно постановленія XIII красноуфимскаго собранія, зачисляются первоначально на низшій окладъ, а потомъ, по прослуженіи нѣкотораго времени, по мѣрѣ пріобрѣтенія практической опытности, должны быть переводимы на высшіе оклады по соглашенію управы съ училищнымъ совѣтомъ. Подобный же порядокъ практиковался пермскимъ земствомъ, установившимъ въ 1872 г. 2 разряда окладовъ 240 р. и 300 р.

Изъ мѣропріятій относительно вознагражденія учительскаго персонала верхотурское уѣздное земское собраніе XXVI очередной сессіи, по представленію инспекціи и училищнаго совѣта, постановило производить прогрессивныя прибавки въ ранѣе указанномъ размѣрѣ не только учителямъ, представившимъ отличную аттестацію отъ училищнаго совѣта, но всѣмъ вообще послѣ каждаго пятилѣтія службы, на томъ основаніи, что въ пятилѣтній срокъ личность учителя можетъ достаточно опредѣлиться и разъ учитель не устраненъ отъ должности, то, слѣдовательно, онъ удовлетворяетъ своему назначенію и своимъ трудомъ заслуживаетъ прибавки.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что относительно жалованья наиболѣе выгодныя для учительскаго персонала правила установлены въ Оханскомъ, Чердынскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ, менѣе выгодныя въ Кунгурскомъ и Красноуфимскомъ.

Условія вознагражденія весьма замѣтно отразились на составѣ учительскаго персонала въ разныхъ уѣздахъ Пермской губерніи. Верхотурскій и Чердынскій уѣзды имѣютъ наибольшій % въ составѣ учителей лицъ съ спеціальнымъ педагогическимъ образованіемъ, Оханскій уѣздъ занимаетъ первое мѣсто по числу учителей съ законченнымъ среднимъ образованіемъ, и Камышловскій и Екатеринбургскій уѣзды занимаютъ послѣднее мѣсто въ томъ и другомъ отношеніи.

Ранѣе, чѣмъ установлены были періодическія прибавки, практиковались во всѣхъ уѣздахъ единовременныя награды и пособія учителямъ отъ 10—50 руб. Въ настоящее время уѣздныя земства почти совсѣмъ не ассигнуютъ денегъ на единовременныя награды; пособія, если гдѣ выдаются, то изъ казенныхъ суммъ, отпускаемыхъ на нужды народнаго образованія въ распоряженіе дирекціи. Впрочемъ, въ послѣднюю сессію земскія собранія по случаю Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ были щедры въ назначеніи пособій учащимъ въ народныхъ училищахъ. Назначая порядочное вознагражденіе за учительскій трудъ, уѣздныя земства Пермской губерніи предпринимали мѣры къ обезпеченію и поддержкѣ тѣхъ лицъ, которыя послѣ долговременной учительской службы лишались

возможности, по болѣзни или другимъ причинамъ, пріобрѣтать своимъ трудомъ средства къ жизни.

XVIII верхотурское собраніе постановило заболѣвшимъ на службѣ преподавателямъ производить содержаніе въ теченіе 4 мѣсяцевъ по прекращеніи учебныхъ занятій. Въ постановленіяхъ того же собранія встрѣчаются примѣры разрѣшенія производить жалованье даже въ теченіе года больнымъ преподавателямъ, съ назначеніемъ вмѣсто нихъ особыхъ лицъ для исправленія учительскихъ обязанностей.

Кунгурское земство въ 1888—89 учебномъ году рѣшило: учителямъ и учительницамъ, прослужившимъ отъ 5—10 лѣтъ, выдавать, при выходѣ ихъ въ отставку по разстроенному здоровью, единовременное пособіе въ размѣрѣ послѣдняго годового жалованья. Прослужившимъ отъ 10 — 15 лѣтъ—выдавать ежегодно до смерти по 100 р., прослужившимъ отъ 15 до 20 лѣтъ—по 200 р. ежегодно. Семьямъ умершихъ назначаетъ кунгурское земство пособіе въ размѣрѣ послѣдняго годового оклада жалованья. Выдачу пенсій и пособій земство производитъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы больной былъ освидѣтельствованъ земскимъ врачомъ въ присутствіи представителей отъ земства.

XII екатеринбургское очередное собраніе (1881 г.), признавъ необходимымъ для обезпеченія учителей въ старости, въ случаѣ болѣзни, производить имъ пенсію, отчислило 10 тысячъ рублей для образованія пенсіоннаго капитала и поручило управѣ выработать правила выдачи пенсій. Къ сожалѣнію, въ виду предпринятаго губернскимъ земствомъ учрежденія эмеритуры для всѣхъ служащихъ въ земствѣ по найму (въ томъ числѣ, слѣдовательно, и учителей), пріостановилось выполненіе Екатеринбургскимъ земствомъ своего проекта о пенсіи учителямъ. Капиталъ, отчисленный въ основной фондъ для выдачи пенсій, нарастаетъ изъ % и теперь доходитъ до 17 тысячъ руб. Въ послѣдніе годы вопросъ о фондѣ для выдачи пособій учителямъ неоднократно возбуждался дирекціей народныхъ училищъ, которая, имѣя въ своемъ распоряженіи 15 тысячъ руб. частныхъ пожертвованій, ходатайствуетъ, чтобъ уѣздныя земства каждое ассигновали 6,000 руб. или единовременно, или съ разсрочкою, но не болѣе какъ въ теченіе 10 лѣтъ, дабы изъ % онаго выдавать пособіе учителямъ.

Нѣкоторыя земства весьма сочувственно отнеслись къ проекту дирекціи и уже сдѣлали соотвѣтствующія постановленія. Кунгурское и Шадринское земства уже ассигновали на указанный предметъ по 6,000 р., другія же земства извѣстный % на сумму содержанія преподавателей народныхъ училищъ. Только Верхотурское земство, согласившись въ 1894 г. на ассигнованіе 200 р. въ пользу фонда, въ 1895 г. постановило отмѣнить предыдущее постановленіе, между прочимъ, на томъ основаніи, что Верхотурское земство въ ознаменованіе 25-лѣтія своего основало ссудо-сберегательную кассу для земскихъ служащихъ *). Такъ какъ подобныя кассы

*) XXVI очередное верхотурское собраніе назначило единовременное пособіе въ 100 и 25 р. учителю и помощницѣ его, прослужившимъ 25 лѣтъ.

замѣнить не могутъ пенсіоннаго фонда, то вопросъ о послѣднемъ остается на очереди и въ настоящее время.

Губернское земство съ 1894 г. ассигнуетъ на указанный предметъ по 6,000 р. ежегодно.

Мѣропріятія земства для улучшенія педагогической дѣятельности учительскаго персонала.

Вмѣстѣ съ заботами о привлеченіи въ земскія училища образованныхъ учителей, о матеріальномъ обезпеченіи ихъ земства Пермской губерніи старались содѣйствовать пополненію учителями своихъ знаній, усовершенствованію педагогической дѣятельности. Важнѣйшими мѣропріятіями въ указанномъ направленіи были: а) учительскіе съѣзды и педагогическіе курсы, б) командировки учителей на выставки съ научною цѣлью, в) выписка для учителей педагогическихъ изданій.

Въ зачаточной формѣ педагогическіе курсы мы встрѣчаемъ уже въ 1871 г. въ Ирбитѣ, гдѣ мѣстное земство за особое вознагражденіе приглашало учителя ирбитскаго уѣзднаго училища Павлова обучать кандидатовъ на учительскія мѣста раціональнымъ пріемамъ преподаванія въ народной школѣ.

Первый разъ учительскіе съѣзды въ Пермской губерніи состоялись, насколько извѣстно, въ 1872 г. въ Верхотурскомъ и Осинскомъ уѣздахъ (въ послѣднемъ 15 августа—1 сентября 1872 г.). Съ 1873 г. съѣзды стали устраиваться и въ другихъ уѣздахъ. Позже другихъ взялись за устройство съѣздовъ камышловское (1881 г.) и красноуфимское земства (послѣднее въ 1883 г.). Шадринское земство сначала ограничивалось командировкою избранныхъ учителей уѣзда на съѣзды, созывавшееся сосѣдними земствами, но въ 1878 г. устроило и у себя педагогическіе курсы. Екатеринбургское земство предпринимало устройство цѣлаго ряда съѣздовъ курсовъ въ 1873, 1878, 1880, 1881, 1883 гг. Послѣдніе курсы были въ Чердыни въ 1894 г.

На верхотурскомъ съѣздѣ 1881 г., ирбитскомъ 1883 г. руководителемъ былъ довольно извѣстный педагогъ Н. Ф. Бунаковъ; на верхотурскомъ 1873 г.—учительской с.-петербургской семинаріи Бобровниковъ. Курсами въ Екатеринбургѣ и Шадринскѣ преимущественно руководилъ учитель женской гимназіи, впослѣдствіи инспекторъ училищъ Павловъ; камышловскими курсами 1882 г. руководилъ учитель гимназіи, нынѣ инспекторъ училищъ В. Поповъ. Въ Кунгурскомъ и Оханскомъ уѣздахъ дважды руководилъ курсами инспекторъ г. Соколовъ, въ Чердыни—инспекторъ г. Синицынъ.

Занятія учителей и учительницъ (на нѣкоторыхъ съѣздахъ, какъ, напримѣръ, въ Осѣ въ 1872 г., присутствовали и законоучители) состояли: 1) въ слушаніи лекцій по педагогикѣ, дидактикѣ руководителей; 2) въ слушаніи практическихъ примѣрныхъ уроковъ во временно сформированной начальной школѣ, въ разборѣ таковыхъ уроковъ; 3) въ живомъ обмѣнѣ мыслей изъ области педагогической теоріи и практики между участ-

никами съѣздовъ-курсовъ и ихъ руководителями. На нѣкоторыхъ съѣздахъ (ирбитскомъ и оханскомъ) учителямъ предлагались для обсужденія разные вопросы, касающіеся наилучшей постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ народной школѣ, какъ-то: о продолжительности курса народной школы, о введеніи въ народныя училища преподаванія дополнительныхъ предметовъ, о выборѣ учебниковъ, организаціи воскресно-повторительныхъ классовъ и друг.

Значеніе съѣздовъ-курсовъ хорошо выяснено въ докладѣ ирбитской уѣздной управы VIII очередному собранію: «Курсы освѣжающимъ образомъ дѣйствуютъ на учителей... они покидаютъ хотя на время захолустныя села и деревни, знакомятся другъ съ другомъ, обмѣниваются мнѣніями, дѣлятся впечатлѣніями, запасаются свѣжими силами, ободряются духомъ». Знакомясь съ усовершенствованными пріемами обученія, участвуя въ разборѣ и составленіи рефератовъ «учителя могутъ обработать свой языкъ для свободной разговорной рѣчи, пріобрѣтутъ навыкъ въ письменномъ изложеніи мыслей. Курсы развиваютъ въ учителѣ знаніе собственнаго достоинства, пробуждаютъ энергію къ дѣлу, даютъ толчокъ къ дальнѣйшему самообразованію».

О результатахъ съѣздовъ-курсовъ можно судить по тому, напримѣръ, что важнѣйшія постановленія ирбитскаго земскаго собранія по народному образованію вытекали преимущественно изъ ходатайствъ учителей, которые принимались даже въ засѣданія собранія съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Екатеринбургская управа свидѣтельствуетъ, что педагогическіе курсы устранили нежелательное явленіе—разнообразіе въ учебникахъ и пріемахъ преподаванія, бывшее въ земскихъ училищахъ уѣзда. На педагогическихъ курсахъ, устроенныхъ екатеринбургскимъ земствомъ въ 1883 г., собравшіеся учителя рѣшили выработать общими усиліями *Азбуку* и *Задачникъ*, наиболѣе примѣненные къ программѣ и курсу народныхъ школъ. Составленная коммиссіею учителей *Азбука* расходится уже 2 изданіемъ *).

Въ виду того, что открытіе педагогическихъ курсовъ сопряжено въ настоящее время съ большими затрудненіями, ирбитское земство по примѣру екатеринбургскаго, проектировало учредить педагогическій музей **), съ назначеніемъ при немъ консерватора изъ лицъ, пользующихся извѣстностью хорошихъ педагоговъ, съ устройствомъ при музеѣ репетиціонныхъ классовъ для подготовляющихся учителей. Проектъ, по независящимъ отъ земства причинамъ, не могъ быть осуществленъ.

Въ видахъ содѣйствія самообразованію учителей, для освѣженія ихъ знаній, земство въ 1870 г. выписывало для учительскаго персонала на-ряду съ педагогическими сочиненіями коривеевъ русской народной школы, Ушин-

*) *Краткій историческій очеркъ дѣятельности екатеринбургскаго земства*, стр. 16.

**) Въ постановленіяхъ XV красноуфимскаго земскаго собранія встрѣчается упоминаніе объ ассигнованіи 50 р. на музей педагогическій.

скаго, барона Корфа и друг., періодическія изданія спеціально педагогическаго и обще-литературнаго содержанія.

Въ Ирбитскомъ, Верхотурскомъ, Оханскомъ уѣздахъ выписывались журналы *Народная Школа*, *Дѣтское Чтеніе*.

Въ Пермскомъ уѣздѣ въ 1876 г. разсылались по училищамъ *Недѣля*, *Русскія Вѣдомости* и др. *).

Во многихъ земствахъ, какъ видно изъ журналовъ собраній, поднимались вопросы объ организаціи при управахъ или училищныхъ совѣтахъ центральныхъ библіотекъ для пользованія учителей.

Несомнѣнно, полезными мѣрами были командировки учителей съ научною цѣлью на выставки: Всероссійскую Московскую въ 1882 г., Казанскую въ 1890 г., Всероссійскую Нижегородскую—1896 г., Уральскую-Екатеринбургскую. Командированные учителя (обыкновенно по 2—3 лица изъ уѣзда) представляли ближайшимъ очереднымъ собраніямъ болѣе или менѣе обстоятельные отзывы о выставкахъ **).

Мѣропріятія земства относительно учительскаго персонала имѣли своимъ послѣдствіемъ тотъ утѣшительный результатъ, что въ настоящее время, по отзыву училищной администраціи среди учительской корпораціи совсѣмъ уже не встрѣчаются такіе плохіе преподаватели, каковыми были большинство учителей доземскихъ училищъ. Екатеринбургская управа въ докладѣ своемъ XV-му собранію считала долгомъ засвидѣтельствовать предъ собраніемъ, что большинство преподавателей въ народныхъ училищахъ являются не только просвѣщенными дѣятелями въ школѣ, но и полезными сотрудниками въ земствѣ.

Мѣропріятія земства относительно законоучителей.

По отношенію къ законоучителямъ роль земства была существенно иная, чѣмъ въ отношеніи къ учителямъ; земство и даже администрація министерства народнаго просвѣщенія не могли дѣлать выборъ между кандидатами на законоучительскія должности и должны были довольствоваться ходатайствами предъ епархіальнымъ начальствомъ о назначеніи въ приходы, гдѣ есть училища, священниковъ способныхъ по образовательному цензу удовлетворительно вести преподаваніе Закона Божія.

Такъ какъ пермская и екатеринбургская епархіи донынѣ ощущаютъ недостатокъ въ образованныхъ кандидатахъ на священническія мѣста, то при разбросанности, многолюдствѣ приходовъ, многіе священники не успѣваютъ отправлять, какъ слѣдуетъ, ближайшія пастырскія обязанности и тѣмъ болѣе не могутъ аккуратно посѣщать уроки Закона Божія въ училищахъ. Отсюда становится понятнымъ, что въ журналахъ земскихъ собра-

*) До какого времени выписывались эти газеты, нѣтъ указаній въ бывшихъ подъ руками матеріалахъ.

**) См., наприм., отчетъ Конева въ журналахъ XXI верхотурскаго очередного земскаго собранія.

ній за 25-лѣтіе встрѣчаются постоянныя жалобы на неудовлетворительность преподаванія Закона Божія въ народныхъ школахъ. Въ докладѣ VI екатеринбургскому земскому собранію сообщалось, что нѣкоторые законоучители совсѣмъ не занимаются въ школѣ. Другіе переставали посѣщать училища, какъ только проводятъ ревизора-благочиннаго *).

Черезъ 10 лѣтъ члены екатеринбургскаго училищнаго совѣта въ докладѣ XVII екатеринбургскому земскому собранію заявляли: «законоучитель, съ усердіемъ занимающійся своимъ дѣломъ, составляетъ исключеніе».

Въ большинствѣ случаевъ преподаваніе Закона Божія ведется кое-какъ, да и то при помощи учителей и учительницъ. Въ первомъ отдѣленіи законоучители не занимаются вовсе, въ другихъ пропускаютъ массу уроковъ и только къ концу года въ третьемъ отдѣленіи начинаютъ усиленныя занятія по Закону Божію въ виду экзамена. Результаты испытанія по Закону Божію довольно плачевны: нерѣдко дѣти не знали важнѣйшихъ молитвъ **). Подобные отзывы встрѣчаются въ докладахъ и отчетахъ училищныхъ совѣтовъ прочихъ уѣздовъ ***). Такъ какъ жалобы епархіальному начальству, вытекавшія изъ подобныхъ отзывовъ, мало помогали дѣлу, то земства пытались улучшить преподаваніе приглашеніемъ свѣтскихъ преподавателей Закона Божія изъ студентовъ духовныхъ семинарій.

Первый совѣтъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ екатеринбургскимъ земствомъ въ 1875 г. Затѣмъ въ 1880 г. вызывались воспитанники семинарій (за недостаткомъ мѣстныхъ) вятской и казанской для занятія учительскихъ и вмѣстѣ законоучительскихъ должностей въ тѣхъ школахъ, гдѣ Законъ Божій не можетъ преподаваться священникомъ (за отсутствіемъ его въ деревенскихъ школахъ, за неспособностію или нерадѣніемъ). Для привлеченія воспитанниковъ семинарій на указанныя мѣста назначенъ былъ усиленный окладъ 480 р. въ годъ (360 р. за учительство и 120 р. за уроки Закона Божія) съ перваго же года службы. Екатеринбургскому земству первое время не приходилось жалѣть объ усиленныхъ затратахъ на проведеніе указанной мѣры, но потомъ оказалось, что воспитанники семинарій смотрятъ на учительство какъ на переходную ступень къ священству и бросаютъ школы при первой возможности. Собраніе XIX сессіи, отмѣнивъ постановленіе XI собранія, назначило воспитанникамъ семинарій одинаковый съ другими окладъ жалованья 240 р. за учительство и 72 р. за законоучительство съ предоставленіемъ права на повышеніе оклада до 360 р. за преподаваніе свѣтскихъ предметовъ и 120 р. за уроки Закона Божія въ случаѣ засвидѣтельствованнаго усердія и успѣха въ выполненіи преподавательскихъ и законоучительскихъ обязанностей.

---

*) *Краткій историческій очеркъ дѣятельности екатеринбургскаго земства*, стр. 18—19.

**) *Краткій историческій очеркъ дѣятельности екатеринбургскаго земства.*

***) Сравни *Обзоръ развитія народнаго образованія въ Оханскомъ у.*, Миропольскаго, стр. 39, 34 и друг. Постановленіе XI шадринскаго собранія. *Состояніе училищъ въ Красноуфимскомъ у.*, Корватовскаго, стр. 60—61.

X очередное шадринское собраніе постановило ходатайствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ о разрѣшеніи возложить преподаваніе Закона Божія на учителей и учительницъ въ тѣхъ школахъ, оо. законоучители которыхъ оказались нерадивыми.

Въ Верхотурскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ и теперь не рѣдки случаи замѣны оо. законоучителей мѣстными учителями.

Кромѣ замѣны законоучителей мѣстными преподавателями, гдѣ это оказывалось возможнымъ, земства пытались улучшить преподаваніе Закона Божія установленіемъ поурочной платы оо. законоучителямъ.

XII ирбитское очередное земское собраніе назначило 60 к. за каждый данный оо. законоучителями урокъ. Это вознагражденіе повышалось до 70 к. въ тѣхъ случаяхъ, когда законоучителю приходится пріѣзжать изъ другого селенія на уроки въ школу. За пятилѣтнюю выслугу вознагражденіе тоже увеличивалось на 10 к. за урокъ *).

Красноуфимское XVII собраніе назначило поурочную плату въ 50 к. Поурочная плата была введена и въ другихъ уѣздахъ.

Въ виду того, что разсчеты поурочно вызывали пререканіе между учителями, законоучителями и управами, то нѣкоторыя земства въ послѣдніе годы назначаютъ вознагражденіе оо. законоучителямъ хотя по годовому окладу, но въ разномъ размѣрѣ, видоизмѣняя окладъ съ числомъ учащихся въ извѣстномъ училищѣ, степенью усердія и успѣшности въ преподаваніи Закона Божія. Такое постановленіе состоялось, наприм., на XXVI верхотурскомъ земскомъ собраніи.

А. Раменскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Это постановленіе теперь отмѣнено ирбитскимъ земствомъ и оо. законоучителямъ назначенъ нормальный окладъ въ 72 р. въ годъ, съ прибавленіемъ 12 руб. за прослуженное пятилѣтіе.

Международная художественная выставка въ Венеціи.

I.

Ни въ одной странѣ во всемъ мірѣ до такой степени не развитъ и не могъ развиться провинціальный патріотизмъ, какъ въ Италіи. Фактъ естественный и вполнѣ понятный.

Наименованіе *провинція* въ Италіи—относительно всѣхъ городовъ, кромѣ одного,— стало возможнымъ только съ очень недавнихъ поръ, всего какихъ-нибудь четверть вѣка. Объединенная Италія основала свою столицу въ Римѣ, и Флоренція, Венеція, Неаполь, Миланъ, Генуя логически снизошли до положенія «провинцій».

Но новый порядокъ вещей не могъ отнять у этихъ провинцій ихъ прошлаго, зачеркнуть ихъ исторіи. Она была не въ примѣръ болѣе блестящей, героической и особенно болѣе шумной, чѣмъ исторія новѣйшей единой и нераздѣльной Италіи. Все, что отвоевало этой странѣ первое мѣсто въ области искусствъ, что покрыло ее безсмертными лаврами генія, красоты, поэзіи,—все это достояніе нынѣшнихъ провинцій, а въ былое время—столицъ своихъ собственныхъ королевствъ, герцогствъ, республикъ.

И до сихъ поръ мощная, подчасъ будто легендарная, старина тяготѣетъ надъ настоящимъ, далеко не затмевающимъ ни прежнихъ дѣлъ, ни древнихъ героевъ. Дворцы, памятники, площади говорятъ громче всѣхъ современныхъ фактовъ, и врядъ ли когда королевскому Риму удастся отучить венеціанца или флорентійца при всякомъ случаѣ пѣть гимны *своему* отечеству и на свой городъ смотрѣть какъ на великій культурный центръ.

И что особенно важно — пѣть гимны на *собственномъ* языкѣ, далеко не на томъ, какимъ говорятъ народные представители въ римскомъ парламентѣ. Достаточно встрѣтиться венеціанцу и римлянину, неаполитанцу и флорентійцу, чтобы почувствовать другъ въ другѣ людей различныхъ странъ и даже гражданъ различныхъ государствъ.

Русскія нарѣчія, по своимъ отличіямъ, не идутъ ни въ какое сравненіе съ итальянскими. Здѣсь, въ сущности, нѣсколько разныхъ языковъ,—

до такой степени, что ученые собиратели народныхъ пѣсенъ принуждены переводить ихъ на общелитературный языкъ. Кажется, только Мадонна и папа и называются одинаково на сѣверѣ, въ центрѣ и на югѣ Италіи,— всѣ прочія слова представляютъ рядъ безчисленныхъ измѣненій, дающихъ въ результатѣ свою особую характерную рѣчь для каждой провинціи.

Естественно, Италія въ культурномъ смыслѣ — настоящіе Соединенные Штаты, несравненно болѣе независимые другъ отъ друга, чѣмъ швейцарскіе кантоны или американскія республики. И еще естественнѣе при такихъ условіяхъ неоспоримое сознаніе мѣстной исторической и общественной исключительности, присущее всѣмъ прежнимъ политическимъ центрамъ страны.

Отсюда оригинальнѣйшее впечатлѣніе, какое вы можете испытать только въ Италіи. Въ большомъ провинціальномъ городѣ, когда-то столицѣ отдѣльнаго государства, вы до сихъ поръ чувствуете себя будто въ особомъ самодовлѣющемъ мірѣ умственной и отчасти даже политической жизни. Нечего и говорить, каждый изъ такихъ городовъ владѣетъ многочисленными сокровищами искусства, на каждомъ шагу повѣствуетъ иностранцу о своемъ величіи величественной архитектурой зданій. Но и въ единомъ королевствѣ оказалось мѣсто для провинціальной политики, ничѣмъ не уступающей столичной.

Всюду имѣется множество періодическихъ органовъ разныхъ партій,— органовъ, выходящихъ ежедневно двумя-тремя изданіями, всюду собираются конгрессы парламентскихъ и внѣ-парламентскихъ политиковъ, всюду воздвигаются статуи и памятники новѣйшимъ дѣятелямъ и событіямъ. И все равно, какъ въ средніе вѣка Флоренція канонизировала своихъ святыхъ и чудотворцевъ, не справляясь съ мнѣніемъ папы и римской конгрегаціи, такъ и теперь, Флоренція преклоняется предъ Кавуромъ и презираетъ Криспи, Венеція боготворитъ Гарибальди и равнодушна къ Виктору-Эмануилу.

«Провинціальные» органы печати имѣютъ свою публику во всемъ королевствѣ наравнѣ со столичными, и многіе даже авторитетнѣе римскихъ. Миланскій *Secolo* — сильнѣйшій врагъ Криспи и его партіи. Именно его статьями съ особенной охотой пользуются ватиканскіе политики и въ Римѣ. *Secolo* опаснѣйшій конкуррентъ самой распространенной римской газеты— *Трибуны,* сторонницы итальянскаго Бисмарка.

Въ результатѣ—конкурренція итальянскихъ городовъ другъ съ другомъ на всѣхъ поприщахъ, — конкурренція вовсе не преднамѣренная и легкомысленно-тщеславная, а неизбѣжная въ силу историческаго инстинкта, если такъ можно выразиться.

Это не смѣхотворная претензія какого-нибудь провинціальнаго захолустья «жить какъ въ Парижѣ», — здѣсь какія угодно притязанія могутъ найти свое оправданіе въ фактахъ и документахъ.

Римъ можетъ называть себя «вѣчнымъ городомъ», «столицей міра»,— но Флоренція и Венеція столь же основательно могутъ присвоивать себѣ

пальму первенства въ искусствахъ, въ изящной литературѣ, припомнить времена, когда столица Тосканы для всего Стараго Свѣта играла роль Парижа, а республика Адріатическаго моря не знала себѣ соперниковъ по богатству и могуществу и «властвовала надъ морями», будто «гордая Британія» новыхъ вѣковъ.

Все это миновало, но прошлое всегда налагаетъ извѣстныя нравственныя обязательства и на отдѣльныхъ личностей, и на цѣлые народы.

Итальянскіе города — истинные аристократы по своей исторіи, и она остается для нихъ общею программой до послѣднихъ дней. Здѣсь нѣтъ ни развѣнчанныхъ царицъ, ни увядшихъ красавицъ.

Вы можете испытывать какія угодно грустныя впечатлѣнія, впадать въ безнадежное философское раздумье при видѣ венеціанскихъ дворцовъ, превращенныхъ въ магазины и склады товаровъ,—въ самой Венеціи не поймутъ вашихъ чувствъ.

Конечно, красота и поэзія неизмѣримо выиграли бы, еслибъ Большой каналъ до сихъ поръ былъ окаймленъ патриціанскими гербами, еслибъ въ окнахъ и «ложахъ» этихъ громадъ до сихъ поръ блистали бѣлокурыя Дездемоны, а не глазѣли приказчики и конторщики международныхъ коммерсантовъ. Это несомнѣнно. Но дворцы остаются дворцами. Оттого, что прозаическая матеріальная эпоха наложила на нихъ свою кощунственную руку, ихъ величавая, благородная старина кажется еще трогательнѣе и романтичнѣе. И тотъ же иностранецъ, въ наши дни, плывя на гондолѣ по Большому каналу, все еще переживаетъ восторги иноземныхъ пословъ пятнадцатаго вѣка: «да, это—прекраснѣйшая улица во всемъ мірѣ, самый *торжествующій*—la plus triomphante—городъ во вселенной».

Такъ думаетъ иностранецъ... А послушайте самихъ наслѣдниковъ былой славы, откройте новѣйшія сочиненія о Венеціи отнюдь не беллетристовъ и импрессіонистовъ, а кропотливѣйшихъ архивныхъ изыскателей,— всѣхъ этихъ Мольменти, Музатти, Бернони,—вы почувствуете себя въ совершенно непривычной области какой-то особенной лирической науки, архивныхъ цитатъ, похожихъ на стихотворенія въ прозѣ, ученой полемики, напоминающей драматическій діалогъ, и выводовъ, по тону и выраженіямъ близкихъ къ одѣ и патріотическому гимну.

Только при особомъ настроеніи можно взять темой историческаго изслѣдованія венеціанскую женщину, и добрую половину книги посвятить доказательствамъ, что венеціанки искони вѣковъ считались въ Европѣ первыми красавицами. Это подтверждается справками очевидцевъ на всевозможныхъ языкахъ.

Такъ поступаетъ современный венеціанскій ученый, и роскошно изданная книга находитъ многочисленную публику, прежде всего, конечно, въ той же Венеціи.

Такихъ примѣровъ своеобразнаго рыцарственно-восторженнаго отношенія къ родному городу можно встрѣтить множество по всей Италіи, но Венеція—привилегированная красавица—именно потому, что она красавица

прежде всего, оригинальная, чарующая, несмотря ни на какія оскорбительныя покушенія времени, ни на какіе разгромы людей и обстоятельствъ. Итальянцу могутъ примелькаться и наскучить развалины Форума, Колизея, онъ можетъ наизусть выучить богатства Уффици и Ватикана, но венеціанскіе вечера—съ гондолами, огнями и пѣснями—не перестанутъ вдохновлять музыкантовъ и художниковъ, интриговать воображеніе влюбленныхъ паръ по всему пространству Аппенинскаго полуострова.

Передъ Венеціей умолкаетъ мѣстный патріотизмъ даже у римлянина, и если онъ задумаетъ доставить публикѣ особенно увлекательное зрѣлище, онъ объявляетъ *венеціанскій* праздникъ. Это значитъ—цвѣты, пѣсни, веселье во всей свободѣ и поэзіи, какія только доступны современной толпѣ. И если у героини Марселя Прево путешествіе въ Италію играетъ рѣшающую роль въ ея замужствѣ съ нелюбимымъ человѣкомъ,—для итальянки надежда побывать въ Венеціи и на мѣстѣ пережить подлинный праздникъ должна входить не послѣднимъ звеномъ въ ея предбрачныя мечты.

Венеція это знаетъ и, продолжая чтить и любить свои пышныя преданія, стремится съ достоинствомъ выполнить свое современное назначеніе. Во всѣхъ большихъ городахъ Италіи существуютъ особые тарифы для путешествія въ Венецію, туда и обратно, съ предварительной оплатой всѣхъ издержекъ пребыванія въ городѣ,—отеля, гида, музеевъ. *Tutti per Venezia,* кричатъ вамъ громадныя афиши въ Римѣ, во Флоренціи, въ Неаполѣ. И приглашенія, очевидно, не остаются безплодными.

Въ Римѣ лѣтомъ отели на половину пусты, въ Венеціи въ іюнѣ они населены почти такъ же, какъ и весной—лучшее время для путешествій по Италіи, городъ оживленъ въ высшей степени, по вечерамъ на площади св. Марка тѣсно, какъ въ церкви въ торжественный праздникъ, каналы до полуночи блестятъ безчисленными огнями и надъ моремъ несется непрерывная симфонія музыки и пѣсенъ.

Именно благодаря морю Венеція остается наиболѣе обитаемымъ городомъ Италіи въ теченіе лѣта. О духотѣ и пыли нѣтъ и помину. Вмѣсто удручающаго грохота и треска мостовыхъ до васъ долетаетъ только мѣрный всплескъ веселъ, и кажется, будто даже эти звуки дѣйствуютъ успокоительно и освѣжительно на ваши нервы.

А если солнечные лучи слишкомъ утомятъ ваши глаза, — рядомъ безграничная зеленоватая даль, и вы на часъ, на два, насколько угодно можете испытать покой души и тѣла, погрузиться въ ту самую невыразимо-сладкую истому, о какой мечталъ поэтъ: не жизнь и не смерть, а нѣкое внѣземное бытіе, полное звуковъ и грёзъ...

И естественно, только на такой сценѣ и при такихъ условіяхъ возможно въ Италіи *лѣтнее* предпріятіе, разсчитанное на многочисленную отечественную и иностранную публику. Венеція — большой культурный центръ, въ этомъ отношеніи она одна изъ многихъ историческихъ столицъ страны. Но у нея есть преимущества, ей исключительно принадлежащія, признанныя за ней въ самой Италіи. Они и рѣшили вопросъ о международной выставкѣ.

Задумывая ее пять лѣтъ тому назадъ, венеціанцы приложили всѣ усилія мотивировать свой планъ. На помощь была призвана чуть не вся художественная исторія славной республики, возобновлены въ памяти итальянской публики имена и біографіи знаменитыхъ венеціанскихъ артистовъ и патріотическое чувство авторовъ приводило ихъ къ одному и тому же выводу: Венеція—родина и глава итальянскаго искусства и первостепенная покровительница его.

Существуетъ обширная книжная и журнальная литература на эту тему, и она, очевидно, не растратила своихъ зарядовъ до послѣднихъ дней.

Только что венеціанскій муниципалитетъ привѣтствовалъ Дузе, вернувшуюся изъ Парижа послѣ блестящихъ успѣховъ. Синдикъ, поздравляя артистку съ тріумфомъ въ «величайшемъ центрѣ современной цивилизаціи», не преминулъ сказать комплиментъ и по адресу эстетической славы Венеціи. А мѣстныя газеты подвиги соотечественницы поспѣшили привести въ связь вообще съ первенствующей ролью Венеціи въ области всѣхъ искусствъ.

Можетъ быть гдѣ-нибудь въ Италіи — во Флоренціи, напримѣръ — и найдется свой историкъ и эстетикъ, способный представить сильныя возраженія противъ такого рѣшительнаго общаго заключенія. Но всѣ единодушно привѣтствуютъ венеціанскую затѣю, отнюдь не считаютъ ее слишкомъ смѣлой и рискованной,—даже теперь, когда двукратный опытъ могъ бы, кажется, нѣсколько умѣрить надежды и охладить восторги.

Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить со стороны, при полной неприкосновенности къ спеціально-итальянскимъ настроеніямъ.

II.

Первая международная художественная выставка была открыта въ Венеціи въ 1895 году и рѣшено открывать ее каждое двухлѣтіе. Во главѣ предпріятія стоятъ два комитета: одинъ международный — изъ представителей почти всѣхъ европейскихъ странъ, въ томъ числѣ отъ Россіи—Антокольскій и Рѣпинъ; президентъ — синдикъ Венеціи. Спеціально для выставки устроили настоящій дворецъ въ роскошнѣйшей мѣстности города,— въ *Общественныхъ садахъ—Giardini publici*.

Уже эти сады заслуживаютъ полнаго вниманія всѣхъ гостей города. Къ нимъ отъ площади св. Марка, послѣ набережной, ведетъ улица Гарибальди — совершенно новая, исключительно торговая, безъ всякихъ дворцовъ и памятниковъ. Здѣсь Венеція будто устранена со сцены современной объединенной Италіи, скромно-буржуазной, по-старинному шумной и пестрой, но мало-поэтической,— больше бѣдной и рабочей. Улица усѣяна тратторіями, фіяскетеріями, фруктовыми лавочками, двери завѣшены отъ солнца грязными истрепанными занавѣсками, у входовъ на улицѣ ряды ничѣмъ не покрытыхъ столовъ, и всюду цѣлый муравейникъ полунагихъ дѣтей. Кажется, только въ Италіи да въ русскихъ деревняхъ и можно

встрѣтить эту расу въ такомъ изумительномъ количествѣ и въ такомъ идиллическомъ нарядѣ...

Но направо съ улицы входъ въ садъ — и картина мѣняется.

У самаго входа памятникъ Гарибальди. Не можетъ быть ничего проще, трогательнѣе и эффектнѣе! Истинно-художественный прирожденный геній венеціанцевъ сказался во всей силѣ и чарующей красотѣ,—чарующей безъ всякаго умысла и разсчета, а непосредственнымъ артистическимъ порывомъ творческаго вдохновенія. Именно впечатлѣніе полной свободы, будто геніальной забавы чувствуется при взглядѣ на монументъ.

На лицевой сторонѣ—на скалѣ—Гарибальди, у ногъ его левъ, и обѣ фигуры съ поразительною цѣльностью выражаютъ одну идею: благородной, великодушной, но непреклонной силы. Лицо Гарибальди, повидимому, особенно тщательно изучено итальянскими художниками. На всѣхъ статуяхъ и памятникахъ оно одно и то же,— менѣе всего воинственное, задорно-храброе или уничтожающе-суровое, что̀ принято считать непремѣннымъ украшеніемъ генеральскихъ и полководческихъ физіономій. Здѣсь ничего подобнаго.

Не война и не слава предъ нами, а подвигъ, глубоко обдуманный, сознанный, какъ непогрѣшимый завѣтъ родины. А для такихъ подвиговъ не требуется ни страстная запальчивость, ни солдатскій азартъ: это—спокойное, гордое шествіе къ неотвратимой цѣли. И странно, у Гарибальди, доблестнѣйшаго воина Италіи, лицо и фигура вовсе не военныя. Возьмите у него саблю, на которую онъ опирается, и дайте въ руку книгу или какую-нибудь хартію,—вы примите героя войны за мыслителя, государственнаго человѣка. Нѣсколько сутулая фигура, пристальное, вдумчивое выраженіе глазъ не измѣнятъ вашего предположенія.

И вы такъ долго и съ невольнымъ сочувствіемъ смотрите на этого человѣка, припоминаете подробности его біографіи, отдѣльныя черты его характера, — вы *любите* его не только какъ освободителя прекрасной страны, а какъ удивительный образецъ духовнаго, *человѣчнаго* осмысленнаго мужества,—единственнаго мужества, способнаго даже кровавой борьбѣ сообщить блескъ величія и красоты.

И этотъ левъ—въ своемъ родѣ чудо художественнаго замысла. Въ природѣ, вѣроятно, такихъ львовъ не существуетъ, но, вѣдь, и Гарибальди среди полководцевъ—одинъ, и его левъ—не царь физической силы и не герой нападательной отваги. Будто долгіе годы опытовъ и страданій пронеслись надъ этимъ царственнымъ челомъ, посеребрили гриву сѣдиной, вытравили всякое желаніе безцѣльныхъ насилій. Но за то горе тому, кто нарушитъ величественный покой гиганта!...

Велика сила искусства, заставляющая камни и металлы говорить краснорѣчивѣйшей рѣчью! И въ Венеціи это—повсюду.

На одномъ изъ острововъ—Лидо—есть небольшой бассейнъ, почти совсѣмъ изсякшій. Надъ нимъ группа: мать хочетъ выкупать ребенка. Всего двѣ фигуры, но въ нихъ цѣлая поэма материнскаго сердца и забавнѣйшая

исторія дѣтскихъ страховъ и капризовъ! Ребенокъ не хочетъ идти въ воду, одна ручонка протянута къ водѣ съ самымъ отчаяннымъ отвращеніемъ, другою несчастный уперся въ землю, — происходитъ борьба. Лицо матери живетъ и дышитъ любовью и развѣ только венеціанское солнце, играющее въ волнахъ лагунъ, можетъ поспорить съ этой улыбкой, вызывающей непремѣнно и у васъ сочувственный, столь же свѣтлый откликъ...

Отъ памятника Гарибальди рядъ тѣнистыхъ душистыхъ аллей. Для насъ, сѣверянъ, тонкій нѣжно - наркотическій ароматъ итальянскихъ садовъ — не цвѣтовъ, а зелени деревьевъ — одинъ изъ сюрпризовъ чудной страны. Въ вѣтвяхъ аллей прячутся статуи. Когда-то онѣ, очевидно, были совсѣмъ открыты, но деревья разрослись, и теперь иная группа богинь или богини и бога кажется четой влюбленныхъ, ведущихъ бесѣду подъ кровомъ листвы. Игра свѣта и тѣней создаетъ полную иллюзію жизни, и вѣтеръ, кажется, передаетъ вамъ шепотъ мраморныхъ красавицъ.

Въ саду превосходное кафе,—едва ли не лучшее во всей Венеціи. Кромѣ того безпрестанно проходятъ водоносцы,—и вы можете цѣлый день оставаться здѣсь, съ полнымъ удобствомъ утоляя голодъ и жажду. И день не будетъ потеряннымъ, независимо отъ выставки. Изъ сада великолѣпный видъ на лагуны и острова, у берега пристань пароходовъ и за десять центезимовъ менѣе чѣмъ въ десять минутъ можно совершить путешествіе на одинъ изъ острововъ.

И въ первый разъ, отправляясь на выставку, вы врядъ ли попадете на нее,—ужъ очень много искушеній кругомъ. Особенно въ праздники: тогда каналы вокругъ общественныхъ садовъ пестрятъ барками и гондолами, и будто вся Венеція днемъ переселяется на острова, особенно на Лидо, гдѣ устроены морскія купанья,—и сама выставка посѣщается публикой преимущественно въ будни.

Она занимаетъ—мы сказали—цѣлый дворецъ, очень обширный. На обозначеніе залъ потребовался весь итальянскій алфавитъ. Предметовъ, слѣдовательно, набралось очень много. Это—прогрессъ сравнительно съ 95 годомъ.

Тогда вовсе не было представлено искусство Россіи, Америки, весьма скудно Франціи. Теперь произведенія русскихъ художниковъ занимаютъ почти цѣлую большую залу, Америка тоже прислала немало картинъ. Но дѣйствительность все-таки далека отъ идеала.

Французскій отдѣлъ—одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ по количеству, а качество таково, что, даже по мнѣнію итальянской печати, нѣкоторымъ извѣстнѣйшимъ художникамъ Франціи лучше бы совсѣмъ ничего не присылать.

Такъ, конечно, можно говорить въ виду чрезвычайной плодовитости современной французской живописи, многообразныхъ стремленій французскихъ художниковъ къ новымъ словамъ въ области своего искусства. И въ результатѣ именно венеціанская выставка или обойдена ими, или почтена произведеніями, не дѣлающими чести ни выставкѣ, ни авторамъ.

Другіе отдѣлы полнѣе, но опять-таки, по мнѣнію итальянской печати, не характеризуютъ съ достаточной ясностью ни направленіе, ни прогрессъ того или другого національнаго искусства. Очевидно, выставка заинтересовала только немногихъ и отдѣльныхъ художниковъ-иностранцевъ и не вызвала, такъ сказать, профессіональнаго вниманія живописцевъ и скульпторовъ.

Въ результатѣ, только русскій отдѣлъ, думаютъ итальянцы, можно признать полнымъ и поучительнымъ. Онъ даетъ возможность составить болѣе или менѣе точное представленіе о развитіи русскаго искусства за послѣднія десять лѣтъ.

Мы увидимъ, русскій отдѣлъ гораздо любопытнѣе въ другомъ отношеніи. Не намъ судить, насколько онъ содержателенъ въ историческомъ отношеніи, т.-е. до какой степени основательно по выставленнымъ въ Венеціи русскимъ картинамъ можно судить вообще о прогрессѣ и о талантливости русскаго художественнаго генія. Насъ интересуетъ другой предметъ—менѣе спеціальный и болѣе опредѣленный.

Онъ долженъ непремѣнно явиться у всякаго посѣтителя выставки, не заинтересованнаго исключительно техническими вопросами.

Выставка разсчитана на новѣйшія произведенія искусства. Она должна быть художественной иллюстраціей нашего конца вѣка, собрать въ своихъ залахъ самые настоятельные, жгучіе мотивы, какими живетъ чувство и воображеніе современныхъ талантовъ. Въ этомъ смыслѣ она своего рода хрестоматія—и, несомнѣнно, болѣе краснорѣчивая и содержательная, чѣмъ обычные сборники литературныхъ отрывковъ.

Вѣдь здѣсь что̀ ни произведеніе, то цѣльное, законченное выраженіе извѣстныхъ думъ и настроеній художника. Это не рядъ абзатцовъ, выбранныхъ по усмотрѣнію составителя, а въ полномъ смыслѣ лично-придуманная и лично-провѣренная исповѣдь. Вдвойнѣ провѣренная: авторъ, посылая свое произведеніе на выставку, долженъ считать его вполнѣ удовлетворительнымъ свидѣтельствомъ своего таланта и своей мысли, вообще своего художественнаго *я*.

А такое *я*, по простѣйшему психологическому закону, должно являться однимъ изъ самымъ чуткихъ, впечатлительныхъ показателей какого бы то ни было состоянія общественной атмосферы. Высоко развитая способность воспринимать и реагировать, внимать и отзываться—въ этомъ основа художественно-одаренной натуры. Безъ нея немыслимъ ни самый талантъ, ни дѣятельность, разсчитанная на цѣнителей и публику

Это—общій принципъ.

Частности не менѣе существенны.

Величина таланта, чисто-эстетическая, зависитъ отъ полноты и глубины воспріимчивости, но значеніе таланта, его идейная сила—соотвѣтствуютъ предметамъ, вызывающимъ извѣстную реакцію въ духовномъ мірѣ художника.

Можно чувствовать даже травъ прозябанье, понимать, что̀ говоритъ

морская волна, читать со всевозможными подробностями узоры лунныхъ лучей и быть поэтомъ, именно, полей, моря, луны,—и очень талантливымъ поэтомъ. Можно быть и живописцемъ въ такихъ же областяхъ и до такой степени искуснымъ, что на нарисованныя вишни будутъ слетаться птицы и надъ лѣтнею ночью до истомы задумываться дѣвы и дѣвицы.

Это—также художественная чуткость и художественная сила.

Но есть другая.

Можно вмѣсто «звуковъ ночнаго молчанія» усматривать незримыя слезы, вмѣсто трелей соловья и говора морской волны прислушиваться или къ членораздѣльной рѣчи человѣческой мысли, или къ нечленораздѣльному, но часто не менѣе внушительному воплю человѣческаго горя.

Здѣсь также есть свои тончайшіе оттѣнки, талантъ артиста ихъ превратитъ въ художественнѣйшіе штрихи,—есть свои яркія и блѣдныя краски, живописецъ извлечетъ изъ нихъ или чудную гармонію свѣта и тѣней, или удручающую правду торжествующаго зла, или соберетъ рѣдкіе, но драгоцѣннѣйшіе перлы человѣчности.

Это также художественный геній, и какая часто неизмѣримая мощь!...

Вотъ два пути, какими искони шло и будетъ идти искусство во всѣхъ его развѣтвленіяхъ.

Какой же изъ этихъ путей предпочтенъ современными артистами? Мы говоримъ предпочтенъ: это—не точно. Истинный прирожденный талантъ ничего ни предпочесть, ни отвергнуть не можетъ. Все равно, какъ геніальный математикъ не будетъ даже посредственнымъ филологомъ,—такъ поэтъ природы, личныхъ лирическихъ чувствъ, мимолетныхъ художественныхъ впечатлѣній не превратится въ искренняго, сожигающаго сердца пророка, сколько бы внѣшнихъ силъ ни внушало ему это превращеніе.

Художникъ создается не только для того, чтобы творить вообще, но и для того, что̀ именно творить.

Это фатумъ, и именно этимъ закономъ объясняются поразительныя противорѣчія художественнаго творчества и разсудочной силы у одного и того же художника: Гоголь *Мертвыхъ душъ* и Гоголь—философъ и обыватель.

Мы, слѣдовательно, вѣрнѣе должны поставить вопросъ: какой преобладающій типъ художника создало наше время?

Можно спорить противъ безусловной точности отвѣта: мы только-что говорили о неполнотѣ выставки, о случайности коллекцій отдѣльныхъ національностей. Мы бы и не рѣшились задаваться такой широкой задачей, еслибъ ради ея рѣшенія приходилось пускаться въ болѣе или менѣе правдоподобныя догадки, дополнять факты соображеніями и къ предметамъ очевиднымъ и наблюдаемымъ прибавлять разныя подходящія данныя извнѣ. Можно прійти къ извѣстной цѣли и такимъ путемъ, но только цѣли тогда въ сильной степени зависятъ отъ авторскаго воображенія, ловкости комбинацій, и выводъ рискуетъ оказаться на противоположномъ полюсѣ отъ дѣйствительности.

Мы находимся въ болѣе простомъ и выгодномъ положеніи

Пусть художники Стараго и Новаго Свѣта прислали на венеціанскую выставку свои произведенія по *случайному* выбору, какъ кому пришлось и вздумалось. Результаты получились самые опредѣленные. Предъ нами именно тотъ рядъ фактовъ, изъ которыхъ каждый отдѣльно кажется случаемъ, а всѣ вмѣстѣ составляютъ одно явленіе и оно подчинено одному *закону*.

Послѣ перваго, даже поверхностнато обозрѣнія выставки у васъ остается такое впечатлѣніе, будто художникамъ задали задачу—нарисовать портретъ идеальнаго артиста, какъ они его представляютъ. Каждый сдѣлалъ по штриху, руководясь личнымъ усмотрѣніямъ, не справляясь съ работой своихъ сотрудниковъ, и въ результатѣ вышла цѣльная фигура, съ самыми незначительными диссонансами—сравнительно съ общимъ обликомъ.

Что же это за обликъ? Разсмотримъ его черты.

III.

Съ первой минуты кажется очень трудно разобраться въ выставкѣ,—несравненно труднѣе, чѣмъ въ любомъ итальянскомъ музеѣ. Тамъ непремѣнно послѣ пяти-шести картинъ или статуй у васъ возникаетъ какая-нибудь общая руководящая идея, общій фонъ для дальнѣйшихъ впечатлѣній.

Это вѣрно относительно самыхъ богатыхъ художественныхъ собраній.

Во флорентійскихъ галлереяхъ Уффици или Питти достаточно приглядѣться къ двумъ-тремъ мадоннамъ, остановиться предъ однимъ изъ безчисленныхъ Себастіановъ и столь же безчисленныхъ Магдалинъ, въ Ватиканѣ стóитъ пройти по одной залѣ античныхъ скульптуръ, и настроеніе у васъ создано. Къ вашей мысли и вашему сердцу прикоснулся весь сверкающій жизнью и свѣтомъ геній Возрожденія и въ вашихъ глазахъ навсегда запечатлѣлись будто не землею рожденныя формы олимпійской красоты. Тонъ созданъ, и дальше только будетъ расти и шириться стройная гамма вашего эстетическаго наслажденія.

Ничего подобнаго на современной выставкѣ нѣтъ, да и быть, кажется не можетъ.

Развѣ теперь существуетъ одна господствующая школа, развѣ нашъ вѣкъ выработалъ одинъ для всѣхъ обязательный художественный символъ, развѣ онъ знаетъ чей-нибудь общепризнанный авторитетъ? Онъ—вѣкъ исканій и опытовъ, въ искусствѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Чуть не каждое десятилѣтіе создаетъ направленіе и чуть не каждый молодой талантъ стремится сказать свое слово, до сихъ поръ никѣмъ не произнесенное. Это—настоящая анархія, можетъ быть за отсутствіемъ одного всепоглощающаго генія-учителя, а, можетъ быть, таково естественное состояніе искусства на извѣстной ступени его развитія.

Вѣдь и въ области идей съ теченіемъ времени все труднѣе становится создать школу. Вотъ уже полвѣка, съ эпохи расцвѣта гегельянства, философія не знаетъ ни одного философскаго толка, напоминающаго, какъ въ

былое время, своего рода церковь, религіозную общину. Прогрессъ личности, индивидуализація совершается рѣзко и неуклонно со временъ распаденія средневѣковаго строя, и онъ можетъ быть единственный, въ области нравственности, не подлежащій ни реакціи, ни остановкѣ.

Въ искусствѣ, живущемъ исключительно творческими силами отдѣльныхъ личностей, этотъ прогрессъ владѣетъ самой благодарной почвой. И будущее здѣсь, можетъ быть, не принадлежитъ больше направленіямъ и системамъ, а мастерамъ и геніямъ.

Такое впечатлѣніе полнаго *разброда* современныхъ талантовъ производитъ и венеціанская выставка. Но именно потому, что среди этихъ талантовъ геніевъ, вѣроятно, нѣтъ или очень мало, по громадному большинству ихъ произведеній проходитъ яркая одноцвѣтная черта.

Статистика, говорятъ, довольно сомнительная наука, сложеніемъ и вычитаніемъ фактовъ можно подчасъ доказать совершенно противоположныя истины. Правда ли это и часто ли возможенъ такой фокусъ, не наше дѣло. Но иногда, при сравнительно немногочисленныхъ фактахъ и вполнѣ доступныхъ наблюденію, два простѣйшихъ ариѳметическихъ дѣйствія могутъ дать безусловно серьезный и въ высшей степени поучительный результатъ.

Напримѣръ, на нашей выставкѣ. Сосчитайте, сколько картинъ посвящено тремъ завѣдомо поэтическимъ мотивамъ: дѣвицѣ, лунѣ и барашкамъ. Всѣ націи, кромѣ русской, принесли обильнѣйшую дань этимъ предметамъ, а нѣкоторыя посвятили имъ свой исключительный интересъ. Во главѣ ихъ стоитъ Германія.

Единодушіе доходитъ до забавнѣйшаго эффекта.

У итальянскихъ художниковъ *Весна*: три обнаженныя дѣвицы съ воздушными лентами у таліи—голубой, розовой, желтой; *Сентябрь*—вполнѣ одѣтая дама въ очень густомъ боа; *Лѣтній вечеръ*—дѣвица въ платьѣ на синемъ фонѣ. У англичанъ и американцевъ: *Весна*—три женщины, по англо-саксонской скромности, въ полномъ костюмѣ; другая *Весна*—лежащая женщина, къ чему-то прислушивающаяся; *Осень*—женщина, рвущая цвѣты. Нѣмцы представили, по крайней мѣрѣ, пять *Веснъ*,—съ дѣвицами въ разныхъ комбинаціяхъ, нѣсколько лѣтнихъ вечеровъ и ночей и, кромѣ того, нѣсколько аллегорій, вродѣ—*Мечты*, *Музыка*.

Аллегоріи, выраженныя женщинами, многочисленны и у другихъ художниковъ. Итальянецъ изображаетъ Аркадію въ видѣ двухъ женскихъ фигуръ, рисуетъ картину съ названіемъ *Anima e fiori*—дѣвушка, плетущая вѣнокъ, набрасываетъ туманный силуетъ дѣвичьяго тѣла и подписываетъ *Verso la luce*, почему-то непроницаемую мглу именуя свѣтомъ и смутную женскую фигуру, очевидно, отождествляя съ романтическими грёзами о чемъ-то высокомъ.

Дальше американецъ что-то хочетъ сказать *Женщиной въ розовомъ и зеленомъ*, дѣвицей въ необыкновенно-грубомъ пятнистомъ платьѣ, совершенно затмевающемъ блѣдное, сѣроватое лицо. Имѣется, конечно, и неизбѣжное *Раздумье* рядомъ съ *Мечтами*.

И эти символы (одинъ англичанинъ такъ и называетъ свою картину съ тремя женщинами) преслѣдуютъ васъ въ каждой залѣ. И еще достало бы вашего терпѣнія, еслибъ художники изображали дѣйствительно женщинъ, какія родятся и живутъ на нашей планетѣ.

Нѣтъ. У художниковъ высшія цѣли. Имъ женщина нужна, какъ иносказаніе, какъ символическій знакъ, какъ наглядная вывѣска для чего-то таинственнаго и чрезвычайно глубокаго.

Но, кажется, уже античные художники умѣли извлечь все аллегорическое и символическое, что только можно выразить женскимъ лицомъ и женской фигурой. Ихъ современные соревнователи усиливаются будто создать свою миѳологію, несравненно менѣе наглядную и неизмѣримо менѣе поэтическую. Она отчасти напоминаетъ религіозное искусство первыхъ христіанъ, съ единственной разницей: тамъ кистью художника управляло дѣйствительно глубокое, часто самоотверженное и героическое чувство вѣры, вдохновеніе, граничившее съ ясновидѣніемъ и подвижническимъ восторгомъ.

И становится понятно, почему вы такъ жадно, съ невольнымъ ощущеніемъ нѣкой священной тайны всматриваетесь въ часто грубую, первобытную живопись и мозаику катакомбъ. Вы никогда не забудете этой удивительной группы апостола и языческаго жреца, у одного и того же жертвенника ведущихъ духовную борьбу каждый за своего бога, этой наивной аллегоріи—укрощеннаго гоненія, льва у корзины съ пищей и цѣлый рядъ другихъ символовъ, вырвавшихся изъ страдальческихъ, но счастливыхъ своими страданіями душъ.

Отсутствіе внѣшняго искусства становится почти неощутимымъ предъ великой мощью духа, заключенной въ каждой чертѣ наивнаго рисунка.

Полная противоположность—античное искусство.

Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о вѣрѣ и подвижничествѣ. Ни Юпитеръ, ни Афродита, ни культъ Вакха не создавали и не могли создавать мучениковъ,—и творцы Венеры Милосской или Аполлона Бельведерскаго менѣе всего замирали въ священномъ трепетѣ предъ недосягаемой безконечно-*идеальной* силой. Имъ оставалось искать божественнаго и великаго въ *формѣ*, и они выполнили свою задачу,—выполнили до такой степени успѣшно, что ихъ боги и богини, блистающіе совершенной *земной* красотой, вызываютъ у васъ иллюзію дѣйствительно чего-то божественнаго, сверхчеловѣческаго.

Современные художники не владѣютъ или не могутъ владѣть ни одной изъ двухъ силъ, сообщающихъ произведеніямъ искусства неотразимую власть и красоту. Въ концѣ XIX вѣка, при всѣхъ неокатолицизмахъ, необуддизмахъ, неохристіанизмахъ, было бы напрасно искать того свѣта, какой свѣтилъ художникамъ катакомбъ въ темныхъ, промзглыхъ подземельяхъ. Утрачена въ наше время и тайна античныхъ формъ и, несмотря на истерическіе припадки всевозможныхъ эстетовъ, вѣроятно, никогда не будетъ вновь завоевана,—для этого пришлось бы возстановить всю античную культуру во всей ея неприкосновенности.

Въ результатѣ, новѣйшій символизмъ оказывается въ самомъ ложномъ положеніи, какое только возможно для человѣка, садящагося между двумя стульями. Аллегоріи выходятъ холодными, явно преднамѣренными, своего рода кокетствомъ невѣрующей ханжи. А между тѣмъ въ жертву символу, яко бы идеальному внутреннему содержанію, приносится форма,—и мы принуждены вѣрить: эта дурно нарисованная, неестественно-блѣдная или сѣрая фигура, полуисчезающая въ какой-то столь же фантастической и романтически аляповатой мглѣ,—должна говорить съ нами «языкомъ боговъ».

Въ дѣйствительности, здѣсь нѣтъ никакого языка, потому что самому художнику нечего было сказать ни отъ души, ни отъ разума, а для глазъ говорить онъ считалъ ниже своего пророческаго достоинства.

Краснорѣчивѣйшій образчикъ этого символическаго банкротства—громадная картина французскаго художника Жоржа Рошгросса, много нашумѣвшая въ Парижѣ, собирающая публику и здѣсь—въ Венеціи.

Картина называется по итальянски—*Angoscia humana*, помѣщена она въ лучшей залѣ на самомъ видномъ мѣстѣ: очевидно, администрація считаетъ это произведеніе *гвоздемъ* выставки.

IV.

Angoscia humana—надо понимать въ самомъ высокомъ смыслѣ. Это—страстная жажда идеала, мучительно-неудержимое стремленіе *туда*, въ голубую даль всего чистаго, святаго, блаженнаго. Это не стремленіе къ обычному земному счастью, доступное всякому смертному,—нѣтъ: это—тоска человѣческой души по той родинѣ, о какой говорятъ ей религія и поэзія. Вверху картины, въ золотистой мглѣ рѣетъ, очевидно, геній свѣта и небесной красоты,—и вотъ онъ-то влечетъ бѣдную людскую толпу,—влечетъ неотразимо, но безъ искры надежды достичь когда-либо вожделѣнной цѣли.

Эта толпа, на первый взглядъ—поразительное зрѣлище. Надо цѣлые годы наблюдать человѣческое горе, припадки отчаянія во всевозможныхъ формахъ, чтобы такому множеству лицъ сообщить разнообразные оттѣнки безнадежнаго стремительнаго чувства и ни разу не повториться.

Каждый по-своему переживаетъ страшную душевную истому: у молодой красавицы она вырывается въ страстномъ жгучемъ призывѣ, одновременно настойчиво-нетерпѣливомъ и нестерпимо-жалобномъ, у другой женщины, много жившей и долго блуждавшей во тьмѣ, проснувшаяся тоска по свѣту, едва слышный сдавленный, но безконечно мучительный молитвенный шепотъ, для старухи, въ теченіе всей жизни ни на минуту не утратившей простодушной религіозной вѣры, свѣтлый геній является божествомъ, вызывающимъ у нея тихое умиленіе и безгранично-преданное обожаніе. Но удивительнѣе всего на первомъ планѣ юноша изъ породы тѣхъ, кому за тысячи равнодушныхъ и несмысленныхъ суждено искупать достоинство человѣческой природы цѣлой жизнью упорной умственной рабо-

ты и вѣчно неудовлетворенной душевной тоски. Онъ успѣлъ преждевременно постарѣть, утратить физическую мощь и—не дожить до желаннаго момента удовлетворенія. Онъ на той грани, когда человѣкъ послѣ кризиса отчаянія или переходитъ къ холодному скептицизму и по временамъ, при случаѣ, съ горькой усмѣшкой спрашиваетъ у другихъ еще не разочаровавшихся и не павшихъ духомъ: *что есть истина*?—или бросается въ головокружительный потокъ жизни, не зная ни цѣли, не заботясь о концѣ...

Художникъ понялъ и психологію, и моментъ... Какъ кстати эти длинные, будто прилипшіе къ вспотѣвшему лбу, безпорядочно разметанные волосы, эти растерянно-разведенныя руки, этотъ небрежный, у насъ въ былое время, сказали бы—студенческій костюмъ, эта книга, виднѣющаяся изъ кармана... Да, предъ вами дѣйствительно вопль, выхваченный изъ смутнаго гомона жизни и запечатлѣнный на полотнѣ—ярко, потрясающе-правдиво...

И дальше не мало эффектныхъ фигуръ,—пожалуй даже представляетъ извѣстный интересъ и самоубійца, совершенный контрастъ только что описанному юношѣ,—прожигатель жизни или неудавшійся Strugglefor lifeur.

Вы долго смотрите на эти лица. И врядъ ли найдется хотя бы одинъ зритель, у кого въ памяти не всплало бы какое-либо личное впечатлѣніе, воспоминаніе, у кого не шевельнулось бы въ сердцѣ, быть можетъ, давно замолкшее, подавленное настроеніе, теперь воплощенное одной изъ этихъ драматическихъ фигуръ.

Но вы изучили подробности картины, оцѣнили страдальцевъ и страдалицъ, тщательнѣйше разобрали индивидуальные оттѣнки ихъ страданій—и задаете вопросъ: что̀ же означаетъ все цѣлое?

Вѣдь художникъ рисовалъ не галлерею отдѣльныхъ лицъ, а осуществлялъ нѣкій цѣльный замыселъ, желалъ представить вѣчную общечеловѣческую драму и на каждую фигуру своей картины смотрѣлъ только какъ на одно изъ дѣйствующихъ лицъ грандіозной пьесы, и каждый крикъ и вздохъ мнилъ звуками стройной, хотя и бурной и грозной симфоніи?

Достигнута ли цѣль? Характеры есть, но видите ли вы пьесу?

Нѣтъ. Въ вашу душу не входитъ драма, задуманная художникомъ. Вы глубоко заинтересованы, потрясены частностями, но когда вопросъ доходитъ до общаго,—вы не только равнодушны,—вамъ становится досадно: зачѣмъ столько драгоцѣннаго матеріала потрачено, неразумно и насильственно брошено—на явно фальшивое и безцѣльное сооруженіе?

Художникъ хочетъ показать намъ, какой трагическій разгромъ—таково вѣдь до послѣдней степени напряженное настроеніе его картины—вызываетъ въ средѣ людей вѣчно-манящее и вѣчно-недостижимое *Невѣдомое*. Художникъ собралъ множество типовъ, возможно больше представителей страдающаго человѣчества и устремилъ ихъ на нѣкую крутую скалу—*туда*... И взбирается бѣдное мятущееся человѣчество на эту скалу, и протягиваетъ оно безпомощныя, судорожныя руки къ верховному свѣту,

а свѣтъ все дальше расплывается въ туманѣ и вотъ-вотъ исчезнетъ въ золотистой дали.

Поэтично, можетъ быть, трогательно, но выдуманно и не менѣе ложно, чѣмъ всякая заурядная мелодрама.

О, какое бы возвышенное и благородное зрѣлище представлялъ нашъ міръ, если бы дѣйствительно его обуревала такая ненасытная жгучая жажда идеала, если бы это великое чувство дѣйствительно проносилось такой мощной, всеобъемлющей волной по нашей бѣдной планетѣ! Зачѣмъ тогда людямъ—то въ будущемъ, то въ прошломъ—*воображать* золотой вѣкъ? Съ такими духовными богатствами, съ такимъ выспреннимъ полетомъ ума и сердца и съ такой энергіей благороднѣйшей воли дѣйствительность выше и краше всякой легенды.

Но—увы!—этого нѣтъ.

Мы еще можемъ вѣрить, что на свѣтѣ не перевелись Гамлеты, Фаусты и даже Магдалины, что вотъ этотъ юноша съ книгой—вполнѣ реальное лицо и эта женщина, среди современнаго Содома затосковавшая о небѣ,—не праздная фантазія художественнаго воображенія... Но что общаго между этимъ отчаяніемъ и тоской и вотъ этимъ самоубійцей или этой молящейся старухой или еще лучше—надорванными воплями пролетарія, также расчищающаго себѣ путь кверху?

Не геній, рѣющій въ небесной мглѣ, заставляетъ молиться, плакать и умирать этихъ людей. До идеала ли этому оборванному, измочаленному работой и лишеніями бѣдняку, когда, можетъ быть, въ эту минуиу, на его глазахъ, съ его близкими совершается самая матеріальная и самая страшная драма—о хлѣбѣ единомъ?

Въ той же залѣ имѣется картина, почти съ тождественнымъ названіемъ, какъ и аллегорія Рошгросса, но совершенно другого замысла. Это одно изъ интереснѣйшихъ и жизненнѣйшихъ произведеній всей выставки,—можетъ быть, самое жизненное во всѣхъ отдѣлахъ, кромѣ русскаго. Принадлежитъ оно венеціанскому художнику Оресту да Молина, называется *Angoscia* и изображаетъ самое простое явленіе.

Предъ вами пріемная больницы, въ перспективѣ рядъ кроватей, занятыхъ больными, налѣво запертая дверь въ операціонную комнату. Тамъ оперируютъ, очевидно, ребенка—una persona cara для всѣхъ присутствующихъ въ пріемной. Ихъ четверо: старикъ и старуха и двое молодыхъ супруговъ,—и какъ обдуманы позы и лица этихъ фигуръ, какъ нарисована каждая мельчайшая черта! Можно читать цѣлыя біографіи и безошибочно составить точнѣйшія характеристики по этимъ рисункамъ.

Спеціалисты, вѣроятно, могли бы по достоинству оцѣнить совершенство техники: картина, небольшая по размѣрамъ, кажется панорамой, и даже сторожъ у задней стѣны палаты со щеткой въ рукахъ стоитъ предъ вами будто живой, и вы ждете, вотъ, вотъ онъ сдѣлаетъ взмахъ.

Но не эти вопросы для насъ важны. Мы видимъ поразительное искусство, съ какимъ художникъ создалъ изъ группы лицъ дѣйствительно цѣль-

ную сильную драму. Здѣсь не только люди *объединены* общимъ глубокимъ чувствомъ, всѣ связаны однимъ трагическимъ узломъ,—но ихъ внѣшность, позы, одежда, выраженія лицъ—все безъ исключенія дѣйствительно говоритъ вамъ о великомъ *страданіи*. Художникъ не выдумывалъ иносказательнаго предмета, фантастической точки, къ которой чисто внѣшне могъ бы приковать движенія и чувства своихъ героевъ: онъ взялъ свой предметъ, какъ онъ данъ самой жизнью,—и никакіе символы не захватятъ васъ съ такой силой поэзіи и правды, какъ эта жанровая картинка.

Особенно трогательна молодая женщина. Она родилась красавицей,—изящной, благородной, съ жгучими глубокими глазами, роскошными черными волосами и походкой,—несмотря на демократическое происхожденіе,—«обличающей богиню». Но бѣдность наложила свою тяжелую руку на всѣ дары природы,—и посмотрите, сколько горя—невысказаннаго и невыплаканнаго—въ матовомъ потускнѣвшемъ лицѣ, сколько чисто-мученическихъ ощущеній въ этой закинутой назадъ головѣ и безсильно опущенныхъ рукахъ! Кажется, сію минуту вырвется послѣдній предсмертный крикъ отчаянія, лишь только откроется дверь и объявятъ страшную истину.

Такъ когда-то страдала и эта старуха. Но долгіе годы привели ее къ непреклонному убѣжденію: все на свѣтѣ не такъ, какъ хочется,—и она будто увѣрена именно въ несчастливомъ исходѣ операціи. Въ тѣхъ условіяхъ жизни, гдѣ она выстрадала свой вѣкъ, удача и счастье слишкомъ рѣдкіе гости, ихъ принимаютъ съ недовѣріемъ, съ невольнымъ скептицизмомъ, какъ бы подозрѣвая ошибку или лукавую уловку судьбы... Выразить кистью этотъ скептицизмъ многоопытной и многострадальной старости—по-истинѣ чудо искусства: краски говорятъ вамъ яснѣе, чѣмъ рѣчь, и въ застывшемъ выраженіи человѣческаго лица вскрываютъ тончайшіе оттѣнки одного изъ самыхъ сложныхъ психологическихъ и бытовыхъ явленій.

Среди сидящей группы стоитъ мужъ и отецъ. Надо предварительно приглядѣться къ западно - европейскому пролетарію, познакомиться съ его образомъ мыслей, видѣть его въ работѣ и за стаканомъ вина,—тогда только вы оцѣните весь реализмъ фигуры на картинѣ.

Это—воплощеніе нервнаго и непрестанно - мятущагося существованія. Минуты бездѣйствія—отнюдь не минуты покоя, а какой-то суровой, нервно-взвинченной думы,—не думы даже, а цѣлой вереницы представленій, соображеній, вплоть до окончательнаго, столь же нервнаго и рѣзкаго рѣшенія. Худощавое тѣло, кажется, все ушло въ нервы, сдвинутая назадъ фуражка, спущенные на лобъ волосы, крѣпко скрещенныя на груди руки—все это будто только что замершее движеніе, и достаточно малѣйшаго внѣшняго толчка, чтобы на минуту подавленные нервы вновь заговорили, закричали—отнюдь не въ жалобахъ, а въ мрачномъ негодованіи и угрозахъ.

И здѣсь же сидящій старикъ, самъ когда-то бывшій такимъ, явно одобритъ это негодованіе и эти угрозы, только сдѣлаетъ это безъ крика —

можетъ быть даже безъ слова—а выразительнымъ взглядомъ, движеніемъ. У него нѣтъ физическихъ силъ волноваться и шумѣть, но за то энергія гнѣва у него еще глубже, еще принципіальнѣе.

Вотъ подлинная *Angoscia humana*, висящая надъ большинствомъ современнаго человѣчества! Не свѣтлые, романтическіе призраки, не идеально-прекрасныя мечты о *той сторонѣ* рѣютъ надъ нами, а грозный, удручающе-реальный вопросъ о самой возможности грезить и мечтать.

И Рошгроссъ напрасно переполнилъ свою картину лицами всѣхъ состояній и общественныхъ положеній. Нѣтъ въ наше время такой идеально-выспренней силы, какая всѣхъ одинаково приковывала бы къ себѣ своей неземной красотой. Нѣтъ также и самоотверженной вѣры въ жизнь «не о хлѣбѣ единомъ». Можетъ быть, и настанетъ время, когда вотъ такой сіяющій призракъ будетъ манить и сладостно мучить человѣческія сердца, но тогда и не будетъ такихъ драмъ, какія изобразилъ художникъ.

Вѣдь уже стремленіе къ идеалу само по себѣ счастье, и художникъ изобразилъ совершенно нереальную психологію, нарисовавъ ожесточенную борьбу, безысходныя муки за сверкающій вверху призракъ. Только другая *Angoscia*, представленная на венеціанской картинѣ, вызываетъ у людей такіе аффекты и кризисы. А идеалисты обыкновенно съ яснымъ и твердымъ, будто влюбленнымъ, взоромъ идутъ къ своей цѣли, и величайшіе подвижники идей, отъ Сократа до послѣднихъ жертвъ католической инквизиціи, образцы человѣческаго благородно-гордаго достоинства и самосознанія.

Чтобы такъ извратить дѣйствительность, надо быть совершенно равнодушнымъ къ правдѣ жизни. И Рошгроссъ, несомнѣнно, менѣе всего интересовался ею, пользуясь своими обширными наблюденіями надъ зломъ и несчастьемъ, ради фантастической, театрально-эффектной, *шикарно-скомбинированной* задачи. Онъ *эксплуатировалъ* человѣческое горе и отчаяніе, совершенно чуждый ему по своимъ настроеніямъ и сочувствіямъ.

Отъ начала до конца онъ оставался однимъ изъ тѣхъ артистовъ-капуциновъ, которые въ Римѣ устроили изъ человѣческихъ костей своего рода кунсткамеру. Такъ и нашъ художникъ оперировалъ съ трагедіями и драмами, самоубійцами и идеалистами, съ обездоленной толпой и съ разочарованными Фаустами и Гамлетами.

Ему требовался извѣстный узоръ—и онъ втискивалъ въ него человѣческія фигуры, сообразуясь исключительно съ эстетическими требованіями узора. По существу онъ сыгралъ роль тѣхъ же идиллическихъ риторовъ, какихъ мы видимъ въ авторахъ разныхъ *Мечтаній, Размышленій, Душъ*, обнаружилъ такую же сухость собственной души и такое же разсчитанное кокетничанье съ идеей и техникой.

Никогда даромъ не проходитъ артисту или поэту подобное отношеніе къ серьезнѣйшимъ запросамъ дѣйствительности и къ важнѣйшимъ моментамъ человѣческаго духа! Именно это—случаи, когда отъ великаго до жалкаго и смѣшного одинъ шагъ,—не отъ великаго собственно, а отъ пред-

намѣренной поддѣлки подъ великое при помощи фразъ, позъ и иныхъ сценическихъ эффектовъ.

Истинное величіе не подлежитъ пародіи, въ какое бы безнадежное положеніе ни ставили его обстоятельства. Лиръ одинаково великъ и въ порфирѣ и рубищѣ, пожалуй даже въ рубищѣ—по человѣчеству—величественнѣе, чѣмъ на тронѣ. Но самозванное, извнѣ заимствованное величіе, не отвѣчающее нравственной природѣ мнимаго героя, благодарнѣйшая задача для сатиры и породій, и Бонапарты—всѣхъ размѣровъ и всѣхъ сортовъ—искони были и будутъ законнымъ достояніемъ насмѣшки и каррикатуры.

Въ такое же положеніе попалъ и французскій художникъ.

На *Angoscia humana* существуетъ каррикатура очень грубая, пожалуй даже циничная, если принять во вниманіе самую тему Рошгросса,—но при всемъ этомъ каррикатурѣ нельзя отказать въ жестокомъ остроуміи.

На скалѣ, какъ и у Рошгросса, стая собакъ, она съ остервенѣніемъ бросается вслѣдъ за костью, несущейся надъ ней по воздуху.

Можно ли было бы пародировать до такой степени откровенно художественное произведеніе, если бы оно дѣйствительно было проникнуто идеальнымъ, прочувствованнымъ и продуманнымъ настроеніемъ, если бы художникъ на самомъ дѣлѣ творилъ отъ глубины души, а не позировалъ и не фразёрствовалъ? Мало этого. Въ каррикатурѣ вы готовы видѣть *болѣе реальное* явленіе, чѣмъ въ самой картинѣ: въ каррикатурѣ есть безусловное единство, неопровержимая правда дѣйствительности, хотя бы даже и «низкой», но естественной и художникомъ не извращенной. Величія, конечно, здѣсь нѣтъ, — но драма несомнѣнна, въ полномъ смыслѣ жизненная, цѣльная, дикая и звѣрская,—но, снова повторяемъ, не напряженно-продуманная, а органически-возникшая.

Въ результатѣ, каррикатура поднимается надъ картиной, убиваетъ ее не только жестокою удачною пародіей самой композиціи художника, но даже своими художественными достоинствами.

V.

Рошгроссъ— самый крупный примѣръ многочисленныхъ faux pas и coquetteries d'artiste, если можно такъ выразиться, представленныхъ французскимъ отдѣломъ международной выставки.

На первомъ планѣ, конечно, импрессіонизмъ... Опять не наше дѣло говорить о принципахъ техническаго искусства, о неизбѣжности новыхъ пріемовъ въ новой живописи, вообще о спеціальныхъ причинахъ, вызвавшихъ импрессіонизмъ не только въ литературѣ, но и въ другихъ областяхъ художественнаго творчества.

Что такое импрессіонизмъ въ беллетристикѣ и въ критикѣ — всякому читателю болѣе или менѣе извѣстно, и намъ на страницахъ *Русской Мысли* приходилось уже вести рѣчь на эту тему.

Въ общемъ—въ беллетристикѣ—это натуралистическій репортажъ, до по-

слѣдней степени *измельченный*, размѣненный на пикантные пустяки, превращенный въ прозаическое попури изъ фельетонной blague и уличной шансонетки.

Въ критикѣ—это принципіальное отсутствіе всякаго идейнаго и художественнаго принципа, тоже репортажъ фразъ, каламбуровъ, разнаго сорта захлёстокъ, бойкихъ, эффектныхъ, но оставляющихъ впечатлѣніе брызгъ воды, долетѣвшихъ на васъ изъ какого-то праздно бьющаго фонтана.

Что такое импрессіонизмъ въ живописи?—для насъ собственно вопросъ рѣшается просто.

Въ беллетристикѣ импрессіонизмъ— устраненіе вдумчивой наблюдательности надъ дѣйствительностью, способности осмысленныхъ представленій о фактахъ, въ критикѣ — такое же банктротство мысли, замѣна какихъ бы то ни было опредѣленныхъ сужденій и взглядовъ чисто-эмоціональными настроеніями.

Въ живописи импрессіонизмъ, какъ идейное и творческое явленіе, несомнѣнно представляетъ нѣчто параллельное, если не тождественное, съ ролью той же школы въ беллетристикѣ и критикѣ.

Но мы не станемъ пускаться въ сложныя и отдаленныя сужденія. Мы подходимъ къ картинѣ, какъ публика: вѣдь для нея же работаютъ художники, все равно какъ беллетристы пишутъ романы. Но къ роману можно предъявлять самыя разнообразныя требованія,—все зависитъ отъ уровня читательскаго ума, вкуса, нравственности.

Произведенія живописи въ этомъ отношеніи, можно сказать, опредѣленнѣе, прямолинейнѣе. Мы отъ картины требуемъ прежде всего полной ясности, наглядности, возможнаго правдоподобія, болѣе или менѣе точнаго приближенія нашихъ впечатлѣній отъ художественнаго произведенія къ нашимъ впечатлѣніямъ отъ природы или человѣческой жизни.

Эти требованія неминуемо предъявляются рѣшительно всѣми—и многоучеными и простыми смертными. Все равно, какъ во всякой человѣческой рѣчи ищутъ логики, здраваго смысла, такъ въ картинѣ — опредѣленности рисунка, жизненности, хотя бы внѣшней—пейзажа и жанра.

Предъ нами нѣсколько большихъ картинъ французскихъ художниковъ. *Le Nu*—великое *le Nu*—современнаго парижскаго искусства мы оставимъ въ сторонѣ. Оно, впрочемъ, и представлено *по количеству* очень скромно, по качеству довольно эффектно.

Напримѣръ, двѣ фигуры: *Даная* и *Уснувшая нимфа*—каждая въ своемъ родѣ фокусъ. *Даная*—нѣчто до неуловимости нѣжно-матовое, съ золотистыми волосами, съ какимъ-то будто мертвеннымъ оттѣнкомъ кожи на черномъ фонѣ, *Нимфа*—наоборотъ—вся свѣтится, какъ чистѣйшій мраморъ, и игра тѣней на *сверкающемъ* тѣлѣ, вѣроятно, большое совершенство въ техническомъ смыслѣ.

Пройдемъ мимо и идиллій съ луной и дѣвами,—подойдемъ сначала къ двумъ картинамъ одной изъ первостепенныхъ знаменитостей современной французской живописи, Пюи де Шаванна.

Картины висятъ рядомъ; одна изображаетъ *Зиму*, другая называется *Умирающій поэтъ*.

Зима — пейзажъ и жанръ одновременно, но попробуйте отличить деревья отъ людей,—не по внѣшности очертанія, конечно, а по *жизненности*, просто по движенію! Это, повидимому, прямо неестественно. Среди людей, по замыслу художника, кипитъ жизнь: одна группа канатомъ валитъ дерево, другая собираетъ и несетъ топливо, у огня мужчина грѣетъ ребенка. Но все это вы различаете послѣ того, какъ пристально, на самомъ близкомъ разстояніи, всмотритесь въ картину. Издали это—рядъ сѣрыхъ пятенъ, безпорядочно набросанныхъ кляксъ, и никакія напряженія фантазіи и зрѣнія не дадутъ вамъ цѣльнаго впечатлѣнія, простого смысла въ рисункѣ.

А между тѣмъ импрессіонизмъ именно разсчитываетъ на энергичный охватъ одного настроенія, полученнаго художникомъ,—охватъ сильный общею цѣльностью и гармоніей, независимо отъ подробностей.

Вблизи другое недоразумѣніе.

Вы рѣшительно не въ состояніи опредѣлить не только внутренній міръ, чувство даннаго момента по лицамъ людей,—вы не всегда можете отличить даже полъ и возрастъ. До такой степени, очевидно, распалилась кисть художника и такъ загипнотизировалъ онъ себя *общимъ впечатлѣніемъ*, что пренебрегъ эльментарнѣйшими требованіями всякаго нагляднаго искусства: живопись перестаетъ говорить глазамъ,—какъ же она можетъ говорить уму и сердцу?

Какая громадная, подавляющая разница между этой смутой красокъ и фигуръ и солнечными, по ясности и живости, старыми пейзажами голландскихъ художниковъ! Вообще сопоставленіе искусства XVI или даже XVII вѣка съ новѣйшими судорожными новшествами прямо уничтожаетъ современныхъ знаменитостей.

И не потому, чтобы въ концѣ XIX вѣка рѣшительно не было талантовъ. Вѣроятно, тотъ же Пюи де Шаваннъ могъ бы, по даровитости, соревновать какому-нибудь Ruysh'у или Ruysum'у. А между тѣмъ отправьтесь въ Уффици, отыщите пейзажи, разные виды и nature morte этихъ художниковъ, сравните ихъ произведенія съ *Зимой* или съ видами и *Цвѣтами* другой французской знаменитости, Жанъ-Франсуа Рафаэлли,—вы подумаете, будто въ наше время, какъ и въ средніе вѣка, вновь утрачены артистическія традиціи и мы возвращаемся къ искусству варварскихъ народовъ.

Вѣдь требуютъ же декаденты въ поэзіи одной музыки, однихъ *звуковъ*, гонятъ не только мысль, но даже ясно выраженныя чувства... Вѣдь это не что иное, какъ пѣсни дикарей, рядъ нечленораздѣльныхъ звуковъ и криковъ. Отчего и живописи не вступить на тотъ же путь?

Прерафаэлисты въ Англіи и импрессіонисты во Франціи рѣшаютъ вопросъ утвердительно, и предъ нами результаты *школы*.

Да, *школы*, а не свободнаго творчества. Въ этомъ вся разница между современными фокусниками искусства и его старыми жрецами.

У тѣхъ тоже были школы и направленія, но они не подчиняли глазъ и талантъ теоріи въ ущербъ дѣйствительности и вдохновенію. Они только воспитывали сочувствіе той или другой дѣйствительности, направляли вдохновеніе къ тѣмъ или другимъ одинаково художественнымъ и реальнымъ цѣлямъ.

Вы съ перваго взгляда увидите и навсегда запомните разницу между какой угодно Мадонной Рафаэля и Мадонной Рубенса, хотя бы, наприм., въ римской *Chiesa Nuova*. Но въ ту же минуту вы поймете, почему тотъ и другой—великій артистъ.

Едва ли не самая характерная, *идеальная* Мадонна Рафаэля во дворцѣ Питти, такъ называемая *Св. Дѣва въ креслѣ*, исполнена живой реальной красоты, ликъ ея—цѣлая открытая книга, и почему вы такъ долго можете стоять предъ ней, объясняется именно богатствомъ и яркостью содержанія этой книги. Вы видите нѣчто и знаете что̀.

Рубенсъ приблизитъ васъ къ землѣ, покажетъ прежде всего смертную природу въ божественномъ, Рафаэль — божественное въ смертныхъ формахъ, но оба могущественно захватятъ васъ со всѣми накопившимися опытами вашего сердца и всѣми вашими думами и идеями. Вы отнюдь не пройдете мимо мельчайшей подробности въ жанрѣ Рубенса, не преминете вглядѣться съ одинаковымъ интересомъ въ глаза рафаэлевской Форнарины и его же Іоанна Крестителя, и у васъ останется впечатлѣніе, будто вы только что услышали цѣлую исторію бѣдной человѣческой жизни или чудную легенду о человѣческомъ величіи.

Пусть импрессіонисты попробуютъ похвалиться такими же впечатлѣніями своей публики.

Особенно Рафаэлли становится жалокъ и невыразимо мелокъ и комиченъ съ своими двумя площадями—*Согласія* и *Св. Михаила*.

Прежде всего—едва вѣроятная бѣдность наблюдательской способности. Обѣ площади почти нельзя отличить другъ отъ друга. Къ смутѣ импрессіонистской техники присоединилось еще поразительное однообразіе и худосочіе композиціи.

На *Площади Согласія* на первомъ планѣ дама съ дѣвочкой, на *Площади Св. Михаила* — то же самое, прибавлена только собачка, по парѣ солдатъ въ красныхъ панталонахъ и тамъ и здѣсь, на одной только пририсована еще велосипедистка.

И опять сравните однородныя произведенія старыхъ мастеровъ, напримѣръ *Площадь въ Амстердамѣ* голландскаго художника XVII вѣка Van der Heyden'а (Уффици): сколько жизни, силы и движенія, а главное—чисто-импровизаторскаго вдохновенія и разнообразія въ его группахъ горожанъ и торговокъ!

Дальше—двѣ картины цвѣтовъ Рафаэлли. Это будто цвѣты каменнаго вѣка и реставрированные по орнаментамъ приблизительно такой же эпохи... Смертью и какой-то блѣдной немочью вѣетъ даже тамъ, гдѣ у художника былъ подъ руками, кажется, самый свѣжій и свѣтлый мотивъ.

Мы упомянули еще объ аллегоріи *Умирающій поэтъ*. Ангелъ держитъ за руку синевато-блѣднаго, страшно худого человѣка съ закрытыми глазами, одѣтаго въ костюмъ не то юродиваго, не то монастырскаго послушника.

Подъ картиной вмѣсто *Il poeta morente* можно сдѣлать множество другихъ символическихъ надписей и въ результатѣ все-таки останется только странный капризъ художнической фантазіи и технически, можетъ быть, очень искусныя манипуляціи съ голубою краской, но для темы совершенно безцѣльныя.

Итакъ, страна, слывущая до сихъ поръ очагомъ самыхъ жгучихъ современныхъ вопросовъ въ искусствѣ и въ современной жизни, явилась на международную выставку будто искалѣченной, ограбленной, вообще потерпѣвшей матеріальный и нравственный погромъ.

Исконное галльское *rerum novarum studium*—смертная жажда къ модѣ и новизнѣ во всѣхъ областяхъ духовной и внѣшней жизни—въ концѣ XIX вѣка приводитъ къ больнымъ судорогамъ развинченнаго воображенія и измельчавшей мысли. Вмѣсто прочныхъ и серьезныхъ нововведеній выходятъ капризы, напоминающіе извѣстный анекдотъ, какъ и кѣмъ создаются парижскія моды въ дамскихъ туалетахъ.

Во время одного веселаго ужина театральной звѣздѣ пришла фантазія моментально *créer* — фасонъ шляпокъ. Она обратилась къ компаніи и заявила ей подъ честнымъ артистическимъ словомъ, что съ завтрашняго дня дамы Парижа будутъ носить уродливѣйшіе головные уборы, она сама не знаетъ какіе. «Но вы сейчасъ увидите образчикъ!»—воскликнула артистка, бросила на землю свою шляпу и принялась мять ее ногами. Послѣ этой операціи на полу оказался новый «фасонъ», дѣйствительно, въ слѣдующую же недѣлю восторжествовавшій на парижскомъ рынкѣ модъ.

Такъ, повидимому, и разные Рафаэлли и Пюи де Шаванны создаютъ свои художественныя школы, за однимъ счастливымъ исключеніемъ.

Модное творчество подгулявшей сценической знаменитости немедленно усвоивается вполнѣ трезвыми дамами всего міра, разъ оно освящено на парижскихъ бульварахъ.

Къ великому достоинству искусства, этого не происходитъ съ открытіями импрессіонистовъ. На той же выставкѣ можно видѣть произведенія—правда, въ весьма ограниченномъ количествѣ,—не имѣющія ничего общаго ни съ декадентскими фантасмагоріями, ни съ слюнявымъ разсудочнымъ идиллизмомъ поэтовъ луны, дѣвы и овечьяго стада.

VI.

Овцы и бараны играютъ на выставкѣ первостепенную роль въ выполненіи самой, повидимому, прозаической и безусловно *тяжелой* темы,—въ изображеніи деревенской жизни. Все равно, какъ одни художники *Размышленіе* не могутъ представить выше уровня задумчивой дѣвицы или

томно-мечтающей дѣвы почтеннаго возраста, такъ еще болѣе многочисленный сортъ живописцевъ въ современной деревнѣ знаютъ только *pascolo* да *ovile*, овечекъ на лугу и овечекъ въ хлѣвѣ.

Собственно объ этихъ работахъ не стоило бы и говорить, но онѣ импонируютъ количествомъ и главное—тема оказывается одинаково соблазнительной для художниковъ самыхъ разнородныхъ странъ—Италіи и Голландіи, двухъ родоначальницъ новаго искусства.

Луна пользуется сочувствіемъ преимущественно на далекомъ сѣверѣ, въ Шотландіи и Швеціи: здѣсь можно найти и луну восходящую, и луну заходящую, и время *между солнцемъ и луной*, и просто луну, освѣщающую дѣвочекъ, старичковъ и людей средняго возраста... Это — какой-то культъ луны, совершенно затмевающій античное обожаніе Діаны — божества второстепеннаго и выполнявшаго, помимо ночныхъ странствій, для эллина мало занимательныхъ,—еще другія роли.

Теперь луна царитъ только во имя своего *луннаго свѣта*.

Можетъ быть, даже сѣверные художники устыдились бы своего пристрастія, еслибъ увидѣли свои произведенія одновременно: выходитъ какая-то презабавная погоня за предметомъ, отнюдь не обѣщающимъ большой поживы болѣе или менѣе развитому воображенію даже одного художника.

Единственный отдѣлъ, гдѣ нѣтъ ни дѣвственныхъ лунъ, ни влюбленныхъ въ луну дѣвицъ, ни даже барашковъ,—русскій.

Онъ не великъ, но за то каждая картина со смысломъ и съ достоинствомъ занимаетъ свое мѣсто. Мы видѣли, даже итальянская печать русскій отдѣлъ признаетъ самымъ полнымъ и поучительнымъ.

Но въ этой печати мы встрѣтили и одно замѣчаніе, Богъ вѣсть зачѣмъ брошенное, но какъ будто укоряющее русскихъ художниковъ.

«У нихъ — говорилъ недавно одинъ толстый римскій журналъ — нѣтъ попытокъ въ области новаго идеализма и новой техники. Отмѣчаю это— спѣшитъ замѣтить критикъ—senza lodo e senza biasimo», т.-е. ни въ похвалу, ни въ укоръ.

Но, повидимому, скорѣе въ укоръ, чѣмъ въ похвалу, иначе зачѣмъ было и трогать какой-то новый идеализмъ и еще болѣе невѣдомую новую технику. Рѣчь можетъ идти о символизмѣ и импрессіонизмѣ: одинъ притязаетъ на содержаніе, другой преобразуетъ внѣшнюю сторону живописи.

Мы знаемъ, чего стоятъ эти «новости», и критику слѣдовало бы высказаться опредѣленнѣе. Выходитъ, вообще ему хотѣлось бросить камешекъ въ извѣстномъ направленіи: это въ духѣ современной итальянской печати по адресу всего русскаго.

Но даже и этотъ духъ не мѣшаетъ итальянцамъ восхищаться, прежде всего, *Дуэлью* Рѣпина. Предъ картиной почти всегда публика, живо, по-итальянски, обсуждающая сюжетъ и исполненіе. Очевидно, и то и другое захватываетъ зрителей, менѣе всего знакомыхъ съ нашимъ бытомъ, съ типами и нравственною природой русскихъ людей.

Потомъ, изъ двухъ десятковъ русскихъ картинъ двѣ были проданы въ самой Венеціи, въ началѣ выставки, Киселева — *Домъ сельскаго священника* и Творожникова — *Дѣвочка.* Послѣдняя пріобрѣтена однимъ изъ итальянскихъ аристократовъ и подарена венеціанскому муниципалитету, основывающему галлерею новаго искусства.

Ни въ одномъ отдѣлѣ нѣтъ—по крайней мѣрѣ, не было до половины іюля—такого процента проданныхъ картинъ,—въ большинствѣ отдѣловъ совсѣмъ ни одной не продано, несмотря на полное господство и новаго идеализма и новой техники.

Очевидно, въ публикѣ спросъ рѣшительно расходится съ новизнами художниковъ. Она, по исконному прирожденному стремленію къ простотѣ, къ правдѣ и къ жизни,—идетъ туда, куда зоветъ ее искреннее чувство художника и непосредственный свободный талантъ.

И сколько, въ результатѣ, является настоящаго идеализма,—глубокаго по нравственному смыслу и общественному значенію и въ то же время всѣмъ доступнаго!

Дуэль Рѣпина, независимо отъ исключительно-художественныхъ достоинствъ, одна изъ краснорѣчивѣйшихъ главъ современной русской жизни, и притомъ написанная въ исконномъ русскомъ направленіи: вся проникнутая идеалистически-чуткимъ личнымъ міромъ автора, вся—отъ основного мотива до мельчайшихъ подробностей—освѣщенная особымъ, только русскому таланту свойственнымъ свѣтомъ, неизмѣнно-человѣчнымъ, грустно-снисходящимъ и любовно-прощающимъ чувствомъ брата и ближняго. Это—высшая поэзія сердца, сама по себѣ, независимо отъ преднамѣренныхъ внушеній ума и нарочитыхъ обстоятельствъ, приводящая талантъ художника къ высокимъ идеаламъ свободной личности и культурной средѣ.

Съ какой истинно-виртуозной находчивостью выбранъ моментъ дуэли! Дуэль въ сущности кончена,—и кончена трагически: одинъ изъ противниковъ неизбѣжно умретъ, можетъ быть, въ теченіе всего нѣсколькихъ минутъ. Его лицо уже тронуто вѣяніемъ послѣдняго часа и пробѣгающія по немъ блѣдныя трепещущія лучи восходящаго солнца, кажется, передаютъ намъ послѣдній трепетъ замирающихъ нервовъ и невольныя судороги страдальческаго лица.

Да, страдальческаго, но, посмотрите, озареннаго какой улыбкой! Умирающій протянулъ руку своему убійцѣ и шепчетъ ему слова прощенія, вызывающія у того смертный холодъ въ душѣ и нестерпимыя укоризны, можетъ быть, насильственно согрѣшившей и въ дѣйствительности невинной совѣсти. Онъ не можетъ смотрѣть въ лицо своей жертвы, и у него— вы это знаете навѣрное—останется то же чувство на всю жизнь. Оно, съ извѣстными оттѣнками, сжимаетъ сердца нестерпимой болью и подневольныхъ свидѣтелей драмы, секундантовъ той и другой стороны, и они тоже не забудутъ страшнаго момента, когда въ застывшей тишинѣ раздался прерывистый шепотъ ихъ товарища, на утрѣ своихъ дней провожавшаго на ихъ глазахъ свое послѣднее утро.

Вотъ что называется «святымъ искусствомъ»,—искусствомъ, вызывающимъ у людей все лучшее, что только вложено въ нихъ природой и что развито цивилизаціей. Это и значитъ быть художникомъ, какъ хотите назовите—пророкомъ, публицистомъ, но только художникомъ-человѣкомъ въ совершенномъ обладаніи неотъемлемыми человѣческими дарами, неустанно и искренне вдумчивой мыслью и естественно-отзывчивымъ, неотразимо-чуткимъ сердцемъ.

И мы видимъ, такой талантъ находитъ признаніе и оцѣнку всюду, именно потому, что онъ, при всѣхъ своихъ національныхъ чертахъ, по существу выше всякой національности, точнѣе, внѣ ея особыхъ психологическихъ и общественныхъ задатковъ, — онъ *общечеловѣченъ*. И итальянецъ-артистъ, создавшій цезаризмъ, папство, Возрожденіе—все, что совершенно чуждо духу русскаго народа, остановится пораженный и растроганный передъ произведеніемъ одного изъ національнѣйшихъ русскихъ талантовъ.

Вотъ на этой-то почвѣ совершаются самыя прочныя единенія между націями, такіе таланты вѣрнѣе всѣхъ дипломатовъ и полководцевъ свой народъ вводятъ въ братскій сонмъ другихъ народовъ. И именно художественнымъ дарованіямъ, подобнымъ рѣпинскому, русская литература обязана своимъ міровымъ значеніемъ, своей культурной миссіей среди старѣйшихъ и разностороннѣйшихъ цивилизацій.

Другая картина Рѣпина—*Донъ Жуанъ и донна Анна*.

Мы лично слышали отъ итальянцевъ, прочитали и въ вышеупомянутой журнальной статьѣ крайне неодобрительный отзывъ объ этомъ произведеніи. И мы должны были ждать его, также, какъ, вѣроятно, и самъ художникъ.

Но какъ разъ этотъ отзывъ поднимаетъ, въ нашихъ глазахъ, на исключительную идейную высоту рѣпинскаго *Донъ-Жуана*, лишнею чертой отмѣчаетъ великую силу великаго таланта—силу все той же простоты и правды.

Этотъ Донъ Жуанъ — говорятъ итальянцы — вовсе не соотвѣтствуетъ традиціонному образу персонажа... Какъ! Такой всесвѣтный герой, неотразимый обольститель женщинъ, любимецъ поэтовъ—Байрона, Мюссе, герой композиторовъ,—и этотъ скромный, заурядный юноша! Ничего героическаго, воинственнаго, ничего, однимъ словомъ, уподобляющаго quel misero giovinetto—такому громкому витязю, *сопернику Фауста*, прибавляетъ или литературно крайне невѣжественный критикъ, или въ конецъ зарапортовавшійся поклонникъ донъ-жуанизма.

Длинная вышла бы исторія, еслибъ мы вновь подняли вопросъ о Донъ-Жуанѣ,—намъ множество разъ приходилось его касаться. Для нашей цѣли излишня новая бесѣда на старую тему. Мы можемъ предоставить вкусу и уму каждаго читателя отдѣльно—стать на сторону Рѣпина или его критиковъ.

Мы только напомнимъ, что Донъ-Жуанъ и у Байрона, и у Мюссе въ особенности—менѣе всего соперникъ Фауста,—его отдѣляетъ непроходимая пропасть отъ фаустовской натуры, фаустовскихъ страданій и стремленій,

даже отъ фаустовскихъ увлеченій; убѣдиться въ этомъ—достаточно самаго обыкновеннаго пониманія того, что̀ изображено чернымъ по бѣлому.

Остаются женщины. Можетъ быть, итальянскій критикъ и поручится, что женщинъ въ большомъ количествѣ можетъ покорять только герой въ высшемъ смыслѣ слова, т.-е. не въ стилѣ перваго тенора и вообще артиста и «отважнаго блондина». Можетъ быть, у итальянскаго критика и имѣются данныя, доказывающія такой идеализмъ женскихъ запросовъ.

Мы не рѣшаемся предвосхищать его доказательства, удивляемся только, какъ ихъ могъ стяжать соотечественникъ Боккаччіо, Аретина, Габріеля д'Аннунціо, вообще сынъ націи, искони понимавшей и воплощавшей въ литературѣ вѣчно-женственное отнюдь не въ смыслѣ германскаго поэта.

Но конецъ спору! Для насъ Донъ-Жуанъ Рѣпина—подлинное психологически-вѣрное и философски-осмысленное представленіе о героѣ любовныхъ приключеній, все равно кто бы ихъ ни воспѣвалъ за свой счетъ—Байронъ, Мюссе или, можетъ быть, въ будущемъ еще болѣе сильный геній.

Обѣ картины Рѣпина превосходитъ величиной картина Семирадскаго: *Христіанская мученица въ циркѣ Нерона.*

Первое впечатлѣніе очень импонирующее, *шикарное*,—но вы всматриваетесь въ блестящее произведеніе, и у васъ невольно являются нѣкоторыя вопросы и сомнѣнія. Художникъ, несомнѣнно, много работалъ по книгамъ и иллюстраціямъ для воспроизведенія во всѣхъ подробностяхъ извѣстнаго *couleur locale*, нарисовалъ очень трогательно и дѣвушку, привязанную къ бѣшеному быку и замученную среди страшныхъ страданій. Слишкомъ только прекраснымъ и нѣжно-чистымъ осталось молодое тѣло послѣ этихъ страданій! Ее привязали будто уже послѣ спокойной кончины мученицы и потомъ нарочито окровавили ей руки и ноги. Но не въ этомъ сущность нашихъ недоумѣній.

Центральная фигура — Неронъ... Неужели живописца могла заинтересовать эта фигура? Послѣ того, какъ древность воспроизвела его въ многочисленныхъ бюстахъ, статуяхъ и барельефахъ? Что можетъ открыть новаго какой угодно живописецъ сердцевѣдецъ на отвратительно-мясистомъ, жирномъ лицѣ этого животно - эстетическаго психопата? Еслибы Семирадскій принадлежалъ къ школѣ натуралистовъ, тогда бы еще, пожалуй, имѣла извѣстный смыслъ попытка изобразить въ человѣческомъ образѣ дѣйствительно любопытную форму психопатіи, эстетическаго наслажденія на почвѣ звѣрства и животности. Психопатія вообще характеризуется чувственнымъ характеромъ эстетическаго восторга, художественныхъ и театральныхъ увлеченій и въ то же время удручающею сухостью сердца и отсутствіемъ настоящаго глубокаго чувства.

Неронъ воплощалъ этотъ типъ въ предѣлахъ римскаго упадка и, несомнѣнно, навсегда останется благодарнымъ матеріаломъ для крайняго реалистическаго искусства, не отступающаго ни передъ какой правдой извращенной природы.

Семирадскій—не изъ этого толка, и его Неронъ, при всей талантливой

и тщательной отдѣлкѣ,—все-таки довольно безличная масса обрюзглаго мяса, закутаннаго въ роскошныя ткани. Кромѣ того, эти ткани нарисованы такъ живо и съ такой очевидной любовью художника, что почти затмеваютъ самого манекена, на которомъ онѣ драпированы. Великій, но въ сильной степени безплодный трудъ! Мы отходимъ отъ картины, не испытавъ глубокаго жизненнаго впечатлѣнія, не взволнованные новой или яркой идеей.

Наконецъ, художнику съ своею картиной приходится выдерживать опаснѣйшую конкуренцію съ античнымъ произведеніемъ на ту же тему — извѣстною мраморною группой, *Фарнезскій быкъ*. Она,повидимому, и вдохновила художника: его картинка называется: *Христіанская Дирке въ циркѣ Нерона*. Древняя группа представляетъ трагическую участь языческой Дирке.

Группа — изумительный образчикъ скульптурной техники. Изъ одного куска мрамора два родосскихъ художника создали цѣлую сцену съ многочисленными фигурами, взятыми въ самый напряженный драматическій моментъ. Это едва ли не самое эффектное художественное воплощеніе женской ревности и мстительности.

Ѳиванская царица Антіопа, отвергнутая мужемъ, приказала своимъ сыновьямъ привязать свою соперницу, Дирке, къ рогамъ разъяреннаго быка. Моментъ выполненія этого приказанія и представленъ древними художниками.

Они сумѣли изваять не только всѣхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, но украсить группу всевозможными символами лѣсной жизни и охоты, прибавить еще двухъ зрителей — юношу и собаку и вообще создать нѣчто совершенно исключительное—по сложности композиціи—во всемъ античномъ искусствѣ.

Можно ли послѣ этого соперничать съ подобною виртуозностью скульптуры въ одномъ и томъ же художественномъ мотивѣ? И замѣтьте, въ мраморной группѣ центральная фигура, какъ и слѣдуетъ по темѣ, — жертва страшнаго насилія, юная страдалица въ порывѣ страстной предсмертной мольбы. Драматизмъ положенія напоминаетъ знаменитѣйшее созданіе древности—Лаокоона, и художники, можетъ быть, отчасти даже разсчитывали на соревнованіе съ нимъ: по крайней мѣрѣ, поза, выраженіе лица Дирке невольно напоминаютъ вамъ троянскаго жреца въ предсмертной борьбѣ съ чудовищами.

Что же дѣлаетъ новый художникъ?

Для него «христіанская Дирке» и ея мученическая кончина только предлогъ для изображенія Нерона и его цирка. Картину справедливѣе было бы назвать *Неронъ въ циркѣ* и вмѣсто молодой, прекрасной мученицы изобразить какую угодно другую жертву кровожаднаго психопата.

Легко видѣть, до какой степени психологически и художественно потерпѣла задача при такой постановкѣ. Изъ потрясающаго драматическаго представленія художникъ взялъ только декораціи и зрителей, а сама сцена съ ея драмой отошла на задній планъ. Вышло, по нашему мнѣнію, *L'oeuvre*

manquée чрезвычайно эффектное на первый взглядъ, но въ сущности свидѣтельствующее о недостаткѣ, въ данномъ случаѣ, культурныхъ и психологическихъ интересовъ автора.

Но, снова повторяемъ, картина выполнена до такой степени тщательно, второстепенныя фигуры спутниковъ Нерона, даже рабовъ, разработаны съ такими типичными чертами, отъ всей атмосферы вѣетъ такимъ пронизывающимъ дыханіемъ презрѣнной и въ то же время страшной эпохи, что произведеніе Семирадскаго остается одной изъ самыхъ сильныхъ историческихъ иллюстрацій.

На итальянскую публику оно не можетъ производить особеннаго впечатлѣнія: она слишкомъ присмотрѣлась къ античнымъ сюжетамъ и въ частности къ Нерону. Но такова судьба, какъ увидимъ, едва ли не большинства выставочныхъ картинъ, — судьба именно въ Италіи и въ Венеціи. Она для многихъ художниковъ вполнѣ заслуженна, для картины Семирадскаго она—несчастная случайность.

Переходимъ къ другимъ картинамъ русскаго отдѣла.

Небольшое произведеніе Творожникова *Дѣвочка*, изъ галлереи уличныхъ типовъ, стóитъ десятка Нероновъ. Она будто нѣкимъ волшебствомъ переноситъ васъ изъ-подъ этого лазурнаго, жгучаго венеціанскаго неба, отъ этихъ сверкающихъ и будто поющихъ волнъ подъ сѣрый, холодный, низкій небосклонъ родной зимы. Но вамъ не становится холоднѣй отъ этой иллюзіи: кисть художника вложила столько симпатичности, столько души живой въ лицо этой сандрильоны, что ея дѣтскіе наивные глаза, будто затемненные преждевременными лишеніями, вы не промѣняете на самую торжественную пѣснь южной красавицы.

Да, эта красавица не опасна для этой *Ragazzina*, но она очень опасна для всей выставки,—опасна, впрочемъ, для этой выставки и вообще Италія.

Въ другой странѣ, съ не столь мощной *торжествующей* природой, не съ такой ослѣпительной игрой красокъ, не съ такимъ обиліемъ типичной красоты среди женщинъ, даже банальная живопись женскаго тѣла и женскихъ аллегорій могла бы казаться сколько-нибудь интересной и завлекательной.

Здѣсь ничего подобнаго.

Чѣмъ могутъ тронуть ваше художественное чувство эти «граціи», Леды, Данаи, эти рожденія Венеры—ихъ нѣсколько—эта Аркадія въ образѣ обнаженныхъ дѣвицъ, наконецъ даже танецъ серпантинъ, послѣ того какъ вы имѣете какое-либо представленіе о старомъ искусствѣ? И какомъ старомъ,—даже не о геніальномъ творчествѣ Возрожденія, а хотя бы о стѣнной живописи Помпей.

Итальянскій художественный рынокъ переполненъ копіями съ помпеянскихъ фресковъ,—и античныя граціи и танцовщицы, цѣлые вѣка спустя, оказываются несравненно прекраснѣе и обаятельнѣе новѣйшихъ англійскихъ, американскихъ и даже французскихъ обработокъ того же соблазнительнаго мотива,—обаятельнѣе не только въ подлинникахъ, но и въ копіяхъ.

И понятно почему.

«Натура» въ этой области у античныхъ художниковъ была, конечно, несравненно болѣе благодарная, болѣе эстетическая, чѣмъ современные оригиналы для грацій и богинь,—и искусство воспроизводить ее составляло, можно сказать, всеобъемлющій культъ и въ жизни, и въ творчествѣ.

Гдѣ же здѣсь конкуррировать современному символизму или импрессіонизму? Они даже не додумались до сколько-нибудь новаго внѣшняго пріема рисовать тѣхъ же грацій: все то же положеніе трехъ фигуръ—съ цвѣтами или безъ цвѣтовъ,—будто нѣкій художественный канонъ.

По части аллегорій опять тѣ же фрески предвосхитили всѣ эти *Rêverie, Meditazione*. Неаполитанскій музей оказывается будто оптовымъ складомъ того самаго товара, какимъ новѣйшіе художники Западной Европы наперерывъ другъ передъ другомъ торгуютъ въ розницу.

И замѣтьте, вопросъ идетъ не только о темахъ, но и о художественности выполненія. Болѣе скромные и, слѣдуетъ признать, болѣе лояльные художники просто предпочитаютъ срисовывать древніе образцы, чѣмъ соперничать съ ними своими оригиналами. И намъ приходилось слышать отъ этихъ художниковъ, вѣроятно, считающихся за низшую расу у самобытныхъ авторовъ грацій и танцовщицъ,—цѣлый рядъ именъ *итальянскихъ* плагіаторовъ помпеянской живописи и мозаики. Списокъ можно бы дополнить именами и другихъ національностей.

Такъ скудно воображеніе и немощно чувство дѣйствительности у современнаго искусства! Въ поэзіи никто теперь не станетъ сочинять одъ и посланій въ стилѣ римскихъ поэтовъ, но въ живописи тождественныя переживанія оказываются неистощимыми и краска невольнаго конфуза, повидимому, не скоро еще появится на лицахъ современныхъ жрецовъ красоты, часто столь притязательныхъ по части новизны и вдохновенной оригинальности.

Мы все время говоримъ о старомъ и сравнительно второстепенномъ и грубомъ искусствѣ — стѣнной живописи римскихъ домовъ. А если взять Возрожденіе, если, положимъ, *Мадонну* австрійскаго художника Кремера или *Рожденіе Венеры* германца Корнита сопоставить съ Мадоннами и Венерами, выходящими изъ волнъ, рафаэлевской или боттичелевской *школы*,— именно только школы, а не самихъ мастеровъ,—что̀ тогда останется для артистическаго самолюбія нашихъ современниковъ?

Будто нѣкій рокъ влечетъ ихъ на своего рода самозакланіе: выбирать темы, съ неподражаемымъ блескомъ разработанныя вѣка тому назадъ и будто на вѣчный укоръ немощамъ послѣдующихъ поколѣній спасенныя «всепоѣдающимъ временемъ».

Это—одинъ неблагодарный фонъ со стороны Италіи для венеціанской выставки. Другой, не менѣе опасный,—итальянская природа, и даже просто сама Венеція.

Мы не станемъ сравнивать лунные пейзажи сѣвера съ итальянскими ночами,—здѣсь вина самой природы. Но возьмите картины, трактующія

собственно Италію—въ частности Венецію—ихъ довольно много: *Сумерки въ Венеціи, Весна въ Венеціи,* нѣсколько венеціанскихъ видовъ и, наконецъ, большая картина—*Poesia Veneziana.*

Сравнительно съ дѣйствительной Венеціей въ лунную ночь эта картина—сѣрая проза. Художникъ-итальянецъ нарисовалъ, кажется, все необходимое,—и каналъ, и дворцы, и луну, и гондолы,—но лишилъ картину движенія и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ: его лагуны—болото, гондолы спятъ, гондольеры не существуютъ, венеціанцы вымерли,—на всемъ тяготѣетъ будто нѣкое губительное повѣтріе, заморозившее и окаменившее страну жизни, блеска и звуковъ. Не знай вы *дѣйствительности,* можетъ быть и *поэзія* художника произвела бы на васъ впечатлѣніе.

Но здѣсь искусство должно напрягать всѣ свои жизненныя силы: иначе оно останется жалкой, блѣдной копіей рядомъ съ ослѣпительно-прекраснымъ подлинникомъ.

И такою является подавляющее большинство произведеній на венеціанской выставкѣ.

Когда вы покидаете залы выставочнаго дворца и снова входите въ ароматный, полутропическій, полуевропейскій садъ, какими еще болѣе бѣдными и мертвенными кажутся плоды человѣческаго творчества, собранныя за этими стѣнами!

Венеція—самый подходящій итальянскій городъ для международной выставки, но она весьма двусмысленная хозяйка. Сама по себѣ она такая красавица, до сихъ поръ такая сильная и блестящая, природа ея такая душистая, полная цвѣтовъ, красокъ и поэтичнѣйшей истомы, что искусству соперничать съ ней—великая и отвѣтственнѣйшая задача.

Рафаэли, Микель Анжело, Рубенсы, Ботичелли—рѣшили задачу съ успѣхомъ. На ихъ мѣстѣ теперь худородное и худосочное поколѣніе; взамѣнъ ихъ вѣками не тускнѣющихъ красокъ, неизмѣнно чарующихъ и поражающихъ созданій, вымученные символы, сѣрая смута образовъ и цвѣтовъ.

Можетъ быть, время все перемѣнитъ, и даже навѣрное. Жизнь, сила и красота жизни—величайшія власти въ нашемъ мірѣ. Онѣ могутъ по временамъ ослабѣвать и завядать, но это не ихъ природа, а лишь временный недугъ, и послѣ него, какъ послѣ непогоды, солнце кажется еще ярче и цвѣты еще свѣжѣй.

И мы видѣли—далеко не безгранично царство современной непогоды въ искусствѣ. Еще живъ духъ въ людяхъ, и именно онъ властвуетъ надъ ними всюду, гдѣ обнаруживаетъ свои истинныя, неподдѣльныя сокровища.

Въ этомъ—вѣрнѣйшій залогъ будущаго и для человѣческой мысли, и для человѣческаго творчества.

Ив. Ивановъ.

Венеція, іюль.

Византійская эпическая поэма *).

Подъ такимъ заглавіемъ вышла книга академика Густава Шлумбергера, посвященная царствованію Іоанна Цимисхія и первымъ годамъ Василія Болгаробойцы. Не сомнѣваемся, что всѣ, кому случится имѣть подъ руками это сочиненіе, прочтутъ его съ большимъ удовольствіемъ и пользой. Рѣдко случается, чтобы по византійской исторіи можно было рекомендовать такую изящную и роскошную книгу; весьма мало и писателей, способныхъ придать форму общедоступнаго изложенія такому сюжету, который обыкновенно трактуется въ диссертаціяхъ на ученыя степени и въ спеціальныхъ монографіяхъ. Хотя давно уже за границей держится неосновательное мнѣніе, что византійскія занятія нигдѣ такъ не популярны, какъ у насъ, и хотя въ русской литературѣ неоднократно высказывалась мысль, что знаніе византійской исторіи никому такъ не обязательно и не полезно, какъ намъ, русскимъ, тѣмъ не менѣе своихъ популярныхъ книгъ по Византіи у насъ почти совсѣмъ нѣтъ, а иностранныя извѣстны весьма небольшому кругу читателей.

Г. Шлумбергеръ давно уже пользуется почетной извѣстностью между византинистами. Получивъ спеціальное медицинское образованіе и имѣя уже степень доктора медицины, онъ съ 1874 года перешелъ къ занятіямъ нумизматикой и сталъ собирать коллекціи монетъ и печатей. Эти занятія постепенно увлекли его къ изученію Византіи, гдѣ онъ пріобрѣлъ ученую славу главнѣйше своимъ трудомъ *Sigillographie de l'empire Byzantin*, появившимся въ 1884 г. Историческія свои занятія онъ сосредоточилъ на второмъ періодѣ Македонской династіи, посвятивъ ей двѣ монографіи: первая занимается царствованіемъ Никифора Фоки (*Un empereur Byzantin au X siècle. Nicéphore Phocas*); вторая, составляющая предметъ настоящей замѣтки, начинается изложеніемъ событій, послѣдовавшихъ за насильственной смертью Фоки (10 декабря 969 г.), и оканчивается крещеніемъ Руси и посылкой въ Кіевъ царевны Анны, т.-е. обнимаетъ двадцатилѣтній періодъ исторіи Византіи.

---

*) *Gustave Schlumberger*: „L'Epopée Byzantine à la fin du dixieme siècle". Paris-Hachette, 1896.

Періодъ Македонской династіи, въ особенности вторая его половина, которою занимается г. Шлумбергеръ, относится къ числу наиболѣе темныхъ и наименѣе разработанныхъ, за исключеніемъ русско-византійскихъ войнъ; между тѣмъ онъ представляетъ большой научный и культурный интересъ, выражающійся въ высокомъ подъемѣ византинизма въ Европѣ и Азіи. Автору предстояло побѣдить громадныя трудности на всемъ пространствѣ пройденнаго имъ пути и, можно сказать, по крохамъ собирать разбросанныя тамъ и сямъ скудныя свѣдѣнія, чтобы составить изъ нихъ историческую картину. Мнѣ приходилось — говоритъ онъ въ предисловіи — просмотрѣть сотни книгъ и мемуаровъ, и очень часто безъ всякой пользы для изучаемаго вопроса. Я тщательно изучалъ источники греческіе, латинскіе, арабскіе, армянскіе, грузинскіе и славянскіе и не пренебрегалъ никакими памятниками, если могъ извлечь изъ нихъ хотя бы скудныя указанія: миніатюрами, надписями, монетами, печатями и архитектурными остатками. Я перечиталъ жизнеописанія святыхъ и небольшіе отрывки тогдашней поэзіи. Опираясь на превосходное сочиненіе Рамзая *Историческая географія Малой Азіи*, я постарался возстановить во всѣхъ подробностяхъ походы Варды Склира; то же самое сдѣлано мной и относительно византійскихъ походовъ въ Болгарію,—такихъ изслѣдованій доселѣ никто еще на себя не предпринималъ. Эта кропотливая мозаика стоила мнѣ громаднаго труда и потребовала многихъ тысячъ часовъ усиленной работы... Я считалъ бы себя вполнѣ вознагражденнымъ за этотъ трудъ, еслибъ авторитетный голосъ спеціалистовъ призналъ, что моя работа не пропала даромъ и привнесла свѣтъ въ столь темную эпоху, какъ конецъ десятаго вѣка восточно-европейской исторіи.

Написавъ большую книгу (777 стр.) о такомъ предметѣ, который въ извѣстныхъ исторіяхъ Византіи излагается на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ, г. Шлумбергеръ даетъ не изслѣдованіе, а держится повѣствовательнаго метода, сообщая живыя характеристики лицъ и положеній и постоянно имѣя въ виду большую публику, которая цѣнитъ въ исторіи популярность изложенія и занимательность. Этимъ, конечно, стремленіемъ къ общедоступности и занимательности нужно объяснить попадающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги отклоненія отъ требованій серьезнаго историческаго повѣствованія, на которыя укажемъ ниже. Но, благодаря прекрасному, живому и интересному изложенію г. Шлумбергера, появилась популярная книга, какой нѣтъ ни въ одной литературѣ. Для русской публики эта книга должна представлять исключительный интересъ, такъ какъ большая половина ея посвящена разбору отношеній Византіи къ славянамъ и русскимъ. Хорошо извѣстные русскому читателю факты борьбы Святослава съ царемъ І. Цимисхіемъ получаютъ въ изложеніи г. Шлумбергера частію новое освѣщеніе, благодаря болѣе широкой перспективѣ, сообщаемой изложеніемъ современной исторіи Византіи и въ особенности привлеченію богатаго и разнообразнаго аппарата изъ области памятниковъ искусства.

Десятый вѣкъ, дѣйствительно, представляетъ весьма интересную эпоху

въ исторіи византинизма. Тогда закладывались основы политическаго и культурнаго вліянія Византіи среди сѣверо-восточныхъ славянъ, подготовлялось порабощеніе Болгаріи; тогда же подъемъ византинизма сказался и на Востокѣ въ побѣдахъ православнаго христіанскаго царства надъ мусульманами. На всѣхъ окраинахъ, гдѣ византинизмъ соприкасался съ чуждыми элементами, не исключая Южной Италіи и Палестины, замѣтны рѣшительныя притязанія твердо отстаивать историческое наслѣдіе. Въ произведеніяхъ искусства отмѣчается значительный подъемъ вкуса и техники; въ литературной производительности, при весьма ощутительномъ недостаткѣ живыхъ творческихъ силъ, нельзя не видѣть усиленной работы по собиранію древнихъ памятниковъ и по обработкѣ сохранившагося матеріала. Напомнимъ громадныя литературныя предпріятія Константина Порфиророднаго и Симеона Метафраста. Г. Шлумбергеръ съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣми явленіями описываемой имъ эпохи и съ замѣчательной ясностью раскрываетъ причины и послѣдствія событій.

Терминъ «эпическая поэма» столько же примѣнимъ къ войнамъ Византіи съ Русью, которыя и по занимаемому ими мѣсту составляютъ центральный пунктъ всего тома, сколько и къ исторіи героической борьбы съ магометанами и болгарами. Между героями, за Цимисхіемъ, Василіемъ II и Святославомъ, идутъ византійскіе генералы - бунтовщики Варда Фока и Варда Склиръ, характеръ которыхъ, а равно громадныя средства, какими они располагали для борьбы съ императорами, выставлены весьма наглядно и отчетливо въ первый разъ въ занимающемъ насъ сочиненіи. На пространствѣ двадцати лѣтъ Фока и Склиръ—лучшіе генералы того времени — не одинъ разъ, то каждый отдѣльно, то оба вмѣстѣ, были провозглашаемы войсками ромэйскими царями и давали сраженія Цимисхію и Василію II въ Каппадокіи, Фригіи и Виѳиніи. Упорное сопротивленіе военныхъ генераловъ, находившихъ себѣ матеріальную силу и нравственную поддержку въ населеніи Малой Азіи, составляетъ, несомнѣнно, весьма характерную черту того времени. Авторъ довольно близко подходитъ къ объясненію положенія дѣла, указывая въ Каппадокіи родовыя имѣнія Фокъ и бросая свѣтъ на церковную политику Цимисхія, охладившую къ нему значительную часть духовенства.

Чтобы дать характеристику историческаго метода г. Шлумбергера, переходимъ къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ частностей. Только что Цимисхій занялъ престолъ убитаго имъ Никифора Фоки, только что на категорическое требованіе патріарха Поліевкта очистить дворецъ отъ преступной женщины онъ пожертвовалъ своей сообщницей, царицей Ѳеофаніей, какъ страшная опасность, надвигавшаяся съ сѣвера, должна была сосредоточить на себѣ все вниманіе новаго царя. «Едва получивъ корону, онъ долженъ былъ принять мѣры къ предотвращенію неминуемой опасности, которая угрожала самому существованію государства. Никифоръ оставилъ въ наслѣдство своему преемнику страшную войну, которая съ тѣхъ поръ должна была поглотить всѣ живыя силы имперіи... Эта неминуемая опасность угрожала

со стороны русскихъ. Упоенные недавнею побѣдой надъ болгарами, они стояли теперь лагеремъ на сѣверной границѣ имперіи, у подошвы Балканъ, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ столицы. Со дня на день можно было ожидать, что они явятся подъ стѣнами богоспасаемаго города» (стр. 36—37). Рельефно изобразивъ впечатлѣніе, произведенное въ Константинополѣ паденіемъ Филиппополя и распространеніемъ русскихъ по долинѣ Гебра, авторъ выразительными и блестящими красками рисуетъ обстановку, въ которой должна была разыгрываться описываемая имъ драма. Комбинируя извѣстія византійской и русской лѣтописи, авторъ приходитъ къ заключенію, что весной 970 года главное дѣло между русскими и греками происходило въ долинѣ Аркадіополя (Lulé-Bourgaz) и что въ этомъ дѣлѣ перевѣсъ оказался на сторонѣ грековъ. Русскіе остаются на нѣкоторое время въ тѣни, вниманіе сосредоточено на Вардѣ Фокѣ, поднявшемъ возстаніе въ Каппадокіи. Когда это возстаніе было потушено, Цимисхій становится во главѣ войска, которое должно было идти въ Болгарію. Нельзя не признать, что г. Шлумбергеръ весьма старательно подобралъ извѣстія византійской и русской лѣтописи, ознакомился съ довольно обширной литературой предмета на русскомъ языкѣ и представилъ ходъ войны между Святославомъ и Цимисхіемъ въ весьма живомъ изложеніи (въ особенности сцены единоборства между греческими и русскими вождями). Не всегда, однако, удается ему отдѣлить въ русской литературѣ то, чему можно слѣдовать, отъ того, что можно уже оставить въ сторонѣ. Такъ, слѣдовало бы менѣе довѣряться Черткову (стр. 138 и 3). Не всегда также авторъ счастливо объясняетъ термины (αὐλή = аулъ, стр. 103, 107; тризна, стр. 123).

Къ числу наиболѣе удачныхъ страницъ слѣдуетъ отнести характеристику Василія II и начало греко-болгарской войны. Великая болгарская война подготовлялась уже давно. Это былъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ эпизодовъ въ лѣтописяхъ имперіи, который надолго опредѣлилъ роль Византіи на Балканскомъ полуостровѣ. Въ гл. XI авторъ описываетъ событія, послѣдовавшія за пораженіемъ грековъ у Траяновыхъ воротъ 17 авг. 986 года и характеризуетъ настроеніе умовъ въ имперіи. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ этой главы. «Василій II долженъ былъ печально возвратиться въ свящ. дворецъ осенью 986 г., единственно занятый мыслью о мщеніи. Несчастный императоръ былъ далекъ отъ мысли, что новыя испытанія, новыя и страшныя возстанія его генераловъ скоро еще разъ поставятъ имперію въ крайне бѣдственное положеніе и надолго лишатъ его возможности отомстить за пораженіе его арміи и доказать болгарамъ, что «мисійскія стрѣлы нисколько не губительнѣе авзонскихъ копій». Знатные сановники имперіи и въ особенности заслуженные генералы никакъ не могли простить Василію того, что онъ хотѣлъ обойтись безъ ихъ услугъ и желалъ царствовать самостоятельно. Они поняли, что эта императорская воля, которая не остановилась предъ тѣмъ, чтобы самого великаго паракимомена устранить отъ поста перваго министра, получила уже такую

опредѣленность, и сознаніе этого факта приводило ихъ въ крайнее раздраженіе. Въ то же самое время непрочность власти сыновей Романа, такъ жестоко поколебленной новымъ бѣдствіемъ 17 августа, подстрекала ихъ къ оппозиціи. Глубокое недовольство военныхъ людей постепенно разрасталось зимой 986—987 г. Къ сожалѣнію, мы можемъ только догадываться о частныхъ фактахъ, такъ какъ лѣтописцы не говорятъ объ этомъ ничего, ограничиваясь сообщеніемъ окончательнаго взрыва подготовляемой интриги. Скилица и Кедринъ ограничиваются такими словами: Варда Фока, доместикъ восточныхъ школъ, побѣдитель Варды Склира, и его приверженцы горѣли недовольствомъ противъ царя за то, что онъ, не спрашивая ихъ мнѣнія, рѣшилъ войну съ болгарами и что онъ самостоятельно, безъ совѣта съ ними, составилъ планъ и распоряжался этой войной. Другіе недовольны были царемъ по инымъ причинамъ. Кратко говоря, дѣла дошли до крайней степени напряженія. Въ священномъ дворцѣ зима прошла въ большомъ безпокойствѣ. Каждый день ожидали вѣстей о бунтѣ Варды Фоки и подчиненныхъ ему генераловъ азіатской арміи, и вдругъ полученъ былъ слухъ въ такой же степени непріятный, страшно усложнившій и безъ того натянутое положеніе. Варда Склиръ, старинный Склиръ былыхъ дней, азіатскій бунтовщикъ, о которомъ не было ни слуху, ни духу столько лѣтъ со времени его бѣгства и плѣна въ Багдадѣ въ 980 г. и который все это время продолжалъ оставаться плѣнникомъ калифа,—Склиръ, повторяю, обнадеженный несчастнымъ исходомъ болгарской войны, нашелъ средства освободиться отъ своихъ тюремщиковъ. Неожиданно онъ явился въ предѣлахъ имперіи и выступилъ съ притязаніями на власть.

«Эта новая попытка завладѣть императорской короной могла бы считаться при существовавшихъ условіяхъ по-истинѣ преступнымъ безуміемъ, если бы претендентъ не считалъ себя вправѣ разсчитывать почти на всеобщее недовольство правительствомъ Василія среди азіатскихъ народовъ,—недовольство, главнымъ образомъ, вызванное продолжительной и тиранической администраціей стараго и непопулярнаго евнуха Василія. Это недовольство приняло въ послѣдующее время очень значительные размѣры: доказательство этого мы сейчасъ увидимъ не только въ заговорѣ предводителей войска въ Харсіанѣ, но также въ чувствахъ всего населенія имперіи во время болгарской войны. Это недовольство еще увеличивалось отъ опасеній, какія начала внушать внѣшняя политика молодого царя. Уничтоживъ барьеры, воздвигнутые противъ утвержденія тиранніи, Василій открыто стремился теперь къ возстановленію неограниченной власти. За исключеніемъ нѣсколькихъ придворныхъ льстецовъ, которые одобряли всякій поступокъ суверена, всѣ классы византійскаго общества дрожали отъ страха—и не безъ основанія—при мысли о возвращеніи страшныхъ временъ всемогущаго деспота Юстиніана. Вслѣдствіе этого всѣ очень скоро отшатнулись отъ молодого царя, который сталъ подозрителенъ съ самыхъ первыхъ актовъ самостоятельнаго управленія.

«И однако, даже при подобныхъ условіяхъ, трудно было бы объяснить

эту новую и столь безразсудную попытку Варды Склира, если не допустить, что онъ разсчитывалъ на какого-то другого могущественнаго союзника. Весьма вѣроятно—говоритъ историкъ Гфрёреръ—что Склиръ могъ опереться на значительную часть духовенства. Уже во время перваго своего возстанія онъ имѣлъ на своей сторонѣ патріарха Антонія, который поплатился отреченіемъ отъ престола за свою вѣрность партіи Склира. Мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что претендентъ могъ явиться въ Азіи кандидатомъ и антицаремъ народа и духовенства, устрашеннаго попытками возстановленія абсолютной и чисто-личной императорской власти. Что касается другого претендента, то онъ былъ представителемъ недовольства и притязаній со стороны арміи. Какъ мы увидимъ, военные мятежники собрались въ Харсіанѣ, провозгласили Варду Фоку царемъ только три мѣсяца спустя послѣ появленія Склира на имперской территоріи въ Мелитенѣ и, притомъ, только послѣ того, какъ царь употребилъ послѣднія мѣры, чтобы возвратить къ повиновенію несговорчиваго доместика восточныхъ школъ,—то-есть, какъ можно заключить съ вѣроятностью, провозглашеніемъ Фоки армія выражала актъ враждебности къ претенденту духовенства. Этимъ актомъ военные люди дѣлали вызовъ церковной партіи».

Не можемъ не отмѣтить особенности въ манерѣ изложенія, которая и вообще не должна считаться принадлежностью даже популярной исторіи и которая въ особенности непривычна для русскаго читателя. Та черта, на которую мы желаемъ обратить вниманіе, выражается у автора въ полетахъ фантазіи, которыхъ не слѣдовало бы допускать въ строгомъ историческомъ разсказѣ (стр. 171, 517, 776 и др.), въ значительной долѣ романтики и чувствительности, доходящей до того, что авторъ говоритъ о лицахъ X вѣка въ такомъ тонѣ, который напоминаетъ оффиціальные бюллетени нынѣшняго времени, наконецъ—въ стремленіи къ черезчуръ излишней простотѣ изложенія, которая приводитъ къ ненужнымъ объясненіямъ и оговоркамъ, къ скучнымъ повтореніямъ и возвращеніямъ къ разъ уже сказанному. Эти недостатки сказываются иногда даже на лучшихъ страницахъ книги. Возьмемъ, напримѣръ, разсказъ о бракѣ принцессы Ѳеофаніи съ императоромъ Оттономъ II. Этотъ брачный союзъ Восточной и Западной имперіи, которымъ много занимались еще при Никифорѣ Фокѣ, наконецъ разрѣшенъ былъ Іоанномъ Цимисхіемъ. Вотъ страничка, характеризующая способъ изложенія Шлумбергера (стр. 194—195):

Царь Іоаннъ Цимисхій одарилъ германскаго посла и его свиту роскошными дарами. Архіепископъ Геро получилъ священныя мощи. Въ особенности былъ цѣненъ даръ мощей св. Панталеона, какъ говорили латиняне, т.-е. славнаго Пантелеимона грековъ, одного изъ святыхъ врачей-безсребренниковъ, весьма популярнаго въ православной церкви, почившаго въ Никомидіи въ темѣ Оптиматовъ, гдѣ онъ принялъ мученическій вѣнецъ при Діоклетіанѣ. Царь Іоаннъ вручилъ нѣмецкому епископу это безцѣнное сокровище для его архіепископскаго города, въ которомъ онъ построилъ потомъ церковь и монастырь во имя этого великомученика.

Само собою разумѣется, такой значительный даръ сдѣланъ былъ западному архіепископу потому, что царь желалъ въ то же время доставить святое удовольствіе бѣдной юной принцессѣ, которая отправлялась одна и навсегда въ чужую землю, въ эту страну, такъ различную по обычаямъ и религіи, куда она шла, полная страха предъ этою новой страной, въ которой ей суждено было жить, передъ этими грубыми саксонскими воинами, закованными въ желѣзо, передъ этими угрюмыми городами, покрытыми сѣренькимъ небомъ,—она, привыкшая къ лучистому солнцу Константинополя, къ утонченнымъ и элегантнымъ формамъ жизни своихъ соотечественниковъ, къ веселымъ дворцамъ по берегамъ Босфора. Конечно, не безъ глубокаго смущенія она мѣняла на новое отечество, на эту страну снѣговъ и тумановъ, прекрасныя мѣста, гдѣ протекло ея дѣтство, хотя бы—увы!—среди стольких горестей. Цимисхій находилъ, что присутствіе одной изъ самыхъ драгоцѣнныхъ реликвій греческой церкви въ новой ея имперіи будетъ для набожнаго ребенка самымъ большимъ утѣшеніемъ въ ожидавшемъ его одиночествѣ. И въ этомъ онъ не ошибся. Во все время своей жизни рожденная отъ порфирородныхъ дочь Романа и Ѳеофаніи, сдѣлавшись знаменитой и энергичной императрицей - регентшей Германіи, обнаруживала самую глубокую привязанность къ монастырю св. Пантелеимона въ Кельнѣ и осыпала эту общину богатыми дарами изъ собственной казны. Когда она умирала преждевременною смертью, она выразила желаніе быть погребенной въ церкви этого монастыря, что̀ и было исполнено. Августѣйшей императрицѣ казалось, что такимъ образомъ она менѣе будетъ раздѣлена отъ своего перваго столь любимаго отечества. Ѳеофанія взяла съ собою много другихъ останковъ св. мощей. Никакое сокровище не цѣнилось столько въ то время. По всей вѣроятности, она принесла и тотъ крестъ, который хранится въ настоящее время въ монастырѣ св. Креста въ Верджѣ. Въ музеѣ Клюни есть драгоцѣнная дощечка изъ слоновой кости константинопольской работы, вѣроятно, предназначавшаяся для подарка по случаю замужства Ѳеофаніи. На ней изображены Оттонъ и молодая императрица въ парадномъ облаченіи, между ними изображеніе благословляющаго Христа.

Весьма важнымъ преимуществомъ книги нужно признать то, что она снабжена громаднымъ количествомъ иллюстрацій, представляющихъ снимки съ памятниковъ археологіи и искусства. Весьма многіе изъ этихъ памятниковъ дѣлаются извѣстными въ первый разъ, благодаря частью личнымъ сношеніямъ автора съ владѣльцами коллекцій, частью его путешествіямъ въ тѣ страны, которыхъ касается онъ въ своей книгѣ. Въ особенности цѣнны рисунки изъ коллекціи Шефера и описанія посѣщенныхъ авторомъ частей Арменіи. Привлеченіе памятниковъ къ иллюстраціи историческаго разсказа весьма много способствуетъ наглядности и составляетъ безусловную необходимость для такой исторической книги, которая претендуетъ ознакомить и съ культурной исторіей эпохи. Всѣ памятники, украшающіе книгу Шлумбергера, принадлежатъ къ X или XI вѣку; нельзя только ска-

зать, что они всегда объясняютъ текстъ. Часто случается, что памятникъ не имѣетъ къ тексту отношенія, но въ этомъ нельзя быть слишкомъ притязательнымъ, такъ какъ автору пришлось побѣдить невѣроятныя трудности при собираніи памятниковъ и такъ какъ имъ первымъ сдѣлана попытка примѣнить въ такихъ обширныхъ размѣрахъ идею объясненія событія современными имъ памятниками. Добытые авторомъ и въ этомъ отношеніи результаты громадны,—такой массы археологическаго и художественнаго матеріала, какой данъ въ разсматриваемой книгѣ, трудно было и представить себѣ. Что касается русско-византійскихъ отношеній, то автору представлялась возможность позаимствоваться памятниками, найденными въ южной Россіи и хранящимися въ Эрмитажѣ, равно какъ нѣкоторыми предметами искусства кіевской святой Софіи, но вообще большого богатства не могло быть имъ собрано для соотвѣтствующаго отдѣла книги. Онъ могъ собрать для своей книги русскую спеціальную литературу, которая весьма внимательно разрабатывала вопросы отношеній Руси къ Византіи въ X вѣкѣ, и нашелъ въ этой литературѣ богатый матеріалъ для освѣщенія своей темы. Еслибы трудъ Шлумбергера появился двумя-тремя мѣсяцами позднѣе, то онъ могъ бы увеличить иллюстраціи той части, которая трактуетъ о русско-византійскихъ отношеніяхъ, новымъ, недавно пущеннымъ въ научное обращеніе матеріаломъ. Въ роскошномъ изданіи проф. Кондакова *Русскіе клады*, изданномъ въ Петербургѣ въ 1896 г., указано на рукопись Скилицы, хранящуюся въ національной библіотекѣ Мадрида, заключающую въ себѣ множество миніатюръ, по сюжетъ прямо относящихся къ событіямъ X вѣка. Тутъ встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующіе миніатюры: л. 103—чудо съ евангеліемъ передъ русскимъ княземъ, л. 130—русскій флотъ, л. 135—пріемъ великой княгини Ольги во дворцѣ императоровъ, л. 161—печенѣги, л. 167—сцена изъ военныхъ дѣйствій между русскими и греками, л. 170 и 171—совѣтъ Святослава съ воинами и переговоры Цимисхія съ Святославомъ, л. 172—свиданіе Цимисхія со Святославомъ и др. Въ книгѣ проф. Кондакова воспроизведены четыре миніатюры: княгиня Ольга, свиданіе и переговоры Цимисхія съ Святославомъ и чудо съ евангеліемъ. Хотя, какъ свидѣтельствуетъ авторъ (стр. 212), миніатюры исполнены нѣсколькими руками и съ разныхъ оригиналовъ, болѣе раннихъ и позднѣйшихъ, тѣмъ не менѣе такой богатый матеріалъ, какой представляетъ мадридская рукопись, если бы даже нѣкоторыя миніатюры воспроизводили иной народный типъ, не можетъ не возбуждать большого научнаго интереса. Правда, историческая обстановка, насколько можно судить по четыремъ изданнымъ картинкамъ, утрачена. Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ описано современнымъ историкомъ и происходило при другой обстановкѣ, чѣмъ это представлено миніатюрой. Но бытовыя подробности удержаны: отмѣтимъ, между прочимъ, длинное платье придворной свиты въ сценѣ пріема великой княгини Ольги и положеніе рукъ на груди—знакъ почтительнаго вниманія,—равно какъ вооруженіе свиты Цимисхія въ сценѣ переговоровъ—все это черты дѣйствитель-

ной жизни. Можетъ быть, ошибкѣ или недостатку вниманія миніатюриста, копировавшаго древній оригиналъ, слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что облаченіе съ лоромъ присвоено и Святославу и что Цимисхій въ сценѣ переговоровъ напоминаетъ Святослава въ сценѣ свиданія.

Большая часть послѣдней главы посвящена отношеніямъ Василія II къ Владиміру Святому. Здѣсь авторъ могъ воспользоваться довольно обширной литературой вопроса на русскомъ языкѣ и оцѣнить значеніе военной помощи, оказанной Византіи посредствомъ присылки русскаго вспомогательнаго корпуса. Отмѣтимъ при этомъ частный фактъ (стр. 723), представляющій большой интересъ для исторіи русско-византійскихъ отношеній, если онъ подтвердится. Русскіе имѣли въ Константинополѣ свою церковь Варяжской Богородицы (Panagia Varangiotissa), которая находилась въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ св. Софіей, на западъ отъ нея (ссылка на сочиненіе *Belin*: «Histoire de l'église latine à Constantinople». Paris, 1872, p. 166).

Закончимъ нашу замѣтку пожеланіемъ, чтобы книга Шлумбергера нашла въ Россіи многихъ читателей.

Ѳ. Успенскій.

По поводу пересмотра законодательства о крестьянахъ.

Мірскіе сборы.

Въ перечнѣ вопросовъ, относящихся къ пересмотру нѣкоторыхъ отдѣловъ законодательства о крестьянахъ, разосланномъ въ 1894 г. земскимъ отдѣломъ на разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній, отдѣлъ о мірскихъ сборахъ распадается на слѣдующія составныя части:

1. «Въ чемъ заключаются главнѣйшіе недостатки существующаго порядка взиманія и расходованія мірскихъ сборовъ? Какія мѣры необходимы для устраненія ихъ въ будущемъ и для упорядоченія этого дѣла? Возможно ли въ частности упорядочить раскладку мірскихъ сборовъ въ отношеніи а) основаній ея—указаніемъ въ законѣ этихъ основаній, и б) времени производства—вмѣстѣ съ казенными и земскими сборами или же отдѣльно отъ нихъ?

2. «Не слѣдуетъ ли точнѣе опредѣлить условія, при которыхъ допускается обложеніе мірскими сборами внѣнадѣльнаго недвижимаго имущества членовъ общества, поставивъ, напримѣръ, обложеніе въ зависимость отъ опредѣленнаго размѣра такого имущества, отъ опредѣленнаго разстоянія его отъ надѣла, или отъ нахожденія имущества въ районѣ волости?

3. «Слѣдуетъ ли точнѣе опредѣлить кругъ лицъ, привлекаемыхъ къ платежу мірскихъ сборовъ, указавъ лицъ подлежащихъ и неподлежащихъ обложенію? Какія лица могли бы быть включены въ каждую изъ сихъ категорій?

4. «Какія основанія слѣдуетъ принять для привлеченія къ платежу мірскихъ сборовъ, проживающихъ въ селеніяхъ, постороннихъ лицъ? Какими признаками слѣдуетъ руководствоваться при опредѣленіи категоріи лицъ, подлежащихъ привлеченію къ платежу мірскихъ сборовъ (сословіе, владѣніе надѣльной или землей опредѣленнаго пространства, срокъ проживанія въ обществѣ и т. п.)? Какими мѣрами можно обезпечить этихъ лицъ отъ неправильнаго обложенія ихъ сходами? Достаточно ли для этого существующаго надзора надъ мірскими приговорами въ связи съ предостав-

леніемъ пострадавшимъ лицамъ права жалобы, или же необходимо установленіе опредѣленныхъ правилъ въ отношеніи самыхъ основаній обложенія постороннихъ лицъ? Не слѣдовало ли бы освободить отъ обложенія недвижимое имущество, превышающее извѣстную норму (сравнительно съ нормами крестьянскаго надѣла) и расположенное далѣе опредѣленнаго разстоянія отъ надѣльной земли?

5. «Возможно ли установить въ законѣ требованіе составленія *смѣтъ мірскихъ расходовъ* на опредѣленный срокъ, по крайней мѣрѣ, для расходовъ, отличающихся постояннымъ характеромъ? Какіе расходы слѣдуетъ отнести къ этой категоріи? Какой срокъ возможно было бы установить для дѣйствія смѣты мірскихъ расходовъ этой категоріи? Въ какомъ порядкѣ должны быть составляемы смѣты? Какой власти должно быть предоставлено ихъ утвержденіе?

6. «Какія мѣры могли бы быть приняты для дальнѣйшаго упорядоченія поступленія мірскихъ сборовъ, а также ихъ расходованія и храненія? Какое различіе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ должно быть установлено между сельскими и волостными сборами?» Таковы вопросы, намѣченные земскимъ отдѣломъ къ сужденію о мірскихъ сборахъ.

Обремененіе всевозможными платежами крестьянскихъ надѣльныхъ земель—вопросъ не новый, давно отмѣченный литературой и прессой и давно привлекающій къ себѣ вниманіе и заботы правительственной власти (законы 7 февраля 1894 года—объ отсрочкѣ и разсрочкѣ выкупныхъ недоимокъ; 13 мая 1896 года—о пересрочкѣ выкупного долга; далѣе, пониженіе государственнаго поземельнаго налога и сложеніе недоимокъ продовольственныхъ и по отмѣненнымъ сборамъ Высочайшими манифестами 20 ноября 1894 года и 14 мая 1896 года). Еще въ 1889 и въ 1893 годахъ послѣдовало разъясненіе правительствующаго сената по дѣлу Баксановыхъ, Колесниченко, Лазо, Ботезато и др. о томъ, что неправильно и несогласно со смысломъ закона обременять мірскими сборами однѣ лишь надѣльныя земли и что обложенію этому подлежатъ и земли внѣнадѣльныя, расположенныя въ данномъ районѣ, исключая земель дворянскихъ. Точкой отправленія для этихъ толкованій сената послужило Высочайше утвержденное 16 января 1869 года Положеніе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, гдѣ подъ лит. в. значится, что по владѣнію выкупленнымъ участкомъ надѣла бывшій крестьянинъ Карякинъ и послѣ приписки къ городскому сословію обязанъ отбывать мірскія денежныя и натуральныя повинности, отбываемыя прочими членами того же общества, владѣющими землями.

Согласно этому пункту Положенія и послѣдовали сенатскія разъясненія по упомянутымъ выше дѣламъ о томъ, что лица городскихъ сословій, *имѣющія осѣдлость* въ селеніяхъ, хотя бы и на отдѣльномъ хуторѣ, обязаны отправлять по раскладкѣ сельскихъ обществъ всѣ денежныя и натуральныя повинности, за исключеніемъ воинской повинности и выбора на общественныя должности, и подлежатъ привлеченію къ платежу мірскихъ сборовъ.

Это принципіальное толкованіе сената, къ сожалѣнію, осталось мертвою буквой и совершенно не привилось къ жизни: привлеченіе лицъ городскихъ сословій, проживающихъ въ селеніяхъ, къ отбыванію мірскихъ повинностей—столь рѣдкое явленіе, что о значительномъ облегченіи этой мѣрой обложенія надѣльныхъ земель не можетъ быть и рѣчи. Нѣсколько ниже мы вернемся къ этому вопросу. Отмѣтимъ теперь, что каково бы ни было толкованіе сената и административныхъ мѣстъ, толкованіе это не составляетъ еще незыблемаго и безусловнаго начала, укрѣпленнаго законодательнымъ путемъ. Въ настоящее время при пересмотрѣ законоположенія о крестьянахъ является полная возможность пойти навстрѣчу животрепещущей жизненной потребности въ уравненіи тягостей мірского обложенія. Ненормальность существующей организаціи мірскихъ сборовъ, поражающихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ исключительно земли надѣльныя и въ то же время имѣющихъ обще - государственное значеніе, врядъ ли требуетъ доказательства; ненормальность эта осязательна для каждаго. Казалось бы, реформа мірскихъ платежей, назрѣвшая въ правовомъ сознаніи общества, должна была лечь въ основаніе измѣненій законодательства о крестьянахъ.

Мірскіе сборы почти повсемѣстно являются крупнѣйшимъ налогомъ на надѣльныя земли послѣ выкупныхъ платежей; они удовлетворяютъ насущнѣйшимъ потребностямъ государства, покрывая содержаніе волостной и сельской администраціи, составляющей, такъ сказать, основную исполнительную часть всего нашего бюрократическаго механизма. Едва ли нужно доказывать, что уѣздъ и даже станъ, и участокъ земскаго начальника являлись бы непосильной территоріальной административной единицей, если бы на помощь имъ не приходила сельская и волостная администрація. Кому не извѣстно, какую массу самыхъ сложныхъ и разнородныхъ работъ и порученій выполняетъ волостное правленіе? Оно является не только необходимымъ исполнительнымъ органомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но и помощникомъ и исполнителемъ предписаній всѣхъ вѣдомствъ безъ исключенія, начиная съ епархіальнаго и кончая управленіемъ государственнаго коннозаводства. При такомъ положеніи дѣла обремененіе исключительно однѣхъ лишь надѣльныхъ земель сборами на содержаніе волостной и сельской администраціи является бьющей въ глаза аномаліей.

Въ современной литературѣ неоднократно встрѣчались проекты равномѣрнаго всесословнаго обложенія земель: таковы, напримѣръ, проекты обложенія земель на продовольственныя нужды населенія, на всеобщее среднее образованіе, на замѣну натуральныхъ мірскихъ повинностей и проч. Проектамъ этимъ, быть можетъ, долгое время суждено оставаться утопіей. Но основной принципъ этихъ проектовъ вполнѣ примѣнимъ къ реформѣ мірского обложенія. Мы говоримъ въ данномъ случаѣ о томъ, какіе именно мірскіе сборы подлежатъ разверсткѣ между надѣльными и частновладѣльческими землями: всѣ ли безъ исключенія, или лишь нѣкоторые изъ нихъ? Исходя изъ основного принципа всесословнаго обложенія,—принципа,

покоющагося на сознаніи общности житейскихъ потребностей, нуждъ и интересовъ, нельзя не прійти къ заключенію, что разверсткѣ подлежатъ всѣ мірскія повинности безъ исключенія, какъ волостныя, такъ и сельскія, какъ денежныя, такъ и натуральныя. Такимъ образомъ, если въ данномъ обществѣ, напримѣръ, существуетъ какая-либо натуральная повинность, скажемъ, подводная или караулъ селенія, то, очевидно, что всѣ лица, проживающія въ селеніи, хотя бы и на отдѣльномъ хуторѣ (по толкованію сената) обязаны нести эти повинности, поставлять очередную подводу и очереднаго караульнаго.

Нечего и доказывать, что всѣ волостные сборы подлежатъ общей разверсткѣ, ибо по существу своему сборы эти поступаютъ единственно и исключительно на потребности общегосударственныя, отнюдь не на потребности волостного общества. Для примѣра укажемъ сборы одной губерніи

I. Расходы на волостную администрацію и хозяйственныя нужды.

1. Жалованье старшинамъ.	70,513	руб
2. Жалованье писарямъ	104,127	»
3. Жалованье сторожамъ и разсыльнымъ . . .	20,402	»
4. Жалованье сотскимъ	10,288	»
5. Жалованье волостнымъ судьямъ	48,579	»
6. Бланки и канцелярскія принадлежности . .	20,772	»
7. Выписка газетъ и журналовъ	962	»
8. Помѣщенія для волостныхъ правленій . . .	2,476	»
9. Наемъ лошадей для волостн. должн. лицъ. .	54,644	»
10. Содержаніе волостныхъ правленій	20,971	»
11. Постройка зданій волостныхъ правленій . .	12,446	»
12. Страхованіе волостныхъ правленій	5,106	»
13. Исправленіе дорогъ и мостовъ	1,155	»
14. Уплата долговъ по хозяйств. нуждамъ . . .	5,098	»

II. Расходы по предметамъ благоустройства и благочинія.

1. Пожарная часть	2,632	руб.
2. Удаленіе порочныхъ членовъ	80	»
3. Квартира для пріема чиновниковъ.	237	»
4. На полицейскихъ урядниковъ	1,501	»
5. Содержаніе лошадей при этапныхъ пунктахъ.	245	»

III. Учебная и медицинская часть.

1. Содержаніе училищъ	4,666	руб.
2. Жалованье учителямъ	1,338	»
3. Покупка книгъ	268	»
4. Расходы на оспопрививаніе.	2,860	»
5. Квартира для фельдшера	1,560	»

IV. *Разные расходы.*

1.	На сдачу новобранцевъ	15,813 руб.
2.	Содержаніе присяжныхъ засѣдателей и земскихъ гласныхъ	1,292 »
3.	Наемъ помѣщеній для воинскихъ присутствій.	397 »
4.	Непредвидѣнные расходы.	5,091 »
5.	На молебны	828 »
6.	Завѣдующему военно-конскимъ участкомъ . .	265 »
7.	На сопровожденіе почты	310 »
8.	Разсыльный при становой квартирѣ.	1,235 »
9.	Лѣченіе несостоятельныхъ лицъ	274 »
10.	Жалованье церковнымъ старостамъ, сторожамъ, просвирнямъ, пѣвчимъ	3,437 »
11.	Пересылка корреспонденціи по земской почтѣ .	620 »
12.	Вспомоществованіе церквамъ	778 »
13.	Караулъ церковнаго лѣса	492 »
	Всего волостныхъ расходовъ (въ круглой цифрѣ) .	423,770 »

Если внимательно вникнуть въ перечень волостныхъ расходовъ, то нельзя не придти къ заключенію, что на потребности собственно волостного общества затрачена самая ничтожная доля расходовъ: сюда можно отнести удаленіе порочныхъ членовъ, расходы на молебны, лѣченіе несостоятельныхъ лицъ, всего 1,182 рубля, или 0,3% всѣхъ волостныхъ расходовъ. Остальные расходы носятъ или характеръ общегосударственныхъ, или церковно-приходскихъ.

Мірскіе сельскіе расходы еще болѣе обременительны для надѣловъ: по той же губерніи они равны 1.011,000 руб.

I. *Расходы на сельскую администрацію.*

1.	Наемъ помѣщенія для сельскаго схода . . .	4,265 руб.
2.	Канцелярскія принадлежности	2,543 »
3.	Жалованье сельскимъ писарямъ	22,456 »
4.	Жалованье сельскимъ старостамъ	135,197 »
5.	Жалованье сотскимъ.	26,455 »
6.	Жалованье десятскимъ	22,966 »
7.	Разъѣзды сельскихъ должностныхъ лицъ . .	11,753 »

II. *Предметы благоустройства и благочинія.*

1.	Пожарная часть	24,909 руб.
2.	Караулъ въ селеніяхъ	30,787 »
3.	Удаленіе порочныхъ членовъ	327 »
4.	Квартира для пріема чиновниковъ	338 »

III. Учебная и медицинская часть.

1. Содержаніе училищъ	41,053	руб.
2. Жалованье учителю	15,132	»
3. Покупка книгъ	328	»
4. Уплата за лѣченіе въ больницѣ	1,689	»
5. Расходы на оспопрививаніе	1,952	»
6. Квартира для фельдшера	437	

IV. Хозяйственныя нужды.

1. Содержаніе общественныхъ зданій	17,973	руб.
2. Страхованіе ихъ	6,316	»
3. Постройка ихъ	101,219	»
4. Уплата долговъ	6,889	»
5. Наемъ пастуховъ	167,974	»
6. Измѣреніе общественныхъ земель	1,931	»
7. Веденіе общественныхъ дѣлъ	6,839	»
8. Наемъ пастбищъ для скота	39,914	»
9. Содержаніе общественнаго быка	18,727	»
10. Исправленіе дорогъ и мостовъ	21,634	»
11. Содержаніе перевозовъ	11,673	»
12. Наемъ лѣсныхъ и полевыхъ сторожей	32,330	»
13. Постановка вѣхъ	3,319	»

V. Предметы религіи и благотворительности.

1. Устройство храмовъ и кладбищъ	29,997	руб.
2. Содержаніе причта	13,442	»
3. Содержаніе просвиренъ	836	»
4. Содержаніе церковныхъ старостъ	18,815	»
5. Содержаніе церковныхъ сторожей	56,906	»
6. Наемъ подводъ для причта	512	»
7. Молебны	27,889	»
8. Дѣла благотворительности: призрѣніе бѣдныхъ	4,890	»

VI. Разные расходы.

1. Пособіе при сдачѣ новобранцевъ	15,796	руб.
2. Содержаніе присяжныхъ засѣдателей и земскихъ гласныхъ	185	»
3. Наемъ помѣщеній для воинскихъ присутствій	75	»
4. Непредвидѣнные расходы	8,254	»
5. Наемъ арендныхъ угодій	28,756	»
6. Выборнымъ на волостные сходы	3,265	»
7. Жалованье сборщикамъ податей	18,737	»

8. Содержаніе пѣвчихъ и регента . . . . . . 1,921 »
9. Жалованье волостнымъ судьямъ . . . . . . 1,008 »
10. Содержаніе почтовыхъ станцій . . . . . . 450 »

Изъ расходовъ, удовлетворяющихъ узкимъ потребностямъ сельскаго общества, можно указать лишь на отдѣлъ IV: хозяйственныя нужды съ пункта 5 и по 13; кромѣ того, расходы на молебны и на удаленіе порочныхъ членовъ, всего около 329,000 рублей, или 32,5% всѣхъ сельскихъ расходовъ. Совокупность волостныхъ и сельскихъ расходовъ въ количествѣ 1.434,000 рублей падаетъ на 1.896,000 десятинъ надѣльной земли и уплачивается 657,946 раскладочными душами по губерніи, т.-е. по 2 руб. 18 коп. съ души и по 75 коп. съ десятины надѣла. Что сборы эти не легки для надѣльныхъ земель, можно видѣть изъ сопоставленія ихъ съ окладами другихъ сборовъ по той же губерніи, падающихъ на надѣлы:

Выкупныхъ платежей	2.899,347 руб.
Поземельнаго налога	207,025 »
Земскаго сбора	604,792 »
Страховыхъ платежей	833,404 »
Сбора въ частный продовольств. капиталъ . .	86,672 »
Итого	5.631,240 »

Или по 2 руб. 95 коп. съ десятины, а съ мірскими сборами по 3 руб. 72 коп. съ десятины.

За разсматриваемый нами годъ съ надѣльныхъ земель той же губерніи снято было:

ржи	3.046,000	четвертей.
овса	2.102,000	»
гречихи	151,000	»
проса	266,000	»
картофеля . . .	2.888,000	»

За покрытіемъ расходовъ зерна по обсѣмененію полей и годовому довольствію наличнаго населенія получается остатокъ отъ урожая:

ржи	+914,800	четвертей.
овса	+882,400	»
гречихи	+17,900	»

и недостатокъ отъ урожая:

картофеля . . .	—1.082,200	четвертей.
проса	—141,200	»

Переводя итоги эти на деньги по существовавшимъ среднимъ цѣнамъ, получимъ свободный остатокъ отъ урожая +1.836,000 рублей.

Отмѣтимъ въ памяти эти цифровыя отношенія чистой доходности надѣла къ совокупности падающихъ на него налоговъ.

Принципъ общности житейскихъ интересовъ, подсказывающій намъ, что волостные и сельскіе расходы обязаны нести всѣ равномѣрно, а не однѣ

лишь надѣльныя земли, нисколько не противорѣчилъ бы общему духу дѣйствующаго у насъ законодательства. Если, напримѣръ, согласно толкованіямъ сената, частный землевладѣлецъ обязанъ нести очередный караулъ селенія, хотя бы въ караулѣ этомъ онъ и не былъ прямо и непосредственно заинтересованъ (живя на отдѣльномъ хуторѣ), то, очевидно, онъ долженъ нести расходы и на наемъ общественнаго пастуха, и на содержаніе общественнаго быка и прочее. Въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой несправедливости, ибо всякая система какихъ бы то ни было налоговъ зиждется именно на принципѣ общности житейскихъ интересовъ, и неужели, скажемъ, городской домовладѣлецъ въ правѣ отказаться отъ оцѣночныхъ сборовъ на томъ основаніи, что онъ не пользуется городской мостовой, городскимъ освѣщеніемъ, училищемъ или пріютомъ, живя внѣ города?

Легко предвидѣть одно возраженіе, которое могутъ намъ поставить на видъ; намъ скажутъ, что волостные и сельскіе сборы узкосословные по своей конструкціи; что если говорить объ уничтоженіи этихъ сборовъ, къ чему сохранять и другіе сословные сборы, напримѣръ—дворянскіе?

Обратимся прежде всего къ цифрамъ. За тотъ же годъ все дворянское землевладѣніе той же губерніи, всего въ количествѣ 830,030 десятинъ, обложено было окладомъ сословныхъ дворянскихъ сборовъ въ 50,514 рублей или по 6,08 копѣекъ съ десятины. Сравнивая это обложеніе съ сословнымъ мірскимъ, невольно бросается въ глаза неравномѣрность сословнаго обложенія: надѣльное землевладѣніе обложено сословными сборами въ 12 разъ сильнѣе, нежели дворянское. Разница зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что мірскіе сборы являются сословными лишь по конструкціи своей, отнюдь не по характеру. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли признать сословными сборы на содержаніе волостной и сельской администраціи и допускаетъ ли какое-либо сравненіе съ общегосударственной точки зрѣнія учрежденіе сельскихъ и волостныхъ властей съ учрежденіями сословно-дворянскими? Исполняютъ ли эти послѣднія всѣ правительственныя функціи по сбору государственныхъ податей и повинностей, по надзору за порядкомъ и благочиніемъ въ селеніяхъ, по отправленію суда и слѣдствія и по нотаріальной части (податныя, полицейскія, судебныя функціи)? Являются ли они необходимыми низшими исполнительными органами нашего бюрократическаго механизма? Сословныя дворянскія учрежденія знаютъ и вѣдаютъ лишь свои сословные нужды и интересы; у нихъ чрезвычайно мало точекъ соприкосновенія съ общегосударственными цѣлями и задачами; здѣсь сословные сборы справедливы и цѣлесообразны, пока существуетъ само сословіе; еслибы мірскіе сборы покрывали содержаніе крестьянскихъ опекъ, крестьянскихъ должностныхъ лицъ, выборныхъ для исполненія своихъ сословныхъ функцій, какъ-то: предсѣдательства на сходахъ, исполненія общественныхъ приговоровъ и прочее, тогда сборы эти носили бы специфическій характеръ и на ряду съ прочими сословными сборами не могли бы вызвать никакого возраженія; въ настоящемъ же своемъ видѣ сборы эти имѣютъ положительно общегосударственное значе-

ніе, а потому и должны быть отнесены на счетъ общегосударственныхъ источниковъ дохода.

Отмѣтимъ еще одну особенность мірского обложенія, отличающую его отъ прочихъ сословныхъ сборовъ. Размѣры этого обложенія въ значительной степени зависятъ не отъ усмотрѣнія самихъ плательщиковъ, а отъ распоряженія подлежащей власти: такъ, по представленію земскихъ начальниковъ уѣздныхъ съѣздовъ, губернское присутствіе вправѣ увеличивать выборнымъ и наемнымъ волостнымъ и сельскимъ должностнымъ лицамъ денежное содержаніе, назначенное имъ обществомъ, и послѣднее обязано выплатить указанное властями содержаніе; прибавимъ къ этому, что самый порядокъ увольненія волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ производится въ большинствѣ случаевъ помимо участія общества; что замѣщеніе выборныхъ должностей подлежитъ утвержденію правительственной власти, которой предоставлено право выбора изъ двухъ намѣченныхъ кандидатовъ и, наконецъ, приглашеніе наемныхъ должностныхъ лицъ (писаря) всецѣло предоставлено усмотрѣнію той же единоличной правительственной власти (земскіе начальники). Другіе волостные расходы также въ значительной долѣ зависятъ отъ указаній правительственной власти, таковы: постройка новыхъ зданій волостныхъ правленій, постройка хлѣбозапасныхъ продовольственныхъ магазиновъ, постройка пріютовъ и богадѣленъ, расходы по отношенію различныхъ формъ бланковъ и книгъ, исправленіе дорогъ, наемъ разсыльнаго при становой квартирѣ и т. д.

Итакъ, мірскіе сборы отличаются отъ прочихъ сословныхъ сборовъ тремя характерными особенностями:

во-1-хъ, чрезмѣрною обременительностью обложенія;

во-2-хъ, общегосударственнымъ характеромъ покрываемыхъ ими расходовъ и

въ-3-хъ, правительственною иниціативой въ установленіи самыхъ размѣровъ обложенія.

Въ силу двухъ послѣднихъ свойствъ мірскіе сборы совершенно теряютъ свое сословное значеніе, пріобрѣтая характеръ государственнаго налога.

Мірскіе сборы не могутъ имѣть и того строго замкнутаго характера, присущаго другимъ сословнымъ сборамъ: участіе въ мірскомъ обложеніи не трудно связать съ правомъ участвовать въ обсужденіи общеволостныхъ и общесельскихъ вопросовъ совершенно независимо отъ вопросовъ спеціально-сословныхъ крестьянскихъ.

А чрезмѣрное отягощеніе волостными и сельскими сборами надѣльныхъ земель заставляетъ повидимому обратиться ко всесословному мірскому обложенію.

Какимъ же образомъ провести на практикѣ указанную систему мірского обложенія? У насъ, какъ извѣстно, преобладающимъ основаніемъ разверстки крестьянскихъ повинностей служитъ ревизская душа (рѣже наличныя души). Очевидно, что основаніе это являлось бы непригоднымъ при обложеніи земель частно-владѣльческихъ, ибо душа, являющаяся при общин-

номъ владѣніи синонимомъ пайка, при обложеніи земель частнаго владѣнія не удовлетворяла бы требованіямъ справедливаго и равномѣрнаго налога. Въ интересахъ этого послѣдняго, необходимо было бы принять основаніемъ обложенія десятину земли, подобно прочимъ поземельнымъ налогамъ. Согласно прилож. къ 10 п. ст. 41 Общ. Полож. о крест., сельскимъ обществамъ предоставлено право самимъ устанавливать то или иное основаніе для разверстки мірскихъ сборовъ, лишь бы основаніе это было равно для всѣхъ участниковъ: такимъ образомъ общество вполнѣ вправѣ принять за основаніе обложенія десятину земли, какъ основаніе наиболѣе справедливое и равномѣрное для всѣхъ членовъ общества: каждый заплатитъ тогда мірскіе сборы именно за то количество земли, какимъ онъ въ дѣйствительности владѣетъ, хотя бы земля эта была и внѣнадѣльная (Указъ сената 1887 г. № 4462, соч. Горемыкина, стр. 469, къ ст. 181 Общ. Полож.).

Для этого необходимо было бы произвести предварительную кадастровую работу и составить списки земель частно-владѣльческихъ по волостямъ и селеніямъ съ указаніемъ количества десятинъ каждаго отдѣльнаго владѣнія, и передать списки подлежащимъ обществамъ и волостямъ. Когда объектъ обложенія приведенъ будетъ въ точную извѣстность, представится необходимость нѣсколько видоизмѣнить самый порядокъ раскладокъ мірскихъ сборовъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, ассигновки на мірскія потребности производятся сходомъ волостнымъ или сельскимъ одновременно съ раскладкой всѣхъ сборовъ при составленіи раскладочныхъ приговоровъ. Съ привлеченіемъ къ платежу мірскихъ сборовъ земель частно-владѣльческихъ, очевидно, такой порядокъ уже не примѣнимъ, и ассигновки на мірскія потребности должны быть назначены ранѣе производства раскладокъ, ибо мірскіе сборы тогда должны быть подвергаемы, такъ сказать, двойной разверсткѣ: сначала по-десятинно съ общаго количества земель надѣльныхъ и частно-владѣльческихъ, а затѣмъ уже подушно та часть расходовъ, которая падаетъ на данный надѣлъ по количеству его десятинъ. Въ сущности новый пріемъ раскладокъ нисколько не усложнялъ бы нынѣ дѣйствующей системы; онъ единственно лишь требовалъ бы предварительныхъ ассигновокъ на мірскія потребности. Такимъ образомъ, если общее количество площади земли данной волости или селенія, подлежащей обложенію, равно, положимъ, 1,000 десятинамъ при 200 десят. надѣла, а общая сумма мірскихъ потребностей выразится въ цифрѣ, скажемъ, 500 р., то предварительно необходимо распредѣлить эти 500 руб. равномѣрно по-десятинно между частными владѣльцами и надѣломъ и затѣмъ уже производить раскладку сборовъ, падающихъ спеціально на надѣлъ. Такъ какъ въ данномъ примѣрѣ на каждую десятину земли падаетъ 50 к. мірского сбора, то на долю надѣльной земли упадаетъ лишь 100 р. мірскихъ сборовъ; остальные же 400 р. уплачиваютъ частные владѣльцы. Дальнѣйшее распредѣленіе этихъ 100 руб. мірскихъ сборовъ—уже дѣло схода, будетъ ли распредѣлять ихъ сходъ по ревизскимъ душамъ, или по наличнымъ, или

какъ иначе. Подобная разверстка должна бы повторяться по отдѣльности какъ съ волостными сборами, такъ и съ сельскими.

Частный владѣлецъ связанъ съ даннымъ обществомъ или волостью по платежу мірскихъ сборовъ лишь территоріально: онъ не входитъ въ составъ общины и общества, онъ не связанъ съ ними круговою порукой и является самостоятельною платежною единицей, отвѣчаетъ за себя лишь собственнымъ имуществомъ. Поэтому для частныхъ владѣльцевъ необходимъ былъ бы особый порядокъ извѣщенія о разверсткѣ сборовъ и особый порядокъ взысканія ихъ. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что мірскіе волостные и сельскіе сборы отличаются среди остальныхъ поземельныхъ сборовъ наибольшею исправностью поступленія. Оно и понятно, если припомнить, что сборы эти поступаютъ частью на удовлетвоніе содержанія самихъ сборщиковъ податей, частью на видимыя и понятныя для всѣхъ плательщиковъ, такъ сказать, осязаемыя общественныя потребности; мірскіе сборы слишкомъ примитивны и въ то же время слишкомъ важны съ обще-государственной точки зрѣнія, чтобы допускать малѣйшую неисправность ихъ поступленія; безъ нихъ не въ состояніи функціонировать ни одна волость, ни одно сельское общество. Если государство, земство или городъ болѣе или менѣе способны мириться съ неисправностью окладныхъ поступленій, отъ времени до времени слагая даже недоимки со счетовъ, то возможность эту предоставляетъ имъ характеръ ихъ бюджета, составляющій совокупность разнородныхъ налоговъ, поражающихъ самые разнообразные объекты обложенія: недоимки терпимы въ большей или меньшей степени соотвѣтственно большимъ или меньшимъ размѣрамъ общаго бюджета. Совсѣмъ не то въ мірскихъ сборахъ: тамъ единственный рессурсъ, единственное поступленіе—поземельный сборъ. Всѣ мірскія ассигновки животрепещущи и не терпятъ отлагательства; нельзя прекратить выдачу жалованья писарю, сотскому, пастуху; нельзя не страховать волостного правленія, нельзя его не топить, нельзя не кормить волостныхъ лошадей и прочее. Съ другой стороны, въ волости, а тѣмъ менѣе въ сельскомъ обществѣ нѣтъ свободныхъ капиталовъ, нѣтъ свободнаго кредита, гдѣ оно могло бы временно почерпнуть средства для удовлетворенія своихъ насущнѣйшихъ нуждъ. Единственнымъ исходомъ является предпочтительное передъ всѣми другими сборами погашеніе окладовъ мірскихъ платежей. Не слѣдуетъ однако забывать, что сельское общество—всесильное по отношенію къ участникамъ надѣла—явится совершенно безсильнымъ относительно частныхъ владѣльцевъ, ибо оно лишено всякой понудительной власти надъ ними. Необходимо было бы поэтому установить особый порядокъ взысканія мірскихъ сборовъ съ частныхъ землевладѣльцевъ предпочтительно передъ всѣми другими сборами. Контроль за исправнымъ поступленіемъ мірскихъ сборовъ возможно было бы возложить на податныхъ инспекторовъ, обязавши полицейскую власть представленіемъ періодическихъ отчетовъ о поступленіи сихъ сборовъ. Понудитель-

ною инстанцiей явится такимъ образомъ податной инспекторъ, а по его представленiямъ и губернская власть.

Въ подтвержденiе основательности нашихъ опасенiй относительно недостаточно исправнаго поступленiя мiрскихъ сборовъ въ случаѣ привлеченiя къ платежу земель частно-владѣльческихъ, любопытно отмѣтить поступленiе сословныхъ сборовъ по той же губернiи. Такъ при окладѣ мiрскихъ сборовъ 1.434,000 рублей къ 1 января 1894 года состояло недоимокъ сихъ сборовъ 31,833 рубля и къ 1 января 1895 года—38,097 рублей. При окладѣ дворянскихъ сборовъ въ 50,514 р. состояло недоимки этихъ сборовъ къ 1 января 1894 года—77,358 рублей и къ 1 января 1895 г. 91,601 руб. (!).

При дѣйствующей организацiи мiрскихъ сборовъ существуетъ одинъ, правда, немногочисленный разрядъ плательщиковъ, который можетъ служить укоромъ всѣмъ состоятельнымъ сельскимъ жителямъ, освобожденнымъ отъ платежа мiрскихъ налоговъ: это—лица приписанныя къ волости безъ права пользованiя земельнымъ надѣломъ; безземельный сельскiй пролетарiатъ, въ большинствѣ случаевъ занимающiйся какимъ-либо мастерствомъ: кузнецы, сапожники, портные и проч., привлекаются къ платежу мiрскихъ сборовъ и съ теоретической точки зрѣнiя привлекаются вполнѣ правильно, еслибы только для этихъ, по большей части малосостоятельныхъ, плательщиковъ былъ установленъ извѣстный existenz—minimum. Какое же однако существенное различiе съ податной точки зрѣнiя можно указать между этими лицами и другой категорiей сельскихъ жителей—частными землевладѣльцами?—услугами волостнаго и сельскаго начальства они пользуются нисколько не болѣе землевладѣльцевъ; исправленiе дорогъ, мостовъ и перевозовъ и постановка вѣхъ интересуетъ ихъ настолько же, какъ и сосѣднихъ помѣщиковъ; какую исключительную пользу могутъ извлечь они отъ содержанiя полицейскихъ урядниковъ, квартиръ для прiема чиновниковъ, лошадей при этапныхъ пунктахъ, присяжныхъ засѣдателей и земскихъ гласныхъ, помѣщенiя для воинскихъ присутствiй, разсыльнаго при становой квартирѣ и проч. и проч.? Во всѣхъ этихъ расходахъ они заинтересованы лишь съ обще-гражданской точки зрѣнiя. Но въ такомъ случаѣ нѣтъ основанiй освобождать отъ уплаты этихъ налоговъ и другую категорiю сельскихъ гражданъ, имѣющихъ преимущество передъ первыми по своей умственной обезпеченности.

Привлеченiемъ къ платежу мiрскихъ сборовъ частныхъ землевладѣльцевъ открывается этимъ послѣднимъ доступъ къ контролю мiрского сельскаго и волостного бюджета; будутъ ли эти новые плательщики допущены до непосредственнаго участiя въ мiрскихъ ассигновкахъ и раскладкахъ, или участiе ихъ будетъ ограничено правомъ обжалованiя общественныхъ раскладочныхъ приговоровъ, во всякомъ случаѣ гарантирована будетъ гораздо большая правильность мiрского обложенiя, расходованiя, учета и храненiя мiрскихъ суммъ сравнительно съ настоящимъ положенiемъ дѣла: участiе въ контролѣ общественныхъ суммъ со стороны грамотныхъ, а тѣмъ

болѣе интеллигентныхъ плательщиковъ, непосредственно заинтересованныхъ въ правильности мірскихъ раскладокъ, безъ сомнѣнія дастъ лучшіе результаты, нежели самый бдительный правительственный надзоръ и правительственная опека. Хроническіе растраты и недочеты мірскихъ суммъ, давшіе столь пышный расцвѣтъ на почвѣ малограмотныхъ сборщиковъ податей и косности учетчиковъ, разумѣется, сведены будутъ до minimum'а при участіи и при содѣйствіи интеллигентныхъ плательщиковъ. Безслѣдно должны исчезнуть изъ мірского бюджета статьи расхода увеселительнаго характера, въ большинствѣ случаевъ замаскированныя вымышленною затратой, рѣже обозначенныя точно и опредѣленно: пропито общественныхъ денегъ при такомъ-то случаѣ столько-то.

Плутоватому сборщику не легко будетъ сбить съ толку прошлогодними квитанціями и расписками грамотнаго плательщика, привыкшаго къ различнымъ хозяйственнымъ записямъ и счетамъ. Сельскій и волостной писарь сбавитъ свой импонирующій тонъ и рачительнѣе поведетъ счетоводство подъ надзоромъ плательщиковъ, занимающихъ въ обществѣ независимое положеніе землевладѣльцевъ.

Таковъ вѣрнѣйшій путь къ упорядоченію сельскаго податного счетоводства.

А.

Французская децентрализація.

I.

Вопросы централизаціи и децентрализаціи правительственной дѣятельности настолько же стары, насколько стара сама государственная жизнь; въ то же время это и вѣчно юные, неисчерпаемые вопросы, на которые, повидимому, вовсе не можетъ быть дано одного опредѣленнаго отвѣта, одинаково пригоднаго для всѣхъ эпохъ и народовъ. Исторія и современная жизнь европейскихъ государствъ даютъ намъ убѣдительныя доказательства того, что не только въ государствахъ незначительной политической культуры, но и на высшихъ ступеняхъ этой культуры вопросы о централизаціи и децентрализаціи государственной дѣятельности одинаково остаются вопросами далеко еще не рѣшенными. Та же жизнь европейскихъ государствъ даетъ намъ картину постоянной борьбы началъ того и другого рода, обнаруживая постоянныя колебанія отъ одного начала къ другому, многократную смѣну централизаціи децентрализаціей и наоборотъ. Все это объясняется, конечно, тѣмъ, что централизація и децентрализація государственной дѣятельности—понятія не узко-административныя, что господство того или другого начала существенно затрогиваетъ отношенія высшаго и болѣе общаго порядка. Общество и государство, свобода и порядокъ, разнообразіе и единство—вотъ тѣ высшія начала, которыя незримо, но могущественно обнаруживаютъ свое вліяніе на то или другое рѣшеніе вопросовъ о децентрализаціи или централизаціи государственной дѣятельности.

Замѣчательный образчикъ въ данномъ отношеніи представляетъ намъ Франція, гдѣ на ряду съ политической свободой господствуетъ начало административной централизаціи, гдѣ до нашихъ дней, несмотря на всѣ успѣхи конституціонализма, ведется дѣятельная, но все еще мало успѣшная пропаганда идей о мѣстной автономіи, о сокращеніи регламентирующей мѣстную жизнь правительственной дѣятельности, объ ослабленіи централизаціонныхъ путъ и о созданіи мѣстнаго децентрализованнаго управленія.

Мѣстныя общественныя учрежденія мы находимъ во Франціи въ самыя

отдаленныя эпохи. Не будучи органами самоуправленія въ истинномъ смыслѣ этого слова, они существуютъ въ теченіе вѣковъ какъ учрежденія sui generis, возвышаясь иногда до полной политической самостоятельности, иногда же упадая до роли покорныхъ слугъ правительства, смиренныхъ исполнителей его повелѣній, иногда, наконецъ, совершенно исчезая съ горизонта политической жизни, чтобы впослѣдствіи снова всплыть въ прежнемъ или измѣненномъ видѣ.

Еще въ эпоху меровинговъ въ каждой провинціи существовали совѣты епископовъ и грандовъ, смѣнившіеся позднѣе совѣтами феодаловъ, дѣйствовавшими въ каждой большой сеніоріи. Въ XIII и XIV столѣтіяхъ появляются генеральные и провинціальные чины; послѣдніе собирались, какъ извѣстно, въ округахъ или сенешальствахъ по повелѣнію королей и состояли изъ нотаблей трехъ сословій. Главнымъ предметомъ ихъ занятій было первоначально назначеніе субсидій правительству, взамѣнъ чего они получали разныя льготы въ области мѣстнаго управленія. Съ половины XIV вѣка они превращаются въ болѣе или менѣе постоянныя учрежденія и созываются всякій разъ, какъ того требуютъ обстоятельства. Въ періодъ абсолютизма провинціальныя собранія постепенно клонятся къ упадку и лишь нѣкоторыя изъ нихъ доживаютъ до конца XVIII вѣка.

Тѣ провинціи, въ которыхъ существовали и въ эпоху абсолютизма провинціальныя собранія, назывались pays d'États (земли штатовъ) и характеризовались тремя главными чертами: собственнымъ представительствомъ, правомъ соглашаться или не соглашаться на взиманіе налоговъ, равно какъ и правомъ ихъ распредѣленія, наконецъ—особенною администраціей. Организація провинціальныхъ собраній носила, однако, строго сословный характеръ, причемъ представители духовной и свѣтской аристократіи всегда играли болѣе выдающуюся и господствующую роль, нежели представители третьяго сословія, за исключеніемъ провинціи Лангедокъ, гдѣ обсужденіе вопросовъ и вотированіе налоговъ происходило въ общемъ собраніи трехъ сословій и преобладаніе было на сторонѣ третьяго сословія. Однако и въ другихъ провинціяхъ были созданы нѣкоторыя гарантіи, ограждавшія права и интересы лицъ, подлежавшихъ обложенію налогами. Собранія не только вотировали субсидіи и распредѣленіе налоговъ, но завѣдывали и многими предметами внутренняго управленія. Въ качествѣ органовъ контроля за исполненіемъ рѣшеній провинціальныхъ собраній фигурировали особые выборные комитеты, носившіе различныя названія. Члены этихъ комитетовъ, или коммиссары, были активными администраторами, заботившимися обо всемъ, что составляло интересъ провинцій; помимо ихъ, функціонировала масса другихъ выборныхъ лицъ и по спеціальнымъ вѣтвямъ администраціи и, наконецъ, на ряду со всѣми этими выборными общественными органами, дѣйствовали правительственные чиновники, между которыми наибольшимъ вліяніемъ пользовались, конечно, интенданты, представлявшіе власть, по преимуществу, полицейскую и осуществлявшіе контроль какъ за исполненіемъ королевскихъ ордонансовъ, такъ и за адми-

нистраціей вообще *). Такимъ образомъ, нѣкоторыя провинціи и въ періодъ абсолютизма, — по крайней мѣрѣ до XVI вѣка и въ особенности до Ришелье, — пользовались довольно широкою мѣстною автономіей; но власть мѣстнаго управленія во многихъ другихъ провинціяхъ и въ предшествовавшее время сосредоточивалась всецѣло въ рукахъ интендантовъ и ихъ помощниковъ, возвышенію которыхъ весьма много способствовалъ именно Ришелье. Вся дѣятельность этихъ правительственныхъ чиновниковъ, въ особенности въ отношеніи взиманія налоговъ, покоилась на ихъ личномъ произволѣ, и ихъ злоупотребленія вызывали многочисленныя жалобы.

Со времени Ришелье начинается постепенный упадокъ провинціальныхъ собраній и тамъ, гдѣ они еще существовали; они собираются лишь по королевскимъ ордонансамъ; главнѣйшія ихъ постановленія утверждаются королевскимъ совѣтомъ; выборы сосредоточиваются въ рукахъ привилегированныхъ лицъ; вмѣсто третьяго сословія въ собраніяхъ засѣдаютъ муниципальные чиновники, покупавшіе свои должности за деньги; субсидіи, о которыхъ правительство прежняго времени просило, дѣлаются вынужденными; интенданты произвольно хозяйничаютъ въ народной жизни и постепенно устраняютъ дѣятельность постоянныхъ выборныхъ комитетовъ. Таково было въ царствованіе Людовика XIV положеніе провинцій, имѣвшихъ свои собранія. Еще хуже было тамъ, гдѣ не существовало вовсе никакихъ мѣстныхъ собраній, слѣдовательно, въ огромномъ большинствѣ провинцій.

Тѣ немногія провинціальныя собранія, которыя, какъ замѣчено выше, еще кое-гдѣ существовали и выражали еще до нѣкоторой степени идею децентрализаціи и участія общества въ дѣлахъ государства, были уже послѣдними остатками старинныхъ мѣстныхъ свободъ, возникшихъ еще въ тѣ времена, когда абсолютная власть не успѣла достигнуть высшей формы своего развитія. Эти старинныя формы мѣстной автономіи соотвѣтствовали старому сословному строенію самого общества; при дальнѣйшемъ прогрессѣ государственной и общественной жизни эти формы должны были исчезнуть, уступивъ мѣсто другимъ, новымъ формамъ, въ которыхъ выразилась какъ идея децентрализаціи, такъ и характеръ новыхъ общественныхъ отношеній.

Уже въ концѣ царствованія Людовика XVIII все настоятельнѣе стала пробиваться — по крайней мѣрѣ, въ умахъ лучшихъ и наиболѣе просвѣщенныхъ людей того времени—мысль о необходимости новыхъ формъ политической и административной жизни; стало очевиднымъ, что страна, истощенная дѣятельностью интендантовъ, доходитъ до полной степени изнеможенія и что при такихъ условіяхъ дѣлается невозможнымъ дальнѣйшій прогрессъ ни въ хозяйственномъ, ни въ политическомъ отношеніи. Результатомъ сознанія такой печальной истины являются довольно много-

*) *Le vicomte de Luçay*: „Les assemblées provinciales sous Louis XVI", 1871, p. 112, 122 и друг. *M. E. Flayelle*: „Conseils généraux de département", 1884, p. 10 и слѣд. *H. de Ferron*: „Institutions municipales et provinciales comparées", 1884 p. 12—13.

численные планы и проекты реформъ мѣстной автономной дѣятельности. Таковы проекты Вобана, Сенъ-Симона, герцога де-Шеврёза, Фенелона, Мирабо и другихъ. Замѣчательно, однако, что во всѣхъ этихъ проектахъ, въ сущности, имѣется въ виду возвращеніе къ старымъ формамъ сословной автономіи, приспособленіе этихъ формъ къ новымъ назрѣвшимъ потребностямъ въ духѣ большей свободы, равноправности и децентрализаціи. Но уже Тюрго, Трознъ, въ особенности Некеръ, Калоннъ и другіе проводятъ въ своихъ проектахъ новыя идеи, порывая связь съ прошлымъ, игнорируя сословія и выдвигая на видное мѣсто особую аристократію—богатства. Въ то же время во многихъ проектахъ проглядываетъ стремленіе поставить мѣстную автономную организацію въ связь съ организаціей политической. На ряду съ идеями о разнаго рода мѣстныхъ собраніяхъ и совѣтахъ, въ проектахъ пробивается мысль о новомъ политическомъ устройствѣ общества, о новыхъ политическихъ учрежденіяхъ. Такъ, Фенелонъ говоритъ объ États généraux, Тюрго — о grande municipalité, Трознъ — о conseil national. Всѣ эти проекты не получили, однако, никакого осуществленія; идея, хорошо усвоенная просвѣщенными умами Франціи, проникшая въ значительной степени и въ самое общество, все еще не понималась правительствомъ, видѣвшимъ въ образованіи органовъ мѣстной автономіи умаленіе своихъ правъ и опасность для своей власти. Только Некеру удалось коечего достигнуть путемъ различныхъ компромиссовъ. Въ представленномъ Людовику XVI мемуарѣ, въ 1778 году, онъ разъяснялъ правительству основательность многочисленныхъ жалобъ на недостатки управленія; съ другой стороны онъ предлагалъ средства къ устраненію этихъ недостатковъ путемъ образованія, на основаніи комбинированнаго сословнаго и имущественнаго ценза, провинціальныхъ собраній или коммиссій, долженствовавшихъ заботиться о правильномъ распредѣленіи налоговъ и удовлетвореніи всѣхъ вообще потребностей мѣстной общественной жизни, за исключеніемъ полиціи, которая по-прежнему оставалась въ рукахъ интендантовъ. Только путемъ такихъ осторожныхъ предложеній, не слишкомъ затрогивавшихъ правительственную власть и не порывавшихъ связи съ прошлымъ, и можно было кое-чего достигнуть. Людовикъ XVI, внимательно изучавшій проектъ Некера, наконецъ согласился на его осуществленіе, но на первый разъ лишь въ отношеніи только двухъ провинцій, гдѣ и были образованы провинціальныя собранія и постоянные ихъ комитеты. Несмотря на всю скромность этой первой попытки децентрализовать мѣстное управленіе, сосредоточивши его въ рукахъ мѣстнаго общества, она вызвала сильное неудовольствіе въ рядахъ бюрократіи и цѣлую бурю негодованія со стороны интендантовъ, власть которыхъ въ названныхъ мѣстностяхъ дѣйствительно въ довольно значительной мѣрѣ ограничивалась. Дѣло кончилось отставкой Некера, а образованныя собранія, хотя и продолжали существовать, подчинились въ своей дѣятельности интендантамъ.

Такимъ образомъ реакція вновь восторжествовала, но Франція была уже наканунѣ великихъ событій. Идеи прогресса, общественной свободы,

децентрализаціи правительственной дѣятельности не могли уже быть остановлены въ своемъ развитіи. Старый порядокъ отжилъ свой вѣкъ и ни что уже не было въ силахъ продлить надолго его дряхлое существованіе. Уже созваніе нотаблей измѣнило положеніе дѣлъ къ лучшему; по крайней мѣрѣ, необходимость мѣстной реформы стала провозглашаться самимъ правительствомъ, какъ лучшее средство предотвратить бѣдствія, грозившія государству. Проектъ, представленный министромъ Калонномъ не получилъ, однако, осуществленія, такъ какъ встрѣтилъ сильную оппозицію среди нотаблей, не желавшихъ смѣшенія сословій и требовавшихъ, чтобъ дворянскому и духовному сословіямъ было отведено мѣсто, соотвѣтствующее ихъ значенію. Въ этомъ замѣчательнымъ образомъ проявилась близорукость французской аристократіи, ничего не желавшей видѣть дальше своихъ узкихъ сословныхъ интересовъ. Смѣнившій Калонна министръ Лоранъ де-Вилледейль, исправивши проектъ въ смыслѣ требованій нотаблей, способствовалъ, такимъ образомъ, изданію эдикта о провинціальныхъ собраніяхъ, 15 мая 1787 года, на основаніи котораго послѣднія вводились во всѣхъ провинціяхъ государства. Въ общемъ это было возстановленіе старыхъ провинціальныхъ собраній, хотя принципіально власть интендантовъ значительно суживалась. Декларація 23 іюня 1789 года, предлагавшая нѣсколько иную организацію провинціальныхъ собраній и расширявшая степень ихъ власти и компетенціи *), не получила уже осуществленія въ виду наступившихъ событій, радикально измѣнившихъ положеніе дѣлъ.

Для мирнаго проведенія реформы мѣстнаго управленія было слишкомъ мало благопріятныхъ условій въ общей политической и соціальной жизни Франціи. Изнѣженные французскіе короли, ослѣпленные блескомъ своего могущества, слишкомъ мало вникали въ народныя нужды, предоставляя послѣднія деспотизму своихъ интендантовъ и заботясь лишь о томъ, чтобы не оскудѣвала государственная казна. Высшее дворянство, потерявшее уже свою прежнюю власть и самостоятельность, все же пользовалось еще настолько большими привилегіями, что стояло за сохраненіе существовавшаго порядка вещей, добиваясь лишь упроченія своего привилегированнаго положенія. Такимъ образомъ, ни въ правительствѣ, ни въ высшей аристократіи государства не было яснаго сознанія о ненормальности существовавшей политической и административной организаціи, о необходимости послѣдовать совѣтамъ нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ, благоразумныхъ и дальновидныхъ людей. Роль осуществленія реформы выпала на долю третьяго сословія, а средствомъ для этого была французская революція, показавшая правительству Франціи, что народное развитіе нельзя остановить по произволу.

Французская революція разомъ разсѣкла гордіевъ узелъ, уничтоживши въ одинъ день всѣ сословія и сословныя привилегіи, а въ томъ числѣ и при-

*) *J. Marie*: „De l'administration départementale". 1882. I, 16—18.

вилегіи въ сферѣ мѣстнаго управленія. Связь съ прошедшимъ была какъ бы порвана. На государственное поприще выступили новые люди, провозгласившіе новыя идеи; послѣднія требовали своего осуществленія; ими должны были проникнуться новые государственные органы. Работа предстояла не легкая, требовавшая энергіи и значительныхъ усилій, тѣмъ болѣе, что она должна была совершаться при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, когда вся страна находилась какъ бы въ горячечномъ состояніи.

Ознакомляясь послѣдовательно съ политическими и административными мѣропріятіями революціоннаго періода, мы убѣждаемся, какъ трудно было примирить въ это время требованія порядка и свободы, какъ несовмѣстимыми стали казаться мѣстная автономія и новыя формы государственнаго устройства. Правда, первое время имѣлось въ виду дѣйствовать въ прежнемъ направленіи, т.-е. стремиться къ децентрализаціи, къ развитію мѣстной автономіи, созидая ее, въ противоположность прежнему времени, на началахъ равноправности всѣхъ гражданъ. Проектъ муниципальной и провинціальной организаціи, разработанный депутатомъ Туре и представленный въ учредительное собраніе отъ имени комитета конституціи (Comité de constitution), подвергся строгой критикѣ, въ особенности потому, что сохранялъ централизацію и лишалъ мѣстные выборные органы дѣйствительнаго значенія. Мирабо сынъ, де Бенжи, Пизонъ дю-Галланъ, Ланжуине, Популюсъ и другіе депутаты содѣйствовали изданію закона 22 декабря 1789 года въ духѣ децентрализаціи. Въ образованныхъ, взамѣнъ провинцій, департаментахъ были учреждены выборные совѣты и правленія; активное и пассивное право выборовъ распространено было на всѣхъ французскихъ гражданъ двадцатипятилѣтняго возраста, жительствовавшихъ въ департаментѣ и уплачивавшихъ налоги не ниже стоимости трехъ рабочихъ дней для пользованія активнымъ правомъ выбора и не ниже стоимости десяти рабочихъ дней для пользованія пассивнымъ правомъ. Департаментскіе совѣты должны были избирать депутатовъ въ національное собраніе; такимъ образомъ установлялась связь между политическою и мѣстно-автономною административною организаціей. Дѣятельность вновь образованныхъ мѣстныхъ общественныхъ органовъ должна была простираться на всѣ вопросы и интересы мѣстной общественной жизни, находясь подъ контролемъ королевской власти. Весьма существеннымъ нововведеніемъ было и образованіе постоянно дѣйствующаго исполнительнаго органа подъ именемъ правленія департамента (Directoire de départament), для проведенія въ жизнь постановленій совѣта и удовлетворенія общественныхъ нуждъ и потребностей въ промежутки между сессіями совѣта. Подобнаго же рода общественныя учрежденія образованы были въ дистриктахъ департаментовъ.

Но созданные закономъ 22 декабря 1789 года общественные органы были недолговѣчны, какъ и большинство учрежденій революціоннаго періода. Идеи Ж.-Ж. Руссо, выдвинувшаго понятіе о народномъ суверенитетѣ,

быстро овладѣли умами господствовавшихъ партій. Отсюда вскорѣ пришли къ тому, на первый взглядъ совершенно правильному выводу, что разъ во главѣ общества стоятъ его собственные представители, разъ руководительство труднымъ дѣломъ государственнаго управленія находится въ надежныхъ рукахъ избранниковъ сувереннаго народа, то нѣтъ ни малѣйшей надобности развивать систему еще особыхъ автономныхъ мѣстныхъ органовъ; казалось, что такимъ путемъ были бы созданы два однородныхъ органа и что мѣстные органы и мѣстныя свободы были необходимы лишь тогда, когда требовалось ограничить власть деспотическаго правительства *). Подобнаго рода воззрѣнія должны были привести къ ослабленію децентрализаціи и значенія мѣстныхъ автономныхъ органовъ. И дѣйствительно, уже конституція 5 фруктидора III года (22 августа 1795 г.) замѣнила прежніе совѣты небольшими коллегіями изъ пяти членовъ, хотя и избиравшихся мѣстными жителями, но вполнѣ подчиненныхъ правительственнымъ коммиссарамъ. По конституціи 22 фримера VIII года назначеніе всѣхъ членовъ мѣстной администраціи было предоставлено первому консулу, а законъ 28 плювіоза VIII года еще болѣе усилилъ централизацію управленія. Законъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ является, можно сказать, основнымъ закономъ и для нынѣ дѣйствующихъ органовъ общественнаго управленія во Франціи; позднѣйшія узаконенія лишь въ незначительной степени измѣнили основной характеръ созданныхъ вышеприведеннымъ закономъ мѣстныхъ органовъ. Общіе департаментскіе совѣты, окружные и муниципальные совѣты, какъ показываетъ и самое названіе, были лишь совѣщательными органами при префектахъ, субпрефектахъ и мэрахъ; члены совѣтовъ не были даже и выборными, но назначались первымъ консуломъ, а потомъ императоромъ (декр. 17 янв. 1806 г.). Въ область компетенціи совѣтовъ входило, главнымъ образомъ, распредѣленіе налоговъ, хотя, какъ сказано, совѣты были только совѣщательными учрежденіями и не пользовались никакою самостоятельностью **).

Дѣло революціи было, такимъ образомъ, по преимуществу дѣломъ разрушенія стараго, отжившаго; для созданія чего-либо положительнаго условія государственной жизни были слишкомъ ненормальны. Попытки установить управленіе на началахъ равенства и свободы привели къ полнѣйшей централизаціи; королевскій абсолютизмъ замѣнился абсолютизмомъ революціоннаго правительства, перешедшимъ затѣмъ въ абсолютизмъ Наполеона I. Таковы были видимые, непосредственные результаты революціи. Реставрація удержала этотъ порядокъ вещей; но лишь только улеглись страсти и утихла революціонная междоусобица, вновь началась борьба противоположныхъ теченій; борьба, однако, мирная—въ парламентахъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ, борьба идей, прогресса и застоя.

*) *de-Ferron*: „Institutions", p. 69.

**) *Flayelle*: „Conseils généraux", p. 34; *Marie*: „De l'administration départementale". p. 19—37; *De Ferron*: „Institutions", p. 83.

Разумѣлось само собою, что революція, стоившая такъ много крови, была не затѣмъ, чтобы разрушивши строй жизни, основанный на неравенствѣ общественныхъ классовъ и деспотизмѣ правительства, снова его возстановить. Съ другой стороны, представители старыхъ началъ жизни, лишившіеся, благодаря революціи, многихъ существенныхъ выгодъ, разсчитывали воспользоваться наступившею реакціей, полагая возможнымъ возстановленіе своего прежняго привилегированнаго положенія. Такимъ образомъ, децентрализаціонную работу приходилось начинать снова. Опять мы встрѣчаемся съ цѣлою серіей проектовъ реорганизаціи мѣстныхъ учрежденій: таковы проекты—Ройе-Колляра, де-Виллеля, Мартиньяка и друг., но всѣ они потерпѣли неудачу, и только проектъ, представленный министромъ внутреннихъ дѣлъ д'Аргу получилъ силу закона 22 іюня 1833 года. Существенное въ этомъ законѣ было лишь то, что вновь была введена система избранія членовъ мѣстныхъ совѣтовъ, но послѣдніе все же продолжали быть лишь совѣщательными органами. Революція 1848 года снова дала перевѣсъ либеральнымъ стремленіямъ и проектамъ. Законъ 3 іюля 1848 года ввелъ всеобщую подачу голосовъ, какъ основаніе для избранія членовъ генеральныхъ совѣтовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширилъ ихъ компетенцію, давши имъ право постановлять окончательныя рѣшенія по нѣкоторымъ вопросамъ мѣстнаго управленія. Депутатъ Радо предлагалъ возложить заботу о мѣстныхъ общественныхъ интересахъ исключительно на автономные общественные органы, оставивши за органами правительственными лишь функціи общегосударственнаго характера.

Правительство второй имперіи хотя и стремилось вновь упразднить тѣ немногія начала децентрализаціи, которыя успѣли развиться со времени революціи 1848 года, но оно не могло уже пойти въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко; оно принуждено было сдѣлать даже нѣкоторыя уступки этимъ началамъ, хотя не столько въ пользу мѣстныхъ общественныхъ органовъ, сколько въ пользу префектовъ. Послѣдніе по-прежнему оставались вершителями судебъ мѣстной общественной жизни.

Для того, чтобы дѣло высвобожденія мѣстнаго общества отъ административной опеки правительства могло сколько-нибудь двигаться впередъ, необходима была, конечно, иниціатива со стороны самого общества, въ лицѣ лучшихъ и наиболѣе просвѣщенныхъ его представителей. И дѣйствительно, уже въ шестидесятыхъ годахъ идея децентрализаціи поддерживалась многими выдающимися людьми Франціи, каковы: герцогъ Брольи, Монталамберъ, Казиміръ Перье, Лабуле, Леонсъ де-Лавернь, Ж. Симонъ, Гарнье Паже и многіе другіе. Почти всѣ изъ указанныхъ защитниковъ децентрализаціи были людьми научно образованными, развивавшими свои идеи въ научныхъ трудахъ *). Идея децентрализаціи находила массу приверженцевъ и среди журналистовъ; появились періодическія изданія, посвященныя спеціально вопросамъ децентрализаціи. Въ Ліонѣ образовался

*) *Аисос:* „Les controverses sur la décentralisation administrative". 1895, p. 44.

особый конгрессъ децентрализаціи, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ и при дѣятельномъ участіи провинціальной прессы, на которомъ обсуждались и дебатировались вопросы административной децентрализаціи на-ряду съ другими вопросами гражданской свободы. 21 февраля 1870 года правительство образовало особую коммиссію для разработки вопроса о децентрализаціи; въ составъ ея вошли: сенаторы, депутаты, мэры большихъ городовъ, члены государственнаго совѣта, ученые и другіе. Предсѣдательство было возложено на Одиллона Барро. Работы этой коммиссіи были прерваны революціей 4 сентября 1870 года, хотя она и успѣла уже разсмотрѣть нѣсколько проектовъ, представленныхъ затѣмъ въ національное собраніе. Опытъ показалъ, что въ послѣ-революціонный періодъ умы бываютъ настроены не столько въ пользу свободы, сколько въ пользу порядка и сильной власти. Хотя имперія была вновь замѣнена республикой, прежняя централизація государственной дѣятельности не была устранена, и префекты, будучи орудіями въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ, по-прежнему сосредоточивали въ своихъ рукахъ всѣ нити мѣстнаго управленія. Національное собраніе не имѣло мужества создать мѣстные автономные органы, и реформа генеральныхъ совѣтовъ является поэтому чѣмъ-то не вполнѣ законченнымъ. Однако, какъ организація, такъ и дѣятельность мѣстныхъ совѣтовъ въ томъ видѣ, какъ они были опредѣлены закономъ 10 августа 1871 года, все же, сравнительно съ прежними порядками, представляютъ нѣкоторыя черты прогресса въ смыслѣ децентрализаціи.

Всѣ общественные классы, въ отношеніи участія въ завѣдываніи мѣстными общественными интересами, поставлены, на основаніи вышеупомянутаго закона, въ одинаковыя условія, и система, при посредствѣ которой это участіе проявляется въ дѣйствительности, есть система всеобщей подачи голосовъ, впервые примѣненная къ мѣстному управленію еще въ 1848 году. Функціонирующій въ каждомъ департаментѣ (губерніи) генеральный совѣтъ заключаетъ въ своемъ составѣ столько совѣтниковъ (гласныхъ), сколько въ департаментѣ кантоновъ (судебныхъ участковъ). Всѣ французскіе граждане, достигнувшіе 21 года, пользующіеся гражданскими и политическими правами и жительствующіе отъ одного до двухъ лѣтъ въ общинѣ, пользуются избирательными правами. Для пользованія пассивнымъ правомъ выбора, законъ установляетъ, однако, двадцатипятилѣтній возрастъ и заботливо устраняетъ всѣхъ тѣхъ, кто могъ бы оказывать то или другое давленіе на дѣятельность совѣтовъ; сюда относятся многочисленные разряды разнаго рода лицъ, состоящихъ на правительственной службѣ. Срокъ полномочія гласныхъ—шестилѣтній, причемъ черезъ каждые три года половина возобновляется; ежегодно собирается двѣ очередныхъ сессіи, изъ которыхъ одна—осенняя—посвящается, по преимуществу, вопросамъ бюджета и отчетности. Чрезвычайныя собранія созываются или по иниціативѣ правительства, или по требованію $^2/_3$ гласныхъ; сессіи продолжаются не болѣе мѣсяца; засѣданія ихъ публичны; для ихъ законности требуется присутствіе болѣе половины всего числа гласныхъ. Че-

тверть-вѣковой опытъ показалъ, что наиболѣе видную роль въ совѣтахъ играютъ представители, такъ называемыхъ, свободныхъ профессій—науки, литературы, искусства, техническихъ знаній, правосудія, администраціи; менѣе видную—представители недвижимой собственности, торговли, промышленности, и совсѣмъ незначительная роль выпадаетъ на долю представителей земледѣльческаго класса.

Такимъ образомъ, современная организація земскихъ учрежденій во Франціи, несмотря на нѣкоторые недостатки, далеко оставила за собою прежніе мало удовлетворительные образцы. То же надо сказать и относительно самой дѣятельности общественныхъ органовъ, относительно степени ихъ власти и круга тѣхъ задачъ, которыя ввѣрены ихъ самостоятельному разрѣшенію. Не останавливаясь подробно на предметахъ дѣятельности генеральныхъ совѣтовъ, мы укажемъ только на тѣ, въ рѣшеніи которыхъ совѣты являются вполнѣ самостоятельными и независимыми отъ правительственной администраціи. Распредѣленіе прямыхъ налоговъ, установленіе мѣстныхъ добавочныхъ налоговъ (добавочные сантимы), заключеніе займовъ, наконецъ, установленіе maximum'а добавочныхъ налоговъ, вотируемыхъ муниципальными совѣтами—вотъ вопросы, въ то или другое рѣшеніе которыхъ правительственная администрація вовсе не вмѣшивается, что и дало поводъ нѣкоторымъ французскимъ ученымъ, какъ, напримѣръ, Симоне, назвать такого рода постановленія суверенными. Однако, кругъ вопросовъ, рѣшаемыхъ самостоятельно, гораздо еще шире, такъ какъ въ него входятъ: завѣдываніе имуществами, пріобрѣтеніе, отчужденіе ихъ и т. п., улучшеніе путей сообщенія и участіе въ издержкахъ на другія общеполезныя предпріятія, общественное призрѣніе и многіе другіе предметы. Кромѣ того, есть много и такихъ постановленій, которыя хотя также не подлежатъ утвержденію, однако, приводятся въ исполненіе лишь по истеченіи трехмѣсячнаго срока, въ теченіе котораго они могутъ быть опротестованы правительствомъ. Наиболѣе важныя постановленія генеральныхъ совѣтовъ, касающіяся, напримѣръ, бюджета, отчетности, экстраординарныхъ добавочныхъ налоговъ сверхъ maximum'а, опредѣляемаго ежегодно финансовымъ закономъ, и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, должны быть утверждены правительствомъ. Существеннымъ недостаткомъ всей этой организаціи оказывается, однако, то, что всѣ постановленія генеральныхъ совѣтовъ приводятся въ исполненіе префектами, такъ какъ департаментскія коммиссіи носятъ характеръ учрежденій лишь контролирующихъ и руководящихъ префектовъ въ промежутки между сессіями генеральныхъ совѣтовъ. Опытъ показалъ, что коммиссіи вовсе не обнаруживаютъ достаточно вліянія на департаментскую администрацію *), тѣмъ болѣе, что онѣ и не принадлежатъ къ числу непрерывно дѣйствующихъ учрежденій. Отсюда—новыя стремленія къ довершенію реформъ. Четверть вѣка прошло почти безъ всякихъ измѣненій въ организаціи и положеніи мѣстныхъ учрежденій.

---

*) *P. Deschanel*: „La décentralisation“, 1895, p. 75.

Законъ 1884 года касается лишь общинныхъ совѣтовъ и даетъ имъ право входить въ соглашенія по вопросамъ, одинаково задѣвающимъ различныя общины, а законъ 1890 г. организовалъ, такъ называемые, общинные синдикаты; но все это, какъ видимъ, не касается реорганизаціи автономныхъ органовъ въ крупныхъ мѣстныхъ союзахъ—департаментахъ. Вотъ почему вновь начавшаяся въ послѣднее время агитація въ пользу большей децентрализаціи мѣстнаго управленія становится вполнѣ понятною. Мы вновь имѣемъ возможность наблюдать приблизительно тѣ же явленія, что и четверть вѣка тому назадъ; вновь ученые спеціалисты и выдающіеся государственные дѣятели начали пропаганду идей децентрализаціи, вновь появились проекты, вопросъ внесенъ въ парламентъ, образована внѣпарламентская коммиссія для его разработки; даже и теперь вновь возникла лига децентрализаціи, на подобіе ліонской, существовавшей двадцать пять лѣтъ тому назадъ

II.

Проведеніе въ жизнь реформы мѣстнаго управленія, въ смыслѣ большей децентрализаціи мѣстныхъ органовъ и уменьшенія полицейской опеки, находитъ въ настоящее время гораздо болѣе благопріятныхъ условій, нежели четверть вѣка тому назадъ. Достаточно указать хотя бы уже на одно то обстоятельство, что истекшая четверть вѣка представляетъ собою непрерывное и спокойное существованіе французской республики, что эта форма государственнаго устройства здѣсь вполнѣ уже упрочилась, съ нею свыклось все населеніе, преодолѣвая, хотя и не всегда легко, тѣ затрудненія, которыя вызываются сложною формой организаціи республиканской формы правленія. Идея свободнаго политическаго бытія настолько уже проникла въ плоть и кровь французскихъ гражданъ, что едва ли уже возможны какія-либо опасенія въ смыслѣ возвращенія къ исторически отжившимъ здѣсь образцамъ; это, въ свою очередь, создаетъ увѣренность въ возможности улучшеній и преобразованій въ сферѣ мѣстнаго управленія. Всѣ неудачи прежнихъ попытокъ объясняются именно опасеніями за политическое единство Франціи,—опасеніями за ослабленіе власти. Отношенія къ иностраннымъ государствамъ, въ особенности къ Пруссіи, также заставляли дорожить этимъ единствомъ и сплоченностью. Теперь, когда и при республиканской формѣ правленія Франція успѣла занять весьма выгодное положеніе въ области международныхъ отношеній, сумѣла развить въ себѣ необходимое для этого внутреннее единство и изгладить всѣ слѣды погрома 1870 года, реформа мѣстнаго управленія въ цѣляхъ децентрализаціи не можетъ уже вызывать прежнихъ опасеній и имѣетъ, повидимому, всѣ шансы на успѣхъ.

Но для того, чтобы какая-либо идея восторжествовала, необходимы, какъ замѣчено уже и выше, ея защитники, инициаторы, необходима извѣстнаго рода пропаганда этой идеи, распространеніе ея въ обществѣ, привле-

ченіе возможно большаго числа сочувствующихъ, необходимо, въ концѣ концовъ, для самихъ піонеровъ идеи глубокое убѣжденіе въ цѣлесообразности, полезности и своевременности ея осуществленія. Къ счастью, во Франціи никогда не было недостатка въ талантливыхъ и энергичныхъ людяхъ. Какъ прежде, такъ и теперь цѣлая серія ученыхъ и государственныхъ дѣятелей выступили въ защиту проектовъ децентрализаціи мѣстнаго управленія. Среди нихъ есть и такіе, которые участвовали въ подобнаго же рода работахъ и четверть вѣка тому назадъ, при созданіи нынѣ дѣйствующаго закона 10 августа 1871 года; таковъ, напримѣръ, Леонъ Ококъ, членъ института, бывшій членъ государственнаго совѣта и извѣстный ученый. Въ своей брошюрѣ: *Les controverses sur la décentralisation administrative*, онъ знакомитъ французское общество съ историческимъ развитіемъ во Франціи идеи децентрализаціи, съ тѣми попытками, которыя предпринимались для ея осуществленія, и объясняетъ, почему эти попытки не удавались. Обращая вниманіе своихъ согражданъ на успѣхи, сдѣланные въ области децентрализаціи и самоуправленія въ другихъ государствахъ, онъ въ то же время предостерегаетъ отъ слѣпого подражанія, указывая на различные недостатки въ современныхъ формахъ общественнаго управленія и справедливо напоминая, что каждая страна характеризуется своими индивидуальными чертами, которыя должны быть приняты во вниманіе.

Рѣшительнымъ сторонникомъ децентрализаціи является и де-Марсеръ, сенаторъ и бывшій министръ, въ настоящее время вожакъ лиги децентрализаціи. Въ своей статьѣ *Lettre sur décentralisation* онъ находитъ ни съ чѣмъ не сообразнымъ, что правительство и парламентъ, родившіеся изъ среды націи, какъ результатъ стремленія этой націи къ свободѣ политической, подавляютъ свободу гражданскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическія права гражданъ. Средствомъ для исправленія зла должна быть децентрализація, въ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ которой де-Марсеръ не сомнѣвается. Ту же мысль развиваетъ и поддерживаетъ А. Саль въ статьѣ *Les conseils généraux et la décentralisation* **). Децентрализація, помимо своихъ административныхъ цѣлей, будетъ имѣть, по его мнѣнію, и воспитательное значеніе: она будетъ способствовать созданію въ провинціи класса администраторовъ, заинтересуетъ гражданъ въ руководительствѣ политическими дѣлами мѣстной жизни и вызоветъ истинное самоуправленіе. Однако, авторъ цитируемой статьи, подобно многимъ другимъ, считаетъ весьма цѣлесообразнымъ не придавать мѣстнымъ органамъ никакой положительной роли; завѣдываніе мѣстными, но не общегосударственными вопросами составляетъ ихъ задачу. Вотъ почему онъ вооружается противъ тѣхъ предложеній, которыми рекомендуется присвоить сенаторамъ и депутатамъ право по ихъ званію быть членами генеральныхъ совѣтовъ. Онъ считаетъ большою ошибкой даже и то, что по дѣйствующему закону де-

---

*) *Revue politique et parlementaire* 1895, № 10, p. 1—6.

**) Ibid., 1895, № 13, p. 101 и другія.

путаты и сенаторы могутъ быть избираемы въ члены генеральныхъ совѣтовъ; само собою понятно—говоритъ онъ — что члены парламента будутъ всегда пользоваться въ мѣстныхъ совѣтахъ выдающимся значеніемъ и, что̀ въ особенности нежелательно, ихъ участіе всегда будетъ придавать этимъ совѣтамъ характеръ маленькихъ парламентовъ и отвлекать ихъ отъ ихъ настоящихъ заботъ о мѣстныхъ интересахъ.

Профессоръ административнаго права въ Тулузѣ, извѣстный своими трудами по положительному административному праву Франціи, Морисъ Горіу, находя децентрализацію управленія необходимою, но страшась въ то же время соціализма, пропагандируетъ *) своеобразныя и странныя идеи. По мнѣнію названнаго ученаго, въ организаціи мѣстныхъ установленій Франціи слишкомъ много связи съ парламентомъ и потому они легко могутъ сдѣлаться орудіями коллективизма и соціализма; связь эта должна быть разрушена и, кромѣ того, мѣстные органы должны быть построены на совершенно иныхъ началахъ; центръ тяжести, по мнѣнію Горіу, долженъ быть положенъ не въ мѣстность и ея населеніе, но въ самые предметы дѣятельности; каждая самостоятельная отрасль управленія, наприм., народное образованіе, общественное призрѣніе, народное здоровье, пути сообщенія и т. д., должна быть организована въ отдѣльныя вѣдомства и учрежденія, между которыми не слѣдуетъ установлять какой-либо тѣсной связи; общинные и департаментскіе синдикаты, добровольная и свободная группировка общинъ и департаментовъ по завѣдыванію тѣми или другими вопросами, упраздненіе того, что̀ мы называемъ земствомъ и земскою дѣятельностью, и созданіе особой категоріи личныхъ союзовъ — вотъ идеалъ Мориса Горіу. Изъ страха передъ соціализмомъ, онъ—поклонникъ индивидуализма—требуетъ не столько децентрализаціи, сколько деконцентраціи, потому что вся его децентрализація сводится, въ сущности, къ общественному индивидуализму, если такъ можно выразиться. Его болѣе всего страшатъ общины и департаменты, какъ политическія корпораціи, состоящія изъ мѣстныхъ жителей, сплоченныя единствомъ интересовъ и условій мѣстной жизни, подогрѣваемыя въ своей дѣятельности присутствіемъ парламентскихъ борцовъ, представляющія, однимъ словомъ, наличность всѣхъ условій, благодаря которымъ не только въ центрѣ, но и въ мѣстности, въ каждомъ департаментѣ и общинѣ, могутъ развиться, по его мнѣнію, очаги соціализма. Этому горю можно — говоритъ онъ — помочь только путемъ сепаратизма функцій и интересовъ, т.-е. созданіемъ такихъ мѣстныхъ учрежденій, которыя авторъ называетъ établissements publics. Такимъ образомъ, воззрѣнія цитируемаго ученаго слишкомъ тенденціозны: онъ готовъ пожертвовать исконными учрежденіями, развивавшимися въ теченіе вѣковъ и не только во Франціи, но и во всѣхъ другихъ странахъ. Кромѣ того, надо замѣтить, что всякаго рода личные союзы и сейчасъ могутъ суще-

*) *M. Hauriou*: „La décentralisation par les établissements publics“. *Revue politique* 1895, № 10, p. 56.

ствовать и дѣйствительно существуютъ и съ пользой функціонируютъ тамъ, гдѣ это представляется удобнымъ и выгоднымъ для частныхъ лицъ, а нерѣдко и для цѣлаго общества. Противъ предоставленія общинамъ и департаментамъ права образовывать синдикаты ничего собственно возразить нельзя; общины, какъ извѣстно, этимъ правомъ и пользуются еще съ 1890 года; но пользованіе такимъ правомъ должно быть вполнѣ свободнымъ и оно не должно влечь за собою упраздненія общинныхъ и департаментскихъ органовъ, какъ истинно мѣстныхъ, земскихъ учрежденій, завѣдующихъ всѣми интересами мѣстной жизни. Удовлетворять мѣстныя общественныя потребности тѣми или другими средствами, въ той или другой формѣ,—въ формѣ ли непосредственной дѣятельности общинныхъ и департаментскихъ совѣтовъ и коммиссій, или въ формѣ синдикатовъ,—все это должно быть предоставлено свободному усмотрѣнію мѣстныхъ органовъ, подлежащихъ въ своей дѣятельности контролю органовъ общегосударственныхъ. Воззрѣнія Горіу не находятъ большого отклика въ литературѣ, гдѣ нерѣдко предлагаются планы прямо противоположнаго характера. Такъ, въ извѣстномъ журналѣ *Revue politique et parlementaire* не такъ давно была помѣщена статья нѣкоего Кайла́ (Cayla), подъ заглавіемъ: *Notes sur la décentralisation* *), въ которой авторъ предлагаетъ, въ видахъ упроченія децентрализаціи и усовершенствованія мѣстнаго управленія вообще, уменьшить почти вдвое число департаментовъ, путемъ соединенія двухъ сосѣднихъ департаментовъ въ одинъ. При такомъ соединеніи мѣстные земскіе органы усвоили бы, конечно, болѣе внушительный видъ и, съ точки зрѣнія проф. Горіу, могли бы сдѣлаться еще болѣе опасными нежели современные генеральные совѣты. Современное правительство Франціи также не раздѣляетъ подобнаго рода опасеній, рѣшивши, повидимому, неуклонно стремиться къ осуществленію децентрализаціонной реформы. Въ этомъ убѣждаетъ насъ характеръ правительственной дѣятельности послѣднихъ лѣтъ и открыто высказанныя правительствомъ намѣренія и предположенія.

Въ самомъ дѣлѣ, еще 16 февраля 1895 года была образована внѣпарламентская коммиссія для разработки вопроса о децентрализаціи; въ составъ ея вошли: 11 сенаторовъ, 15 депутатовъ, 21 администраторъ и 10 ученыхъ и литераторовъ; имена многихъ изъ нихъ пользуются большою извѣстностью, таковы, напримѣръ, Лаферьеръ, Феррандъ, М. Фурнье и другіе *). Число членовъ коммиссіи въ прошломъ году было увеличено до семидесяти человѣкъ **). Создавши означенную коммиссію, правительство возложило на нее обязанность разъяснить вопросъ о децентрализаціи какъ въ отношеніи мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, главнымъ образомъ, префектовъ, такъ и въ отношеніи органовъ общественныхъ, т.-е. генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ. Освобожденіе центральной правитель-

*) 1896 годъ, № 11, стр. 364—376.

**) *Journal officiel* 17 février 1895, p. 913.

***) Ibid., 1896, p. 3245.

ственной администраціи отъ всего излишняго, не имѣющаго общегосударственнаго значенія, расширеніе компетенціи и степени власти мѣстныхъ органовъ, въ частности; урегулированіе, въ смыслѣ большей общественной автономіи, отношеній между префектами и генеральными совѣтами—вотъ задачи, къ разрѣшенію которыхъ внѣпарламентская коммиссія должна подготовить необходимый матеріалъ. Правительство Франціи не страшится тѣхъ затрудненій, съ которыми ему придется бороться. Въ одномъ изъ правительственныхъ докладовъ мы читаемъ: «упростить и обновить нашъ административный организмъ, упразднить безполезныя формальности, дать болѣе свободы плодотворной дѣятельности мѣстныхъ властей—это предпріятіе несомнѣнно трудное, потому что оно встрѣтитъ препятствія не только въ нашихъ законахъ, но и въ нашихъ нравахъ; оно, однако, достойно республиканскаго правительства и сдѣлаетъ честь тому парламенту, который сумѣетъ его осуществить» *).

Коммиссія децентрализаціи немедленно приступила къ разработкѣ плана своей дѣятельности, который и былъ вскорѣ составленъ и представленъ въ коммиссію Георгомъ Пико, членомъ института (академія наукъ). Знакомляясь съ этимъ планомъ, невольно удивляешься той мѣткости, съ какою французы умѣютъ попадать въ самый центръ поставленной цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ центральнымъ пунктомъ, на который, при осуществленіи мѣстной реформы, должно быть обращено наибольшее вниманіе, являются, по мнѣнію Георга Пико и всей коммиссіи, министерства. Децентрализація и обозначаетъ собою освобожденіе центральныхъ органовъ отъ излишней работы, перенесеніе этой послѣдней на мѣстныя учрежденія. Всякому извѣстно, какъ возросли и усложнились государственныя потребности въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ десятковъ лѣтъ, какъ разрослось число министерскихъ департаментовъ съ ихъ безчисленными отдѣленіями и подраздѣленіями. Сосредоточеніе въ министерствахъ дѣлъ не первостепенной важности и имѣющихъ лишь мѣстное значеніе еще болѣе усложняетъ и безъ того уже многотрудную дѣятельность центральныхъ органовъ и ставитъ ихъ иногда въ совершенно безвыходное положеніе. Вотъ почему нельзя не признать вполнѣ цѣлесообразнымъ тотъ порядокъ работъ коммиссіи, при которомъ она на первомъ планѣ ставитъ изученіе министерской компетенціи, стремится опредѣлить, дѣйствительно ли всѣ рѣшаемыя министерствами дѣла и вопросы по своей природѣ таковы, чтобы требовать министерскаго вмѣшательства. Осуществленіе этой задачи возложено на административную подкоммиссію, между членами которой и должны быть распредѣлены для изученія министерства: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія, публичныхъ работъ, земледѣлія, торговли и министерство колоній. Что касается такихъ министерствъ, какъ военное, морское и иностранныхъ дѣлъ, то, въ интересахъ государственнаго единства, децентрализація на нихъ распространяться, конечно, не должна.

---

*) *Revue générale d'administration* 1895, № 3, p. 352.

Помимо административной подкоммиссіи, по плану того же Георга Пико образована законодательная подкоммиссія, которая должна изучить законодательную сторону дѣла, т.-е. прослѣдить исторію развитія мѣстнаго административнаго законодательства, по крайней мѣрѣ, отъ конца прошлаго вѣка, и притомъ не только изданные законы, но и проекты законовъ почему-либо не принятыхъ; въ послѣднемъ случаѣ важно уясненіе причинъ, по которымъ законы не были приняты. Въ общемъ законодательная подкоммиссія должна выяснить, каковы были тѣ законодательныя мѣропріятія, при помощи которыхъ имѣлось въ виду упростить и ускорить теченіе дѣлъ въ мѣстной администраціи. Изученіе иностранныхъ законодательствъ и самой практики должно составлять вторую задачу законодательной подкоммиссіи и только послѣ такихъ сравнительно-историческихъ работъ ей рекомендуется приступить къ опредѣленію характера тѣхъ модификацій и улучшеній, которыя необходимо произвести въ организаціи, и въ особенности въ компетенціи мѣстныхъ установленій Франціи. При этомъ подкоммиссіи на первыхъ же порахъ предстоитъ заняться вопросомъ о самомъ административномъ дѣленіи государства и выяснить, не являются ли необходимыми и въ этомъ отношеніи какія-либо видоизмѣненія въ виду тѣхъ поразительныхъ результатовъ, которые въ теченіе столѣтія достигнуты въ области путей и средствъ сообщенія и сношеній вообще. Конечно, работы административной и законодательной подкоммиссій въ концѣ-концовъ должны быть приведены въ тѣсную связь *).

Таковъ планъ работъ по проведенію административной реформы во Франціи, составленный Георгомъ Пико и принятый къ руководству внѣпарламентскою коммиссіей. Самыя работы начались немедленно же и выразились отчасти въ болѣе или менѣе обстоятельныхъ докладахъ, представленныхъ членами коммиссій, таковы, наприм., доклады Пубеля, Коржегю, Алапетита, отчасти въ цѣлыхъ книгахъ, какова, наприм., работа депутата и члена коммиссіи Дешанеля, подъ заглавіемъ: *La décentralisation*. Было бы, разумѣется, излишнимъ вводить читателя во всѣ детали этихъ работъ, но уловить и обрисовать общее ихъ направленіе, поскольку оно успѣло обнаружиться, извлечь изъ массы деталей основныя начала проводимой реформы и, слѣдовательно, уяснить, поскольку въ предварительныхъ работахъ реализованы задачи, указанныя коммиссіи правительствомъ, все это можетъ представлять нѣкоторый интересъ.

Обстоятельные доклады Пубеля, префекта департамента Сены, и Алапетита, префекта департамента Па-де-Кале, касаются вопроса почти исключительно только съ финансовой стороны. Подвергая критикѣ существующую въ настоящее время во Франціи систему мѣстныхъ налоговъ, они находятъ, что генеральные и муниципальные совѣты оказываются въ финансовомъ отношеніи слишкомъ стѣсненными, такъ какъ, при все болѣе и болѣе расширяющихся потребностяхъ мѣстной общественной жизни, т

*) *Revue générale* 1895, № 3, p. 352—359.

средства, которыми они располагаютъ, слишкомъ недостаточны. Припомнимъ, что эти средства образуются здѣсь путемъ добавленій къ прямымъ налогамъ (centimes additionnels), причемъ максимальная величина этихъ добавленій опредѣляется законодательнымъ путемъ; самые налоги дѣлятся на обыкновенные и чрезвычайные. Средствомъ къ поднятію рессурсовъ и къ улучшенію вообще финансоваго и хозяйственнаго положенія органовъ общественнаго управленія во Франціи должно быть, по мнѣнію Пубеля и Алапетита, возвышеніе цифры добавочныхъ налоговъ, назначаемыхъ генеральными совѣтами безъ утвержденія высшей власти. Подобное же расширеніе компетенціи предлагается и въ отношеніи муниципальныхъ совѣтовъ. При всемъ томъ, такъ какъ ни одно сколько-нибудь значительное хозяйство не можетъ обходиться безъ кредита, то и хозяйство общественное, благодаря дорого стоющимъ предпріятіямъ, реализуемымъ лишь въ теченіе многихъ лѣтъ, должно быть поставлено въ возможность пользоваться этимъ институтомъ экономической жизни, въ видѣ полученія права заключать на болѣе или менѣе продолжительный срокъ займы. Право это хотя и существуетъ, но должно быть расширено и пользованіе имъ въ извѣстныхъ предѣлахъ должно быть децентрализовано. Финансовыя средства общественныхъ органовъ могутъ увеличиваться также путемъ дареній и завѣщаній; въ отношеніи того и другаго общественные органы и теперь пользуются значительною самостоятельностью, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда даренія и завѣщанія не вызываютъ возраженій со стороны наслѣдниковъ. Пубель полагаетъ достаточнымъ утвержденіе префекта при тѣхъ хотя бы и оспариваемыхъ наслѣдниками дареніяхъ и завѣщаніяхъ, величина которыхъ не превышаетъ десяти тысячъ франковъ. Нѣкоторой децентрализаціи должно подлежать и право назначенія тѣхъ налоговъ въ городахъ, которые извѣстны подъ именемъ таксъ. Что касается права экспропріаціи частныхъ имуществъ ради общеполезныхъ цѣлей, то оно никоимъ образомъ не должно быть децентрализовано. Изъ другихъ вопросовъ авторы докладовъ останавливаются на правѣ назначенія должностныхъ лицъ мѣстной администраціи, сосредоточенномъ почти исключительно въ министерствахъ. Они подробно и съ мотивами перечисляютъ всѣ тѣ должности, право назначенія на которыя должно быть децентрализовано въ пользу мѣстныхъ властей, въ особенности префектовъ *).

Если доклады Пубеля и Алапетита касаются главнымъ образомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, то докладъ Кержегю всецѣло посвященъ вопросу децентрализаціи въ вѣдомствѣ министерства торговли и промышленности. Содѣйствіе государства дѣлу развитія національной торговли и промышленности вызвало необходимость концентрированія этого дѣла, въ видахъ руководительства, въ министерствѣ торговли; изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы система децентрализаціи здѣсь не имѣла бы ни-

---

*) *Revue générale* 1895, № 9, p. 100—119; 1896, № 9, p. 97—112.

какого примѣненія. Централизація и децентрализація могутъ идти рука объ руку: управленіе одними предметами можетъ быть централизовано, другими—децентрализовано. Такъ, напримѣръ, комитеты торговли, равно какъ и комитеты ремеслъ и мануфактуръ могли бы пользоваться извѣстной автономіей; самое утвержденіе выборовъ въ мѣстные комитеты торговли и мануфактуръ съ удобствомъ могло бы быть возложено на мѣстныя же власти, напримѣръ—на префектовъ. Комитеты должны принимать активное и юридически обезпеченное участіе въ составленіи законопроектовъ, касающихся промышленности и торговли. Регулированіе фабричнаго труда въ отношеніи, напримѣръ, ночныхъ работъ, продолжительности работъ, еженедѣльнаго отдыха и проч. можно было бы также децентрализовать, въ виду того, что здѣсь огромную роль играютъ мѣстныя условія. Въ связи съ торговлей и промышленностью находится почтовое и телеграфное управленіе; децентрализація и здѣсь должна найти мѣсто; авторъ подробно перечисляетъ тѣ нерѣдко мелочные вопросы, рѣшеніе которыхъ, въ ущербъ дѣлу и общественнымъ интересамъ, сосредоточивается въ министерствѣ торговли вмѣсто того, чтобы быть предоставленнымъ мѣстнымъ почтовотелеграфнымъ установленіямъ *).

Еще большаго вниманія заслуживаетъ работа Дешанеля, депутата и члена коммиссіи децентрализаціи **). Онъ стремится охватить вопросъ разомъ во всей его полнотѣ, разрабатывая его какъ съ точки зрѣнія законодательной подкоммиссіи, такъ и сообразно задачамъ, возложеннымъ на подкоммиссію административную. Децентрализація, по мнѣнію Дешанеля, можетъ быть осуществляема въ двухъ, по существу своему различныхъ, направленіяхъ: въ пользу органовъ общественнаго управленія — генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ, и въ пользу мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, главнымъ образомъ — префектовъ и субпрефектовъ. То и другое направленіе подвергается авторомъ довольно обстоятельному обслѣдованію, причемъ для большей доказательности своихъ доводовъ въ пользу децентрализаціи общественнаго управленія онъ дѣлаетъ ссылки на иностранныя государства, рекомендуя въ особенности воспользоваться образцами такого управленія въ Италіи и Бельгіи, какъ государствъ болѣе родственныхъ Франціи и имѣющихъ въ то же время болѣе совершенныя формы общественнаго управленія, нежели какія существуютъ во Франціи. Авторъ не пренебрегаетъ и историческими справками, причемъ главными причинами неудачи всѣхъ прежнихъ попытокъ децентрализаціи онъ считаетъ борьбу парламентскихъ партій, преслѣдовавшихъ часто интересы личные или групповые, и опасенія за политическое единство государства. Рекомендуя расширеніе власти и самостоятельности мѣстныхъ общественныхъ органовъ, онъ въ особенности старается разъяснить необходимость общественной самодѣятельности въ самомъ осуществле-

*) *Revue générale* 1895, № 10, p. 226—254.

**) *Paul Deschanel*: „La décentralisation“. 1894.

ніи тѣхъ или другихъ мѣропріятій. Самоуправленіе не заключается только въ томъ, чтобы постановлять рѣшенія, но еще болѣе и въ томъ, чтобы активно участвовать въ самомъ исполненіи рѣшеній; только такая дѣятельность является дѣйствительною школой гражданской администраціи. Въ этомъ отношеніи Франція отстала отъ другихъ государствъ, гдѣ исполнительные органы имѣютъ, также какъ и распорядительные, выборный общественный характеръ, тогда какъ во Франціи, несмотря на существованіе здѣсь департаментскихъ коммиссій, истинными активными администраторами являются префекты и подчиненные имъ чиновники. Реформа должна заключаться, между прочимъ, въ томъ, чтобы присвоить департаментскимъ коммиссіямъ роль исполнительныхъ органовъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, вводя въ то же время въ ихъ составъ спеціалистовъ и техниковъ по разнымъ отраслямъ управленія, какъ это и дѣлается въ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Пруссіи. Любопытно дѣлаемое авторомъ сопоставленіи Франціи съ Англіей. Въ первой въ городскомъ и общинномъ управленіи принимаютъ участіе 36 тыс. человѣкъ, въ послѣдней 300 тысячъ; въ Лондонѣ активными администраторами являются 50 тыс. гражданъ, въ Парижѣ—80 человѣкъ; вотъ почему авторъ называетъ Францію не демократіей, но бюрократіей. Хотя сопоставленіе автора и страдаетъ нѣкоторою тенденціозностью и преувеличеніемъ, въ общемъ оно, однако, довольно вѣрно.

Разсматривая вопросъ о децентрализаціи въ пользу мѣстныхъ органовъ правительственной администраціи — префектовъ и субпрефектовъ, авторъ останавливается на отдѣльныхъ министерствахъ, входя въ самое детальное перечисленіе тѣхъ вопросовъ и предметовъ, которые должны быть изъяты изъ вѣдомства министерствъ и переданы въ вѣдомство префектовъ. Подобно другимъ авторамъ и докладчикамъ въ коммиссіи децентрализаціи, онъ обращаетъ вниманіе правительства на то, что министерскія вѣдомства расширились до невозможности, число разныхъ управленій и бюро увеличилось въ какіе-нибудь два-три десятка лѣтъ въ нѣсколько разъ. Такое положеніе дѣлъ не можетъ считаться нормальнымъ; децентрализація въ пользу префектовъ здѣсь необходима, но при этомъ необходимо также измѣнить и самую систему назначенія префектовъ: министерскаго усмотрѣнія здѣсь недостаточно; слѣдуетъ установить опредѣленный образовательный цензъ, обязательные экзамены и дипломы, какъ все это примѣняется въ отношеніи другихъ чиновниковъ. Такимъ путемъ усиленіе ихъ власти и компетенціи должно идти параллельно увеличенію степени ихъ умственнаго и нравственнаго авторитета. Съ воззрѣніями автора, конечно, нельзя не согласиться; непонятными являются только желанія Дешанеля, какъ, впрочемъ, и многихъ другихъ, увеличить и безъ того уже значительную власть префектовъ путемъ сосредоточенія въ ихъ рукахъ безчисленныхъ и разнообразныхъ дѣлъ разныхъ министерскихъ вѣдомствъ, не исключая дѣлъ народнаго просвѣщенія и церковнаго управленія. Различныя министерства имѣютъ свои спеціальные мѣстные органы и можно было бы обходиться

безъ излишняго вмѣшательства префектовъ, предоставляя послѣднимъ функціонировать въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Надо надѣяться, что эта мысль не будетъ упущена въ дальнѣйшихъ работахъ внѣпарламентской коммиссіи.

Все вышеизложенное даетъ, конечно, лишь самое общее понятіе о происходящихъ теперь во Франціи работахъ въ пользу проведенія децентрализаціонной реформы. Хотя со времени образованія вышеуказанной коммиссіи прошло уже два года, этотъ періодъ времени не можетъ считаться сколько-нибудь значительнымъ въ виду той широкой постановки вопроса о децентрализаціи, на которую было указано выше. Скорѣе можно удивляться достигнутымъ уже результатамъ. Болѣе быстрой дѣятельности въ этомъ отношеніи мѣшаютъ, конечно, важные и насущные вопросы текущей государственной жизни—внутренней и внѣшней; примѣненіе децентрализаціи не требуетъ и не должно требовать излишней поспѣшности; кромѣ того, здѣсь возможна извѣстная постепенность и послѣдовательность. Наиболѣе важно то, что правительство Франціи и парламентъ, повидимому, глубоко убѣждены въ необходимости децентрализаціи; слѣдовательно, проведеніе ея есть дѣло лишь нѣсколькихъ лѣтъ. Работы внѣпарламентской коммиссіи, даже и въ настоящемъ ихъ видѣ, заслуживаютъ, на нашъ взглядъ, полнаго вниманія со стороны другихъ правительствъ. Одна уже идея—подвергнуть ревизіи предметы вѣдомства каждаго министерства съ цѣлью опредѣлить, какіе изъ нихъ могутъ быть переданы мѣстнымъ органамъ, по самой своей простотѣ и, такъ сказать, прямолинейности, невольно возбуждаетъ интересъ. Во всякомъ случаѣ, съ проведеніемъ децентрализаціонной реформы, Франція освободится отъ одного изъ тѣхъ недостатковъ, которые въ теченіе вѣковъ стѣсняли свободное теченіе ея административной жизни, отражаясь въ то же время весьма невыгодно на свободѣ и благосостояніи гражданъ. Та же реформа, быть можетъ, послужитъ нѣкоторымъ стимуломъ дѣятельности въ томъ же направленіи и для другихъ правительствъ.

В. В. Ивановскій.

Современная голландская литература *).

Поэты и критики.

Изъ всѣхъ литературъ нашего времени намъ наименѣе извѣстна литература голландская. Это не значитъ, что намъ объ ней не говорили, но одновременно съ нею намъ говорили о столькихъ другихъ литературахъ, болѣе громкихъ, что подъ конецъ мы забыли о ея существованіи. За исключеніемъ Мультатули, я не знаю ни одного, имя котораго было бы хорошо знакомо французской публикѣ. Между тѣмъ какъ Мультатули, кромѣ того, что онъ уже умеръ около десяти лѣтъ тому назадъ, не представляетъ собою всей литературы своей страны. Наоборотъ, онъ является въ ней какъ бы исключеніемъ и ему какъ разъ недостаетъ преобладающихъ качествъ голландской современной литературы: ясности, простоты, чисто-классической правильности композиціи и слога, а какъ разъ этими свойствами голландская литература рѣзко отличается отъ другихъ литературъ сѣвера. Можно сказать, что латинскія традиціи остались въ ней неприкосновенными черезъ цѣлыя столѣтія и что духъ старыхъ, батавскихъ гуманистовъ живетъ до сихъ поръ въ глубинѣ души ихъ потомковъ.

Точно также въ Европѣ нѣтъ страны, гдѣ бы французское вліяніе сохранилось сильнѣе. Теперь, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, въ Голландіи наиболѣе читаютъ, изучаютъ и разбираютъ нашихъ писателей, охотнѣе слушаютъ французскихъ лекторовъ. Даже въ самыхъ маленькихъ городахъ образовались комитеты Французскаго Союза, занимающагося распространеніемъ нашего языка.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что голландская литература держится подражаніемъ французской литературѣ. Наоборотъ, она очень оригинальна или, лучше сказать, она очень «мѣстная», что собственно и мѣшаетъ ей распространяться внѣ ея страны. Къ своимъ драгоцѣннымъ традиціоннымъ достоинствамъ, ясности и правильности, она присоединяетъ медлительность, спокойствіе, серьезность, которыя служатъ отличительными чертами ихъ націи, въ чемъ, впрочемъ, ихъ никто не думаетъ упрекать. Но нужно ви-

*) *Teodor de Wyzewa*: Ecrivains étrangers (La litterature hollandaise).

дѣть, напримѣръ, съ какою серьезностью наиболѣе авторитетные критики въ большихъ амстердамскихъ журналахъ разбираютъ, комментируютъ выдумки нашихъ символистовъ, поэтовъ, драматурговъ или живописцевъ, не замѣчая той маленькой дозы шутки, которая въ нихъ всегда кроется и которая въ нашихъ глазахъ составляетъ главную привлекательность. Шутка совсѣмъ не свойственна голландскимъ писателямъ; самые тонкіе изъ ихъ юмористовъ рискуютъ показаться намъ немного тяжелыми. Но, за исключеніемъ комическаго, я не знаю жанра, который не имѣлъ бы въ Голландіи замѣчательныхъ представителей. И по-истинѣ я удивляюсь, сколько жизни, здоровья, силы въ этой неизвѣстной литературѣ.

Но если мы ея не знаемъ или, по крайней мѣрѣ, знаемъ недостаточно, за то она имѣетъ читателей тѣмъ болѣе вѣрныхъ, чѣмъ менѣе они многочисленны. Я не встрѣтилъ ни одного образованнаго голландца, который не былъ бы знакомъ съ литературнымъ движеніемъ своей страны и съ произведеніями и достоинствами того или другого писателя.

Первыя произведенія голландскихъ авторовъ, какъ бы мало они ни имѣли дѣйствительныхъ заслугъ, тотчасъ же распродаются въ нѣсколькихъ изданіяхъ, и мнѣ кажется, что для этихъ молодыхъ людей большое удовольствіе и драгоцѣнная поддержка—чувствовать вокругъ себя такое дѣятельное любопытство.

Кромѣ голландцевъ метрополіи, есть еще колоніальные, публика достаточно богатая, чтобы покупать книги, и достаточно свободная, чтобъ ихъ старательно прочитывать. Во фламандскихъ провинціяхъ Бельгіи голландскіе авторы также извѣстны и любимы. Многіе сотрудники самыхъ лучшихъ журналовъ въ Амстердамѣ—бельгійцы изъ Антверпена и Гента. Ихъ языкъ, по правдѣ говоря, немного отличается отъ языка ихъ голландскихъ собратьевъ: менѣе простоты, свободы, постоянное усиліе избѣгать всякія выраженія французскаго происхожденія. Но зачастую эти недостатки выкупаются движеніемъ и страстностью, которыхъ нѣтъ въ такой степени въ произведеніяхъ голландскихъ авторовъ.

Современная голландская литература мнѣ представляется одною изъ наиболѣе жизненныхъ въ Европѣ. Медленно, спокойно, она идетъ своимъ путемъ, не заботясь о томъ невѣдѣніи, въ которомъ мы относительно нея находимся. Она представляетъ еще ту особенность, что она прежде всего литература поэтовъ, что поэзія занимаетъ въ ней, какъ это и слѣдуетъ, первое и самое лучшее мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ современныхъ голландскихъ авторовъ наиболѣе извѣстны и пользуются наибольшимъ успѣхомъ поэты и въ самомъ дѣлѣ они выдаются между всѣми писателями.

Но за то этимъ поэтамъ труднѣе быть извѣстными внѣ ихъ страны. Ни Гортеръ, ни Клоосъ, ни Фрицъ ванъ Ееденъ не могутъ никогда надѣяться, что ихъ произведенія будутъ оцѣнены у насъ. Но мнѣ хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, сказать нѣсколько словъ объ одной молодой женщинѣ, которая пользуется большею славой, чѣмъ другіе поэты, и, безъ со-

мнѣнія, въ настоящее время представляетъ наиболѣе любопытную фигуру во всей голландской литературѣ.

До весны прошлаго года ее звали Еленой Свартъ и подъ этимъ именемъ она напечатала свои первые сборники. Теперь она носитъ другую фамилію, такъ какъ вышла замужъ за Лапидота, художественнаго критика, извѣстнаго въ особенности своими статьями о французскихъ художникахъ и граверахъ. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ она прочувствовала и выразила въ стихахъ трагическое могущество любви. Всѣ ея произведенія въ сущности—одна пѣсня любви, но любви прекрасной, блестящей страстью и безподобнымъ богатствомъ гармоніи и оттѣнковъ. Инстинктивно и безъ всякихъ усилій г-жа Свартъ-Лапидотъ достигла высокой степени поэтическаго мастерства. Ея сонеты отличаются чистотою линій, благородствомъ, легкостью и изяществомъ, которымъ могли бы позавидовать самые непогрѣшимые изъ нашихъ парнасцевъ. И подъ этой чисто-классическою формой чувствуется сердце женщины, трепещущее страстью. Но можно сказать, что какъ только страсть проникаетъ въ это сердце, она облекается въ роскошные поэтическіе образы, и большая часть сонетовъ г-жи Лапидотъ есть не что иное, какъ послѣдовательное развитіе символа, выражающаго опредѣленный строй чувствованій или идей.

Но голландскіе поэты раздѣляютъ участь всѣхъ поэтовъ: прелесть, свойственная ихъ стихамъ, не переводима. Нельзя и представить себѣ, сколько красокъ и звучности въ сонетахъ г-жи Лапидотъ, въ ихъ текстѣ. Это зависитъ отъ того, что красота ихъ не въ чувствѣ, которое онѣ выражаютъ, не въ образахъ, не въ риѳмахъ, но въ чудной гармоніи всего этого, въ полномъ соотвѣтствіи образовъ съ идеями и формы съ сущностью. Современная голландская литература къ тому же такъ проникнута поэзіей и форма играетъ въ ней такую значительную роль, что романы, также какъ и стихи, при переводѣ на другой языкъ потеряли бы большую долю своей прелести. Такъ я не думаю, чтобы переводъ далъ возможность оцѣнить какъ слѣдуетъ романы Куперуса, который вмѣстѣ съ г-жею Лапидотъ мнѣ представляется однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ голландскихъ писателей. Ни въ его пессимистическихъ романахъ *Eline Vère* и *Рокъ* (*Fatalité*), ни въ поэтическомъ романѣ *Экстазъ*, ни въ *Величествѣ*, его послѣдней книгѣ, родъ полуполитической, полулирической фантазіи, ни въ одномъ изъ этихъ произведеній нельзя выкинуть, для ихъ пониманія, искусственности слога, вложенной въ нихъ авторомъ. Это произведенія чисто-голландскія съ дѣйствіемъ, которое не преминуло бы намъ показаться слишкомъ медленнымъ, и съ мелочностью анализа, который, конечно, намъ бы наскучилъ.

Тѣмъ не менѣе, Куперусъ искусный психологъ и поэтъ совершенно личнаго вдохновенія, интересный въ особенности своими неутомимыми усиліями обновлять и возвышать свою писательскую манеру.

На ряду съ нимъ Marcellus Emants и ванъ Ееденъ, поэтъ, романистъ и медикъ, и фламандецъ Cyriel Buysse представляютъ въ Голландіи лите-

ратуру воображенія. Чтобы закончить этотъ перечень, нужно назвать еще двухъ драматическихъ писателей: Van Nouhuys, автора *Красной рыбы*, и г-жу Виссенкерке, автора *Лотуса*, такъ какъ въ Голландіи есть также и народный театръ. Я припоминаю, что какъ-то видѣлъ въ Амстердамѣ психологическую драму, подходившую по своей мрачности къ самымъ мрачнымъ фантазіяхъ «Свободнаго театра». Но я долженъ прибавить, чтобы быть откровеннымъ, что игра голландскихъ актеровъ не оставила во мнѣ очень пріятныхъ воспоминаній.

Я упоминалъ о журналѣ *Gids*. Безспорно, это одинъ изъ самыхъ важныхъ голландскихъ журналовъ. Между его сотрудниками въ прежнее время были Мультатули и его другъ Bus-Ken-Huet, авторъ *Страны Рембрандта*, поэта и критика, одного изъ самыхъ свободныхъ умовъ и лучшаго писателя во всей голландской литературѣ. Теперь въ немъ печатаютъ свои произведенія г-жа Свартъ-Лапидотъ и Куперусъ, и въ немъ я познакомился съ главнѣйшими голландскими критиками. Одинъ изъ нихъ—«Биванкъ»—не былъ мнѣ незнакомъ. Два года тому назадъ я прочелъ во французскомъ переводѣ довольно странную книгу, родъ путешествія-изслѣдованія французской литературы и французскихъ пивныхъ. Въ ней, съ изобиліемъ подробностей, которыя мнѣ показались излишними, приводились частные разговоры Верлэна, Ришпена и пѣсенника Брюана; несмотря на мое восхищеніе его чистосердечіемъ и правдивостью, я, тѣмъ не менѣе, былъ нѣсколько смущенъ тѣмъ страннымъ представленіемъ о нашей литературѣ, которое онъ долженъ былъ дать своимъ голландскимъ читателямъ. Но, къ счастью, оказалось, что сами соотечественники Биванка посмотрѣли на эту книгу, какъ на занимательную фантазію. Другіе критики взяли на себя трудъ исправить и пополнить для нихъ свѣдѣнія Биванка о нашемъ литературномъ движеніи. Критики эти: M. van Hall, печатающій въ *Gids* прекрасныя рецензіи о новыхъ французскихъ книгахъ, и M. A. G. van Hamel, ученый профессоръ въ Гронингенскомъ университетѣ, неутомимый распространитель «Французскаго Союза» въ Голландіи и можетъ быть изъ всѣхъ иностранныхъ критиковъ наиболѣе знающій французскій языкъ и французскую литературу. По крайней мѣрѣ его статьи о нашей литературѣ среднихъ вѣковъ могли бы быть такъ же интересны для насъ, какъ и для голландской публики, которой собственно они предназначаются. Это образцы ясности и точности; но самое удивительное въ нихъ то, что они написаны съ чисто-французской точки зрѣнія, между тѣмъ какъ нѣтъ ни одного англійскаго или нѣмецкаго критика, который бы не проявилъ нѣкоторую неспособность судить объ этомъ предметѣ такъ, какъ мы о немъ судимъ.

Такимъ образомъ намъ нечего бояться, что Биванкъ испортитъ о насъ мнѣніе своихъ соотечественниковъ. Благодаря этому, мнѣ легче отдать ему полную справедливость, такъ какъ онъ, кажется, знаетъ довольно хорошо все прошлое французской литературы. Кромѣ того онъ, повидимому, знаетъ и все разнообразіе предметовъ, о которыхъ онъ трактуетъ, по-истинѣ,

удивительно. Одну за другой, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, онъ печатаетъ въ *Gids* длинныя статьи о Виллонѣ, о нѣмецкомъ поэтѣ Христіанѣ Вагнерѣ, о вопросѣ о Ломбокѣ, о святомъ Ѳомѣ Аквинскомъ и о философіи исторіи, о символистскихъ драмахъ Клоделя, о Леконтѣ Лилѣ и Вальтерѣ Патерѣ, не считая ежемѣсячнаго иностраннаго обозрѣнія. Я не думаю, чтобы можно было найти много примѣровъ подобнаго разнообразія свѣдѣній. Биванкъ, повидимому, отдается каждый разъ всецѣло предмету, о которомъ онъ трактуетъ, говоритъ ли онъ о филологіи, или о ботаникѣ, о политической экономіи, или международномъ законодательствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ скоро дѣлается очевиднымъ, что онъ прежде всего фантазёръ и что желаніе удивить своихъ соотечественниковъ соединяется въ немъ съ желаніемъ ихъ поучить и что, какъ ни многочисленны предметы его вниманія, между ними нѣтъ ни одного, который бы онъ изслѣдовалъ основательно. Написанныя въ нѣсколько спутанномъ и часто темномъ стилѣ, эти статьи изобилуютъ остроумными парадоксами и тонкими взглядами, но всѣ производятъ болѣе или менѣе одинаковое впечатлѣніе съ книгой о французской литературѣ: именно, что изъ всего того, о чемъ онъ говорилъ, многое остается недосказаннымъ.

Въ *Gids* же печатались главные труды Robert Fruin, извѣстнаго голландскаго историка. Robert Fruin родился въ Роттердамѣ, въ 1823 году. Въ теченіе своего почти сорокалѣтняго профессорства въ Лейденскомъ университетѣ онъ съ удивительнымъ стараніемъ, добросовѣстно и дѣятельно занимался исключительно исторіей своей страны. Его соотечественники, которые почитаютъ его, кромѣ того, какъ старѣйшаго изъ своихъ ученыхъ и писателей, не колеблясь, приравниваютъ его къ первымъ историкамъ Европы, и, по-истинѣ, Fruin — достойный соперникъ Фреймана и Зибеля, этихъ неутомимыхъ изслѣдователей, которые прежде всего претендуютъ на точность и на изображеніе историческихъ фактовъ такими, какъ они были въ дѣйствительности. Можетъ быть, Fruin даже превосходитъ ихъ всѣхъ эрудиціей, также какъ сухостью и строгостью формы. Факты, факты и только факты и ничего другого въ его *Преллиминаріяхъ войны за независимость*, о *Мотлеѣ и исторіи Нидерландовъ*, о *Голландскомъ городѣ въ средніе вѣка*.

Нельзя себѣ представить исторіи болѣе ученой, безпристрастной и лишенной всякаго участія воображенія.

II.

Романисты.

1.

Съ г-жею Свартъ-Лапидотъ, о которой я уже имѣлъ случай говорить, Л. Куперусъ безспорно принадлежитъ теперь къ самымъ замѣчательнымъ голландскимъ писателямъ. Онъ занимаетъ это мѣсто благодаря врожденной наблюдательности, своему слогу, богатству фантазіи, точности и блеску

образовъ, но больше всего благодаря тому благородному стремленію дѣлать хорошо, которое побуждало его перепробовать одно за другимъ самые разнообразные жанры, начиная съ натуралистическихъ картинъ его *Рока,* тонкой психологіи его *Элинъ Вэръ* и кончая философской поэмой, на чемъ онъ, кажется, и остановился. Двѣ его послѣднія книги — *Величество* и *Миръ вселенной* — въ самомъ дѣлѣ скорѣе большія поэмы въ прозѣ, чѣмъ романы, или, вѣрнѣе, романъ и поэзія также тѣсно связаны въ ней, какъ въ *Торжествѣ смерти* и *Дѣвы скалъ* д'Анунціо. Въ самомъ дѣлѣ, странно представить себѣ этихъ двухъ людей противоположныхъ національностей, этого неаполитанца и этого голландца, идущихъ сходными путями къ одному и тому же идеалу. Оба, слѣдовавъ сначала за эволюціей французскаго романа, стараются теперь превзойти ее; и вотъ они пытаются, и тотъ, и другой, замѣнить обыкновенную форму романа новой литературной формой, болѣе свободной, въ нѣкоторомъ родѣ, и болѣе широкой, допускающей одновременно больше идей и больше музыки.

Но между тѣмъ какъ въ произведеніяхъ д'Анунціо любовь остается всегда преобладающей страстью и какъ бы центромъ, вокругъ котораго гармонично группируются чувства и мысли, въ обоихъ романахъ Куперуса любовь едва играетъ какую-нибудь роль. Благородныя души, которыя онъ выводитъ на сцену, безпокойныя и лихорадочныя, дѣлятся между желаніемъ и неспособностью дѣйствовать, они не могутъ ни отказаться отъ своихъ мечтаній, ни осуществить ихъ. Но ихъ мечты вовсе не направлены въ сторону любви. Это души менѣе чувственныя и болѣе чувствительныя. Безразлично относясь къ личному счастью, онѣ забываются въ своей любви къ человѣчеству; единственно, что ихъ влечетъ къ себѣ, это идея всеобщаго счастья. Онѣ хотятъ уничтожить страданіе и дать міру торжество добра. Чудная идея, но тѣмъ ужаснѣе для нихъ разочарованія, которыя она имъ приноситъ. Самое большое препятствіе это то, что онѣ чувствуютъ внутри себя непоправимую слабость, недовѣріе къ себѣ, постоянное столкновеніе ихъ инстинктивныхъ стремленій и слишкомъ острой разсудочности.

Такъ сердце молодого императора Оттомара терзается равнымъ образомъ, какъ и сердце Георга Ауриспа въ прекрасномъ романѣ Д'Анунціо. Но въ то время какъ послѣдній выводитъ намъ своихъ влюбленныхъ, прекрасныхъ молодыхъ людей, независимыхъ и богатыхъ, занятыхъ только своею любовью, Куперусъ старается обрисовать намъ въ душѣ государя прекрасное стремленіе. Оттомаръ располагаетъ абсолютной и безграничной властью, подданные его обожаютъ, онъ въ мирѣ со своими сосѣдями, но онъ думаетъ только объ осуществленіи своей благородной мечты. И эта мечта въ немъ естественна и законна, какъ единственная мечта, достойная принца. Потому насъ нисколько не удивляетъ, что онъ такъ поглощенъ ею, и крушеніе его попытокъ имѣетъ для насъ интересъ трагической катастрофы.

Можно бы и еще продолжить сравненіе двухъ романистовъ и указать,

напримѣръ, въ какой широкой степени они оба вдохновляются иностранными образцами. Почти каждая страница напоминаетъ прежнія произведенія, напримѣръ: *Войну и Миръ*, *Королей* Жюля Лемэтра, прекрасный романъ Элемира Буржъ *Птица улетаетъ и цвѣтокъ опадаетъ*, не говоря уже о *Гамлетѣ* и его безконечныхъ варьяціяхъ. Но, также какъ въ романахъ Д'Анунціо, эти подражанія нисколько не отнимаютъ у *Мира вселенной* его подлинную оригинальность. Они имѣютъ вліяніе только на подробности произведенія, а сущность остается совершенно новой и вполнѣ принадлежитъ голландскому писателю, потому что сущность эта—не изображеніе души властителя, но души мечтателя, энтузіаста и скептика, терзающагося своимъ стремленіемъ къ цѣли, и сознаніемъ, что онъ никогда ея не достигнетъ. Его царское достоинство только расширяетъ поле для этихъ стремленій и дѣлаетъ для насъ болѣе захватывающимъ ихъ роковой исходъ. Такимъ образомъ, напоминая намъ столько другихъ и, лучшихъ произведеній, послѣдній романъ Куперуса тѣмъ не менѣе прекрасная книга.

Но прекрасная *голландская* книга: это пунктъ, на которомъ я не могу не остановиться мимоходомъ, потому что въ то время, какъ всѣ страны Европы усвоили себѣ общую манеру чувствовать и понимать, Голландія, кажется, одна осталась упорно вѣрна своему старому національному генію. Ея литература носитъ до сихъ поръ такой особенный отпечатокъ, что иностранный читатель, чтобы оцѣнить ее, долженъ сначала, такъ сказать, освоиться съ тѣмъ, что есть въ голландской жизни болѣе интимнаго и мѣстнаго. Я знаю, что соотечественники Куперуса долго его упрекали за его стремленія къ космополитизму и за частое употребленіе французскихъ словъ и оборотовъ. Кромѣ того, я знаю, что онъ разсчитываетъ имѣть читателей не въ одной только своей странѣ и что никто болѣе его не старается быть всегда знакомымъ съ другими литературами Европы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его романы сохраняютъ чисто-голландскій характеръ, и я думаю, что его *Миръ вселенной* въ переводѣ на французскій языкъ потерялъ бы свою цѣну. Никогда французскіе читатели не освоились бы съ этимъ мелочнымъ выписываніемъ, съ этими повтореніями, объясненіями и безконечными подготовками, которыя такъ нравятся публикѣ, любящей точныя подробности, публикѣ, обладающей серьезнымъ, солиднымъ, немного тяжелымъ характеромъ, для котораго длинноты вовсе не кажутся скучными. Для этой публики нужна другая литература, чѣмъ для насъ. Ей нужна литература болѣе положительная, подробная, съ болѣе точными выраженіями, ничего неопредѣленнаго, подразумѣвающагося, но за то нѣтъ такихъ высокихъ вопросовъ, которыхъ публика не допускала бы въ романѣ. Вотъ почему Куперусъ могъ взять темой приключенія принца-философа, не имѣющаго въ своемъ сердцѣ другого чувства, кромѣ страстной любви къ человѣчеству.

Но пора мнѣ приступить къ этимъ самымъ приключеніямъ. Не имѣя возможности перевести романъ Куперуса, я постараюсь по крайней мѣрѣ передать вкратцѣ его содержаніе.

Миръ вселенной—прямое продолженіе другого романа *Величество*, первое изданіе котораго появилось въ 1894 году. Авторъ описывалъ въ этомъ романѣ дѣтство и молодость принца Оттомара, старшаго сына императора Липарійскихъ островов. Онъ рисуетъ его уже тогда колеблющимся между своими стремленіями и сомнѣніями; принцъ полонъ благородныхъ намѣреній, но не рѣшается на дѣло. «Я всегда любилъ народъ,—говоритъ онъ,—въ своей длинной бесѣдѣ съ отцомъ, я только и думаю о томъ, какъ бы ему помочь, но я думаю объ этомъ неопредѣленно, въ совершенно отвлеченной формѣ. Я протягиваю передъ собой руку, не зная, въ какую сторону ее повернуть, и прихожу въ отчаяніе, схватывая всегда только пустоту». Въ концѣ романа императора Оскора убиваетъ анархистъ, и Оттомаръ послѣ минутнаго желанія отказаться отъ престола принимаетъ съ рѣшимостью, смѣшанною съ безпокойствомъ, тяжелое бремя власти.

Мы его снова встрѣчаемъ въ прологѣ *Мира вселенной*. Онъ прогуливается съ своимъ сыномъ Ксаверіемъ въ окрестностяхъ своихъ замковъ. Ксаверій—болѣзненный и слабый ребенокъ, еще менѣе своего отца вооруженный на борьбу за жизнь. Но онъ тоже безпокоится, жаждетъ правды, занятъ тысячью вопросовъ совсѣмъ не по его возрасту. Доктора ему предписали движеніе, и вотъ, чтобы заставить его ходить, Оттомаръ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, что не мѣшаетъ ему брать сына на руки, какъ только онъ замѣчаетъ, что тотъ немного утомленъ. Такъ проходятъ они мимо веселыхъ пейзажей, грустные, углубленные въ свои мечты. Затѣмъ они возвращаются въ замокъ, и Оттомаръ сдаетъ ребенка на руки его матери, молодой императрицы Валеріи, а самъ идетъ въ свой кабинетъ для совѣщаній съ канцлеромъ и съ однимъ изъ своихъ министровъ.

Ему приходитъ въ голову образовать въ столицѣ своей имперіи, Липарѣ, международный конгрессъ мира, на которомъ въ присутствіи делегатовъ всѣхъ странъ Европы онъ самъ предложитъ всеобщее разоруженіе и учрежденіе третейскаго суда. Ему казалось, что война и содержаніе войскъ, являвшееся слѣдствіемъ ея, были однимъ изъ главныхъ источниковъ людскихъ страданій, и онъ сказалъ себѣ, что, беря лично на себя иниціативу этого конгресса, онъ можетъ разсчитывать, что и другія государства примкнутъ къ нему. Липарійская имперія—большая, могущественная имперія, и для изображенія важнаго политическаго значенія своего молодого героя Куперусъ бралъ за образецъ, конечно, не короля голландскаго.

Итакъ, предстоитъ открытіе конгресса. Императоръ хочетъ заранѣе обсудить нѣкоторыя подробности съ двумя своими совѣтниками. Одинъ изъ нихъ, канцлеръ Ezzera, политикъ старой школы, крайне недоволенъ, что его государь пускается въ такія странныя предпріятія. Онъ настаиваетъ, чтобъ Оттомаръ, по крайней мѣрѣ, не присутствовалъ лично на этомъ конгрессѣ, гдѣ его царское достоинство можетъ быть компрометировано. Наоборотъ, другой министръ, Wlenizi, говоритъ съ энтузіазмомъ о проектѣ конгресса. Его главная цѣль—понравиться государю, и онъ начинаетъ прекрасную рѣчь объ ужасахъ войны, умоляетъ Оттомара лично предсѣда-

тельствовать на засѣданіяхъ и подъ конецъ рисуетъ широкій планъ международной организаціи, гдѣ бы папа имѣлъ право разрѣшать столкновенія. Этотъ риторъ говоритъ такъ долго и такъ изящно, что императоръ, слушая его, чувствуетъ, что къ нему вернулись всѣ его сомнѣнія. Онъ спрашиваетъ себя, можетъ ли въ самомъ дѣлѣ этотъ конгрессъ принести какіе-нибудь результаты,—вѣдь, въ концѣ-концовъ, его главное желаніе—не заботиться о счастьѣ цѣлаго міра, а быть хорошимъ принцемъ для своихъ собственныхъ подданныхъ. Что онъ для нихъ сдѣлалъ? И не крадетъ ли онъ у нихъ время, которое посвящаетъ этимъ великимъ международнымъ проектамъ?

Отрывокъ изъ его дневника, писаннаго нѣсколько дней спустя, носитъ слѣды тѣхъ же самыхъ размышленій, Оттомаръ въ ужасѣ отъ своей слабости и одиночества. Всегда колебаться, сомнѣваться, переходить отъ надежды къ разочарованію! Онъ завидуетъ спокойному счастью своей жены, которая инстинктивно, единственно благодаря своей прямой, здоровой натурѣ, прекрасно справляется съ своей ролью жены, матери и императрицы. Не она ли права? И его сердце сжимается при мысли, что онъ долженъ будетъ уѣхать отъ нея, оставить этого слабаго ребенка, который такъ нуждается въ его помощи. Но онъ не можетъ отступить передъ обязательствомъ, которое онъ на себя наложилъ. И онъ отправляется и торжественно въѣзжаетъ въ свою столицу. Всѣ улицы на его пути разукрашены. Толпа, сбѣжавшаяся со всѣхъ четырехъ сторонъ имперіи, привѣтствуетъ его, какъ благодѣтеля, спасителя народовъ, принца мира.

Въ Липаріи и во всей Европѣ обрашается въ моду восхищеніе идеей всеобщаго мира. Въ кофейныхъ, салонахъ только и говорятъ, что о мирѣ, разоруженіи, третейскомъ судѣ. Засѣданія конгресса имѣютъ удивительный успѣхъ, вся пресса занята ими, самыя незначительныя рѣчи воспроизводятся, комментируются, обсуждаются съ одного конца свѣта до другого. Но въ особенности восхищаются рѣчью молодого императора, между тѣмъ какъ ему было достаточно взойти въ залу засѣданій, чтобы тотчасъ понять, и на этотъ разъ ясно и опредѣленно, полнѣйшую безполезность своего предпріятія. Слова, только слова! Съ отчаянной рѣшительностью выслушиваетъ онъ надутую рѣчь Wlenizi и рѣчи делегатовъ другихъ странъ. Увы, какое добро можетъ произойти отъ этихъ пустыхъ словъ! Помѣшаютъ ли они людямъ страдать, ненавидѣть и пожирать другъ друга, когда роковой инстинктъ будетъ ихъ толкать къ этому? Ни общія мѣры, ни конгрессы, ни законы не могутъ дать человѣчеству счастья. Но тогда что же дѣлать? Покориться, предоставить людей ихъ судьбѣ, или продолжать дѣйствовать, попытать еще что-нибудь?

Конгрессъ закрытъ. Императоръ возвращается въ свой дворецъ въ открытой коляскѣ, въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ. Онъ раскланивается направо и налѣво, отвѣчая на привѣтствія толпы, какъ вдругъ замѣчаетъ неподвижно стоящаго человѣка съ покрытой головой, съ руками засунутыми въ карманы. Этотъ человѣкъ бросилъ на императора, при его про-

ѣздѣ, холодный, жесткій взглядъ. Это продолжалось только одну секунду, но Оттомаръ успѣлъ прочесть въ этомъ вглядѣ глубокую ненависть, ненависть одновременно къ его особѣ и къ его идеямъ, къ существующей дѣйствительности и къ мечтамъ, которыя онъ хотѣлъ осуществить. Это было привѣтствіе анархиста Мелены принцу мира.

Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ закрытія конгресса, какъ ужасныя событія заставили жителей Липаріи и самого императора забыть благородную идею всеобщаго мира. Исправительная колонія Кзара возмутилась противъ своихъ начальниковъ; мятежъ распространялся все дальше и дальше по имперіи и проникъ даже въ столицу Липару. Нельзя было ни указать причины, ни предвидѣть конца этого возстанія. Посѣянное тамъ и сямъ анархистскими проповѣдями, оно кажется внезапнымъ выраженіемъ безсознательной потребности возмущенія, скрытой до того времени въ глубинѣ народной души. Императоръ, пораженный всѣмъ этимъ, видитъ необходимость дѣйствовать рѣшительно. Онъ объявляетъ осадное положеніе, приказываетъ арестовать вожаковъ возмущенія и вообще борется съ ужаснымъ мятежомъ. Чудо спасаетъ его и его имперію. Анархистъ Мелена, увидѣвъ его на балконѣ дворца, поднимаетъ револьверъ, прицѣливается, но даетъ промахъ. Неожиданный переворотъ совершается въ толпѣ, переворотъ быстрый, столь же таинственный, какъ было и начало мятежа. На Мелену бросаются, растерзываютъ его и объявляютъ императора спасителемъ народа, принцемъ мира. Въ сущности его никогда и не переставали любить, и теперь выясняется, что возмутились вовсе не противъ него, а противъ его министровъ, которые такъ долго мѣшали его сближенію съ народомъ.

Въ эпилогѣ мы видимъ Оттомара больнымъ и въ отчаніи,—ему стыдно за себя и за отечество. Доктора предписали ему покой, бездѣятельность его грызетъ, хотя онъ и не имѣетъ никакого понятія, въ какомъ направленіи онъ можетъ теперь дѣйствовать. Наконецъ его новый канцлеръ совѣтуетъ ему предпринять съ женой и ребенкомъ большое путешествіе по его имперіи. Онъ узнаетъ нужды народа, изучитъ на мѣстѣ необходимыя реформы, но главнымъ образомъ развлечется этой иллюзіей дѣятельности. О послѣднемъ канцлеръ ничего ему не говоритъ, но было ясно, что оба они именно такъ это и понимали. И въ самомъ дѣлѣ императоръ понемногу ожилъ, у него явилось желаніе дѣятельности, новыя мечты опять стали приходить ему въ голову.

По крайней мѣрѣ, еслибъ его сынъ послѣ него могъ бы продолжать его дѣло болѣе твердой, болѣе вѣрной рукой, еслибъ ему удалось сдѣлать человѣчество болѣе счастливымъ! «Сынъ мой, — говоритъ онъ ему въ послѣднихъ строкахъ своего дневника, — тяжелую обузу взваливаю я на тебя. Я взвалилъ уже на тебя обузу жизни, а теперь, можетъ быть, даже моя любовь будетъ для тебя обузой. Если это такъ, то прости меня, Ксаверій, прости меня за то, что̀ ты прочтешь на этихъ пожелтѣлыхъ страницахъ, за мои страданія, угрызенія, за мое незнаніе, за мои попытки,

надежды и—увы!—за мое безсиліе что-нибудь найти и что-нибудь сдѣлать. А теперь поди ко мнѣ, скажи мнѣ, что ты меня любишь. Обвей мою шею твоими руками и скажи, что ты меня любишь. Дѣти такъ рѣдко прощаютъ своихъ родителей, что мнѣ страшно за себя... Ксаверій, Ксаверій, когда ты прочтешь эти строки, прости меня, дитя мое!»

Таковъ основной сюжетъ любопытнаго романа Куперуса. Въ моемъ анализѣ я намѣренно оставилъ въ сторонѣ два случайныхъ эпизода, которымъ однако отведено въ романѣ такъ много мѣста, что это не одинъ разъ вредитъ единству разсказа. Первый изъ этихъ эпизодовъ—это—исторія молодой и прекрасной принцессы, тайно обвѣнчанной съ анархистомъ Меленой. Она флиртуетъ съ родственникомъ императора, пока ея мужъ не убиваетъ ее выстрѣломъ изъ револьвера, но онъ дѣлаетъ это вовсе не изъ ненависти или ревности, но въ припадкѣ человѣкоубійственнаго безумія. Какъ видите, исторія романтическая и банальная, которая была бы болѣе на своемъ мѣстѣ въ какомъ-нибудь фельетонѣ.

Второй эпизодъ, наоборотъ, довольно трогательный. Авторъ сдѣлалъ изъ него нѣчто вродѣ новеллы, независимой отъ остального романа и вставленной между двумя главными частями подъ заглавіемъ «Intermezzo», но она, очевидно, имѣетъ отношеніе къ произведенію. Эта новелла написана для того, чтобы показать намъ, что какъ бы ни были высоки стремленія принцевъ и какія бы страданія они имъ ни приносили, ни эти стремленія, ни эти страданія не избавляютъ ихъ отъ обыкновенныхъ горестей жизни и что въ государѣ и въ философѣ всегда живетъ человѣкъ такой же, какъ каждый изъ насъ. Другая цѣль Intermezzo, мнѣ кажется,—подчеркнуть пессимистическую тенденцію романа, показывая намъ, сколько горя и тоски кроется подъ видомъ самаго вѣрнаго счастья. Эта молодая и прекрасная императрица Валерія, тихой ясности которой императоръ завидуетъ въ прологѣ книги, тоже носитъ въ своемъ сердцѣ кровавую рану. Она любила прежде одного принца, который также ее любилъ, и противъ своего желанія, повинуясь государственнымъ соображеніямъ, сдѣлалась женой Оттомара, но въ глубинѣ души она сохранила о своемъ прежнемъ женихѣ нѣжное воспоминаніе; онъ, въ свою очередь, напрасно старался отказаться отъ нея и кончилъ самоубійствомъ. Знаменитая пѣвица, на которой онъ женился въ надеждѣ забыть Валерію, нѣкто Эстелла Дево, пріѣзжаетъ въ Липару дать нѣсколько представленій въ придворномъ театрѣ. Тогда около императрицы начался рядъ интригъ; старались, помимо ея воли, запретить представленія, грозили скандаломъ, такъ что несчастная, обезумѣвшая императрица открыла мужу свою грустную тайну.

— И теперь,—спрашиваетъ ее Оттомаръ,—эта женщина будетъ пѣть?

— Завтра вечеромъ.

— Лучше, Валерія, намъ не ходить въ театръ изъ-за Кзары.

— Да, Оттомаръ, изъ-за Кзары.

И вдругъ, въ отчаяніи, она бросается въ его объятія: «Оттомаръ, изъ

жалости, помоги мнѣ! Я такъ слаба! Прости меня, Оттомаръ... Это не могло такъ продолжаться... Я не могла никому сказать... Только съ тобой, не правда ли, только съ тобой я могу говорить... Оттомаръ... на...—Она ищетъ на своей груди и срываетъ съ шеи цѣпочку съ медальономъ.—На, Оттомаръ, возьми это, брось, сожги это! Это то, что дѣлаетъ меня такой слабой. Уже нѣсколько лѣтъ у меня это отнимаетъ всѣ силы; уже нѣсколько лѣтъ это меня гложетъ, какъ будто бы это былъ ядъ»...

Съ страшными рыданіями она упала къ его ногамъ... И Оттомаръ увидѣлъ въ медальонѣ портретъ принца Леопольда.

Онъ поблѣднѣлъ и посмотрѣлъ на все еще рыдавшую у его ногъ Валерію. Да, она сказала правду: это былъ въ самомъ дѣлѣ ядъ. И вдругъ онъ сломалъ медальонъ и зашвырнулъ его далеко.

Потомъ онъ склонился къ своей женѣ, поднялъ ее и обнялъ. Онъ слышалъ, какъ она плакала. Онъ стоялъ около окна, устремивъ глаза на свою столицу, заснувшую ночью».

Кзара, о которой говоритъ Оттомаръ, это исправительная колонія, въ которой только что вспыхнула революція, и понятно, какъ много глубоко-трагическаго въ совпаденіи двухъ этихъ катастрофъ, разбившихъ однимъ ударомъ двѣ самыя дорогія мечты молодого императора.

II.

Впрочемъ, этотъ мрачный пессимизмъ — черта, свойственная многимъ голландскимъ писателямъ. Она встрѣчается также въ новеллахъ и сказкахъ Эмантса, но—увы!—безъ гармонической поэзіи, въ которую ее облекъ авторъ *Мира вселенной*. Нельзя представить себѣ разсказовъ болѣе прозаическихъ, я хочу сказать — болѣе строго-реальныхъ, съ безжалостной мелочностью анализа, чѣмъ въ двухъ исторіяхъ, недавно напечатанныхъ Эмантсомъ, одной въ *Gids*, другой *Tweemandelijksch Tijdschrift*. Можно сказать, что только тѣ изъ нихъ могутъ составить себѣ представленіе объ этомъ жанрѣ, кто читалъ и еще не забылъ тяжелые романы Шамфлери и Дюранти. Вовсе не обвиняю Эмантса, что онъ заставилъ ихъ забыть, но можно сказать, что онъ инстинктивно усвоилъ себѣ ихъ манеру: такъ, онъ настаиваетъ на перечисленіи самыхъ незначительныхъ подробностей какъ въ чувствахъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и въ обстановкѣ, въ которой онъ заставляетъ ихъ жить. Въ концѣ концовъ я даже не знаю, чѣмъ эта манера хуже другой. Мнѣ даже кажется, что *Несчастія Генріэты Жераръ*, романъ Дюранти, еслибъ только слогъ его былъ бы поразнообразнѣе, могъ бы принадлежать къ почтеннѣйшимъ произведеніямъ реалистической школы. Во всякомъ случаѣ новеллы Эмантса нѣкоторыми первоклассными достоинствами выкупаютъ то, что въ нихъ есть утомительнаго. Анализъ слишкомъ мелоченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ точенъ, такъ ясенъ, что не раскаиваешься, что прослѣдилъ его.

Кромѣ того эти новеллы имѣютъ чисто-голландскій характеръ. Читая ихъ, вспоминаешь картины *Pieter Hooghe* или *Isaïe Bourse*, гдѣ каждая мебель, каждая складка матеріи, каждая рамка на стѣнѣ выписаны съ такою же заботливостью, какъ и движенія людей и выраженія ихъ лицъ. Мало-помалу отъ этой дѣйствительности, такъ добросовѣстно воспроизведенной, выдѣляется очарованіе. При всѣхъ длиннотахъ и повтореніяхъ, при всей банальности интриги, при довольно безполезныхъ пессимистическихъ преувеличеніяхъ, подобное же очарованіе испытываешь и отъ меланхолическихъ разсказовъ Эмантса.

О выборѣ своихъ сюжетовъ Эмантсъ заботится не болѣе старыхъ голландскихъ художниковъ. Можно даже сказать, что онъ разъ навсегда выбралъ себѣ одинъ сюжетъ, очень простой и трогательный, къ которому прекрасно подставляетъ безконечныя варьяціи. Постоянная тема его разсказовъ, это—агонія любви, постепенное или внезапное охлажденіе двухъ сердецъ и сожалѣнія, угрызенія совѣсти и отчаяніе, которыя изъ этого проистекаютъ. То, какъ въ новеллѣ, только что напечатанной въ *Gids*, жена съ ужасомъ замѣчаетъ, что она не любитъ больше своего мужа; въ другой разъ это мужъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ равнодушія, чувствуетъ, что въ немъ оживаетъ его прежняя любовь, онъ грустно признается себѣ, что уже слишкомъ поздно, что пропасть, вырытая имъ самимъ, не засыплется и что время счастья для него прошло навсегда.

Но нигдѣ Эмантсъ не трактуетъ этотъ сюжетъ съ такихъ чувствомъ и съ такой правдивостью, какъ въ двухъ большихъ новеллахъ, появившихся недавно въ одномъ томѣ подъ общимъ заглавіемъ, предназначенныхъ, очевидно, дополнять одно другое. *Dood*, смерть, такъ онъ ихъ назвалъ, и онъ, въ самомъ дѣлѣ, съ замѣчательной точностью, богатствомъ деталей, строгостью анализа заставляетъ насъ присутствовать при смерти любви, довѣрія, радости въ душахъ двухъ молодыхъ и прекрасныхъ существъ, отдавшихся другъ другу.

Въ особенности, мнѣ кажется, первая изъ этихъ новеллъ представляетъ собою одно изъ самыхъ характеристическихъ произведеній голландской литературы. Одинъ офицеръ, нѣкто van Harden, вернувшись къ себѣ послѣ маневровъ, говоритъ своей молодой женѣ, что ходятъ слухѣ о войнѣ. При мысли, что ея мужъ уѣдетъ, что онъ, можетъ быть, умретъ, несчастная не скрываетъ болѣе тайны, которую она давно хранила. Она признается своему мужу, что любила другого, что она даже была готова уйти съ нимъ, и нѣжно, униженно проситъ у него прощенія. Это точка отправленія разсказа, и Эмантсу довольно нѣсколькихъ строкъ, чтобы намъ это изложить; но затѣмъ начинается длинный монологъ, тридцать страницъ мельчайшихъ разсужденій, перечисленныхъ во всей ихъ послѣдовательности. Мужъ по очереди сердится, смиряется, отчаивается и снова надѣется. Тысяча воспоминаній приходитъ ему въ голову, слова, которыя онъ говорилъ и которыхъ не долженъ былъ говорить; тысяча плановъ мелькаетъ передъ

нимъ и сейчасъ же исчезаетъ. И когда, часъ спустя, онъ встрѣчается съ женой, онъ понимаетъ, что что-то существенное порвалось и въ ней и въ немъ и что то, чѣмъ они до тѣхъ поръ жили, рушилось по ея винѣ, по винѣ ихъ обоихъ, или скорѣе только по винѣ судьбы. Съ этихъ поръ они будутъ хоть и подъ одною крышей, но чужими другъ другу. Они будутъ только двумя живыми мертвецами... Но никакой пересказъ не можетъ дать представленія объ этомъ жанрѣ, достоинства котораго только въ изобиліи и разнообразіи подробностей, и я боюсь, что прелесть терпѣливыхъ анализовъ Эмантса слишкомъ голландская, чтобы когда-нибудь быть оцѣненной внѣ его родины.

Л.

Изъ неаполитанскихъ впечатлѣній *).

Газеты.—Улицы.

Я читалъ итальянскія газеты, издающіяся въ Неаполѣ и Римѣ, — газеты сѣверной Италіи не доходятъ до Неаполя, по крайней мѣрѣ не продаются у газетчиковъ. Все время моего пребыванія въ Италіи газеты были заняты, конечно, главнымъ образомъ абиссинскою войной. *Corriere di Napoli* велъ талантливую и упорную кампанію противъ войны и противъ министерства Криспи. За Криспи и за войну въ Неаполѣ былъ *Mattino,* газета, издаваемая Эдоардо Скарфольо, мужемъ Матильды Серао. Извѣстная писательница тоже неугомимая журналистка, много пишетъ въ газетѣ своего мужа и подобно столькимъ другимъ позоритъ свой талантъ употребленіемъ его на безсмысленные пустяки ежедневной газетной болтовни. Въ хроникѣ, которую она ведетъ подъ псевдонимомъ «Gibus»,— псевдонимъ фиктивный, такъ какъ въ спискѣ сотрудниковъ газеты, въ объявленіи объ изданіи, онъ разоблачается постоянно—есть ежедневный, постоянный отдѣлъ «маленькой почты»; авторъ даетъ отвѣты на всевозможные вопросы, къ нему обращаемые читателями и почитателями. И что это за вопросы, что за отвѣты!... Совѣты относительно нарядовъ и соблюденія различныхъ свѣтскихъ приличій занимаютъ первое мѣсто; говорится и о томъ, какія уменьшительныя бываютъ отъ разныхъ именъ, и о томъ, что, отправляясь, по обѣщанію, въ Valle di Pompei на богомолье, не слѣдуетъ ѣсть мяса; что приличный подарокъ для жениха составляютъ часы; что визиты всего лучше дѣлать въ коляскѣ; что завтракъ въ двѣ лиры, у Гамбринуса, можетъ удовлетворить любой вкусъ и всякій аппетитъ; что средство противъ муравьевъ автору не извѣстно; что средство противъ веснушекъ имъ указывалось уже тысячу разъ; какой-то «Офеліи» совѣтуется принять предложеніе адвоката изъ Калабріи, потому что калабрійцы — отличные мужья (i Calabresi sono ottimi mariti), и безконечное количество тому подобнаго вздора, который не удивителенъ въ почтовомъ ящикѣ маленькой газеты, но производитъ странное впечатлѣніе

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1897 г.

подъ перомъ автора *Фантазіи*, романистки умной и талантливой. Впрочемъ, говорятъ, подъ именемъ Gibus пишетъ не одна Matilde Serao; этимъ псевдонимомъ пользуются и другіе сотрудники, но числится онъ постоянно за ней, такъ что тѣмъ хуже для нея.

Въ мѣстной хроникѣ неаполитанскихъ газетъ необыкновенно видное мѣсто, по сравненію съ нашими, занимаютъ кровавыя происшествія: ударъ ножомъ, выстрѣлъ изъ револьвера—«una revolverata», «una piccola coltellata»—обыденнѣйшія рубрики въ хроникѣ. Нельзя назвать эти происшествія покушеніями на убійство въ нашемъ смыслѣ,—нѣтъ: это—скверная, необыкновенно живучая привычка самосуда, вѣковая привычка къ самоличной расправѣ, вспыльчивость и горячая кровь южанъ. Ничтожная ссора, копеечная въ буквальномъ смыслѣ распря, перебранка между любовниками съ преувеличенною легкостью доводятъ руки до ножей, ножи до боковъ противника. Ни государственное устройство объединенной Италіи, съ ея усовершенствованными полиціей и судомъ, ни болѣе покойные и мирные нравы, проникающіе съ сѣвера, не могутъ еще здѣсь вывести изъ привычекъ народа скверной манеры хвататься за ножи при самомъ ничтожномъ поводѣ. Было бы ошибочно думать, что склонность къ кровавымъ дракамъ облегчается слабостью уголовныхъ наказаній. Вовсе нѣтъ. Если, по несчастью, ударъ ножомъ имѣетъ смертельный исходъ, убійца идетъ въ каторжныя работы. За ударъ ножомъ безъ убійства виновный долго отсиживается въ тюрьмѣ. Булочникъ, который мнѣ носилъ хлѣбъ, былъ нѣсколько лѣтъ «carcerato» за такую «кольтеллату». И что во многихъ случаяхъ всѣ подобныя происшествія не заключаютъ въ себѣ злого умысла, не имѣютъ характера покушеній на убійство, тѣмъ болѣе обдуманнаго, доказывается тѣмъ, какъ часто раненые въ подобныхъ передрягахъ люди при полицейскомъ дознаніи не объявляютъ имени виновнаго, приписываютъ ударъ ножомъ какому-нибудь «неизвѣстному» или стараются свалить все на несчастный случай. Является въ больницу какой-нибудь Пашкали и проситъ помочь ему: по его словамъ, какой-то неизвѣстный человѣкъ, uno sconosciuto, ранилъ его ножомъ на улицѣ. Но полиція плохо вѣритъ въ таинственнаго незнакомца, и начинается разслѣдованіе въ околодкѣ Пашкали, между его сосѣдями и пріятелями.

Иногда эти расправы носятъ такой комическій характеръ и возникаютъ изъ-за такихъ забавныхъ пустяковъ, что кажутся и въ самомъ дѣлѣ забавными происшествіями. Такъ, я читалъ однажды, какъ одинъ «скульпторъ» скромно понесъ свою рубашку въ гладильную, съ просьбою ее накрахмалить. Но гладильщица отказалась взять невымытую рубашку; какъ результатъ возникшаго вслѣдствіе этого обмѣна мыслей, бѣдный скульпторъ получилъ ударъ ножомъ въ спину и—лаконически прибавляетъ хроника—«ando a medicarsi all' Ospedale»—пошелъ лѣчиться въ госпиталь. Больше ему ничего не оставалось дѣлать, конечно.

Два продавца зелени, которымъ женщина съ балкона крикнула, чтобы дали ей на сольдо (меньше 2 копеекъ) салата, завязали споръ, къ кому

изъ нихъ собственно женщина хотѣла обратиться; споръ кончился тѣмъ, что одинъ нанесъ другому пять ударовъ ножомъ. Даже дѣти, мальчики въ 12 — 13 лѣтъ, поссорившись за игрой, пускаютъ въ ходъ ножи и наносятъ другъ другу подчасъ тяжелыя раны.

На Троицу здѣсь существуетъ обычай ѣздить на богомолье въ Monte Vergine, древній монастырь съ чудотворною мадонной, верстъ 90 отъ Неаполя. Обычай этихъ богомолій тоже вѣковой и, вѣроятно, непосредственно переродился изъ соотвѣтственныхъ языческихъ богомолій. Ѣздятъ на лошадяхъ, собираясь по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, въ складчину, проводятъ тамъ нѣсколько дней,—увеселительная поѣздка, предлогъ для маленькаго кутежа. Возвращаются эти паломники въ городъ съ особеннымъ эффектомъ—въ колясках и въ телѣжкахъ на парѣ и на тройкѣ, и лошади очень красиво украшены перьями, лентами, бубенчиками и т. п. Неаполитанцы—большіе любители ѣзды, и надо удивляться ихъ мастерству и ихъ «благополучію», когда они рысью катятъ по узкому переулку, гдѣ съ трудомъ могутъ разъѣхаться два экипажа, гдѣ нѣтъ тротуаровъ и пѣшеходы идутъ серединой улицы, а прямо на улицу выходятъ двери домовъ, откуда выбѣгаютъ дѣти. И ничего, кучеръ гонитъ лошадь, усиленно щелкая бичомъ въ воздухѣ, при всеобщемъ къ нему равнодушіи, и счастливо минуетъ пѣшеходовъ, чуть не на волосъ ихъ касаясь. Они—ловкіе возницы, это правда. Послѣ поѣздки въ Monte Vergine экипажи съ разряженными лошадьми (сѣдоки одѣты очень просто: весь эффектъ разсчитанъ на лошадей) съ шумомъ и трескомъ и звономъ бубенчиковъ—чисто русскимъ звономъ — катятъ черезъ городъ. Я любовался этой пестрой и веселой картиной, сидя у столика на тротуарѣ передъ caffé Gambrinus (не безобразіе ли это: одно изъ лучшихъ и популярныхъ caffé въ Неаполѣ носитъ это неуклюжее, нѣмецкое, пивное имя). Былъ Духовъ день, 25 мая, а погода была, по странной случайности, сѣрая и ненастная, моросилъ мелкій дождикъ, было сыро и непріятно, и мнѣ казалось, что я сижу не въ Неаполѣ, а въ Павловскѣ на музыкѣ. Въ качествѣ равнодушнаго къ дурной погодѣ сѣверянина, я сидѣлъ одинъ на воздухѣ передъ кафе къ нѣкоторому удивленію прохожихъ, имѣвшихъ случай лишній разъ подумать: какіе чудаки эти inglesi (sono curiosi questi forestieri!)

Поѣздка на Monte Vergine заканчивается традиціонно ея участниками въ самый день возвращенія или на другой день въ какомъ-нибудь кабачкѣ на Posilippo. Въ хроникѣ неаполитанской газеты, описывающей возвращеніе богомольцевъ изъ Monte Vergine, я читалъ: «Сегодня, по традиціонному обычаю, въ этихъ же экипажахъ отправляются на Позилиппо per fare *e'cunte*, т.-е. свести счеты по расходамъ поѣздки и распредѣлить ихъ между участниками. Часто эта простая ариѳметическая операція оканчивается револьверными выстрѣлами, и почти ежегодно хроника заноситъ случаи нанесенія ранъ. Пожелаемъ, чтобы на этотъ разъ все обошлось мирно».

Но доброе пожеланіе хроникера и на этотъ разъ не оправдалось. На другой же день я увидѣлъ въ газетѣ подъ рубрикой «I conti di Monte-

Vergine» разсказъ о томъ, какъ компанія друзей въ тратторіи на Позилиппо, сводя счеты по поѣздкѣ, перессорилась, и одинъ изъ нихъ, перчаточникъ, получилъ ударъ ножомъ и выстрѣлъ изъ револьвера. Виновные были арестованы, раненый отправленъ въ больницу; но — что лучше всего — при допросѣ онъ заявилъ, что имена его «друзей» ему неизвѣстны.

Но иногда подобныя расправы принимаютъ размѣры для цивилизованной страны дѣйствительно немножко излишнія. Вотъ, наприм., разсказъ объ одномъ происшествіи, который я привожу, съ нѣкоторыми сокращеніями, изъ газетъ *Mattino* и *Corriere di Napoli* отъ 1 мая 1895 г. Происшествіе это озаглавлено: «Il dichiaramento di ieri in via S. Antonio ai Monti»— «объявленіе» или «объясненіе», въ данномъ случаѣ «вызовъ на поединокъ» въ улицѣ С. Антоніо ai Monti. «Въ уединенной улицѣ S. Antonio ai Monti, около Ventaglieri, вчера, въ 4 часа дня, нѣсколько молодыхъ людей собрались, чтобы приступить къ *объявленію*—per procedere ad un *dichiaramento*».

«Въ назначенный часъ около пятнадцати такихъ dichiaranti, всѣ болѣе или менѣе прикосновенные къ лѣтописямъ худой жизни, сошлись передъ входомъ въ одну кофейню и, послѣ короткаго и сравнительно мирнаго объясненія, раздѣлились на два лагеря, вынули револьверы и принялись обмѣниваться выстрѣлами, къ ужасу жителей улицы и прохожихъ, которые въ испугѣ побросались прятаться въ сосѣдніе дома, при общемъ крикѣ женщинъ и плачѣ дѣтей. Лавочники стали поспѣшно закрывать лавки.

«Короткая, но ожесточенная перестрѣлка перешла въ драку ножами и палками, въ результатѣ которой оказалось трое раненыхъ. Послѣ этого i dichiaranti разбѣжались въ разныя стороны; двое изъ нихъ, свернувши на Corso Vittorio Emmanuele, тотчасъ же наткнулись на полицейскихъ и были арестованы». Изъ остальныхъ участниковъ драки полиціи удалось разыскать и арестовать еще нѣсколькихъ.

Неаполитанскіе «каморристы», среди бѣла дня, на городской улицѣ, дающіе другъ другу формальныя сраженія, съ перестрѣлкой (кажется, впрочемъ, въ значительной степени фиктивной) и съ рукопашной—это ужъ что-то средневѣковое и для нашихъ современныхъ нервовъ слишкомъ крѣпкое. Немудрено, что одинъ мой соотечественникъ, пріѣхавши въ Неаполь и принявшись читать мѣстныя газеты, такъ былъ пораженъ этими вѣчными драками, убійствами, ножами и револьверами, что подъ конецъ сталъ бояться выходить на улицу. И между тѣмъ страхъ его былъ ни на чемъ не основанъ: всѣ эти расправы неаполитанцы совершаютъ исключительно между собою, это—порывы раздраженія и мести, устарѣлыя формы самосуда. Нападенія на постороннихъ людей съ цѣлью наживы или ограбленія составляютъ здѣсь такое же исключительное, случайное явленіе, какъ и повсюду.

Неаполитанская улица носитъ совсѣмъ своеобразный характеръ, особенно по сравненію съ нашей петербургской улицей. Мы себя чувствуемъ на

улицѣ прежде всего *не дома;* улица для насъ — вещь казенная, которою мы хотя и можемъ пользоваться, но съ значительною опаской и съ тою степенью почтительности, которую невольно вызываетъ въ насъ все казенное. Мы ревниво скрываемъ отъ улицы нашу домашнюю жизнь; мы дома и мы на улицѣ—это совершенно различные люди. Выйдя на улицу, мы сразу чувствуемъ себя въ нѣсколько оффиціальномъ и приподнятомъ положеніи, на виду у людей; мы чувствуемъ, что здѣсь не мы хозяева, что никакого права на улицу, по которой идемъ, мы не имѣемъ. Мы проходимъ ее въ видѣ гостей или даже подчиненныхъ. И мы даже боимся ея; мы питаемъ къ ней ту глубокую, затаенную подозрительность и робость, которая коренится въ душѣ всякаго, даже самаго независимаго, самаго либеральнаго и свободомыслящаго русскаго человѣка. Не даромъ у насъ сложилась пословица, удивительная по своему антисанитарному и антиполитическому смыслу,—пословица, рекомендующая сору изъ избы на улицу не выносить. Не даромъ мы съ такимъ пренебреженіемъ говоримъ,—кажется, Достоевскій пустилъ въ ходъ это выраженіе,—объ идеѣ, «попавшей на улицу». Какъ будто идея должна жить только въ душныхъ комнатахъ городскихъ жителей, въ одинокихъ кабинетахъ мыслителей и книжныхъ людей.

Неаполитанецъ думаетъ на этотъ счетъ совершенно иначе. Относительно сора прежде всего онъ полагаетъ, что куда же и дѣвать соръ, какъ не на улицу. Неопрятность неаполитанскихъ улицъ вошла въ пословицу. Еще въ нѣсколькихъ улицахъ центра города, гдѣ нижніе этажи заняты богатыми магазинами, на Toledo, на Piazza S. Ferdinando, на новой улицѣ Re d'Italia, мостовыя еще до нѣкоторой степени свободны отъ отбросовъ. Но какъ только вы свернете въ одинъ изъ боковыхъ переулковъ, густо населенныхъ бѣднымъ людомъ, или пойдете хотя бы и по большой улицѣ, но менѣе занятой магазинами и съ меньшимъ движеніемъ народа, чѣмъ въ центрѣ,—вы немедленно натыкаетесь на мусоръ. Все, что ненужно въ хозяйствѣ, всѣ кухонные отбросы, старыя тряпки, рваныя подошвы, арбузныя корки, выжатые лимоны—все это летитъ на улицу, подъ ноги прохожихъ. Вотъ въ канавкѣ около тротуара накопилась цѣлая куча капустныхъ листьевъ, кочерыжекъ броколи, обглоданныхъ початковъ кукурузы и т. под. отбросовъ; и оселъ, запряженный въ тележку и оставленный отлучившимся хозяиномъ, роется мордой въ этой кучѣ, разыскивая чѣмъ поживиться. Городъ содержитъ цѣлую армію чистильщиковъ, которые разъѣзжаютъ по улицамъ съ тележками и убираютъ мусоръ и отбросы; но ихъ дѣятельность остается совершенно незамѣтной для глаза, такъ какъ все, что убрано и вывезено ночью, утромъ быстро пополняется вновь свѣжими отбросами. Не способствуетъ опрятности города также способъ его снабженія молокомъ: стада козъ бѣгаютъ по всѣмъ улицамъ города, не избѣгая самыхъ модныхъ и самыхъ людныхъ. Чтобы доить козъ, ихъ гоняютъ въ дома, и гонятъ козу по лѣстницѣ въ четвертый и пятый этажъ, чтобы нацѣдить тамъ въ стаканъ молока на нѣсколько сольди. Въ жаркое время

дня козы отдыхаютъ цѣлымъ стадомъ головъ въ 10—15 на тротуарѣ, въ тѣни какого-нибудь многоэтажнаго дома, вытянувшись въ линію возлѣ стѣны и плотно къ ней прижимаясь, чтобы вполнѣ использовать короткую полуденную тѣнь. Но еще куда ни шло козы,—подобныя путешествія по городу дѣлаютъ и коровы. Двѣ-три коровы съ большими колокольчиками на толстыхъ шеяхъ медленно шагаютъ, ихъ ведетъ за веревку или просто идетъ рядомъ, положивши руку на хребетъ коровы, хозяинъ или часто хозяйка, крестьяне изъ подгородныхъ мѣстъ Fuorigrotta, Vomero, Antignano. Между этими коровницами попадаются красивыя женщины, стройныя, хорошо сложенныя. Я часто встрѣчалъ одну, которая мнѣ постоянно напоминала извѣстныя танцующія женскія фигуры на фрескахъ Помпеи, даромъ что она ходила въ вульгарномъ ситцевомъ платьѣ и въ неуклюжихъ башмакахъ на деревянныхъ подошвахъ,—башмакахъ, которыя такъ неловко и некрасиво хлябаютъ на ногѣ.

Коровъ нельзя гонять въ пятый этажъ по лѣстницѣ, и молоко ихъ продается иначе. Остановившись противъ дома, въ которомъ у нея есть кліенты, коровница начинаетъ сильно звонить въ колокольчикъ, висящій на шеѣ коровы. Тогда изъ верхнихъ этажей выходятъ на балконъ потребители, и на длинной веревкѣ спускаютъ внизъ корзину, въ которой стоитъ стаканъ или кружка и лежитъ нѣсколько сольди. Коровница беретъ деньги и кружку и, надоивши сколько слѣдуетъ молока, ставитъ ее обратно въ корзину, которая немедленно начинаетъ подниматься. Казалось бы, при такомъ способѣ продажи молока, когда корову доятъ среди улицы, на глазахъ людей, прямо въ посуду потребителя, никакіе способы фальсификаціи продукта не возможны. Но мнѣ разсказывали, что между продавцами молока бывали такіе артисты, которые даже при этихъ условіяхъ ухитрялись мошенничать: онъ держитъ подъ платьемъ пузырь съ водой, отъ котораго проведена резиновая трубка въ рукавъ: въ то время, когда онъ доитъ корову, онъ успѣваетъ изъ рукава прилить въ стаканъ воды.

Коровы и козы повсюду оставляютъ слѣды своего пребыванія на улицахъ,—для нихъ законы общежитія не писаны. Но эти законы и для неаполитанцевъ плохо писаны, особенно для неаполитанскихъ дѣтей. Дѣти, и даже не очень маленькія, повсюду исполняютъ свои дѣлишки тутъ же на улицѣ, у стѣнки, рядомъ съ дверью отцовскаго дома. Это до такой степени кажется законнымъ и обыденнымъ, что не можетъ быть и рѣчи о какой-либо претензіи со стороны начальства или кого-либо другого. Мальчишка располагается въ двухъ шагахъ отъ смирнаго неаполитанскаго городового, который смотритъ на него такимъ же беззаботнымъ взглядомъ, какъ на воркующихъ рядомъ голубей. И вы встрѣтите это не только въ тѣхъ безчисленныхъ, похожихъ на глубокія каменныя щели, городскихъ переулкахъ, въ узкихъ стѣнахъ которыхъ кипитъ собственно неаполитанская жизнь, но и въ болѣе просторныхъ и чистыхъ новѣйшихъ кварталахъ, преимущественно занимаемыхъ иностранцами: и на великолѣпной Ривьерѣ, и на изящной, полной душистыхъ садовъ, Rione

Amedeo, и на Corso, повсюду вы видите подъ стѣнами домовъ скрюченныя дѣтскія фигурки, на подобіе какихъ-то маленькихъ неподвижныхъ каріатидъ. То же—и въ Сорренто, и въ Помпеѣ, и повсюду.

Для неаполитанца улица не казенное добро, а его личная собственность, часть его собственной квартиры, и такъ какъ послѣдняя часто бываетъ очень мала и темна, то онъ дополняетъ ее улицей. На улицѣ онъ живетъ, это наполовину его домъ, онъ и чувствуетъ себя на ней какъ дома. Въ большинствѣ домовъ нижніе этажи заняты лавочками и помѣщеніями разныхъ мастерскихъ, или жилищами ремесленниковъ, и устроены они такъ оригинально, что, проходя по улицѣ, вы совершенно ознакомитесь съ жизнью ея обитателей. Это по большей части довольно большая комната, съ дверью, прямо выходящею на улицу, но безъ оконъ. Вы видите въ глубинѣ комнаты монументальную желѣзную кровать, совершенно семейную по размѣрамъ, широкая спинка которой расписана цвѣтами и амурами. Нерѣдко успѣете разсмотрѣть также комодъ, на которомъ стоитъ статуэтка мадонны—деревянная раскрашенная кукла, одѣтая въ современное платье, съ вѣеромъ и носовымъ платкомъ въ рукѣ. Тутъ же въ комнатѣ печь, гдѣ на угольяхъ хозяйка кипятитъ воду и варитъ макароны. Такъ какъ окошекъ въ комнатѣ нѣтъ, и свѣтъ—и довольно скудный въ узкихъ переулкахъ—проходитъ только черезъ дверь, то естественно и работать можно только около двери. Столяръ ставитъ свой верстакъ такъ, что онъ концомъ выходитъ на улицу, и стругаетъ. Сапожники на своихъ низенькихъ табуретахъ располагаются или въ самыхъ дверяхъ, или на улицѣ около дверей. Тутъ же въ дверяхъ стоитъ и швейная машина, на которой работаетъ швея; гладильщицы держатъ на улицѣ около дверей жаровню, на которой грѣютъ утюги. Въ узкихъ переулкахъ обыкновенно совсѣмъ нѣтъ тротуара, вся улица одинаково вымощена плитами лавы, и пѣшеходы заполняютъ всю улицу. Тутъ же мимо сапожныхъ станковъ, швейныхъ машинъ и утюговъ проходятъ козы, ослы, нагруженные овощами, телѣжки разносчиковъ. Порой по такому узкому переулку проѣзжаетъ громадное великолѣпное ландо, запряженное парою крупныхъ вороныхъ, съ кучеромъ и великолѣпнымъ лакеемъ на высокихъ козлахъ, и нарядною, но не всегда, впрочемъ, столь изящною, какъ вышеупомянутая коровница, дамою внутри. Ландо запруживаетъ всю улицу, на вершокъ не касаясь колесами станковъ, швейныхъ машинъ и дѣтскихъ каріатидъ по бокамъ улицы. Часто бываетъ такъ тѣсно въ этихъ переулкахъ, что встрѣчаясь съ экипажемъ, чтобы дать ему мѣсто, нужно остановиться въ самыхъ дверяхъ квартиры какого-нибудь ремесленника.

Я только-что упомянулъ, говоря о квартирѣ неаполитанца, о статуэткѣ мадонны, составляющей ея необходимую принадлежность. Кромѣ деревянныхъ фигуръ Богородицы и святыхъ, въ квартирахъ простыхъ людей и мелкаго средняго класса можно найти всегда множество религіозныхъ изображеній различныхъ форматовъ. Монахи и священники, которые ходятъ по домамъ для собесѣдованій и за сборомъ милостыни, носятъ

съ собой цѣлыя пачки картинокъ религіознаго содержанія, которыя они раздаютъ даромъ дѣтямъ и женщинамъ. По большей части это дешевенькія, хотя иногда недурно сдѣланныя, хромолитографіи, съ изображеніемъ особенно почитаемыхъ иконъ (Помпейская S. Vergine del Rosario) или мадоннъ и святыхъ, взятыхъ нерѣдко со старинныхъ картинъ знаменитыхъ художниковъ. На обратной сторонѣ картинки напечатана молитва, наставленіе или что-либо подобное. Бываютъ даже стишки. Такъ подъ картинкой изображающей Рождество Спасителя—мадонна сидитъ съ младенцемъ на рукахъ, а возлѣ нея Іосифъ и три ангела, изъ коихъ одинъ играетъ на флейтѣ, а другой на лютнѣ или мандолинѣ—подписанъ стишокъ: «Corriamo tutti con santo zel—All umil Culla del Re del Ciel» (прибѣгаемъ со святымъ усердіемъ къ колыбели Царя Небесъ). Впрочемъ, подобныя произведенія католическаго религіознаго усердія всѣмъ извѣстны, и не мало такихъ картинокъ нѣмецкаго или польскаго происхожденія заходитъ и къ намъ въ Россію, особенно въ южную, гдѣ въ малороссійскихъ деревняхъ въ углу, украшенномъ произведеніями дешеваго искусства, часто можно встрѣчать католическія духовныя картины. Но изъ множества подобнаго рода произведеній, которыя мнѣ пришлось видѣть въ Неаполѣ, одно попалось мнѣ по своему содержанію столь неожиданное и выходящее изъ ряду вонъ, столь наивно-средневѣковое, что я не могъ не сохранить его на память.

Это была, впрочемъ, уже не картина. На продолговатомъ листкѣ бумаги отпечатанъ былъ контуръ подошвы ноги, т.-е. не ноги собственно, а обуви, вродѣ широкаго башмака, закругленнаго какъ на заднемъ, такъ и на переднемъ концѣ. Мѣрка эта указывала, между прочимъ, на очень маленькую ногу. Внутри пространства, ограниченнаго контуромъ, подъ вензелемъ изъ двухъ буквъ: A и M (Ave Maria), напечатано было слѣдующее: «Giusta misura del Piede della Beatissima Madre di Dio, cavato dalla sua vera scarpa, che si conserva con somma divozione in un Monastero di Spagna. Il Pontefice Giovanni XXII concesse 300 anni d'Indulgenza a chi bacera tre volte questa misura e vi recitera tre Ave Maria: e ciò fu confermato dal Papa Clemente VIII, nell'anno di nostra Redenzione 1603. Questa Indulgenza non avendo prescrizione di numero, si puo acquistare quante volte si vorra dai divoti di Maria Vergine Santissima, si puo applicare alle Anime del Purgatorio, ed e permesso a maggiore gloria della Regina del Cielo di trarre da questa misura altre simili le quali averanno tutta la medisima Indulgenza.—Maria Mater gratiae ora pro nobis» *).

*) „Точная мѣрка съ ноги Богородицы, снятая съ истиннаго башмака Ея, набожно хранимаго въ одномъ испанскомъ монастырѣ. Папа Іоаннъ XXII даровалъ индульгенцію на 300 лѣтъ тому, кто трижды поцѣлуетъ эту мѣрку и прочитаетъ при семъ три раза Богородицу, что было подтверждено и папой Климентомъ VIII въ 1603 г. Индульгенція эта не ограничена числомъ и можетъ быть пріобрѣтаема благочестивыми людьми у Дѣвы Маріи сколько угодно разъ, можетъ быть также примѣняема и къ душамъ находящимся въ чистилищѣ; а для вящей славы Небесной Царицы разрѣшено съ этой мѣрки снимать копіи, которыя будутъ имѣть ту же самую силу индульгенціи“.

Въ этомъ отпущеніи грѣховъ «на триста лѣтъ» всего лучше его широкая примѣнимость и всеобъемлемость. Нѣтъ болѣе грѣховъ! Такъ какъ всякая копія съ мѣрки сохраняетъ ту же священную силу, то при современномъ состояніи типографскаго дѣла можно было бы въ нѣсколько дней освободить все населеніе земного шара отъ грѣховъ. А черезъ 300 лѣтъ можно было бы эту операцію повторить, и такимъ образомъ поддерживать на землѣ (и въ чистилищѣ?) непрерывное безгрѣшное состояніе людского рода.

Весь день улицы полны людей, предлагающихъ другимъ свои услуги, и такъ какъ имъ въ высшей степени важно, чтобъ ихъ услуги были приняты, то они усерднѣйшимъ образомъ стараются обратить на себя общественное вниманіе; и такъ какъ они южане, то роскошь жестовъ и излишество крика, наполняющихъ улицу, непривыкшаго человѣка могутъ напугать и привести въ одурѣніе. Въ разныхъ мѣстахъ на углахъ улицъ сидятъ чистильщики сапогъ, со своими щетками, бутылочками ваксы и деревянною табуреткой, на которую ихъ кліенты ставятъ ногу; у вокзала ихъ сидитъ вдоль тротуара подъ-рядъ десятка два. И когда вы проходите мимо, они всѣ въ разъ начинаютъ неистово колотить своими щетками по табуреткамъ, чтобы вы обернулись, чтобы вы взглянули, чтобы вы вспомнили, что ваши сапоги не въ безукоризненномъ состояніи. Извозчикъ, стоящій у тротуара, еще за пятьдесятъ шаговъ до вашего приближенія начинаетъ вамъ шикать, звать васъ, махать руками, хлопать бичомъ, и если вы нечаянно на него взглянете, онъ съ высоты козелъ дѣлаетъ символическій жестъ указательнымъ перстомъ внутрь экипажа: садитесь дескать. Извозчики, стоящіе у отелей, истинный бичъ иностранца, особенно если онъ не знаетъ ни одного слова по-итальянски, вдобавокъ еще немножко робокъ и конфузливъ, и особенно если извозчикъ воображаетъ, что знаетъ нѣсколько словъ по-французски. Съ нахальствомъ и неотвязчивостью воспѣтой Апухтинымъ русской деревенской мухи, они слѣдятъ за иностранцемъ по пятамъ, лишь только онъ вышелъ изъ дверей гостинницы, ѣдутъ за нимъ и бѣгутъ по тротуару, трогаютъ за рукавъ и за руку, и жужжатъ: Volete la vettura? Andiamo a Pompei, a Castellamare, a Sorrento, a Pozzuoli... Solfatara, Agnamo», перечисляя всего Бедекера. Отвѣчать имъ—хуже. Самое лучшее средство—это выказывать полную, если можно такъ сказать, анэстезію: дѣлать видъ, что все происходящее для васъ такъ же мало существуетъ, какъ будто бы оно происходило на лунѣ, что ваши уши и глаза не существуютъ для назойливыхъ людей, что вы ихъ не замѣчаете. Тогда они видятъ, что не на дурака напали, и отстаютъ. Тоже средство рекомендуется противъ назойливыхъ нищихъ и продавцовъ всякой дряни, преслѣдующихъ иностранца на набережныхъ и въ Villa Nazionale. Но всѣмъ этимъ людямъ важенъ только иностранецъ, и притомъ свѣжій; иностранецъ, прожившій уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Неаполѣ и понимающій по-итальянски, теряетъ свой интересъ. Его уже не повезешь за 5 фран. на Позилиппо, и извозчики, кромѣ обязательнаго жеста указательнымъ перстомъ внутрь экипажа, ни на какіе дальнѣйшіе агрессивные поступки не отваживаются.

Рано утромъ въ городѣ появляются со всѣхъ сторонъ окружной Кампаньи продавцы овощей и зелени; товаръ ихъ или несетъ оселъ, черезъ спину котораго перекинуты двѣ корзины, или оселъ запряженъ въ телѣжку, вродѣ площадки или платформы на колесахъ. Ослы эти съ ихъ добрыми мордами и длинными сѣрыми ушами такъ милы, а корзины и телѣжки представляютъ, особенно осенью, такую роскошь красокъ, что такъ и просятся на картину. Въ самомъ дѣлѣ, когда вся площадка телѣжки нагружена зелеными кочнами капусты, огненно-красными помидорами, темно-фіолетовыми баклажанами, красными стручками перцу, длинными желтыми кусками разрѣзанной огромной тыквы,—нельзя не залюбоваться всею этой прелестью. Чудесно хороши также корзины съ плодами—персиками, перкоккамн, виноградомъ. Разносчикъ при этомъ старается особенно украсить свою подвижную лавочку; въ край корзины, въ которой лежатъ его помидоры, воткнуты палочки, и на каждую такую палочку воткнуто по помидору. Потомъ онъ убираетъ всѣ свои корзины съ овощами и фруктами и самого осла зеленью—каштановыми или виноградными листьями. Однимъ словомъ, эти ослы съ овощами—одно изъ лучшихъ украшеній неаполитанскихъ улицъ утромъ.

Но крикъ подымаютъ продавцы при этомъ оглушительный. Медленно подвигаясь со своимъ осломъ посреди улицы, онъ выкрикиваетъ свой товаръ непрерывно, ожидая, чтобы гдѣ-либо съ балкона 4 или 5 этажа спустилась къ нему на веревкѣ корзина съ нѣсколькими сольди, на которые онъ отпуститъ помидоръ или пепероновъ (стручки вродѣ краснаго перца, но не такіе ѣдкіе). Кричитъ такъ, что можно только удивляться строенію его горла, крѣпости голосовыхъ связокъ, неприхотливости барабанной перепонки.

Не меньше крику, впрочемъ, дѣлаютъ продавцы газетъ, для которыхъ существуютъ опредѣленные періоды времени. По утрамъ кричатъ продавцы утреннихъ газетъ; въ послѣполуденные часы кричатъ: «Roma! Ro-o-o-ma!»—и уже поздно вечеромъ, почти ночью, подъ моимъ окошкомъ пробѣгаетъ мальчишка и кричитъ: «Don Ma-a-arzio».

Я жилъ все время въ одномъ изъ самыхъ тихихъ захолустныхъ уголковъ Неаполя, почти за городомъ, на Vomero, на высокой горѣ, откуда я долженъ былъ спускаться въ городъ по funicolare. Улица наша была въ сторонѣ отъ всякаго движенія и шума, и когда на ней появлялся извозчикъ, это возбуждало сенсацію. Но крики продавцовъ, хотя и въ болѣе слабой степени, раздавались и у насъ. По утрамъ по тротуару бродятъ мальчишки, выкрикивающіе громко и монотонно: una buona caccia! una buona caccia! Но если передать русскими буквами ихъ крикъ, это будетъ: ана бона качъ. Что же это за хорошая охота, плоды которой онъ очевидно восхваляетъ: куропатки, дупеля, вальдшнепы? Нѣтъ, это простые голуби, убитые наканунѣ здѣсь же на Vomero на упражненіяхъ въ стрѣльбѣ въ летъ, Tiro al volo. Мальчишки скупаютъ ихъ и продаютъ; у каждаго не больше 6—7 голубей.

Поздно вечеромъ, часовъ въ 10 — 11, когда на Vomero все уже успокоилось и собирается спать, я слышалъ каждый день особенно странный и музыкальный крикъ, который мнѣ очень нравился. Это пріѣзжалъ на нашу улицу продавецъ фигуринъ со своею телѣжкой. Фигуринами или индійскими фигами (fichi d'India) здѣсь называютъ плоды кактуса—опунтіи, растущаго дико по всѣмъ каменистымъ обрывамъ города и окрестностей. Плоды его величиной съ грушу или небольшое яблоко, желтоватые, съ кожей, покрытой шипами; ихъ здѣсь ѣдятъ, особенно въ городѣ. Торговецъ fichi d'India везетъ ихъ на ручной телѣжкѣ, имѣющей видъ платформы на колесахъ, съ подставками, такъ что, когда онъ остановится, телѣжка его превращается въ столъ, который ночью освѣщается двумя фонарями. Края стола красиво убраны метелками какого-то растенія вродѣ камыша, а на столѣ на подставкахъ, расположенные ступенями, на хрустальныхъ блюдечкахъ, на какихъ у насъ подаютъ варенье, лежатъ по двѣ и по три очищенныя отъ своей колючей кожи индѣйскія фиги. Онѣ имѣютъ довольно аппетитный видъ, особенно когда жарко и хочется пить, но вкусу въ нихъ, по правдѣ сказать, мало. Одинъ изъ такихъ бродячихъ продавцовъ по ночамъ заѣзжалъ къ намъ и приглашалъ желающихъ отвѣдать его плодовъ такой особенною музыкальною фразой, которая печально и странно нарушала тишину успокоившейся улицы. Каждый вечеръ, сидя за работой, я слышалъ этотъ странный крикъ, и онъ волновалъ меня, какъ какой-то таинственный призывъ, идущій неизвѣстно откуда и невѣдомо куда зовущій. Но торговецъ не называетъ своихъ скромныхъ плодовъ индійскими фигами; онъ кричитъ: «tengo ananas, volete confetti» (у меня ананасы, не хотите ли конфетъ). Плоды кактусовъ называютъ въ Неаполѣ и ананасами, вѣроятно—на томъ же основаніи, на которомъ каждый учитель здѣсь называется professore.

Впрочемъ, впечатлѣніе этого таинственнаго крика исчезало, когда по вечерамъ къ намъ на улицу приходила пара молодыхъ людей, усаживалась на ступенькахъ лѣстницы, идущей внизъ отъ церкви S. Francesco, и на мандолинахъ и гитарахъ давала серенаду живущимъ въ нижнемъ этажѣ нашего дома прачкамъ. Прачки были довольны, и я также.

Въ тихомъ переулкѣ, въ которомъ я жилъ, прижавшемся къ роскошному саду Villa Floridiana, совсѣмъ въ сторонѣ отъ другихъ улицъ, и вечеромъ, какъ я сказалъ, было покойно и тихо. Но въ сущности въ Неаполѣ—и у насъ на Vomero, въ его болѣе людной части—пульсъ жизни именно вечеромъ начинаетъ биться сильнѣе, когда работы окончены и жаръ спалъ. Тогда начинается безконечное оживленіе, веселый шумъ и гулъ; кто не видалъ Неаполя въ лѣтній вечеръ, тотъ не знаетъ что̀ такое уличная жизнь. Вечеромъ Неаполь въ лѣтнюю пору ѣстъ и пьетъ, такъ какъ днемъ слишкомъ жарко, и при этомъ по возможности на улицѣ. Тротуары передъ безчисленными кофейнями и ресторанами покрываются столиками, за которыми поглощается во множествѣ мороженое и «гранита», нѣчто вродѣ снѣга съ лимонадомъ. Весь тотъ рабочій людъ, кото-

рый днемъ сидитъ за швейными машинами и станками, теперь располагается обѣдать тутъ же—на улицѣ. И, проходя еще поздно вечеромъ, въ 10 и 11 часовъ, вы увидите повсюду передъ отворенными дверями домовъ столы, за которыми сидятъ и обѣдаютъ—или ужинаютъ—семьи. И жители верхнихъ этажей съ наступленіемъ вечера стремятся на воздухъ, всѣ двери и окна открываются, а балконы и террасы наполняются людьми.

Возвращаясь однажды поздно вечеромъ отъ одного знакомаго по Corso Vittorio Emmanuele, я опоздалъ къ послѣднему поѣзду funicolare, по которому долженъ былъ вернуться къ себѣ на Vomero, и долженъ былъ взять извозчика. И вотъ передо мной безконечною вереницей замелькали картины ночной жизни Неаполя: ярко освѣщенныя окна, музыка и пѣсни несутся съ балконовъ, оживленныя маленькія кофейни и трактирчики въ нижнихъ этажахъ домовъ, и повсюду передъ домами квартиръ лавочниковъ и ремесленниковъ нижняго этажа накрытые столы и люди за ужиномъ. Счастливый югъ! насколько свободнѣе и шире, непринужденнѣе и ближе къ природѣ, къ воздуху и къ этому чудному небу чувствуетъ себя здѣсь человѣкъ, чѣмъ на сѣверѣ, гдѣ самое понятіе «свѣжій воздухъ» противополагается условіямъ обыденнаго существованія человѣка. Дома, прижатые къ скалѣ и лѣпящіеся въ гору, принимали какія-то странныя очертанія въ ночномъ полусвѣтѣ. Въ одной изъ выходившихъ на улицу квартиръ собирались ложиться спать; и счастливый обладатель ея стоялъ въ дверяхъ въ одномъ бѣльѣ, наслаждаясь прохладой ночи, и равнодушно провожая меня глазами. Его длинная бѣлая фигура такъ рѣзко выдѣлялась въ дверяхъ ярко освѣщенной комнаты, съ такою наивною и добродушною безцеремонностью; казалось, я вижу Донъ-Кихота въ одномъ изъ его ночныхъ похожденій.

Кто хочетъ видѣть Неаполь въ одинъ изъ самыхъ поэтическихъ его моментовъ, тому я совѣтую подняться вечеромъ, передъ заходомъ солнца, въ монастырь С.-Мартино, откуда открывается знаменитый видъ на городъ. Но лучше не идти туда, откуда городъ показываютъ иностранцамъ со старой монастырской стѣны, и гдѣ всегда есть люди; лучше взобраться на крутой холмъ, ведущій къ старинной крѣпости S.-Elmo, гдѣ можно прилечь на траву и никто не нарушитъ вашего уединенія. Здѣсь можно долго сидѣть и смотрѣть, какъ мало-по-малу красноватые и желтоватые тона зданій огромнаго города, лежащаго далеко подъ вами, сливаются съ теплою серебристою мглой лѣтнихъ сумерекъ. Во всѣхъ церквахъ города звонятъ въ этотъ часъ къ вечернѣ, къ Ave Maria, и изъ тонущей въ сумеркахъ глубины, отдѣляясь отъ неясно доносящагося гула многотысячнаго человѣческаго муравейника, подымается печальный и трогательный звонъ десятковъ колоколовъ; они звучатъ какъ отголоски глухой старины, какъ старое средневѣковое преданіе, и есть что-то грустное и сладкое вмѣстѣ въ этомъ звонѣ, словно милыя воспоминанія далекаго прошлаго.

Викт. Фаусекъ.

Школьное дѣло у чеховъ *).

I.

Поверхность Чехіи равняется 51,948 квадратнымъ километрамъ (около 44,537 квадратныхъ верстъ), т.-е. поверхности Бельгіи и Голландіи взятыхъ вмѣстѣ **). Населеніе въ ней по послѣдней всенародной переписи 1890 года 5.808,858, изъ которыхъ 3.645,086 заявили, что ихъ обиходный языкъ чешскій, 2.158,872—нѣмецкій. Австрійское правительство, покровительствуя вездѣ и во всемъ нѣмцамъ, придумало эту форму опредѣленія народности для того, чтобы какъ, напримѣръ, въ Вѣнѣ, заставить тамошнихъ чеховъ писать, что ихъ обиходный языкъ—нѣмецкій, безъ котораго они въ Вѣнѣ обходиться не могутъ, и такимъ образомъ увеличить, по возможности, численность нѣмцевъ. Чехи сами, производя негласную перепись своихъ соплеменниковъ, живущихъ въ округахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, съ преобладающимъ однако большинствомъ нѣмецкимъ, увѣряютъ, что ихъ, чеховъ, въ королевствѣ не менѣе 3.850,000, а нѣмцевъ—неполныхъ 2 милліона.

Дѣйствительно, стоитъ только сравнить съ приведенными цифрами наличность дѣтей, посѣщавшихъ школу въ 1893—94 учебномъ году:

Всего чешскихъ дѣтей было . 595,141 (*по оффиціальн. даннымъ*)
» нѣмецкихъ » » . 319,173
т.-е. чешскихъ дѣтей было 65% съ лишнимъ
» нѣмецкихъ » » 34% » »

между тѣмъ какъ вышеприведенныя цифры указываютъ, что населеніе съ чешскимъ обиходнымъ языкомъ $62\frac{1}{2}\%$, съ нѣмецкимъ $37\frac{1}{2}\%$.

Но и эта цифра чешскихъ дѣтей за 1893—94 еще не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ значительное число дѣтей чешскихъ рабочихъ,

---

*) Источники: I) Naučný slovník Ottův. IV díl. 1893. Čechy. II) Karel Adámek: Z naší doby, díl II. 1887. III) Zpráva zemského výboru o stavu národního školství v království Českém r. 1895. IV) Národopisný sborník okresu Horického. 1895.

**) Величина Чехіи почти равняется Черниговской губерніи=52,397 квадр. килом. или 46,041 кв. вер., населенія въ послѣдней 2.075,867 человѣкъ.

находящихся въ полной матеріальной зависимости отъ нѣмецкихъ и еврейскихъ фабрикантовъ, записано по требованію работодателей въ число нѣмецкихъ дѣтей и посѣщаетъ нѣмецкія школы.

II.

Народныя школы, имѣющія своею цѣлью образованіе общее возникали въ Чехіи только въ XVI в., хотя уже въ XIII в. приходскія школы существовали въ ней при каждой приходской церкви. Эти школы служили интересамъ отдѣльныхъ сословій, духовенства, рыцарей и горожанъ. Дѣти изъ простонародья не могли обучаться, такъ какъ учебныя пособія стоили очень дорого.

Школы эти служили главнымъ образомъ тому, чтобы состоятельные классы могли усвоить себѣ вполнѣ латинскій языкъ, т.-е. языкъ, которымъ писались тогда всѣ научныя книги, которымъ говорила вся культурная Европа и на которомъ преподавались науки во всѣхъ тогдашнихъ высшихъ училищахъ и университетахъ.

Городскія училища этого типа процвѣтали особенно во время царствованія Карла IV. Завѣдывать ими поручено было послѣ основанія Пражскаго университета (1348 г.) ректору университета. Во время гуситскихъ войнъ число школъ уменьшилось, но благодарія вліянію гуманизма въ XV и XVI вѣкахъ оно опять возросло, такъ что въ началѣ XVII вѣка во время ректора Мартина Бахачка университету, тогда утраквистическому, было поручено такихъ школъ 101 въ Чехіи и Моравіи. Кромѣ того существовали тогда еще латинскія школы, принадлежавшія чешскимъ братьямъ (5) и іезуитамъ.

Школы, основанныя при приходскихъ церквахъ, задавались болѣе скромною цѣлью, научая своихъ питомцевъ читать, писать и считать и укрѣпляя ихъ въ истинѣ вѣры. Такою школой завѣдывалъ ректоръ, котораго обыкновенно принималъ на службу и утверждалъ въ оной самъ приходскій священникъ; ректору же подчинены были канторъ, которому приходилось заботиться главнымъ образомъ о церковномъ пѣніи и сукценторъ (вспомогательный учитель). Такихъ школъ было во время царствованія Премысла Отакара II (1253—1278 г.) и въ Прагѣ и въ странѣ значительное количество. Въ XV и XVI вѣкахъ католическія школы отчасти прекратили свое существованіе, отчасти были замѣнены школами утраквистовъ, евангеликовъ и чешскихъ братьевъ. Школы послѣднихъ въ особенности приблизились къ типу современныхъ; онѣ больше всего занимались роднымъ языкомъ и старались удовлетворять практическимъ нуждамъ. Великій реформаторъ школьнаго дѣла, Янъ Амосъ Коменскій, первый высказалъ слѣдующій, до сихъ поръ далеко не вездѣ признанный принципъ: «Правительство должно позаботиться, чтобы *всѣ дѣти обучались въ народной школѣ даромъ*. Устроилъ же Богъ такъ, что солнце свѣтитъ для всѣхъ созданій даромъ, облака даромъ доставляютъ влагу, вѣтеръ даромъ

для всѣхъ дуетъ; начальства же, замѣняя Бога, *должны слѣдовать примѣру Божiю*».

Но великое дѣло реформъ чешскихъ школъ, предпринятое Коменскимъ, не удалось благодаря религiознымъ распрямъ и войнамъ. Больше всего пострадали въ теченiе 30-лѣтней войны чешскiя школы. Вскорѣ послѣ разгрома чешской самостоятельности iезуиты начали упразднять чешскiе приходы и церкви, подъ обоими видами причащающiя, вмѣстѣ со школами, при нихъ существовавшими. Сами они открывали весьма мало школъ для простого народа и обучали въ нихъ только католической религiи, чтенiю и письму. Вслѣдствiе губительной, 30 лѣтъ продолжавшейся войны, и притомъ почти все время на почвѣ Чехiи, населенiе Чехiи сократилось до $^1/_3$ прежняго числа. Не менѣе пострадала Чехiя и во время царствованiя Марiи Терезiи. Уже при ея вступленiи на престолъ состоянiе школьнаго дѣла въ Чехiи было крайне печальное. Во всей странѣ насчитывалось едва 1,000 школъ и посѣщенiе ихъ было предоставлено произволу желающихъ. Въ сельскихъ школахъ преподавались только чтенiе и Законъ Божiй, въ городскихъ школахъ, подвѣдомственныхъ ордену пiаристовъ (появившихся въ Чехiи въ началѣ XVII вѣка), еще письмо, счисленiе и латинскiй языкъ. Учитель обыкновенно былъ и пономаремъ, и часто не владѣлъ малѣйшею долею знанiй, нужныхъ для учителя. Помѣщенiй для классовъ и школъ, хотя бы относительно удовлетворяющихъ своему назначенiю, почти не было; однимъ словомъ, чешская народная школа, которая нѣкогда такъ процвѣтала, очутилась въ перiодѣ своего глубочайшаго упадка.

III.

Послѣ многолѣтнихъ и кровопролитныхъ войнъ съ Пруссiей, во время которыхъ разоренiе Чехiи превзошло даже опустошенiе 30-лѣтней войны, Марiя Терезiя нашла нужнымъ лучше организовать свои военныя силы; для этого она увеличила подати и, чтобы подданные были въ состоянiи ихъ платить, она приложила все свое старанiе къ тому, чтобы народъ просвѣтился, и поэтому всячески заботилась о поднятiи народнаго образованiя. Съ этою цѣлью она пригласила въ Вѣну извѣстнаго прусскаго педагога Iоганна Фельбингера изъ Прусской Силезiи и поручила ему реформу народнаго образованiя. Фельбингеръ по ея порученiю отправился въ Берлинъ къ Гёму (Höhm), профессору знаменитаго тогда реальнаго училища въ Берлинѣ и знатоку Коменскаго. Гёмъ познакомилъ его съ великими идеями Коменскаго, на основанiи которыхъ Фельбингеръ затѣмъ переработалъ учебники и реформировалъ школы въ Силезiи и графствѣ Кладскомъ (Glatz). Идеи Коменскаго примѣнилъ Фельбингеръ, живя въ Вѣнѣ, въ своемъ «Всеобщемъ уставѣ для *нѣмецкихъ* нормальныхъ, главныхъ и тривiальныхъ школъ въ императорскихъ королевскихъ наслѣдственныхъ земляхъ», который былъ Марiею Терезiей одобренъ и изданъ въ 1774 году.

На основанiи этого устава все попеченiе надъ школами приняло на

себя *государство* и введено *обязательное* посѣщеніе школъ отъ 6 до 12—13 лѣтъ съ повторительнымъ курсомъ по воскресеньямъ, обязательнымъ до 18—20 лѣтъ. При каждой приходской церкви должна была быть основана тривіальная или народная школа, 1 или 2-классная, съ слѣдующими учебными предметами: Закономъ Божіемъ, исторіею христіанства и ученіемъ о христіанской нравственности, чтеніемъ, писаніемъ, ариѳметикой, наукою о раціональномъ хозяйствѣ; въ каждомъ краѣ *) предполагалось по одной, по крайней мѣрѣ, главной школѣ о 3 классахъ, въ которой должны преподаваться начала латинскаго языка, грамотность въ широкомъ смыслѣ (т.-е. умѣнье писать правильно счеты, торговыя письма, контракты и т. п., вести простыя счетныя книги), рисованіе, геометрія, важнѣйшія статьи науки о сельскомъ и домашнемъ хозяйствѣ, самонужнѣйшія свѣдѣнія изъ географіи и исторіи, касающіяся главнымъ образомъ родины; далѣе, гдѣ условія были болѣе благопріятны, предполагалось основывать школы для дѣвицъ съ обученіемъ женскому рукодѣлію; въ такомъ городѣ, гдѣ должна была находиться земская школьная коммиссія, предполагалось основать нормальную или образцовую школу съ учительскимъ курсомъ для кандидатовъ на учительскую должность. Во всѣхъ этихъ школахъ обученіе должно было быть общее, употреблялись книги только нѣмецкія, указанныя школьною высшею администраціей и въ концѣ учебнаго года бывали публичные экзамены съ раздачею наградъ. Нормальною и главными школами завѣдывали директоръ, 2 или 3 учителя съ катехетою (учителемъ Закона Божія); тривіальными школами управляли приходскіе священники, инспекція же надъ ними возлагалась на викарія **).

Учебныя книги на обоихъ языкахъ началъ издавать имп. кор. складъ школьныхъ книгъ въ Прагѣ, обязанный давать 25% учебныхъ книгъ для бѣдныхъ дѣтей даромъ. По примѣру Фельбингера, принялся за усовершенствованіе народныхъ школъ на основаніи идей Коменскаго Ф. Киндерманнъ, приглашенный въ 1775 г. въ члены школьной коммиссіи въ качествѣ докладчика и инспектора надъ народными школами въ Чехіи. При немъ было основано много школъ и введенъ курсъ различныхъ ремеслъ, наприм., ткацкое. Въ г. Мѣлникѣ до сихъ поръ сохраняется, какъ древность, комната, гдѣ дѣти учились прясть.

IV.

Широкія реформы Фельбингера и Киндерманна имѣли, къ сожалѣнію, въ виду преуспѣяніе только нѣмецкихъ школъ. За исключеніемъ тривіальныхъ, всѣ школы были нѣмецкія, и чешская молодежь могла достичь болѣе широкаго образованія только въ нѣмецкихъ школахъ. Хотя тривіальныя народныя школы стали лучше благодаря обязательному посѣщенію школъ

*) Вся Чехія дѣлилась тогда на 16 краевъ; край соотвѣтствовалъ, по своему административному устройству, до нѣкоторой степени нашей губерніи.

**) Викарій въ Чехіи соотвѣтствуетъ въ нашей іерархіи благочинному.

и стало ихъ гораздо больше, однако чешскій народъ сильно пострадалъ отъ этихъ реформъ, потому что послѣ ужаснаго періода упадка чешскихъ школъ начался періодъ безпощадной германизаціи.

При императорѣ Іосифѣ II германизація еще усилилась. Нововведеніемъ при немъ являются: учрежденіе школьнаго патроната, который былъ порученъ губерніальному начальству, и введеніе наименьшаго жалованья учителямъ, называемаго «конгруа». При Леопольдѣ II увеличена конгруа учителей, викаріи въ качествѣ училищныхъ инспекторовъ подчинены крайской администраціи, администрація же всей страны—придворной канцеляріи. Императоръ Францискъ I освободилъ учителей отъ воинской повинности. Въ 1804 г. установлена для учителей главныхъ школъ пенсія, учителямъ же тривіальныхъ школъ предоставлялось исходатайствовать на старости лѣтъ помѣщеніе въ богадѣльнѣ. Народныя училища очутились всецѣло подъ надзоромъ духовенства: мѣстнымъ инспекторомъ состоялъ приходскій священникъ, окружнымъ—викарій, епархіальнымъ—консисторія, политическому (свѣтскому) начальству предоставлено было только попеченіе о матеріальномъ благосостояніи училищъ. «Политическій уставъ нѣмецкихъ школъ», изданный въ 1805 г., сохранилъ свою законную силу до 1869 года.

Благодаря этимъ порядкамъ главныя школы находились въ теченіе этого періода въ сносномъ порядкѣ, но сельскія училища представляли изъ себя весьма плачевное зрѣлище. Учитель готовился къ своему призванію *помсода*, да и такихъ недоставало. Ни у кого не было охоты посвящать себя учительскому дѣлу, потому что матеріальное обезпеченіе учителя равнялось почти нулю. Доходы отъ школы были самые ничтожные, такъ что учителямъ приходилось пріискивать себѣ различныя постороннія занятія. Главный источникъ постороннихъ доходовъ составляла музыка. Такъ какъ первое качество, которое въ учителѣ цѣнилось его духовнымъ начальствомъ, было знаніе музыки и пѣнія (учитель долженъ былъ быть органистомъ, обладать хорошимъ голосомъ и умѣть пѣть, играть на всѣхъ струнныхъ и духовыхъ инструментахъ), то въ учителя шли больше всего люди, которые не только обладали музыкальными способностями, но и были всею душой преданы музыкѣ. Церковное богослуженіе (католическое) нуждается въ хорошихъ музыкантахъ, за то учитель получалъ и свою долю доходовъ отъ похоронъ, свадебъ, торжественныхъ панихидъ и заупокойныхъ обѣденъ. Кромѣ того учитель обыкновенно формировалъ себѣ цѣлую капеллу, которая играла на всѣхъ праздникахъ народу плясовыя пьесы (кстати замѣчаемъ, что чехи народъ очень веселый и любятъ танцовать: въ послѣдней деревушкѣ найдешь танцовальную залу, гдѣ не только вся молодежь обоего пола, но даже и замужнія женщины и женатые люди усердно проплясываютъ напролетъ праздничныя ночи). Кромѣ того учитель часто исполнялъ должность сельскаго писаря или занимался по возможности сельскимъ хозяйствомъ, если ему отводилась фундушевая земля, занимался какимъ-нибудь ремесломъ, портняжилъ, чинилъ или даже самъ

мастерилъ скрипки, альто-віолы, кларнеты; но всѣ эти доходы являлись подспорьемъ для людей умѣлыхъ, незаурядныхъ. Большинство же учителей перебивалось кое-какъ. Зданія училищъ были весьма убогія, часто состояли изъ одной комнаты, гдѣ учитель и жилъ, жена его тутъ же при дѣтяхъ стряпала, стирала бѣлье. Да это еще была роскошь,—многимъ приходилось учить, кочуя изъ одного двора въ другой, причемъ хозяева кормили учителя по-очереди, каждый по одной недѣлѣ. А все-таки жизнь учителя можетъ быть названа еще роскошною въ сравненіи съ участью его помощника, который былъ опредѣленъ старику - учителю на подмогу или занималъ постъ постояннаго помощника, осѣдлаго или кочующаго, временнаго или штатнаго *).

V.

Новая, блестящая эпоха для чешской народной школы настала съ воцареніемъ императора Франца-Іосифа. Въ 1848 году учреждено министерство народнаго просвѣщенія. Въ каждой провинціи Австрійской имперіи поручено завѣдываніе народными училищами мѣстнымъ земскимъ (провинціальнымъ) органамъ школьнымъ, затѣмъ послѣ ихъ упраздненія въ 1854 году, во время реакціоннаго режима министерства Баха, мѣстнымъ поли-

*) Напримѣръ, въ городѣ Горицахъ (Hořice), гдѣ существовала школа по сохранившимся документамъ уже въ XIV вѣкѣ, получалъ учитель, какъ это видно изъ приходо-расходной книги мѣстнаго прихода отъ 1735 г.: а) отъ патрона-помѣщика за учительскую службу 7 корцевъ ржи, въ великій четвергъ и въ „щедрый вечеръ" (канунъ Рождества) по 1 сазану и $1^1/_2$ чешскаго ведра пива; за церковную службу 7 корцевъ ржи, 2 сазана, 4 сажени дровъ и $1^1/_2$ ведра пива; б) отъ города Горицъ за учительскую службу 14 флориновъ, соли $^1/_8$ корца, пшеницы—$^2/_3$ корца, ржи 3 корца, ячменя $^2/_3$ корца, 3 сажени дровъ и въ октавъ праздника Божьяго Тѣла 2 кувшина пива; за церковную службу: 14 флориновъ, соли $^3/_8$ корца, пшеницы 1 корецъ, ржи 4 корца, ячменя $^2/_3$ корца, 3 сажени дровъ и въ октавъ Божьяго Тѣла 2 кувшина пива; в) изъ приходскихъ фондовъ: за пѣніе Страстей Господнихъ 1 флоринъ 10 крейцеровъ; г) отъ деревень, принадлежащихъ къ приходу: 2 копны и 6 споповъ пшеницы и 5 копенъ 13 сноповъ ржи, но за доставку этого хлѣба въ городъ учитель долженъ уплатить самъ; д) кромѣ того разрѣшалось горицкимъ учителямъ колядовать въ городѣ 12 разъ въ году (на Крещеніе, св. Дороѳею и т. д.) въ деревняхъ 2 раза въ году, а именно на Крещеніе и въ храмовой праздникъ.

Во время поста учителя разсылали каждую субботу учениковъ по городу собирать такъ называемую „футерацію", а въ деревню за такъ называемымъ „ovatum", что означаетъ сборъ яицъ. Послѣдніе подъ д) вычисленные доходы были упразднены императоромъ Іосифомъ II, какъ унизительные для учителей и вмѣсто нихъ назначено учителямъ вознагражденіе отъ города 50 флориновъ, отъ деревень 4 флорина 21 крейцеръ.

Первый учитель сталъ получать 213 флориновъ $29^1/_2$ крейцеровъ и 30 флориновъ квартирныхъ; въ этой суммѣ заключается и жалованье $15^1/_2$ флор. ему какъ органисту и вознагражденіе 19 флор. $7^1/_2$ крейц. за отмѣненные, выше перечисленные доходы натурою. Флорины, тогдашняго времени, вѣнскія=приблизительно франку=25 копейкамъ золотомъ. Второй учитель былъ обязанъ исполнять должность церковника.

тическимъ властямъ. Педагогическій институтъ получилъ двухлѣтній курсъ. Въ 1848 году основана при пражскомъ педагогическомъ институтѣ *первая чешская главная школа* благодаря усердію педагога Амерлинга, который уже въ 1839 году основалъ въ Будчѣ чешскій институтъ для образованія учителей, ремесленниковъ и промышленниковъ. Идеи же основаннаго чешскаго института разрабатывались въ педагогическомъ органѣ *Посель зъ Будче (Посолъ изъ Будчи)*. Въ 50-хъ годахъ К. Винаржицкій переработалъ чешскія руководства для чтенія, и притомъ такъ блестяще, что они послужили образцомъ для такихъ же руководствъ у другихъ австрійскихъ народовъ. Послѣ 1852 года приходскія главныя школы расширены на 4 и 5-классныя и къ преподаваемымъ предметамъ были прибавлены: наглядное обученіе, пѣніе, рисованіе, самонужнѣйшія свѣдѣнія изъ естествознанія и естественной исторіи, далѣе были основываемы особыя школы съ курсами ремесленными и коммерческими.

Процвѣтаніе школъ пріостановилось въ 1855 — 61 годахъ благодаря *конкордату*, заключенному ретроградньмъ правительствомъ съ папскимъ престоломъ. Школы опять превратились въ церковныя учрежденія, всецѣло подпали подъ власть епископовъ, вліяніе же народа въ лицѣ мѣстныхъ городскихъ и сельскихъ властей (свободно избираемыхъ народомъ) было совершенно устранено. Изъ преподаваемаго матеріала исключено все, что носило чисто-научный характеръ, и запасъ познаній ограниченъ матеріаломъ, который подавали учебники и руководства.

Послѣ періода конкордата послѣдовалъ періодъ *школьныхъ коммиссій*. Земскимъ закономъ отъ 13 сентября 1864 года упраздненъ патронатъ надъ школами и порученъ автономнымъ органамъ общинъ (городскихъ и сельскихъ), которыя такимъ образомъ получили право представлять по своему желанію и выбору кандидатовъ на должности учителей. Это было начало коренныхъ перемѣнъ, которымъ подверглась впослѣдствіи Терезіанская народная школа. Но эти благотворныя перемѣны автономнаго характера просуществовали не долго.

Съ 1848 года правительство все болѣе и болѣе стало признавать важность и значеніе чешскаго языка въ школахъ, такъ что въ 60-хъ годахъ оно перемѣнило много главныхъ школъ въ чешскія. Наконецъ, въ 1866 году земскимъ закономъ установлена равноправность обоихъ земскихъ языковъ въ народныхъ школахъ. Установлено, что только одинъ языкъ можетъ быть учебнымъ, другому же земскому языку можно обучать въ 4-классныхъ училищахъ, и то начиная только съ 3 класса.

Какъ во времена Маріи-Терезіи, печальный результатъ войны съ Пруссіей въ 1866 году послужилъ сильнымъ толчкомъ для правительства, чтобы приняться за новыя, грандіозныя реформы въ народной школѣ. Имперскимъ основнымъ закономъ отъ 21 декабря 1867 года, далѣе имперскими законами отъ 1868 и 1869 годовъ и земскими законами, сюда же относящимися, Терезіанская школа была совершенно видоизмѣнена. *Школу* отдѣлили отъ *церкви*, объявлена свобода науки и научнаго преподаванія,

и признана національная равноправность въ школахъ; верховное попеченіе о школахъ взяло на себя государство, администрацію же и устройство школъ оно предоставило мѣстнымъ органамъ: земскому и окружнымъ совѣтамъ, состоящимъ изъ представителей государственной власти, общинъ, церкви и учительскаго состава. Въ школы открытъ доступъ ученикамъ и учителямъ различныхъ религіозныхъ исповѣданій, церкви же предоставлено— преподаваніе закона Божія подъ государственнымъ надзоромъ. Этотъ новый порядокъ школьнаго дѣла оказался сильнымъ орудіемъ государственной централизаціи. Права школьныхъ общинъ были ограничены на экономическую часть, центръ же правленія находился въ окружныхъ школьныхъ совѣтахъ и въ земскомъ школьномъ совѣтѣ, гдѣ представители самоуправленія составляютъ меньшинство, и введенъ институтъ государственныхъ школьныхъ инспекторовъ.

Обязательными предметами обученія сдѣланы еще реальныя свѣдѣнія, рисованіе, гимнастика и рукодѣліе (для дѣвочекъ). Обязательный курсъ обученія расширенъ съ 6 до 8 лѣтъ. Народныя школы расширены до 8 классныхъ, главныя школы превращены въ гражданскія (méštánské školy), для каждаго округа, по крайней мѣрѣ, по одной мужской и женской, курсъ педагогическихъ институтовъ расширенъ до 4 лѣтъ и при нихъ учреждены образцовыя школы, основаны материнскія школы для дѣтей до 6 лѣтъ, курсы для индустріальныхъ учительницъ и воспитательницъ. На учительскую должность въ женскихъ школахъ открытъ доступъ учительницамъ, для которыхъ основанъ спеціальный женскій педагогическій институтъ. Каждой школѣ предписано держаться опредѣленныхъ руководствъ, заведены ученическая библіотека и засѣданія учительскихъ совѣтовъ; въ каждомъ учебномъ округѣ *) основана фундаментальная библіотека для учителей и предписаны засѣданія окружныхъ совѣтовъ, а для всей страны — земскія засѣданія всѣхъ учителей.

Отъ министерства народнаго просвѣщенія зависитъ земскій школьный совѣтъ, которому поручено завѣдывать университетами, большинствомъ среднихъ учебныхъ заведеній, нѣкоторыми спеціальными заведеніями, педагогическими институтами и образцовыми училищами, существующими при послѣднихъ. Низшимъ же органамъ инспекціи порученъ присмотръ за народными и гражданскими школами и за дѣтскими садами. Организація земскаго школьнаго совѣта подверглась значительной перемѣнѣ закономъ 1890 года.

---

*) Чехія раздѣлена на 109 учебныхъ округовъ, изъ коихъ 60 принадлежатъ чешской народности. Чтобы объ ихъ величинѣ дать надлежащее понятіе, приведемъ примѣры:

a) округъ Литомышльскій (въ восточн. Чехіи) занимаетъ 491,44 кв. килом., въ которомъ живетъ 51,615 чел.; школъ въ немъ 33, классовъ 81, учителей 115, дѣтей посѣщающихъ школу 5,135; сумма всѣхъ расходовъ на школы 60,424 гульдена.

b) округъ Домажницкій (въ западн. Чехіи) занимаетъ 492,10 кв. килом., въ которомъ живетъ 46,461 чел.; школъ 41, классовъ 107, учителей 142, дѣтей посѣщающихъ школу 7,703; сумма всѣхъ расходовъ на школы 77,155 гульденовъ.

Теперь онъ состоитъ изъ 1) намѣстника Чехіи или его замѣстителя въ качествѣ предсѣдателя; 2) 6 членовъ, назначаемыхъ земскою парламентскою коммиссіей изъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными депутатами въ парламентъ (3 чешской національности, 3 нѣмецкой); 3) административныхъ докладчиковъ, земскихъ школьныхъ инспекторовъ; 4) изъ 2 представителей королевскаго столичнаго города Праги (1 чехъ, 1 нѣмецъ); 5) изъ 4 представителей учительскаго сословія (2 чеха, 2 нѣмца); 6) и изъ 4 представителей вѣроисповѣданій (2 католика, 1 реформатъ, 1 еврей).

Докладчиковъ земскихъ школьныхъ инспекторовъ, представителей учительскаго сословія и вѣроисповѣданій назначаетъ императоръ по представленію министра народнаго просвѣщенія; срокъ полномочій для всѣхъ членовъ земскаго совѣта, за исключеніемъ предсѣдателя или его уполномоченнаго замѣстителя,—шестилѣтній. Земскій школьный совѣтъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, чешскаго и нѣмецкаго, и текущія дѣла школъ рѣшаются въ томъ отдѣлѣ, языкъ котораго соотвѣтствуетъ языку школы. При этомъ засѣдаютъ представители парламентской земской коммиссіи, города Праги и учительскаго сословія въ отдѣлѣ своей народности; референты же и земскіе школьные инспектора въ томъ отдѣлѣ, гдѣ рѣшаются дѣла школъ, порученныхъ ихъ вѣдѣнію, представители вѣроисповѣданій засѣдаютъ въ обоихъ отдѣлахъ. Кромѣ засѣданій по отдѣламъ собираются, по крайней мѣрѣ, 4 раза въ годъ общія собранія, въ которыхъ оба языка совершенно равноправны. Въ этихъ засѣданіяхъ рѣшаются дѣла общаго обѣимъ національностямъ характера, въ особенности смѣты школьныхъ округовъ и вопросы объ основаніи, такъ называемыхъ, «школъ для меньшинства», т.-е. школъ съ другимъ учебнымъ языкомъ вмѣсто преобладающаго въ данномъ округѣ языка. Число административныхъ докладчиковъ и школьныхъ инспекторовъ ограничено: въ отдѣлахъ—5, въ общихъ собраніяхъ—10. Противозаконныя постановленія предсѣдатель пріостанавливаетъ и долженъ въ теченіе 3 дней испросить рѣшеніе министерства.

Для каждаго политическаго округа назначенъ обыкновенно одинъ окружной школьный совѣтъ. 3 города: Прага, Либерецъ и Кралове-Градецъ, имѣющіе свой собственный статутъ и содержащіе изъ собственныхъ средствъ свои гражданскія и народныя школы, образуютъ самостоятельные школьные округи. Но эта привилегія не освобождаетъ означенные 3 города отъ несенія повинностей на школы, находящіяся въ другихъ округахъ всей страны. Въ округахъ со смѣшаннымъ чешско-нѣмецкимъ населеніемъ учреждаются два окружныхъ совѣта (чешскій и нѣмецкій) или меньшинство населенія другого языка причисляется сосѣднему округу того же языка. Окружной школьный совѣтъ—тоже правительственный органъ; его предсѣдателемъ состоитъ или городской голова (самостоятельныхъ 3 городовъ), или окружной начальникъ (okresní hejtman—высшій политическій администраторъ въ округѣ, подчиненномъ намѣстнику), члены его: по одному представителю отъ вѣроисповѣданій, имѣющихъ въ данномъ округѣ (въ сельскихъ общинахъ—2,000, въ городахъ—500 душъ) единовѣрцевъ. Католическаго представи-

теля назначаетъ мѣстный епископъ, протестантскаго—сеніоръ, еврейскаго—настоятель еврейской общины. Далѣе состоятъ членами два учителя-спеціалиста, изъ которыхъ одинъ директоръ педагогическаго института или, по крайней мѣрѣ, директоръ гражданской школы, другой избирается съѣздомъ учителей, и въ концѣ концовъ еще 4 представителя, назначаемыхъ въ совѣтъ мѣстными автономными, окружными или общинными органами. Всѣ выборные члены этого совѣта имѣютъ полномочія на 6 лѣтъ.

Для каждой отдѣльной школьной общины существуетъ мѣстный школьный совѣтъ; онъ состоитъ изъ мѣстнаго городского головы или сельскаго старосты, 2 — 6 членовъ общины, т.-е. избранныхъ на 3 года сельскими общинами, входящими въ составъ данной школьной общины, вирилистовъ, имѣющихъ въ совѣтѣ личный голосъ на томъ основаніи, что они платятъ по крайней мѣрѣ $1/_6$ долю прямыхъ налоговъ, падающихъ на данную школьную общину, затѣмъ изъ одного представителя учительскаго состава и вѣроисповѣданій.

Министръ народнаго просвѣщенія назначаетъ въ каждомъ школьномъ округѣ инспектора народныхъ школъ по предложенію земскаго школьнаго совѣта, но онъ можетъ назначить ихъ и больше въ одномъ округѣ или назначить для нѣсколькихъ округовъ одного. Окружной школьный инспекторъ становится по должности своей членомъ окружныхъ школьныхъ совѣтовъ, находящихся въ его вѣдѣніи. Назначеніе на эту должность—временное; а такъ какъ инспекторъ обыкновенно занимаетъ какую-нибудь постоянную должность, то на время его инспекторства назначается на его штатную должность временный замѣститель. Расходы по замѣщенію несетъ или мѣстный школьный фондъ, когда инспекторъ состоитъ учителемъ народной школы, или государственная казна, когда инспекторъ занимаетъ государственную должность (учителя средняго учебнаго заведенія). Разъѣздные расходы школьныхъ инспекторовъ покрываетъ, конечно, казна.

VI.

Для успѣшности проводимыхъ реформъ правительство подняло и умственный цензъ учителей. Учителя должны держать два экзамена: зрѣлости и учительскій; учащій персоналъ раздѣленъ на категоріи: вспомогательныхъ учителей, ординарныхъ учителей, завѣдывающихъ учителей или директоровъ, временныхъ или штатныхъ. Одинъ учитель долженъ имѣть не больше 30 уроковъ въ недѣлю и не болѣе 80 учениковъ въ классѣ. Учительское жалованье сдѣлано постояннымъ, распредѣлено на 4 разряда и выплачивается государственными казначействами. За всѣми учителями и ихъ семействами признано послѣ 10-лѣтней службы право на пенсію и съ этою цѣлью основанъ особый учительскій фондъ и изданъ регламентъ о назначеніи учителей на должность и о мѣрахъ взысканія съ нихъ. Народныя училища основывались во всѣхъ тѣхъ общинахъ, гдѣ на 1 часъ ходьбы въ окружности окажется 40 дѣтей школьнаго возраста. Въ школахъ вве-

дено общее обученіе, запрещены всякія тѣлесныя наказанія. Для школъ всѣхъ типовъ изданы учебные уставы. Расходы на школы распредѣлены такимъ образомъ: община покрываетъ расходы хозяйственные изъ собираемой платы за ученіе и изъ 10% дополнительнаго сбора къ прямымъ налогамъ, собираемаго общиною для собственныхъ нуждъ, округъ—жалованье учителей и остальные расходы, страна же беретъ на себя расходы, превышающіе 10% дополнительный школьный сборъ, выплачиваетъ пенсіи учителямъ и даетъ денежныя пособія на постройку школъ.

Чешскій народъ, не мирясь съ явно централистическимъ стремленіемъ правительства, началъ ставить ему отпоръ и не производилъ выборовъ въ школьные совѣты. Между тѣмъ нѣмцы, имѣвшіе тогда въ чешскомъ сеймѣ большинство, воспользовались этимъ благопріятнымъ для себя обстоятельствомъ и обзавелись всевозможными школами въ ущербъ чехамъ, и до сихъ поръ чувствуется несоотвѣтствіе числа нѣмецкихъ школъ съ количествомъ чешскихъ.

Первые признаки самостоятельной дѣятельности и корпоративнаго духа между учителями стали замѣтны на викаріатскихъ совѣщаніяхъ. Въ 1869 году основано первое общество учителей въ Прагѣ «Учительская Бесѣда». Въ 70-хъ годахъ учительство начало кипучую дѣятельность. По почину «Пражской Будчи» въ 1870 году состоялся первый съѣздъ учителей въ Прагѣ. Съ этихъ поръ стала быстро процвѣтать и педагогическая литература. Въ 80-хъ годахъ возникшее «Центральное общество учительскихъ клубовъ» подняло вопросъ объ охранѣ дѣтей чешскихъ меньшинствъ; вслѣдствіе чего образовалась «Центральная Матица школьная» (Ústřední Matice školská), — общество, спасающее значительное число чешскихъ дѣтей отъ германизаціи тѣмъ, что основываетъ и содержитъ для нихъ въ городахъ и округахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, но съ преобладающимъ нѣмецкимъ большинствомъ, чешскія частныя школы на средства, жертвуемыя народомъ. «Центральная Матица школьная» имѣла за все время своего существованія отъ 5 декабря 1880 года по 30 сентября 1896 года доходовъ, состоящихъ изъ суммъ, жертвуемыхъ всѣми сословіями народа, 2.836,589 гульденовъ, изъ которыхъ израсходовано 2.562,394 гульдена. Всего основано Матицей до сентября 1894 года 117 учебныхъ заведеній, изъ которыхъ 32 школы стали уже публичными и содержатся на счетъ правительства или мѣстныхъ общинъ; остальныя 85 содержатся на средства Матицы. Въ числѣ этихъ заведеній состоятъ двѣ гимназіи, 65 общинныхъ школъ и 50 материнскихъ школъ и пріютовъ. Кромѣ приведенныхъ школъ основаны съ помощью Матицы среднія учебныя заведенія въ моравскихъ городахъ Годонинѣ, Липникѣ, Мисткѣ и Забрегѣ (Hodoníně, Lipníku, Místku, Zábřehu) и чешское коммерческое училище въ *Бърнѣ* (Brně). Въ школахъ, основанныхъ и содержимыхъ Матицей, обучаются ежегодно болѣе чѣмъ 14,000 *исключительно* чешскихъ дѣтей. Въ среднихъ же учебныхъ заведеніяхъ, основанныхъ съ ея помощью въ Моравіи и въ другихъ училищахъ, получающихъ субсидію отъ Матицы, обучается не менѣе 2,000 дѣ-

тей, такъ что число дѣтей, спасаемыхъ Матицей отъ неминуемой германизаціи, превышаетъ внушительную цифру 16,000. Нѣмецкое общество «Schulverein», которое получаетъ денежныя субсидіи изъ всей Германіи и которое нѣмцы несправедливо сравниваютъ съ «Центральною чешскою Матицею школьною», преслѣдуетъ совершенно противоположную цѣль. Оно открываетъ нѣмецкія школы для германизаціи другихъ народностей. Его школы въ Австріи наполнены дѣтьми чешскими, польскими, словинскими, еврейскими, румынскими и другими. Для своихъ нѣмецкихъ дѣтей нѣмцы имѣютъ *избытокъ* всякихъ школъ, содержимыхъ на общественный счетъ, весьма часто безъ законнаго основанія и въ ущербъ славянскому населенію. Чешская Матица *безусловно* не принимаетъ въ свои школы нѣмецкихъ дѣтей и содержитъ чешскія школы тамъ, гдѣ вслѣдствіе вопіющаго пристрастія, правительство отказываетъ чешскому меньшинству въ законныхъ школахъ. Такъ, напримѣръ, въ городѣ Духцовѣ («Дуксъ», нѣм., въ сѣверной Чехіи) въ пятиклассномъ училищѣ находится 718 чешскихъ дѣтей, хотя помѣщенія разсчитаны только на 260 учениковъ. Нѣмецкая городская управа не обращала ни малѣйшаго вниманія на законныя требованія своихъ чешскихъ согражданъ и только въ 1884 году была правительствомъ принуждена принять на свое содержаніе эту чешскую школу, законное существованіе которой доказала Центральная Матица, содержа ее въ теченіе 4 лѣтъ на свой счетъ. Въ настоящее время нужно бы для 718 чешскихъ дѣтей открыть, по крайней мѣрѣ, 10 классовъ, но этому противятся духцовскіе нѣмцы самымъ упорнымъ и противозаконнымъ образомъ.

Напротивъ того, нѣмцамъ стоило только послать телеграмму министру народнаго просвѣщенія, и министръ Гаучъ сейчасъ приказывалъ чешскому городу или общинѣ открыть для одного, двухъ десятковъ еврейскихъ дѣтей нѣмецкую школу, построить для нея роскошное зданіе и содержать ее на свой счетъ. Такая школа наполнялась, къ сожалѣнію, большею частью дѣтьми чешскихъ родителей, находящихся въ матеріальной зависимости отъ своихъ нѣмецкихъ хозяевъ или дѣтьми ренегатовъ - чеховъ. Тамъ, гдѣ есть нѣмецкое меньшинство среди преобладающаго чешскаго населенія, чехи расходуютъ на нѣмецкія школы всегда гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ по числу живущихъ среди нихъ нѣмцевъ. Такъ, напримѣръ, городъ Пильзень расходуетъ на свои чешскія школы, нужныя для 88% населенія, 14% дополнительнаго сбора, а на нѣмецкія, нужныя для 12% населенія, 5% дополнительнаго сбора къ прямымъ налогамъ.

Усиленное стремленіе нѣмцевъ германизовать елико возможно быстрѣе чеховъ привело послѣднихъ къ мысли добиться закона, такъ называемаго, «lex Kvíčala», требующаго, чтобы національность дѣтей охранялась посредствомъ обязательнаго обученія въ народной школѣ дѣтей *только ихъ роднымъ языкомъ*. Къ сожалѣнію, этотъ справедливый законъ не былъ еще принятъ чешскимъ сеймомъ, благодаря противодѣйствію нѣмцевъ и феодальныхъ членовъ палаты.

VII.

Въ 80-хъ годахъ явилось новое направленіе въ школьномъ дѣлѣ—*конфессіональное*. Меморандумъ чешскихъ епископовъ въ пользу конфессіональной школы и законопроекты князя Лихтенштейна и Линбаха, предложенные съ такою же цѣлью въ цислейтанскомъ парламентѣ, имѣли своимъ послѣдствіемъ «школьную новеллу», т.-е. новый школьный законъ, утвержденный 2 мая 1883 года. На основаніи этого закона разрѣшается полудневное обученіе въ сельскихъ школахъ, причемъ на одного учителя надо считать по 100 дѣтей; можно упразднять мѣста учительскія даже безъ 5-лѣтняго средняго вывода недостаточнаго числа дѣтей; гражданскія школы отдѣлены отъ народныхъ какъ особенный типъ и имъ дано новое назначеніе—подготовлять молодежь къ промышленной и хозяйственной дѣятельности, къ поступленію въ педагогическіе институты и другія спеціальныя учебныя заведенія соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ. Послѣдній пунктъ оказался весьма плодотворнымъ въ дѣлѣ развитія гражданскихъ школъ.

Школьная новелла въ значительной степени облегчила требованія посѣщенія школъ и пошатнула принципъ 8-лѣтняго курса обученія. Дѣйствительно, 8-лѣтній учебный курсъ въ одноклассныхъ школахъ является безцѣльнымъ бременемъ. Тѣмъ не менѣе, чехи были весьма огорчены такимъ реакціоннымъ шагомъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Карелъ Адамекъ, чешскій депутатъ, требуетъ, чтобы министерство 1) не дробило многоклассныхъ училищъ на одноклассныя и старалось елико-возможно сократить число одноклассныхъ училищъ; 2) добилось такого закона, на основаніи котораго дѣти 13 и 14-лѣтняго возраста, посѣщающія одноклассныя училища, обязательно переходили въ ближайшія многоклассныя училища. Чехи вполнѣ понимаютъ національно-экономическое значеніе основательнаго образованія народа, которое бы соотвѣтствовало требованіямъ времени. Еще въ 1850 году д-ръ Ригеръ въ своемъ сочиненіи: *О невещественномъ имуществѣ и трудахъ и ихъ значеніи въ народномъ хозяйствѣ*,—сказалъ, что культурность, умственный трудъ производителей важнѣйшій факторъ всего производства: «*Могущество государствъ*,—говоритъ Ригеръ,—*зиждется на культурномъ прогрессѣ*; *вслѣдствіе пренебреженія къ наукамъ падаетъ сила, слава и благосостояніе государствъ. Передъ наплывомъ иностранцевъ мы не устоимъ, національности и самостоятельности своей мы не отстоимъ, если мы не будемъ усердно и неутомимо соперничать съ своими сосѣдями въ области промышленности и культуры*». «Хотя невещественный, умственный трудъ не поддается вещественной оцѣнкѣ, однако онъ въ дѣлѣ производства *болѣе важный* факторъ, чѣмъ вещественная работа; результаты умственнаго труда составляютъ достояніе, капиталъ всего общества, изъ котораго всякій получаетъ свою долю пользы. *Невещественный трудъ—основаніе всякой производительности*, *источникъ всякаго богатства*; онъ, вѣдь, нѣчто вродѣ свѣта, безъ котораго

мы бы и не видѣли вещественныхъ предметовъ». Подтвержденіемъ этихъ словъ служатъ общественные факты. И чешскій народъ располагалъ наибольшимъ богатствомъ и самой значительной политической силой въ то время, когда онъ былъ самый просвѣщенный и самый культурный. Фундаментъ же благосостоянія и могущества народовъ и государствъ не лежитъ только *въ выдающейся культурности отдѣльныхъ лицъ, но въ образованіи всей массы народа, которое совершенно соотвѣтствуетъ нуждамъ и запросамъ своей эпохи* (Адамекъ).

VIII.

Школьная новелла 1883 года подняла уровень педагогическихъ познаній учителей. Законоучители въ педагогическихъ институтахъ поставлены наравнѣ съ прочими учителями. Для учителей-помощниковъ назначенъ экзаменъ учительскій, для учителей гражданскихъ школъ учрежденъ высшій спеціальный курсъ. Завѣдующій школою долженъ быть одинаковаго вѣроисповѣданія съ большинствомъ своихъ учениковъ, поведеніе же учителей внѣ школы подлежитъ надзору и дисциплинарному взысканію.

За этимъ имперскимъ закономъ слѣдовалъ цѣлый рядъ министерскихъ распоряженій и распоряженій земскаго школьнаго совѣта, вводящихъ въ жизнь школьную новеллу. Своего апогея достигло это направленіе, когда князь Лихтенштейнъ внесъ въ парламентъ законопроектъ конфессіональной школы. Повсюду поднялась оживленная агитація за и противъ этого законодательства. Предложеніе было парламентомъ отвергнуто, вслѣдствіе чего австрійскіе епископы сдѣлали оффиціальное заявленіе, что они всецѣло стоятъ за школу церковную.

Послѣднимъ шагомъ развитія народныхъ школъ можно назвать раздѣленіе земскаго школьнаго совѣта на два самостоятельныхъ совѣта, чешскій и нѣмецкій. Состоялось оно на основаніи неудавшихся пунктацій (политическаго компромисса, задуманнаго графомъ Тааффе) 26 января 1890 года. Второй проектъ, вытекавшій изъ тѣхъ же вѣнскихъ пунктацій, относительно школъ меньшинства остался неисполненнымъ.

Слѣдуя за развитіемъ народной школы отъ ея основанія Маріей Терезіей, мы видимъ, что хотя она была основана на идеяхъ Коменскаго, однако сейчасъ отъ самого своего начала должна была служить цѣлямъ германизаціи. Чешскому народу удалось ее только постепенно отвоевывать, начиная съ 1848 года, а главныхъ образомъ съ 1860 года.

Такъ въ 1791 году было въ Чехіи:

чешскихъ народныхъ школъ . .	1,328	о	1,580 классахъ
всѣхъ (нѣм. и чешск.). нар. шк.	2,376	»	2,810 »

въ 1821 году было въ Чехіи:

чешскихъ народныхъ школъ . .	1,711	»	2,167 »
всѣхъ » » . .	2,986	»	3,775 »

въ 1851 году было въ Чехіи:

чешскихъ народныхъ школъ	2,020	»	2,949	классахъ
всѣхъ » »	3,462	»	4,939	»
въ 1870 году было въ Чехіи:				
чешскихъ народныхъ школъ	2,261	»	3,842	»
всѣхъ » »	4,321	»	6,332	»
въ 1880 году было въ Чехіи:				
чешскихъ народныхъ школъ	2,572	»	5,924	»
всѣхъ » »	4,516	»	10,086	»
въ 1890 году было въ Чехіи:				
чешскихъ народныхъ школъ	2,759	»	8,421	»
всѣхъ » »	4,945	»	14,117	»

Постепенно возрастающее количество чешскихъ школъ, главнымъ образомъ отъ 1880 года, болѣе интенсивное преподаваніе родного языка, развитіе чешской педагогической литературы, возрастающее національное самосознаніе учительскаго сословія и много другихъ обстоятельствъ (большая политическая свобода) дали возможность чешскому народу возродиться, окрѣпнуть и стать въ ряду культурныхъ народовъ и успѣшно бороться за свое политическое существованіе, хотя и въ настоящее время ему еще не удалось добиться того политическаго вѣса и значенія въ числѣ австрійскихъ народовъ, которые онъ долженъ бы имѣть по своему культурному, численному и экономическому значенію для этой разноплеменной имперіи.

IX.

Состояніе чешскихъ и нѣмецкихъ народныхъ школъ въ Чехіи въ 1895 г.

Школьныхъ округовъ числилось въ Чехіи въ 1895 году общинныхъ (въ составъ которыхъ входятъ городскія и сельскія училища) 106 и 3 городскихъ (Прага, Либерецъ и Градецъ Кралове), изъ нихъ 59 чешскихъ и 47 нѣмецкихъ.

Въ чешскихъ общин. школьн. округахъ числится	2,541	школьн.	общ.
» нѣмецкихъ » » » »	1,883	»	»
3 городскіе школьные округа составляютъ . .	3	»	»
Итого всѣхъ школьныхъ общинъ . . .	4,427.		

На основаніи земскаго закона 1894 года утверждено въ 106 общинныхъ школьныхъ округахъ 4,297 мѣстныхъ общинъ, имѣющихъ собственныя народныя школы, и 103 школьныя экспозитуры (побочныя школы) и 184 мѣстныя общины, имѣющія гражданскія школы. По національностямъ состоитъ въ 59 чешскихъ общинныхъ школьныхъ округахъ 2,514 мѣстныхъ общинъ, имѣющихъ народныя школы и 25 школьныхъ экспозитуръ, въ 47 нѣмецкихъ общинныхъ школьныхъ округахъ 1,783 мѣстныхъ общинъ, имѣющихъ народныя школы и 78 школьныхъ экспозитуръ. Вмѣстѣ съ 3 городскими общинами состоитъ 4,300 мѣстныхъ общинъ, имѣющихъ народныя школы.

Изъ 187 мѣстныхъ общинъ, имѣющихъ гражданскія школы, приходится на долю чеховъ 103, на долю нѣмцевъ—81; 3 городскіе округа имѣютъ также гражданскія школы.

Всѣхъ школъ въ 1895 году состоитъ 5,168, изъ нихъ чешскихъ общинныхъ 2,851, нѣмецкихъ общинныхъ—2,249, въ городскихъ округахъ 68.

Такимъ образомъ, всѣхъ народныхъ училищъ	4,969
гражданскихъ школъ	199
Итого всѣхъ школъ	5,168

Гражданскія школы распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

а) въ чешскихъ округахъ:

1) мужскихъ	38
2) женскихъ.	10
3) полныхъ	59 (т.-е мужск. и женск. въ одномъ мѣстѣ).
Итого	107

б) въ нѣмецкихъ округахъ:

1) мужскихъ	27
2) женскихъ	4
3) полныхъ.	51
Итого	82

в) въ городскихъ округахъ:

1) мужскихъ	1
2) женскихъ	1
3) полныхъ.	8
Итого . . .	10

Въ гражданскихъ школахъ числится 1,132 класса.

Въ этихъ цифрахъ мы видимъ, что число полныхъ гражданскихъ школъ нѣмецкихъ почти равняется числу таковыхъ чешскихъ школъ, между тѣмъ какъ по % отношенію населенія должно было бы быть такихъ чешскихъ школъ около 80.

Народныя школы распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

а) въ чешскихъ округахъ:

1) одноклассныхъ . . .	455
2) двухклассныхъ . . .	922
3) трехклассныхъ . . .	561
4) четырехклассныхъ. .	263
5) пяти и болѣе классн.	543

б) въ нѣмецкихъ округахъ:

1) одноклассныхъ . . .	705
2) двухклассныхъ . .	643
3) трехклассныхъ . . .	330
4) четырехклассныхъ. .	161
5) пяти и болѣе классн.	328

в) въ городскихъ округахъ:

	1) четырехклассныхъ. .	5
	2) пяти и болѣе классн.	53
Всего:	1) одноклассныхъ. . .	1,160
	2) двухклассныхъ. . .	1,565
	3) трехклассныхъ . . .	891
	4) четырехклассныхъ. .	429
	5) пяти и болѣе классн.	924

Итакъ, въ чешскихъ учебныхъ округахъ числится	8,400	классовъ.
въ нѣмецкихъ » » »	5,560	»
въ городскихъ » » »	342	»
Всего . .	14,302	классовъ.
Вмѣстѣ съ вышеприведенными классами гражданскихъ школъ	1,132	»
Числится всѣхъ классовъ.	15,434.	

Учебнымъ языкомъ состоитъ чешскій въ 2,893 школахъ о 9,287 классахъ.
» » » нѣмецкій » 2,275 » » 6,147 »

Изъ чешскихъ школъ находится въ нѣмецкихъ школьныхъ округахъ 26 школъ о 85 классахъ для дѣтей мѣстнаго чешскаго меньшинства; наоборотъ нѣмецкихъ школъ въ чешскихъ округахъ 30 о 104 классахъ.

Въ городскихъ округахъ приходится на Прагу 8 нѣмецкихъ школъ о 48 классахъ, 37 чешскихъ о 230 классахъ.

Кромѣ общественныхъ школъ существуютъ еще частныя учебныя заведенія, а именно всего въ Чехіи 276 о 597 классахъ, изъ которыхъ находится въ чешскихъ учебныхъ округахъ 117 о 279 классахъ, изъ которыхъ:

Чешскихъ	66
Нѣмецкихъ	103
Двухъязычныхъ . . .	2

Въ нѣмецкихъ учебныхъ округахъ чешскихъ 37
нѣмецкихъ . . . 44

Въ городскихъ учебныхъ округахъ 24 о 109 классахъ, изъ которыхъ:

Чешскихъ	5
Нѣмецкихъ	17
Двухъязычныхъ	2

По вѣроисповѣданіямъ принадлежатъ эти частныя школы: 63 католикамъ, 22 лютеранамъ, 42 реформатамъ, 90 евреямъ, 59 никакому вѣроисповѣданію.

Изъ этого числа приходится на долю чешскихъ учебныхъ округовъ частныхъ школъ католическихъ 19, лютеранскихъ 10, реформатскихъ 42, еврейскихъ 84, интерконфессіональныхъ 16. Въ этихъ школахъ обучается 24,821 дѣтей.

Изъ нихъ въ чешскихъ частныхъ школахъ обучается:

Чешскихъ дѣтей	11,949	(католики и протестанты)
Нѣмецкихъ »	104	

Изъ нихъ въ нѣмецкихъ частныхъ школахъ обучается:

Нѣмецкихъ дѣтей . . . . 9,052 (евреи)

Чешскихъ » . . . . 3,711 (католики)

Учителей въ этихъ школахъ учитъ: мужчинъ . . . 442

женщинъ . . . 331

Въ Прагѣ въ чешскихъ частныхъ школахъ обучается всего:

407 . . . . чешскихъ

2 . . . . нѣмецкихъ (евреи)

Въ Прагѣ въ нѣмецкихъ частныхъ школахъ обучается всего:

1,605 . . . . . . нѣмецкихъ (евреи)

1,091 . . . . . . чешскихъ (католики).

X.

Число дѣтей школьнаго возраста *).

За 1893 — 94 учебный годъ числилось въ спискахъ дѣтей школьнаго возраста 1.034,575

Въ теченіе учебнаго 1893 — 94 года прибавилось 56,086

Итого 1.090,661

Изъ нихъ приходится на чешскіе общин. школьн. округа . . 668,241 дѣтей

» » » » нѣмецкіе » » » . . 391,320 »

» » » » городскіе » » » . . 31,100 »

(Изъ послѣднихъ на долю Праги . . . . 25,211)

Изъ итога всѣхъ дѣтей школьнаго возраста слѣдуетъ выдѣлить:

I) Дѣтей, посѣщающихъ среднія и спеціальныя школы 8,873.

Изъ которыхъ на долю чешскихъ общин. учебн. округ. приходится . 5,262

» » » » нѣмецкихъ » » » » . 2,188

» » » » городскихъ » » » » . 1,423

(Изъ послѣднихъ на долю Праги. . . . . 1,248)

---

*) По отчету земской парламентской коммиссіи, представленному ею на-дняхъ чешскому парламенту, оказалось, что въ 1896 году дѣтей школьнаго возраста было 1.099,708. на 9,047 больше, чѣмъ въ предыдущемъ 1895 г. Изъ нихъ приходится на долю чешскихъ учебныхъ округовъ 672,941, на долю нѣмецкихъ учебныхъ округовъ— 395,159, на долю городскихъ учебныхъ округовъ—25,608. Изъ этого числа за исключеніемъ дѣтей, обучающихся въ среднихъ, высшихъ, иноязычныхъ или частныхъ школахъ (178,708), посѣщало чешскія народныя школы 599,036, нѣмецкія народныя и гражданскія школы 322,227 дѣтей, т.-е. 65% чешскихъ и 35% нѣмецкихъ дѣтей. Цифра эта свидѣтельствуетъ о настоящемъ процентномъ отношеніи чешскаго и нѣмецкаго народонаселенія, какъ нами въ своемъ мѣстѣ въ нашей статьѣ указано. Далѣе изъ отчета видно, что въ нѣмецкихъ школахъ обучалось не по своей волѣ 14,180 чешскихъ дѣтей, нѣмецкихъ же дѣтей было въ чешскихъ школахъ всего во всей странѣ 88. Цифры эти настолько убѣдительны, что нѣтъ никакой нужды распространяться о томъ, которая изъ обѣихъ націй, населяющихъ Чехію, терпитъ притѣсненіе отъ другой.

II) Дѣтей, посѣщающихъ частныя народныя школы или обучающихся дома 26,606; по вычетѣ 24,821, обучающихся въ частныхъ школахъ, остается на долю воспитывающихся дома 1,785 дѣтей.

III) Дѣтей, которые вслѣдствіе умственныхъ или физическихъ недостатковъ были освобождены отъ посѣщенія школы 4,465.

Изъ которыхъ приходится на долю чешскихъ округовъ	3,075
» » » » » нѣмецкихъ »	1,358
» » » » » городскихъ »	32

IV) Дѣтей, обязанныхъ посѣщать народную школу, но посѣщающихъ не свою, а чужую (не въ своей общинѣ) школу 34,747.

Изъ которыхъ приходится на долю чешскихъ округовъ	22,701
» » » » » нѣмецкихъ »	10,784
» » » » » городскихъ »	1,262
(изъ послѣднихъ на долю Праги	899)

V) Дѣтей умершихъ въ 1893 — 94 году или покинувшихъ школу за окончаніемъ курса 101,560.

Изъ которыхъ приходится на долю чешскихъ округовъ	58,210
» » » » » нѣмецкихъ »	40,907
» » » » » городскихъ »	2,443
(изъ послѣднихъ на долю Праги	2,909)

Въ дѣйствительности посѣщало въ 1893 — 94 учебномъ году школу 914,410 дѣтей.

Изъ которыхъ чешскаго языка	595,141
» » нѣмецкаго »	319,173
» » иноязычн. »	96

Дѣтей школьнаго возраста приходится:

1) На чешскіе общинные школьные округи 566,187

а именно: чешской національности . . .	558,942
нѣмецкой » . . .	7,216
другихъ національностей . . .	29

Изъ нихъ посѣщаютъ:

а) Чешскія народныя школы . . .	556,721	чешскихъ дѣтей
» » » . . .	3,131	нѣмецкихъ »
» » » . . .	23	иноязычн. »
б) Нѣмецкія » » . . .	4,085	нѣмецкихъ »
» » » . . .	2,221	чешскихъ »
» » » . . .	6	иноязычн. »

2) На нѣмецкіе общинные школьные округи 325,906

а именно: нѣмецкой національности . . .	306,353
чешской » . . .	19,510
другихъ національностей . . .	43

Изъ нихъ посѣщаютъ:

а) Нѣмецкія народныя школы . . .	306,278	нѣмецкихъ дѣтей
» » » . .	13,966	чешскихъ »

Нѣмецкія народныя школы. . . 43 иноязычн. дѣтей
б) Чешскія » » . . 5,544 чешскихъ »
» » » . . 75 нѣмецкихъ »

3) На городскіе школьные округи 22,317
а именно: чешской національности 16,689
нѣмецкой » 5,604
другихъ національностей . . . 24

Изъ нихъ посѣщаютъ:

а) Чешскія народныя школы . . . . 15,451 чешскихъ дѣтей
» » » . . . . 13 нѣмецкихъ »
» » » . . . . 1 иноязычн. »
б) Нѣмецкія » » . . . . 5,591 нѣмецкихъ »
» » » . . . . 1,238 чешскихъ »
» » » . . . . 23 иноязычн. »

На долю Праги 17,593
а именно: чешской національности 15,355
нѣмецкой » 2,218
другихъ національностей . . . 20

Изъ нихъ посѣщаютъ:

а) Чешскія народныя школы . . . . 14,403 чешскихъ дѣтей
» » » . . . . 6 нѣмецкихъ »
» » » . . . . 1 иноязычн. »
б) Нѣмецкія » » . . . . 2,212 нѣмецкихъ »
» » » . . . . 952 чешскихъ »
» » » . . . . 19 иноязычн. »

Всего посѣщаетъ чешскія народныя школы . . . 580,959
Въ томъ числѣ дѣтей нѣмецкой національности . . 3,219
» » » нѣмецкія народныя школы 333,451
» » » дѣтей чешской національности . . 17,425
По возрасту приходится дѣтей 6—12 лѣтъ . . . 702,159
» » » » 13—14 » . . . 212,251
Отъ платы за ученіе освобождено . . . . 318,913(34,9%)
Платило за ученіе 595,497

Число дѣтей, посѣщавшихъ въ 1893 — 94 году гражданскія школы равнялось 47,462.

Изъ которыхъ: чешской національности 29,670
нѣмецкой » 17,779
другихъ національностей 13

Изъ нихъ посѣщало:

а) Чешскія гражданскія школы . . . . . 15,685 мальчиковъ
» » » . . . . . 12,794 дѣвочекъ
б) Нѣмецкія » » . . . . . 10,599 мальчиковъ
» » » . . . . . 8,384 дѣвочекъ

Въ I классѣ гражданскихъ школъ находилось изъ нихъ . .						24,245	дѣтей
» II	»	»	»	»	» » . .	15,104	»
» III	»	»	»	»	» » . .	8,113	»

Множествомъ учащихся отличаются гражданскія школы:

а) Чешскія:	въ г. Кладнѣ	628	мальчиковъ	433	дѣвочки
	» » Краловскихъ Виноградахъ	504	»	454	»
	» » Жижковѣ	428	»	473	»
	» » Пльзни	419	»	344	»
	» » Смиховѣ	374	»	386	»
	» » Прибрамѣ	364	»	348	»
	» » Колинѣ	325	»	316	»
б) Нѣмецкія:	» » Устьи на Лабелѣ . . .	473	»	463	»
	» » Хебѣ (Eger)	330	»	259	»
	» » Яблонцѣ	301	»	243	»
	» » Карлов. Варахъ (Karlsbad)	272	»	275	»

Льготы по посѣщенію школъ разрѣшены:

1) Въ чешскихъ общинныхъ учебныхъ округахъ: а) разрѣшено обучать только одну часть учебнаго года въ 1,637 школахъ съ 48,749 дѣтьми; б) разрѣшено обучать ежедневно по полдня въ 23 школахъ съ 641 дѣтьми; в) разрѣшено обучать по половинѣ буднихъ дней въ 32 школахъ съ 207 дѣтьми.

2) Въ нѣмецкихъ округахъ разрѣшены подобныя льготы 1,389 школамъ съ 23,450 дѣтьми.

XI.

Учительскій персоналъ.

Въ 1894 году число штатныхъ мѣстъ учительскихъ достигло 15,714, которое превышаетъ число классовъ (15,434) на 280, тогда какъ въ гражданскихъ школахъ число штатныхъ учителей превышаетъ число классовъ на ту же цифру (280).

Учителей въ гражданскихъ школахъ . . .	1,144
Учительницъ въ гражданскихъ школахъ . .	268
Учителей въ народныхъ школахъ	12,677
Учительницъ въ народныхъ школахъ . . .	1,625 (923 чешки)

Въ народн. школьн. округ. завѣд. учителей	чеховъ	2,145	нѣмцевъ	1,343
» » » » » учительн.	чешекъ	17	нѣмокъ	—
» » » » учителей	чешскихъ . .	2,460	нѣмецк.	2,027
» » » » учительницъ	» . .	443	»	207
» » » вспомог. учителей	» . .	2,872	»	1,630
» » » » учительн.	» . .	463	»	353
Въ городск. школьн. округахъ въ народн. школахъ учителей				200
» » » » » » » учительницъ . .				142

Кромѣ свѣтскихъ учителей состоятъ духовныя лица учителями Закона Божія (съ постояннымъ жалованьемъ) въ гражданскихъ школахъ 221 человѣкъ, въ народныхъ школахъ 41 человѣкъ.

Учителей для необязательныхъ предметовъ въ гражданскихъ и народныхъ школахъ 740.

Рукодѣлью обучаются дѣвочки въ 4,729 школахъ. Такъ какъ въ сельскихъ школахъ часто приходится одной учительницѣ рукодѣлія учить въ нѣсколькихъ школахъ, то число учительницъ рукодѣлія меньше числа школъ, въ которыхъ оно преподается.

XII.

Посѣщеніе школъ, результаты преподаванія и учебныя пособія.

Изъ отчета земскаго школьнаго совѣта видно, что исправность въ посѣщеніи городскихъ школьныхъ округовъ удовлетворительна, въ общинахъ же еще не совсѣмъ удовлетворительна.

Число учебныхъ полудней, пропущенныхъ по неуважительнымъ причинамъ, составляетъ:

а) въ чешскихъ учебныхъ округахъ: въ 27 округахъ 10—20%
» » » » » 3 » 20—25,1%
б) » нѣмецкихъ » » » 7 » 10—20%

Причины неисправности: родители привлекали дѣтей къ полевымъ работамъ, къ ухаживанію за малыми дѣтьми; мальчиковъ заставляли пособлять имъ въ ремеслахъ, дѣвочекъ рано отдавали въ услуженіе; кромѣ того, были естественныя препятствія, какъ: эпидемическія болѣзни среди школьныхъ дѣтей и слишкомъ крутая зима въ горныхъ округахъ и, наконецъ, нерадѣніе многихъ мѣстныхъ школьныхъ совѣтовъ и даже нѣкоторыхъ окружныхъ совѣтовъ.

Несмотря на столь строгую оцѣнку результатовъ посѣщенія школъ, надо признать, что общій выводъ весьма удовлетворителенъ, если мы примемъ въ соображеніе, что для дѣтей вполнѣ здоровыхъ изъ всего количества (914,410) совершенно уклонялось отъ посѣщенія школъ всего 936 (317 мальчиковъ, 619 дѣвочекъ) (въ 1893 году было такихъ еще 1,393, стало быть въ 1894 году на 457 дѣтей менѣе), что составляетъ 0,1% всего контингента учащихся дѣтей. Причины полнаго уклоненія отъ посѣщенія школъ были: крайняя бѣдность родителей или ихъ полное равнодушіе къ образованію, кое-гдѣ нерадивая перепись дѣтей, обязанныхъ посѣщать школы. Земскій школьный совѣтъ въ виду того факта, что въ 1892 году такихъ дѣтей было 1,822 (почти вдвое больше цифры послѣдняго 1894 года), высказываетъ надежду, что и эта цифра значительно сократится, если подчиненные ему органы будутъ дѣйствовать вполнѣ добросовѣстно и съ надлежащею строгостью. Дѣло въ томъ, что въ Австріи подвергаются денежному взысканію и даже аресту родители, по винѣ которыхъ дѣти манкируютъ школою. И въ этомъ отношеніи видно улучшеніе. Между тѣмъ какъ

въ 1893 году родители, виновные въ томъ, что ихъ дѣти неисправно посѣщали школу, подверглись аресту 43,272 раза и уплатили 15,500 гульденовъ штрафа, въ 1894 году они подвергались аресту уже только 35,577 разъ (почти на 8,000 разъ меньше) и уплатили всего 14,622 гульдена штрафа.

Что касается отдѣльныхъ предметовъ преподаванія, то достигнуты слѣдующіе результаты:

А) По родному языку:

а) *Наглядное обученіе* служило главнымъ образомъ къ тому, чтобы дѣти научились думать и упражнялись въ разговорахъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ замѣчалась нѣкоторая торопливость со стороны учителей ради того, чтобы было пройдено по возможности больше предметовъ. Особенно успѣшно шло это дѣло въ школахъ съ высшей организаціей; но въ такихъ школахъ, гдѣ первый учебный годъ входилъ въ составъ одноклассснаго училища, наглядному обученію удѣлялось весьма мало времени. Иллюстрированныхъ руководствъ для нагляднаго обученія было въ большинствѣ школъ достаточно.

б) *Чтеніе* преподавалось по методу «чтенія на основаніи письма». Результатъ въ концѣ перваго учебнаго года соотвѣтствовалъ условіямъ школы, но во многихъ случаяхъ мало вниманія обращалось на то, чтобы дѣти понимали читаемое. Продолженіе курса въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ успѣшно со стороны механической; но что касается правильнаго и осмысленнаго чтенія, результаты не вполнѣ соотвѣтствуютъ ожидаемой нормѣ. На всѣхъ степеняхъ преподаванія мало еще обращалось вниманія на устраненіе манеры читать нараспѣвъ.

в) *Ученіе наизусть* образцовыхъ статей шло весьма успѣшно, только кое-гдѣ мало повторялось заученное; часто встрѣчалось, что затверженныя статьи произносились довольно монотонно и безцвѣтно.

г) При преподаваніи *грамматики* учителя все больше придерживались здраваго принципа, что хорошій результатъ въ этомъ предметѣ не зависитъ исключительно отъ заучиванія и переспрашиванія правилъ, но главнымъ образомъ отъ практическаго упражненія и объясненія правилъ на обиліи примѣровъ.

д) При преподаваніи *орѳографіи* обращается все больше вниманія на то, чтобъ ученикъ, запомнивъ правильныя формы словъ, выучился писать грамотно. Этой системѣ сильно препятствовало то обстоятельство, что въ школахъ 1 и 2-классныхъ подъ видомъ «практическихъ упражненій въ слогѣ укоренился обычай многописанія, не дозволяющій учителю основательно провѣрять письменныя работы и, стало-быть, въ значительной степени способствующій механическому, ошибочному переписыванью.

е) При *письменныхъ упражненіяхъ въ слогѣ* встрѣчался тотъ недостатокъ, что многіе учителя даже въ старшихъ классахъ предлагаемый матеріалъ такъ долго сами повторяютъ и до тѣхъ поръ заставляютъ учениковъ повторять, покуда они этотъ разработанный матеріалъ не выучатъ наизусть.

Въ большинствѣ школъ обращалось вниманіе на такія произведенія, которыя чаще всего нужны въ практической жизни (письма, счета, прошенія, расписки всякаго рода и т. д.).

Б) По другому туземному языку:

Преподаваніе чешскаго языка въ нѣмецкихъ народныхъ школахъ и нѣмецкаго въ чешскихъ велось съ достаточнымъ успѣхомъ; здѣсь, однако, надо замѣтить, что нѣмцы занимаются чешскимъ языкомъ съ величайшимъ презрѣніемъ и даже отвращеніемъ, чехи, напротивъ того, во многихъ случаяхъ усердствуютъ уже слишкомъ. Преподаваніе состоитъ, главнымъ образомъ, въ практическихъ разговорахъ, изученіе же грамматики доведено до ничтожнѣйшихъ размѣровъ.

В) *Ариѳметика и геометрія.* Счисленіе умственное практиковалось въ надлежащей мѣрѣ. Примѣры подбирались по большей части изъ области тѣхъ житейскихъ условій, въ которыхъ находились мѣстныя дѣти, причемъ въ большинствѣ школъ учителя старались мотивировать придуманные ими примѣры. Наука простой бухгалтеріи преподавалась въ гражданскихъ школахъ съ хорошимъ успѣхомъ. Геометрія преподавалась соотвѣтственно практическимъ потребностямъ жизни, въ особенности изучались практическіе законы измѣренія площадей и тѣлъ.

Г) При *чистописаніи* обращалось надлежащее вниманіе на составныя части письма; дѣти учились писать подъ тактъ въ первоначальной степени обученія въ надлежащей мѣрѣ, и повсемѣстно заведенная реформа вертикальнаго письма повліяла благотворно въ томъ отношеніи, что дѣти стали при письмѣ сидѣть болѣе правильно.

Д) При преподаваніи *реальныхъ свѣдѣній* достигнуты относительно благопріятные результаты, особливо въ гражданскихъ школахъ. Весьма отраднымъ является тотъ фактъ, что постоянно убавляется контингентъ учителей, которые при преподаваніи ограничиваются матеріаломъ, помѣщеннымъ въ руководствахъ для чтенія (читанкахъ).

Е) При преподаваніи *географіи* больше всего обращено вниманія на изученіе родины. Весьма многіе учителя нарисовали планы школьнаго зданія, мѣстности (села, города), въ которой находится ихъ школа, и своего округа, и пожертвовали эти планы для коллекціи учебныхъ пособій. О географическихъ условіяхъ Чехіи и всей Австрійской имперіи сообщались во всѣхъ школахъ по возможности болѣе подробныя свѣдѣнія: весьма многіе учителя составили весьма практическія по своей простотѣ и наглядности стѣнныя карты различныхъ областей Австрійской имперіи для того, чтобы преподаваніе географіи сдѣлалось болѣе осмысленнымъ. Жаль только, что во многихъ случаяхъ учителя обращали больше вниманія на топографію, чѣмъ на физическую географію.

Ж) При преподаваніи *исторіи* учителя старались свободнымъ, простымъ и яснымъ изложеніемъ историческихъ событій, живымъ описаніемъ подвиговъ выдающихся лицъ, содѣйствовать выработкѣ характера у учениковъ, возбуждать въ нихъ любовь къ родинѣ. Кромѣ того, учителя старались по

силамъ растолковать и уяснить главныя основы австрійской конституціи. Кое-гдѣ встрѣчались, къ сожалѣнію, еще такіе учителя, которые требуютъ отъ учениковъ буквальнаго заучиванія предмета по учебнику.

З) *Естественная исторія* преподавалась нагляднымъ образомъ, причемъ главное вниманіе обращалось на представителей животнаго и растительнаго царства и горныхъ породъ, встрѣчающихся на родинѣ. Въ нѣкоторыхъ школахъ учителя знакомили учениковъ съ жизнью животныхъ, но больше вниманія удѣлялось пользѣ и вреду, какія приносятъ животныя и растенія, и насколько пригодны минералы и горныя породы для домашняго обихода и хозяйства. Въ большинствѣ школъ знакомили учениковъ съ важнѣйшими правилами гигіены. Парламентская коммиссія въ своемъ докладѣ чешскому сейму высказываетъ при этомъ случаѣ желаніе, чтобъ учителя чаще сравнивали между собою отдѣльные предметы и дѣлали сопоставленія; далѣе, чтобъ школьные сады больше служили преподаванію естественныхъ наукъ. Хорошихъ картинъ по естествознанію и достаточно полныхъ коллекцій нѣтъ еще при многихъ школахъ; нѣкоторые учителя демонстрировали свои предметы на собственныхъ коллекціяхъ, собранныхъ ими для пополненія своихъ собственныхъ знаній.

И) *Физика* преподавалась въ гражданскихъ и многоклассныхъ народныхъ школахъ въ большинствѣ случаевъ въ надлежащихъ размѣрахъ, производились опыты съ помощью имѣющихся подъ рукою аппаратовъ, явленія въ природѣ объяснялись и выводились изъ нихъ естественные законы, причемъ постоянно указывалось на ихъ отношеніе къ промышленности, полевому и домашнему хозяйствамъ. Нѣкоторые учителя сами сооружали простые физическіе аппараты. Въ многоклассныхъ школахъ, гдѣ обыкновенно не достаетъ даже самонужнѣйшихъ физическихъ аппаратовъ, на этотъ предметъ обращалось, къ сожалѣнію, весьма мало вниманія.

К) Обучаясь *рисованію*, ученики работали надъ своими рисунками въ большинствѣ случаевъ по старому методу; учителя всегда стремились къ тому, чтобы напрактиковать зрѣніе и руку и выработать въ ученикахъ пониманіе формъ и вкусъ къ прекрасному. Рисованіе по командѣ практиковалось только въ многоклассныхъ школахъ, свободное же рисованіе (по памяти, предлагалось только болѣе даровитымъ и прилежнымъ ученикамъ, успѣвшимъ рано кончить общую работу, для того, чтобы ихъ занять подходящимъ дѣломъ. Предметъ преподавался обыкновенно разомъ для всѣхъ; только рѣдко гдѣ учителя безо всякаго основанія придерживались старой системы обученія по-одиночкѣ. Въ низшихъ классахъ дѣти учатся рисовать по точкамъ, но въ послѣднемъ учебномъ году учителя стараются добиться того, чтобы пунктированныя рисовальныя тетради были совершенно изгнаны изъ употребленія.

Л) *Пѣнію* учителя обучали въ 1 и 2-классныхъ школахъ по слуховому методу, въ многоклассныхъ по нотамъ. Пѣсни патріотическія, церковныя и народныя разучивались съ особымъ усердіемъ. Учителя старались предварительно растолковать ученикамъ смыслъ текста пѣсенъ и повліять

такимъ образомъ на ихъ воспріимчивые умы облагораживающимъ образомъ. Тексты пѣсенъ обыкновенно выучивались наизусть. Только въ незначительномъ количествѣ одноклассныхъ школъ, въ которыхъ работаютъ не музыкальные учителя (по большей части, бывшія вспомогательныя силы), преподаваніе пѣнія находилось въ печальномъ положеніи (у нѣмцевъ).

М) *Гимнастику* нельзя было преподавать соотвѣтственно требованіямъ учебныхъ плановъ, потому что только немного школъ располагаетъ крытыми, теплыми гимнастическими залами, хотя ихъ число за послѣдній годъ значительно увеличилось. Но и лѣтнихъ помѣщеній еще нѣтъ вездѣ и въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ опять не достаетъ гимнастическихъ снарядовъ. Впрочемъ, нужно добавить, гимнастика совершенно не преподавалась только въ немногихъ одноклассныхъ школахъ, при которыхъ состоятъ учителя, не знающіе гимнастики. Не совсѣмъ удовлетворительно стоитъ еще преподаваніе гимнастики во многихъ земскихъ школахъ; тамъ, гдѣ она уже преподается, дѣло идетъ весьма удовлетворительно. Организованныя дѣтскія игры служили во многихъ городахъ весьма желаннымъ дополненіемъ гимнастики.

Н) Въ преподаваніи *рукодѣлія*, производимомъ почти вездѣ цѣлымъ классомъ, достигнуты блестящіе результаты. Главная заслуга здѣсь должна быть приписана старанію и умѣнью учительницъ рукодѣлья. Но и мѣстная школьная администрація и школьные совѣты содѣйствовали успѣшному преподаванію рукодѣлія, стараясь снабдить дѣтей неимущихъ родителей необходимымъ матеріаломъ для работъ. Ежегодныя же выставки разныхъ работъ, устраиваемыя въ зданіяхъ школъ послѣ окончанія занятій, служатъ немаловажнымъ поощреніемъ какъ для дѣтей, такъ и для учительницъ. Въ послѣднее время многія школы запаслись стѣнными картами съ рисунками для рукодѣлій, что значительно облегчаетъ трудъ учительницъ, которыя такимъ образомъ избавляются отъ необходимости собственноручно дѣлать чертежи на классной доскѣ. Въ гористыхъ мѣстностяхъ преподаваніе очень страдаетъ отъ того, что учительницамъ часто приходится въ ненастные дни, въ метели и при значительныхъ морозахъ совершать дальніе и затруднительные переходы изъ одной школы въ другую, благодаря чему не одинъ урокъ пропадаетъ.

Общій результатъ: безграмотныхъ въ Чехіи въ 1891 году—3%.

XIII.

Учителя.

Чешскіе учителя составляютъ гордость націи. Ихъ стараніе исполнять свой долгъ добросовѣстно и съ наибольшею пользой для обучаемыхъ ими дѣтей признано и оцѣнено всѣмъ народомъ. Большинство изъ нихъ продолжаетъ трудиться надъ собственнымъ усовершенствованіемъ и обогащается все болѣе и болѣе широкими познаніями. 109 окружныхъ учительскихъ библіотекъ, многочисленныя засѣданія учительскихъ обществъ,

засѣданія мѣстныхъ учительскихъ совѣтовъ, окружныхъ совѣтовъ и педагогическихъ совѣтовъ при гражданскихъ школахъ, чтеніе значительнаго числа дѣльныхъ педагогическихъ журналовъ открываетъ широкое и свободное поле для учителей, жаждущихъ просвѣтиться, поучиться или подѣлиться новыми мыслями съ товарищами.

Для примѣра укажемъ на дѣятельность учителей одного политическаго округа города Горицъ, составляющаго часть общиннаго учебнаго округа г. Кралове-Градца. Когда въ 1891 году среди чешскихъ патріотовъ возникла мысль устроить въ Прагѣ этнографическую выставку, ее встрѣтили повсюду съ живѣйшимъ участіемъ. Какъ вездѣ по всей Чехіи, такъ и въ г. Горицахъ образовался мѣстный комитетъ, который, разработавъ подробный планъ подготовительныхъ работъ, привлекъ къ участію всѣхъ лицъ, сочувствующихъ предполагаемой выставкѣ. Въ пятичленномъ комитетѣ состояли: предсѣдателемъ—директоръ мѣстной профессіональной школы и секретаремъ—учитель той же школы. Работа вскорѣ закипѣла и въ теченіе 3½ лѣтъ собрана цѣлая коллекція цѣннѣйшихъ предметовъ,—лучше сказать, полный мѣстный этнографическій музей и подробное описаніе всего общиннаго округа г. Горицъ въ географическомъ, статистическомъ, геологическомъ, антропологическомъ, бытовомъ, промышленномъ, культурно-учебномъ, фольклористическомъ, музыкальномъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Всѣ стороны жизни мѣстнаго населенія, его нужды, предпріимчивость, богатство, характеръ,— все описано подробнѣйшимъ образомъ и затѣмъ въ 1895 году изданъ *Этнографическій сборникъ политическаго округа г. Горицъ,* со снимками всѣхъ мѣстныхъ достопримѣчательностей, типовъ дѣтей, взрослыхъ и старыхъ людей, съ географической, геологической и другими картами, съ репродукціями мѣстныхъ художественныхъ произведеній, съ образцами народныхъ орнаментовъ и костюмовъ, со всевозможными статистическими таблицами и діаграммами, такъ что книга представляетъ изъ себя полную картину мѣстности, почвы населенія, его культурности и богатства. Вся эта работа была исполнена 57 лицами, среди которыхъ было 22 учителя, 5 учительницъ и, сверхъ всѣхъ, еще 6 *учениковъ* мѣстной профессіональной школы.

Интереснѣйшей статьею для настоящаго нашего очерка является статья о результатахъ измѣреній и переписи школьныхъ дѣтей въ Горицкомъ политическомъ округѣ, составленная съ помощью всего учительскаго персонала, учителемъ Вячеславомъ Пазоуркомъ. Каждая школа измѣрила и описала своихъ дѣтей, и эти свѣдѣнія отправляла г. Вондрачку въ Горицы. Измѣреніе производилось въ 1893—94 году. Надъ приведеніемъ матеріала въ порядокъ трудились 3 горицкія учительницы. При обработкѣ матеріала имѣлись въ виду только чешскія дѣти (дѣло въ томъ, что это—округъ чисто-чешскій; 30,456 чеховъ, 7 поляковъ и 36 нѣмцевъ составляютъ его населеніе), рожденные въ самомъ политическомъ округѣ, числомъ 2,869 (изъ 3,414 чешскихъ дѣтей). Возрастъ дѣтей раздѣленъ на 17 классовъ отъ 6—14 лѣтъ по полулѣтіямъ. Кромѣ того, дѣти раздѣлены

на городскія и сельскія. Описаніе содержитъ слѣдующія данныя: ростъ, крѣпость позвоночнаго столба и костей, мускулатура и питаніе; окружность головы; лицо: цвѣтъ лица, волосъ и глазъ; вѣсъ тѣла; поведеніе и даровитость. Хотя приходится уклониться отъ прямой своей задачи, однако мы не можемъ отказаться познакомить читателей со всѣми этими результатами, а затѣмъ уже вернемся къ своей прямой задачѣ.

XIV.

Этнографическій очеркъ дѣтей Горицкаго политическаго округа.

Ростъ мѣстныхъ дѣтей въ теченіе 8 учебныхъ лѣтъ равняется у мальчиковъ 35,91 сантиметрамъ, у дѣвочекъ 39,29 сантиметрамъ. Полулѣтній средній ростъ равняется у мальчиковъ 2,24, у дѣвочекъ 2,45 сантиметрамъ.

Таблица средняго роста въ ст. у мальчиковъ и дѣвочекъ въ цѣломъ округѣ:

Возрастъ.	Мальчики.			Дѣвочки.			Насколько дѣвоч. выше (+) или ниже (—) рост. въ общ. уров.
	Общій уров.	Город.	Сельс.	Общій уров.	Город.	Сельс.	
6	109,09	—	109,09	107,87	108	107,83	—1,22
6½	111	109,5	110,1	108,26	108,55	110,14	—2,74
7	111,98	113,92	111,38	112,66	111	112,9	+0,68
7½	115,00	116,1	114,79	114,65	115,55	114,43	—0,35
8	117,69	117	117,91	115,97	116,7	115,83	—1,72
8½	119,04	118,9	119,07	119,06	118,77	119,17	+0,02
9	122,16	120,76	122,76	121,97	119,8	122,34	—0,19
9½	125 03	122,6	125,73	123,37	123,12	123,39	—1,66
10	126,4	127	126,26	126,65	126	126,92	+0,25
10½	129,04	127,5	129,97	128,72	126,19	129,2	—0,68
11	131,5	130,2	131,94	131,6	131,12	131,68	+0,1
11½	133,83	133,8	133,57	133,02	132,71	132,97	—0,81
12	135,05	134,4	135,57	135,87	136,3	135,8	+0,82
12½	137,31	137	137,34	138,84	141,44	138,27	+1,53
13	139,57	141	139,08	139,82	147,3	140	+0,25
13½	142,72	141,8	142,97	144,26	148,15	143,37	+1,54
14	145,00	145	144,88	147,16	150	146,23	+2,16

Изъ этой таблицы видно, что, хотя дѣвочки въ 6-лѣтнемъ возрастѣ на 1,22 ст. меньше мальчиковъ, онѣ въ 14 лѣтъ уже на 2,16 ст. выше ихъ,—стало быть, растутъ въ теченіе школьнаго времени быстрѣе, чѣмъ мальчики. За то ростъ у мальчиковъ болѣе регуляренъ, особливо послѣ 12 лѣтъ. Интересно, что въ ихъ ростѣ отъ 6½ до 11½ лѣтъ замѣчается

періодическое чередованіе, за двумя полулѣтіями болѣе усиленнаго роста слѣдуетъ одно полулѣтіе усталости. Между тѣмъ у дѣвочекъ приходится въ эти полулѣтія пора самаго усиленнаго роста ($6^1/_2$, 8, $9^1/_2$ года). Двѣнадцатилѣтній возрастъ является рубежомъ, между возрастомъ мальчиковъ и дѣвочекъ, до 12 лѣтъ дѣвочки меньше мальчиковъ, выше 12 лѣтъ онѣ ростомъ больше мальчиковъ.

Приведенныя вычисленія сдѣланы въ каждой общинѣ отдѣльно (ихъ въ политическомъ округѣ 53), а затѣмъ уже сдѣланъ сведній выводъ. Въ географическомъ отношеніи интересенъ тотъ фактъ, что дѣти изъ общинъ, лежащихъ болѣе высоко надъ моремъ (до 456—487 метровъ), достигаютъ роста выше средней нормы, а дѣти изъ долинъ—роста ниже средней нормы.

Изслѣдованія, касающіяся крѣпости позвоночнаго столба и костей, мускулатуры и питанія привели къ слѣдующимъ результатамъ.

Крѣпость позвоночнаго столба и костей различалась троякая: крѣпкія, среднія, слабыя кости; % крѣпкихъ костей поднимается у мальчиковъ отъ 29,1% (въ $8^1/_2$ лѣтъ) до 71% (въ 14 лѣтъ); у дѣвочекъ крайніе предѣлы 19% (въ 12 лѣтъ) и 50% (въ 14 лѣтъ). Мальчики крѣпнутъ правильнѣе и сильнѣе, въ особенности послѣ $10^1/_2$ лѣтъ % роста крѣпкихъ костей идетъ непрерывно вверхъ. % слабыхъ костей падаетъ у мальчиковъ всего округа съ 28,8% (въ 10 лѣтъ) до 13% (въ 14 лѣтъ), у дѣвочекъ съ 37,5 (въ 6 лѣтъ) до 7,4% (въ $13^1/_2$ лѣтъ). И здѣсь замѣчается благопріятное отношеніе: у обоихъ половъ съ ростомъ уменьшается процентъ слабыхъ костей. Изъ приведенныхъ данныхъ явствуетъ, что дѣвочки въ возрастѣ 6—14 непомѣрно болѣе развиваются и крѣпнутъ, чѣмъ мальчики, и что у нихъ число слабыхъ костей и позвоночныхъ столбовъ къ 14-лѣтнему возрасту падаетъ почти до 0. Мускулатура раздѣляется тоже на 3 степени: сильную, среднюю и слабую. Процентъ сильныхъ колеблется у мальчиковъ между 19,7% (въ $10^1/_2$ лѣтъ) и 62,5 (въ 14 лѣтъ), у дѣвочекъ между 0% (въ 6 лѣтъ) и 54,5 (въ 14 лѣтъ). Здѣсь можно сказать то же самое, что при развитіи костей и позвоночныхъ столбовъ. Мускулатура развивается съ ними одновременно и равномѣрно.

Питаніе различается хорошее, среднее и слабое. Процентъ мальчиковъ съ хорошимъ питаніемъ колеблется между 12,1% (въ 13 лѣтъ) и 53,8% (въ 6 лѣтъ), дѣвочекъ между 12,5 (въ 6 лѣтъ) и 38,2% (въ $13^1/_2$ лѣтъ), въ общемъ питаніе падаетъ у мальчиковъ, у дѣвочекъ оно поднимается въ теченіе учебнаго періода. У обоихъ половъ послѣ 8 года замѣтенъ неблагопріятный регрессъ, послѣ чего мальчики остаются въ одинаковомъ положеніи, дѣвочки же поправляются.

Слабое питаніе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ сильнымъ питаніемъ. Насколько у мальчиковъ хорошее питаніе съ каждымъ годомъ падаетъ, настолько и плохое питаніе возрастаетъ среди нихъ, и, наоборотъ, насколько хорошее питаніе у дѣвочекъ усиливается, настолько плохое питаніе падаетъ у нихъ.

Приводимъ для наглядности соотвѣтственныя таблицы:

ВОЗРАСТЪ.	Питаніе мальчиковъ. Хор. %	Слаб. %	Питаніе дѣвочекъ. Хор. %	Слаб. %
6	53,8	7,7	12,5	12,5
6½	27,7	18,8	30,1	20,5
7	27,9	18,6	33	15,6
7½	22,4	22,4	34	11
8	30,4	19,6	32,4	13
8½	14,6	24,2	15,4	13,2
9	21	24	24,2	13,2
9½	16,3	22,8	19	14,7
10	16,8	23,5	21,9	17,9
10½	17,6	24	21,5	12,1
11	21,1	10,5	28,1	13,5
11½	16,7	23,7	24	10
12	14,1	16,2	32,6	—
12½	14,5	30,1	35	7,2
13	12,1	16,7	15,4	9,6
13½	12,8	8,5	38,2	7,3
14	31,3	28,1	31,8	9,1

Такимъ образомъ развитіе костей и позвоночнаго столба и вмѣстѣ съ ними мускулатуры и питаніе составляютъ самые характерные и неразрывные признаки гигіеническаго развитія подрастающаго поколѣнія. На основаніи ихъ можно опредѣлить, насколько гигіеничны условія различныхъ общинъ и людей различныхъ занятій.

	Группа школьныхъ общихъ.	Дѣти Земледѣльцевъ.	Мелк. земледѣльц.	Батраковъ.	Ткачей.	Каменьщиковъ и каменоломщик.	Другихъ ремесленниковъ.
Хорошія условія жизни дѣтей.	Добра Вода . .	41	—	26,3	—	—	—
	Гнѣвчевесь . .	68,8	—	22,1	—	—	—
	Ходовице. . .	34,6	15	17	—	—	17,7
	Миловице. . .	42	—	25	—	—	—
	Врещовъ . . .	42,8	—	21,5	—	—	—
Плохія условія жизни дѣтей.	Ланжовъ . . .	31,7	—	18,8	5	10	28
	Требигощъ. . .	39	11,5	—	25,3	—	20
	Вресникъ. . .	20	—	11,6	41,6	—	8,3
	Цереквице . .	24,6	—	32	—	—	17% плотн.
	г. Горице. . .	1	—	23,8	8,5	2,7	53

Въ 1 группѣ находятся общины, въ которыхъ 40% дѣтей земледѣльцевъ, земледѣльческихъ работниковъ и плодородная почва. Въ 2 группѣ

общины находятся на бѣдной, каменистой, гористой почвѣ, гдѣ населеніе занимается различными ремеслами, изъ которыхъ самое убогое—ткацкое. Въ нѣкоторыхъ общинахъ населеніе занято работами въ каменоломняхъ и заведеніяхъ, обрабатывающихъ камень.

Окружность головы возрастовъ у дѣтей по слѣдующей таблицѣ въ миллиметрахъ (mm.).

Возрастъ.	Мальчики.			Дѣвочки.			Наск. ок. гол. дѣв. мен. (—) или бол. (+).
6	503,5	у 13 мал.		482,5	у 8 дѣв.		—21,0
6½	504,9	» 111 »	на +1,4 (пр.)	490,3	» 82 »	+7,8	—14,6
7	501,7	» 84 »	на —3,2 (уб.)	494,4	» 117 »	+4,1	— 7,3
7½	508,3	» 107 »	» +6,6	495,2	» 90 »	+0,8	—13,1
8	507,9	» 97 »	» —0,4	497,4	» 106 »	+2,2	—10,5
8½	511,9	» 93 »	» +4,0	500,2	» 87 »	+2,8	—11,7
9	512,8	» 96 »	» +0,9	501,1	» 82 »	+0,9	—11,7
$9^1/$	517,9	» 93 »	» +5,1	502,4	» 90 »	+1,3	—15,5
10	510,5	» 117 »	» —7,4	505,1	» 119 »	+2,7	— 5,4
$10^1/$	516,2	» 126 »	» +5,7	508,3	» 114 »	+3,2	— 7,9
11	516,6	» 94 »	» +0,4	509,3	» 93 »	+1,0	— 7,3
11½	519,8	» 109 »	» +3,2	508,7	» 104 »	+0,6	—11,1
12	517,6	» 97 »	» —2,2	511,8	» 85 »	+3,1	— 5,8
12½	522,0	» 89 »	» +4,4	514,1	» 80 »	+2,3	+ 7,9
13	521,9	» 64 »	» —0,1	524,0	» 50 »	+9,9	+ 2,1
13½	522,9	» 50 »	» +1,0	519,2	» 57 »	—4,8	— 3,7
14	521,5	» 33 »	» —1,4	514,5	» 53 »	—4,7	— 7,0

У мальчиковъ увеличивается окружность головы отъ 6 до 14 лѣтъ на 18 mm., у дѣвочекъ на 32 mm. Стало быть окружность головы у дѣвочекъ увеличивается поразительно быстрѣе. Въ 6 лѣтъ составляетъ разница 21 mm., въ 14 лѣтъ всего 7 mm. При этомъ болѣе скоромъ ростѣ окружности головы увеличеніе происходитъ у дѣвочекъ болѣе правильнымъ ходомъ, такъ какъ у мальчиковъ мы видимъ въ 6 случаяхъ пониженіе средняго вывода, между тѣмъ какъ у дѣвочекъ наблюдается тотъ же фактъ только въ 2 случаяхъ. У мальчиковъ наблюдаемъ, что за полулѣтіемъ, благопріятствующимъ росту головы, слѣдуетъ полулѣтіе медленнаго роста или стагнаціи, чего у дѣвочекъ не замѣчаемъ. Конечный результатъ указываетъ, что въ среднемъ выводѣ окружность головы у дѣвочекъ въ теченіе учебнаго курса (6 — 14 лѣтъ) меньше окружности головы у мальчиковъ.

Лица бываютъ двухъ формъ: круглыя и продолговатыя.

Насколько та и другая форма во всемъ округѣ преобладала, показываетъ слѣдующая таблица въ %.

ВОЗРАСТЪ.	МАЛЬЧИКИ.		ДѢВОЧКИ.	
	Круглое.	Продолговатое.	Круглое.	Продолговатое.
6	75	25	37,5	62,5
6½	62	38	53	47
7	50	50	51,4	48,6
7½	54,5	45,5	62,6	37,4
8	58	42	46,3	53,7
8½	56,3	43,7	47,8	52,2
9	44	56	54,6	45,4
9½	36,8	63,2	47,8	52,2
10	43,6	56,4	52,2	47,8
10½	47,7	52,3	48,6	51,4
11	50,5	49,5	55	45
11½	48,1	51,9	46,5	53,5
12	35,2	64,8	50,6	49,4
12½	52	48	52,1	47,9
13	40	60	58,1	41,9
13½	38,8	61,2	47,4	52,6
14	40,6	59,4	58,4	41,6

Изъ этого обозрѣнія слѣдуетъ, что у мальчиковъ въ 6 лѣтъ преобладаетъ типъ круглаго лица и постепенно переходитъ въ типъ продолговатый, у дѣвочекъ, наоборотъ, изъ преобладающаго продолговатаго типа формируется преобладающій типъ круглый. При этомъ наблюдается, что чѣмъ ростъ ребенка выше, тѣмъ болѣе продолговато у него лицо; малорослыя дѣти и средняго роста отличаются лицами круглыми.

Цвѣтъ лица въ Горицкомъ округѣ преобладаетъ бѣлый, волосы свѣтлорусые, а именно:

ВОЗРАСТЪ.	У мальчиковъ цвѣтъ лица (teint).		У дѣвочекъ цвѣтъ лица (teint)	
	Бѣлый.	Смуглый.	Бѣлый.	Смуглый.
6	92,3	7,7	87,5	12,5
6½	84,7	15,3	85,9	14,1
7	83,9	16,1	83,9	16,1
7½	81,3	18,7	84,7	15,3
8	88,3	11,7	81,7	18,3
8½	78,8	21,2	81,4	18,6
9	76,5	23,5	80,7	19,3
9½	84,9	15,1	86,8	13,2
10	78,3	21,7	84,7	15,3
10½	80,3	19,7	86	14
11	77,9	22,1	89,1	10,9

11½	77,2	22,8	76,7	23,3
12	78,1	21,9	78,1	21,9
12½	77,3	22,7	77,1	22,9
13	78,5	21,5	79,6	20,4
13½	86,3	13,7	77,2	22,8
14	78,1	21,9	91,3	8,7

Волосы встрѣчаются:	рыжіе	у мал.	1,4%,	у дѣв.	1,7%
»	»	свѣтлые	» »	16	» » »	19,1 »
»	»	свѣтлорусые	» »	30	» » »	33,7 »
»	»	темнорусые	» »	30,1	» » »	28,5 »
»	»	чернорус. (и черн.)	» »	22,5	» » »	17 »

Изъ приведеннаго явствуетъ, что во всемъ округѣ при преобладающемъ бѣломъ цвѣтѣ лица волосы въ значительномъ большинствѣ (70%) темнаго цвѣта. У дѣвочекъ встрѣчается больше свѣтлорусыхъ, чѣмъ у мальчиковъ, и въ 6 лѣтнемъ возрастѣ не оказалось между дѣвочками ни одной съ темнорусыми или черными волосами.

Преобладающій цвѣтъ глазъ голубой и сѣроголубой.

Вѣсъ тѣла въ килограммахъ оказался:

Въ возрастѣ.	У мальчиковъ.				У дѣвочекъ.				Причемъ дѣв. тяж. (+) или лег. (—) на
6	19,66	у 12	мал.		18,31	у 8	дѣв.		—1,35
6½	19,77	» 109	»	+0,11 (пр.)	18,63	» 79	»	+0,32	—1,14
7	20,08	» 85	»	+0,31	19,64	» 111	»	+1,01	—0,44
7½	21,59	» 107	»	+1,51	20, 7	» 95	»	+1,06	—0,89
8	22,51	» 100	»	+0,92	21,81	» 108	»	+1,11	—0, 7
8½	22,75	» 99	»	+0,24	22,42	» 89	»	+0,61	—0,33
9	24,45	» 97	»	+1,70	23, 9	» 85	»	+1,48	—0,55
9½	25, 5	» 98	»	+1,05	24, 5	» 87	»	+0, 9	—1, 0
10	26,37	» 118	»	+0,87	25,62	» 115	»	+1,12	—0,75
10½	27, 8	» 127	»	+1,43	26,81	» 113	»	+1,19	—0,99
11	29,39	» 94	»	+1,59	28,27	» 90	»	+1,46	—1,12
11½	29,52	» 110	»	+0,13	28,96	» 98	»	+0,69	—0,56
12	30,91	» 95	»	+1,39	31,22	» 82	»	+2,26	+0,31
12½	32,23	» 89	»	+1,32	33,06	» 97	»	+1,84	+0,83
13	33,74	» 67	»	+1,51	33,51	» 52	»	+0,45	—0,13
13½	34, 9	» 47	»	+1,16	35, 9	» 53	»	+2,39	+1, 0
14	37,79	» 31	»	+2,89	38,43	» 22	»	+2,53	+0,64

Среднимъ числомъ прибавилось вѣса у мальчиковъ за учебный курсъ 18,13 кд., у дѣвочекъ 20,12 кд. на 1,99 кд. больше, чѣмъ у мальчиковъ.

Ростъ и увеличеніе вѣса дѣвочекъ одинаково пропорціонально превышаетъ ростъ и увеличеніе вѣса у мальчиковъ.

Даровитость и поведеніе дѣтей въ Горицкомъ округѣ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ средняго вывода. Даровитость раздѣлена на двѣ категоріи: весьма и мало даровитыхъ. Процентъ учениковъ средняго дарованія составляетъ недостающую до 100% сумму.

ВОЗРАСТЪ.	МАЛЬЧИКИ.		ДѢВОЧКИ.	
	Очень даров.	Мало даров.	Очень даров.	Мало даров
6	14,4	—	—	—
6½	20	10,9	19,7	6,2
7	30,6	5,9	35,2	7,4
7½	19,4	11,7	29,5	11,5
8	24,5	11,2	29,7	9,9
8½	24,3	16,2	30,7	5,7
9	20,9	20,9	21,4	10,7
9½	14,7	11,6	27,2	8,7
10	20,2	10,1	20,2	15,3
10½	18,6	8,5	29,2	7,1
11	22,3	6,4	25,8	15,4
11½	26,5	10,2	20,4	9,7
12	16,3	13,3	31,4	7,0
12½	11,5	18,4	27,6	12,2
13	19,7	24,2	33,3	8,8
13½	14,9	23,6	28,6	14,3
14	21,2	21,2	39,1	13,1

Сравнивая эти данныя объ умственномъ развитіи съ физическимъ мы видимъ, что вмѣстѣ съ физическимъ подвигается и умственное развитіе у дѣвочекъ быстрѣе, чѣмъ у мальчиковъ. Но здѣсь нужно замѣтить, что оцѣнка даровитости не безошибочна и страдаетъ много отъ личнаго взгляда оцѣнивающаго ее учителя. Особенно трудно опредѣлить ее у малыхъ дѣтей. Чѣмъ дитя становится старше, тѣмъ запасъ его умственныхъ познаній долженъ быть богаче и разнообразнѣе и тѣмъ скорѣе даетъ возможность критическому уму педагога постичь умственный складъ каждой особи. Такимъ образомъ все увеличивающійся процентъ мало-даровитыхъ нужно понимать такимъ образомъ, что процентъ этотъ не увеличивается, но все больше и больше распознается и точно опредѣляется. Далѣе изъ сопоставленія таблицъ даровитости дѣтей городскихъ съ дѣтьми сельскими выходитъ, что дѣтей весьма даровитыхъ сельскихъ на 2,45%, а средней даровитости на 3,09% больше, чѣмъ городскихъ.

Поведеніе дѣтей въ цѣломъ округѣ видно изъ слѣдующей таблицы.

ВОЗРАСТЪ.	МАЛЬЧИКИ.		ДѢВОЧКИ.	
	Поведеніе хорошее.	Поведеніе неодобрит.	Поведеніе хорошее.	Поведеніе неодобрит.
6	100	—	88,9	11,1
6½	98,2	1,8	100	—
7	98,8	1,2	99,9	0,1

$7^1/_2$	96,3	3,7	98	2
8	96,9	3,1	96,3	3,7
$8^1/_2$	91,2	8,8	98,9	1,1
9	93,6	6,4	100	—
$9^1/_2$	94,9	5,1	100	—
10	96,6	3,4	97,6	2,4
$10^1/_2$	92,2	7,8	98,2	1,8
11	95,7	4,3	98,9	1,1
$11^1/_2$	94,8	5,2	99	1
12	93,9	6,1	98,8	1,2
$12^1/_2$	84,9	15,1	97,9	2,1
13	83,1	16,9	100	—
$13^1/_2$	91,5	8,5	98,5	1,5
14	84,8	15,2	100	—

Результатъ таковъ, что дѣвочки рѣшительно лучше поддаются дисциплинѣ и отличаются несравненно лучшимъ поведеніемъ; мало того, у дѣвочекъ съ лѣтами поведеніе все улучшается; у мальчиковъ, напротивъ, ухудшается, и это ухудшеніе достигаетъ крайняго предѣла въ 13-лѣтнемъ возрастѣ. И здѣсь мы видимъ, что поведеніе сельскихъ дѣтей гораздо лучше поведенія городскихъ. Такъ, напримѣръ, вышеприведенный % 14-лѣтнихъ мальчиковъ неодобрительнаго поведенія падаетъ въ значительной степени на городъ (7,45% неодобрительнаго поведенія сельскихъ дѣтей и 12% городскихъ).

Въ концѣ этого нашего очерка дѣятельности учителей Горицкаго округа считаемъ нужнымъ присовокупить, что сами составители этого очерка назвали его «любительскимъ опытомъ, сдѣланнымъ безъ всякихъ соотвѣтственныхъ образцовъ и пособій,—стало быть, только сырой матеріалъ для спеціалистовъ». Выдающійся чешскій педагогъ Машка назвалъ эту работу весьма добросовѣстною и основательною, которая, какъ первый опытъ, будетъ весьма тепло принята спеціалистами и послужитъ хорошимъ стимуломъ для подражанія.

XV.

Кипучая дѣятельность учителей Горицкаго округа не составляетъ исключительнаго явленія. Мы можемъ указать на множество провинціальныхъ музеевъ, возникшихъ именно благодаря старанію учителей; коллекціи этихъ музеевъ составили большинство матеріала пражской этнографической выставки *). Эта же выставка возбудила у чеховъ мысль о самостоятельномъ

*) Изъ книжки Камарыта: *Учителя и школьное дѣло на этнографической выставкѣ въ Прагѣ 1896 г.*, мы узнали, что безъ чешскихъ народныхъ учителей едва ли выставка удалась бы. По всей странѣ учителя организовали мѣстные комитеты, которые устраивали чтенія, разъясняющія народу цѣль и значеніе предполагаемой выставки, собирали достопримѣчательные предметы, доставляли ихъ

этнографическомъ музеѣ,—мысль, которая уже успѣла осуществиться. Предметы, выставленные на прошлогодней выставкѣ, были частью пожертвованы, частью пріобрѣтены для этнографическаго музея, который уже открытъ и доступенъ для публики.

Во время обѣихъ пражскихъ выставокъ, юбилейной въ 1891 году и этнографической въ 1895 году, чешскіе учителя всей страны съ величайшею любовью и отеческимъ попеченіемъ возили дѣтей ввѣренныхъ имъ школъ на обѣ выставки, водили ихъ по нимъ, объясняли имъ выставленные предметы, устраивали на выставкѣ спеціальные дѣтскіе праздники и благополучно доставляли дѣтей опять домой. За то учителя пользуются въ народѣ общею любовью и уваженіемъ. Наилучшимъ свидѣтельствомъ нашихъ словъ пусть послужитъ слѣдующій фактъ. Въ началѣ августа мѣсяца прошлаго года группа (42 человѣка) учителей изъ чеховъ посѣтили Словенско, гдѣ ихъ радушно приняли словаки и во время банкета, въ ихъ честь устроеннаго, между прочимъ, сказалъ словенскій поэтъ и выдающійся патріотъ Гурбанъ-Ваянскій: «Къ вамъ, чехи и мораване, не примѣнима старинная истина: Ovem dii odere, magistrum fecere, т.-е. кого боги возненавидѣли, того сдѣлали учителемъ. Вы, вѣдь, работаете на пользу своего народа преданно, за что васъ народъ и любитъ. Мы видимъ въ васъ, дорогіе братья, людей, не преслѣдуемыхъ несчастьемъ и ненавистью боговъ, а развитыхъ, жизнерадостныхъ, дышащихъ свободою и національнымъ самознаніемъ, пѣстуновъ своей молодежи». Редакторъ единственнаго словенскаго педагогическаго журнала *Школа и домъ*, Кàролъ Сальва, на мѣстномъ съѣздѣ чешскихъ учителей, благодарилъ ихъ за поддержку его журнала, на который ихъ подписалось 700 человѣкъ, присовокупивъ, что такое живое участіе чеховъ тронуло его не въ смыслѣ матеріальнаго дара, а въ смыслѣ изъявленія братской любви *дѣломъ*. «Народъ, имѣющій такихъ учителей, которые тамъ, гдѣ нужно, сейчасъ самоотверженно принимаются за дѣло, не пропадетъ».

Сербскій учитель и писатель Д. Путниковичъ, выпустившій недавно книжку *Основне и граждaнске школе у Чешкой* (Бѣлградъ, 1896 года), пишетъ слѣдующее о чешскихъ учителяхъ: «Чешскіе учителя и учительницы принимали меня вездѣ такъ, какъ принимаютъ братья и сестры род-

---

на выставку, старались возбудить въ народѣ всеобщій интересъ къ выставкѣ (на которой побывало болѣе *2 милліоновъ* посѣтителей!) — и все это дѣлалось безкорыстно, безвозмездно, только изъ любви къ своему народу! Среди 72 членовъ выставочной коммиссіи были 61 учитель.

Лучшій памятникъ своей беззавѣтной преданности народному просвѣщенію будетъ имѣть чешская учительская община въ школьномъ музеѣ, который будетъ обнимать всѣ отрасли чешской школы и въ которомъ, въ особенности, ея историческое развитіе всесторонне будетъ изображено. Создать педагогическій музей—задача не легкая и для успѣшнаго выполненія ея потребуется много работы, много матеріальныхъ жертвъ, большого увлеченія и преданности народному дѣлу. Но ничто не устрашаетъ чешскихъ учителей, они вполнѣ сознаютъ важность этого культурнаго предпріятія, какимъ могутъ похвалиться только самые культурные народы.

ного брата, и оказывали мнѣ столько вниманія и услугъ, что я былъ пораженъ. Я преисполненъ благодарностью и уваженіемъ къ трудолюбивому и просвѣщенному народу чешскому, особливо къ его труженикамъ на полѣ просвѣщенія, и высказываю желаніе, чтобы Россія служила намъ источникомъ надежды—своею силою, чехи же были для насъ образцомъ своею культурой и просвѣщеніемъ».

Какъ разъ въ этомъ году состоялся въ началѣ лѣтнихъ каникулъ (въ августѣ мѣсяцѣ) земскій съѣздъ чешскихъ учителей, на которомъ обсуждались весьма важные вопросы: 1) Какъ достичь болѣе правильнаго посѣщенія школъ; 2) какіе принципы должны лежать въ основахъ учебныхъ плановъ народныхъ школъ; 3) какъ поднять значеніе гражданскихъ школъ; 4) какъ расширить познанія учителей и устроить правовое положеніе учителей (его представительство въ земскомъ совѣтѣ, школьной администраціи, назначеніе на должность, квалификацію и дисциплинарный порядокъ, увеличеніе жалованья); 5) какъ увеличить число народныхъ школъ и расширить на нужное число классовъ. По этому поводу состоялось множество весьма важныхъ и цѣнныхъ постановленій. Газета *Народные листы* пишетъ, что чешское школьное дѣло сдѣлало бы значительный прогрессъ, еслибъ всѣ эти постановленія осуществились на дѣлѣ. *Národní listy* по этому поводу добавляютъ: «Наши учителя въ этомъ случаѣ доказали, что они глубоко понимаютъ свою задачу и стоятъ за прогрессъ въ школьномъ дѣлѣ, что среди учителей есть не только краснорѣчивые ораторы, а много спеціалистовъ, знатоковъ своего дѣла». На этомъ съѣздѣ были разсмотрѣны не только всѣ прежде накопившіеся вопросы, но и еще 50 новыхъ вопросовъ, поставленныхъ во время засѣданій. Ходъ засѣданій указалъ, что учителя несравненно плодотворнѣе работаютъ, если на нихъ не производится давленіе свыше и имъ дается полная свобода высказывать свои мнѣнія. Учителя доказали, что они мастера своего дѣла и понимаютъ важность выдержки и дисциплины. Только образцовый порядокъ, царившій во время засѣданій, далъ возможность рѣшить столько важныхъ вопросовъ.

67 учителей избранныхъ отъ чешскихъ учебныхъ округовъ (самими учительскими корпораціями) засѣдали 5 дней и рѣшили, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: 1) Преподаваніе ариѳметики въ народныхъ школахъ: а) преподаваніе началъ ариѳметики въ 1 учебномъ году должно быть только наглядное, ограничиваясь сложеніемъ и вычитаніемъ до 20; б) дѣленіе и измѣреніе не должно быть примѣняемо на этой степени умственнаго развитія дѣтей; в) письменныя упражненія съ простыми дробями должны быть исключены изъ плана народныхъ школъ, равно какъ и ученіе о пропорціяхъ и ихъ примѣненія; г) ариѳметическія задачи должны быть задаваемы сообразно мѣстнымъ условіямъ сельско-хозяйственнымъ, промышленнымъ и торговымъ, для дѣвочекъ преимущественно изъ области домашняго обихода и хозяйства. 2) Преподаваніе реальныхъ свѣдѣній: а) должно быть упрощено и распредѣлено по категоріямъ школъ и возрасту дѣтей; б) все преподаваніе реальныхъ знаній должно исходить изъ сферы, окружающей дитя,

и постепенно раздвигаться и расширяться соотвѣтственно возрастающей понятливости учениковъ; в) преподаваніе свѣдѣній изъ области естественныхъ наукъ должно исходить изъ мѣстныхъ условій, сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ; г) свѣдѣнія изъ области естественныхъ наукъ и географіи должны сообщаться нагляднымъ образомъ, сколько возможно на практическихъ прогулкахъ д) не слѣдуетъ при распредѣленіи уроковъ дѣлить спеціальные уроки физики отъ уроковъ по естествовѣдѣнію; е) при выборѣ матеріала историческихъ свѣдѣній слѣдуетъ главное вниманіе обращать на исторію культуры, преимущественно родной и всей имперіи; ж) въ одноклассныхъ училищахъ реальныя свѣдѣнія не должны составлять отдѣльный предметъ. 3) Весьма интересною оказалась бесѣда о преподаваніи рисованія. Учитель *Кунстовный* доказывалъ, что *главная цѣль* рисованія— *образовать дитя*, такъ какъ оно содержитъ познанія, принадлежащія къ области духовной и доводящія до пониманія художественной красоты, *но никакъ не практическая польза*, состоящая, главнымъ образомъ, въ копированіи. *Кунстовный* указывалъ на то, что до сихъ поръ оцѣнивались успѣхи въ рисованіи по множеству и количеству сдѣланныхъ рисунковъ, ихъ тонкой и чистой отдѣлкѣ и, никто не задавалъ себѣ вопроса, понимаютъ ли ученики, что̀ они создаютъ. Словомъ, механическая, бездушная рутина считалась сутью рисованія; художественное же чутье человѣка и его интересъ къ прекрасному оставлялись безъ вниманія. Есть же люди, не умѣющіе рисовать, а тѣмъ не менѣе отличающіеся художественнымъ вкусомъ. Такъ, напримѣръ, Кунстовный при своемъ посѣщеніи мастерскихъ художественныхъ вышивокъ, гдѣ работали простыя крестьянки, на вопросъ, гдѣ онѣ научились своимъ узорамъ, услыхалъ: нигдѣ. Значитъ при сильной воспріимчивости дѣтей въ области зрѣнія можно въ нихъ воспитать вкусъ. Настоящая красота плѣняетъ всякаго, и несвѣдующаго человѣка. Потому-то музеи, коллекціи, выставки интересуютъ и простолюдина своею непосредственною новизной, какъ всякое явленіе въ природѣ. Всѣ нормальныя дѣти способны постичь духовную красоту, и даже вся окружающая ихъ дѣйствительность побуждаетъ ихъ къ этому. Поэтому слѣдуетъ при преподаваніи рисованія направлять свое главное вниманіе на то, чтобы возбуждать въ ребенкѣ художественное чутье и развивать въ немъ любовь къ красотѣ. На основаніи этого реферата и послѣ всесторонняго его обсужденія собраніе постановило, что а) преподаваніе рисованія въ народной школѣ составляетъ общеобразовательное средство, а не только практическую сноровку; б) рисованіе по пунктиру или квадратикамъ слѣдуетъ совершенно изъять изъ народной школы; в) къ криволинейнымъ рисункамъ слѣдуетъ переходить постепенно практически; г) умѣя уже свободно чертить, ученики должны научиться владѣть и линейкою и циркулемъ; д) при выборѣ предлагаемыхъ для рисованія объектовъ слѣдуетъ имѣть въ виду національные орнаменты и мотивы, причемъ необходимо, чтобы были изданы стѣнные образцы въ краскахъ.

4) Чтобы улучшить преподаваніе гимнастики нужно: а) чтобы гимна-

стика была обязательнымъ предметомъ для дѣвочекъ; б) чтобъ особенно важнымъ дѣломъ для школъ всѣхъ категорій и степеней считались игры подъ открытымъ небомъ; в) и чтобы при всѣхъ новыхъ школьныхъ зданіяхъ строились залы для гимнастики, въ старыхъ же школахъ, гдѣ нѣтъ такихъ залъ, дѣлались необходимыя пристройки. 5) Что касается рукодѣлія, предложено въ низшихъ классахъ исключить работы, слишкомъ утомляющія зрѣніе, и обращать вниманіе на такія работы, которыя встрѣчаются въ домашнемъ обиходѣ.

Первый и самый важный вопросъ, а именно: «какъ достичь болѣе правильнаго посѣщенія школъ», занялъ цѣлое засѣданіе. Уже выше мы указали, что число пропущенныхъ учебныхъ полудней доходитъ до 10—20%, что, конечно, весьма вредно отзывается на успѣхахъ школьныхъ дѣтей. На съѣздѣ учителя указали на слѣдующія причины недостаточно усерднаго посѣщенія школъ (здѣсь, кстати, замѣчаемъ, что учебный годъ въ Чехіи длится полныхъ 10 мѣсяцевъ, лѣтнія вакаціи продолжаются 6 недѣль, рождественскія—1 недѣлю, пасхальныя—дней 9): часть родителей привлекаютъ дѣтей къ работамъ на поляхъ, въ лѣсахъ и въ своихъ промышленныхъ заведеніяхъ, заставляютъ ихъ пасти скотъ, смотрѣть за малолѣтними братьями и сестрами, заниматься мелочною торговлей въ разносъ по домамъ и улицамъ днемъ въ учебное время и по ночамъ; другіе родители ведутъ бродячую жизнь и, конечно, таскаютъ дѣтей съ собою; иные отдаютъ дѣтей въ услуженіе вмѣсто того, чтобы ихъ посылать въ школу; иные опять родители, переселяясь изъ одной общины въ другую, не заботятся о припискѣ своихъ дѣтей въ число школьныхъ дѣтей новаго ихъ мѣстопребыванія. Далѣе являются помѣхою правильному посѣщенію школъ эпидемическія болѣзни, неудобопроходимыя дороги въ горахъ, дальнее разстояніе въ ближайшую школу и суровая зима въ горахъ, небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ у мѣстныхъ школьныхъ совѣтовъ, недостаточныя мѣры взысканія съ виновныхъ родителей.

Чтобъ устранить всѣ эти причины неправильнаго посѣщенія школъ, земскій учительскій совѣтъ предлагаетъ: 1) издать законъ, возбраняющій подъ угрозой строгаго взысканія принимать на работы или въ услуженіе дитя, у котораго нѣтъ аттестата объ окончаніи курса или спеціальнаго льготнаго увольненія (при этомъ случаѣ принято къ свѣдѣнію сообщеніе школьнаго инспектора Новака, что фабричные инспектора должны строго наблюдать за тѣмъ, чтобы въ фабрикахъ дѣти моложе 14 лѣтъ не были принимаемы на работу); 2) подтвердить, что родители могутъ привлекать дѣтей къ пастьбѣ скота только во внѣшкольное время; 3) въ каждой общинѣ избрать надежную женщину и препоручить ей попеченіе о малыхъ дѣтяхъ во время неотложныхъ полевыхъ работъ въ особо для этой цѣли отведенномъ помѣщеніи; 4) строго примѣнять законъ о мелочной торговлѣ въ разносъ по домамъ и на улицахъ; 5) строже и послѣдовательнѣе карать родителей, которые не пускаютъ своихъ дѣтей въ школу изъ корыстныхъ видовъ, и воспретить имъ заставлять дѣтей выполнять въ хозяйствѣ такія

работы, которыя относятся къ категоріямъ промышленныхъ и ремесленныхъ; 6) придать больше силы и значенія свидѣтельству объ окончаніи ученія, т.-е. чтобы безъ этого свидѣтельства общинныя власти не выдавали ни мальчику, ни дѣвочкѣ ни служебной, ни рабочей книжки; 7) спеціальнымъ закономъ заставить родителей, ведущихъ бродячую жизнь (акробаты, кочующіе торговцы) или въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мѣняющихъ свое мѣстожительство (актеры, фотографы) предъявлять властямъ удостовѣреніе отъ властей общины, къ которой они приписаны, въ томъ, что они во время отсутствія съ мѣста приписки посылали своихъ дѣтей въ школу, а въ случаѣ неисполненія этого закона подвергать ихъ строгому взысканію; 8) требовать самаго строгаго выполненія санитарныхъ правилъ и распространить инструкціи окружныхъ и городскихъ врачей на школы; 9) основывать общества, попечительства о бѣдныхъ и бездомныхъ дѣтяхъ, ихъ пропитаніи и снабженіи необходимой одеждой и школьными принадлежностями; 10) наставлять самихъ родителей всѣми возможными способами, живымъ словомъ и печатью и объяснить имъ всѣ выгоды школьнаго воспитанія и образованія; 11) министерское распоряженіе отъ 1883 года, касающееся льготъ по посѣщенію школъ, примѣнять строго и дозволять освобожденіе отъ посѣщенія школъ только такимъ дѣтямъ, которыя посѣщали школу полныхъ шесть лѣтъ, учились прилежно и вели себя добропорядочно; 12) совершенно отмѣнить плату за ученіе *); 13) назначеніе школьнаго инспектора должно зависѣть отъ предварительнаго о немъ отзыва мѣстнаго завѣдующаго школою.

И второй капитальный вопросъ, какіе принципы должны лежать въ основаніи учебныхъ плановъ народныхъ школъ, занялъ тоже цѣлое засѣданіе и былъ рѣшенъ слѣдующимъ образомъ: 1) на основаніи учебныхъ плановъ долженъ весь учебный матеріалъ соотвѣтствовать степени умственнаго развитія и понятливости *всѣхъ нормально развивающихся дѣтей*; 2) все то, что для практической жизни не имѣетъ значенія и приложенія, должно быть изъ преподаванія исключено; 3) изъ нынѣ примѣняемыхъ учебныхъ плановъ нужно взять *все то*, что для практической жизни нужно и что по своему дидактическому и просвѣтительному содержанію содѣйствуетъ цѣли, школою намѣченной; 4) учебные планы должны предписывать только такое количество учебнаго матеріала, какое можно *въ опредѣленное время* при *правильномъ прохожденіи* надлежащимъ образомъ *цѣликомъ* пройти *съ учениками средней способности*; 5) предметы, занимающіеся мѣстными условіями, должны нести характеръ національный, чтобъ ими возбуждалась любовь къ родинѣ и своему народу, конечно, не въ ущербъ человѣчеству; 6) необходимо пополнить учебные планы учебнымъ матеріаломъ изъ области *морали, гигіены, правъ и обязанностей*

---

*) Какъ отзывчивы чехи къ голосу своихъ учителей, доказываетъ слѣдующій фактъ: не прошло двухъ недѣль послѣ состоявшагося постановленія учителей, какъ уже г. Тынецъ надъ Лабемъ въ засѣданіи городской управы отмѣнилъ у себя плату за ученье.

гражданина; 7) особенное вниманіе надо обратить на содержаніе и форму изложенія учебниковъ для 1—2-классныхъ училищъ.

XVI.

Надѣемся, что читатели, на основаніи сообщенныхъ нами фактовъ, могутъ сами оцѣнить дѣятельность чешскихъ народныхъ учителей, и намъ остается здѣсь только добавить, что поведеніе и стараніе чешскихъ учителей встрѣчаетъ надлежащую оцѣнку и со стороны добросовѣстныхъ властей, которыя сами, зорко слѣдя за ихъ дѣятельностью, высказывали имъ свою признательность и представляли отдѣльныхъ выдающихся педагоговъ къ *высшимъ* наградамъ и отличіямъ. Для того, чтобъ идти навстрѣчу желанію учителей достичь болѣе широкихъ познаній, министерство учредило спеціальные курсы для учителей гражданскихъ школъ: такъ, напримѣръ, оно открыло въ 1893—94 учебномъ году годичный курсъ для чешскихъ учителей при гимназіи въ г. Домажищахъ по естествознанію, математикѣ, физикѣ и гигіенѣ. Слушателей оказалось достаточно и они достигли удовлетворительнаго успѣха. Кромѣ того значительное число учителей посѣщало дополнительные курсы по рисованію, ручному труду, садоводству и друг.

Учебными пособіями, предписанными школьными планами, снабжено 4,893 школы (2,720 чешскихъ). Ученическихъ библіотекъ было въ 1893—94 учебномъ году 5,115, изъ нихъ чешскихъ 2,883. Учебные сады съ питомниками существовали при 4,057 школахъ (2,451 чешскихъ).

Ѳ. Ярешъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Такъ давно и горячо желанное французами слово, наконецъ, произнесено. 14 августа, за завтракомъ на броненосцѣ *Pothuau* президентъ Французской республики провозгласилъ слѣдующій тостъ:

«Je remercie Votre Majesté Impériale et Sa Majesté L'Impératrice d'avoir si gracieusement accepté de venir passer quelques instants sur un des bâtiments de notre flotte. J'en suis d'autant plus heureux qu'il m'est ainsi possible de Lui dire, à l'ombre de nos couleurs, combien je suis touché de l'hôspitalité qu'Elle nous a offerte et jusqu'à quel point nous sommes reconnaissants au peuple russe de l'accueil grandiose qu'il a fait au Président de la république Française.

«Votre Majesté voulu arriver en France escortée par les marins russes et français; c'est au milieu d'eux qu'avec une profonde émotion je salue la Russie avant mon départ.

«La marine française et la marine russe peuvent être fières de la part qu'elles ont prise dès le premier jour dans les grands événements qui ont fondé l'intime amitié de la France et de la Russie.

«Elles ont rapproché des mains qui se tendaient et permis à deux nations amies et *alliées* guidées par un idéal commun de civilisation, de droit et de justice, de s'unir fraternellement dans la plus sincère et la plus loyale des étreintes.

«Je lève mon verre en l'honneur de Votre Majesté et de Sa Majesté L'Impératrice;—au moment de me séparer d'Elle, je la pris de recevoir les voeux ardents que je forme pour son honheur et celui de la Famille Impériale.

«Au nom de la France je bois à la grandeur de la Russie» *).

---

*) „Я благодарю Ваше Императорское Величество и Ея Величество Императрицу за столь милостивое согласіе посѣтить одно изъ судовъ нашего флота. Я тѣмъ болѣе счастливъ, что это даетъ мнѣ возможность сказать Вашему Величеству подъ сѣнью нашихъ флаговъ, какъ я тронутъ гостепріимствомъ, оказаннымъ намъ Вашимъ Величествомъ, и насколько мы благодарны русскому народу за великолѣпный пріемъ, который былъ оказанъ президенту Французской республики. Ваше Величество пожелали прибыть во Францію въ сопровожденіи русскихъ и французскихъ моряковъ,

Государь Императоръ обратился къ Феликсу Фору въ такихъ словахъ: «Les paroles que Vous venez de M'adresser, Monsieur le Président, trouvent un vif écho dans Mon coeur et repondent entièrement aux sentiments qui M'animent ainsi que la Russie entière. Je suis heureux de voir que Votre séjour parmi nous crée un nouveau lien entre nos deux nations, amies et *alliées*, également résolues de contribuer par toute leur puissance au maintien de la paix du monde dans un esprit de droit et d'équité. Encore une fois laissez Moi Vous remercier de Votre visite, Monsieur le Président, et vider Mon verre en Votre honneur et à la prospérité de la France» *).

Какъ читатели знаютъ изъ газетъ, возвращеніе Ф. Фора во Францію было тріумфомъ для него. Кабинетъ Мелина - Ганото сильно подкрѣпленъ этимъ дипломатическимъ успѣхомъ, хотя въ странѣ и раздаются голоса, недовольные тѣмъ, что договоръ не предъявленъ парламенту и о содержаніи его общество можетъ только догадываться. Для насъ, русскихъ, радостно то, что сближеніе или союзъ Россіи съ французскою республикою долженъ, по выраженію Государя, служить сохраненію всеобщаго мира, въ духѣ права и справедливости **).

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ мы прочли довольно странное извѣстіе: «Какъ намъ пишутъ изъ Берлина, — сообщаютъ *Міровые Отголоски* ***),—тамъ въ дипломатическихъ сферахъ говорятъ, что соглашеніе

среди нихъ же я, глубоко тронутый, шлю Россіи прощальный привѣтъ. Французскій флотъ и русскій флотъ могутъ гордиться тѣмъ, что съ перваго же дня принимали участіе въ великихъ событіяхъ, послужившихъ началомъ къ тѣсной дружбѣ Франціи и Россіи. Они сблизили протягивавшіяся руки и дали возможность двумъ дружественнымъ и *союзнымъ* народамъ, руководимымъ однимъ общимъ идеаломъ цивилизаціи, законности и справедливости, соединиться, какъ братья, въ самомъ чистосердечномъ и искреннемъ объятіи. Я поднимаю бокалъ въ честь Вашего Величества и Ея Величества Государыни Императрицы въ минуту разлуки и прошу принять мои горячія пожеланія счастья Вашему Величеству и всей Царской Семьѣ.

Отъ имени Франціи я пью за величіе Россіи".

*) „Слова, съ которыми вы только что обратились ко Мнѣ, господинъ президентъ, находятъ живой откликъ въ Моемъ сердцѣ и совершенно соотвѣтствуютъ чувствамъ, которыя воодушевляютъ какъ Меня, такъ и всю Россію. Я счастливъ, что ваше пребываніе между Нами создаетъ новыя узы между нашими двумя народами, дружественными и *союзными*, одинаково рѣшившими содѣйствовать всѣми своими силами сохраненію всеобщаго мира, основаннаго на законности и справедливости. Позвольте Мнѣ благодарить васъ за ваше посѣщеніе, господинъ президентъ, и осушить бокалъ въ честь васъ и за процвѣтаніе Франціи".

**) *Московскія Вѣдомости* не упустили случая пристроиться къ упомянутому событію. На этотъ разъ они привлекли къ участію „давнишняго друга Россіи", довольно извѣстнаго журналиста Люсьена Мильвуа. Мильвуа получилъ изъ Россіи отъ своего знакомаго письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что „въ теченіе десяти лѣтъ духъ Каткова вдохновлялъ, проникалъ собою политику обѣихъ странъ". На эту Оссу Мильвуа громоздитъ Пеліонъ: по его словамъ, Катковъ былъ... *могущественнымъ противникомъ Англіи и Германіи!* Г. „другу Россіи" мы посовѣтовали бы почитать тѣ статьи Каткова, которыя онъ печаталъ о Франціи послѣ аудіенціи въ Кремлевскомъ дворцѣ у прусскаго принца Фридриха-Карл

***) *Міровые Отголоски*, 29 августа.

между графомъ Муравьевымъ и министромъ Ганото, происшедшее въ Петербургѣ, касается, главнымъ образомъ, Англіи. Центръ тяжести двойственнаго союза будетъ отнынѣ лежать въ области анти-англійской политики. Первые шаги такой политики: 1) постоянное русское посольство въ Марокко, 2) укрѣпленіе испанской крѣпости Цеуты на средства Франціи и 3) конвенція между Испаніей и Франціей въ видахъ охраны Гибралтарскаго пролива. Всѣ эти мѣры имѣютъ въ виду подорвать силу англичанъ на Гибралтарѣ».

«Въ такомъ же смыслѣ объясняется въ Берлинѣ и образованіе въ Парижѣ, тотчасъ по возвращеніи президента, армянскаго вспомогательнаго комитета, въ составъ котораго уже вошли выдающіеся лица изъ сферъ парижской аристократіи и правительства. Комитетъ имѣетъ, будто бы, въ виду прекратить пагубную игру англичанъ съ армянами. Отнынѣ Россія и Франція берутъ-де на себя роль «довѣренныхъ лицъ» Турціи, армянъ, критянъ и грековъ, въ видахъ умиротворенія европейскаго Востока. Все это, вмѣстѣ взятое, показываетъ: 1) что эльзасъ-лотарингскій вопросъ канулъ въ Лету и 2) что русско - французская дипломатія «расчищаетъ себѣ дорогу къ восточной Азіи».

Какъ извѣстно читателямъ, почти вся наша печать высказываетъ недовѣріе или явную вражду къ Англіи. Стараясь, по мѣрѣ нашихъ силъ, вдумываться въ международныя отношенія, мы не можемъ стать на такую точку зрѣнія. Пусть эльзасъ-лотарингскій вопросъ канулъ въ Лету (мы того не думаемъ),—это дѣло французовъ и республиканскаго Ришельё (Ганото); пусть русско-французская дипломатія расчищаетъ себѣ дорогу къ восточной Азіи; почему это обусловливаетъ непримиримую вражду къ Великобританіи? Между русскими и французскими интересами, съ одной стороны, и англійскими съ другой въ Китаѣ можетъ существовать значительное различіе, иногда противоположность; но развѣ интересы нашего правительства совпадаютъ, напримѣръ, съ австрійскими на Балканскомъ полуостровѣ? Очевидно, нѣтъ, а между тѣмъ Государь и императоръ Францъ-Іосифъ обмѣниваются дружественными привѣтствіями и согласно заявляютъ о своемъ твердомъ намѣреніи поддерживать европейскій миръ. Есть Англія захватовъ и корысти (въ каждой странѣ есть такая Англія) и есть Англія—носительница величайшей образованности и гуманности, Англія Шекспира и Байрона, Ньютона и Милля, Фокса и Гладстона. Насъ удивляетъ иногда, съ какимъ злорадствомъ слѣдятъ нѣкоторыя (и многія) наши газеты за неудачами англичанъ, за опасностями, которыя грозятъ ихъ владычеству въ Африкѣ, въ особенности въ Индіи. Что мы-то выиграемъ отъ торжества надъ англичанами въ Африкѣ, напримѣръ, Германіи, въ Индіи—Франціи? Управленіе нѣмцевъ на недавно темномъ материкѣ ознаменовалось вопіющими злоупотребленіями и прямо злодѣйствами, а французы оказывались до сихъ поръ очень плохими колонизаторами. Теперь происходитъ возстаніе на афганской границѣ Индіи. Поднялись фанатизированныя мусульманскія племена. Что выигрываютъ отъ этого цивилизація и наше отечество?

Несомнѣнно, что восемьдесятъ тысячъ англичанъ, которые держатъ въ повиновеніи триста милліоновъ туземнаго населенія, въ весьма значительной степени эксплуатируютъ это населеніе, но они же просвѣщаютъ его, могущественно содѣйствуютъ его культурному росту. Надо еще принять во вниманіе, что броженіе въ Индіи небезосновательно ставятъ въ связь съ успѣхами турокъ въ войнѣ съ Греціей, а мусульманскій фанатизмъ—общій врагъ Европы и въ особенности нашъ врагъ. Еслибъ возстаніе въ Индіи оказалось болѣе или менѣе успѣшнымъ, то это могло бы тревожно отразиться для насъ въ Малой и Средней Азіи.

Генералъ Робертсъ, взявшій Кандагаръ, заявляетъ въ бесѣдѣ съ однимъ изъ англійскихъ журналистовъ, что онъ не видитъ въ нынѣшнемъ возстаніи опасности для англійскаго владычества въ Индіи. Тѣмъ не менѣе англійское общественное мнѣніе встревожено, и все чаще и настойчивѣе раздаются въ Великобританіи голоса въ пользу измѣненія нынѣшней системы управленія этою богатѣйшею изъ британскихъ колоній. Индѣйскія газеты сильно нападаютъ на англичанъ и проповѣдуютъ освобожденіе отъ ихъ господства, которое чувствуется, какъ иго, племенами съ пробужденнымъ національнымъ сознаніемъ и политическою мыслью. Это сближаетъ большинство населенія (брамаисты) съ меньшинствомъ (магометане), хотя религіозная вражда между ними весьма значительна и не разъ, какъ извѣстно, вызывала кровавыя столкновенія.

Эмиръ Афганистана, Абдурахманъ, считается пламеннымъ мусульманиномъ, и естественно, что со стороны англичанъ возникли подозрѣнія, что онъ косвенно поощряетъ возстаніе. Британское правительство вѣритъ, однако, или до поры до времени скрываетъ, что не вѣритъ эмиру. *Frankfurter Zeitung* передаетъ, что лѣтъ десять тому назадъ Абдурахманъ издалъ воззваніе, въ которомъ приглашалъ своихъ подданныхъ готовиться къ священной войнѣ съ невѣрными. Эмиръ обѣщаетъ храбрымъ воинамъ роскошныя награды на небѣ: каждый изъ нихъ получитъ по 72 гуріи и по 82 слугъ *). Можно легко представить себѣ, какъ подобныя царскія воззванія дѣйствуютъ на бѣдствующую и невѣжественную толпу, быстро проникающуюся религіознымъ изступленіемъ. И такое-то движеніе нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ призываютъ въ союзники противъ Англіи!

Въ Германіи слѣдятъ за затрудненіями англичанъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Торгово-колоніальное соперничество двухъ странъ все усиливается. Заявленное англійскимъ правительствомъ прекращеніе торговаго договора съ Германіей, существовавшаго тридцать два года, вызвало въ этой странѣ сильное неудовольствіе (нѣмецкій вывозъ въ Англію и ввозъ оттуда поднимаются до 650 милліоновъ марокъ). Вслѣдствіе противоположности интересовъ Великобританіи и Германіи, мудрено быть третьему государству противникомъ и той, и другой, если же выбирать между ними, то, по нашему мнѣнію, которое мы давно уже поддерживаемъ, Россіи слѣ-

*) *Frankfurter Zeitung*, 18 August.

дуетъ предпочесть Англію. Мы побаиваемся слишкомъ глубокаго движенія въ Азію, въ Европѣ у насъ находятся существенные интересы. Можетъ ли, напримѣръ, наше отечество безучастно относиться къ всеразгорающейся борьбѣ германизма съ славянскими племенами?

Какъ извѣстно читателямъ, пражскій нѣмецкій университетъ протестовалъ противъ распоряженія графа Бадени, уравнивающаго чешскій языкъ съ нѣмецкимъ. На этотъ протестъ отозвались университеты Германской имперіи, приславшіе пражскому нѣмецкому слѣдующій адресъ (его подписали 816 профессоровъ, въ томъ числѣ много знаменитостей): «Въ великой и тяжелой борьбѣ, которую нѣмцы въ Австріи вынужденно ведутъ за свое національное существованіе и за преимущественное положеніе, которое они занимаютъ въ древнѣйшей, ими созданной и ихъ силами, главнымъ образомъ, поддерживаемой Габсбургской монархіи, Пражскій нѣмецкій университетъ, этотъ древнѣйшій разсадникъ нѣмецкаго языка и культуры, произнесъ свое мужественное слово протеста. Мы, нижеподписавшіеся, ординарные профессора университетовъ Германской имперіи, выражаемъ симъ почтенному австрійскому, родственному намъ университету свою горячую и живую симпатію за его образъ дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаемъ убѣжденіе, что милліоны національно-настроенныхъ гражданъ Германской имперіи чувствуютъ себя едиными и солидарными съ этими почтенными борцами».

Естественно, что этотъ адресъ возбудилъ восторгъ среди австрійскихъ нѣмцевъ и усилилъ у нихъ стремленіе къ соединенію съ Германіей. Манифестаціи въ этомъ смыслѣ такъ умножились, что печать Германской имперіи сочла необходимымъ разъяснить австрійскимъ нѣмцамъ несбыточность и вредъ этого стремленія. Въ *Моск. Вѣд.* «проповѣдуемый нѣмецкими кабинетными учеными крестовый походъ противъ славянъ Австріи во имя германской культуры и гегемоніи *возбуждаетъ одну только жалость и смѣхъ*».

Въ насъ онъ возбуждаетъ тревогу и печальное чувство. Племенная ненависть и культурное высокомѣріе, доведенныя до такихъ границъ, не могутъ не принести много зла, и ближайшая будущность Австро-Венгріи представляется намъ неутѣшительною. Германская имперія и германское племя—настолько грозная сила, что возбуждать жалость и смѣхъ можетъ только у очень юныхъ и легкомысленныхъ публицистовъ. Конечно, не жалость и не смѣхъ возбудилъ адресъ германскихъ университетовъ среди чеховъ, выносящихъ главную тяжесть борьбы противъ преобладанія нѣмцевъ въ Цислейтаніи. Заявить, что поляки и чехи ничего не значатъ въ культурномъ отношеніи, означаетъ не одно только національное высокомѣріе, но и сильную и въ то же время слѣпую вражду къ славянамъ. Не могли же 816 нѣмецкихъ профессоровъ забыть про поляка Коперника и отца нѣмецкой педагогики—чеха Амоса Коменскаго.

Французы, давно уже интересующіеся славянскимъ міромъ, теперь занимаются имъ съ особымъ стараніемъ, видя въ славянахъ союзника противъ воинствующаго германизма. Недавно въ Парижѣ вышла очень инте-

ресная книга Бурлье о чехахъ и современной Богеміи *). Удачны въ этой книгѣ главы, посвященныя чешской литературѣ и искусству. Для французовъ тамъ много новаго и поучительнаго. Книга указываетъ на огромные культурные успѣхи чешскаго народа. Въ этой книжкѣ нашего журнала мы помѣщаемъ статью, обстоятельно изображающую усилія чеховъ для подъема національнаго образованія.

Въ виду нашего положенія на дальнемъ Востокѣ, интересно теперешнее отношеніе къ Россіи японскаго правительства и общественнаго мнѣнія. Довольно поучительнымъ симптомомъ является въ данномъ случаѣ статья оффиціозной японской газеты (издающейся на англійскомъ языкѣ), *Japan Weekly Times*. Ее передали *Петербургскія Вѣдомости*. Оффиціозъ опровергаетъ весьма распространенное убѣжденіе, будто Японія стремится подготовить себя къ войнѣ съ Россіей. Газета не скрываетъ, что образъ дѣйствія нашего отечества и его въ этомъ случаѣ союзниковъ, Франціи и Германіи, возбудилъ въ свое время горячее негодованіе японцевъ. «Но вмѣстѣ съ тѣмъ,—говоритъ *Japan Weekly Times*,—мы должны заявить, что мы не знаемъ, какъ отнесся бы къ прискорбнымъ событіямъ, послѣдовавшимъ вслѣдъ за заключеніемъ Симоносекскаго договора, всякій другой народъ, хотя бы даже народъ съ малоразвитымъ чувствомъ патріотизма. Но то—народъ. Государственные же люди Японіи не такъ близоруки и не такъ необузданны, чтобы подчинять свою политику настроенію минуты. Даже въ тѣ достопамятные дни, когда національное негодованіе достигло крайняго напряженія, и даже одна изъ сильныхъ партій стала проповѣдывать войну, государственные люди, державшіе бразды правленія, оставались спокойными и были достаточно дальновидны, чтобы держать себя въ щекотливомъ дипломатическомъ положеніи, созданномъ русскимъ вмѣшательствомъ, съ подобающимъ достоинствомъ и тою сдержанностью, которая заслужила тогда же одобреніе всѣхъ благоразумныхъ людей».

Японская газета утверждаетъ, что въ образованныхъ сферахъ общества современное положеніе дѣлъ обсуждается спокойно и все болѣе и болѣе растетъ мнѣніе въ возможности и желательности мирныхъ и искреннихъ отношеній къ Россіи. *Japan Weekly Times* прибавляетъ, что множатся даже сторонники формальнаго союза съ нашимъ отечествомъ. Единственнымъ спорнымъ вопросомъ является Корея, но и тутъ положены основанія для рѣшенія, удовлетворяющаго ту и другую сторону. Такое мнѣніе кажется намъ черезчуръ оптимистическимъ, но нельзя не привѣтствовать этого миролюбиваго теченія, этого стремленія направить силы Японіи на развитіе культуры и соотвѣтствующихъ учрежденій. Такъ какъ миролюбіе нашего правительства многократно и торжественно подтверждалось, то можно съ увѣренностью сказать, что для дальняго Востока, для Сибири и Китая, открывается плодотворная историческая эпоха. Но, про-

*) *Jean Bourlier*: „Les Tchèques et la Bohême contemporaine“.

должаемъ мы думать, необходимо избѣгать поглощенія задачами, возникающими въ Азіи, и не забывать, что Россія есть государство европейское, и намъ для того, чтобы вносить цивилизацію и въ Туркестанѣ, и на дальнемъ Востокѣ, должно самимъ подыматься непрерывно и настойчиво, догоняя западно-европейскихъ сосѣдей.

Совсѣмъ рядомъ съ нами, на благословеннѣйшихъ мѣстностяхъ Европы, въ странѣ, прославленной исторіей, совершаются ужасы и звѣрства, лишній разъ доказывающіе, какъ много культурной работы предстоитъ еще въ нашей части свѣта. Мы имѣемъ въ виду, разумѣется, событія въ Европейской Турціи. Въ недавно вышедшей въ русскомъ переводѣ книгѣ Малькольма Макъ-Колля *) собрана масса тягостныхъ фактовъ. Почтенный авторъ, хорошо знающій Востокъ, доказываетъ, опираясь на оффиціальные документы *Синей книги,* что избіенія армянъ систематически подготовлялись правительствомъ султана. По справедливому замѣчанію Макъ-Колля, при господствѣ ислама не можетъ быть и рѣчи о равноправности христіанъ въ Турецкой имперіи. Осуждая ошибки англійской дипломатіи, враждовавшей съ Россіей, Макъ-Колль именно въ сближеніи Англіи съ нашимъ отечествомъ видитъ единственную возможность справедливаго разрѣшенія тяготѣющаго надъ Европой восточнаго вопроса.

Теперь Константинополь—центръ разнообразныхъ интригъ и дипломатической волокиты, благодаря которой до сихъ поръ не заключенъ миръ между Турціей и Греціей **). Румыны добиваются у повелителя правовѣрныхъ, къ негодованію греческаго патріархата, учрежденія румынскаго экзархата, т.-е. установленія независимой (автокефальной) національной церкви; князь Фердинандъ Болгарскій цѣлуетъ руку у султана, какъ своего сюзерена, очевидно, надѣясь кое-что получить за этотъ странный актъ; сербы не отказываются отъ своихъ притязаній въ Македоніи, а Австро-Венгрія—отъ Салоникъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, отложиться отъ султана стремятся и албанцы (арнауты). Австро-Венгріи, впрочемъ, теперь не до энергической иностранной политики. На-дняхъ долженъ открыться цислейтанскій парламентъ, причемъ вступитъ въ рѣшительную фазу борьба кабинета Бадени съ нѣмцами-централистами. Между правительствомъ и славяно-клерикальными партіями большинства велись переговоры, чтобы сломить оппозицію. Шла рѣчь объ измѣненіи устава палаты депутатовъ, объ усиленіи власти президента и дисциплинарныхъ мѣръ противъ депутатовъ, нарушающихъ порядокъ или преднамѣренно затягивающихъ ходъ парламентскихъ работъ. Но это средство очень опасное, которое къ тому же можетъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, быть обращено и противъ нынѣшняго большинства. Особенно трудно будетъ согласиться на эти предложенія младо-чехамъ, въ программѣ которыхъ высоко поставлены права народныхъ представителей. О

---

*) *М. Макъ-Колль*: „Султанъ и державы".

) Когда печаталось это обозрѣніе, телеграфъ принесъ, наконецъ, извѣстіе о заключеніи **мира.

настроеніи среди младо-чеховъ даетъ понятіе рѣчь, произнесенная однимъ изъ депутатовъ этой партіи на громадномъ митингѣ въ Пардубицѣ: «Мы боремся,—сказалъ ораторъ,—съ централизаціей парламентскими средствами, но не должны забывать, что нашъ избирательный законъ дѣлаетъ эти средства недостаточными и что вслѣдствіе этого мы достигнемъ немногаго на обычномъ пути парламентаризма. Самыя лучшія рѣчи не помогаютъ, если у насъ нѣтъ силы. Но и вступленіе въ парламентское большинство не всегда означаетъ численное усиленіе для партіи. Послѣднее наступаетъ только въ случаѣ согласія остальныхъ партій, входящихъ въ большинство; но нѣкоторыя изъ партій современнаго большинства имѣютъ интересы, совершенно противоположные нашимъ. Правда, это имѣло бы мѣсто и въ большинствѣ всякаго другого состава. Поэтому слѣдуетъ помнить, что очень легко могутъ наступить случаи, въ которыхъ мы, чехи, снова окажемся изолированными. Объ этой случайности мы должны помнить для того, чтобы не допустить ограниченія парламентскихъ средствъ, которыми располагаетъ для своей защиты партія, находящаяся въ меньшинствѣ».

Швеція торжественно отпраздновала двадцатипятилѣтіе царствованія Оскара II. Эта четверть вѣка была для страны временемъ большой и плодотворной культурной работы. Король Оскаръ—одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей конца нашего вѣка. Онъ выдающійся писатель и ораторъ, живо интересующійся научными и художественными вопросами. Благодаря его содѣйствію, шведы и норвежцы организовали нѣсколько отважныхъ и сопровождавшихся блестящими результатами экспедицій къ сѣверному полюсу. *Правительственный Вѣстникъ* *), посвятившій статью царственному юбиляру, замѣчаетъ, что для характеристики Оскара II особенно важны «тѣ рѣчи, которыя произносились имъ при различныхъ торжественныхъ случаяхъ и въ которыхъ онъ высказывалъ свои воззрѣнія на сущность и цѣль своей высокой миссіи, на значеніе просвѣщенія и культуры, на науку и искусства, на печать, на роль женщины и проч. Воззрѣнія эти рисуютъ короля горячимъ патріотомъ, ревностнымъ слугою блага народа и цивилизаціи и поборникомъ свободы».

В. Г.

---

*) *Правительственный Вѣстникъ*, № 194.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Пребываніе Государя Императора въ Варшавѣ.— *Московскія Вѣдомости* и польскій вопросъ.—Заботы земства о народномъ образованіи.—По поводу *Обзора дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.*—Международные съѣзды въ Россіи.—Новыя мѣропріятія министерства народнаго просвѣщенія.—Письмо г. Маковецкаго. P. S.

Государь Императоръ посѣтилъ Варшаву. Городъ былъ великолѣпно украшенъ, населеніе восторженно привѣтствовало Ихъ Величествъ. Среди польскаго общества при извѣстіи о предстоявшемъ пріѣздѣ Императора Николая II въ Царство Польское возникла мысль собрать капиталъ на благотворительное учрежденіе имени Государя. Въ подпискѣ приняло участіе до ста тысячъ человѣкъ и было быстро собрано болѣе милліона рублей. 20 августа, въ Лазенковскомъ дворцѣ Его Величество принялъ членовъ комитета по сбору этихъ пожертвованій и отвѣтилъ на привѣтствіе депутаціи слѣдующими милостивыми словами: «отъ имени Императрицы и Моего выражаю вамъ, господа, Нашу искреннюю благодарность за тотъ щедрый даръ, участіе въ которомъ приняли всѣ слои польскаго населенія, и за чувства преданности, о которыхъ вы Намъ заявили. Я вѣрю вполнѣ въ ихъ искренность. Вчера Мы Оба были глубоко тронуты горячимъ пріемомъ, оказаннымъ Намъ здѣсь. Встрѣча Варшавы оставитъ въ Насъ самое отрадное воспоминаніе о Нашемъ первомъ посѣщеніи ея. Еще разъ сердечно благодарю васъ, господа».

Слова Государя вызвали радостный отзвукъ въ польскомъ и русскомъ обществѣ. Ими знаменуется новая эра въ отношеніяхъ правительства нашего къ Царству Польскому. Отъ всего сердца пожелаемъ, чтобы со стороны и русскихъ, и поляковъ сдѣланы были всѣ должныя усилія навѣки изгнать обоюдныя тяжелыя историческія воспоминанія и очистить мѣсто дружной культурной работѣ. Мы много разъ указывали на великое значеніе прекращенія тягостной распри между русскими и поляками, и значеніе это особенно усиливается въ настоящее время вслѣдствіе напряженной борьбы германизма и славизма въ Австріи. Мы убѣждены, что слова Государя, какъ всякій справедливый и великодушный актъ, исходящій отъ

сильной власти, будутъ имѣть благотворное значеніе и для внутренней жизни нашего отечества, и для его международнаго положенія.

Мысль, высказанную названной депутаціи, Государь подтвердилъ въ рескриптѣ Варшавскому генералъ-губернатору князю А. К. Имеретинскому. Милостиво выразивъ князю признательность за труды, направленные на пользу арміи, Его Величество прибавилъ: «Равнымъ образомъ Мнѣ отрадно было удостовѣриться въ чувствахъ преданности, единодушно выраженныхъ Мнѣ и Государынѣ Императрицѣ всѣми слоями жителей ввѣреннаго управленію вашему края. Эти чувства свидѣтельствуютъ объ успѣшной дѣятельности вашей по исполненію Моихъ предначертаній и облегчаютъ Мои заботы, направленныя къ благу польскаго населенія, наравнѣ со всѣми вѣрноподданными державы русской, по пути неразрывнаго единенія государственнаго, Всевышнимъ Промысломъ указанному».

Читатели знаютъ о томъ озлобленномъ, чуждомъ всякаго довѣрія отношеніи *Московскихъ Вѣдомостей* къ полякамъ, которое эта газета усвоила себѣ со временъ Каткова. Еще недавно воспроизводились близорукія изреченія этого знаменитаго публициста и комментировались какъ верхъ политической мудрости. Тѣмъ интереснѣе (удивляться нечему) прочесть въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* отъ 20 августа слѣдующія строки по поводу восторженной встрѣчи Государя Императора въ Варшавѣ: «Есть между нами скептики, которые не вѣрятъ полякамъ. Но и они, вѣроятно, молятъ Бога, чтобъ ихъ невольныя подозрѣнія, являющіяся результатомъ горькаго историческаго опыта, оказались на этотъ разъ ошибочными. Что можетъ быть слаще, какъ взаимное полное довѣріе? *Будемъ же надѣяться, что ошибаемся не мы, а скептики,* и что во дни пребыванія Русскаго Царя въ Варшавѣ поляки докажутъ, что они дѣйствительно окончательно преобразились и мечтаютъ только о томъ, чтобы быть истинными сынами Россіи».

Московскія Вѣдомости, возстающія противъ *скептиковъ* въ дѣлѣ русско-польскаго примиренія—это даже забавно, но въ то же время и характерно.

Справедливость требуетъ прибавить, что на слѣдующій же день *Моск. Вѣдомости* опять превратились въ *скептиковъ*. Говоря о *правѣ не вѣрить*, консервативныя *Петербургскія Вѣдомости* замѣтили, между прочимъ, что, «идя навстрѣчу польскимъ симпатіямъ, мы проявляемъ довѣріе къ соплеменникамъ и соотечественникамъ, даемъ возможность искренняго между ними примиренія, даемъ возможность совмѣстнаго труда на пользу и славу единой великой Россіи. Никакія козни и интриги, если бы онѣ оказались въ дѣйствительности, не страшны: мощная великая Россія достаточна сильна, чтобы пресѣчь въ корнѣ всякія сепаративныя стремленія, заставить служить себѣ не только за страхъ, но и за совѣсть. Но оскорблять сомнѣніемъ, во всемъ видѣть обманъ и подвохи — это могутъ люди

не способные смотрѣть истинѣ прямо въ глаза, желающіе на измышляемыхъ ими же призрачныхъ смутахъ строить свое личное благополучіе» *).

Можно ли говорить объ искреннемъ стремленіи къ примиренію, когда *Моск. Вѣдомости* изо всѣхъ силъ стараются доказать вредъ уравненія поляковъ съ русскими въ правахъ и учрежденіяхъ? «Не естественно ли,— пишутъ *Моск. Вѣд.*,—полякамъ побрататься съ русскими, зажить общею жизнью, коль скоро они предали забвенію свои безсмысленныя мечтанія и ни въ чемъ не похожи на поляковъ «валленродовскаго» направленія?

«Чѣмъ глубже и искреннѣе происшедшій въ нихъ переворотъ, тѣмъ живѣе должно проявляться въ нихъ желаніе прямо и сердечно заявить о своихъ добрыхъ чувствахъ къ Россіи. Мыслимо ли, чтобы человѣкъ, ощущающій симпатію къ другому человѣку, котораго ранѣе ненавидѣлъ, не захотѣлъ сказать ему объ этомъ, не захотѣлъ протянуть ему руку?

«Но если въ какомъ-нибудь угрюмомъ, необщительномъ и непривѣтливомъ человѣкѣ и мыслимо предположить подобную странность, то относительно всего польскаго общества, достаточно экспансивнаго и отзывчиваго, этого предположить никакъ нельзя.

«Когда же раздастся съ береговъ Вислы привѣтъ *русскому народу*» **)?

Въ какой же однако формѣ можетъ польскій народъ выразить привѣтъ русскому народу? И почему, при глубинѣ и искренности примирительнаго настроенія и великодушныхъ чувствъ *Моск. Вѣд.*, онѣ не предлагаютъ выразить привѣтъ польскому народу съ береговъ Москвы и Невы? Читатели отмѣтятъ кромѣ того и нелѣпое *Привислянье*, которымъ *Моск. Вѣд.* замѣняютъ Царство Польское: тоже свидѣтельство примирительныхъ чувствъ и государственной дальновидности.

«Въ Привислянскомъ краѣ,—говорили недавно публицистическіе наслѣдники Каткова,—все идетъ совершенно нормальнымъ и спокойнымъ ходомъ; экономическое благосостояніе растетъ весьма сильно, и городское благоустройство не оставляетъ желать лучшаго» ***).

Собственный корреспондентъ газеты въ слѣдующемъ ея номерѣ опровергаетъ это ложное утвержденіе: «Я не хочу утверждать,—говоритъ онъ,— что города Привислянскаго края обрѣтаются на вершинѣ благоустройства, а также и того, что нынѣшняя система городского управленія совершенна и безукоризненна».

И газета, и ея корреспондентъ противъ введенія въ Царствѣ Польскомъ земскаго и городового самоуправленія. Это, конечно, ихъ дѣло и ихъ право, но не мѣшало бы согласовать рѣшительныя сужденія передовыхъ статей съ сужденіями и фактами, которые печатаются въ той же газетѣ ея собственными корреспондентами.

«Поляки,— по мнѣнію *Моск. Вѣд.*,— увидятъ во введеніи земства въ

---

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 223.

**) *Моск. Вѣдом.*, 23 авг.

***) *Моск. Вѣд.*, № 190.

Привислянскихъ губерніяхъ то, что въ Россіи вновь возраждаются тѣ либеральныя и антинаціональныя начала, которыми они не разъ такъ умѣло пользовались для своихъ цѣлей, и въ этомъ отношеніи они будутъ совершенно правы, такъ какъ ничѣмъ инымъ, какъ увлеченіемъ доктринами о прелестяхъ земскаго самоуправленія, не могла бы быть оправдана подобная мѣра».

Еслибы нынѣшніе публицисты *Моск. Вѣд.* познакомились хорошенько хоть съ *Русскимъ Вѣстникомъ* въ первые годы его редактированія Катковымъ, они посовѣстились бы высказывать тѣ «политическія идеи», съ которыми газета теперь постоянно выступаетъ. Впрочемъ, она не особенно утруждена и ознакомленіемъ съ дѣйствительнымъ ходомъ современной нашей жизни въ области самоуправленія. Въ безчисленныхъ болтливыхъ нападеніяхъ на земство по поводу народной школы, напримѣръ, *Моск. Вѣд.* фактами не стѣсняются. Спорить съ ними поэтому совершенно безполезно, но не безполезно отъ времени до времени указывать на ихъ пріемы и противопоставлять голословнымъ и неправильнымъ утвержденіямъ ясные и точные факты. Читатели обратили, вѣроятно, вниманіе на то, что *Русская Мысль* въ нынѣшнемъ году особенно много мѣста отвела исторіи и современному положенію земской школы. Познакомившись съ этими статьями, нельзя не придти къ заключенію, что широкою и плодотворною постановкой школьнаго народнаго образованія мы обязаны «прелестямъ самоуправленія». На-ряду съ заботами объ учрежденіи школъ, земство стремилось и къ поднятію педагогической подготовки учителей. Мы не ошибемся, если скажемъ, что учителя и учительницы, кончившіе курсъ въ земскихъ и правительственныхъ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, несравненно лучше подготовлены къ преподавательской дѣятельности въ своей сферѣ, чѣмъ учителя нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Но, конечно, работы и въ этомъ отношеніи предстоитъ очень много, не говоря уже о томъ, что большинство учащихъ въ начальной школѣ указанной подготовки не имѣютъ. Необходимость, между прочимъ, учительскихъ съѣздовъ и курсовъ давно уже сознана, и земство не жалѣетъ на это средствъ; но, къ большому вреду для народнаго образованія, открытіе такихъ курсовъ и съѣздовъ обставлено значительными затрудненіями. Нынѣшнимъ лѣтомъ имъ относительно посчастливилось: были курсы въ Хоролѣ, Полтавской губерніи, въ Москвѣ (уѣздные, подъ руководствомъ Д. И. Тихомирова), въ Саратовѣ, Уржумѣ и др. Въ Уржумѣ при этомъ произошло, по сообщенію *Русскихъ Вѣдомостей,* нѣчто изумительное. По распоряженію инспектора народныхъ училищъ, устроенные земствомъ курсы были закрыты. «Изъ доставленнаго намъ изъ Уржума сообщенія,—говоритъ газета *),—видно, что причиною закрытія курсовъ послужило несогласіе инспектора съ преподавательскимъ персоналомъ по вопросу о достоинствѣ урока по ариѳметикѣ, даннаго на курсахъ одной изъ учительницъ, г-жей К. Инспекторъ

---

*) *Русскія Вѣд.* 25 авг.

заявилъ, что признаетъ урокъ г-жи К. «образцовымъ», а слушатели и слушательницы курсовъ единогласно заявили, что несогласны съ такою оцѣнкой урока. Это повело къ тому, что инспекторъ объявилъ курсы закрытыми, о чемъ немедленно же сообщилъ вятскому губернатору, директору народныхъ училищъ и попечителю учебнаго округа».

Конечно, галантность бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ умѣстна и въ служебной дѣятельности инспекторовъ народныхъ училищъ. Но сообщеніе *Русскихъ Вѣдомостей*, хотя мы и знаемъ, что эта газета строго провѣряетъ свои корреспонденціи, кажется намъ не совсѣмъ вѣроятнымъ...

Въ Хоролѣ руководилъ курсами извѣстный педагогъ В. П. Вахтеровъ. При открытіи ихъ г. Старицкій, предсѣдатель мѣстной земской управы, указалъ на заботы земства о народномъ образованіи и на важное значеніе для учителей и учительницъ педагогическихъ курсовъ. Руководитель курсовъ въ своей вступительной рѣчи обрисовалъ плодотворную роль земства въ дѣлѣ просвѣщенія русскаго народа. «Земство, — сказалъ В. П. Вахтеровъ, вездѣ, гдѣ мы можемъ констатировать поступательное движеніе народнаго образованія, является главнымъ рычагомъ, душою этого дѣла. Что̀ такое была русская начальная школа до введенія земскихъ учрежденій? Цѣлымъ рядомъ объективныхъ изслѣдованій установленъ фактъ, что нужны были палки старшинъ, чтобы загонять дѣтей въ дореформенную начальную школу. Но съ тѣхъ поръ, какъ земство взяло на себя заботы о начальной школѣ, эта школа, бывшая пугаломъ для дѣтей, стала ихъ радостью, предметомъ ихъ задушевныхъ стремленій въ до-школьный періодъ и предметомъ, съ которымъ связаны наилучшія воспоминанія у покинувшихъ ее. Заставивъ сначала полюбить школу дѣтей, земство вслѣдъ затѣмъ заставило полюбить ее и ихъ родителей». Указавъ затѣмъ, что земство создало типъ начальной школы, г. Вахтеровъ замѣтилъ, что этотъ типъ сдѣлался теперь общепринятымъ. «Открывается ли школа церковно-приходская, казенная, частная или городская, вездѣ въ порядочной школѣ вы встрѣтите ту же, приблизительно, программу, тѣ же учебники, тѣ же методы и пріемы преподаванія, тотъ же внутренній строй школьной жизни».

Съ успѣхомъ прошли курсы, организованные пензенскимъ губернскимъ земствомъ. Хорошую, теплую рѣчь произнесъ при ихъ открытіи членъ училищнаго совѣта Пензенскаго уѣзда, г. Ладыженскій. Указавъ на великое значеніе самообразованія, самосовершенствованія, г. Ладыженскій указалъ на то, что ни для какого другаго класса общественныхъ работниковъ самообразованіе не представляетъ такихъ затрудненій, какъ для учителей и учительницъ народной школы *): нужда, недостатокъ книгъ и пособій, отсутствіе живого общенія съ товарищами по дѣлу, дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ. И при такихъ условіяхъ педагогическіе съѣзды и курсы пріобрѣтаютъ особенно благодѣтельное значеніе, дѣйствительно являются, какъ выразился г. Ладыженскій, праздникомъ для учителей и учительницъ.

---

*) *Пензенскія Губернскія Вѣдомости*, № 150.

Пожелаемъ, чтобъ имъ, въ ихъ трудовой и трудной жизни почаще выпадали на долю подобные праздники.

Намъ доставленъ *Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія (30 марта 1896 г.—30 марта 1897 г.).*

Составители *Обзора* наиболѣе крупными фактами, отмѣчающими третій годъ дѣятельности этого министерства, признаютъ законъ 6 мая 1896 г. о выдачѣ ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія и Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о поземельномъ устройствѣ крестьянъ Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерній. Въ 1896 г., какъ и въ нынѣшнемъ, для ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія назначено 500,000 руб. Эта сумма, конечно, незначительна, но и съ нею можно принести пользу. Ходатайства не замедлили поступить: къ январю истекающаго года ихъ было 225, «изъ нихъ, за исключеніемъ ходатайствъ оказавшихся неподходящими подъ правила, въ 45 испрашиваются ссуды на осушеніе болотъ, въ 36—на орошеніе и обводненіе, въ 4—на укрѣпленіе песковъ, въ 5—на украпленіе береговъ рѣкъ и овраговъ, въ 65—на разведеніе плодовыхъ садовъ и въ 29—на разведеніе виноградниковъ». Министерство убѣдилось, что въ число улучшеній, на которыя могутъ быть выдаваемы ссуды, необходимо включить устройство подваловъ для выдерживанія вина и самыхъ винодѣленъ съ оборудованіемъ ихъ винодѣльческимъ инвентаремъ. Въ распоряженіи министерства для земледѣльческихъ улучшеній имѣются еще капиталы (въ полмилліонѣ и въ 60 тысячахъ), оно отводитъ земли подъ высшія культуры и т. д. *).

Главною задачей закона 23 мая прошлаго года является укрѣпленіе за сибирскими крестьянами, кромѣ кочевниковъ, точно опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ, причемъ имѣются въ виду и переселенцы. Съ этою цѣлью произведены многостороннія изслѣдованія и образовывались переселенческіе и запасные участки. За отчетный годъ такихъ участковъ проектировано 290, площадью въ 1.066,526 десятинъ на 61,476 душъ, и большая часть уже утверждена и отграничена.

Въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ, площадь которыхъ равняется 307 милл. десятинъ, только 479,000 не принадлежатъ казнѣ. Съемкѣ и измѣренію изъ этого громаднаго пространства подвергнуто до сихъ поръ лишь 2.438,467 десятинъ въ Енисейской и 4.055,933 въ Иркутской.

Въ бюджетѣ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ прошломъ и нынѣшнемъ году включено по 200,000 рублей на низшія сельско-хозяйственныя школы и 282,890 р. въ прошломъ, 288,750 р. въ нынѣшнемъ году на среднія земледѣльческія училища. По заявленію *О*

---

*) Въ завѣдываніи министерства въ отчетномъ году находилось 18,531 земельныхъ и 10,551 неземельныхъ оброчныхъ статей, пространствомъ въ 8.375.539,3 десятинъ съ окладнымъ доходомъ въ 6.256,485 р. 45 к.

зора, «главнымъ предметомъ увеличенія затратъ казны собственно на сельско-хозяйственную часть должны явиться расходы на новыя сельско-хозяйственныя учебныя заведенія». *Обзоръ* указываетъ, что таково мнѣніе земствъ, къ которымъ были разосланы министерствомъ земледѣлія вопросы о нуждахъ сельскаго хозяйства и мѣрахъ ихъ удовлетворенія. Министерство имѣетъ въ виду и разработку вопроса объ устройствѣ высшаго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія для южной полосы Россіи.

Все это планы и мѣропріятія, которымъ нельзя не сочувствовать. Съ такимъ же сочувствіемъ отмѣтимъ мы и намѣреніе распространить сельско-хозяйственныя знанія среди женщинъ. «Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній для лицъ мужского пола,—говорится въ *Обзорѣ*,—министерство земледѣлія считаетъ необходимымъ принять мѣры для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній между женщинами. Такія знанія не менѣе необходимы для хозяйки простой крестьянской семьи, чѣмъ для женщинъ наиболѣе интеллигентныхъ слоевъ деревенскаго населенія, напримѣръ—для учительницъ и для духовнаго и дворянскаго сословій. Болѣе крупное землевладѣніе, кромѣ того, предъявляетъ весьма крупный спросъ на профессіональныхъ труженицъ, какъ-то: на старшихъ прислугъ, экономокъ, скотницъ, птичницъ, мастерицъ молочнаго дѣла и т. п. Затѣмъ, въ жизни нерѣдки случаи, когда женщины становятся въ роль самостоятельныхъ хозяекъ и управительницъ небольшими имѣніями, наприм., въ положеніи вдовъ, опекуншъ дѣтей» и пр. *).

Министерство собираетъ свѣдѣнія о постановкѣ сельско-хозяйственнаго образованія за границей и въ Финляндіи. Матеріалы эти будутъ напечатаны «*и могутъ быть* переданы на обсужденіе сельско-хозяйственныхъ обществъ и соотвѣтствующихъ учрежденій вообще».

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочтутся слѣдующія строки *Обзора*: «На-ряду съ распространеніемъ собственно сельско-хозяйственныхъ знаній, въ упомянутыхъ выше отзывахъ земскихъ собраній о нуждахъ сельскаго хозяйства указывается, какъ на неотложную мѣру первѣйшей важности, на самое широкое распространеніе общаго образованія среди массы сельскаго населенія, причемъ нѣсколько земствъ свидѣтельствуютъ о необходимости всеобщаго обученія. Признавая и съ своей стороны, что общее просвѣщеніе народа является вѣрнымъ залогомъ и необходимымъ условіемъ его успѣховъ и въ области сельскаго хозяйства, министерство земледѣлія ставитъ своею задачей содѣйствіе увеличенію числа и облегченію существованія народныхъ школъ».

Съ этою цѣлью былъ выработанъ проектъ надѣленія землею начальныхъ училищъ, недавно получившій утвержденіе. Около пятой части существующихъ училищъ у насъ имѣетъ земельные участки, и нашъ соб-

*) Въ настоящее время существуютъ только три низшихъ женскихъ сельско-хозяйственныхъ школы.

ственный опытъ, какъ и западно-европейскій, показалъ, что школа дѣлается при такихъ условіяхъ и разсадницею сельско-хозяйственныхъ знаній.

Изъ *Обзора* мы видимъ, что министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ обладаетъ многочисленными спеціалистами, производитъ важныя изслѣдованія и обращается къ экспертамъ прежде, чѣмъ предпринять практическія рѣшенія. Конечно, должно признать, что иначе и нельзя дѣйствовать въ современномъ европейскомъ государствѣ. Но, разумѣется, мы далеки отъ мысли, что вѣдомства должны быть разграничены между спеціалистами съ устраненіемъ того, что согласуетъ отдѣльные виды правительственной дѣятельности, какъ общественно-государственное начало. Такъ, напримѣръ, министерство земледѣлія можетъ увлечься въ своемъ покровительствѣ, предположимъ это,—крупному землевладѣнію, а министерство финансовъ станетъ черезчуръ усердно покровительствовать крупной фабрично-заводской промышленности. Сдерживать такія крайности въ общегосударственномъ интересѣ должны и учрежденія, и общественное мнѣніе. Изъ *Обзора*,—спѣшимъ прибавить,—мы никакихъ крайностей не усматриваемъ. Въ немъ видна осторожность (иногда робость) только что вступившаго въ жизнь учрежденія. Желаемъ ему широкаго и плодотворнаго развитія.

Въ августѣ въ Москвѣ происходили засѣданія XII международнаго медицинскаго конгресса. Мы не будемъ касаться,—это дѣло спеціалистовъ,—научнаго значенія этого конгресса. Несомнѣнно, что это былъ международный научный праздникъ,—и, къ величайшей нашей радости, праздникъ вполнѣ удавшійся. Конгрессъ былъ торжественно открытъ Его Императорскимъ Высочествомъ московскимъ генералъ-губернаторомъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ, въ его работахъ приняли участіе многія иностранныя и русскія медицинскія знаменитости. Конгрессъ отличался и многолюдствомъ (до семи тысячъ человѣкъ, на половину русскихъ врачей, за которыми по числу слѣдовали нѣмцы). Много разъ звучали на немъ слова въ честь науки и всеобщаго мира. Европа, Америка, Азія (Японія) были представлены на этомъ съѣздѣ, имѣвшемъ цѣлью поработать для здоровья и блага человѣчества. Отрадно видѣть, что иностранцы вынесли изъ нашей старой Москвы добрыя впечатлѣнія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ западно-европейская печать. Такой независимый органъ, напримѣръ, какъ *Frankfurter Zeitung* *), превозноситъ русское гостепріимство.

Въ августѣ же въ Петербургѣ засѣдали еще два международные ученые съѣзда: статистическій и геологическій. Не безъ нѣкоторой гордости можемъ мы поэтому отмѣтить, что культурная работа русскаго народа все болѣе и болѣе переплетается съ культурною работой націй, раньше насъ достигшихъ высокой степени историческаго развитія. Тамъ, гдѣ мы, усвоивъ общія основы европейскаго просвѣщенія, выступаемъ равноправ-

---

*) *Frankfurter Zeitung*, 25 august.

ными товарищами наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ и вносимъ свой замѣтный вкладъ въ исторію мысли, труда и справедливости,—тамъ есть мѣсто здоровому и благотворному національному чувству. Но когда наши особенности претятъ нравственному сознанію, когда раскрываются факты ужасающей дѣйствительности, тогда необходимо, отбросивши вздорное тщеславіе, энергично приняться за борьбу съ обнаруженнымъ зломъ. Признаемся, одно изъ такихъ золъ поразило насъ необычайно. По переписи нынѣшняго года населеніе Имперіи подходитъ къ 130 милліонамъ, а число внесенныхъ въ списки проститутокъ, по газетнымъ извѣстіямъ превышаетъ милліонъ. Отъ этого даже въ отчаяніе можно придти *). Конечно, можно отмѣтить и симпатичныя попытки бороться съ этимъ зломъ, но ихъ относительно немного. Къ числу такихъ попытокъ слѣдуетъ отнести недавно возникшее въ Казани общество въ защиту несчастныхъ женщинъ. Нельзя тоже не упомянуть постановленія нижегородскаго собранія ярмарочныхъ уполномоченныхъ. Собранію была представлена историческая справка о женскихъ хорахъ въ ярмарочныхъ ресторанахъ. Этотъ вопросъ возбуждался на прошлогоднемъ собраніи, и теперь противъ хоровъ арфистокъ выступили гг. Козловъ и Морокинъ. Послѣдній заявилъ, что нижегородская ярмарка, благодаря трактирнымъ пѣвицамъ, обращена въ Содомъ и Гоморру. Предсѣдательствовавшій въ собраніи, г. Саласкинъ, сказалъ, что арфистки—это позоръ для ярмарочнаго купечества. Къ чести собранія, оно единогласно выразило желаніе, чтобы женскіе хоры и арфистки были безусловно запрещены **).

Конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда. Нижегородская ярмарка закончилась восьмидесятый разъ, и только теперь всероссійское купечество пришло къ заключенію, что запрещеніе разврата, въ которомъ участвуютъ десятки тысячъ арфистокъ, не нанесетъ ущерба интересамъ отечественной торговли и промышленности. Это постановленіе дѣлается въ то время, когда, по всей вѣроятности, значеніе нижегородской ярмарки пойдетъ сильно на убыль.

По газетнымъ извѣстіямъ, министерство народнаго просвѣщенія образовало коммиссію для разсмотрѣнія вопроса о всеобщемъ начальномъ образованіи. Есть и другая утѣшительная новость: министерство народнаго просвѣщенія запрашиваетъ университеты, хороша ли система профессорскаго гонорара, установленная по введенному министерствомъ уставу 1884

*) О нашей переписи напечатана интересная статья Эмиля Оманъ (Emile Haumant) въ *Journal des Débats* 14 juillet. Въ ней, между прочимъ, отмѣчено указанное нами въ одномъ изъ обозрѣній возрастаніе населенія на окраинахъ въ ущербъ центру Европейской Россіи.

**) Одно исключеніе должно отмѣтить: нѣкто г. Фиргангъ заявилъ слѣдующее: „Если вы будете баллотировать открыто, я выскажусь за уничтоженіе женскихъ хоровъ; если баллотировка будетъ закрытой, я подамъ голосъ за сохраненіе хоровъ“ (*Нижегородскій Листокъ* 28 августа).

года? Давно и убѣдительно доказано, что эта система весьма несправедлива и ведетъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ, къ погонѣ за рублемъ. Знаменитый ученый, филологъ или математикъ, читаютъ передъ аудиторіей въ 20 человѣкъ и получаютъ по 20 р.; ординарнѣйшій, если не хуже того, профессоръ медикъ или юристъ имѣютъ двѣсти или триста обязательныхъ слушателей, и получаютъ стало быть за тотъ же часовой трудъ въ десять и въ пятнадцать разъ болѣе. Впрочемъ, этотъ вопросъ, ясный, какъ день, для постороннихъ наблюдателей, еще не достаточно разъясненъ для министерства нашимъ университетскимъ опытомъ.

Третья новость въ области нашего просвѣщенія доставитъ глубокое нравственное удовлетвореніе всѣмъ тѣмъ, кто отстаиваетъ у насъ необходимость высшаго женскаго образованія: 15 сентября открываются занятія въ петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ. Онъ не могъ вмѣстить въ себя всѣхъ желающихъ, и изъ четырехъ сотъ слишкомъ прошеній удовлетворено только 165. Это невольно наводитъ на мысль о необходимости второго института въ Москвѣ, но его, по всей вѣроятности, долго придется ждать. Мы должны указать, что въ уставѣ женскаго медицинскаго института сдѣлано измѣненіе: отмѣнено запрещеніе поступать въ него нехристіанкамъ. Это—отрадное торжество вѣротерпимости и вниманія къ нуждамъ еврейскаго и магометанскаго населенія государства.

Будемъ ждать и надѣяться, что работы коммиссіи о введеніи всеобщаго начальнаго образованія не затянутся и дадутъ положительные результаты. Министерство народнаго просвѣщенія, какъ безчисленное множество разъ указывалось въ печати, могло бы оказать драгоцѣнныя услуги народному образованію и такими мѣрами, которыя не требуютъ никакихъ затратъ со стороны государства. Напомнимъ, напримѣръ, о ходатайствѣ московскаго общества грамотности, которому предшествовалъ докладъ В. П. Вахтерова *). Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣтимъ, что *Церковный Вѣстникъ* отнесся къ статьѣ В. П. Вахтерова вполнѣ сочувственно и считаетъ нынѣшній порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній въ высшей степени неудобнымъ, сильно тормозящимъ распространеніе образованія **).

Мы получили отъ г. Маковецкаго слѣдующее письмо:

«Въ декабрьской книжкѣ *Русской Мысли* за прошлый 1896 годъ въ отдѣлѣ «Очерки провинціальной жизни» помѣщена выдержка изъ фельетона газеты *Сибирскій Вѣстникъ* № 216—о моей общественной дѣятельности въ г. Иркутскѣ, какъ предсѣдателя общества врачей Восточной Сибири и какъ бывшаго предсѣдателя переселенческаго общества. Въ свое время общество врачей разобралось съ указанной статьей и опредѣленно высказалось о сущности и качествѣ нападокъ на меня. Въ засѣданіи 7 ноября

*) Докладъ этотъ напечатанъ въ августовской книжкѣ нашего журнала.
**) *Церковный Вѣстникъ*, № 36.

1896 года постановлено: 1) Газету *Сибирскій Вѣстникъ*—игнорировать, какъ органъ, по своему направленію и пріемамъ, роняющій достоинство печати. 2) Просить редактора *Врача* напечатать письмо отъ общества врачей, разъясняющее содержаніе указаннаго фельетона, какъ составленнаго изъ лжи, клеветы и инсинуацій (письмо было напечатано въ *Врачѣ*. 3) Разослать, по отпечатаніи, протоколъ общества въ редакціи газетъ и журналовъ.

Въ началѣ текущаго года протоколъ былъ разосланъ съ надписью на обложкѣ. «Обращается вниманіе читателей на важныя разъясненія по поводу фельетона *Сибирскаго Вѣстника* № 216». Передъ иркутскимъ обществомъ были выяснены клевета и инсинуаціи *Сибирскаго Вѣстника*. Я вправѣ былъ предполагать, что редакція *Русской Мысли*, напечатавъ обо мнѣ замѣтку, сама заинтересована истиной и обратитъ вниманіе на ложность сообщенныхъ и позорящихъ меня свѣдѣній. Но для этого я выбралъ неудачный путь, не обратившись въ редакцію съ письмомъ,—только понадѣялся на «протоколы» *Врача*,—въ редакціи же могли и не искать въ спеціальныхъ научныхъ трудахъ опроверженій. Почему я, въ интересахъ правды, обращаюсь въ настоящее время къ вамъ, г. редакторъ, съ своимъ «запоздалымъ» письмомъ, чтобы этимъ путемъ вывести изъ заблужденія вашихъ читателей, которые ложь и инсинуаціи *Сибирскаго Вѣстника*, вѣроятно, и до сихъ поръ считаютъ за правду. Въ протоколѣ общества врачей Восточной Сибири отъ 2 сентября 1896 г., который при этомъ прилагаю, вы подробно можете ознакомиться съ обстоятельствами дѣла. Я, съ своей стороны, считаю нужнымъ вкратцѣ, въ опроверженіе вашей замѣтки, сказать слѣдующее:

1) На выборы въ обществѣ врачей я никогда—ни какъ врачебный инспекторъ, ни какъ предсѣдатель общества—никакого давленія не производилъ и въ этомъ направленіи шага не въ состояніи сдѣлать по своему характеру и убѣжденіямъ, что̀ хорошо извѣстно всѣмъ членамъ общества врачей.

2) Нигдѣ и никогда я не выступалъ противникомъ гласности, контроля и ревизіи въ дѣлахъ общественныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Для указаннаго обобщенія послужили, вѣроятно, такія данныя. Для гласности,—я, какъ предсѣдатель общества врачей, веду административную часть засѣданія при закрытыхъ дверяхъ, каковой порядокъ принятъ во всѣхъ обществахъ. Для контроля и ревизіи,—въ маѣ 1895 года на общемъ собраніи переселенческаго общества, предсѣдателемъ котораго я въ то время состоялъ, предлагалъ я обревизовать денежную отчетность здѣсь же, въ собраніи, что̀ вполнѣ удобно сдѣлать, такъ какъ времени займетъ немного,—документы были на-лицо и расположены въ строгомъ порядкѣ, конечно, черезъ членовъ ревизіонной коммиссіи. Иначе, отчетъ раньше конца года нельзя будетъ напечатать, такъ какъ ревизіонная коммиссія обыкновенно очень долго не ревизуетъ и лѣтомъ трудно или, вѣрнѣе, невозможно созвать общее собраніе. Здѣсь же скажу, что вполнѣ строгая ревизія изъ

компетентныхъ лицъ—денежной отчетности за время моего предсѣдательствованія дала тотъ результатъ, что общее собраніе единогласно утвердило отчетъ.

Ушелъ я изъ предсѣдателей переселенческаго общества потому, что не могъ долѣе затрачивать столько времени, сколько требовалось для правильнаго веденія переселенческаго дѣла, о чемъ извѣстно было моимъ товарищамъ еще далеко до общаго собранія.

3) Съ бывшимъ казначеемъ переселенческаго общества Сивковымъ я никакихъ дѣлъ не имѣлъ и никогда въ защиту его рѣчей не произносилъ. При мнѣ казначеемъ былъ все время г. Посохинъ. При мнѣ порядокъ отпуска денегъ казначею былъ таковъ: всѣ деньги были на текущемъ счету (исключая запасный капиталъ—въ % бумагахъ) и казначею давались по чеку предсѣдателя *авансовыя* выдачи, по мѣрѣ действительной потребности, размѣръ которой мнѣ хорошо былъ извѣстенъ. Такимъ образомъ, выходка члена ревизіонной коммиссіи Агишева, который получалъ указанія и разъясненія отъ мѣщанина изъ ссыльныхъ Бахметьева,—предъявить кассу—наивна до смѣшного, тѣмъ болѣе, что во время (въ іюнѣ) ревизіи дѣйствовалъ другой новый комитетъ, ревизія котораго могла быть только въ слѣдующемъ году, а ревизіонной коммиссіи поручено было обревизовать прежній комитетъ, документы котораго всѣ были препровождены въ ревизіонную коммиссію.

Г. Агишевъ, подъ тѣмъ же вліяніемъ Н. Н. Бахметьева, не провѣривъ ни одного документа, нанесъ цѣлый рядъ оскорбленій комитету и другимъ членамъ ревизіонной коммиссіи, за что общимъ собраніемъ и былъ забаллотированъ изъ состава ревизующихъ.

Я въ Иркутскѣ 7 лѣтъ и за все время, помимо обширныхъ служебныхъ обязанностей по должности врачебнаго инспектора, занятъ широкой общественной дѣятельностью, причемъ всегда руковожусь только интересами дѣла и правды, но никогда не руководился партійными, а тѣмъ паче личными интересами. Невзирая на нападки прессы, почти весь прошлый годъ и начало текущаго года, выставившей меня какъ вреднаго общественнаго дѣятеля, котораго слѣдуетъ, въ виду деморализирующаго вліянія его на окружающихъ, устранить отъ общественныхъ должностей, и невзирая на то, что нападки эти не могли не влiять на людей нестойкихъ и мало меня знающихъ, тѣмъ не менѣе иркутское общество относится ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ,—въ сентябрѣ я былъ снова выбранъ въ предсѣдатели общества врачей, въ ноябрѣ—въ предсѣдатели восточно-сибирскаго окружнаго управленія Краснаго Креста, весной этого года—въ члены распорядительнаго комитета восточно-сибирскаго отдѣленія Императорскаго географическаго общества.

Что-либо одно: или иркутское интеллигентное общество само въ конецъ испорчено и выбираетъ себѣ отрицательныхъ представителей, или газеты и журналы говорятъ обо мнѣ неправду.»

Г. Маковецкій совершенно правъ, назвавши первоначально выбранный

имъ способъ опроверженія неудачнымъ: въ числѣ сотенъ оттисковъ, мелкихъ брошюръ и т. п., получающихся въ редакціи, *Протоколы* иркутскаго общества врачей прошли незамѣченными. Охотно даемъ мѣсто разъясненію г. Маковецкаго и прибавимъ только слѣдующее: г. Маковецкій занимаетъ въ Иркутскѣ выдающееся служебное положеніе, *Сибирскій Вѣстникъ*, возводившій на него разнообразныя обвиненія,—газета подцензурная. Опроверженія въ этой газетѣ не послѣдовало. Намъ не было извѣстно, что иркутское общество врачей постановило «газету *Сибирскій Вѣстникъ* игнорировать»—и поэтому авторъ *Очерковъ провинціальной жизни* имѣлъ полное право на нее ссылаться.

P. S. Наше сомнѣніе оправдалось: утвержденіе г. тамбовскаго инспектора училищъ г. Бойкова *) опровергается г-жею Абрамовой. Она доставила въ редакцію удостовѣреніе завѣдывающаго построенною ею школой священника Озерскаго, который заявляетъ, что зданіе школы хорошее и удовлетворяетъ своему назначенію.

ОПЕЧАТКА.

Въ *книгѣ VIII*, (ст. Александрова: *Очеркъ народнаго образованія въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ*), 10 стран. 1 стр. *снизу* Напечатано: **Череповецкій уѣздъ 1883 г. постановилъ**, надо читать: **Череповецкій съѣздъ 1883 г. постановилъ.**

---

*) См. внутреннее обозрѣніе въ № VI *Русской Мысли.*

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Сентябрь 1897 года.

Содержаніе. I. **Книги**: Беллетристика.—Философія, психологія.—Исторія, исторія литературы. — Этнографія, путешествіе. — Политическая экономія, статистика. — Естествознаніе. — Учебники. II. **Періодическія изданія**: «Сѣверный Вѣстникъ», *августъ.* — «Русское Богатство», *іюль.* — «Вѣстникъ Европы», *августъ.* III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 августа по 1 сентября 1897 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Счастье поневолѣ". *И. Н. Потапенка.*—„Призраки". *Павла Крушевана.*—„Вольная птица", и друг. разсказы *Ап. Коринфскаго.*—„Отверженный". *К. Пружанскаго.*

Счастье поневолѣ. И. Н. Потапенка. Изданіе Д. П. Ефимова и М. В. Клюкина. Цѣна 2 руб. Сюжетъ для своего новаго романа г. Потапенко взялъ изъ хорошо знакомаго ему быта провинціальнаго духовенства. На ту же тему была когда-то написана г. Забытымъ повѣсть *Велѣно пріискивать.* Но, во-первыхъ, это было давно, во-вторыхъ, сюжетъ далеко не исчерпанъ повѣстью г. Забытаго и не можетъ быть исчерпанъ даже двумя или тремя повѣстями, въ-третьихъ, г. Потапенко ставитъ своего героя, Егора Маккавеева, окончившаго курсъ семинариста, въ совершенно исключительныя условія. И это придаетъ нѣкоторую оригинальность лежащему передъ нами роману и дѣлаетъ его занимательнымъ. Герой романа типиченъ и, при вступленіи своемъ „на дѣйствительную службу", находится въ особливомъ, крайне затруднительномъ положеніи. Круглый сирота, Маккавеевъ воспитывался въ семинаріи казеннокоштнымъ, ни близкихъ родныхъ, ни дальнихъ у него не было или, вѣрнѣе, онъ таковыхъ не зналъ, и они о его существованіи понятія не имѣли. За десять лѣтъ ученія онъ почти не выходилъ изъ стѣнъ семинаріи, на каникулы и въ побывку ни къ кому не ѣздилъ, настоящей жизни не видалъ и, окончивши курсъ, рѣшительно не знаетъ, куда ему дѣваться, что предпринять, что съ собою дѣлать, къ кому обратиться за совѣтомъ и помощью,—онъ ровно ничего не знаетъ. Къ тому же въ карманѣ у него нѣтъ ни копейки и на немъ самомъ нѣтъ ничего, кромѣ обтрепаннаго казеннаго платья. А изъ семинаріи уходить надо и необходимо торопиться, такъ какъ, по необыкновенно счастливой случайности, Маккавеевъ назначенъ священникомъ въ очень хорошій, богатый приходъ, въ село Окуневку. По распоряженію архіерея, отправившагося объѣзжать епархію, посвященіе Маккавеева въ іерейскій санъ должно состояться черезъ десять дней въ монастырѣ, сосѣднемъ съ Окуневкой. Слѣдовательно молодому богослову надо въ эти десять дней пріискать невѣсту, жениться, надлежащимъ манеромъ обзавестись свѣтскою и духовною одеждою. А

на немъ поношеное платье съ чужого плеча, сидящее на немъ какъ на вѣшалкѣ, и въ рукахъ у Маккавеева пятнадцать рублей, выданныхъ отъ щедротъ инспектора изъ какихъ-то экономическихъ суммъ. Съ такимъ-то капиталомъ и съ опытностью младенца богословъ отправляется „пріискивать“ невѣсту. Съ первыхъ шаговъ ему оказываютъ благодушно помощь дьячокъ изъ с. Богоявленскаго, сосѣдняго съ Окуневкой, и его хорошенькая дочь Вѣра. Дьячокъ совѣтуетъ семинаристу обратиться въ уѣздномъ городѣ къ соборному дьякону, отцу Гурію, по фамиліи тоже Маккавееву,—быть можетъ родственнику. Дьяконъ чуть не выпроваживаетъ вонъ нищенски одѣтаго семинариста, но, удостовѣрившись въ томъ, что тотъ назначенъ священникомъ въ богатый приходъ, перемѣняетъ тонъ и принимаетъ самое живое участіе въ молодомъ человѣкѣ, котораго уже готовъ признать, на всякій случай, родственникомъ. Начало тѣмъ болѣе удачное, что дьяконъ Гурій большой любитель и спеціалистъ сватать будущихъ іереевъ и дьяконовъ. Отцу Гурію наперечетъ и доподлинно извѣстны всѣ „батюшки“ уѣзда, у которыхъ есть поповны-невѣсты, нетерпѣливо ждущія жениховъ-богослововъ, могущихъ сдѣлать ихъ „матушками“. Краткость срока не смущаетъ дьякона Гурія: богослову съ такимъ приходомъ нигдѣ не можетъ быть отказа, выбирай любую, а онъ, отецъ Гурій, свое дѣло твердо знаетъ, будетъ договариваться, торговаться о приданомъ и „дешево не продастъ своего богослова“... Какъ истый охотникъ, отецъ Гурій не останавливается передъ расходами въ счетъ будущихъ благъ и пускается съ Егоромъ Маккавеевымъ въ объѣздъ округи для пріисканія ему подходящей попадьи. Таковъ собственно прологъ романа г. Потапенка. Далѣе слѣдуетъ рядъ живыхъ, то забавныхъ, то печальныхъ картинъ семейной жизни сельскаго духовенства. Всѣ „батюшки“, „матушки“ и ихъ дочки отлично знаютъ, что для нихъ означаетъ пріѣздъ дьякона Гурія съ молодымъ семинаристомъ, — дьяконъ уже много лѣтъ развозитъ по уѣзду „судьбу“ дѣвицъ духовнаго званія. А г. Потапенко отлично знаетъ ту среду, которая повергаетъ несмышленаго и наивнаго богослова Маккавеева въ изумленіе, въ недоумѣніе, иногда въ страхъ, доходящій до ужаса и заставляющій бѣднаго Егора спасаться постыднымъ бѣгствомъ отъ покушеній родителей „окрутить“ его, какъ можно скорѣе, и отъ порывовъ дѣвицъ навязаться ему въ жены. Въ этихъ картинахъ, мѣстами превосходно написанныхъ, встрѣчаются типическія и очень оригинальныя лица, почти сплошь подавленныя одною мыслью, одною заботой—словить и окрутить выгоднаго жениха, не разбирая, каковъ онъ физически и каковъ нравственно. Дѣло тутъ для всѣхъ вовсе не въ женихѣ и будущемъ мужѣ, а единственно въ томъ, каковъ приходъ, гдѣ ему предстоитъ отправлять свои пастырскія обязанности. Въ семьяхъ духовенства, по большей части многосемейнаго, дочери представляютъ собою тяжелую обузу,—ихъ надо спѣшить сбыть съ рукъ, дабы этотъ непрочный, скоро портящійся „товаръ“ не залежался и, чего Боже сохрани, не осрамилъ бы всю семью. И дѣвицы хорошо знаютъ ожидающую ихъ горькую долю въ томъ случаѣ, если онѣ своевременно не успѣютъ сцапать богослова и сдѣлаться „матушками“. Имъ не до разборчивости. Да, въ сущности, и разбирать-то времени нѣтъ, такъ же точно, какъ и произведенному въ женихи богослову. Ему „велѣно пріискать“ и строго наказано пріискать и жениться въ недѣльный срокъ, подъ страхомъ остаться надолго безъ мѣста. Нашъ герой Маккавеевъ оказался, однако, весьма разборчивымъ, благодаря, конечно, тому обстоятель-

ству, что онъ круглый и безродный сирота. Будь у него родители, особливо же мать вдова, сестры и братья, требующіе попеченія, не сталъ бы и онъ отвертываться отъ какой бы ни было поповны, не сталъ бы рисковать упустить изъ рукъ выгодный приходъ. Въ быту нашего духовенства въ огромномъ большинствѣ случаевъ браки заключаются „поневолѣ", на-спѣхъ, не только безъ любви, но и безъ предварительнаго знакомства жениха съ невѣстой. На долю героя романа г. Потапенка выпало рѣдкостное счастье отвертѣться отъ невѣстъ, которыхъ ему навязывали, и добраться до понравившейся ему на пароходѣ дочери благодушнаго дьячка, до очень милой и доброй Вѣры, оказавшейся какимъ-то чудомъ тоже неравнодушною къ бѣдному и жалкому богослову. Несмотря на растянутость повѣствованія, на нѣкоторыя длинноты и повторенія, романъ читается съ интересомъ, благодаря живости картинъ и лицъ, нерѣдко совершенно новыхъ для читателей, мало знакомыхъ съ описываемою авторомъ средой. Чувствуется, что въ своихъ описаніяхъ авторъ ничего не раскрашиваетъ ни въ розовый, ни въ мрачный цвѣта, не сгущаетъ своихъ красокъ ради придуманныхъ эффектовъ и контрастовъ. Его попы, дьяконы, ихъ жены и поповны проходятъ передъ нами длиннымъ рядомъ правдивыхъ образовъ людей, по натурѣ своей добрыхъ и неглупыхъ, но вынужденныхъ часто обстоятельствами и семейнымъ положеніемъ прибѣгать „поневолѣ" къ неблаговиднымъ, съ нашей точки зрѣнія, поступкамъ, ради „устроенія судьбы" невѣстъ, обреченныхъ со дня рожденія либо стать попадьями и дьяконицами, либо въ качествѣ старыхъ дѣвъ удручать семьи своею непригодностью къ какому-либо дѣлу, несовмѣстимому съ духовнымъ саномъ родителей. Сквозь забавныя положенія, въ которыя иногда ихъ ставитъ авторъ, просвѣчиваетъ постоянно гнетущая житейская забота, доходящая порою до настоящаго драматизма и всегда вызывающая сочувствіе читателя къ жертвамъ „неволи".

Призраки. Павла Крушевана. Москва, 1897 г. Ц. 2 руб. Передъ нами толстая книжка въ 695 страницъ убористой печати. Въ этой книжкѣ двадцать три разсказа, *Призраки*—заглавіе перваго изъ нихъ и самаго большого. Это не новая и довольно заурядная исторія о томъ, какъ жена очень почтеннаго доктора, слишкомъ пылкая женщина, увлеклась красивымъ офицеромъ, измѣнила мужу и прижила съ любовникомъ ребенка, котораго докторъ считаетъ своимъ сыномъ и любитъ безгранично, какъ можетъ любить только отецъ, не нашедшій настоящаго счастья съ любимою женщиной, оказавшеюся ему не парою ни по уму, ни по характеру, ни по образованію и взглядамъ на жизнь. Офицеръ, въ свою очередь, измѣнилъ женѣ доктора и женился на молодой и богатой дѣвушкѣ. Въ пылу отчаянія докторша открываетъ все мужу. Оригинальность повѣсти заключается въ томъ, что въ моментъ этой семейной катастрофы ребенокъ боленъ, у него дифтеритъ. Дѣло происходитъ до изобрѣтенія анти-дифтеритной сыворотки. Другого средства нѣтъ, какъ сдѣлать операцію, извѣстную подъ названіемъ трахеотоміи, т.-е. разрѣзать горло и черезъ трубочку выпустить то, что душитъ ребенка. При такой операціи возможна такая случайность, что трубка закупорится, и тогда уже нѣтъ спасенія для маленькаго паціента, если не найдется смѣльчака, который согласится высосать трубку, рискуя неминуемо заразиться смертельною болѣзнью. Такой именно случай произошелъ и при описываемой операціи. Обманутый мужъ не задумался пожертвовать своею жизнью для спасенія „чужого" ребенка,—ребенка опозорившей его жены и ея безчестнаго

любовника, тѣмъ болѣе ненавистнаго, что онъ въ теченіе трехъ лѣтъ разыгрывалъ роль самаго задушевнаго друга доктора. Повѣсть написана очень хорошо, умно и стройно, и въ общемъ, и въ деталяхъ, производитъ довольно сильное впечатлѣніе. Еще болѣе понравились намъ разсказы *Пойдемъ къ нимъ* и *Не пропала.* Первый очень милъ и трогателенъ:—молоденькая барынька, недавно вышедшая замужъ, хлопочетъ надъ приготовленіями къ Пасхѣ, къ первой Пасхѣ юной хозяйки, желающей отличиться на новомъ для нея кулинарномъ поприщѣ. И—вдругъ бѣды: куличи, бабы, вся пасхальная снѣдь перепорчены до полной негодности. А въ домѣ всего 25 рублей. Дѣлать нечего, чтобы не „осрамиться“ передъ знакомыми, мужъ командируется въ кондитерскую за покупками, необходимыми въ столь торжественномъ случаѣ. По дорогѣ молодой супругъ наткнулся на несчастную, голодную семью, жившую какъ разъ подъ ихъ квартирой въ подвальномъ этажѣ и дошедшую до послѣдней крайности. Онъ отдалъ имъ деньги и вернулся къ женѣ съ пустыми руками. Передъ столомъ, заставленнымъ закусками, молодая хозяйка расплакалась, но, выслушавши разсказъ мужа, призадумалась, потомъ сказала: „Знаешь что? Пойдемъ къ нимъ! Отнесемъ имъ все это“. Забрали супруги все, приготовленное для пиршества, спустились въ подвалъ, внесли въ бѣдную семью довольство, радость, свѣтъ христіанской любви и сами испытали такое счастье, которое еще болѣе сблизило ихъ, слило ихъ души въ общемъ гуманномъ чувствѣ. Въ повѣсти *Не пропала*—дѣло такъ же точно, какъ въ *Призракахъ*, не въ фабулѣ, далеко не новой, а въ разработкѣ этой фабулы, въ тонѣ и мысляхъ, ее освѣщающихъ, въ простыхъ и яркихъ образахъ дѣйствующихъ лицъ. „Не пропала“ молодая дѣвушка, студентка медицинскихъ курсовъ, увлеченная любовью молодого студента, потомъ брошенная имъ по окончаніи курса съ ребенкомъ на рукахъ. „Не пропала“ она, и не пропадетъ ея ребенокъ: „У моего сына нѣтъ отца,—говоритъ она,—но у него есть мать, которая будетъ любить его за двоихъ. У него нѣтъ имени, я дамъ ему свое и постараюсь, чтобъ онъ могъ съ гордостью носить его. У него нѣтъ правъ, я заработаю ихъ для него!“ И читатель остается убѣжденнымъ въ томъ, что она все это сдѣлаетъ, что она сможетъ это сдѣлать, благодаря своимъ знаніямъ и нравственнымъ силамъ, развитымъ и укрѣпленнымъ высшимъ образованіемъ, высшимъ трудомъ на пользу человѣчества. Отъ любви и увлеченій не ограждаетъ дѣвушекъ никакое воспитаніе и образованіе, ни домашнее, ни институтское, всего же менѣе такое, которое направлено, главнымъ образомъ, на развитіе въ нихъ, такъ называемой, „женственности“, т.-е. безпомощности, житейской неопытности, трусливости, неприспособленности къ серьезному труду и къ солидному мышленію. Такія дѣвушки, вступивши въ жизнь только съ багажомъ милой „женственности“, „пропадаютъ“ гораздо чаще, чѣмъ тѣ, чью женственность не оберегали такъ тщательно отъ знанія и труда. И не только пропадаютъ сами, но губятъ честныхъ и добрыхъ людей, попадающихся имъ въ мужья, губятъ своихъ дѣтей, доводятъ до отчаянія родителей, всѣхъ,—даже любовниковъ,—удручаютъ своею полною непригодностью ни къ чему, кромѣ проявленій своей женственности въ кокетствѣ, мелочности, тщеславіи и убійственной скуки, отъ которой онѣ сами изнываютъ и которую распространяютъ вокругъ себя отъ бездѣлья и отъ неумѣнья что-либо дѣлать. Таковы въ разсказахъ г. Крушевана докторша въ *Призракахъ*, три дамы—въ *Дамской критикѣ*, княгиня—въ разсказѣ *Куку*, *Вава* и др. Все это

типы не новые, но представлены они въ ясномъ и очень опредѣленномъ освѣщеніи, дѣлающемъ ихъ интересными для читателя. Разсказъ *Порывы* любопытенъ тѣмъ, что въ немъ изображена картинка, рѣдко встрѣчающаяся въ нашей литературѣ представленною правдиво и честно, а не въ тенденціозно-искаженномъ видѣ. Въ разсказахъ *Балластъ*, *Порвалъ*, *Яти* и *Кто онъ?*—передъ нами проходятъ живыя фигуры людей, такъ или иначе причастныхъ къ литературѣ... Всѣ разсказы г. Крушевана,—грустные и забавные, съ оттѣнкомъ юмора или трагическіе,—производятъ хорошее, бодрящее впечатлѣніе, они написаны вполнѣ литературнымъ языкомъ и проникнуты добрымъ гуманнымъ чувствомъ любви къ несчастнымъ и обездоленнымъ, къ гибнущимъ, даже по своей винѣ, и къ спасающимся силою собственной энергіи.

Вольная птица и другіе разсказы Аполлона Коринѳскаго. Спб., 1897 г. Ц. 1 руб. *Вольная птица* есть заглавіе перваго изъ двѣнадцати разсказовъ, вошедшихъ въ эту книжку и имѣющихъ такіе подзаголовки:—этюдъ, очеркъ, эскизъ, набросокъ, сантиментальная новелла и т. п. По существу своему, всѣ эти этюды, очерки, наброски ровно ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга и, вполнѣ по достоинству, могли быть соединены подъ одно общее опредѣленіе: — мелкая пустяковина. *Вольная птица*—молодая вдовушка, отчаянно кокетничающая съ молодымъ человѣкомъ, влюбленнымъ въ нее по уши. Молодой человѣкъ нравится игривой вдовушкѣ, но она не желаетъ связывать себя никакими узами любви и брака, а потому „отлетаетъ вольною птицей" за границу. Вотъ и весь „этюдъ". Въ немъ одно вводитъ насъ въ недоумѣніе: къ какому кругу принадлежитъ эта „птица" и пытающійся словить ее господинъ? По разсказу автора, она хорошо образована, богата, живетъ роскошно, съ дѣтства привыкла къ приличному тону хорошаго общества. Молодого человѣка она очаровываетъ музыкой и пѣніемъ позднимъ вечеромъ въ своей великолѣпной гостиной, гдѣ „между кадками широколистныхъ фикусовъ почти незамѣтно пріютился столикъ" съ графиномъ водки, изъ котораго влюбленный молодой человѣкъ пьетъ рюмку за рюмкой, „не закусывая" и потомъ, нагибаясь къ дамѣ своего сердца, обдаетъ ее „струею водочнаго букета"... Она „инстинктивно" отодвигается,—очень недурно это „инстинктивно",—но черезъ нѣсколько минутъ „судорожно охватываетъ руками шею" полупьянаго гостя, „приближаетъ губы къ его разгоряченному лицу", нарывается, разумѣется, на „его жадные поцѣлуи", сердится, зоветъ горничную и приказываетъ подать холодной воды своему обожателю. Съ кого они портреты пишутъ? Гдѣ это, въ какихъ домахъ, видалъ г. Коринѳскій графины съ водкой въ гостиныхъ молодыхъ женщинъ?... Въ „эскизѣ" *Любочка* авторъ берется опять за изображеніе барскаго житья почти на аристократическій ладъ, и его героиня, шестнадцати-лѣтняя дѣвушка, на звонокъ, раздавшійся изъ прихожей, мчится отпирать дверь гостю. „Сантиментальная новелла" *Она пришла*—всего менѣе „новелла", это плохонькій варіантъ старой-престарой исторіи о томъ, какъ нѣжно любящій мужъ, послѣ смерти юной прелестной супруги, находитъ въ ея комнатѣ связку писемъ, несомнѣнно доказывающихъ всю негодность измѣнявшей ему жены. Точь-въ-точь такіе же казусы многократно были расписаны на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Не лучше барскаго житья удаются автору изображенія крестьянской среды. Вотъ образецъ того языка, какимъ, по мнѣнію г. Коринѳскаго, говорятъ наши ямщики: „И полюбись мнѣ, ни на-что глядя, дочка маво хозяина, — Пётрой Ларивоновичемъ его зва-

ли,—дочка-молъ евоная... Изъ господовъ онъ былъ"... „И полюбилась, молъ, мнѣ Пётры Ларивонычева дочка, Лизавета Петровна стало-быть,— да такъ—хошь помирай, такъ и то въ пору!"... „За̀-голосъ, за ейный, она и полюбилась мнѣ всего больнѣ... Иду, стало-быть, это я разъ... Ишь ты, теткинъ кумъ, ничаво не везетъ! Но-о, но, каторжный..." И такимъ-то, „евонымъ", языкомъ написанъ разсказъ въ 25 страницъ, озаглавленный *Проселкомъ*. Да и не онъ одинъ, а еще *Домнино горе* и *Подъ шумъ дождя*. Повѣствованіе, озаглавленное *Непріятный случай*, „изъ хроникъ захолустья", заключается въ томъ, что какой-то купецъ, узнавши про невѣрность жены, заманилъ въ глухое мѣсто ея любовника, франта-чиновника, жестоко его избилъ, „говорятъ—даже высѣкъ" и обрилъ ему щегольскіе усы и бороду, чѣмъ подорвалъ „успѣхъ у дамочекъ милаго молодого человѣка..." Полагаемъ, что приведеннаго нами достаточно для того, чтобы читатель оцѣнилъ по достоинству *Вольную птицу и другіе разсказы* г. Коринѳскаго.

Отверженный (Изъ записокъ сумасшедшаго). Въ царствѣ тѣней. Милліоны. К. Пружанскаго. Изданіе книгопродавца Д. А. Наумова. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. Прочли мы книжку г. Пружанскаго и недоумѣваемъ, чего ради понадобилось ему писать эти три разсказа, въ которыхъ мелькаютъ кое-какія добрыя намѣренія, теряющіяся въ массѣ скучнѣйшаго пустословія, неимѣющаго никакого смысла. Написаны они съ большими претензіями на умъ, на философствованіе и, въ особенности, на юморъ и остроуміе. Но что это за юморъ и что за остроуміе,—вообразить трудно, читать противно, за автора становится не ловко. Вотъ для примѣра выдержка изъ разсказа *Въ царствѣ тѣней*:—„Показались знакомыя на землѣ планеты, почти у самого моего носа пронеслась луна, на которой я замѣтилъ, что астрономы съ особеннымъ вниманіемъ наблюдали за моимъ носомъ, вѣроятно, стараясь опредѣлить, представляетъ ли онъ собою материкъ или водяное пространство. И не желая, чтобы мой носъ фигурировалъ на топографическихъ картахъ луны въ видѣ какой - нибудь горы, показалъ имъ языкъ, но тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ, потому что до моихъ ушей ясно донеслось радостное восклицаніе одного почтеннаго ученаго: а вѣдь гора-то огнедышущая, изъ чего я заключилъ, что мой бѣдный языкъ сошелъ за вулканическое изверженіе. И хотя многіе изъ современныхъ адвокатовъ дорого бы дали за то, чтобы изъ ихъ безъ толку болтающихся языковъ кто-нибудь сдѣлалъ какое бы то ни было употребленіе, но я, какъ не торгующій сырымъ языкомъ, былъ очень не радъ этому, поскорѣе его спряталъ"... Такими перлами пошлости и безграмотности переполнены повѣствованія г. Пружанскаго. Въ „эскизѣ" *Милліоны* авторъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ посѣтилъ въ домѣ умалишенныхъ одного знакомаго сумасшедшаго, какихъ встрѣтилъ тамъ несчастныхъ помѣшанныхъ, и съ большими подробностями передаетъ весь тотъ болѣзненный вздоръ, который они ему говорили. Кому и на что это нужно? Кого можетъ интересовать жалкій бредъ разстроеннаго воображенія невѣдомыхъ людей, попавшихъ въ психіатрическую лѣчебницу? Въ рядѣ изображенныхъ авторомъ фигуръ и постигшихъ ихъ злоключеній нѣтъ ни одной черточки, сколько-нибудь новой или оригинальной. Все старо, затрепано и ничтожно. Всего же ничтожнѣе длинная повѣсть *Отверженный*, представляющая собою образцово безграмотный и плохо сочиненный дневникъ какого-то господина, помѣшавшагося на исканіи настоящей цѣли жизни и вообразившаго себя умершимъ. Во множествѣ прочитываемыхъ нами, по обязан-

ности, книгъ намъ очень рѣдко встрѣчалось что-либо настолько же томительно скучное и безцвѣтное.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ.

„Психологія чувствъ“. *Т. Рибо.* Ч. I и II. — „Психологія вниманія“. *Т. Рибо.* — „Основныя начала“. *Герберта Спенсера.*—„Философскій эскизъ на почвѣ субъективизма, или опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: что такое счастье?“ *В. Заболотнаго.*

Психологія чувствъ. Въ двухъ частяхъ. Т. Рибо. Части I и II. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Въ декабрьской книжкѣ *Русской Мысли* за прошлый годъ мы обратили уже вниманіе читателей на французскій подлинникъ этого замѣчательнаго изслѣдованія Рибо; мы указали тогда, что было бы крайне желательно появленіе его на русскомъ языкѣ. Это pium desiderium осуществилось, и кіевскій книгопродавецъ г. Іогансонъ, имя котораго стоитъ на цѣломъ рядѣ неудовлетворительныхъ и неряшливыхъ изданій, выпустилъ въ свѣтъ переводъ сочиненія французскаго психолога. Переводъ страдаетъ крупными погрѣшностями, нѣтъ у него даже слѣдовъ того стилистическаго изящества, той ясности и простоты красиваго слога, которыя составляютъ привлекательную черту подлинника. Переводчикъ, очевидно, мало или совсѣмъ не знакомъ съ психологіей, не слыхалъ именъ представителей этой науки и порою рѣзко искажаетъ ихъ (напримѣръ, *Лотцъ*, *Перецъ*, на 329 стр. II-й части); цѣлыя фразы изложены у него такъ, что онѣ изобличаютъ чисто механическую, а не вдумчивую работу; особенно слѣдуетъ это сказать про второй одѣлъ книги, трактующій о спеціальныхъ психологическихъ процессахъ. Какъ далекъ переводчикъ отъ пониманія той книги, которую онъ отважно взялся переводить, видно уже изъ того, что онъ не постигаетъ смысла обыкновенныхъ выраженій, употребляющихся иногда въ разговорной рѣчи; напримѣръ, *experimentum crucis* онъ на 93 стр. I-ой части передаетъ черезъ *перекрестный опытъ*... Въ общемъ, хотя книга Рибо и переведена, но для русской публики она все-таки почти не существуетъ, потому что такъ же неинтересно и трудно читать ее въ переводѣ г. Іогансона, какъ занимательно и легко читается она на французскомъ языкѣ. Для справокъ, за неимѣніемъ лучшаго, и для приблизительнаго ознакомленія съ идеями Рибо кіевское изданіе во всякомъ случаѣ до извѣстной степени пригодно.

Психологія вниманія. Д-ра Т. Рибо. Переводъ съ 3-го французскаго изданія. Всеобщая библіотека. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Извѣстный этюдъ Рибо о вниманіи появляется на русскомъ языкѣ въ третій разъ; онъ былъ уже переведенъ въ 1888 и 1890 г. Новое изданіе сдѣлано, повидимому, очень торопливо, переводъ тяжелъ, корректурные изъяны, затрудняющіе пониманіе книжки, такъ и кишатъ. Рибо одинъ изъ главнѣйшихъ сторонниковъ двигательной теоріи вниманія (въ Россіи она, видоизмѣненная, имѣетъ своимъ представителемъ Н. Н. Ланге). Въ силу нея характеръ вниманія—чисто-мускульный, т.-е. она признаетъ, что, вводя въ наше сознаніе одинъ какой-нибудь опредѣленный объектъ, мы подавляемъ въ себѣ цѣлый рядъ движеній, не приспособленныхъ къ воспріятію этого заинтересовавшаго насъ объекта, и, наоборотъ, вызываемъ въ себѣ и производимъ тѣ движенія, которыя съ нимъ ассоціированы.

Такъ бываетъ при обоихъ видахъ вниманія—естественномъ и волевомъ. Причиной перваго является эмоція, возбужденное чувство, которое толкаетъ насъ къ фиксированію данной вещи, дѣлая ее для насъ пріятной или непріятной, во всякомъ случаѣ—занимательной, волнующей; тогда организмъ представляетъ собою типичную картину напряженности, вниманія: зрительныя оси получаютъ соотвѣтствующее направленіе, дыханіе задерживается, дѣятельность сосудовъ усиливается. Волевое вниманіе доступно не всѣмъ; оно имѣетъ своимъ предметомъ не то, что непосредственно-интересно, а то, что вызываетъ сложныя ассоціаціи, и требуетъ сознательнаго выбора, вдумчиваго отношенія, умственнаго развитія. Это интеллектуальное, философское вниманіе находитъ свой двигательный элементъ въ словѣ, которымъ облекается его объектъ—идея. Вниманіе это—аномалія разума, потому что въ обычномъ состояніи онъ не знаетъ моноидеизма, т.-е. не отмежевываетъ для сознанія области только одного какого-нибудь факта или явленія, а быстро переходитъ, перелетаетъ съ одного пункта на другой. Для того чтобы сосредоточить вниманіе на данной точкѣ, необходимо сдѣлать извѣстное усиліе; вотъ почему вниманіе такъ недолговѣчно и трудно. Уже изъ этого бѣглаго наброска теоріи Рибо читатели могутъ заключить, что французскій психологъ понимаетъ вниманіе слишкомъ широко, незаконно объединяя подъ этимъ терминомъ множество различныхъ умственныхъ процессовъ; онъ грѣшитъ этимъ въ особенности тогда, когда анализируетъ второй видъ вниманія, волевой или искусственный.

Основныя начала. Гербертъ Спенсеръ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1897 г. Знаменитая книга Спенсера впервые появилась на русскомъ языкѣ въ 1886 г., въ очень скверномъ, неполномъ и неточномъ переводѣ г. Л. Алексѣева. Теперь же г. Пантелѣевъ выпустилъ переводъ ея, вполнѣ противоположный своему предшественнику, сдѣланный тщательно, умѣло и близкій къ оригиналу. Какъ извѣстно, *Основныя начала* служатъ первымъ и главнымъ звеномъ въ серіи трактатовъ Спенсера и даютъ ключъ къ уразумѣнію всей его сложной и многосторонней системы. Въ нихъ формулированы и развиты знаменитый законъ эволюціи, теорія дифференціаціи и интеграціи, ученіе о непознаваемомъ, взглядъ на взаимоотношеніе религіи и науки. Спенсеръ имѣетъ большую долю въ умственномъ достояніи русскаго общества, и онъ оказалъ на него сильное и благотворное вліяніе. Нельзя поэтому сомнѣваться, что *Основныя начала* съ ихъ глубокими обобщеніями, дальше которыхъ не проникла современная научно-философская мысль, найдутъ себѣ обширный кругъ читателей.

Философскій эскизъ на почвѣ субъективизма, или опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: что такое счастье? В. Заболотный. Варшава, 1897 г. На обложкѣ этой маленькой книги значится, что авторъ ея—г. В. Заболотный; но это не совсѣмъ такъ: гораздо болѣе права на званіе ея творцовъ имѣютъ тѣ многочисленные философы, литераторы, поэты, ученые, корреспонденты, разнородныя произведенія которыхъ дали г. Заболотному обильный матеріалъ для цитатъ. Послѣднихъ такъ много, такъ много, что въ нихъ тонутъ собственная мысль и собственное изложеніе „автора“. У г. Заболотнаго, очевидно, есть записная книжка, и онъ вноситъ въ нее все, что останавливаетъ на себѣ его вниманіе изъ прочитаннаго, будетъ ли это страница изъ *Шопенгауэра*, замѣтка изъ № 48 газеты *Свѣтъ* за 1896 г.

(стр. 51), изреченіе изъ *Корана*, отрывокъ изъ *Робинзона Крузэ* (стр. 53), стихи изъ *Одиссеи*, параграфъ изъ *Вундта*, этюдъ изъ *Французской энциклопедіи*. Затѣмъ содержимое этой книжки онъ печатаетъ, и въ результатѣ получается нѣчто пестрое, сшитое изъ лоскутковъ. Разсматривая эти затѣйливыя арабески авторской начитанности ближе, вы замѣчаете, что онѣ имѣютъ цѣлью доказать нѣсколько простыхъ истинъ, какъ, напримѣръ: всѣ люди стремятся къ счастью, каждый понимаетъ счастье по-своему. Желая объединить одной формулой разнообразныя представленія о счастьи, г. Заболотный приходитъ къ слѣдующему выводу: „счастье даннаго индивида есть согласіе внутренняго его міра съ міромъ его окружающимъ“ (стр. 69). Мысль довольно невинная, которая вовсе не нуждается въ рамкѣ изъ цитатъ. Вообще, г. Заболотный сдѣлалъ бы хорошо, если бы онъ не выписывалъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ различныхъ писателей, а только продумывалъ ихъ, переработывалъ въ своемъ сознаніи и сопоставлялъ ихъ съ собственными взглядами; тогда онъ, можетъ быть, написалъ бы не глубокую, но симпатичную вещь, тѣмъ болѣе, что онъ умѣетъ писать и нѣкоторыя страницы его эскиза, напримѣръ, лирическое отступленіе (стр. 60—63) или разсужденіе о послѣдней минутѣ жизни, какъ единственномъ критеріи счастья, производятъ отрадное впечатлѣніе своимъ задушевнымъ тономъ.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи“. *Бутми.* — „О древнерусской дружинѣ по былинамъ“. *Проф. Мрочекъ-Дроздовскаго.*—„Очерки русской народной словесности. Былины I—XVI“. *Всев. Миллера.*—„Горе-злосчастіе“. Древнее русское стихотвореніе, перелож. на совр. языкъ *Н. Марковымъ.*—„Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, запис. въ Саратов. губ.“ *М. Е. Соколовымъ.*

Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи. Бутми. (Общеполезная библіотека для самообразованія, изданіе М. В. Клюкина). М., 1897 г. Ц. 60 коп. Еще не такъ давно исторія учрежденій любой страны излагалась довольно просто. Успокоивъ себя и читателей заявленіемъ, что государственный строй есть органическій продуктъ народной жизни, историкъ съ облегченнымъ сердцемъ переходилъ къ болѣе или менѣе обстоятельному описанію колесъ и колесиковъ правительственнаго механизма. Нарастаніе политической свободы или, напротивъ, ея упадокъ, ростъ централизаціи или мѣстной самостоятельности давали путеводную нить. Все вниманіе было обращено на трансформацію государственной власти, — интересы, которые стояли за этой властью и давали толчокъ къ той или иной перемѣнѣ, оставались въ тѣни. Если историкъ, по свойствамъ своего ума, не могъ ограничиться *описаніемъ* явленій, если у него была потребность широкихъ обобщеній, онъ обращался обыкновенно не къ пошлой прозѣ исторической дѣйствительности, а къ поэтическимъ призракамъ, населявшимъ его собственную фантазію. Тогда являлся на сцену духъ германскій, романскій или славянскій, смотря по надобности, объяснялъ необъяснимое, ловко прикрывалъ зіяющіе пробѣлы источниковъ и услужливо подсовывалъ такія широкія аналогіи, что у болѣе юныхъ читателей въ груди спиралось дыханіе. Представители этой исторической школы не безъ гордости называли свое пониманіе исторіи органическимъ: его правильнѣе было бы назвать формальнымъ, потому что ихъ

задачи не шли дальше объясненія внѣшнихъ формъ государственнаго быта, или, если угодно, спиритическимъ, по той роли, какую играли въ немъ духъ народа, духъ времени и тому подобные невѣсомые и неосязаемые факторы. Авторъ разсматриваемой книжки принадлежитъ къ той новой школѣ, которая не довольствуется голымъ перечнемъ фактовъ и не силится подвести ихъ подъ произвольныя, сантиментально-метафизическія обобщенія, а стремится найти реальныя силы, опредѣлившія направленіе историческаго процесса. „Лично я думаю,—говоритъ Бутми,—что конституціонное и парламентское устройство, первый и достопамятный образецъ котораго англичане дали міру, обусловливалось скорѣе историческими вліяніями, чѣмъ этническими; оно вытекло скорѣе изъ необходимости, созданной обстоятельствами, и, главнымъ образомъ, изъ крупнаго случайнаго событія, чѣмъ изъ наслѣдія, передаваемаго и увеличивавшагося постепенно отъ поколѣнія къ поколѣнію послѣ саксонскаго завоеванія“ (русск. пер., стр. 8). При такомъ взглядѣ на дѣло, детальный анализъ учрежденій, съ цѣлью открыть въ нихъ германскую или иную традицію, естественно уступаетъ мѣсто изученію тѣхъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ эти учрежденія сложились,—прежде всего, состава и тенденцій той части общества, которая ихъ создала и приспособила къ своимъ потребностямъ. Эволюція правящаго общественнаго слоя и составляетъ основную тему книги.

Въ Англіи раньше, чѣмъ гдѣ-либо на континентѣ, рухнулъ феодальный строй: „со времени Тюдоровъ здѣсь нѣтъ болѣе ничего феодальнаго, кромѣ нѣкоторыхъ юридическихъ формъ, — названій, а не сущности вещей“ (стр. 84). Уже въ XVI в. Англія „является со всѣми свойствами возмужалаго современнаго общества, усвоившаго понятія о государствѣ и законѣ, о всѣхъ органахъ представительнаго и парламентскаго правленія и о принципѣ главенства гражданской власти“ (стр. 82). Соціальныя неравенства современной Англіи, существующая группировка поземельной собственности со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями—отнюдь не наслѣдіе феодальной эпохи. Это факты новѣйшаго происхожденія, обязанные своимъ существованіемъ промышленной революціи прошлаго вѣка.

Такъ можно резюмировать точку зрѣнія Бутми. Чисто-популяризаторская задача книги не давала мѣста детальному развитію основной идеи. Этимъ объясняются извѣстная суммарность выводовъ, категорическое рѣшеніе вопросовъ, далеко не вполнѣ разрѣшенныхъ спеціальною литературой, нѣсколько искусственное освѣщеніе тѣхъ моментовъ, которые автору представляются особенно важными. При болѣе спеціальномъ изложеніи самъ Бутми, вѣроятно, не сталъ бы объяснять всѣхъ особенностей политическаго развитія Англіи въ средніе вѣка послѣдствіями норманнскаго завоеванія. Экономика древнѣйшей эпохи имъ вовсе не затронута; вліяніе денежнаго хозяйства уже съ XIV вѣка и аграрная революція XVI не попали въ его схему и остаются въ тѣни. Приложеніе капитала къ землѣ и, въ связи съ этимъ, развитіе крупнаго хозяйства на счетъ мелкаго—началось, конечно, не въ XVIII в.: уже въ эпоху Тюдоровъ „огораживанія“ заняли значительную часть Англіи и средневѣковыя формы земледѣлія смѣнились раціональнымъ овцеводствомъ ради промышленныхъ цѣлей. Съ другой стороны, врядъ ли всѣ согласятся считать „возмужалымъ современнымъ обществомъ“ (société adulte et moderne) Англію Тюдоровъ, съ ея болѣе чѣмъ шаткими гарантіями личной свободы, съ исключительными судами, вродѣ

Звѣздной палаты, съ неопредѣленно-широкою королевскою прерогативой и т. п. Словомъ, политическая Англія не такъ стара, а ея хозяйственный строй не такъ молодъ, какъ изображаетъ Бутми. Но, повторяемъ, избѣжать нѣкоторой рѣзкости красокъ въ популярномъ изложеніи очень трудно. Притомъ же авторъ и не желалъ дать *руководства* къ изученію англійской конституціонной исторіи. По типу изложенія его книга — живой и талантливый публичный *курсъ*, разсчитанный на очень широкій кругъ слушателей: задача такого курса — провести въ публику новые научные взгляды, освѣтить такія стороны предмета, которыя игнорируются обычнымъ историческимъ шаблономъ, вызвать интересъ къ болѣе спеціальнымъ изслѣдованіямъ; съ книги Бутми очень удобно *начать* знакомство съ развитіемъ англійской конституціи: дальнѣйшая работа сама собою внесетъ необходимыя поправки въ его нѣсколько грубоватыя, но по существу всегда мѣткія обобщенія.

Русскій переводъ тяжелъ и не всегда точенъ. Есть мѣста, которыя можно понять только при сличеніи съ подлинникомъ (см., напримѣръ, стр. 86; примѣч. 1-е на стр. 33; стр. 131, 135 и мн. друг.), а такъ какъ переводы издаются не для тѣхъ, кто можетъ читать подлинникъ, то и польза отъ изданія г. Клюкина для лицъ, ищущихъ самообразованія, будетъ не велика. Издана книжка, подъ стать переводу, очень небрежно: нѣтъ даже оглавленія; корректура ужасна: изъ 10 собственныхъ именъ едва ли одно напечатано правильно, на стр. 133 „режимъ" превратилось въ „руммъ" и т. п. Словомъ, „плохо и дешево".

О древнерусской дружинѣ по былинамъ. Проф. Мрочекъ-Дроздовскаго. М., 1897 г. Русскій былевой эпосъ въ его новѣйшихъ записяхъ можно сравнить съ пестрой кучей разновременныхъ и разнородныхъ осколковъ, соединенныхъ въ прихотливые узоры. Почти въ каждой былинѣ, при внимательномъ изученіи, можно подмѣтить пласты и отслаиванія болѣе или менѣе древнія, народныя или книжныя, туземныя или иноземныя. Принимать эпосъ за нѣчто цѣльное, видѣть въ немъ полное отраженіе пережитыхъ ступеней развитія, ставить на одну доску всѣ былины и всѣ ихъ данныя считать одинаково годными для той или другой исторической конструкціи—значитъ дѣлать большую методологическую ошибку. Въ ней-то и повиненъ болѣе всего г. Мрочекъ-Дроздовскій. Допуская мѣстами большія натяжки, онъ беретъ изъ былинъ все то, что можетъ быть отнесено къ дружинѣ, и изъ подобранныхъ, такимъ образомъ, мелкихъ фактовъ строитъ цѣлую картину. Не думаемъ, чтобъ она могла имѣть какое бы то ни было научное значеніе.

Чувствуя подъ ногами зыбкую почву и желая склеить какъ-нибудь расползающееся построеніе, г. Дроздовскій поминутно впадаетъ въ существенные промахи. „Былина и въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, можетъ служить бытовымъ подтвержденіемъ и развитіемъ лѣтописи", говоритъ онъ (стр. 5), но къ какому періоду ее отнести? Возможно ли ее пріурочить къ мѣстному, опредѣленному историческому процессу? Какую дѣйствительность и насколько она могла отразить? Даже по датированному поэтическому матеріалу рискованно строить историческія картины, по народно-поэтическимъ же произведеніямъ тѣмъ болѣе.

Толкованіе былевыхъ подробностей мѣстами очень произвольно и напоминаетъ блаженной памяти миѳологическую школу. Изъ того, что Муромцу на бою смерть не написана, никакъ нельзя заключить, что „это—могучій образъ непобѣдимости дружиннаго союза" (стр. 10—11). Въ спасеніи Муромцемъ Потока, обращеннаго чарами въ камень, яко бы

также выражена идея дружины, той несокрушимой дружинной мощи, которая—и только она одна на землѣ—можетъ спасти отъ смерти. Муромецъ этого сказанія представляетъ собою ту сверхъестественную силу, которая, по былинамъ о Потокѣ, то въ образѣ св. Николая, то образѣ Михаила Архангела оживляетъ окаменѣвшаго богатыря.

Слабая подготовка къ разработкѣ былинъ сказывается во всемъ. Незнакомство съ филологіей привело къ курьезному производству (стр. 84): „куренникъ" отъ „курить вино". Въ литературѣ вопроса г. Дроздовскій разбирается также плохо, и для него одинаково авторитетны акад. А. Н. Веселовскій, И. Н. Ждановъ, В. Ѳ. Миллеръ, Ѳ. И. Буслаевъ и гг. Безсоновъ, Квашнинъ-Самаринъ и др.

Отъ нѣсколько слащавой идеализаціи древней Руси вѣетъ чѣмъ-то запоздалымъ и затхлымъ. Историческая наука послѣдняго времени отучила насъ отъ елейно-сантиментальныхъ изліяній славянофильскаго пошиба и пріучила къ здоровому и трезвому реализму.

Не нравится намъ и нѣсколько манерная рѣчь, наприм., „это—*старина пошлина* Русской земли, законъ, сохранившій въ себѣ черты древнѣйшаго семейно-родового преданія" (стр. 7) и т. д. Зачѣмъ употреблять такія неупотребительныя выраженія, какъ „былинарь" (стр. 11)? Свою работу авторъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „еще ничего не сдѣлали для былины историки отечественнаго права. Между тѣмъ, въ былинахъ находятся весьма любопытныя и важныя данныя, разработкою которыхъ могутъ и должны заняться наши историки - юристы, приложивъ и къ этому дѣлу свои силы и знанія". Не можемъ не согласиться съ этимъ пожеланіемъ, прибавивъ отъ себя, что за эту работу нельзя браться голыми руками и безъ должной методологической выправки, иначе затраченный трудъ окажется безплоднымъ.

Очерки русской народной словесности. Былины. I—XVI. Всеволода Миллера. М., 1897 г. Ц. 2 руб. Книга проф. Всев. Миллера представляетъ собою собраніе 16 статей по былинамъ, помѣщенныхъ авторомъ въ теченіе послѣдняго пятилѣтія въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, каковы: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Русская Мысль, Этнографическое Обозрѣніе* и сборникъ *Починъ*. Не слѣдуетъ, однако, думать, что каждая отдѣльная статья имѣетъ только самостоятельный интересъ: всѣ онѣ приведены въ извѣстную систему и притомъ расположены въ такомъ порядкѣ, въ которомъ читателю вполнѣ удобно слѣдить за развитіемъ главныхъ положеній о русскихъ былинахъ, проводимыхъ авторомъ въ отдѣльныхъ очеркахъ. Эти положенія проф. Всев. Миллеръ весьма умѣстно группируетъ въ предисловіи, соблюдая ту самую послѣдовательность, которая проведена въ его книгѣ. „Исходя (въ 1-мъ очеркѣ),—говоритъ авторъ,—изъ изученія современнаго состоянія былинной традиціи въ Олонецкой губерніи и изъ наблюденій Гильфердинга надъ сказителями, я стараюсь оцѣнить значеніе этой традиціи, опредѣлить ея устойчивость и неустойчивость и прихожу къ выводу, что современные олонецкіе непрофессіональные сказители наслѣдовали былинный репертуаръ отъ профессіональныхъ пѣтарей. Указывая (во 2-мъ очеркѣ) на односторонность взглядовъ на нашъ эпосъ, навѣянныхъ ученіемъ Я. Гримма, я смотрю на былину какъ на опредѣленный видъ поэтическихъ произведеній, сложившійся и установившійся въ своей внѣшней формѣ и техникѣ въ средѣ профессіональныхъ пѣвцовъ, и ищу доказательствъ этой мысли въ разборѣ технической стороны былины. Изъ историческихъ данныхъ о старинныхъ русскихъ скоморохахъ и изъ

слѣдовъ скоморошьей обработки былинъ получается выводъ, что періоду распространенія былинъ въ крестьянской средѣ и ихъ захуданія предшествовало бытованіе ихъ въ репертуарѣ скомороховъ или вообще профессіональныхъ пѣвцовъ-слагателей. Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ (въ 3-мъ очеркѣ) выдвигаютъ значеніе сѣверной Россіи въ дѣлѣ сложенія былинъ и переработки прежнихъ, различіе въ характерѣ былинъ и богатырей южно-и сѣверно-великорусскихъ и слѣдятъ за движеніемъ былиннаго репертуара на востокъ путемъ колонизаціи Сибири. Въ 4-мъ очеркѣ, переходя отъ внѣшней исторіи былинъ къ внутренней, я собираю сохранившіеся въ былевомъ эпосѣ слѣды періода дотатарскаго и указываю отголоски галицко-волынскихъ сказаній въ былинахъ о Дюкѣ, Чурилѣ, Потокѣ и Дунаѣ. Такіе же слѣды исторической старины указываются далѣе (въ 5-мъ очеркѣ) въ былинахъ о Добрынѣ, причемъ выдвигается предположеніе новгородскаго происхожденія этихъ былинъ. Слѣдующіе очерки (6—11), посвященные каждый разбору отдѣльныхъ былинъ, занимаются вопросами о періодѣ и районѣ ихъ сложенія и на основаніи изученія бытовыхъ и другихъ данныхъ стараются уяснить ихъ сѣверно-русское происхожденіе и вліяніе на нихъ новгородской культуры. Этотъ рядъ очерковъ замыкается вновь написаннымъ разборомъ былинъ о Садкѣ (очеркъ 12-й), а „дальнѣйшіе очерки занимаются былинами, сложившимися въ болѣе южныхъ и восточныхъ областяхъ территоріи великоруссовъ. Такъ, въ 13-мъ очеркѣ изслѣдуются историческіе и литературные отголоски въ былинахъ о нашествіи Батыя; въ слѣдующемъ (14-мъ) указываются въ былинѣ о Саурѣ и сродныхъ по содержанію слѣды историческихъ лицъ и восточныхъ сказочныхъ мотивовъ. Дальнѣйшій очеркъ (15-й) содержитъ рядъ замѣтокъ къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ и, наконецъ, „послѣдній (16-й) очеркъ“ „знакомитъ съ недавними записями былинъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи, въ Якутской области“ (Предисл. стр. V и VI).

Таково содержаніе книги проф. Вс. Миллера. Что касается обработки этого содержанія, то въ разбираемомъ сочиненіи мы имѣемъ дѣло съ изслѣдованіемъ столько же богатымъ по матеріалу, сколько цѣннымъ по выводамъ. Не распространяясь объ эрудиціи и глубокомъ знакомствѣ съ предметомъ, которыя давно извѣстны въ авторѣ, мы не можемъ не указать здѣсь, что *Очерки русской народной словесности* полны остроумныхъ замѣчаній и мѣткихъ заключеній, и что проф. Вс. Миллеръ дѣлаетъ въ нихъ рядъ смѣлыхъ догадокъ, благодаря которымъ его книга получаетъ особый интересъ. Менѣе всего, однако, эти смѣлыя догадки отличаются голословностью или бездоказательностью, и говоритъ ли проф. Вс. Миллеръ о скоморохахъ, какъ хранителяхъ этическихъ пѣсенъ (очеркъ 2-й), высказываетъ ли предположеніе о большемъ богатствѣ и въ древнее время сѣверно - великорусскаго былиннаго репертуара сравнительно съ южно - великорусскимъ (очеркъ 3-й), или обнаруживаетъ возможность галицкаго происхожденія основной былины о Дюкѣ (очеркъ 4-й) и проч., и проч., онъ прежде всего осторожно взвѣшиваетъ всѣ данныя для своихъ выводовъ. Такимъ образомъ, книгѣ его нельзя отказать въ оригинальности въ лучшемъ смыслѣ этого слова, потому что многіе вопросы въ ней освѣщаются, такъ сказать, совершенно новымъ свѣтомъ. Вообще *Очерки русской народной словесности* должны занять почтенное мѣсто среди изслѣдованій по народной литературѣ.

Горе-злосчастіе. Древнее русское стихотвореніе. Переложилъ на современный языкъ Н. Марковъ. Елисаветградъ, 1896 г. Не понимаемъ, зачѣмъ понадобилось перекладывать чудесное и всѣмъ доступное по языку *Горе-злосчастіе* на современныя дубовыя вирши, тоскливыя, несуразныя — и предпосылать имъ блѣдное и безцвѣтное предисловіе общаго характера, когда читатель свободно можетъ прочесть чудесныя статьи Буслаева и Пыпина объ этомъ произведеніи? Какъ вамъ понравятся, наприм., такіе стихи:

И отсюда опять въ край далекій
Пошелъ молодецъ нашъ одинокій.
Сталъ онъ жить на чужбинѣ умѣло.
Лучше прежняго дѣло спорилось,
Нажитое богатство полнѣло (sic),
Само счастіе въ руки просилось (стр. 13).

Или такіе:

Одѣвалъ тотъ нарядъ онъ убогій,
Онъ накидывалъ гунку на тѣло,
Да въ дырявыя лапти рукой неумѣлой
Обувалъ свои бѣлыя ноги (стр. 10)...

Размѣръ взятъ однообразный и скучный, да и въ немъ г. Марковъ часто спотыкается; риѳмы бѣдныя и часто за волосы притянутыя; краткая и сильная мысль подлинника разжижается подъ неопытной и неумѣлой рукой, гоняющейся за риѳмой и вѣчно ускользающимъ размѣромъ. Старыя малопонятныя слова (наприм. гунка) не объяснены.

Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи. М. Е. Соколова. Петровскъ, 1896 г. Пѣсни, изданныя г. Соколовымъ, не представляютъ особаго интереса: за рѣдкими исключеніями, это—варіанты давно ужъ извѣстныхъ пѣсенъ, съ весьма незначительными отклоненіями. Въ научномъ отношеніи онѣ даютъ немного: нѣсколько мелкихъ подробностей, 6 фонетическихъ записей и кое-какой матеріалъ для опредѣленія географическаго распространенія пѣсенъ. Скромное содержаніе своего сборника г. Соколовъ захотѣлъ пополнить широко вѣщательнымъ введеніемъ—обвинительнымъ актомъ противъ украинофильства (sic). Для насъ, какъ и для всякаго читателя, это было большимъ сюрпризомъ. Какъ странно видѣть смертный приговоръ украинофильству въ видѣ предисловія къ сборнику саратовскихъ пѣсенъ, грянувшій изъ Петровска!

Прослѣдимъ аргументацію г. Соколова.

„Въ настоящее время вообще великорусскія пѣсни и особенно краткіе стихи „мотани“ распѣваются малоруссами и отчасти наоборотъ: малорусскія пѣсни—великоруссами; для Саратовской губерніи это—заурядное явленіе“. „Малоруссы не только охотно перенимаютъ великорусскія пѣсни, но даже свои собственныя новѣйшія пѣсни слагаютъ на общерусскомъ (?) языкѣ, а не на малорусскомъ нарѣчіи“. „Въ настоящее время рѣчь малоруссовъ, живущихъ въ Саратовской губерніи, настолько сблизилась съ общерусской, что саратовско-малорусскій говоръ можно относить къ числу великорусскихъ говоровъ, а не малорусскихъ. Саратовскіе малоруссы сами сознаютъ это, говоря, что они скорѣе поймутъ русскаго (великорусса), чѣмъ полтавскаго или кіевскаго хохла. Объ украйнофильскихъ книжонкахъ (sic!), вродѣ произведеній Тараса Шевченка, малоруссы выражаются вполнѣ презрительно: „ни по-русски, ни по-хохлацки“. „Сліяніе малоруссовъ съ великорус-

сами—отрадно и поучительно". „Признавая возможность и даже неизбѣжность слiянiя всѣхъ русскихъ племенъ въ общерусскомъ единствѣ и восхваляя политику старо-русскихъ и старо-московскихъ великихъ князей—обрусителей, я рѣзко расхожусь по данному вопросу съ славянофиломъ (sic) М. Кояловичемъ, который думалъ какъ разъ наоборотъ, что и не удивительно: славянофилы никогда не были послѣдовательными русскими націоналистами".

„Выводъ изъ сравненія обще-русской, южно-великорусской и малорусской фонетики, обще-русскаго, южно-великорусскаго и малорусскаго словарей: если сравнивать малорусскую рѣчь съ обще-русскою (литературною), то можно говорить о малорусскомъ нарѣчіи; если же непосредственно сравнить малорусскую рѣчь съ южно-великорусскою, то нельзя говорить не только о малорусскомъ языкѣ, но и о малорусскомъ нарѣчіи,—можно будетъ признать существованіе только малорусскаго говора". „Старо-московскій говоръ (разновидность южно-великорусскаго) былъ еще болѣе сходенъ съ малорусскимъ нарѣчіемъ, чѣмъ современный южно-великорусскій". „Выводъ: южно-великоруссы и малоруссы вышли изъ первобытнаго (?) единства и, благодаря счастливому повороту исторической жизни, къ нему и возвращаются, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (поволжскихъ, Донской области) уже возвратились". „Если сравнить областную рѣчь съ обще-русскою (литературною), то можно говорить о русскихъ нарѣчіяхъ, если же сравнить эти нарѣчія непосредственно другъ съ другомъ, то у насъ не будетъ нарѣчій, а только говоры: великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій. Теперь уже (!) легко понять происхожденіе убѣжденнаго украйнофильства: украйнофильство—недомысліе или софизмъ,—украинофилы ошибочно отождествили обще-русскую рѣчь съ великорусскою и изъ различія малорусской и обще-русской рѣчи сдѣлали заключеніе о существенномъ отличіи малорусской рѣчи отъ областной великорусской". „Если бы малоруссы такъ же отличались отъ великоруссовъ, какъ негры отъ шведовъ, то и въ этомъ случаѣ не могло бы быть рѣчи о малорусской народности, такъ какъ малоруссы вмѣстѣ съ великоруссами и бѣлоруссами составляютъ одну историческую національность" (sic).

Существованіе „малорусскаго литературнаго или, точнѣе сказать, украйнофильскаго языка" „не оправдывается ни исторіей, ни этнографіей: малорусская національность не говоритъ по-украйнофильски *), потому что подобной національности нѣтъ (sic) и никогда не было, малорусскіе крестьяне не знакомы ни съ малорусскимъ языкомъ, ни съ малорусскимъ нарѣчіемъ, потому что въ дѣйствительности существуютъ только малорусскіе говоры и подговоры (sic). Чуждый малоруссамъ украйнофильскій языкъ по своей безполезности и искусственности отчасти напоминаетъ офенскій языкъ и тарабарскій". „Въ виду національнаго и этнографическаго единства русскихъ племенъ всякаго рода русскій сепаратизмъ: малорусскій, бѣлорусскій, сибирскій и т. п.—не имѣетъ смысла и разумнаго основанія. На Руси наиболѣе силы имѣлъ украйнофильскій сепаратизмъ,—теперь украйнофильство значительно ослабѣло. За исключеніемъ небольшого количества убѣжденныхъ украйнофиловъ, т.-е. невѣждъ и наивныхъ романтиковъ, всѣ современные украйнофилы являются просто полонофилами или недоляшками,—при этомъ украйнофилы великорусскаго происхожденія играютъ роль ту-

---

*) Нужно помнить, что подъ „украйнофильскомъ" языкомъ г. Соколовъ разумѣетъ языкъ малорусской литературы вообще и Шевченка въ частности.

шинцевъ, а украйнофилы малорусскаго происхожденія—роль мазепинцевъ".

Мы выбрали всѣ существенныя положенія г. Соколова. Опускаемъ курьёзы—вродѣ: „какъ нѣтъ французовъ и французиновъ (sic), такъ не можетъ быть двухъ народовъ: русскихъ и русиновъ", „думается мнѣ, что во всякой русской губерніи можно записать не менѣе 10,000 русскихъ народныхъ пѣсенъ и не менѣе 500 былинъ и историческихъ пѣсенъ" и проч.

Аргументація г. Соколова, какъ легко можно видѣть, не отличается хитростью и чаще всего основана на незамысловатыхъ недоразумѣніяхъ. Все украйнофильское движеніе совершенно произвольно сводится къ одному языку. Этотъ языкъ признается искусственнымъ—даже у Шевченка—только потому, что нѣкіе извѣстные г. Соколову саратовскіе хохлы, по его словамъ обрусѣвшіе, относились презрительно къ сочиненіямъ Шевченка и плохо понимали ихъ. Забыто то, что въ основу малорусскаго литературнаго языка, какъ всякаго литературнаго языка, легло одно нарѣчіе, которое пополнялось элементами другихъ нарѣчій,—забыта его роль у галицкихъ русиновъ (увы, они есть, хотя, дѣйствительно, французиновъ нѣтъ, по остроумному выраженію г. Соколова!). Филологическія выкладки г. Соколова, столь рѣзко расходящіяся со всею филологическою наукою и посрамляющія такихъ невѣждъ, какъ Миклошичъ, Ягичъ, Потебня и мн. др., отличаются большимъ своеобразіемъ: нѣсколькихъ сходныхъ словъ и звуковыхъ особенностей достаточно для отождествленія и самаго широкаго вывода. Такимъ способомъ легко доказать тождество любого изъ русскихъ нарѣчій съ словинскимъ, чешскимъ, польскимъ и проч.

Откуда г. Соколовъ взялъ, что въ изслѣдованіяхъ о малорусскомъ языкѣ онъ сравнивается только съ обще-русскимъ? Неужели онъ не знаетъ, что лексическія совпаденія могутъ имѣть значеніе только тогда, когда будетъ въ общихъ чертахъ извѣстна исторія этихъ словъ, такъ какъ сходство можетъ быть объясняемо случайностью, позднимъ вліяніемъ или древнимъ единеніемъ, можетъ охватывать большую или меньшую территорію и проч.

Названіе *Кобзаря* Шевченка „украйнофильской книжонкой", украйнофиловъ—невѣждами, наивными романтиками, полонофилами, тушинцами и мазепинцами мы считаемъ прямо неприличными. Въ вопросахъ о говорѣ, нарѣчіи и языкѣ г. Соколовъ путается, по характерному малорусскому выраженію, „якъ хлопецъ въ батькивскихъ штаняхъ". Впрочемъ, развязность выступленія и наступленія чаще всего опредѣляется легкостью и даже скудостью багажа—въ особенности у „послѣдовательныхъ русскихъ націоналистовъ".

ЭТНОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа". Вып. XXI. – „Родные курорты". Очерки и картинки *В. В. Святловскаго.*

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXI. Тифлисъ, 1896 г. Въ I отдѣлѣ XXI выпуска *Сборника* помѣщены статьи историческаго и описательнаго содержанія: Е. С. Такашивили—*Историческія приписки двухъ конклосовъ и хронологическій перечень событій по нѣкоторымъ другимъ источникамъ* и *Два акта*

католикоса Дементія III, данные въ Константинополѣ; Н. П. Остроумова — *Мусульманское представленіе о Кавказскомъ хребтѣ (Кухи-Кафъ),* въ которомъ названіе Кафъ пріурочивается не къ Кавказу, но къ Киндукуису, причемъ баснословные Гогъ и Магогъ, упоминаемые въ Библіи и Коранѣ, отнесены къ жителямъ этой горной страны; В. И. Дѣвицкаго—*Каникулярная поѣздка по Эриванской губерніи и Карской области,* дающая свѣдѣнія о ближайшихъ мѣстахъ къ Арарату и долинѣ Аракса; В. А. Емельянова—*Елизаветполь и его окрестности въ орнитологическомъ отношеніи, съ нѣкоторыми сказаніями мѣстныхъ татаръ о птицахъ;* С. О. Мельникова-Разведенкова—*Боспоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ* знакомитъ съ отдаленнымъ прошлымъ греческихъ колоній по обоимъ берегамъ Керинскаго пролива и указываетъ на связь народовъ Кавказа съ классическимъ міромъ. Статья сопровождается объясненіями Е. Вейденбаума. Во II отдѣлѣ заключаются сказки адербеджанскихъ татаръ, киргизовъ, горскихъ татаръ, грузинъ, армянъ и грековъ. Сказка *Богатырь Гасанъ* (татарская) заключаетъ мотивъ о похищеніи красавицы и смѣломъ подвигѣ ея избавленія изъ плѣна (ср. Змѣй-Горынычъ русскихъ сказокъ). Въ сказкѣ *Царевичъ Асланъ и диво* разрабатывается сюжетъ о матери предательницѣ и притворной болѣзни, столь распространенный въ сказкахъ Европы, Азіи и Африки. Сказка *Невѣрная жена и вѣрная невѣста* проводитъ мысль о томъ, что нельзя огуломъ осуждать женщинъ: если есть невѣрныя жены, готовыя посредствомъ убійства отдѣлаться отъ мужа, то найдутся вѣрныя невѣсты, которыя свято хранятъ память погибшаго жениха, мстятъ за него и даже лишаютъ себя жизни, не желая жить безъ него. Сказка *О двухъ братьяхъ,* по своему мотиву—превращенію дѣвушки въ мужчину—можетъ быть сближена съ имеретинской *О дочери царскаго эконома.* Параллели сказаній о половой метаморфозѣ существуютъ въ классической литературѣ, въ восточныхъ сказкахъ и средневѣковыхъ легендахъ. Сказка *Пашамъ-бѣднякъ* отличается оригинальной комбинаціей нѣсколькихъ мотивовъ. *Богатырь Еуешей, сынъ Еуея,* принадлежитъ къ разряду нартовскихъ сказаній, распространенныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Сказаніе объ *Ашуранѣ* имѣетъ сюжетомъ трагическую судьбу этого Прометея грузинъ и осетинъ. Одна любопытная подробность должна быть отмѣчена сравнительно съ прежними его варіантами: „Когда Аширанъ бывалъ на небѣ, то І. Христосъ воспретилъ ему уносить оттуда огонь, но онъ не послушался, видя, что люди нуждаются въ огнѣ; этимъ онъ навлекъ на себя гнѣвъ Божій". Въ статьѣ г. Джапаридзе *Народные праздники и повѣрья рачинцевъ* описываются обычаи, связанные у рачинцевъ съ празднованіемъ „Четверга поросятъ", „бо слоба" и др. Въ концѣ этого отдѣла приводятся адыгскіе (черкесскіе) тексты сказокъ и пѣсенъ; сопровождаются они объяснительнымъ словаремъ и грамматическими замѣтками, составленными г. Лопатинскимъ. Новинкой въ этомъ выпускѣ является весьма полезный указатель мотивовъ сказокъ съ указаніемъ параллелей.

Родные курорты. Очерки и картинки. В. В. Святловскаго. Одесса, 1897 г. Цѣна 1 р. Заглавіе книжки можетъ ввести въ заблужденіе публику, ожидающую найти въ ней описаніе разныхъ русскихъ „курортовъ". Г. Святловскій даетъ только „очерки" кавказскихъ минеральныхъ водъ,—такъ называемыхъ „группъ" Пятигорска, Кисловодска, Эссентуковъ и Желѣзноводска, и добавляетъ къ этому „картинки" Военно-Грузинской дороги и Тифлиса. Все это не болѣе какъ

случайныя замѣтки туриста, наскоро прокатившагося по описываемымъ мѣстамъ, успѣвшаго посмотрѣть лишь кое-что, но далеко не все даже на томъ пути, который онъ проѣхалъ, и на тѣхъ станціяхъ, гдѣ онъ останавливался. Въ этихъ „очеркахъ и картинкахъ“ читатель не найдетъ ничего такого, что не было бы описано съ бо̀льшими подробностями и обстоятельностью въ любомъ путеводителѣ по Кавказу. Ничего новаго нѣтъ и въ отрывочныхъ и поверхностныхъ разсужденіяхъ автора о настоящемъ положеніи кавказскихъ минеральныхъ водъ и о способахъ ихъ лучшаго устройства. Г. Святловскій отмѣчаетъ всѣмъ извѣстные непорядки, отталкивающіе посѣтителей отъ нашихъ минеральныхъ водъ и заставляющіе больныхъ уѣзжать лѣчиться въ чужіе края, гдѣ жить удобнѣе, дешевле и для здоровья полезнѣе, и затѣмъ говоритъ: „За границей, когда открываются новыя воды, то всѣ стараются поднять и поддержать ихъ,—и геологъ, и химикъ, и кабинетный ученый, и знаменитый клиницистъ, и печать, и, наконецъ, само общество“ .. А у насъ, наоборотъ, „всѣ точно сговорились нарочно задушить“ курортъ, „всѣ нападаютъ на него съ какимъ-то непонятнымъ злорадствомъ и ожесточеніемъ, и о поддержкѣ, при благомъ начинаніи, при всякомъ новшествѣ, не можетъ быть и рѣчи... А само общество разсуждаетъ такъ: пока что, пускай они тамъ грызутся и устраиваются, наше дѣло сторона, мы можемъ и за границу съѣздить...“ Любопытно было бы знать, что же, по мнѣнію г. Святловскаго, можетъ сдѣлать „общество“, освѣдомленное изъ разсказовъ, изъ газетъ, изъ книгъ и, между прочимъ, изъ „очерковъ“ самого г. Святловскаго, о томъ, какъ скверно, дорого и негигіенично все устроено въ „родныхъ курортахъ“? Должно быть, въ утѣшеніе общества и ради приманки, авторъ расписываетъ все то, что „предположено завести“ на минеральныхъ группахъ, и заканчиваетъ обѣщанія внушеніемъ: „Такимъ образомъ воды въ настоящее время переживаютъ эпоху кипучей преобразовательной работы, и это обстоятельство не должно упускать изъ виду всѣмъ многочисленнымъ ихъ критиканамъ и хулителямъ“. Отъ души желаемъ, чтобы „кипучая работа“ привела къ чему-нибудь дѣльному и хорошему, но думаемъ, что самая эта „работа“ вызвана обличеніями нашихъ курортныхъ безобразій „критиканами и хулителями“ и нежеланіе общества за большія деньги испытывать на себѣ такія безобразія, для устраненія которыхъ потребовались „кипучая работа“ и огромныя затраты казенныхъ средствъ. Вотъ когда все „предположенное“ будетъ сдѣлано, тогда общество посмотритъ, посравнитъ и направится лѣчиться и развлекаться туда, гдѣ окажется лучше, удобнѣе и дешевле. А зазываньемъ, „предположеніями“ и обѣщаніями никого не заманишь ни на какой родной курортъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

„Die preussische Central-Genossenschaftskasse“. *Dr Carl Heiligenstadt.* — „Вопросы народнаго образованія въ Москов. губ.“. Сост. земскій статистикъ *В. В. Петровъ.*

Die preussische Central-Gennossenchaftskasse, D-r Carl Heiligenstadt. Ver. v. Gustav Fischer. Iena. 1897. Въ небольшой книжкѣ авторъ знакомитъ съ исторіей возникновенія и съ основными чертами организаціи учрежденія, которому съ первыхъ же шаговъ суждено было занять весьма видное мѣсто въ системѣ учрежденій для мелкаго кредита. Ни въ одной странѣ мелкому кредиту такъ не посчастливи-

лось, какъ въ Германіи, а созданные тамъ типы мелкихъ кредитныхъ банковъ и другихъ кооперативныхъ товариществъ получаютъ съ каждымъ годомъ все большее и большее распространеніе въ другихъ странахъ. Возникшіе въ Германіи по почину Шульце Делича народные банки сосредоточивали свою дѣятельность преимущественно въ городахъ, гдѣ служили интересамъ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и промышленниковъ, и этотъ типъ долгое время пользовался исключительнымъ признаніемъ и вытѣснялъ всѣ другіе. У насъ мелкій кредитъ въ лицѣ ссудосберегательныхъ товариществъ является прямымъ перенесеніемъ шульце-деличевскихъ народныхъ банковъ на нашу почву. Наряду съ этими банками фигурировали и сельскіе банки съ совершенно другою организаціей, приспособленные для сельскаго населенія, но только въ послѣднее время они стали занимать все болѣе и болѣе видное мѣсто, а число ихъ стало даже превосходить число народныхъ банковъ шульце-деличевскаго типа. Обязанные своимъ возникновеніемъ Райффейзену, сельскіе банки съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ все больше и больше сторонниковъ, а положенныя въ основаніе черты организаціи пользуются теперь признаніемъ какъ наиболѣе соотвѣтствующія нуждамъ и интересамъ крестьянскаго населенія. Въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ государственными учрежденіями, а съ свободнымъ проявленіемъ коопераціи, того общественнаго движенія, которое въ Германіи охватило широкіе слои населенія. Въ лицѣ народныхъ банковъ, сельскихъ кассъ, товариществъ для сбыта молочныхъ продуктовъ, банковъ для покупки скота, для продажи хлѣба, покупки орудій и сѣмянъ, совмѣстной продажи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, потребительныхъ товариществъ мы видимъ широкое проявленіе кооперативнаго движенія, пустившаго въ Германіи глубокіе корни. Для упроченія мелкихъ банковъ и товариществъ на-ряду съ ними существуютъ центральные банки, союзы и товарищества, объединяющіе товарищества отдѣльныхъ округовъ и провинцій. Такого рода центральные союзы созданы товариществами обоихъ типовъ, такъ какъ потребность въ нихъ ощущалась одинаково какъ народными банками шульце-деличевскаго типа, такъ и сельскими кассами райффейзеновскаго типа. Провинціальные союзы и товарищества объединяются въ свою очередь въ болѣе крупные союзы, такъ что получается цѣлая сѣть учрежденій, преслѣдующихъ тѣ же цѣли. Мелкое товарищество или касса, состоящая изъ небольшого числа участниковъ въ какой-нибудь глухой деревнѣ или небольшомъ городкѣ, можетъ, благодаря этой счастливой организаціи, пользоваться поддержкой крупныхъ центральныхъ банковъ и пріобрѣтать связь съ крупными денежными рынками. Учрежденная въ 1895 году прусская центральная товарищеская касса является высшею ступенью развитія въ цѣлой сѣти товарищескихъ организацій, возникшихъ совершенно самостоятельно по частной инціативѣ безъ всякаго государственнаго содѣйствія.

Авторъ подробно останавливается на исторіи возникновенія центральной товарищеской кассы, выясняетъ цѣли, которыя она преслѣдуетъ. Книжка эта прочтется съ пользою всѣми, интересующимися вопросомъ объ организаціи кредита въ странѣ, занимающей въ этомъ отношеніи безспорно первое мѣсто. Особенный интересъ она пріобрѣтаетъ еще потому, что въ ней выясняются участіе и содѣйствіе правительства къ развитію учрежденій мелкаго кредита въ странѣ, въ которой такъ много уже сдѣлано на кооперативныхъ началахъ. Товарищеская касса получила отъ правительства основной капиталъ въ

20 милл. мар. и юридически носитъ характеръ самостоятельнаго учрежденія, не пользующагося правительственною гарантіей; цѣль ея—содѣйствовать дальнѣйшему распространенію мелкихъ банковъ, для чего она открываетъ кредитъ и устанавливаетъ отношенія не съ отдѣльными кассами, союзами и товариществами, а съ центральными товариществами. Книжка въ высшей степени поучительна для насъ еще и въ томъ отношеніи, что показываетъ, что правительство въ Пруссіи не останавливается предъ довольно крупными затратами для упроченія дѣла, признаваемаго по справедливости дѣломъ государственной важности.

Московское губернское земство. Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи. По порученію московской губернской земской управы составилъ земскій статистикъ В. В. Петровъ. 1897 г. Ц. 75 к. Настоящее изданіе имѣетъ особую цѣнность въ виду того, что заключающіяся въ немъ статьи являются плодомъ не кабинетной работы, а непосредственнаго изученія всѣхъ сторонъ школьнаго дѣла, причемъ здѣсь первое мѣсто занимаетъ статистическій матеріалъ, различныя комбинаціи котораго приводятъ въ концѣ-концовъ ко многимъ весьма существеннымъ выводамъ и заключеніямъ, имѣющимъ, помимо теоретическаго, еще и значительный практическій интересъ. Скоро наступитъ время, когда дѣятельность московскаго земства, направленная къ обезпеченію населенія губерніи необходимымъ количествомъ школъ, „дойдетъ до своего существеннаго конца и должна будетъ прекратиться, — говоритъ авторъ книги,—и не трудно предвидѣть, что послѣ того необходимо будетъ направить заботы на улучшеніе внутренней качественной стороны этого дѣла“. Но чтобы дѣятельность земства въ этомъ направленіи явилась сколько-нибудь планомѣрной, необходимо имѣть „возможно отчетливую картину дѣятельности современной земской школы со всѣми ея достоинствами, а главное—недостатками“. Въ рядѣ статей книги дѣйствительно передъ читателемъ развертывается постепенно картина современной дѣятельности земской школы,—картина, къ сожалѣнію, далеко неутѣшительнаго свойства. Впрочемъ, какъ увидимъ далѣе, отвѣтственность за такое положеніе вещей падаетъ отнюдь не на земство, и еще менѣе—на преподавателей школъ. Въ библіографической замѣткѣ не представляется возможнымъ остановиться на цѣломъ рядѣ интереснѣйшихъ заключеній, къ которымъ приходитъ г. Петровъ въ различныхъ главахъ книги, обнимающихъ, какъ уже сказано, почти всѣ стороны школьной жизни. Поэтому мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе любопытныхъ и характерныхъ для нашего времени, и притомъ выясняющихъ самый существенный вопросъ современной школы, самую больную сторону ея дѣятельности. Наша низшая школа, равно какъ и средняя, являются по существу учебными заведеніями *общеобразовательнаго* характера, между тѣмъ оказывается, что она, подобно средней, лишена этого характера и превращена теперь въ филологическую. Существовавшая общая схема программы для сельскихъ школъ предоставляла въ свое время полную возможность „приготовлять людей для всѣхъ поприщъ и для всякой дѣятельности“, и съ этою цѣлью, какъ объяснялъ тогда даже *Духовный Вѣстникъ* (изданія 1862 г.), „на обязанности христіанскаго пастыря лежитъ всѣми, имѣющимися у него средствами дѣйствовать къ усиленію и распространенію свѣта. Въ числѣ другихъ средствъ для этой цѣли,—продолжаетъ тотъ же духовный журналъ,—не слѣдуетъ пренебрегать и тѣмъ свѣтомъ, который можетъ быть сообщаемъ науками естественными“.

Однако, уже съ изданіемъ „инструкцій инспекторамъ народныхъ училищъ 29 октября 1871 г., а затѣмъ Положеніемъ 25 мая 1874 г., и принятіемъ въ качествѣ школьной программы правилъ объ испытаніи на льготу по воинской повинности устава 1 января 1874 г. постановка дѣла начальнаго образованія была,—говоритъ г. Петровъ,—значительно измѣнена. Проявленіе частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія было ограничено", и въ то же время опредѣленіе объема преподаваемыхъ предметовъ всецѣло поставлено въ зависимость „отъ личнаго усмотрѣнія инспектора". Просторъ же для „усмотрѣнія" предоставлялся неопредѣленностью программы. Такъ, наприм., по русскому письму ученикъ, желающій получить льготное свидѣтельство по воинской повинности, долженъ умѣть написать диктуемый отрывокъ... *безъ пропуска и искаженія словъ*, долженъ умѣть *отдѣлять предложенія знаками препинанія*. Какъ же воспользовались руководящія народными школами должностныя лица возможностью своего личнаго усмотрѣнія въ настоящемъ случаѣ? Очень просто. Являясь на экзамены, рѣшающія для оканчивающихъ курсъ народной школы деревенскихъ ребятъ вопросъ о льготномъ свидѣтельствѣ, эти лица довольно дружно стали требовать отъ экзаменующихся *вполнѣ* правильнаго въ орѳографическомъ смыслѣ письма и безошибочнаго грамматическаго разбора, причемъ неуспѣшность учениковъ въ этихъ отношеніяхъ отзывалась, такъ сказать, на формулярѣ учителя. Все это повело къ тому, что спрошенные губернскою земскою управой учителя школъ (земскихъ и церковно-приходскихъ) о томъ, на какой предметъ преподаванія обращаютъ они наибольшее вниманіе, отвѣчали почти единогласно—на грамматику. Многіе изъ нихъ съ огорченіемъ указываютъ при этомъ, что они теперь совершенно лишены возможности давать дѣтямъ въ своихъ школахъ какое бы то ни было образованіе и развитіе, ибо приходится посвящать массу трудовъ и времени на изученіе грамматическихъ тонкостей (требуемыхъ экзаменаторами), которые притомъ, по всеобщему свидѣтельству, забываются учениками вскорѣ же по выходѣ изъ школы, за полною ненужностью и неприложимостью этихъ знаній въ жизни крестьянина. Такимъ образомъ, въ настоящее время задача сельской школы сведена въ сущности къ преподаванію одной *грамотности* и къ ни на что ненужнымъ занятіямъ грамматикой и правописаніемъ. Въ этомъ отношеніи, для сравненія съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ духовнаго журнала 1862 года о задачахъ народной школы, не безъинтересно привести здѣсь маленькое извлеченіе изъ „объяснительной записки къ программѣ преподаванія русскаго языка въ церковно-приходскихъ школахъ" (изд. 1886 г., стр. 46). „При преподаваніи русскаго языка въ церковно-приходскихъ школахъ необходимо обращать исключительное вниманіе на изученіе языка, *а не задаваться побочными цѣлями, напримѣръ, сообщеніемъ учащимся разнообразныхъ свѣдѣній изъ окружающаго міра*", потому что, какъ говоритъ эта записка, „соединять предметные уроки съ обученіемъ грамотѣ не слѣдуетъ". Приведя эту цитату, авторъ книги выражаетъ сожалѣніе, что записка не указываетъ *причинъ* нежелательности такого соединенія. Довольно характернымъ показателемъ современнаго положенія является (въ настоящее время) постановка учебно-воспитательнаго дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ, дающихъ 50% учителей сельскихъ школъ и значительную группу учительницъ. Достаточно сказать, что, согласно особой табличкѣ, утвержденной, на основаніи § 57 общей инструкціи, попечителемъ учебнаго округа 10 января 1892 г.,

„наибольшее число часовъ классныхъ занятій удѣляется ею (въ семинаріяхъ) на Законъ Божій съ чтеніемъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ (12 часовъ въ недѣлю во всѣхъ трехъ классахъ) и на „русскій и церковно-славянскій языки (15 часовъ), *а наименьшее число часовъ—на главныя основанія педагогики*, чистописаніе, ручной трудъ (по 5 час.) и физику (3 часа въ недѣлю, т.-е. по 1 часу въ каждомъ классѣ)—и это въ спеціально-педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ, предназначенныхъ для приготовленія учителей такъ назыв. обще-образовательныхъ школъ! Что касается, въ частности, до такого предмета, какъ педагогика, занимающаго, какъ видно, въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ второстепенное или даже третьестепенное мѣсто, то, по словамъ автора книги, „довольно строго оботграниченная программа его ставитъ своею цѣлью—сообщить ученикамъ главнѣйшія основанія и правила учебно-воспитательнаго дѣла въ примѣненіи къ начальнымъ школамъ и ознакомить ихъ съ правами и обязанностями учителей этихъ школъ", причемъ, въ качествѣ руководства по этому предмету, можетъ быть данъ ученикамъ семинаріи *лишь* учебникъ какого-то И. Николаевскаго, а въ качествѣ учебныхъ пособій рекомендуются произвененія такихъ знаменитыхъ русскихъ педагоговъ, какъ гг. А. Барадовъ, Солонина и Н. Бѣлокопытовъ. И это въ то время, когда въ русской литературѣ имѣются сочиненія по настоящему предмету извѣстныхъ и ничѣмъ себя, сколько извѣстно, не скромпрометировавшихъ истинныхъ и талантливыхъ педагоговъ: Водовозова, Ушинскаго, Стоюнина, барона Корфа и другихъ, не говоря объ иностранныхъ, имѣющихся въ переводѣ на русскомъ языкѣ. Программа всеобщей и русской исторіи „скорѣе приближается къ программѣ курса городскихъ училищъ или прогимназій" (руководства: Беллярминова и Рождественскаго); изложеніе научной стороны естественной исторіи *„должно оставаться въ предѣлахъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній"*. Переходя далѣе къ воспитательнымъ цѣлямъ, которыя должны преслѣдовать учительскія семинаріи, авторъ книги цитируетъ оффиціальныя инструкціи, изъ 352 правилъ которыхъ—70 относятся къ лицамъ завѣдывающимъ семинаріями и обучающимъ въ нихъ, 139—къ воспитанникамъ, а остальныя имѣютъ въ виду точно и опредѣленно регламентировать различнаго рода внутренніе распорядки въ семинаріяхъ.

При составленіи послѣдней главы своей интересной книги, озаглавленной *Преподаватели и преподавательницы земскихъ школъ*, В. В. Петровъ пользовался, между прочимъ, и свѣдѣніями, сообщенными учителями Московской губерніи—бывшему комитету, нынѣ обществу, грамотности, доставленными ему предсѣдателемъ „коммиссіи объ учителяхъ" В. А. Гольцевымъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Извѣстія Южно-Русскаго общества акклиматизаціи". № 1.—„Естественная исторія въ разсказахъ, живописующихъ природу, нравы и обычаи животныхъ". *Альфреда Маймьса.*

Извѣстія Южно-Русскаго общества акклиматизаціи. № 1. Харьковъ, 1897 г. Передъ нами первый выпускъ трудовъ новаго ученаго общества, возникшаго только весной прошлаго 1896 года. Цѣль новаго общества—изученіе новыхъ и мало извѣстныхъ, полезныхъ для сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности живот-

ныхъ и растеній, улучшеніе мѣстныхъ породъ животныхъ и растеній и акклиматизація новыхъ, охраненіе рыбы и разведеніе ея, посредничество въ дѣлѣ снабженія хозяевъ сѣменами, племенными животными и т. п., распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній и, наконецъ, распространеніе въ средѣ подрастающаго поколѣнія любви къ изученію природы, къ древонасажденію, разведенію различныхъ полезныхъ животныхъ и вселеніе въ немъ сознанія важности охраненія общественныхъ и частныхъ садовъ, питомниковъ, защиты полезныхъ дикихъ птицъ и т. п. Послѣдняя сторона дѣятельности общества, какъ мы видимъ, носитъ педагогическій характеръ, и этого нельзя не привѣтствовать, ибо всякому знакомому съ жизнью деревни хорошо извѣстно, какъ часты случаи опустошенія садовъ, уничтоженія гнѣздъ птенцовъ и т. п. проявленія некультурности нашего народа. Новое изданіе прежде всего предназначено служить точнымъ отраженіемъ дѣятельности новаго общества, а потому на первомъ планѣ будетъ содержать: журналы засѣданій общества и его отдѣленій, доклады, прочитанные въ этихъ засѣданіяхъ, и отчеты по связаннымъ съ обществомъ учрежденіямъ. При дальнѣйшемъ развитіи изданія въ немъ найдутъ мѣсто и болѣе обширныя статьи по различнымъ вопросамъ акклиматизаціи. Въ первомъ выпускѣ *Извѣстій* мы находимъ рѣчь проф. А. Ѳ. Брандта о задачахъ Южно-Русскаго общества акклиматизаціи, произнесенную имъ на первомъ засѣданіи общества, докладъ М. А. Зарембы по вопросу объ искусственномъ разведеніи рыбы ради увеличенія доходоости сельскихъ хозяйствъ вообще и крестьянскихъ въ особенности, и описаніе интересныхъ опытовъ проф. А. Н. Краснова надъ акклиматизаціей цѣлаго ряда китайскихъ полезныхъ растеній въ Харьковѣ.

Естественная исторія въ разсказахъ, живописующихъ природу, нравы и обычаи животныхъ. Альфреда Майльса. Переводъ съ англійскаго Марка Басанина. Спб., 1897 г. Стр. 173. Ц. 50 к. Мы удивляемся, что редакція журнала *Природа и Люди* могла выбрать эту книжку въ качествѣ приложенія и удостоить ее перевода на русскій языкъ. Авторъ обнаруживаетъ во многихъ случаяхъ полное незнакомство съ зоологіей, относя, напримѣръ, морскую свинку къ насѣкомояднымъ (стр. 30), а китовъ—къ ластоногимъ. Разсказы изъ жизни животныхъ расположены въ порядкѣ классификаціи, но при этомъ въ большинствѣ случаевъ не дается никакой характеристики ни отдѣльныхъ животныхъ, ни цѣлыхъ отрядовъ, не дается также и толковаго описанія образа жизни животныхъ, а все сводится къ анекдотамъ, болѣе или менѣе фантастическаго характера, или къ такимъ фактамъ, которые вовсе не типичны для образа жизни даннаго животнаго. Обращая вниманіе на мелочи и анекдоты, авторъ не говоритъ часто ни слова объ образѣ жизни самыхъ обыкновенныхъ животныхъ; такъ, про зайца у него разсказано два случая: какъ заяцъ спрятался въ колодезь и подъ ворота, избѣгая преслѣдованія, но про образъ жизни зайца читатель не узнаетъ ничего. Про сурка сказано буквально только слѣдующее: „Сурокъ водится въ умѣренномъ климатѣ какъ стараго, такъ и новаго свѣта. Сурокъ легко дѣлается ручнымъ и во Франціи бѣдняки-савояры ходятъ съ нимъ по городамъ и показываютъ его за деньги“. Такихъ ничего не значущихъ замѣчаній мы находимъ въ книгѣ множество, а какихъ-либо дѣльныхъ свѣдѣній и интересныхъ біологическихъ данныхъ почти вовсе не находимъ, такъ что включеніе книжки А. Майльса въ серію „Полезной библіотеки“ кажется намъ особенно страннымъ.

УЧЕБНИКИ.

„Учебникъ зоологіи для студентовъ университета и высшихъ учебныхъ заведеній". *Н. Бобрецкаго*.—„Учебникъ пчеловодства". *Л. А. Потѣхина*. — „Практическая русская грамматика". Вып. I. Сост. *Л. Шакинъ*. — „Сборникъ образцовъ русской словесности для выразительнаго чтенія и заучиванія наизусть". Сост. *П. Дмитріевъ*.— „Справочный церковно-славянскій словарь". Сост. *А. Гусевъ*. — „Краткій учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ". Состав. *С. Бородинъ*.— „Первые уроки географіи, примѣненные къ потребностямъ школъ съ инородческимъ элементомъ". Сост. *И. С. Штейнгауэръ*.— „Deutsche Fibel oder erstes Lesebuch für die Kirchenschulen der ehemaligen deutschen Kolonien in Russland". *Von K. Schölzel*.—„Сборникъ образцовъ русской литературы для выразительнаго чтенія и заучиванія наизусть". *А. Соловьева*.

Учебникъ зоологіи для студентовъ университета и высшихъ учебныхъ заведеній. Н. Бобрецкаго. Съ 546 политипажами. Кіевъ, 1897 г. Ц. 5 р. Въ университетахъ зоологія читается и на медицинскомъ и на естественномъ факультетахъ, причемъ объемъ курса и характеръ его совершенно различны въ обоихъ случаяхъ; по объему, напримѣръ, курсъ для медиковъ раза въ четыре меньше, чѣмъ курсъ для естественниковъ, принимая во вниманіе число отводимыхъ на зоологію часовъ; въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ курсы зоологіи носятъ различный характеръ, смотря по тому, о какого рода заведеніи идетъ рѣчь (ветеринарный институтъ, сельско-хозяйственный, лѣсной институтъ); въ виду этого весьма мудрено, пожалуй, даже невозможно, написать учебникъ, годный для столь разнообразныхъ курсовъ. Такой цѣли могъ бы удовлетворить учебникъ весьма обширный, въ которомъ были бы подробно изложены и данныя теоретической зоологіи, необходимыя для курса студентовъ естественниковъ и болѣе подробныя практическія свѣдѣнія, касающіяся вопросовъ паразитизма, вредныхъ насѣкомыхъ и т. п. Между тѣмъ новый учебникъ зоологіи проф. Бобрецкаго весьма кратокъ и мысль, что онъ можетъ годиться для любого курса зоологіи любого высшаго заведенія, не можетъ считаться справедливой. Большихъ подробностей относительно паразитовъ и вредныхъ животныхъ мы въ этой книгѣ не находимъ, такъ что она не годится въ качествѣ зоологіи спеціально медицинской или сельскохозяйственной, хотя по объему книга болѣе всего, пожалуй, подходитъ къ краткому медицинскому курсу. Что касается курса естественнаго факультета, то для него названный учебникъ можетъ считаться положительно черезчуръ краткимъ. Достаточно сказать, что сложному и обширному типу иглокожихъ отведено всего 23 страницы, изъ которыхъ весьма значительная часть занята рисунками (есть нѣсколько рисунковъ въ полстраницы каждый и много болѣе мелкихъ). Цѣлый рядъ интересныхъ формъ, какъ, напримѣръ, *Polygordius*, *Phoronis*, *Orthonectidae*, *Dicyemidae* и др.—не названы вовсе въ учебникѣ, а кромѣ того, кое-гдѣ при описаніи большихъ группъ, не указано ни одного ихъ представителя. Что касается того матеріала, который вошелъ въ учебникъ, надо сказать, что онъ хорошо обработанъ и изложенъ яснымъ, хорошимъ языкомъ. Рисунки сдѣланы весьма чисто, не цинкографіей, а рѣзьбой по дереву; можно только замѣтить, что къ иллюстрированію безпозвоночныхъ приложено больше старанія, чѣмъ къ иллюстрированію позвоночныхъ. Въ общемъ новое руководство можетъ быть рекомендовано какъ minimum для экзаменаціонной подготовки студентовъ естественнаго факультета и какъ учебникъ, годный для медиковъ, хотя мало приспособленный къ спеціальнымъ медицинскимъ требованіямъ.

Учебникъ пчеловодства. Л. А. Потѣхина. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб., 1897 г. Ц. 60 к. Краткій учебникъ пчеловодства. Л. А. Потѣхина. Спб., 1897 г. Ц. 30 к. Такъ какъ вторая изъ этихъ книжекъ представляетъ простое сокращеніе первой, то объ обѣихъ слѣдуетъ говорить одновременно. Учебникъ, составленный Л. А. Потѣхинымъ, имѣлъ несомнѣнный успѣхъ, разъ въ сравнительно короткое время первое изданіе разошлось и надо сказать, что книжка эта обладаетъ несомнѣнными достоинствами. Авторъ ея исключительно компиляторъ, но компиляторъ опытный и умѣлый, и если въ книгѣ его мы не находимъ результатовъ личнаго опыта и никакихъ оригинальныхъ мыслей, совѣтовъ и указаній, то, съ другой стороны, не видно и грубыхъ ошибокъ и какихъ-либо серьезныхъ промаховъ, такъ какъ авторъ старательно изучилъ произведенія корифеевъ пчеловодной литературы. Однако, это не избавляетъ его отъ нѣкоторыхъ неточностей и несправедливыхъ мнѣній. Такъ, говоря о породахъ пчелъ, онъ категорически заявляетъ, что кавказская пчела и итальянская—одно и то же, что никѣмъ не было доказано. Притомъ же терминъ „кавказская пчела“ весьма неясенъ, ибо на Кавказѣ существуетъ нѣсколько совершенно различныхъ мѣстныхъ породъ пчелъ. Говоря о роеніи, авторъ не совѣтуетъ брать отъ семьи „болѣе трехъ“ роевъ. Несомнѣнно, что никому нельзя совѣтовать брать трехъ роевъ, да и два-то брать весьма рискованно. Авторъ категорически совѣтуетъ не допускать естественнаго роенія, а придерживаться исключительно искусственнаго, хотя нѣкоторые опытнѣйшіе пчеловоды держатся обратнаго мнѣнія.

Естественная исторія пчелы могла бы быть съ пользою для дѣла изложена подробнѣе, чѣмъ это сдѣлано г. Потѣхинымъ, такъ какъ книга предназначается, между прочимъ, для народныхъ учителей, которые, являясь сами преподавателями и распространителями пчеловодства, должны имѣть болѣе солидный запасъ теоретическихъ свѣдѣній. Что касается *Краткаго учебника*, передѣланнаго изъ болѣе подробнаго путемъ простого сокращенія съ сохраненіемъ не только детальнаго плана изложенія, но даже цѣликомъ многихъ фразъ, пожалуй, даже цѣлыхъ страницъ, то появленіе его въ свѣтъ ничѣмъ не оправдывается, кромѣ развѣ чисто коммерческихъ соображеній. *Учебникомъ* служить эта сокращенная книжка не можетъ, такъ какъ изъ нея выпущено многое существенное, а для того, чтобы дать человѣку, совершенно незнакомому съ пчелами и пчеловодствомъ, общее понятіе объ этихъ интересныхъ предметахъ, необходима совершенно иная манера изложенія: надо на первый планъ выдвинуть біологическіе вопросы и выяснить, что знаніе біологіи пчелы есть основа правильнаго пчеловодства, а мелочные вопросы техники неумѣстно излагать вкратцѣ, такъ какъ такое сокращенное изложеніе не можетъ имѣть практическаго значенія.

Практическая русская грамматика. Выпускъ первый: правописаніе и имя существительное. Составилъ Л. Шакинъ. Варшава, 1897 г. Цѣна 25 коп. *Практическая русская грамматика* грозитъ явиться безконечно длиннымъ руководствомъ, такъ какъ пока передъ нами одинъ первый выпускъ, но и для него понадобилось цѣлыхъ 89 страницъ, несмотря на то, что въ немъ изъ частей рѣчи одно только имя существительное. Правда, какъ пойдетъ дѣло дальше, это тайна г. Шакина, потому что онъ ничѣмъ не раскрываетъ своихъ дальнѣйшихъ намѣреній, и книжка его не имѣетъ ни предисловія, ни введенія, но если каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ только по

одной части рѣчи, то въ результатѣ можетъ получиться нѣчто чрезвычайно внушительное по объему. Есть, впрочемъ, маленькая надежда: въ концѣ книжки, именно передъ прибавленіемъ, г. Шакинъ неожиданно начинаетъ толковать о предложеніи и его составныхъ частяхъ; если такія неожиданности будутъ повторяться и въ слѣдующихъ выпускахъ, т.-е. если г. Шакинъ къ обѣщанному въ заглавіи будетъ прилагать въ видѣ сюрприза свои разсужденія о необѣщанныхъ имъ отдѣлахъ грамматики, то размѣры его учебника съ сюрпризами—надо думать—значительно сократятся.

Итакъ, *Практическая грамматика* чрезвычайно длинна, но не отличается ничѣмъ интереснымъ. Въ ней много упражненій, но они или очень старообразны, или очень вредны, каковы, напримѣръ, упражненія, въ которыхъ учащимся предлагается исправить исковерканныя слова (стр. 5 и др.); въ ней много примѣровъ, но такіе примѣры въ большинствѣ случаевъ „придуманы" на то или другое грамматическое правило и потому весьма мало вразумительны; въ ней много излишнихъ подробностей и тонкостей, но и подробности эти и тонкости не имѣютъ никакой цѣны. Вообще *практическихъ грамматикъ* на манеръ грамматики г. Шакина существуетъ на бѣломъ-свѣтѣ вполнѣ достаточно, и еслибъ ихъ было поменьше, а то и вовсе не было бы, едва ли бы объ этомъ приходилось жалѣть. Что г. Шакинъ имѣетъ въ виду, когда въ заглавіи перваго выпуска къ слову *имя существительное* прибавляетъ слово *правописаніе,* это опять-таки его секретъ. Въ этомъ *правописаніи* мы находимъ удареніе, составъ слова, „превращеніе согласныхъ буквъ", коренныя слова съ буквой *ѣ*, которыя, сказать кстати, излагаются стихами, и проч.; почему же все это носитъ общее названіе *правописанія?* Что касается насъ, мы затрудняемся отвѣтить на этотъ вопросъ.

Сборникъ образцовъ русской словесности, принятыхъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ Казанскаго учебнаго округа, для выразительнаго чтенія и заучиванія наизусть. Составилъ П. Дмитріевъ. Казань, 1897 г. Цѣна 25 коп. Не знаемъ, зачѣмъ понадобилось г. Дмитріеву составлять свою книжку. Въ Казанскомъ учебномъ округѣ, какъ и во всякомъ другомъ, конечно, бываютъ иной разъ отступленія отъ прохожденія произведеній, намѣченныхъ нормальной программой гимназій и прогимназій, это — во-первыхъ; а во-вторыхъ, трудно представить себѣ, чтобы въ Казанскомъ учебномъ округѣ былъ недостатокъ въ хорошихъ хрестоматіяхъ, между тѣмъ въ любой такой хрестоматіи собранные г. Дмитріевымъ образцы русской словесности помѣщаются всѣ за весьма немногими исключеніями. Можетъ быть, г. Дмитріевъ имѣлъ въ виду шрифтъ, такъ какъ для извѣстнаго возраста нужна болѣе крупная печать, а для другого болѣе мелкая; это различіе печати соблюдено у г. Дмитріева въ точности, но опять-таки хорошія хрестоматіи давно уже не оставляютъ желать ничего лучшаго съ этой стороны. Наконецъ, остается предположить, что г. Дмитріевъ желалъ помочь учащимся своимъ словаремъ, въ которомъ онъ даетъ разъясненія непонятныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ собранныхъ имъ образцахъ русской словесности; слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эти разъясненія сдѣланы составителемъ вовсе уже не такъ хорошо, да и казалось бы, что они были бы гораздо умѣстнѣе подъ текстомъ, какъ это дѣлается обыкновенно въ тѣхъ же хрестоматіяхъ: зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, учащимся отвлекаться отъ чтенія, чтобы дѣлать

справку въ словарѣ, и снова возстанавливать смыслъ прочитаннаго, когда возможно тутъ же, подъ текстомъ, дать какое угодно объясненіе?

Справочный церковно-славянскій словарь. Составилъ А. Гусевъ. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Москва, 1897 г. Цѣна 5 коп. *Справочный церковно-славянскій словарь,* составленный г. Гусевымъ и выходящій 2-мъ изданіемъ, представляетъ собою полезное пособіе какъ для начальныхъ училищъ, такъ и для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Заплативъ за него всего 5 коп., ученикъ любой школы, пользуясь имъ, не найдетъ для себя затрудненій при чтеніи Евангелія или другой священной книги, потому что въ немъ найдетъ переводъ, а часто и объясненіе тѣхъ или иныхъ церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ, равно какъ и названій и терминовъ, употребляющихся въ церковно-славянскихъ книгахъ. Этотъ переводъ и эти объясненія сдѣланы г. Гусевымъ вполнѣ толково. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на то, что разсматриваемый словарь до того миніатюренъ по размѣрамъ, что можетъ быть постоянно при ученикѣ, и во всякомъ случаѣ очень удобенъ, какъ справочная книжка. Такъ какъ, однако, несмотря на указанные размѣры словаря, печать въ немъ довольно крупная и онъ отличается безупречною грамотностью, то мы не сомнѣваемся, что за 2-мъ изданіемъ послѣдуютъ и дальнѣйшія.

Краткій учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. Составилъ С. Бородинъ. Москва, 1896 г. Цѣна 50 коп. Г. Бородинъ заявляетъ въ предисловіи, что при составленіи своего учебника онъ „пользовался изслѣдованіями по исторіи родного языка и по грамматикѣ, а также и тѣми замѣчаніями ученыхъ рецензентовъ, которыя были высказаны за послѣднія пятнадцать лѣтъ на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* относительно учебниковъ по русскому языку“. Надо предположить, что этими же изслѣдованіями пользовались и другіе составители другихъ учебниковъ русской грамматики, потому что, по всей справедливости, между этими другими учебниками и учебникомъ г. Бородина разницы очень мало. Въ разбираемой книжкѣ и неточныхъ опредѣленій, и ненужныхъ примѣчаній, и сбивчивыхъ разъясненій, и всякихъ условностей нисколько не менѣе, чѣмъ во всевозможныхъ грамматикахъ, и грамматика г. Бородина въ полномъ смыслѣ слова шаблонна. Даже и тѣми „особенностями“, которыя встрѣчаемъ мы здѣсь, г. Бородинъ повторяетъ такъ или иначе всѣ подобныя его учебнику книжки. Вотъ, напримѣръ, § 11. Онъ начинается со словъ, что „въ предложеніяхъ одно слово зависитъ отъ другого“, гдѣ знакомство съ предложеніемъ, очевидно, предполагается, а между тѣмъ до § 11 о томъ, что такое предложеніе, не сказано ни полслова. Въ § 12 г. Бородинъ увѣряетъ, что склоненій въ русскомъ языкѣ 4, хотя для такого дѣленія нѣтъ никакой необходимости. Въ § 18 и въ другихъ онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія того, что дѣйствительно не должно смѣшиваться (творит. пад. *ею* и *ію*), но такъ какъ это разумѣется само собою, то всякія предостереженія представляются совершенно излишними. Далѣе, существительныя, обозначающія время, по мнѣнію г. Бородина (§ 20), употребляются въ одномъ множественномъ числѣ, какъ будто нѣтъ такихъ существительныхъ, какъ *день, недѣля* и проч. Разъяснять, что такое сложное слово, г. Бородинъ принимается два раза (§ 5 и § 62) и т. д., и т. д. Согласимся, что всѣ эти „особенности“ встрѣчаются въ учебникахъ грамматики не

въ томъ, такъ въ другомъ видѣ и давнымъ-давно достаточно прискучили, чтобы не сказать больше. Новый учебникъ долженъ заключать въ себѣ дѣйствительно что-нибудь цѣнное, практичное и новое, а учебникъ г. Бородина ни того, ни другого, ни третьяго въ себѣ не заключаетъ.

Первые уроки географіи, примѣненные къ потребностямъ школъ съ инородческимъ элементомъ. Составилъ И. С. Штейнгауэръ. Изданіе шестое, исправленное Спб., 1896 г. Ц. 40 коп. Надо отдать справедливость г. Штейнгауэру: въ изданіяхъ своихъ *Первыхъ уроковъ географіи* онъ положительно неутомимъ и не даетъ, какъ говорится, ни отдыху, ни сроку. Въ 1895 г. вышло 5-е изданіе его *уроковъ*, а въ 1896 г. выходитъ уже 6-е: это, можно сказать, не просто выдающійся, но колоссальный успѣхъ. И замѣчательно: относительно 5-го изданія составитель увѣрялъ, что въ немъ учебникъ „окончательно переработапъ", а между тѣмъ передъ нами новое изданіе и тутъ къ словамъ на обложкѣ „изданіе шестое" прибавлено: „исправленное". Такимъ образомъ, г. Штейнгауэръ не только успѣваетъ выпускать одно изданіе за другимъ, но и каждое новое изданіе все улучшаетъ и исправляетъ.

Несмотря, однако, на неутомимость и на очевидный успѣхъ разбираемой книжки среди „школъ съ инородческимъ элементомъ", мы остаемся относительно *Первыхъ уроковъ географіи* при своемъ прежнемъ мнѣніи. Мы внимательно пересматривали этотъ учебникъ и продолжаемъ настаивать на сухости языка въ немъ, на излишнемъ количествѣ названій, на обиліи неясностей и неточностей въ изложеніи. Если I отдѣлъ, гдѣ примѣняется катехизическая форма изложенія, дѣйствительно, пригоденъ, удобенъ и цѣлесообразенъ, то этого никакъ нельзя сказать о тѣхъ частяхъ учебника, въ которыхъ находимъ обыкновенный описательный способъ передачи тѣхъ или иныхъ географическихъ свѣдѣній. По нашему убѣжденію, ученику инородцу очень трудно бываетъ справляться съ *Первыми уроками географіи*.

Deutsche Fibel oder erstes Lesebuch für die Kirchenschulen der ehemaligen deutshen Kolonien in Russland. In zwei Teilen. Herausgegeben von K. Schölzel. Zweite, vermehrte Auflage. Odessa, 1896. Обѣ части второго дополненнаго изданія *Erstes Lesebuch*, или *Первой книги для чтенія* на нѣмецкомъ языкѣ, составленной г. Шельцелемъ, отличаются одинаковыми достоинствами. Прочный переплетъ, чтобы книга не истрепалась до тѣхъ поръ, пока не минуетъ нужда въ ней, прекрасные рисунки, крупный и разборчивый шрифтъ, хорошая бумага, строгая послѣдовательность въ переходахъ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному, ознакомленіе учащихся послѣ нѣмецкаго шрифта со шрифтомъ латинскимъ,—вотъ тѣ качества разбираемаго учебника, которыя бросаются въ глаза сами собою. Еслибъ, однако, мы попробовали дать отчетъ въ выразительности примѣровъ, приводимыхъ г. Шельцелемъ, или остановились на содержательности его разсказовъ и стихотвореній, и тѣ, и другіе, и третьи оказались бы чрезвычайно нравоучительными, но мало интересными. И о *школѣ*, и о *семьѣ*, и о *человѣкѣ*, и о *домашнихъ животныхъ*, и обо всемъ, о чемъ разсказываетъ во второй части *Первой книги для чтенія* ея составитель, можно было подыскать что-нибудь гораздо позанимательнѣе. Вообще *Первая книга для чтенія* г. Шельцеля весьма обыкновенна, и мы можемъ повторить о ней то, что два года тому назадъ („Библіограф. отдѣлъ" *Русской Мысли* 1895 г., кн. VIII) говорили объ ея первомъ изданіи:

съ внѣшней стороны она хороша, но не заключаетъ въ себѣ никакихъ особенностей, которыя бы не встрѣчались въ другихъ учебникахъ того же рода.

Сборникъ образцовъ русской литературы, принятыхъ въ городскихъ училищахъ Казанскаго учебнаго округа для выразительнаго чтенія и заучиванія наизусть. А. Соловьева. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Казань, 1897 г. Цѣна 15 к. *Сборникъ* г. Соловьева выходитъ вторымъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ. Мы узнаемъ изъ этого сборника, что въ городскихъ училищахъ Казанскаго учебнаго округа въ теченіе 6 лѣтъ выучиваются наизусть и читаются выразительно 79 стихотвореній, басенъ и статеекъ, вродѣ *Днѣпра*—Гоголя, *Лебедя*—Аксакова, *Рейнскаго водопада*—Карамзина и проч. Казалось бы, что въ городскихъ школахъ ученіе наизусть и если не выразительное, то толковое чтеніе должно занимать первенствующее мѣсто, а что учащіеся за 6 лѣтъ прочтутъ и изучатъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ 79 стихотвореній, басенъ и статеекъ, но въ дѣйствительности, какъ оказывается, дѣло обстоитъ иначе, по крайней мѣрѣ, въ Казанскомъ учебномъ округѣ. Г. Соловьевъ, вѣроятно, возразилъ бы здѣсь намъ, что для чтенія, помимо его *Сборника*, учащіеся въ городскихъ училищахъ имѣютъ еще хрестоматію. Мы не сомнѣваемся въ этомъ, но въ то же время не можемъ не удивляться, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ существуетъ *Сборникъ* г. Соловьева: въ мало-мальски порядочной хрестоматіи печатаются обыкновенно всѣ собранныя составителемъ *Сборника* стихотворенія, басни и статейки, и слѣдовательно учащимся вовсе не зачѣмъ тратить на *Сборникъ* лишнихъ 15 коп., которыми г. Соловьевъ оцѣниваетъ свою книжку. Отсутствіе *Сборника* г. Соловьева при наличности хорошей школьной хрестоматіи важно и для учителей: имѣя подъ руками такую хрестоматію, послѣдніе не станутъ чувствовать необходимости ограничиваться непремѣнно матеріаломъ, предлагаемымъ г. Соловьевымъ, и, сообразно съ развитіемъ и успѣхами даннаго класса, принятое, по мнѣнію составителя *Сборника*, въ Казанскомъ округѣ стихотвореніе, басню или статейку замѣнятъ какимъ-нибудь другимъ стихотвореніемъ, другой басней или другой статейкой. Если г. Соловьевъ придаетъ особенное значеніе въ своей книжкѣ объясненіямъ нѣкоторыхъ словъ, приложеннымъ въ концѣ *Сборника*, то по поводу этихъ объясненій необходимо замѣтить, во-первыхъ, что ими удобнѣе бы было пользоваться, еслибъ составитель нашелъ возможнымъ помѣстить ихъ внизу каждой страницы, а во-вторыхъ, что объясненія эти весьма часто страдаютъ малою вразумительностью, а иногда и неправильностью; правильно ли, напримѣръ, объясненіе *каравана*, какъ „собранія путешествующихъ, идущихъ или ѣдущихъ вмѣстѣ“? (стр. 116).

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Сѣверный Вѣстникъ“, *августъ*.—„Русское Богатство“, *іюль*.—„Вѣстникъ Европы“, *августъ*.

„И удивительное множество народа въ семъ государствѣ не могутъ пропитывать себя, своихъ женъ и дѣтей, и такъ они обезкуражены нищетой и бѣдностью, что каждодневно занимаются воровствомъ и грабежами или печально умираютъ отъ голода и холода“.

Въ такихъ простодушныхъ и даже нѣсколько наивныхъ выраже-

ніяхъ описываетъ положеніе народа въ Англіи одинъ изъ законодательныхъ актовъ шестнадцатаго вѣка. Тамъ, начиная съ конца четырнадцатаго столѣтія, совершался процессъ обезземеленія крестьянства, обезлюденія деревни, дифференцированія ея населенія, процессъ, сопровождаемый появленіемъ массы безработныхъ англійскихъ *босяковъ*, *котовъ* и *раклов*ъ,—однимъ словомъ, людей обезкураженныхъ нищетой. Въ то время Моръ погружался въ свои мечтанія о королевствѣ „Нигдѣ“ и громилъ бездушныхъ, подобныхъ хищнымъ волкамъ, ландлордовъ; правительство тюдоровъ не было утѣшено надеждами на образующіяся сильныя группы зажиточнаго крестьянства и процвѣтаніемъ индустріи, а какъ мы видѣли изъ вышеупомянутаго акта, говорило жалкія слова и не желало утѣшаться размышленіями о неизбѣжномъ процессѣ капитализаціи, какъ процессѣ прогрессивномъ...

Несомнѣнно, что если существуетъ аналогія между явленіями дифференцированія деревни у насъ и въ другихъ странахъ въ прошломъ, то эта аналогія не доходитъ до тождества не только въ силу различія въ самомъ экономическомъ процессѣ, но и въ силу прибавленія къ этому процессу такихъ психическихъ факторовъ, какихъ въ другихъ странахъ, пожалуй, что и не существовало. Для англійскаго буржуя, для нѣмецкаго бюргера и т. д. эти безработные, эти обезкураженные были только упорными и бездѣльными нищими; ну, а для благополучнаго россіянина, тоже буржуя, они все-таки люди. Это, какъ хотите, разница, и разница значительная. Обусловливается такая разница отчасти вѣкомъ, а отчасти и самими особенностями экономическаго и соціальнаго строя. Напримѣръ, у насъ рѣдко кого радуетъ появленіе своего рода „собирателей земли русской“, какъ радовало такое появленіе не только многихъ тогдашнихъ англичанъ, но радуетъ и досел многихъ изъ ихъ благонамѣренныхъ историковъ и экономистовъ. Такой ужъ мы народъ, что насъ такими перспективами не обрадуешь. Какая доля разницы падаетъ на вліяніе вѣка и какая на вліяніе особенностей экономическаго строя, мы здѣсь разбирать не будемъ и ограничимся констатированіемъ факта нашего народолюбія.

Что самый фактъ вышеуказаннаго различія существуетъ, это доказывается хоть бы тѣмъ, что, несмотря на выразительность и яркость совершавшагося въ тогдашней Англіи процесса, — мы продолжаемъ держаться взятаго нами на выборъ сравненія, предоставляя самому читателю найти и другія аналогіи въ исторіи другихъ странъ и другихъ эпохъ, — такъ несмотря на выразительность и яркость процесса, въ литературѣ того времени мы не находимъ отраженія его. Даже самъ великій Шекспиръ и его предшественники не даютъ намъ отраженій такого крупнаго общественнаго явленія, какъ появленіе великаго множества обезкураженныхъ. Ну, а въ нашей сравнительно бѣдной литературѣ такія отраженія попадаются, хотя они, какъ уже сказано, и принадлежатъ къ числу литературныхъ явленій, пропущенныхъ нашею критикой, какъ это принято говорить... Правда и то, что тамъ, въ Англіи-то, этотъ процессъ отразился въ самой жизни, въ историческихъ событіяхъ; а у насъ онъ, повидимому, ни въ чемъ не отражается—опять разница, и на сей разъ разница между обществомъ активнымъ и обществомъ, въ силу историческихъ обстоятельствъ, сдѣлавшимся пассивнымъ.

Вотъ объ одномъ изъ такихъ пропущенныхъ нашею критикой литературныхъ проявленій соціально-экономическаго процесса, появленія людей обезкураженныхъ мы и намѣрены побесѣдовать съ читателемъ.

Къ сожалѣнiю, въ виду поставленныхъ нашему журнальному обозрѣнiю рамокъ, это собесѣдованiе наше можетъ быть только очень краткимъ.

Мы говоримъ о напечатанномъ въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* разсказѣ г. Горькаго: *Озорникъ*. Г. Горькiй писатель начинающiй, сколько намъ извѣстно; онъ выступилъ впервые какъ беллетристъ два года тому назадъ съ замѣчательнымъ во многихъ отношенiяхъ разсказомъ: *Челкашъ* (*Русское Богатство*, 1895 г.) и съ тѣхъ поръ писалъ онъ не много. Беллетристическiй его багажъ весьма незначителенъ. Помѣщенная въ нашемъ журналѣ и не имѣющая никакого отношенiя къ занимающей насъ теперь темѣ *Ошибка*; напечатанный въ мартовской книгѣ *Новаго Слова Коноваловъ*; сильный, коротенькiй, всего въ нѣсколько страницъ, очеркъ: *Въ степи*, въ закрывшемся одесскомъ журналѣ *Жизнь Юга*; нѣсколько мелкихъ разсказовъ въ томъ же журналѣ, и теперь *Озорникъ*—вотъ, кажется, и всѣ произведенiя этого до крайности любопытнаго писателя. А г. Горькiй писатель, безспорно, не только просто любопытный, но и любопытнѣйшiй. Уже два года тому назадъ мы отмѣтили его первое произведенiе: *Челкашъ,* какъ предвѣстника введенiя въ салоны россiйской беллетристики новыхъ общественныхъ слоевъ, какъ знаменитые „пьяницы" Успенскаго въ свое время были тоже представителями новыхъ слоевъ. Но вышеупомянутыхъ „пьяницъ" никоимъ образомъ нельзя смѣшивать съ этими новыми героями г. Горькаго. Тѣ были продуктомъ разложенiя стараго крѣпостного строя; эти—продукты зарождающагося новаго общественнаго строя. Тѣ были голодные мелкiе ремесленники и фабричные; эти—какъ продуктъ разложенiя деревни, безработные люди, раклы, коты, босяки, вообще тѣ самые обезкураженные, которые, утративъ всякое мѣсто въ соцiальной организацiи, вытѣсненные изъ этой организацiи за ея предѣлы процессомъ дифференцированiя, каждодневно занимаются воровствомъ и грабежами, или печально умираютъ отъ голода и холода. Тѣ занимали довольно опредѣленное мѣсто въ природѣ, а эти, хотя тоже какъ будто занимаютъ мѣсто въ природѣ, и даже въ силу условiй самаго совершающагося процесса, породившаго ихъ, занимаютъ мѣсто огромное, но какое именно—этого опредѣлить прямо-таки невозможно. Можно даже сказать,—и авторъ, какъ сейчасъ увидимъ, и склоненъ сказать это,—что они обречены на вымиранiе, какъ какiе-то зубры что ли. Хотя зубры, вѣдь, пережитокъ, а это совсѣмъ новенькое, свѣже-испеченное природой и жизнью явленiе.

Помимо интереса, какой всегда возбуждается всякимъ новаторствомъ—а г. Горькiй, какъ мы сказали, новаторъ по изображаемымъ имъ типамъ—онъ интересенъ и самъ по себѣ, какъ писатель. Нѣсколько грубоватая натура, рѣзкая, мятущаяся и неуравновѣшенная (хотя рѣзкость и смягчается нѣсколько какой-то скрытою сантиментальностью, которая слышится въ тонѣ разсказовъ, какой-то тайною слезой, которая нѣтъ-нѣтъ да и блеснетъ на суровой физiономiи разсказчика), но при этомъ всегда сильная. Люди слабонервные, желающiе отъ беллетристическаго произведенiя мягкихъ, радостныхъ и красивыхъ эмоцiй, не найдутъ такихъ въ произведенiяхъ г. Горькаго. Онъ, несмотря на юморъ, несмотря на желчность сатиры—и часто благодаря имъ—мраченъ и неумолимъ. Онъ по натурѣ,—мы, конечно, говоримъ о художественной его натурѣ—настоящiй бытописатель жизни обезкураженныхъ. Онъ не только болѣетъ за нихъ, какъ болѣли за нихъ и ихъ отцовъ въ процессѣ начинавшагося дифференцированiя—Левитовъ, Успенскiй и Каронинъ; онъ самъ кость отъ костей ихъ, плоть отъ ихъ плоти. Онъ, повиди-

мому, и чувствуетъ, и думаетъ вмѣстѣ съ ними, ихъ умомъ и ихъ сердцемъ. Онъ настоящій человѣкъ этого новаго диковиннаго „пятаго сословія“ и, можетъ быть, именно поэтому онъ и представляетъ явленіе, пропущенное нашей критикой, до сихъ поръ малозаинтересованной этимъ пятымъ сословіемъ.

Было бы неосновательно утверждать, что г. Горькій не имѣлъ предшественниковъ въ избранной имъ работѣ изображенія людей пятаго сословія. Всякое литературное явленіе имѣетъ непремѣнно связи съ предшествующими явленіями; и несомнѣнно, что и г. Горькій непосредственно примыкаетъ къ вышепоименованнымъ нами беллетристамъ. Но разница его отъ нихъ та, что тѣ только намѣчали типы обезкураженныхъ, только что появлявшихся въ то время, да и смотрѣли-то они на нихъ какъ-то со стороны, жалѣючи ихъ и плача надъ ними,— таково въ особенности было свойство творчества старѣйшаго изъ нихъ, Левитова. Даже и такой глубокій и такой проникновенный писатель, какъ Успенскій, такъ мучительно искавшій сущности, нутра новаго явленія, не могъ, собственно говоря, проникнуть дальше его внѣшняго изображенія. Совсѣмъ не то г. Горькій; ему плакать и жалѣть не приходится—некогда, потому что онъ самъ стоитъ, такъ сказать, посрединѣ своихъ типовъ обезкураженныхъ и, какъ сказано, думаетъ ихъ умомъ, чувствуетъ ихъ сердцемъ.

И страшныя это думы, и ужасныя это чувства!... Г. Горькій также, какъ и его герои, пессимистъ, и пессимизмъ его не книжный, не философскій, а прямо жизненный, пессимизмъ отчаянія, пессимизмъ людей обезкураженныхъ, которымъ въ природѣ, въ предѣлахъ существующей общественной организаціи нѣтъ мѣста... Изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ онъ всего ближе стоитъ къ Каронину. Но у Каронина, несмотря на его пониманіе мрачнаго исхода стремленія „снизу вверхъ“, несмотря на его правдивое изображеніе людей, стоявшихъ „на границахъ человѣка“, все - таки есть „мой міръ“, куда онъ, испугавшись страшнаго жизненнаго явленія, могъ укрыться отъ него, есть своего рода царство „нигдѣ“. У г. Горькаго ничего подобнаго, повидимому, не имѣется. Въ первомъ разсказѣ г. Горькаго, *Челкашъ*, правда, еще проглядываетъ что-то такое, напоминающее о просвѣтѣ. Его портовый воръ Челкашъ въ порывѣ идеалистическаго одушевленія разсуждаетъ такъ: „главное въ крестьянской жизни, братъ, это—свобода. Хозяинъ ты есть самъ себѣ. У тебя твой домъ,—грошъ ему цѣна, да онъ твой. У тебя земля своя, — всего-то ея горсть, да она твоя. Король ты на своей землѣ“... Тутъ какъ будто имѣется указаніе на выходъ изъ положенія обезкураженныхъ. Но авторъ и тогда довольно злорадно разрушаетъ иллюзію какъ самого Челкаша, такъ и заинтересованнаго имъ читателя замѣчаніемъ, что онъ, Челкашъ, вспомнилъ о крестьянскихъ правахъ и преимуществахъ и запамятовалъ объ обязанностяхъ, и рисуя этого короля-землероба ползучимъ червемъ, подлою собакой, жаднымъ рабомъ. Въ *Коноваловѣ* авторъ пошелъ еще дальше въ своемъ безотрадномъ, такъ сказать, нутряномъ пессимизмѣ. Босякъ-галахъ Коноваловъ прямо утверждаетъ, что „жизнь у него безъ всякаго оправданія, потому внутренняго пути у него нѣтъ“. „Я на особой стезѣ,— продолжаетъ этотъ философъ босячества.—И не одинъ я, много насъ этакихъ (припомните, читатель, слово англійскаго акта: „удивительное множество народа“). Особливые мы будемъ люди—и ни въ какой порядокъ не включаемся. Особый намъ и счетъ нуженъ... и законы особые... чтобы насъ искоренять изъ жизни. Потому пользы отъ насъ

нѣтъ, а мѣсто мы въ ней занимаемъ, и у другихъ на тропѣ стоимъ". И далѣе: „Не доля мнѣ жить на свѣтѣ... Несчастный, этакій ядовитый духъ отъ меня исходитъ... И какъ я близко къ человѣку подойду, такъ сейчасъ онъ отъ меня и заражается... Тлѣющій я человѣкъ!"

Трудно представить себѣ что-либо болѣе безотрадное, какъ такое самоуничтоженіе Коновалова, этого философа русскаго босячества. И именно русскаго—это мы подчеркиваемъ. Никакой другой босякъ въ мірѣ, ни англійскій, ни французскій, не можетъ дойти до такого самоотрицанія и самоуничтоженія именно потому, что для него все же есть выходъ, какой-никакой, въ общественной активности. Для Коновалова такого выхода нѣтъ. Онъ и самъ существо пассивное по преимуществу, да и выславшее его за свои предѣлы общество тоже пассивно. Поэтому-то у него и нѣтъ выхода въ свѣтлое царство мечты, идеала. „Да, братъ, — говоритъ онъ товарищу, излагающему законы этого свѣтлаго царства, — очень нуженъ для жизни порядокъ поступковъ. Неужто ужъ такъ и нельзя выдумать этакій законъ, чтобы всѣ люди дѣйствовали какъ одинъ и всѣ другъ друга понимать могли?"... И когда товарищъ объясняетъ ему, что „порядокъ для жизни" и выдуманъ именно въ царствѣ идеала, и этотъ порядокъ „въ ясность людей приведетъ", Коноваловъ съ тоской отвѣчаетъ ему: „Тутъ не въ жизни дѣло, а въ человѣкѣ; ты его перестрой сначала... покажи ему ходы, а это что... выдумка одна"... И въ концѣ концовъ такой выводъ: „Нѣтъ для меня на землѣ ничего удобнаго. Не нашелъ я себѣ мѣста... и никуда не лѣзь; придетъ время, тебя и безъ твоей воли куда слѣдуетъ втянетъ и смолотитъ въ пыль... Лежи себѣ и молчи".

Такимъ образомъ, несмотря на новизну новаго общественнаго слоя, пятаго сословія, какъ мы его назвали, оно пришло къ тому же выводу, къ которому пришли и его старшіе братья, другія сословія,— къ грустной безнадежности, къ унылой резиньяціи. Мало того: оно на арену общественной жизни и выступило прямо съ такимъ конечнымъ выводомъ: „Лежи и молчи... придетъ время и смолотитъ тебя въ пыль". Такая резиньяція—чисто-русская черта, т.-е. черта общества по преимуществу пассивнаго. И вполнѣ понятно, что пятое сословіе выступаетъ на арену общественной жизни сразу съ такимъ настроеніемъ и отчаивается сразу въ своей будущности, полагая, что его просто слѣдуетъ „искоренить изъ жизни". Въ самомъ дѣлѣ, у его предшественниковъ, даже у крестьянства, если права и преимущества и оказались иллюзорными, то во всякомъ случаѣ отнюдь не иллюзорны ихъ обязанности. Тогда какъ у пятаго сословія не только не оказывается никакихъ правъ и преимуществъ, кромѣ права и преимущества печально умирать съ голода и холода, но нѣтъ и никакихъ обязанностей. Не удивительно, что въ небольшомъ, но замѣчательно рельефномъ по мрачности фона очеркѣ *Въ степи* г. Горькій приходитъ къ простому до обнаженности и къ мрачному до ужаса выводу: „всѣ мы подлецы!"

Все это предварительное разсужденіе о прежнихъ произведеніяхъ нашего автора мы считаемъ необходимымъ для болѣе яснаго пониманія его новаго разсказа *Озорникъ*. Озорникъ—это наборщикъ въ провинціальной газетѣ, прошедшій, какъ говорится, огонь и воду и вездѣ совершающій какія - нибудь, съ виду глупыя и безцѣльныя, мерзости людямъ. Онъ то у сосѣдей голубиную охоту выпуститъ и самъ смѣется надъ ними, то возьмется печь сложить и чертей въ нее засадитъ — и

опять-таки смѣется. Въ газетѣ же онъ устраиваетъ такую штуку: въ передовицѣ послѣ словъ „наше фабричное законодательство всегда служило для прессы предметомъ горячаго обсужденія“ вставляетъ отъ себя добавленіе: „т.-е. говоренья глупой ерунды и чепухи“. И опять-таки только посмѣивается надъ огорченнымъ редакторомъ. Что, подумаешь, за непонятный и удивительный чудакъ такой! — недоумѣваетъ читатель. А дѣло въ томъ, что этотъ озорникъ такой же обезкураженный, какъ и всѣ герои г. Горькаго. Онъ также, какъ и Коноваловъ, не имѣетъ въ себѣ какой-то штуки, которая дѣлаетъ другихъ людей пригодными для жизни... и потому злится. И тутъ опять-таки черта, отличающая русскаго обезкураженнаго отъ его европейскаго собрата. Онъ злится не на кого-либо и не на что-либо въ особенности, а злится вообще. Его озлобленіе безпредметное, такъ сказать, метафизическое. И потому самому, что оно метафизическое, оно пассивно и не приводитъ ни къ какому иному настроенію, кромѣ мрачной резиньяціи. Это, если можно такъ выразиться, безъидейное, неинтеллектуальное озлобленіе, которое заставляетъ Коновалова говорить: „чувствовать-то я чувствую, а понимать ничего не могу“. Николка Гвоздевъ (имя наборщика) оказывается товарищемъ юности не только редактора, но и разныхъ другихъ провинціальныхъ нотаблей. Одна и та же улица провинціальнаго городка—улица бѣдная и невѣжественная—выростила ихъ и вся разница обезкураженнаго та, что его товарищи учились и нашли свою точку, а онъ застрялъ на приходскомъ училищѣ и никакой точки не нашелъ. Это, конечно, только внѣшняя сторона явленія. А внутренняя сторона вотъ какая: „нашего брата иногда такое зло разбираетъ, что и виномъ не зальешь... Ну, въ такую вотъ пору и созорничаешь надъ кѣмъ-нибудь... Скорбитъ душа у меня, потому что обиду я чувствую себѣ... Скучно мнѣ жить, Митрій Павловичъ. Отъ своихъ товарищей рабочихъ отсталъ я какъ-то, совсѣмъ у меня другое направленіе мысли“. Кстати напомнимъ читателю, что обезкураженные вообще не могутъ считаться настоящими рабочими, хотя ихъ и „удивительное множество“. Они—пятое сословіе, и это слѣдуетъ всегда помнить, если мы хотимъ ясно представить себѣ это новое явленіе. Николка уже отстаетъ отъ рабочихъ и у него другое направленіе мысли; онъ, очевидно, есть кандидатъ на званіе обезкураженнаго. „Почему только,—продолжаетъ философствовать Николка,—человѣкъ на всю жизнь ребенкомъ не остается? Зачѣмъ? Потомъ вростаетъ въ землю. Озлится, озвѣрѣетъ... чепуха. Живетъ-живетъ и въ концѣ всей жизни одни пустяки“... „Развѣ въ этомъ человѣкъ (въ образованіи)? — съ горестнымъ недоумѣніемъ вопрошаетъ онъ своего бывшаго товарища редактора.—Въ душѣ онъ, въ чувствахъ къ ближнему. А какую я цѣну имѣю для васъ? Я для васъ пустое мѣсто... Живу я одинъ на свѣтѣ и всѣмъ людямъ очень надоѣлъ... Я чувствую обиду въ моемъ положеніи... Зачѣмъ точка зрѣнія? Не съ точки зрѣнія человѣкъ человѣку вниманіе оказывать долженъ, а по движенію сердца. Что такое точка зрѣнія? Я говорю про несправедливость жизни. Я забракованъ въ жизни. Ежели бы вы, ученые, не съ точекъ зрѣнія разсуждали, а какъ-нибудь иначе,—должны вы меня не забыть и извлечь вверхъ къ вамъ снизу, гдѣ я гнію въ невѣжествѣ и озлобленіи моихъ чувствъ... Вы, вѣдь, не настоящіе господа жизни, не дворяне... Съ тѣхъ нашему брату взятки гладки. Тѣ скажутъ: пшолъ къ чорту!—и пойдешь. Потому, они издревле аристократы, а вы потому аристократы, что грамматику знаете и прочее“.

Эту довольно длинную цитату, составляющую самую сущность новаго разсказа г. Горькаго, мы привели потому, что она даетъ читателю нѣкоторую возможность нѣсколько поглубже проникнуть въ душевныя потемки, облекающія фигуры обезкураженныхъ. Члены пятаго сословія, выступающіе на арену общественной жизни съ вполнѣ опустошенной отъ всяческихъ традицій душой, лишенные не только правъ и преимуществъ, но, что еще страшнѣе, лишенные и обязанностей, тѣмъ не менѣе остаются, конечно, людьми и на свое мрачное житейское поприще приносятъ единственное оставшееся у нихъ достояніе— свою человѣческую личность. Они преимущественно и дорожатъ именно этимъ достояніемъ. Потому и Челкашъ въ крестьянской жизни видитъ одно—ея свободу. Потому и Коноваловъ ищетъ „порядка жизни". Потому, наконецъ, и Николка Гвоздевъ ничего другого не требуетъ отъ людей, кромѣ вниманія къ своей человѣческой личности и, не находя его, „чувствуетъ обиду къ своей жизни".

Таково основное и „характерное свойство" удивительнаго множества обезкураженныхъ, по показанію ихъ лѣтописца. И не представляется ли вамъ, читатель, что, несмотря на душевную обнаженность членовъ пятаго сословія, несмотря на полную оголтѣлость его мышленія по отношенію къ традиціямъ и его сердца по отношенію къ привычнымъ человѣческимъ чувствованіямъ, несмотря даже на его мрачную резиньяцію и пессимизмъ, обусловленные его собственной и общественной пассивностью, именно такое, повидимому, первоначальное, а на самомъ дѣлѣ стоящее въ концѣ длинной эволюціи свойство, какъ вниманіе къ своей человѣческой личности, дѣлаетъ этихъ яко бы подлежащихъ устраненію изъ жизни обезкураженныхъ людей прогрессивнымъ общественнымъ элементомъ?...

Озорникъ есть, какъ сказано, не настоящій еще обезкураженный, хотя онъ и отсталъ уже отъ своихъ братьевъ рабочихъ, а только кандидатъ на сіе званіе. Потому мы и видимъ его происхожденіе и тѣ предварительныя стадіи, черезъ которыя проходитъ человѣкъ, чтобы стать обезкураженнымъ. Но это слѣдуетъ признать самой слабой стороной въ изображеніи г. Горькаго. Именно описаніе предварительныхъ стадій ему плохо удается. Помимо свойствъ авторскаго темперамента и формы его произведеній (краткій очеркъ), тутъ, вѣроятно, имѣютъ вліяніе какъ самая сущность описываемаго явленія, такъ и та точка зрѣнія, съ которой смотритъ на него авторъ. Для предшественниковъ нашего автора, для Успенскаго и Каронина, наприм., явленіе, разъ они на него наталкивались и оно обращало на себя ихъ вниманіе, имѣло значеніе, главнымъ образомъ, по его отношенію къ крестьянству, и имъ прежде всего хотѣлось поэтому такъ или иначе прослѣдить генезисъ явленія, объяснить его происхожденіе. Потому на первый планъ у нихъ выступали „мѣшки хлѣба", „возы соломы" и тому подобныя детали крестьянской жизни, — однимъ словомъ, экономическія основанія явленія. Процессъ образованія обезкураженныхъ имъ представлялся только что начинающимся, таковъ онъ и былъ въ дѣйствительности, и они гораздо болѣе чувствовали всю его соціальную важность, чѣмъ понимали и оцѣнивали ее. Для г. Горькаго процессъ представляется не то чтобы завершеннымъ, но во всякомъ случаѣ продвинувшимся настолько далеко, что обезкураженные для него уже довлѣютъ себѣ и могутъ быть разсматриваемы безъ всякаго отношенія къ крестьянству, общей матери и прародительницѣ всѣхъ экономическихъ и соціальныхъ явленій русской дѣйствительности. Потому

для него важна психологическая сторона явленія—даже важнѣе, чѣмъ экономическая его сторона. Законность подобной точки зрѣнія на явленіе для художника не подлежитъ сомнѣнію, хотя для читателя она можетъ возбудить рядъ недоумѣній по вопросу, откуда взялись всѣ эти Челкаши, „студенты", босяки, Коноваловы и пр.,—и какую эволюцію настроеній и фактическихъ бѣдствій прошли они прежде, чѣмъ сдѣлаться обезкураженными, печально умирающими отъ голода и холода". Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, читатель согласиться съ объясненіемъ самого голаха Коновалова, что мать родила его на свѣтъ безъ одной такой штуки, которая у всѣхъ другихъ людей есть и дѣлаетъ этихъ другихъ пригодными къ существованію, а его обрекаетъ будто бы на искорененіе изъ жизни? Такое объясненіе онъ признаетъ только одной изъ характерныхъ особенностей психической жизни голаховъ, а никакъ не дѣйствительнымъ объясненіемъ явленія, и попытается искать этого объясненія самъ и въ другихъ мѣстахъ, потому что художникъ и не хочетъ и не можетъ, руководясь своей точкой зрѣнія, дать его.

Нѣкоторые намеки на такое объясненіе мы находимъ, напримѣръ, въ маленькомъ очеркѣ г. Боронина: *На задворкахъ фабрики* (*Русское Богатство*). Авторъ очерка, имѣющаго подзаголовокъ: „изъ записокъ русскаго агронома", описываетъ вліяніе, производимое на русскую деревню сосѣдней образцовой фабрикой нѣкоего Гарусова, изъ тѣхъ благонамѣренныхъ и сочувствующихъ коммерсантовъ, которые „такъ удобно совмѣщаютъ въ своей особѣ и въ своей жизни и благодушіе и свинство, и послѣднія слова науки и еще чортъ знаетъ что". Такъ вотъ, фабрика, крупная, въ которой было болѣе четырехъ тысячъ народа, такого благодушнаго капиталиста, не только хваставшагося тѣмъ, что онъ образовалъ школу русскихъ техниковъ, но и заводившаго образцовыя школы для своихъ рабочихъ и даже помогавшаго молодымъ людямъ заканчивать образованіе, вполнѣ и окончательно дезорганизировала деревню. Большинство рабочихъ,—разсказываетъ г. Боронинъ,—были мѣстные, изъ окружныхъ селеній; но только самая малая часть ихъ, жившая за фабричной чертой, приходили на работы изъ домовъ, а всѣ остальные жили на фабрикѣ. Значительная доля ихъ уже принадлежала къ коренному населенію фабрики. Весь этотъ людъ когда-то принадлежалъ къ дѣйствительному крестьянству, когда-то онъ имѣлъ кусокъ земли и свою избу; но теперь все это провалилось въ какую-то пропасть. Часть изъ нихъ переписывалась обыкновенно въ мѣщанство, чтобъ избавиться отъ платежей за несуществующую для нихъ фактически землю, а остальные, номинально числящіеся крестьянами, въ сущности были представителями настоящаго, самой чистѣйшей пробы, отечественнаго пролетаріата, несравненно болѣе замореннаго и обездоленнаго, чѣмъ на Западѣ. И вотъ, одинъ молодой фабричный, изъ развитыхъ, и которому впослѣдствіи даже удается при помощи благонамѣреннаго фабриканта поступить въ техническое училище, правда, послѣ того уже, какъ онъ, начиная съ десятилѣтняго возраста, лѣтъ пятнадцать проработалъ на фабрикѣ и нажилъ злую чахотку, сообщаетъ кое-что автору о психологіи этого чистѣйшей пробы отечественнаго пролетаріата. „Очень мнѣ понравилась исторія, да вотъ еще математика. Какъ со смѣны придешь, бывало, все больше читаешь, да задачи дѣлаешь. Только очень трудно, неспособно учиться-то въ казармѣ. Въ ушахъ шумъ да гулъ идетъ отъ машины, да отъ станковъ; голова болитъ, першитъ отъ пыли бумажной, а грудь такъ

и ноетъ. А тутъ еще насмѣхаются, пьяныя пѣсни орутъ, ругаются. Шумъ, гомонъ стоитъ. И такая-то тоска нападетъ, что и разсказать невозможно. Пробовалъ я и Богу молиться. Да, нѣтъ. Когда и гдѣ нашему брату молиться-то? А тутъ устанешь, какъ собака, или въ головѣ невѣсть что. Какое тутъ богомолье? Фабрика этого не любитъ. Какой у насъ на фабрикѣ народъ есть отчаянный... Страшный народъ! Особенно одинъ... Идетъ онъ, примѣрно, по улицѣ... и не пьяный. Встрѣтится съ нимъ кто не въ добрый часъ—расшибетъ. Такому человѣку ужъ и не говори ничего, иди скорѣй мимо, потому страшный онъ... А вѣдь какой товарищъ хорошій... умретъ не выдастъ. Только ужъ, значитъ, злоба-то больно кипитъ въ немъ"... Въ этомъ простомъ разсказѣ фабричнаго читатель можетъ усмотрѣть начало процесса образованія обезкураженныхъ. Оно еще больше иллюстрируется словами тѣхъ стариковъ, которые еще остались въ деревнѣ. „Молодые-то, дѣти,—говорятъ они,—уйдутъ на фабрику, такъ и забудутъ, ровно насъ и на свѣтѣ нѣтъ. Да еще норовятъ на тебя же и ребятишекъ спихнуть. Народятъ тамъ. Ходи, молъ, старики, вамъ дѣлать-то дома нечего... Бываетъ и того хуже: пропьется тамъ на фабрикѣ-то, выгонятъ его... онъ въ одниxъ порткахъ къ намъ и жалуетъ, съ голоднымъ-то брюхомъ; да и лодырничаетъ, лежа на печи, а за соху-то ужъ забылъ какъ и взяться"... Обезкураженный готовъ—и вотъ онъ начинаетъ искать своей точки. Приходитъ на ферму къ разсказчику дама въ дипломатѣ и съ зонтикомъ и проситъ работы на огородѣ или на сѣнокосѣ... И понятно съ перваго же дня исчезаетъ, съ негодованіемъ заявляя, что на этой каторжной работѣ всѣ рученьки обломала. Или „предстанетъ такой субъектъ: ростъ богатырскій, съ виду молодецъ, но костюмъ очень легкій—рубаха еле на плечахъ держится, штанишки чуть колѣна прикрываютъ, или же въ пиджакѣ на голомъ тѣлѣ. При такомъ субъектѣ подобная же дама въ какой-нибудь отчаянной кофточкѣ". Это уже характерный „котъ" или босякъ. Такой субъектъ раза два махнулъ косой, конецъ въ землю уткнулъ и сломалъ. „Нѣтъ, говоритъ, братцы, скучная и пустая это работа, да и тошно что-то". И признавшись, что по карманамъ лазить много легче, субъектъ медленно и непремѣнно „съ сознаніемъ собственнаго достоинства" удаляется... Это настоящій отбросъ фабрики, одинъ изъ того множества народа, которые „столь обезкуражены нищетой, что каждодневно занимаются воровствомъ и грабежами"... А вотъ и другой отбросъ изъ тѣхъ, которые „печально умираютъ". Приходитъ проситься на ферму настоящій мужикъ, съ блѣдносинимъ, изможденнымъ лицомъ, проработавшій на фабрикѣ въ такъ называемой „спиртовой" и отзывающійся объ этой работѣ однимъ словомъ: „смерть!" „Ты посмотри, — говоритъ онъ, — что сдѣлала со мной фабрика-то. Кашель ужъ очень душитъ, — продолжаетъ онъ.—Спать не даетъ и отъ пищи отбило"... Шипунова ферма спасла; но обыкновенно-то такихъ спасать бываетъ некому и они попадаютъ въ громадную армію безработныхъ, гдѣ и умираютъ печально, какъ сказано выше. Несмотря на такія перспективы, молодые парни идутъ да идутъ себѣ на фабрику. „Неопытная и неискушенная, еще непосредственная деревня,—разсказываетъ г. Боронинъ,—все оглядывалась въ сторону дымныхъ корпусовъ, откуда бѣжали другіе. Ихъ манила къ себѣ „цивилизація", съ ея мнимо-высокимъ заработкомъ, съ ея шумомъ, чадомъ и весельемъ... но много-много черезъ годъ или полтора тѣ же парни, прежде добрые и цвѣтущіе, а теперь желтые,

истомленные и съ подозрительнымъ кашлемъ, просили принять ихъ для поправки на ферму... Будь она проклята, фабрика эта!—говорили они.

Великая мастерская, порождающая котовъ, ракловъ, босяковъ и всякаго иного наименованія безработныхъ, вопреки всѣмъ воплямъ противъ фабричной цивилизаціи, продолжаетъ свое дѣло разрушенія и, разумѣется, не этимъ воплямъ остановить мучительный процессъ. Надо слишкомъ мало уважать вотъ этихъ самыхъ влекомыхъ на фабрику „добрыхъ и цвѣтущихъ парней", чтобы объяснять ихъ влеченіе одной только непосредственностью, неискушенностью ихъ и тѣмъ, что фабрика манитъ ихъ своимъ чадомъ и шумомъ. Народники барскаго типа, придумавшіе такія объясненія сложнаго общественнаго процесса, дѣйствительно слишкомъ мало уважаютъ тотъ самый народъ, за интересы котораго они, повидимому, распинаются. Нѣтъ, не своей мнимой цивилизаціей манитъ фабрика парней, дѣтей деревни, а чѣмъ-то инымъ, что, повидимому по крайней мѣрѣ, есть на фабрикѣ и чего, несомнѣнно, нѣтъ въ деревнѣ. Это—то самое личное достоинство, сознаніе своей человѣческой личности, которое даже такихъ обезкураженныхъ, какъ наши босяки, дѣлаетъ, можетъ быть, элементомъ прогрессивнымъ, факторомъ не общественнаго вымиранья, а общественной реформы. Авторъ указываетъ, что немногіе, очень немногіе изъ крестьянъ завели себѣ лошадей, вывозятъ отбросы фабрики на свои земли, удобрили свои безплодные пески и богатѣютъ. Такіе крестьяне не посылаютъ, конечно, своихъ парней на фабрику; изъ ихъ среды, конечно, не выходятъ „коты". Вся деревня могла бы стать въ такое же положеніе, какъ и эти счастливцы, если бы... Въ это „если бы", конечно, вмѣщается множество явленій... и, главнымъ образомъ, явленій экономическихъ; но въ него вмѣщается и явленіе чисто-соціальное—присутствіе или отсутствіе той свободы крестьянина, о которой мечтаетъ Челкашъ, того вниманія къ человѣческой личности, котораго страстно и безнадежно ищутъ Коноваловы и Николки Гвоздевы. До тѣхъ поръ, пока это соціальное явленіе будетъ отсутствовать въ деревнѣ, фабрика будетъ манить къ себѣ „добрыхъ и цвѣтущихъ парней" и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ продолжать свое дѣло разрушенія. Совершающійся процессъ дифференцированія деревни есть процессъ двусторонній. Съ одной стороны, онъ выкидываетъ изъ деревни массы бездомовыхъ и безлошадныхъ, превращая ихъ въ безработныхъ, а съ другой—онъ создаетъ значительныя группы сильныхъ домохозяевъ, своего рода „собирателей земли русской". Такъ по крайней мѣрѣ выходитъ по теоріи. Г. Пѣшехоновъ въ своей интересной статьѣ: *Къ вопросу о роли собирателей земли въ русскомъ земледѣльческомъ производствѣ* знакомитъ насъ съ другой стороны предполагаемаго процесса. Мы говоримъ, предполагаемаго, потому что достовѣрно еще неизвѣстно, согласуется ли вышеупомянутая теорія съ подлинной дѣйствительностью. „Люди, считающіе капитализацію земледѣльческаго производства неизбѣжной, находятъ устраненіе отъ него двухъ доселѣ важнѣйшихъ группъ производителей, т.-е. крестьянства и помѣстнаго дворянства, вполнѣ естественнымъ", говоритъ авторъ. Кто же долженъ явиться на смѣну этимъ двумъ группамъ? Больше шансовъ имѣютъ, кажется, надежды на мужичка—собирателя земли Эти надежды опираются, главнымъ образомъ, на неоднородность крестьянской массы. Многіе склонны видѣть въ этой неоднородности результатъ неизбѣжной экономической дифференціаціи, которая должна съ одной стороны освободить рабочаго отъ средствъ производства, а съ другой—сосредоточить послѣднія въ силь-

ныхъ рукахъ представителей капитала. Съ этой точки зрѣнія увеличеніе безлошадныхъ и безхозяйныхъ дворовъ и несомнѣнное раззореніе крестьянской массы мыслится какъ одна сторона процесса, а другой стороной будетъ накопленіе капиталовъ. Хотя,—какъ замѣчаетъ авторъ,—отнюдь еще не доказано, что деревенскіе богатѣи выросли на почвѣ земледѣльческаго производства, а не на почвѣ ростовщичества, торговли и пр., и что они играютъ сколько-нибудь серьезную роль въ земледѣльческомъ производствѣ. Въ результатѣ этихъ двухъ процессовъ — разоренія съ одной стороны и накопленія съ другой— ожидается увеличеніе если не народнаго благосостоянія, то національнаго богатства, что, какъ извѣстно, далеко не одно и то же. Къ крайнему сожалѣнію, — замѣчаетъ г. Пѣшехоновъ, — насколько хорошо констатирована неоднородность крестьянской массы въ ея статикѣ, настолько же плохо она изучена въ ея динамикѣ. Мы не имѣемъ фактическихъ данныхъ для утвержденія, что въ области земледѣльческаго производства раззоренію массы сопутствуетъ обогащеніе хотя бы немногихъ. Мы не имѣемъ права утверждать, что хозяйственный мужичокъ есть явленіе новое въ нашей экономической жизни. Вѣроятно другое, противоположное предположеніе, что онъ есть только обломокъ бывшей общей зажиточности, по тѣмъ или другимъ причинамъ еще не захваченный общимъ раззореніемъ. Вѣроятно, что группа многоземельныхъ не только не увеличиваетъ средняго размѣра своего хозяйства, не только не собираетъ земли, а и сокращаетъ его. Вѣроятно, однимъ словомъ, что происходитъ не накопленіе богатства, а общее обѣднѣніе земледѣльческихъ производителей.

Все это пока только вѣроятно. Посмотримъ, что говоритъ дѣйствительность, къ которой обращаться тѣмъ необходимѣе, что нѣкоторые изъ приверженцевъ вышеупомянутой точки зрѣнія о благодѣтельности процесса въ свое время заявляли, что они не желаютъ заниматься теоріями. Ну, и мы не будемъ заниматься теоріей, а приведемъ цифры, доставляемыя намъ г. Пѣшехоновымъ.

Цифры эти приводятся авторомъ для двухъ уѣздовъ: Задонскаго въ 1886 г. и Орловскаго въ 1894 г. Въ Задонскомъ уѣздѣ крестьянскихъ хозяйствъ, имѣющихъ выше 25 десятинъ надѣльной земли, только 2,5%, а въ Орловскомъ—выше 20 дес. только 1,3%. Правда, всей земли, находящейся въ пользованіи этой группы, больше; но если исключить изъ этой всей земли столько, сколько у нихъ было бы, еслибъ вся земля была распредѣлена пропорціонально наличному числу душъ, то окажется лишней въ Задонскомъ уѣздѣ надѣльной земли 3%, а всей 4,2%, въ Орловскомъ 3,1%, а всей 4,2%, такъ что если и можно считать какую землю „собранной", то только эти 3—4%, а остальная не собрана, а лишь удержана. Далѣе семейный составъ многоземельной группы значительно больше, чѣмъ у остальныхъ. Такъ у беззземельныхъ на дворъ приходится отъ 3,2 до 4,1 души, а въ многоземельныхъ хозяйствахъ отъ 11 до 13,9 души; эта особенность,— замѣчаетъ г. Пѣшехоновъ,—часто игнорируется желающими видѣть въ многоземельныхъ дворахъ новое явленіе, а между тѣмъ она доказываетъ вѣроятность предположенія, что эти хозяйства являются остаткомъ прежнихъ экономическихъ формъ, а не предвѣстникомъ вновь зарождающихся. Далѣе: многоземельное хозяйство вовсе не отличается избыткомъ скота, по сравненію съ среднимъ хозяйствомъ. Въ среднемъ по уѣзду лошадей, напримѣръ, на 100 десятинъ приходится 11—13, а у многоземельныхъ только 8—9, такъ что приходится говорить объ

излишкѣ скота у малоземельныхъ. „Если экономически и технически,— замѣчаетъ по этому поводу нашъ авторъ,—болѣе совершенное хозяйство характеризуется большимъ участіемъ въ немъ постояннаго капитала, то многоземельное хозяйство ничуть не совершеннѣе малоземельнаго“. Отмѣченныя особенности многоземельныхъ хозяйствъ представляютъ общее явленіе; какіе бы уѣзды мы ни взяли, мы получимъ такія же цифры—вездѣ группа многоземельныхъ крестьянъ ничтожна по численности, вездѣ ею „собрано“ ничтожное количество земли, вездѣ по составу семей она не похожа на хозяйство капиталистическое, вездѣ скота относительно у ней меньше, чѣмъ у малоземельныхъ. Далѣе г. Пѣшехоновъ приводитъ соотвѣтствующія данныя по Калужской губерніи, какъ извѣстно, не земледѣльческой, а промысловой. Что же оказывается? Группа многоземельныхъ составляетъ всего 3% всего крестьянства; излишней, противъ причитающейся по разсчету на души, земли у ней 5,2%; душъ во дворѣ 11,8, противъ 6,6 въ среднемъ; и на сто десятинъ посѣва лошадей 24, противъ 35 въ среднемъ; т.-е. мы тутъ опять встрѣчаемъ всѣ вышеперечисленные признаки многоземельныхъ хозяйствъ. Далѣе оказывается, что площадь, занятая торговопромышленными растеніями, быстро уменьшается съ увеличеніемъ размѣровъ хозяйства. Многосѣющія хозяйства, стало быть, оказываются болѣе *натуральными*, отводящими для производства продуктовъ на рынокъ меньшую часть площади посѣва, чѣмъ малоземельныя. Многоземельныя хозяйства пользуются своей большей площадью для улучшенія питанія, а не для извлеченія денежнаго дохода; а малоземельныя не имѣютъ этой возможности. Потому-то въ малоземельныхъ хозяйствахъ растеніями, требующими цѣнныхъ почвъ, занято относительно больше земли, чѣмъ въ многоземельныхъ. Въ среднемъ десятина по арендной платѣ у малоземельныхъ стоитъ 6 р. 97 к., а у многоземельныхъ 6 р. 49 к., такъ что у малоземельныхъ земля производительнѣе. То же выходитъ и при сравненіи земель по урожайности: земля, находящаяся въ пользованіи малосѣющихъ, въ озимомъ полѣ гораздо производительнѣе, чѣмъ земля у многосѣющихъ; то же оказывается и по отношенію къ яровому полю. Вообще говоря, валовая доходность земли въ мелкихъ хозяйствахъ на 20% выше, чѣмъ въ крупныхъ. „Собиратели земли,—заключаетъ г. Пѣшехоновъ,—въ настоящее по крайней мѣрѣ время очень далеки отъ той исторической миссіи, которую имъ хотятъ навязать слишкомъ прозорливые насчетъ судебъ нашего народнаго хозяйства люди, сосредоточеніе земли въ ихъ рукахъ (если оно только дѣйствительно происходитъ) не обѣщаетъ увеличенія производительности народнаго труда и увеличенія національнаго богатства. Не они, должно быть, спасутъ наше земледѣльческое производство отъ грозящаго ему краха“.

Въ *Вѣстникѣ Европы* г. Слонимскій снова принимается за разоблаченіе теоріи Маркса. На сей разъ онъ хочетъ прослѣдить судьбу ученія знаменитаго экономиста въ русской литературѣ. Тема, безпорно, весьма интересная, потому что, въ самомъ дѣлѣ, какихъ только недоразумѣній ни возбуждала у насъ эта теорія, еслибъ за нее взялся кто-нибудь, а не г. Слонимскій, столь блистательно доказавшій свою способность не понимать того, что онъ читаетъ, и дѣлать невѣрныя цитаты изъ опровергаемыхъ имъ сочиненій (о семъ см. статью г. Ратнера въ *Русскомъ Богатствѣ*). Понятно, что при такихъ достоинствахъ г. Слонимскаго онъ можетъ дать читателю только рядъ наивностей, изрекаемыхъ имъ съ великолѣпнѣйшимъ видомъ побѣди-

теля. Гакъ было и въ его статьяхъ о Марксѣ; тоже встрѣтитъ читатель и въ его новой статьѣ: *Карлъ Марксъ въ русской литературѣ*. Вопреки очевидной и доказанной г. Слонимскому нелѣпости его утвержденія, будто Марксъ не признаетъ участія высшаго, психическаго или, лучше сказать, квалифицированнаго труда въ образованіи прибавочной стоимости, г. Слонимскій побѣдоносно повторяетъ возраженія въ этомъ смыслѣ г. Жуковскаго,—возраженія, въ свое время встрѣтившія надлежащій отпоръ отъ г. Михайловскаго,—и къ этимъ возраженіямъ прибавляетъ, свои отсебятины, вродѣ слѣдующей: „Книга *Капиталъ* есть товаръ, съ успѣхомъ продаваемый на книжномъ рынкѣ; умственный матеріалъ для этого товара, доставленный Марксомъ, столь же мало участвуетъ въ образованіи прибавочной стоимости, какъ трудъ устроителя и организатора фабрики и т. п. Самая книга, какъ товаръ, есть всецѣло плодъ труда наборщиковъ и типографщиковъ, которые, слѣдовательно, и создали всю прибыль". Таковы будто бы выводы изъ теоріи Маркса о прибавочной стоимости. „Вѣрные послѣдователи Маркса,—побѣдоносно изрекаетъ г. Слонимскій послѣ преподнесенія имъ читателю такой наивности,—должны непремѣнно согласиться съ этимъ выводомъ относительно прибыли, доставляемой *Капиталомъ*, и намъ было бы крайне любопытно видѣть, какъ они объяснили бы приведенный нами примѣръ безъ ущерба для научнаго авторитета доктрины Маркса..." Оно, конечно, любопытно; къ сожалѣнію, не только „вѣрные послѣдователи", но и всѣ вообще здравомыслящіе люди не объясняютъ такихъ странныхъ недоумѣній.

Въ виду такой побѣдоносности наивныхъ младенцевъ, намъ даже жаль, что г. Ратнеръ, такъ сказать, тратитъ на нихъ свой порохъ. Хотя его статья, какъ мы уже говорили, имѣетъ безспорную цѣнность сама по себѣ. Она, несомнѣнно, представляетъ лучшее въ нашей литературѣ изложеніе и объясненіе нѣкоторыхъ изъ основныхъ пунктовъ ученія Маркса и можетъ быть полезна для читателя именно какъ таковая, помимо его полемики съ г. Слонимскимъ. Въ послѣдней своей статьѣ г. Ратнеръ останавливаетъ вниманіе читателей на томъ фактѣ, что по вопросу о такъ называемомъ экономическомъ матеріализмѣ Марксъ, говоря его собственными словами, былъ не марксистъ (je ne suis pas Marxiste). Приведя уже раньше извѣстныя заявленія Маркса въ его письмѣ къ г. Михайловскому, г. Ратнеръ выписалъ всѣ мѣста изъ третьяго тома, доказывающія, что Марксъ въ этомъ вопросѣ, дѣйствительно, не былъ правовѣрнымъ марксистомъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ цитируемыхъ г. Ратнеромъ мѣстъ. Въ одномъ мѣстѣ, указывая съ полной энергіей на зависимость общественныхъ формъ отъ хозяйственной основы, Марксъ, однако, прибавляетъ слѣдующее: „Одинаковая хозяйственная основа, благодаря различнымъ эмпирическимъ обстоятельствамъ, естественнымъ условіямъ, расовымъ особенностямъ, историческимъ вліяніямъ, дѣйствующимъ извнѣ, можетъ проявляться въ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ и переходахъ, которые можно постичь только анализомъ такихъ эмпирически данныхъ обстоятельствъ". Далѣе, говоря о разрушительномъ дѣйствіи ростовщическаго капитала, Марксъ выражается такъ: „Насколько такой процессъ сосредоточенія денежныхъ капиталовъ разрушаетъ старые способы производства, какъ это происходило въ новѣйшее время въ Европѣ, и ставитъ ли онъ на его мѣсто капиталистическій способъ производства—это находится въ полной зависимости отъ степени историческаго развитія и отъ порож-

даемыхъ имъ условій...“ „какъ только ростовщикъ римскихъ патриціевъ вполнѣ разорилъ мелкаго крестьянина, этой формѣ наступилъ конецъ и мѣсто мелкокрестьянскаго хозяйства заняло рабовладѣльческое!“ А во второмъ томѣ онъ говоритъ: „При азіатскихъ формахъ ростовщичество можетъ длиться долго, не производя ничего, кромѣ хозяйственнаго упадка и политической испорченности. Только тогда и только тамъ, когда и гдѣ имѣются въ наличности остальныя условія капиталистическаго производства, ростовщичество является однимъ изъ средствъ образованія новаго способа производства“. Вотъ тебѣ и якобы неизбѣжная послѣдовательность экономическихъ фазисовъ! Далѣе, говоря о роли торговаго капитала, Марксъ замѣчаетъ: „Само по себѣ его развитіе недостаточно для содѣйствія переходу одного способа производства къ другому и для объясненія этого перехода...“ И далѣе: „Куда приводитъ такой процессъ разложенія, т.-е. какой новый способъ производства замѣститъ старый, это уже будетъ зависѣть не отъ торговли, а отъ *характера самаго стараго способа производства*“. Къ этому Марксъ прибавляетъ: „Препятствія, которыя ставитъ внутренняя крѣпость и расчлененіе докапиталистическихъ народныхъ способовъ производства разлагающему вліянію торговли, поразительно проявляются въ сношеніяхъ англичанъ съ Индіею и Китаемъ. *Широкимъ основаніемъ* при этомъ служитъ *соединеніе мелкаго земледѣлія и домашней промышленности*; къ этому въ Индіи присоединяется еще *форма сельскаго общиннаго землевладѣнія*“.

Мы не будемъ приводить цитатъ, доказывающихъ, что Марксъ не только ясно сознавалъ отличія земледѣльческаго производства отъ индустріальнаго и отличія вложенныхъ въ то или другое изъ производствъ капиталовъ, но и лучше всѣхъ другихъ современныхъ экономистовъ характеризировалъ и опредѣлилъ эти отличія. Объ этомъ намъ уже приходилось говорить на страницахъ нашего обозрѣнія. Ограничимся только указаніемъ на отношеніе Маркса къ переходнымъ формамъ производства, къ коопераціямъ и артелямъ.

Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: „кооперативныя фабрики самихъ рабочихъ представляютъ, въ предѣлахъ старыхъ формъ, первую брешь, хотя онѣ по своей дѣйствительной организаціи принуждены воспроизводить всѣ недостатки существующей системы. Но противоположность между капиталомъ и трудомъ въ нихъ утрачивается... Онѣ показываютъ, какимъ образомъ на извѣстной степени развитія производительныхъ силъ и соотвѣтственныхъ имъ формъ общественнаго производства изъ одного способа производства естественно развивается и вырабатывается новый способъ“. Еще опредѣленнѣе выражаются Энгельсъ и Кампфмейеръ. Первый говоритъ: „мы рѣшительно становимся на сторону малоземельнаго крестьянина, мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы сдѣлать болѣе сносной его судьбу, чтобъ облегчить ему переходъ къ товариществу“ (это, какъ видите, хотя бы и народнику впору)... „Мы можемъ только рекомендовать соединеніе владѣній для общественнаго производства, при которомъ все больше исчезаетъ эксплуатація наемнаго труда и подготовляется постепенное превращеніе въ равноправную и равнообязанную вѣтвь большого національнаго производительнаго союза“.

Второй говоритъ: „только въ томъ случаѣ могли бы мы спасти мелкихъ собственниковъ, еслибъ ихъ многочисленныя мелкія хозяйства соединили бы въ раціонально-руководимыя крупныя хозяйства. Это крупное сельское производство будетъ передано въ вѣдѣніе крестьян-

скимъ товариществамъ. Латифундіи превращаются обществомъ въ товарищеское производство“.

А у насъ „правовѣрные“ называютъ херсонскія артели Шульце-Деличевскою затѣей.

Изъ беллетристическихъ произведеній послѣднихъ журнальныхъ книжекъ заслуживаютъ вниманія только американскіе очерки г-жи Сомовой: *Послѣднее слово*. Очерки вообще написаны и живо, и красиво, такъ что положительно выдѣляются этими своими достоинствами среди обычнаго журнальнаго беллетристическаго балласта. Очень ярко выписаны уличныя сцены народнаго гулянья на Конэ-Айлэндъ. Передъ вашими глазами живьемъ стоитъ американская улица, отвратительная своимъ грубымъ цинизмомъ, своей безпринципностью, своей жадной погоней за деньгами и чисто-животными наслажденіями; толпа, лишенная всякихъ признаковъ эстетическаго чувства и въ сущности мало-культурная.. И вдругъ картина перемѣняется... вы переноситесь на „русскій балъ“. Тутъ вы наталкиваетесь на многія чрезвычайно лыбопытныя для насъ, русскихъ, особенности. „Радость тихой струйкой пробѣжала по сердцу Бунина,—разсказываетъ авторъ,—ему показалось, что изъ чужой страны, незнакомой и непонятной, онъ мгновенно перенесся туда, въ родную Москву, и неожиданно попалъ на студенческую вечеринку... Нѣкоторыя дѣвушки своими выразительными лицами и простотой наряда напоминали Бунину московскихъ курсистокъ. Въ ихъ обращеніи съ молодыми людьми чувствовалась та же товарищеская непринужденность, какъ между русскими студентами и курсистками... Бунинъ слышитъ знакомыя слова: народъ, интеллигенція, идеалы“!... Чтобы понять всю соль этой сцены, читатель долженъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что описываемая авторомъ толпа состоитъ почти цѣликомъ не изъ студентовъ и курсистокъ, даже не изъ великороссовъ, а... изъ евреевъ, и по преимуществу изъ евреевъ ремесленниковъ.

И вотъ передъ этими семитами запѣлъ русскій пѣвецъ. „Онъ пѣлъ о далекой родинѣ, о тоскѣ одиночества, о томъ, что онъ забытъ всѣми на чужой сторонѣ — и голосъ его дрожалъ отъ глубокаго и сдержаннаго чувства... И Бунинъ взглянулъ вокругъ на эту благоговѣйно притихшую толпу людей, у которыхъ никогда не было родины, которые всю жизнь ее ищутъ и не находятъ... Толпа не шелохнулась и, будто очарованная, ждала чего-то“... Пѣвецъ запѣлъ *Дубинушку*... „И вдругъ отовсюду, изъ боковой залы, съ хоръ, изъ рядовъ публики, сначала робко, потомъ сильнѣе раздался припѣвъ... Бунину казалось, что знакомый припѣвъ звучитъ такъ же сильно и энергично, какъ и тамъ, въ далекой Россіи, по Волгѣ, по деревнямъ, въ городахъ, всюду, гдѣ онъ помогаетъ горсти русскихъ людей поднимать страшныя тяжести и тянуть непосильную лямку“.

Итакъ, нашу родную русскую пѣсню, пѣсню нашего народа, пѣли семиты—тѣ самые Вейнштейны, евреи изъ Минска, которыхъ всю жизнь толкали ногой, какъ собакъ. Не даромъ нѣкто Ступинъ, уже настоящій русскій, чувствуетъ „удовлетвореніе при мысли, что если онъ умретъ тутъ, въ Нью-Йоркѣ, три тысячи евреевъ пойдутъ за его гробомъ“.

Въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній мы указывали на тотъ фактъ, что еврейская интеллигенція искренно стремится къ слiянію съ русской, что она дѣлитъ съ послѣдней ея идеалы, поскольку они отражаются въ русской литературѣ, что она также, какъ и русская интеллигенція, жаждетъ служенія русскому народу и что, въ концѣ-концовъ, не ея вина, если мы выбрасываемъ ее за бортъ общественной

жизни и отправляемъ за свѣтомъ знанія и культуры къ заграничнымъ учителямъ, тогда какъ она хотѣла бы учиться у насъ и вмѣстѣ съ нами. Этотъ фактъ мы назвали тогда трогательнымъ. Но тотъ фактъ, который описываетъ г-жа Сомова, еще болѣе трогательный. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, что эта толпа семитовъ, людей полуобразованныхъ, полукультурныхъ, на далекой чужбинѣ, лишенная родины, со страстнымъ порывомъ, съ болью истерзаннаго неудовлетворенною любовью сердца, обращаетъ свои взоры на милую страну, которая была, однако, для нихъ не матерью, а несправедливой и неразумной мачихой, давая имъ милліонъ терзаній. Такая минута, когда, повидимому, тяжелые и злые туманы, напущенные на умы и сердца русскаго общества черными бандами человѣконенавистничества, готовы разсѣяться, — въ такую минуту, когда мы готовы протянуть руку примиренія многострадальной націи, желающей слиться съ нами въ общей культурной работѣ, стремясь при этомъ только къ одному—къ сохраненію тѣхъ національныхъ особенностей, которыми одарила ихъ исторія, къ сохраненію своего языка, своей богатой литературы, своей болѣе прогрессивной культуры,—намъ кажется своевременнымъ напомнить о другомъ многострадальномъ народѣ, который тоже стремится соединиться съ нами въ пользованіи благами культуры, въ пользованіи гражданскими правами, предоставленными всѣмъ подданнымъ имперіи, который даже все болѣе и болѣе усвоиваетъ общерусскій литературный языкъ и хочетъ только сохранить свои старыя вѣрованія, не стремясь къ распространенію ихъ во внѣ и который, наконецъ, такъ горячо умѣетъ привязываться къ своей родинѣ. Такая великая и разноплеменная имперія, какъ Россія, только тогда и будетъ исполнять свою историческую миссію, когда она сумѣетъ гарантировать свободное и безобидное развитіе всѣмъ входящимъ въ ея составъ этническимъ и національнымъ группамъ въ одной обще-русской и въ то же время общечеловѣческой культурѣ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 августа по 1 сентября 1897 г.

Андресъ, Э. А. Недостатки рѣчи и борьба противъ нихъ въ семьѣ и школѣ. Кронштадтъ, 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Аноповъ, И. А. По вопросу о мѣрахъ къ наиболѣе быстрому, съ наименьшими затратами, распространенію въ нашемъ отечествѣ высшаго спеціальнаго образованія. Спб., 1897 г.

Архангельская, А. Г. Для чего доктора дѣлаютъ операціи и какая отъ того бываетъ польза больному. М., 1897 г. Ц. 5 к.

Бербенко, Кирилъ. Народното и индустриялното образование въ Русия и рускoто искуство. София, 1897 г.

Борисовъ, Н. И. Опытъ изученія конокрадства въ Херсонской губерніи. Херсонъ, 1897 г.

Боткинъ, Я. А. д-ръ медицины. Принципы психотерапіи. М., 1897 г. Ц. 30 к.

Верещагинъ, Сергѣй. Въ часы раздумья, стихотворенія. Спб., 1897 г. Ц. 80 к.

Ветнекъ, Евг. Краткій очеркъ миѳологіи грековъ и римлянъ для старшихъ классовъ. Ревель, 1897 г. Ц. 60 к.

Владиславлевъ, М. Учебникъ логики. М., 1897 г. Изд. 2-е. Ц. 60 к.

Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи. Подъ ред. И. П. Мержеевскаго. Спб., 1897 г.

Дмитріевъ, К. Объ удобреніи почвы известью. М., 1897 г. Ц. 10 к.

— Разведеніе кормовыхъ травъ на поляхъ. М., 1897 г. Ц. 20 к.

Для чтенія въ школахъ и дома. Народы и промыслы Россіи. М., 1897 г. Ц. 25 к.

Записки наукового товариства імени Шевченка, подъ ред. М. Грушевскаго, в. III Львів, 1897 г. у тому I 3 р. або 2 корони.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ). Для народа. Разсказы. Спб., 1897 г. Ц. 20 к.

Иваницкій-Василенко, К. Стихотворенія. М., 1897 г. Ц. 1 р.

Ивановъ, Ив. Писемскій. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Ингрэмъ, Джонъ-Нельсъ. Исторія политической экономіи, перев. А. Миклашевскаго. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Клоссовскій, А. Лѣтописи магнитной и метеорологической обсерваторіи Императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса, 1897 г.

— Метеорологическое обозрѣніе, труды метеорологической сѣти юго-запада Россіи въ 1896 г., вып. I Одесса, 1897 г.

Корольковъ, А. Л. Перемѣнные токи и трансформированіе ихъ. Спб., 1897 г. Ц. р. 40 коп.

Корытинъ, С. И. Систематическій курсъ коммерческой ариѳметики. Ч. I. Спб., 1897 г. Ц. 85 к.

Кошелевъ, Н. В. Взглядъ объ экономическомъ значеніи операціи наложенныхъ платежей по краткосрочному кредиту. Харьковъ, 1897 г. Ц. 50 к.

Котко, Н. Таблица для вычисленія площадей, въ масштабѣ въ 100 саж. въ дюймѣ, планиметромъ Амслера. Баку, 1897 г. Ц. 10 к.

Кукъ, В. Хозяинъ - птицеводъ. М., 1897 г. Ц. 45 к.

Лависсъ, Э. и Рамбо. Всеобщая исторія. Т. III, перев. Невѣдомскаго М., 1897 г. Ц. 3 р.

Матеріалы для характеристики современныхъ литературныхъ нравовъ. Симбирскъ, 1897 г.

Мендельсонъ. А. Л. д-ръ. Полюстрово, какъ курортъ и его лѣчебныя средства. Спб., 1897 г.

Мосальскій, В. кн. Овраги черноземной полосы Россіи. Спб., 1897 г.

Нансенъ, Фритьофъ. Среди льда и ночи. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1896 г. Полтава, 1897 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Общество попеченія о начальномъ образованіи въ Барнаулѣ, Томской губ. Отчетъ за 1896 г. Барнаулъ, 1897 г.

Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ Харьковѣ съ 1 января 1896 г. по 1 января 1897 г. Харьковъ, 1897 г.

Отчетъ о дѣятельности кіевскаго общества грамотности за 1896 г. Кіевъ, 1897 г.

Отчетъ о дѣятельности первой мужской воскресной школы за время отъ 9 февраля по 4 мая 1897 г. Кіевъ, 1897 г.

Отчетъ о дѣятельности орловской городской публичной библіотеки за 1896 годъ. Вятка, 1897 г.

Осадчій, Т. Образованные земледѣльцы въ Южной Руси. Кіевъ, 1897 г. Ц. 40 к.

Dr. F. Penzoldt и dr. R. Stintzing. Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Вып. XX, XXI, XVII. Спб., 1897 г.

Рейнгардтъ, А. Н. Исторія начальной школы въ Орловской губерніи. Очеркъ дѣятельности уѣздныхъ земствъ по народному образованію. Орелъ, 1897 г. Ц. 50 к.

Русскія книги, редакція С. А. Венгерова. Изд. Г. В. Юдина. Вып. XV. Спб., 1897 г.

Сборникъ въ память Александра Серафимовича Гацискаго. Нижній-Новгородъ, 1897 г.

— **Сборникъ** статистическихъ свѣдѣній и матеріаловъ по начальному народному образованію въ Орловской губерніи за 1894—5 учебный годъ. Орелъ, 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Святскій, Ив. Исторія электричества. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Тумскій, К. И. Лѣсные промыслы: живицы, сѣры, скипидара, канифоли и вара. М., 1897 г.

Туркестанъ. По дорогѣ къ Туркестану. Завоеваніе. Земледѣліе въ Туркестанѣ. Рисъ, хлопокъ и какъ ихъ воздѣлываютъ. М., 1897 г. Ц. 5 к.

Ферворнъ, М. Общая физіологія, основы ученія о жизни. Вып. I и II. Ц. каждаго вып. 2 р. М., 1897 г.

Ханъ-Аговъ, Л. Е. Очеркъ маслобойнаго производства. М., 1897 г. Ц. 15 к.

Шерминскій, Мих. Снипъ. Малорусскія сцены, разсказы и анекдоты. Кіевъ, 1897 г. Ц. 30 к.

Шмоллеръ, Густавъ. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ, пер. Е. Котляревской. М., 1897 г. Ц. 50 к.

Юровской, Николай. Идеалистъ. Романъ въ 3 част. М., 1897 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Ярошевская, М. Т. Первоначальная географія съ картинами. Содержаніе: краткое описаніе Россіи и свѣдѣнія изъ математической, физической и всеобщей географіи. М., 1897 г. Ц. 80 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 августа по 1 сентября 1897 г.

режденіемъ. На заказахъ всѣхъ вышеупомянутыхъ учрежденій магазинъ дѣлаетъ постоянную уступку **отъ 10 до 15 процентовъ**, въ зависимости отъ суммы заказа.

За болѣе подробными условіями **магазинъ** проситъ обращаться письменно.

е) Заказы гг. книгопродавцевъ исполняются на условіяхъ вычета обычныхъ 5% коммиссіонныхъ, по возможности въ день полученія заказа.

ж) При выпискѣ книгъ просятъ по возможности точно обозначать автора, названіе и цѣну книги, а также и родъ пересылки (почтой, черезъ транспорт. конт., жел. дор.). При отсутствіи въ требованіяхъ такихъ указаній магазинъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, выбирая то, что, по его мнѣнію, болѣе удобно въ интересахъ заказчика.

з) **Магазинъ также высылаетъ ноты, письменныя и учебныя принадлежности, физическіе аппараты для школъ, глобусы, волшебные фонари и картины къ нимъ, карты и проч.** При подобныхъ заказахъ просятъ обязательно прилагать задатокъ.

и) Всѣ поступающіе въ магазинъ заказы исполняются, въ очередномъ порядкѣ, **ни въ какомъ случаѣ не позже 3-хъ дней**, исключая заказовъ на иностранныя изданія и частью провинціальныя, которыя часто приходится пріобрѣтать на мѣстѣ ихъ изданія.

к) Такъ какъ магазинъ обращаетъ преимущественное вниманіе на аккуратное и быстрое исполненіе заказовъ иногороднихъ покупателей, то администрація магазина покорнѣйше проситъ о всякомъ промедленіи (исключая вышеуказанныхъ случаевъ: выписки книгъ изъ-за границы или другихъ городовъ) доводить немедленно до ея свѣдѣнія, для принятія своевременныхъ мѣръ къ устраненію подобныхъ недоразумѣній, причемъ магазинъ принимаетъ на свой счетъ убытки, происшедшіе отъ неаккуратности или недостаточно-добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу служащихъ магазина.

Библіотека „Русской Мысли".

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.
Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Альбовъ, М. Юбилей. Ц. 1 р.
Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к.
Немировичъ-Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.
Немировичъ-Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли".

(*подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева*).

Нассе, Э. и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта, М., 97 г., 192 стр. Ц. 60 к.

Пере, Б. Умственное воспитаніе ребенка. М., 97 г. Ц. 60 к.

Изданія находящ. на складѣ и др.

Айзлеръ, Р. Психологія. Одесса, 1897 г. Ц. 30 к.
Алферовъ, А. Д. Грибоѣдовъ и его пьеса. М., 97 г. Ц. 20 к.
Андерсенъ. Избранныя сказки. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
***Анурьевъ, С. І.** Домашній маляръ. Вологда, 1896 г. Ц. 15 к.
Аскархановъ, Н. Учебникъ для молод. солдата полевой артиллеріи. Изд. 4-е, испр. и доп. Спб., 1896 г. Ц. 35 коп.
— Учебникъ для молод. солдата пѣхоты. Изд. 3-е, испр. и допол. Спб., 1896 г. Ц. 35 к.
— Книжка для ратника. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.
Байронъ. Соч. 3 т. Ц. 10 р.
Бальдамжъ. Птицеводство. Перев. съ нѣм. иллюстр. изд. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.
Баранцевичъ, Е. М. Островъ Критъ и событія на немъ. М., 97 г. Ц. 50 к.
Бланъ, Л. О разводѣ. Одесса, 97 г. Ц. 15 к.
Библіотека экономистовъ: 1) Адамъ Смитъ; 2) Рикардо; 3) Мальтусъ; 4) Милль; 5) Юмъ и Бентамъ; 6) Кенэ; 7) Ж. Б. Сэ и Бастіа; 8) Сисмонди. Цѣна кажд. вып. 1 р.
Біографическая библіотека (Жизнь замѣчательныхъ людей). Изд. Павленкова. Всѣхъ вып. 180. Цѣна каждому 25 к.
Бокль, Г. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Перев. Буйницкаго (въ 2-хъ том.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Bouffier, H. Руководство рисованія пастелью для любителей. М., 1897 г. Ц. 50 к.
Бинэ. Введеніе въ экспериментальную психологію. Ц. 1 р. 25 к.
Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Ч. І. Ц. 3 р. 50 к. М., 1889 г. Ч. II. Ц. 3 р. 50 к. М., 1890 г. Ч. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1890 г.
Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Пер. М. Корсакъ. М., 1878 г. Ц. 5 р.
— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. М., 1880 г. Ц. 2 р.
— Паденіе язычества. Пер. подъ редак. и съ пред. М. С. Корелина. М., 1892 г. Ц. 4 р.
Бузольтъ, Георгъ, Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Бутковъ, А. Уголовные разсказы и повѣсти. М., 97 г. Ц. 1 р.
Бѣлинскій. Собр. соч. въ 4 т. Ц. 5 р.
Бэнъ. Наука воспитанія. Ц. 2 р. 75 к.
Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Перев. Э. Циммермана. М., 1876 г. 3 части. Ц. 7 р. 50 к.
Валы и приводы. М., 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.
Веберъ, К. К. Практическое руководство по лѣсопильному производству. Спб., 90 г. Ц. 1 р. 50 к.
Веберъ, М. Биржа и ея значеніе. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.
Веберъ, Р. д-ръ. Болѣзненная мнительность (ипохондрія). Общедоступн. описан. болѣзни, ея прич., ея лѣч. и ухода за больн. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.
Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. М., 1891 г. Ц. 3 р.
Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1,945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I,

ч. 1-я. М., 1873 г. Ч. 2-я. М., 1874 г.; Т. II, ч. 2-я. М., 1876 г. Т. III, ч. 1-я и 2-я. М., 1879 г. По 4 р. за каж. час.

Вербловскій, Г. Вопросы русскаго гражданскаго права и процесса. Ц. 2 руб. 50 к.

Верещагинъ, В. В. Наполеонъ I-й въ Россіи, М., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вернеръ, Карлъ д-ръ. Массажъ. Пер. съ 12-го нѣм. изд., съ 11 рисунк. Спб., 1898 г. Ц. 25 к.

Виноградовъ, П. Учебникъ всеобщей исторіи. 3 ч. Ц. 2 р. 40 к.

— Хрестоматія по исторіи среднихъ вѣковъ. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозовы, М. и Н. Изданія: Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Ц. 1 р. 50 к.

— Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Ц. 1 р. 50 к.

— Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Ц. 1 р. 50 к.

— Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозовъ, В. И. Очерки изъ русской исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

— Разсказы изъ русской исторіи. Вып. I. Ц. 40 к.; вып. II. Ц. 60 к.

Водовозовъ, Н. Экономическіе этюды. М., 97 г. Ц. 2 р.

Вольфсонъ, В. Д. Гигіена волосъ. Краткое наставл. къ сбереж. волосъ и предохран. ихъ отъ преждевр. выпад. и посѣдѣнія. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

Вопросъ о четырехъ нравственныхъ основаніяхъ предъ судомъ чести союза русскихъ писателей. Спб., 97 г. Ц. 30 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. Ц. 5 р. Т. II. Ц. 5 р. М., 1888 г.

— Романическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. М., 1891 г. Ц. 5 р.

Габричевскій, Г. Н. Бубонная чума. М., 97 г. Ц. 25 к.

Hausser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.

Гаггаръ, Ридеръ. Открытіе клада короля Соломона. Пер. съ англ. съ 26 рис., на вел. бум., въ роск. перепл. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

***Гаммондъ и Э. Би.** Электрическое освѣщеніе въ домашнемъ быту. М., 1897 г. Ц. 75 к.

***Гаспари, А.** Исторія итальянской литературы. Т. II-й. М., 1897 г. Ц. 3 р.

Гаршинъ. Собр. соч. въ 3 кн. Ц. 3 р.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Съ 4 нѣм. изд. 1892 г. Пер. Н. И. Ржондковскій подъ редак. проф. Моск. универ. Н. О. Нерсесова. Вып. I. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. II. Торговыя сдѣлки, ред. прив.-доц. Моск. унив. Гжакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Гельмгольцъ, Г. О сохраненіи энергіи. Спб. Ц. 15 к.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 порт.). М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Германъ, Ф. Л. д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.

— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Герудергъ, Г. Ф. Исторія Византіи. М., 1897 г. Ц. 4 р.

Герценъ. Общая физіологія души (2-е изд.), 1894 г. Ц. 75 к.

Гёте. Германъ и Доротея. Эпическая поэма. Пер. съ нѣм. Изд. Іогансона. К., 1897 г. Ц. 25 к.

Гёте. Фаустъ, ч. 1-я. М., 97 г. Ц. 1 руб. 25 к.

Гёфдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Культурно-исторіческая библіотека, № 1. Спб., 1885 г. Ц. 80 к.

— Англійскіе реформаторы. М., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Ч. I. Ц. 4 р. М., 83 г. Ч. II. Ц. 4 р. М., 83 г. Ч. III. Ц. 4 р. М., 84 г. Ч. IV. Ц. 3 р. 50 к. М., 84 г. Ч. V. Ц. 3 р. 50 к. М., 85 г. Ч. VI. Ц. 3 р. 50 к. М., 85 г. Ч. VII. Ц. 3 р. 50 к. М., 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Перев. М. Корсакъ. М., 1881 г. Ц. 4 р.

Глаголевъ, С. О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго. М., 94 г. Ц. 3 р. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государственныхъ учрежденій въ Англіи. Пер. подъ ред. С. А. Венгерова. М., 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.

Гоголь. Собр. соч. въ 5 т. Ц. 6 р.

Гончаровъ. Собр. соч. 9 т. Ц. 13 р. 50 к.

Гофманъ, Фр. Лазутчикъ. Пер. съ нѣм. иллюстр. изд. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Градовскій. Государственное право важнѣйшихъ Европ. державъ. Ц. 3 р.

Грибоѣдовъ. Собр. соч. Ц. 1 р.

Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изд.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Григоровичъ, Д. В. Собр. соч. 10 т. Ц. 15 р.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX в. Пер. подъ ред. Лучицкаго. Въ 4-хъ т., по 4 р. за каждый томъ.

Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р.

М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М., 1892 г.

Грэхэмъ. Ж. Ж. Руссо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.

— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.

Гурвичъ. Экономическое положеніе русской деревни. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гюйо, Ж. М. Избранныя мысли. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.

Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Ц. 2 р. 50 к.

Данилевскій, Н. Я. Душа и природа. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р.

Дарвинъ, Ч. Выраженіе душевныхъ волненій. Изд. съ 11 рис. 6 автотип. Спб., 1896 г. Ц 1 р. 40 к.

— Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Въ 2-хъ ч. Изд. д-ра философіи Филиппова. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Путешествіе на кораблѣ „Бигль". Изд. д-ра филос. Филиппова. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Достоевскій, Ѳ. М. Собраніе соч. 12 т. Ц. 10 р.

— Мужикъ Марей. Ц. 10 к

— Честный воръ. Ц. 10 к.

— Бѣдные люди. Ц. 15 к.

— Лѣтняя пора. Ц. 10 к.

— Вѣрующія бабы. Ц. 5 к.

— Записки изъ Мертваго дома. Ц. 2 р.

— Для дѣтей школьнаго возраста. Подъ ред. А. В. Круглова. Ц. 2 р.

Драгилевъ, Ст. Ф. Общій взглядъ на высшее право. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Дрейфусъ, Ф. Міровая и соціальная эволюція. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1893 г. Т. III. Пер. Циммермана. М., 1893 г. Ц. 4 р. 50 к.

Дюмурье, Жоржъ. Трильби. Ром. въ 8 ч. Пер. съ англ. Спб. 1897 г. Ц. 60 коп.

Дюфренъ, Жанъ. Руководство къ изученію шахматной игры. Перев. съ 6-го нѣмец. изд. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Елпатьевскій. Учебникъ по русской исторіи. Ц. 1 р. 30 к.

Жеденевъ, Н. Дѣти-работники. Разсказъ. Иллюстрован. изд. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.

— Крестьянскія дѣловыя и частныя бумаги (32 формы). Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

Жираръ, У. Улучшенная культура картофеля. М., 97 г. Ц. 20 к.

Жуковскій. Собраніе сочиненій. Въ 4 т. Ц. 5 р.

Жукъ, В. Н. Мать и дитя. Изд. 6-е. Спб., 1897 г. Ц. 3 р.

Забѣлинъ. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. М., 97 г. Ц. 1 р.

Зелинскій, В. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Ч. V. М., 1897 г. Ц. 1 р.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. М., 1897 г. Ц. 4 р. 50 к.

Зигертъ, В. Грѣхи юности. Одесса, 97 г. Ц. 30 к.

Золотаревъ, Л. А. Разведеніе подсолнечника. М., 97 г. Ц. 50 к.

— Когда и какъ нужно поливать сады и огороды. М., 96 г. Ц. 20 к.

Ибсенъ, Г. Сочиненія. Т. V.

***Ивановскій, В. Н.** Къ вопросу объ апперцепціи. М., 1897 г. Ц. 30 к.

Иванюковъ, И. И. Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.

— Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 р.

Ивинъ, А. Библіотека маленькаго читателя въ городѣ и деревнѣ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Иллюстр. изд. М., 1897 г. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 40 к.

Изданія историческаго общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ (годъ I). М., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Іерингъ. Борьба за право. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Іодль. Исторія этики въ новой философіи. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Карбе. Уничтоженіе сорныхъ травъ при помощи сѣвооборотовъ и культуры. М., 95 г. Ц. 20 к.

Каринскій, М. Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.

Карновичъ, Евг. На высотѣ и на долѣ. Историч. романъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Малтійскіе рыцари въ Россіи. Истор. ром. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

— Любовь и корона. Истор. ром. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Самозванныя дѣти. Истор. ром. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Кернъ, Э. Э. Овраги, ихъ закрѣпленіе. М., 1897 г. Ц. 75 к.

Кирхманъ, Ф. Философія. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кирхнеръ. Исторія философіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи,

читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
— Происхожденіе современной демократіи. 2 т. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к.
— Происхожденіе современной демократіи. Т. 3 и 4. Цѣна по 2 р.
Конторовичъ. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
Корелинъ, М. С. Итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. I и II. М., 1892 г. Цѣна за оба вып. 6 р.
— Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ Политехническ. музеѣ въ 1891—1892 гг. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
Коркуновъ. Русское государственное право. Т. I и II. Цѣна по 2 р. 50 к.
Кратцъ, Генрихъ. Воспитаніе души (Опытъ популярн. психологіи). Пер. съ нѣм. Спб., 1898 г. Ц. 30 к.
Кругловъ. Геніальный поморъ (изд. 2-е, съ 10 рисунками). М., 1897 г. Цѣна 25 к., въ папкѣ 35 к.
— Господа-крестьяне. Деревенскіе силуэты. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
Куно-Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ. Перев. съ нѣм. подъ редакц. Преображенскаго. Ц. 3 р.
Курціусъ, Эрнстъ. Т. II. Перев. А. Веселовскаго. М., 1883 г. Ц. 5 р. Т. II. Перев. М. Корсакъ. М., 1880 г. Ц. 4 р.
Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
Лависъ и Рамбо. Всеобщая исторія. Т. I. М., 1896 г. Ц. 3 р.
Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія. Т. III-й. М., 1897 г. Ц. 3 р.
Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Перев. П. Николаева. 3 т. Цѣна кажд. тома 4 р.
Лансонъ, Г. Исторія французской литературы, т. I-й. М., 97 г. Ц. 3 руб. 50 коп.
Леббокъ. Какъ надо жить. М., 97 г. Ц. 75 к.
Левитовъ. Собраніе сочиненій. Въ 2 т. Ц. 2 р. 50 к.
Легувэ. Чтеніе какъ искусство. Перев. съ 31-го фр. изд. Изд. 3-е. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
Лейбницъ, В. Г. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочин. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. М., 1890 г. Ц. 2 р.
Лермонтовъ. Собран. соч. Ц. 1 р.
Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Магаймъ. Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
Мало, Г. Безъ семьи. Спб., 97 года. Ц. 50 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Зарницы. М., 97 г. Ц. 75 к.
Марксъ, К. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. М., 1896 г. Ц. 1 р. 35 к.
Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Перев. М. Корсака. М., 1879 г. Ц. 2 р.
Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861 — 1862 гг. Т. I. М., 1890 г. Ц. 2 р.
Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Перев. В. Корша. М., 1880 г. Ц. 2 р. 75 к.
Маэль, П. Робинзонъ и Робинзона. Пер. съ франц., съ 52 рис. къ текстѣ, на велен. бумагѣ, въ роскош. перепл. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
Миллеръ, Дж. Нашимъ юношамъ дружескіе совѣты. Перев. съ англійск. Спб., 1897 г. Ц. 10 к.
— Молодымъ дѣвушкамъ дружескіе совѣты. Перев. съ англійск. Спб., 1897 г. Ц. 10 к.
Милль, Джонъ-Стюартъ. Автобіографія. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
— Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I и II. Ц. 2 р. 50 к.
Минто. Индуктивная и дедуктивная логика. Ц. 1 р. 75 к.
Михневичъ, В. Русская женщина XVIII столѣтія. Кіевъ, 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
Моминъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I. М., 1887 г. Ц. 6 р. Т. II и III. М., 1887 г. Ц. 7 р. Т. V. М., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
Мольеръ. Скупой. Ком. въ 5-ти дѣйст. Изд. Іогансона. Кіевъ, 1897 г. Ц. 25 к.
— Мѣщанинъ въ дворянствѣ. Ком. въ 5-ти дѣйст. Изд. Іогансона. Кіевъ, 1897 г. Ц. 25 к.
Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Перев. съ 4-го англійск. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
— Руссо. Перев. съ англійск. В. Н. Невѣдомскаго. М., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Дидро и энциклопедисты. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. М., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
Мюллеръ, Евгеній. Юность знаменитыхъ людей. Перев. съ франц. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
— Дѣвочка-Робинзонъ. Иллюстр. изд. 27 рисун. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Навиль. Что такое философія. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Найтингель, миссъ. Какъ нужно ухаживать за больными. Перев. съ 28-го англійск. изд. В. Д. Вольфсономъ. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Настольный энциклопедическій словарь, подъ редак. прив.-доц. С.-Петербургск. университета П. И. Вейнберга. Вып. I. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Начала ручного труда. Построенія—наклеиванія.

— Работы изъ картона и бумаги.

— Тканье изъ бумажныхъ полосокъ. Трафаретное вырѣзываніе изъ картона и бумаги.

— Складываніе и вырѣзываніе изъ бумаги. М., 1897 г. Цѣна кажд. вып. 40 к.

Нейсонъ, А. Практическое руководство къ постройкѣ лодокъ. М., 96 г. Ц. 80 к.

Некрасовъ. Собр. соч. 2 т. Ц. 5 р.

Никитинъ. Собр. соч. 2 т. Ц. 4 р.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Социологическій этюдъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Новгородцевъ, П. Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Новицкій, А. Передвижники и вліяніе ихъ на русское искусство. М., 97 года. Ц. 1 р.

„**Общедоступная** медицинская библіотека“, выпускаемая докторомъ М. Мильманомъ. Вып. I. Ученіе о заразныхъ болѣзняхъ. Одесса, 97 г. Ц. 20 к. Вып. II, О ревматизмѣ. Одесса, 97 г. Ц. 20 к.

Одарченко, К. Ф. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оппель, Карлъ, д-ръ. Чудеса древней страны пирамидъ. Перев. со 2-го нѣм. изд. Съ 182 рис. къ текстѣ. Спб., 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб., 1895 года. Ц. 1 р. 60 к.

Павловъ-Силиванскій, Н. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Спб., 97 г. Ц. 1 р. 50 к.

Павловъ, А П. Полвѣка въ исторіи науки объ ископаемыхъ организмахъ. М., 1897 г. Ц. 40 к.

Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Пергаментъ, О. Я. Галилео Галилей, его жизнь и научная дѣятельность. М., 1897 г. Ц. 25 к.

Перро, Шарль. Волшебныя сказки. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Петерсъ, д-ръ. Малокровіе. Гигіеническій уходъ, діэта и лѣченіе. Пер. съ нѣм. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Писаревъ. Собр. соч. въ 6 т. Ц. 6 р.

Писемскій. Собр. соч. 24 тома. Ц. 30 р.

Помяловскій. Собр. соч. Ц. 2 р. 75 к.

Потапенко. Собр. соч. 11 т. Ц. по 1 р. за каждый томъ.

Правила и программы для поступленія вольноопредѣляющимся и въ юнкерскія училища. Изд. исправленное по 10-е апрѣля 1897 г., подъ ред. Аскарханова. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

Пушкинъ. Собр. соч. Ц. 1 р. 50 к.

Рейсъ, К., д-ръ. Гигіена, діэта и лѣченіе желудка и кишекъ. Пер. съ нѣм. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.

— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Изслѣдованіе аффективной памяти. Переводъ съ франц. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Рибо, д-ръ. Психологія чувствъ, въ 2-хъ ч. Пер. съ франц. Изд. Іогансона. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р.

— Психологія вниманія. Перев. съ 3-го французск. изд. Изд. Іогансона. Кіевъ, 1897 г. Ц. 30 к.

Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Перев. Е. Корша. М., 1888 г. Ц. 2 р.

Рихтеръ, К. Гальваническое цинкованіе желѣза. М., 97 г. Ц. 50 к.

Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Русская азбука. Роскошное иллюстрированное изд. подъ редакц. Аскарханова. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Рѣшетниковъ. Собр. соч. въ 2 т. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ рисунковъ дамской и мужской обуви. М. Ц. 2 р.

Сборникъ рисунковъ разныхъ издѣлій изъ мѣди, бронзы, серебра, золота и пр. М. Ц. 3 р.

Сборникъ рисунковъ драпировокъ для оконъ, дверей и проч. и мягкой мебели, въ 2-хъ вып. цѣна каждаго 2 руб. Москва.

Сборникъ рисунковъ токарныхъ и рѣзныхъ работъ, въ 3-хъ вып. цѣна каждаго 2 р. М.
Сборникъ рисунковъ мягкой мебели. М. Ц. 1 р. 75 к.
Сборникъ рисунковъ экипажей, саней, платформъ, телѣжекъ и легковой и ломовой упряжи. М. Ц. 2 р.
Сборникъ рисунковъ ажурныхъ работъ и станковъ. М. Ц. 1 р.
Сборникъ рисунковъ кузнечныхъ работъ желѣзныхъ рѣшотокъ, воротъ, оградъ и пр., въ 3-хъ вып. М. Ц. каждаго вып. 1 р. 50 к.
Сборникъ совѣтовъ и рецептовъ по разнымъ ремесламъ. М., 95 г. Ц. 1 р.
Сборникъ рисунковъ мебели, столярныхъ и плотничныхъ издѣлій, въ 3-хъ вып. Цѣна каждаго 2 р. М.
Сёлли, Джемсъ. Основы общедоступной психологіи и ея примѣненія къ воспитанію. Изд. второе, исправл. и дополненн. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 35 к.
Скворцовъ, Ѳ. Руководство къ успѣшной рыбной ловлѣ. Изд. второе, съ 44 рисунк. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
Скуйе, Александръ. Рай земной. Очерки и разск. Ч. II-я. М., 1897 г. Ц. 40 к.
Соколовъ, А. П. Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ. Спб., 97 г. Ц.50 к.
Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Съ Поволжья. М., 97 г. Ц. 60 к.
Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 29 томовъ въ 6 книгахъ. Спб., 1895 г. Ц. 24 р.
Спенсеръ, Гербертъ. Начало соціологіи (Обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Основныя начала. Перев. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Воспитанія: умственное, нравственное и физическое. Ц. 85 к.
— Справедливость. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.
Стороженко, Н. И. Вольнодумецъ эпохи Возрожденія. М., 1897 г. Ц. 20 к.
Сюзевъ, А. Производство жестяныхъ работъ. М., 96 г. Ц. 1 р.
Тардъ, Г. Происхожденіе семьи и собственности. Перев. съ французск. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.
Тимирязевъ, К. Растеніе и солнечная энергія. М., 1897 г. Ц. 40 к.
Толстой, Л. Н. Собр. сочин. 14 т. Ц. 10 р.
Торнау. Историческій атласъ по русской исторіи. Ц. 1 р.
Топеліусъ, З. Сказки, пер. со шведскаго. Иллюстр. изд. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 30 к., въ перепл. 2 р. Изд. удешевленн. „Дешевая иллюстрир. библіотека“ 25 коп.
Трайль, Г. Д. Общественная жизнь Англіи, т. II-й. М., 97 г. Ц. 2 р. 50 к.
Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Новая исторія. Спб., 89 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Русская исторія, 2-е испр. изд. съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскраш. картинами, въ 2 част. Спб., 1895 г. Ц. 8 р., въ перепл. 9 руб. 60 к.
Трубецкой, Евгеній., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Ц. за оба тома 6 р.
— Учебникъ логики. Ц. 4 р. 35 к.
Тургеневъ, И. С. Собр. соч. 10 т. Ц. 15 р.
Уордъ, Г. Давидъ Гривъ. Спб., 97 года. Ц. 50 к.
Успенскій, Г. Собр. соч. въ 3-хъ т. Ц. 4 р. 50 к.
Урбаницкій, Альфредъ, д-ръ. Домашній электротехникъ. Иллюстрир. изд. съ 206 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
Файоръ, Ч. А. Исторія Европы XIX в. Т. III. Перев. подъ ред. Лучицкаго. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц 1 р.
Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Соф. Никитенко. М., 1877 г. Ц. 4 р.
Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.
Фонвизинъ. Собр. соч. Ц. 1 р.
Фриманъ, Эдуардъ. Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. М., 1893 г. Ц. 2 р.
— Опыты по исторіи англійской конституціи. Ц. 2 р.
Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Фюстель де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Целлеръ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Пер. съ нѣм. М. Некрасова, подъ ред. М. Каринскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
Чаннингъ, Э. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
Чичеринъ, Б. Н. Положительная фи-

зософія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
Курсъ государственной науки. Ч. I.
—Общее государственное право. М., 1894 г. Ц. 3 р.
— Ч II. Соціологія. М., 1896 г. Ц. 3 руб.
— Собственность и государство. Т. I-й. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II-й. М., 1883 г. Ц. 4 р.
— Очерки Англіи и Франціи. М., 1858 г. Ц. 1 р.
— Исторія политическихъ ученій. Части 2-я, 3-я и 4-я. Цѣна каждой части 3 руб.

Что это такое? Наглядное обученіе по картинкамъ, что мы видимъ дома, на дворѣ, въ лѣсу и въ полѣ. Иллюстрир. изд. для дѣтей съ 165 картинками, отпечатанн. краск., подъ ред. Аскарханова. Спб. Ц. 60 к.

Членовъ, Е. В. Глухонѣмые и ихъ обученіе въ Западной Европѣ и въ Россіи. М., 1897 г. Ц. 1 р.

Шекспиръ. Мысли и афоризмы. Изд. 2-е. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб., 1880 г. Ц. 2 р.
— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Эшли, Ч.-Дж. Экономическая исторія Англіи въ связи съ экономическою теоріей. М., 1897 г. Ц. 2 р. 75 к.

Элегантность женщинъ. Туалетъ, прическа, духи, красота лица. Пер. съ франц. Спб., 1898 г. Ц. 25 к.

Яновскій, А. П. Удобреніе фосфоритомъ. М., 95 г. Ц. 20 к.

Яцкевичъ, И. Альбомъ столярныхъ рисунковъ. М., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—4 ч. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

ПЕРЕПЛЁТНАЯ
А.П.ПЕТЦМАНЪ
МОСКВА

